ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Успенский Павел Сергеевич

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА VIII–XIII ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
Специальность 07.00.06 – археология

Научный руководитель –
д. и. н., профессор Г.Е. Афанасьев

Москва 2015

Оглавление

Введение……...…...3
Глава I. История изучения кремационных могильников Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. ...……...…..15
Глава II. Хронология погребений по обряду трупосожжения из могильников Северо-Западного Кавказа…….…....57
Глава III. Погребальный обряд…….…….…...125
Глава IV. Социальная стратификация населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных могильников VIII–XIII вв. ……..….203
Глава V. Население Северо-Западного Кавказа в свете письменных источников и археологических данных…….…...252
Заключение…….……..270
Список используемой литературы и источников…….……279
Приложение 1. Каталог памятников ……..…310
Приложение 2. Структура информационно-поисковой системы……..….314
Приложение 3. Код описания погребального обряда кремационных некрополей Северо-Западного Кавказа…….……321
Рисунки……..…332

Введение

Изучение погребальных памятников как одного из важнейших источников для реконструкции исторического облика бесписьменных народов является одной из важнейших задач современной археологии. Интерес археологов к погребальным памятникам обусловлен значительным количеством содержащейся в них информации, позволяющей вплотную подойти к решению задач реконструкции материальной и духовной культуры, физического облика населения и многих других составляющих жизни древнего общества.

Несмотря на довольно длительное изучение Северного Кавказа, как одного из самых сложных, в историко-культурном отношении региона, накопление значительного корпуса источников и наличие отдельных позитивных научных разработок, этническая история этого региона до сих пор остается недостаточно исследованной.

Северный Кавказ принято разделять на три больших субрегиона: Северо-Восточный, Центральный и Северо-Западный (Кузнецов, 1997. С. 153). Под Северо-Западным Кавказом понимается территория между побережьем Черного моря на западе и руслом р. Большая Лаба на востоке.

Настоящая работа представляет собой исследование могильников с захоронениями по обряду трупосожжения, распространенных на территории Северо-Западного Кавказа (рис. 1-3).

Актуальность выбранной темы исследования определяется несколькими составляющими. Во-первых, несмотря на более чем вековое изучение этих памятников отсутствует обобщающая работа по их изучению, а постоянное накопление новых материалов требует их должной культурно-исторической интерпретации с привлечением современных методов археологического исследования. Во-вторых, сложившиеся мнения относительно хронологии и этнической принадлежности населения,

оставившего кремационные некрополи, в настоящее время требуют пересмотра с привлечением всех новых данных. В-третьих, анализ рассматриваемых в работе археологических памятников позволит в определенной степени дополнить общую картину этнической истории Северного Кавказа и юга Восточной Европы в эпоху Средневековья.

Объектом исследования является население Северо-Западного Кавказа, практиковавшее погребальный обряд трупосожжения в VIII-XIII вв. Предмет исследования представляет собой комплекс памятников с захоронениями по обряду трупосожжения, являющихся одним из основных источников о жизни изучаемого населения.

Цель работы – обобщение и историческая интерпретация материалов могильников с кремационными погребениями Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв.

В работе последовательно решались следующие задачи:

1) составление базы данных по изучаемым памятникам;

2) изучение хронологической дифференциации исследуемых комплексов;

3) комплексный анализ погребального обряда, основанный на рассмотрении структуры некрополей от макро- до микроуровня – т. е. от планировки курганных и грунтовых кладбищ до размещения сопровождающего инвентаря в каждом отдельном комплексе;

4) исследование социальной структуры населения на основе данных погребального обряда;

5) сопоставление археологического материала с данными, содержащимися в средневековых нарративных источниках;

6) поиск на основе полученных результатов этномаркирующих признаков, важных для решения проблемы этнической принадлежности племен, оставивших рассматриваемые памятники.

Регионом исследования является часть Северо-Западного Кавказа, именуемая Закубаньем (рис. 2, 3). Несмотря на то, что с точки зрения физической географии территория Закубанья входит сразу в три зоны Северного Кавказа: подпровинцию низких равнин Западного Предкавказья, Северокавказскую провинцию и Западнаю высокогорную провинцию (Гвоздецкий, 1963. С. 68), ограниченная с севера и востока крупнейшей водной артерией региона – р. Кубань, а с юга – горным массивом Большого Кавказского хребта и побережьем Черного моря, территория Закубанья практически на всех этапах своей истории стояла особняком от основной части Предкавказья.

Северная часть этой территории равнинная, в южной располагается северо-западная часть Большого Кавказского хребта, в юго-восточном направлении происходит постепенное увеличение высоты и переход к горам, покрытым лесом. Максимальная высота, приходящаяся на ареал распространения трупосожжений – г. Тхаб (921 м). Однако на этой территории отсутствуют резкие переходы от равнины к горной полосе, зато отмечается большое разнообразие форм рельефа местности.

Наиболее крупной водной артерией региона является Кубань, которая протекает здесь в широтном направлении и отделяет рассматриваемую территорию от большой степной равнины – основной части Кубано-Приазовской низменности – степного Прикубанья (рис. 3).

В северо-западном направлении эту территорию орошают разветвленные, мощные системы рек, таких как Лаба, Псекупс, Белая и их притоки.

Разнообразие рельефа во многом способствует формированию климата. Значительное влияние на климат оказывает наличие двух морей, Черного и Азовского. Более южные (нагорные) и предгорные зоны всего Северного Кавказа, по классификации А.Ф. Ляйсмера, частично принадлежат к «климату высокогорной альпийской области», частично к климату

«умеренно холодному западноевропейского типа». Северная равнинная часть характеризуется резко континентальным климатом с невысокой влажностью. В Западном Предкавказье господствует климат «ковыльных степей» (Крупнов, 1960. С. 22).

В данной работе понятие «Закубанье» применяется только к территории, на которой распространены анализируемые погребальные памятники (рис. 1-3). На севере ареал могильников с погребениями по обряду трупосожжения ограничен течением Кубани, на юго-западе – берегом Черного моря, на северо-западе кремационные могильники дальше современной Анапы не выявлены. Спорной является южная граница ареала кремации, но с большей степенью уверенности ее можно провести по р. Нечепсухо (Туапсинский район современного Краснодарского края). Нередко в научной литературе ареал кремационных погребений разделяется на два микрорегиона – Западное Закубанье, под которым понимается степная и предгорная часть от р. Кубань на севере и до Кавказского хребта на юге, и Северо-Восточное Причерноморье – территория между кавказским хребтом и берегом Черного моря (рис. 3).

Хронологические рамки исследования ограничены временем существования на территории средневекового Северо-Западного Кавказа традиции сжигать умерших. Нижней временно́й границей является VIII в. – начало широкого распространения этой погребальной практики. Здесь следует отметить, что на изучаемой территории встречаются кремационные погребения и более раннего времени, но количество их незначительно (частично они затронуты в настоящем исследовании, но требуют самостоятельного изучения). Угасание традиции обряда трупосожжения и смена кремационного погребального обряда на ингумационный происходит, по–видимому, в конце XIII в. – этим временем и ограничена настоящая работа.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют 725 погребений по обряду трупосожжения, объединенных в единую информационно-поисковую систему (приложения 2 и 3). Это погребения из некрополей Борисово, Дюрсо, Молдовановский, Казазово, Ленинохабль, 8-я Щель (Птицефабрика), Псекупский, Сапун, Цемдолинский и др.[1] Кроме этого, в работе для сравнения использовались материалы грунтовых и подкурганных погребений с соседних территорий Северного Кавказа и юга Восточной Европы. К ним относятся аланские памятники, погребения Цебельдинской культуры, кремационные могильники Северского Донца и юго-восточного побережья Черного моря Болгарии, ряд славянских культур, а также захоронения средневековых кочевников.

Методологическая база и алгоритм исследования обусловлены поставленной целью и задачами.

В работе использовались традиционные методы историко-археологического исследования (типологический, сравнительно-аналитический, картографический) в сочетании с методикой многомерного статистического анализа, методов ГИС-систем и биоархеологии.

На первом этапе был разработан код для описания погребального обряда и сопутствующего инвентаря, явившийся основой для формирования информационно-поисковой системы, содержащей в себе информацию обо всех анализируемых в исследовании комплексах (приложение 2, 3).

Значительное количество погребений (725 захоронений из 47 могильников) обусловило изучение ареала памятников методами географических информационных систем (далее – ГИС). В работе были использованы методы пространственного анализа, что позволяет объективно разделить весь исследуемый массив памятников на территориальные группы по степени их взаимного расположения в пространстве и степени

[1] Подробно характеристика каждого могильника, отраженного в исследовании, содержится в главе I и приложении 1.

наибольшей концентрации. Результативность картографирования и анализа плотности раннесредневековых северокавказских артефактов иллюстрируют работы В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1988. С. 12. Рис. 3; Ковалевская, 1995. С. 115–116). Благодаря развитию компьютерных технологий, и в частности ГИС, стало возможным адаптировать эти артефакты для решения задач северокавказской и южнорусской раннесредневековой археологии. Это позволило извлечь из археологического источника принципиально новую историческую информацию (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. С. 60–62; Афанасьев, 2009. С. 9–10; Афанасьев, Коробов, 2008. С. 213). Все выполненные нами ГИС-анализы проводились с использованием пакета пространственного анализа из программы ArcGIS.

Следующим этапом было изучение хронологии погребений. Хронология является важнейшим звеном не только при рассмотрении историко-социальных и культурологических вопросов, но и при детальном изучении изменения этнополитической карты Северного Кавказа во времени (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 7).

При выполнении этой задачи мы отошли от традиционного и широко распространенного метода датирования только по аналогиям. К исследуемому источнику была применена методика многомерного статистического анализа, разработанная Г.Е. Афанасьевым при исследовании хронологии раннесредневекового могильника Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 23). Суть метода заключается в использовании различных статистических анализов (в нашем случае факторного и дискриминантного) при описании изучаемого материала. Это позволяет решить вопрос о группировке изучаемых предметов материальной культуры и в дальнейшем проследить изменение полученных групп под действием временно́го фактора (т. е. построить относительную хронологию), а затем привязать относительную хронологию к абсолютным датам. Для обработки базы

данных погребального инвентаря мы использовали пакет многомерного статистического анализа программы Statgraphics plus 5.0.

Статистические методы использовались нами и при изучении данных погребального обряда. В частности, очень показательными при работе с параметрическими характеристиками погребальных сооружений представляются диаграммы Box-and-Whisker Plot – графическое изображение переменных в виде ящичных диаграмм, удобных при разделении объектов на группы. Помимо этого, при описании основных характеристик погребального обряда использовались разнообразные диаграммы, созданные с использованием программы MS Exel. Впервые для погребений по обряду трупосожжения были использованы методы биоархеологических исследований, позволившие получить новые данные о погребальном обряде населения.

Следующий этап работы был посвящен изучению социальной стратификации населения, оставившего могильники с кремационными погребениями. За основу была взята методика Г.Е. Афанасьева, используемая при изучении социальной структуры донских алан. Суть метода состоит в выделении половозрастных групп и последующем исследовании структуры общества внутри каждой группы (Афанасьев, 1993). Изучение общественной структуры проводилось с помощью многомерного статистического анализа.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем, что оно является первой обобщающей работой, посвященной всестороннему анализу средневековых погребений с обрядом трупосожжения из раскопок конца XIX – начала XXI в. Впервые эта серия погребений получила развернутую характеристику с использованием современных методов историко-археологического исследования. Для исследуемой группы памятников при изучении хронологии использовались методы математической статистики, была создана географическая информационная система, объединившая информацию обо всех анализируемых в работе могильниках. Всестороннее

изучение погребального обряда позволило проследить динамику развития традиции трупосожжения у изучаемого населения в период VIII-XIII вв.. Также впервые были применены методы биоархеологического исследования, что позволило получить новые данные. Для анализируемых памятников был произведен подробный сравнительный анализ с материалами соседних культур Северного Кавказа и юга Восточной Европы.

На основе всестороннего анализа археологических данных, подкрепленного сведениями письменных источников, была предложена аргументированная версия этнической принадлежности населения практиковавшего обряд трупосожжения.

Научная значимость диссертации обусловлена тем, что в ней на основании выполненных автором исследований погребений по обряду трупосожжения Северо-Западного Кавказа получены выводы, предоставляющие новую информацию о хронологической дифференциации погребальных комплексов, погребальном обряде и социальной стратификации населения, отражено место изучаемых археологических памятников в системе средневековых древностей юга Восточной Европы. На основе комплексного анализа источника предложена аргументированная версия этнической принадлежности населения практиковавшего обряд трупосожжения.

Отдельное методическое значение диссертационного исследования заключается в сочетании традиционных методов историко-археологического исследования в синтезе с методикой многомерного статистического и пространственного анализа, а также биоархеологических исследований.

На практике полученные результаты могут быть использованы как определенная база для дельнейшего изучения археологии и этнической истории Северо-Западного Кавказа и Северного Кавказа в целом. Материалы исследования могут послужить основой при разработке лекционных курсов,

спецкурсов для студентов исторических ВУЗов, а также в музейной и краеведческой работе.

В результате проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1) Историографический анализ имеющейся литературы приводит нас к выводу, что эволюция теоретико-методического подхода к извлечению исторической информации из материалов кремационных погребений проходила синхронно с изменением общих методических тенденций в отечественной археологии.

2) Всестороннее изучение хронологии позволяет разделить весь массив анализируемых погребальных памятников на три основных периода – VIII–IX вв., X–XII и конец XII–XIII вв.

3) Изучение погребального обряда позволило проследить динамику развития данной погребальной практики в регионе, выявить сходство и различия в погребальном обряде на всем ареале некрополей, вычленить наиболее устойчивые черты погребальной практики в период VIII–XIII вв. Все рассмотренные черты погребального обряда, характерные для кремационных погребений в течение всего исследуемого периода, указывают на культурное единство исследуемой группы памятников. Единство ареала могильников, сохранение важных черт погребального обряда свидетельствуют о прямой преемственности кремационных погребений VIII–IX, X–XII и конца XII–XIII в.

4) Изучение социальной стратификации населения на основе данных погребального обряда позволило в определенной степени проследить динамику развития социальной организации племен Северо-Западного Кавказа в VIII–XIII вв. На протяжении первого периода, VIII–IX вв., для исследуемого общества характерен умеренный уровень дифференциации. Это прослеживается по данным мужских погребений, среди которых выделяются комплексы с весьма представительным инвентарем. В течении

следующего этапа, X–XII вв., уровень социальной дифференциации несколько снижается и общество выглядит более однородным. С конца XII до конца XIII в. уровень социальной дифференциации заметно возрастает. По материалам мужских комплексов отчетливо выделяются захоронения наиболее знатных воинов, составлявших, по-видимому, верхушку общества. Женские же погребения, в течении всех трех этапов демонстрируют социальную однородность. Изучаемое население может быть охарактеризовано термином «племенное общество», под которым понимается этническая общность на ранних этапах исторического процесса со специфической формой социальной организации, характерной для догосударственных обществ.

5) Анализ письменных источников в совокупности с археологическими данными позволяет связать носителей обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе с племенами зихско-касожского круга.

Личное участие автора в подготовке диссертации заключается в участии в полевых исследованиях, рассматриваемых в работе памятников. Автором обработаны вещевые коллекции из кремационных погребений, хранящиеся в фондах Новороссийского и Краснодарского музеев, а также отчеты о полевых исследованиях из научных архивов Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН. Автор принимал активное участие, совместно с сотрудниками группы антропологии ИА РАН, в обработке доступных антропологических серий из кремационных могильников. Автором был разработан оригинальный код описания погребального обряда анализируемых в диссертации памятников, явившийся основой созданной информационно-поисковой системы (ИПС), объединившей в себе данные о 725 погребальных комплексах. Созданная ИПС явилась главным звеном при проведении статистических анализов, необходимых для достижения поставленных автором цели и задач.

Апробация результатов исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 16 печатных работ, посвященных хронологии, динамике развития погребального обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе, отдельным элементам погребального инвентаря, изучению антропологических серий из анализируемых погребальных памятников. Основные положения работы обсуждались на заседаниях Отдела теории и методики ИА РАН, на различных общероссийских и международных конференциях (Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Кубанская археологическая конференция и др.). Работа выполнена и обсуждена в Отделе теории и методики Института археологии РАН.

Завершая вводную часть своей диссертационной работы, мне бы хотелось выразить сердечную благодарность всем коллегам, оказавшим автору помощь при ее написании; моему научному руководителю – д. и. н., профессору Г.Е. Афанасьеву за пристальное внимание и ценные советы, а также за помощь в освоении новых методов историко-археологического исследования; заведующему отделом теории и методики д. и. н. В.И. Гуляеву и всем сотрудникам названного отдела за важные рекомендации, данные мне в ходе подготовки настоящей работы.

Я также признателен ведущему научному сотруднику отдела д. и. н. М.В. Добровольской и аспирантке отдела Е.А. Клещенко за неоценимую помощь при обработке антропологических коллекций из кремационных некрополей; заведующему группой АГИС к. и. н. Д.С. Коробову за советы и помощь в освоении ГИС-программ и других методологических аспектов; научному сотруднику отдела теории и методики к. и. н. И.С. Каменецкому; заведующему отделом бронзового века ИА РАН и начальнику Северо-Кавказской экспедиции А.Н. Гею, а также всем сотрудникам названной экспедиции, работавшим со мной на средневековых памятниках Западного Закубанья, сотрудникам Института археологии РАН И.О. Гавритухину, И.Л.

Кызласову, Е.А. Армарчук за ценные замечания и советы при подготовке работы.

Особые слова признательности хотелось бы высказать в адрес заведующего археологическим отделом Новороссийского музея-заповедника А.В. Шишлова и сотрудников этого отдела А.В. Колпаковой, Н.В. Федоренко и А.П. Кононенко за разрешение работать в фондах музея и за предоставленный для обработки антропологический материал из некрополя Кедровая роща; сотруднику Западно-Кавказской археологической экспедиции А.В. Пьянкову за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы; а также всем моим дорогим друзьям и коллегам – В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружининой, А.А. Клещенко, А.А. Шевченко, С.Б. Вальчаку, С.В. Демиденко, неизменно поддерживающим меня в моих научных изысканиях.

Глава I

История изучения кремационных могильников Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв.

История изучения кремационных некрополей, распространенных на территории Северо-Западного Кавказа, насчитывает уже более 100 лет, без учета «любительских раскопок» курганов, случавшихся и в более раннее время. Значительное количество небольших курганов в окрестностях Новороссийска застал в 1840 г. Тетбу де Мариньи, и уже к тому времени часть курганов была раскопана ради любопытства или разрушена новыми постройками. Тогда же ему удалось увидеть вещи из этих курганов, которые показывал контр-адмирал Серебряков. Среди них были амфоры, погребальные урны, согнутые сабли, фрагменты кольчуги. По-видимому, основная масса этих вещей происходила из разрушенных подкурганных кремационных погребений (Сизов, 1889. С. 57).

В конце XIX – начале XX в. исследователей в первую очередь привлекали курганные могильники на территории Северо-Восточного Причерноморья. В 1886 г. во время путешествия по Кавказу графиня П.С. Уварова осмотрела местность в окрестностях Цемесской бухты. 26–28 июня 1886 г. исследовательница предприняла раскопки на территории нескольких курганных групп на обоих берегах р. Цемесс.

П.С. Уварова обратила внимание на различия в составе курганных насыпей: одни курганы состояли из гравия, смешанного с землей, а другие, на левом берегу реки, были сооружены только из чернозема, а в основании курганов были выявлены оградки из вертикально стоящих известковых плит (Уварова, 1891. С. 12–20).

Большие работы на территории между Геленджиком и Анапой проводил в 1886 г. В.И. Сизов, им были раскопаны четыре курганных насыпи, содержащие урновые трупосожжения, несколько курганов на

биритуальном могильнике Мысхако и курганы в Цемесской долине. Погребальный инвентарь в исследованных подкурганных трупосожжениях представлен керамическими урнами, в качестве которых использовались амфоры и корчаги, фрагментами кольчуг, небольшими ножами, бронзовыми пуговицами и др. Интересно сообщение В.И. Сизова о находке в одном из курганов в могильнике Мысхако железного предмета, интерпретированного им как меч. Однако исследователь мог ошибиться, возможно из-за плохой сохранности предмета, поскольку мечи абсолютно нехарактерны для племен, оставивших кремационные могильники.

На основе полученного материала В.И. Сизов осуществил хронологическую дифференциацию памятников – выделил курганы с трупосожжениями в отдельную группу погребальных памятников и правильно определил их более древнее происхождение относительно ингумационных погребений в каменных ящиках. Подкурганные трупосожжения исследователь предложил датировать X в., а появление обряда кремации на этой территории связывал с античными традициями (Сизов, 1889. С. 147).

В 1894–1895 гг. Н.И. Веселовский проводил раскопки к югу от Анапы, в урочище Макитра, где им были изучены небольшие земляные курганы с ингумационными погребениями в каменных ящиках и урновыми трупосожжениями. В одном кургане было обнаружено погребение лошади, возможно относящееся ко времени бытования обряда трупосожжения (ОАК за 1894 г. С. 82; ОАК за 1895 г. С. 27–28).

По поручению Императорской археологической комиссии в 1909 г. А.А. Миллер проводил исследования быстро разрушавшегося курганного могильника под Геленджиком. В результате разведочных работ им были подтверждены сведения предшествующих исследователей о том, что в регионе преобладают курганы двух типов: небольшие насыпи с трупосожжениями и курганы более позднего времени с ингумациями в каменных ящиках (ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 160).

В конце XIX – начале XX в. на территории Западного Закубанья археологические исследования проводились заметно реже, чем в Причерноморье. Следует отметить разведки члена-корреспондента Московского археологического общества В.М. Сысоева. В 1882 г. им был описан один из крупных курганных биритуальных могильников в предгорной части Закубанья – Большой Шапсугский могильник. К сожалению, археологические исследования на этом памятнике до настоящего времени не проводились, в научной литературе опубликован только подъемный материал с территории некрополя (Сысоев, 1904, С. 91; Успенский, Пономарев, 2008, С. 102).

В 1911–1912 гг. В.В. Саханевым был раскопан Борисовский могильник под Геленджиком. Этот памятник благодаря образцовому для начала XX в. уровню исследования на долгое время стал эталонным для изучения средневековых древностей Черноморского побережья и Западного Кавказа в целом. В Борисовском могильнике было изучено 70 погребений, совершенных по обряду трупосожжения. Данный массив отнесен в разработанной Саханевым классификации к третьей хронологической группе погребений. Интересной чертой погребального обряда является наличие в 45 погребениях небольших каменных ящиков для кремированных останков, однако необходимо отметить, что такой обычай в целом не имел широкого распространения на рассматриваемой территории (Саханев, 1914. С. 142). Сопровождающий погребальный инвентарь, как отмечает Саханев, значительно отличается от погребений первой и второй групп могильника, представленных ингумациями. Среди погребального инвентаря кремационных захоронений преобладали предметы вооружения, конской упряжи, разнообразные украшения и детали одежды, примечательна находка двух медных котлов (Саханев, 1914. С. 155). Рассматривая предметы материальной культуры из третьей группы Борисовского могильника, Саханев находит им аналогии в погребениях Верхнесалтовского могильника

и на этой основе предлагает датировать рассматриваемую группу трупосожжений IX в.

В.В. Саханев проводил исследования курганной части Борисовского некрополя. Десять из раскопанных здесь средневековых курганов содержали трупосожжения. Среди погребений встречены урновые и безурновые кремации, а также трупосожжения, сопровождаемые захоронением лошади. Набор инвентаря сходен с другими подкурганными кремационными комплексами, исследованными на близлежащей территории (Саханев, 1914). Учитывая известные на тот момент аналоги курганным древностям побережья, Саханев предложил датировать исследованную им часть могильника временем не позднее XV в.

Без сомнения, важной чертой работы В.В. Саханева является попытка на основе письменных источников этнически атрибутировать исследованные им комплексы. По его мнению, народами, оставившими грунтовые кремации, могли быть упоминаемые Анонимом эвдусиане или зихи, известные также ПрокопиюАнониму и Константину Багрянородному. Учитывая достаточно точные географические привязки и хронологическую близость сведений Константина Багрянородного ко времени совершения погребений, Саханев предложил считать зихов народом, оставившим Борисовский могильник, но подчеркнул, что делает такой вывод с осторожностью. Погребения под курганами исследователь отнес к одному из адыгских племен – натухаевцам (Саханев, 1914. С. 174, 206).

Таким образом, период с конца XIX по первое десятилетие XX в. характеризуется преимущественно разведочными работами и эпизодическими раскопками, которые тем не менее явились отправной точкой в изучении кремационных погребений на Северо-Западном Кавказе. Необходимо отметить, что раскопки курганов и грунтовых некрополей, проведенные В.И. Сизовым, В.В. Саханевым, Н.И. Веселовским, А.А. Миллером, носили уже не любительский характер, а полученные

результаты опубликованы на высоком для начала XX в. уровне. В этот отрезок времени исследователями были предприняты первые попытки проанализировать полученный материал, явившиеся важной отправной точкой для дальнейших исследований.

В последующий этап, вплоть до 1960-х гг. исследование средневековых древностей, в том числе и кремационных могильников, на Черноморском побережье и в Закубанье не имели систематического характера. Корпус источников формировался преимущественно из случайных находок, сборов на территориях разрушающихся памятников (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 186).

В 1939 г. И.И. Ахановым были предприняты раскопки двух курганных могильников под Геленджиком: могильника у Керченской Щели, где было исследовано 20 курганов, с преобладанием погребений, совершенных по обряду кремации, и еще одного могильника более позднего времени (Аханов, 1939).

Масштабные работы были предприняты Н.В. Анфимовым в зоне строительства Шапсугского водохранилища в 1940–1941 гг., когда был раскопан Убинский могильник. Памятник располагался на пахотном поле колхоза «Афипский», при планировке дамбы будущего водохранилища полностью были уничтожены все курганные насыпи. Среди исследованных погребений 30 были совершены по обряду кремации. По описаниям, представленным в дневниках Анфимова, все кремационные погребения были совершены с использованием урн, в качестве которых использовались двуручные корчаги. В погребениях были обнаружены сломанные или согнутые сабли, железные ножи и наконечники стрел, бронзовые височные кольца и серьги, пуговицы, пряслица и другой инвентарь. К сожалению, из-за отсутствия научного отчета и полноценной публикации погребений этого могильника сложно проследить планиграфию и стратиграфию исследованных погребений. Судя по описаниям, некоторые урны с

трупосожжениями находились рядом и вполне могли составлять единый погребальный комплекс.

В 1952 г. отрядом Таманской археологической экспедиции под руководством А.Л. Монгайта были проведены разведки территории от Геленджика до Туапсе. Одним из объектов изучения была территория, примыкавшая к Борисовскому могильнику, здесь было открыто селище Солнцедар, верхний слой которого синхронен подкурганным кремационным погребениям Борисовского некрополя. За время разведок Монгайтом было осмотрено еще несколько курганных могильников, которые относятся уже к более позднему времени (Монгайт, 1955. С. 330).

Со второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. археологические исследования на Северо-Западном Кавказе становятся более интенсивными.

В 1968 г. Кавказским отрядом Института археологии АН СССР под руководством В.Б. Ковалевской совместно с сотрудниками Сочинского и Геленджикого краеведческих музеев проводились археологические исследования на Черноморском побережье. Основной целью этой экспедиции было выявление наиболее важных с точки зрения дальнейшего изучения памятников средневекового периода. Одним из раскопанных экспедицией памятников был курганный могильник на р. Жанэ. В результате было исследовано два кургана, в которых обнаружены кремационные погребения, сопровождаемые захоронением лошади. В обоих курганах была выявлена округлая каменная оградка. Погребения сопровождались разнообразным инвентарем (Ковалевская, 1968; Ковалевская, Воронов, Михайличенко, 1969; Успенский, 2012. С. 105-118).

В 1971–1973 гг. А.В. Дмитриевым проводились разведки в окрестностях Новороссийска, итогом которых явилось выявление новых могильников с кремационными погребениями. В частности, были обнаружены большой средневековый могильник в Цемесской долине и некрополь на вершине горы Болтын, состоящий из нескольких курганов. У

дороги, ведущей к курганам доследовано, разрушенное погребение, по совокупности найденного инвентаря относящееся к VIII–IX вв. (Дмитриев, 1971; 1973).

В 1971 г. при выезде из Новороссийска по Сухумскому шоссе обнаружен и частично исследован урновый кремационный могильник Шесхарис, в 1973 г. исследования были продолжены. На памятнике раскопано несколько урновых погребений с разнообразным инвентарем и пять захоронений лошадей. Поскольку раскопки памятника носили характер доследования, полноценно проследить все черты погребального обряда не удалось. Погребальные урны были установлены на поверхности и находились на различном расстоянии друг от друга, в одном случае урна находилась в каменном ящике. Захоронения лошадей, по-видимому, были совершены в неглубоких ямах. По совокупности черт погребального обряда и набору сопровождающего инвентаря памятник относится к XIII в.

Одним из важнейших событий в истории изучения раннесредневековых древностей Северо-Восточного Причерноморья явилось исследование А.В. Дмитриевым в 1974 г. некрополя в 15 км к западу от Новороссийска в долине р. Дюрсо. Исследованные погребения этого памятника дали значительный материал и позволили довольно полно изучить его погребальный обряд и хронологию. На основе полученного материала выделено четыре хронологических этапа в бытовании могильника

Все 173 обнаруженных кремационных погребения были отнесены А.В. Дмитриевым к четвертому этапу существования памятника и датированы IX в. Трупосожжения совершались на стороне с последующим помещением праха в неглубокую ямку. В кремационных погребениях был обнаружен разнообразный инвентарь. Его значительную часть составляют предметы конского снаряжения, вооружения, детали одежды и украшения (Дмитриев, 2003. С. 203–204).

Как отмечает А.В. Дмитриев, основными чертами погребального обряда и набором инвентаря захоронения четвертого этапа могильника существенно отличаются от предыдущих погребений.

Исследованные трупосожжения некрополя Дюрсо являются важнейшей составляющей при характеристике этого типа погребальной традиции на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. К сожалению, этот интересный памятник опубликован лишь частично.

В 1978 г. А.В. Дмитриев доследовал в поселке Абрау-Дюрсо разрушенное кремационное погребение, сопровождаемое ритуальным захоронением лошади (Дмитриев, 1978).

В начале – середине 1980-х гг. значительные археологические работы проходили в зоне строительства, а затем в зоне затопления Краснодарского водохранилища. В результате этих работ было выявлено и частично исследовано несколько могильников с погребениями по обряду трупосожжения.

В 1982 и 1983 гг. археологической экспедицией Адыгейского НИИ под руководством Н.Г. Ловпаче был частично раскопан Псекупский могильник, расположенный в устье одноименной реки. На одном из участков памятника были обнаружены погребения, совершенные по обряду трупосожжения. Первая группа погребений была безурновой, с разнообразным погребальным инвентарем, датирующейся хазарским временем.

Отдельный интерес представляет группа урновых грунтовых трупосожжений. По совокупности погребального инвентаря эти погребения датируются X–XI вв., т. е. они предшествуют основной части грунтовых и подкурганных урновых трупосожжений, относящихся к XII–XIII вв. (Ловпаче, 1983).

На близлежащей территории Псекупским отрядом Кавказской экспедиции ГМИНВ в 1982 г. найдены согнутые сабли, топоры, наконечники

стрел, предметы конского стнаряжения и быта, датирующиеся VIII–IX вв. По всему западному и северо-западному берегу образованного водохранилищем небольшого мыса были обнаружены следы размытых кремационных погребений (Носкова, 1983).

В 1985 г. отрядом Кавказской экспедиции раскопано два конских погребения у аула Ново-Вочепший; не исключено, что обнаруженные комплексы связаны с племенами, оставившими трупосожжения (Носкова, 1986).

Один из крупных грунтовых кремационных могильников был исследован В.А. Тарабановым у аула Казазово в 1986 и 1988 гг., этот памятник интенсивно разрушался водами краснодарского водохранилища. На памятнике было выявлено два насыщенных погребениями участка – центральный и западный, а также небольшая группа погребений в южной части некрополя. Благодаря проведенным раскопкам удалось установить границы средневекового могильника Казазово II. Погребения этого могильника совершались как с использованием урн, так и без них. Памятник использовался носителями обряда трупосожжения как в хазарское, так и в домонгольское время. Следует отметить, что довольно большой процент погребений хазарского времени совершен с использованием погребальных урн. Сопровождающий инвентарь разнообразен, в него входит вооружение и конское снаряжение, предметы быта, одежды и украшения (Тарабанов, 1987; 1989).

В этой же зоне, на окраине бывшего аула Ленинохабль, экспедицией ГМИНВ под руководством Л.М. Носковой проводились раскопки грунтового могильника Ленинохабль. К моменту раскопок бóльшая часть памятника была уничтожена водами Краснодарского водохранилища, а также в результате грабительских раскопок. Могильник располагался на небольшом склоне. Всего на памятнике исследовано 25 трупосожжений в 1986 г. и еще семь погребений в 1988 г. Погребальные урны с пережженными костями

находились в неглубоких ямах или в одной яме с сопутствующим захоронением лошади. Костяки лошадей уложены на правый или левый бок с подогнутыми к туловищу ногами. Простые урновые кремации могильника часто были безынвентарны или сопровождались очень скудным набором инвентаря. Гораздо больше вещей находилось в кремациях, сопровождаемых погребениями лошадей. В погребальный инвентарь входили предметы вооружения и конской упряжи, предметы быта, одежды и украшения. К сожалению, из-за сильной разрушенности могильника положения многих предметов относительно костяка лошади нарушены (Носкова, 1989).

В 1980-е гг. в связи со строительством оросительных систем значительные археологические исследования развернулись в степной части Западного Закубанья. В результате раскопано несколько могильников с кремационными погребениями в Абинском и Крымском районах Краснодарского края.

В 1986 г. под руководством А.В. Пьянкова проводились исследования могильника Черноклен. Все кремационные погребения обнаружены в верхнем слое кургана № 1 размерами 62 × 56 м По-видимому, погребения совершались в небольших грунтовых ямах, каких-либо дополнительных конструкций около погребений не зафиксировано, поэтому этот могильник можно интерпретировать как грунтовый. Основная часть погребений была совершена с использованием погребальных урн. Следует отметить некоторые особенности в наборе погребального инвентаря. Большинство погребений сопровождалось небогатым и довольно унифицированным набором. В части погребений содержались только предметы быта и украшения, а в другой группе захоронений были обнаружены предметы вооружения, преимущественно сабли или их детали, а также наконечники стрел. В погребениях отсутствовали предметы конского снаряжения (за исключением двух захоронений лошадей). Все исследованные комплексы относятся к печенежско-половецкому периоду (Пьянков, 1987).

В 1988 г. археологической экспедицией Краснодарского музея под руководством А.В. Пьянкова проводились раскопки курганного и грунтового могильника Циплиевский Кут. В грунтовом могильнике, который занимал площадь 1800 м^2 и был вытянут в широтном направлении, было исследовано 45 погребений, совершенных по обряду трупосожжения. По основным чертам погребального обряда и набору погребального инвентаря Циплиевский Кут полностью соотносится с могильником Черноклен. Погребения совершались в простых могильных ямах с использованием урн. Набор инвентаря во всех погребениях довольно скудный. Часть предметов носит следы преднамеренной порчи (сабли, ножи), украшения представлены в основном литыми и витыми браслетами, бусами и серьгами и височными кольцами. Из деталей одежды – бронзовые шаровидные и грушевидные пуговицы (Пьянков, 1989).

Неподалеку от могильника Циплиевский Кут располагался еще один грунтовый кремационный могильник – Абинский-4, исследованный под руководством Е.А. Хачатуровой (Ярковой). Погребальный обряд и инвентарь этого памятника сходны с циплиевскими погребениями. К сожалению, научный отчет о раскопках этого могильника отсутствует (Пьянков, 1993).

В этом же году экспедицией под руководством В.А. Тарабанова раскапывался грунтовый кремационный могильник Молдовановский. Памятник располагается в Крамском районе Краснодарского края у юго-западной окраины села Молдовановского, на северо-восточном склоне небольшой возвышенности. Могильник был обнаружен в 1977 г. во время распашки поля, в результате чего было разрушено несколько погребений. Все захоронения могильника – безурновые кремации. Погребения представляют собой скопления кремированных костей, рядом с которыми располагался разнообразный погребальный инвентарь. Могильник дал значительную коллекцию погребального инвентаря, бóльшую часть которого составляют предметы вооружения и конской упряжи. Кроме сабель, наконечников стрел

и копий, встречены предметы защитного вооружения. Конская упряжь представлена удилами и стременами, а также в одном из погребений обнаружен набор парадного конского убранства с бронзовыми бляхами и начельником. Из предметов одежды следует особо отметить поясные наборы с геральдическими пряжками, наконечниками поясов и различными поясными подвесками. В погребениях довольно много бытовых предметов, это различные ножи, мотыжки, очажные цепи и крюки (Тарабанов, 1990).

Летом 1985 и 1986 гг. Мингрельским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР проводились археологические исследования в Закубанье, в зоне строительства Закубанской оросительной системы в Абинском районе Краснодарского края, между станицей Мингрельской и хутором Краснооктябрьским. Исследованные памятники представляли собой как курганные, так и грунтовые могильники. Среди раскопанных экспедицией разновременных погребений, в могильниках Общественный II, III и Ахтырский лиманобнаружены захоронения по обряду трупосожжения (Сорокина, 2001. С. 6–7).

В могильнике Общественный II все кремационные погребения располагались в верхнем слое кургана № 8. Погребения представляют собой безурновые сожжения на стороне и сопровождаются разнообразным инвентарем. Все исследованные комплексы относятся к VIII–IX вв. (Сорокина, 2001. С. 67–73).

В грунтовом некрополе Общественный III выявлено одно урновое трупосожжение (погребение № 9). В качестве урны использовалась красноглиняная корчага, также были обнаружены фрагменты сабли с деталями ножен. Погребение датируется XI–XII вв. (Сорокина, 2001. С. 92).

Одно грунтовое урновое трупосожжение иследовано в могильнике Ахтырский лиман. Этот грунтовый некрополь располагался на естественной курганообразной возвышенности, в которую впущены разновременные погребения. Интересующее нас кремационное погребение располагалось на

глубине 0,54 м от уровня современной поверхности и сопровождалось скудным инвентарем, по совокупности которого оно может быть датировано XI–XII вв. (Сорокина, 2001. С. 131).

С конца 1980-х гг. и до конца XX в. кремационные могильники на территории Закубанья не исследовались. После десятилетнего перерыва, в 1999 и 2000 гг. археологической лабораторией Ростовского ГУ проводились раскопки трех курганных могильников Шебш-1, Шебш-2 и Шабановское под руководством В.Г. Житникова.

Все три могильника располагались в горной части Северского района Краснодарского края, в долине р. Шебш, в 4–4,5 км к ЮЮЗ от села Шабановского. Памятники состояли из небольших курганных насыпей. За два года раскопок могильники раскопаны полностью. В могильнике Шебш-1 раскопано 32 кургана, 141 курган в могильнике Шебш-2 и три кургана в могильнике Шабановское, всего на трех памятниках исследовано 205 погребальных комплексов.

Погребальный обряд этих памятников интересен и своеобразен, курганные насыпи небольшого диаметра и в целом сходны с курганами других могильников региона. Под частью насыпей выявлены разнообразные каменные конструкции: кольцевые выкладки в основании насыпи, локальные каменные наброски, каменные заклады над ямой с погребениями. Другая часть курганных насыпей полностью земляные, без каких-либо каменных конструкций. Все без исключения погребальные комплексы трех могильников связаны с обрядом трупосожжения. Среди погребений встречены как урновые, так и безурновые кремации. Погребальная урна устанавливалась на материке (погребенной почве) или могла быть слегка впущена в него, безурновые кремации представляют собой небольшие скопления пережженных костей, рядом с которыми располагался погребальный инвентарь. В нескольких безурновых погребениях кости располагались в небольших каменных оградках, наподобие каменного ящика.

Следует отметить обнаруженные под курганами могильников Шебш 1 и 2 ямы с набором инвентаря, которые иногда сопровождали основное урновое погребение, а в ряде случаев являлись единственным погребальным комплексом в кургане. В таких погребениях форма могильной ямы овальная или подпрямугольная. В ямах был встречен разнообразный инвентарь, в расположении которого наблюдались две тенденции: либо он был сосредоточен в одной части ямы, либо располагался в определенном порядке. Вещевой набор довольно унифицированный. Подобные ямы с набором инвентаря не обнаружены больше ни в одном курганном кремационном могильнике и, по-видимому, являются локальной чертой погребального обряда.

Иинтересной находкой в могильнике Шебш-1 является открытие под одной из курганных насыпей фундаментального каменного сооружения, интерпретированного как «алтарь».

По основным чертам погребального обряда и набору сопровождающего инвентаря все погребения могильников датируются концом XII–XIII вв. (Житников, 1999; 2000).

В 2003–2008 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН, под руководством А.Н. Гея проводились исследования средневекового курганного могильника Шизе IV. Могильник располагается в предгорной части Абинского района Краснодарского края на правом берегу в среднем течении р. Абин в 0,4 км с ЗСЗ от западной окраины станицы Эриванской. Некрополь насчитывает более 350 курганных насыпей. За шесть лет изучения Шизе IV исследовано 11 курганов, содержащих 17 погребений. Два погребения являлись ингумациями, остальные совершены по обряду трупосожжения. Несмотря на небольшой процент раскопанных курганов, использование комплексных методов исследования позволило получить интересные результаты. Одним из результатов являются выполненные впервые для кремаций Северо-Западного Кавказа антропологические

определения кремированных человеческих останков, палеозоологические и другие анализы. Раскопанные курганы содержали разнообразные каменные конструкции (концентрические обкладки в основании насыпи, локальные наброски в одном-двух секторах насыпи, сплошной каменный панцирь в верхнем слое насыпи).

По основным чертам погребального обряда все захоронения разделяются на безурновые кремации, кремации в урнах, трупосожжения, сопровождаемые захоронением лошади, и ингумационные погребения. В погребениях могильника встречен разнообразный инвентарь, разделяющийся на следующие группы: оружие, конская сбруя, керамика, орудия и бытовые предметы, украшения, предметы одежды. Памятник датируется XIII в. (Гей и др., 2004; 2006; Успенский, 2009).

Кроме раскопок, сотрудниками Северо-Кавказской экспедиции проведены разведки в долине р. Абин и на прилегающих территориях, в результате этих работ был открыт еще один биритуальный могильник Крученая Щель III.

В настоящей работе, помимо сведений, полученных в результате раскопок, учитываются данные, полученные в ходе случайных находок и сборов с могильников Крюковский Мыс, у хут Евсеевский, Бугайский Бугор и др.

С начала 1980-х гг. крупные археологические работы развернулись на территории Северо-Восточного Причерноморья. Исследовались как памятники, открытые в ходе разведок предыдущего десятилетия, так и нововыявленные могильники. Значительный вклад в изучение этой территории внесен сотрудником Новороссийского музея А.В. Дмитриевым.

В 1985 и 1986 гг. им произведены раскопки курганного могильника на горе Сапун (Дмитриев, 1985; 1986). Могильник, насчитывающий 350 насыпей, располагается на отроге горы Чухабль-Сапунчик, или Сапун. Курганы средних размеров, диаметром 8–12 м и высотой 0,7–1,5 м. Всего за

два года раскопок исследовано 18 насыпей. По характеру погребального обряда могильник биритуальный, с преобладанием погребений по обряду кремации. Довольно часто урна сопровождалась ритуальным захоронением лошади. Урновые захороения совершались на материке или слегка впускались в него, под одной насыпью выявлено до четырех сосудов-урн; кроме этого, урна с пережженными костями могла находиться в одной могильной яме с костяком лошади. Захоронения лошадей совершены в неглубоких ямах подпрямоугольной или овальной формы. Особо следует отметить погребение лошади из кургана № 5, где наряду с обычным набором инвентаря встречены предметы богатого конского убранства.

В 1990 г. Кавказской экспедицией ГМИНВ под руководством Л.М. Носковой проводились исследования курганного могильника Кабардинка. Памятник располагается на юго-восточной окраине пос. Кабардинка и насчитывает 240 курганных насыпей. Носковой раскопан 51 курган, позднее, в 2007 г., экспедицией Новороссийского музея под руководством А.В. Шишлова и Н.В. Федоренко исследовано еще 19 курганов этого могильника. Результаты работ частично отражены в публикации Носковой. (Носкова, 2010; 1991; Федоренко, 2007).

Курганные насыпи могильника среднего размера; как правило, с различными каменными конструкциями; обнаруженные погребения совершены по кремационному и ингумационному обрядам. Кремации представлены преимущественно урновыми трупосожжениями, с урной, установленной на материке или слегка впущенной в него. В ряде курганов зафиксирована каменная оградка вокруг сосуда-урны.

При раскопках памятника в 2007 г. были открыты в основном урновые кремационные погребения, иногда сопровождаемые захоронениями лошадей. В сопровождающий инвентарь входили предметы вооружения (в основном сабли, наконечники стрел, детали луков и колчанов), утилитарный набор конского снаряжения, разнообразные предметы быта – одежда и

украшения, керамика. Необходимо отметить, что в Кабардинском могильнике и других подобных памятниках Северо-Восточного Причерноморья в качестве урн использовались византийские амфоры различных типов. По предложенной Л.М. Носковой датировке, массив кремационных захоронений памятника относится к XII–XIII вв. (Носкова, 2010. С. 181).

В 1991–1992 гг. Южно-кубанской археологической экспедицией под руководством А.В. Пьянкова проводились исследования многослойного грунтового некрополя Бжид-1. Могильник располагается в Туапсинском районе Краснодарского края, в юго-восточной части ареала распространения могильников с обрядом трупосожжения. Из 175 исследованных погребений шесть совершены по обряду трупосожжения в урнах. Впервые кремации в урнах на этом могильнике были зафиксированы еще в 1982 г. М.К. Тешевым. Погребальный обряд рассматриваемых шести погребений – сожжение покойного на стороне, вероятно, вместе с вещами, затем прах ссыпался в керамическую урну, которая помещалась в небольшую яму. Учитывая довольно большое расстояние между трупосожжениями, можно предполагать наличие над погребениями курганных насыпей. Инвентарь очень невыразителен, в качестве урн использовались придонные части крупных пифосов, найдено также несколько кресал, пара ножей, наконечник копья и стрелы, височные кольца, пуговицы. По совокупности обнаруженного инвентаря и учитывая аналогии из других могильников побережья, исследованные комплексы, по мнению Пьянкова, датируются концом XII–XIII вв. (Пьянков, 1998. С. 19).

В 1994 г. экспедицией Черноморского археологического центра под руководством А.П. Кононенко проводились доследования части средневекового грунтового могильника 8-я Щель, или Птицефабрика (Кононенко, 1995). Могильник располагался в пригороде Новороссийска, недалеко от западной окраины пос. Цемдолина. Погребения могильника

представлены урновыми и безурновыми трупосожжениями, а также несколькими отдельными погребениями лошадей. Кремационные захоронения совершены в неглубоких ямах – рядом с урной или скоплением пережженных костей располагался сопровождающий инвентарь (Кононенко, 1995).

Погребения лошадей совершены в неглубоких подпрямоугольных ямах, костяки уложены на правый или левый бок, с разнообразной ориентировкой. Эти захоронения сопровождались очень скудным набором инвентаря или были полностью безинвентарны. Исходя из планиграфии раскопа, захоронения лошадей сложно связать с каким-то отдельным человеческим погребением. Основываясь на вещевом комплексе, могильник 8-я Щель датируется VIII–IX вв. Учитывая, что практически полностью отсутствуют предметы быта, украшения, а найденные вещи представлены преимущественно вооружением и конским снаряжением, можно предположить, что могильник оставлен военным отрядом. Отсутствие системности между кремациями и конскими захоронениями вполне может указывать на то, что большинство погребений могли быть совершены одновременно.

Крупные исследования проводились на территории Цемдолинского могильника. Могильник находился в пригороде Новороссийска, в селе Цемдолина, к югу от улицы Золотая Рыбка. В 1995 г была раскопана часть некрополя, располагавшаяся на пахотном поле, а в 1998 г. – курганы в лесополосе. Исследованные погребения были совершены как по ингумационному, так и по кремационному обряду. На пахотном поле обнаружено несколько захоронений лошадей с разным набором инвентаря. В лесополосе было исследовано 14 курганов. Все курганы с каменными конструкциями, обнаруженные в них трупосожжения представлены двумя типами: простые урновые кремации и погребения, сопровождаемые конским захоронением. Сосуды-урны впускались в материк или устанавливались на

его поверхности, под насыпью кургана могло быть от одной до четырех погребальных урн. Интересно погребение из кургана № 8: в центре курганной насыпи было установлено четыре урны, их расположение указывает на то, что это одновременное коллективное захоронение. Инвентарь из захоронений Цемдолинского могильника представлен вещами, характерными для трупосожжений домонгольского времени. В совокупности памятник датируется XI–XIII вв., однако часть комплексов может быть датирована более узко, а именно концом XII – XIII в. Цемдолинский могильник – один из немногих памятников, отраженных в полноценной научной публикации (Армарчук, Малышев, 1997; Дмитриев, 1998; Армарчук, Дмитриев, 2014).

В 1996 г. А.В. Дмитриевым был частично исследован курганный некрополь Чайка (Дмитриев, 1996). Памятник расположен в селе Криница, в 700 м от устья р. Пшады, на территории базы отдыха «Чайка». В этом могильнике очень небольшой диаметр курганов – 2–4 м при высоте 15–20 см, насыпи диаметром более 5 м встречались редко. Часть насыпей курганов полностью земляная, без каменных конструкций. В других курганах каменная конструкция была в виде сплошного панциря и располагалась в верхнем слое насыпи. Все погребения могильника представлены урновыми кремациями и кремациями, сопровождаемыми захоронением лошади. Обращает на себя внимание устойчивое положение костяков лошадей (на правом боку) и их ориентировка – черепом на север. Среди раскопанных комплексов выделяется коллективное погребение из кургана № 1. В захоронении найдено пять сосудов-урн, заполненных пережженными костями, кремации сопровождались парным конским погребением (костяки лошадей уложены на правый бок) и разнообразным инвентарем. Остальные захоронения, исследованные на некрополе, были значительно беднее. Могильник датируется XII–XIII вв.

При обследовании строящийся подъездной дороги Новороссийск – Южная Озереевка в 1999 г. А.В. Дмитриевым было обнаружено три захоронения лошадей – вероятно, связанных с кремационными погребениями. Два из обнаруженных костяков лошадей покоились на правом боку, один на левом. Предложенная автором раскопок датировка – XIII в. – вызывает сомнения, поскольку найденные в комплексах удила и стремена относятся к более раннему времени.

В 1999 г. А.В. Дмитриевым раскопано три кургана могильника Васильевка-4, памятник располагался в 6 км к западу от Новороссийска и в 1,1 км к северо-западу от села Васильевка, на возвышенности, являющейся южным отрогом Жень-горы. Могильник состоял из трех курганных насыпей, стоящих цепочкой, причем насыпи двух курганов соприкасались. Насыпи курганов полностью земляные, без каменных конструкций. Во всех курганах зафиксирован одинаковый обряд погребения: в центральной части кургана в материк впускалась небольшая ямка квадратной или округлой формы, куда помещались пережженные кости, сверху ямка накрывалась каменной плиткой.

Частично исследованным биритуальным могильником на территории Северо-Восточного Причерноморья является некрополь Лобанова Щель. Памятник располагается на границе земель города-курорта Анапы и Новороссийска, в ущелье, на правом берегу ручья Лобанова Щель, на террасе шириной до 150 м. Курганы вытянуты вдоль берега ручья примерно на 1500 м. Могильник подвергся интенсивному ограблению. В 2002 г. археологической экспедицией Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края под руководством Н.И. Берлизова было доследовано четыре кургана и раскопан один не тронутый грабителями курган. Все курганные насыпи (кроме одного) были с каменными оградками в основании насыпи. Наиболее интересен курган № 5, в котором было исследовано девять погребений, из

них три совершены по обряду трупосожжения в урнах. Урны, в качестве которых использовались корчаги и двуручные кувшины, были установлены на материке. Инвентарь погребений очень скудный (Берлизов, 2002).

В 2009 г. археологическим отрядом Южно-Российского центра археологических исследований под руководством А.А. Иванова был исследован курган № 12, входящий в состав могильника Молоканова Щель, расположенного на территории Дивноморского сельского округа, города-курорта Геленджика. Курган был частично ограблен, в результате удалось доследовать урновое кремационное погребение, датирующееся XIII в. (Иванов, 2011. С. 297).

Таким образом, период с конца 1960-х гг. по первое десятилетие XXI в. стал наиболее насыщенным в истории изучения могильников с трупосожжениями – именно в это время был исследован основной массив кремационных некрополей, а многие могильники были раскопаны на должном методическом уровне. К сожалению, материалы большинства памятников не получили необходимого отражения в научной литературе, что значительно затрудняет их анализ.

Благодаря проведенным раскопкам удалось выявить все многообразие и разнохарактерность памятников, оставленных носителями обряда трупосожжения. По сравнению с раскопками предшествующих лет в этот период значительно расширился ареал исследуемой территории, что помогло очертить примерные границы распространения средневековых кремаций на Северо-Западном Кавказе. Открытие и исследование новых могильников, увеличение числа исследованных комплексов способствовало появлению новых научных гипотез относительно хронологии, этнической принадлежности, характеристики обрядовой традиции и материального комплекса кремационных некрополей.

На основе приведенной истории изучения кремационных некрополей можно выделить три хронологических этапа:

- **первый период** – последняя четверть XIX в. – 1914 г.;
- **второй период** – начало 1920-х – середина 1960-х гг.;
- **третий период** – середина 1960-х – первое десятилетие XXI в.

В рамках выделенных периодов изучения мы постараемся рассмотреть основные научные гипотезы и комплекс спорных вопросов, связанных с кремационными некрополями.

В первый период изучения трупосожжений исследователей интересовало происхождение обряда кремации, датировка и этническая принадлежность этой группы памятников. Интерпретация материалов из могильников с трупосожжениями представлена в работах В.В. Сизова, А.А. Миллера и В.В. Саханева.

Могильники с сожжениями выделены в отдельную группу памятников на основе данных погребального обряда и набора инвентаря. В.В. Сизов, А.А. Миллер в своих работах указывали на два основных вида подкурганных погребений: трупосожжения и ингумации в каменных ящиках (Сизов, 1889. С. 147; ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 160). В статье В.В. Саханева, содержащую наиболее полный анализ материалов средневековых курганных и грунтовых могильников, трупосожжения Борисовского некрополя выделены в отдельную группу погребений (Саханев, 1914. С. 141).

Хронология памятников была разработана В.В. Сизовым на основе сравнительного анализа предметов материальной культуры (в частности, керамики). Исследователь справедливо предложил считать кремационные погребения более древними по сравнению с трупоположениями в каменных ящиках (Сизов, 1889. С. 147).

В вышеуказанной статье Саханева хронология трупосожжений рассмотрена довольно подробно. Основная часть трупосожжений Борисовского могильника была им определена в третью хронологическую

группу погребений. Для датировки этой группы он использовал аналогии между погребальным инвентарем из Верхне-Салтовского могильника и материалом из катакомб могильника Балта на Северном Кавказе. Саханев предложил датировать грунтовые кремации из Борисово временем не раньше VII в. и не позднее IX в. (Саханев, 1914. С. 165). Рассматривая подкурганные трупосожжения Борисово, Саханев предполагает, что они появились раньше, чем погребения в каменных ящиках. Исследователь справедливо считал хронологическую схему, предложенную Сизовым, весьма неубедительной и слабо аргументированной (Саханев, 1914. С. 206). Таким образом, на основе раскопанных погребений Борисовского могильника Саханев выделил две группы кремационных погребений, различающиеся хронологически: ранняя группа (грунтовые кремации) и более поздние трупосожжения в урнах под курганными насыпями.

Обратившись к вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду трупосожжения, Саханев отмечает новизну этой культуры для Северо-Западного Кавказа, но именно культуры, а не этноса, поскольку, исходя из данных погребений всех трех групп могильника, Саханев считал, что памятник был оставлен одной народностью. Пытаясь определить, откуда могло прийти это новое культурное влияние, исследователь, учитывая аналогии с погребениями Верхнего Салтова и кочевническими древностями из Венгрии, предложил связать его с кочевниками, населявшими южнорусские степи (Саханев, 1914. С. 164–166). Для определения народности, оставившей Борисовский могильник, Саханев рассматривает различные письменные источники позднеримского и раннесредневекового времени. Представленные в источниках данные свидетельствовали о проживании на этой территории двух народов – эвдусиан и зихов. Основываясь на анализе текстов различных авторов, Саханев счел возможным именно зихов считать народом, оставившим грунтовые кремационные погребения Борисовского некрополя (Саханев, 1914. С. 174–

175). Что же касается определения народности, которой принадлежали подкурганные кремации, то для Саханева этот вопрос был решенным. Он связывал их с одним из адыгских племен – натухаевцами. Иная точка зрения была у В.В. Сизова – по его мнению, обряд трупосожжения ведет свое начало с античного периода (Сизов, 1889. С. 147).

Таким образом, в течение первого периода изучения могильников с трупосожжениями уже был очерчен основной круг спорных вопросов и предложены первые варианты их решения. Трупосожжения были выделены в отдельную группу памятников. Вопрос о появлении этого вида погребальной практики решался исследователями по-разному. Точка зрения Сизова основывается на неверном сопоставлении обряда погребения средневековых трупосожжений с кремациями античного времени. Во многом такой подход Сизова (как, впрочем, и других исследователей того времени) объясняется степенью изученности археологических источников. В конце XIX – начале XX в. античный период был исследован гораздо лучше в археологическом отношении, нежели раннее Средневековье, к тому же были известны многие античные письменные источники. Поэтому в своих выводах Сизов и говорит о возможности существования обряда трупосожжения в этом регионе с античного времени и сохранения античных традиций в погребальном обряде средневековых погребений с трупосожжениями, но не предъявляет хронологическую цепочку памятников, доказывающую наличие такой связи.

Значительно более интересны и фундированы разработки В.В. Саханева, которым было собрано наибольшее количество данных о трупосожжениях, исследованных в первый период. Безусловным достоинством работы Саханева является предложенная им хронология погребений, основанная на наиболее полном корпусе известных на тот момент источников. Благодаря проведенному анализу погребального инвентаря исследователь смог довольно точно указать хронологические

рамки существования грунтовых кремаций Борисовского могильника (третий этап).

Благодаря анализу материалов из грунтовых и курганных трупосожжений, исследователь справедливо разделил их на две группы памятников по хронологии и основным чертам погребального обряда и сопутствующего инвентаря.

В.В. Саханевым была выдвинута версия о моноэтничности населения, оставившего Борисовский могильник, а появление нового обряда погребения было связано, по его мнению, только с культурным влиянием, а не со сменой населения. Такой подход в дальнейшем не получил поддержки в научном сообществе – практически во всех новых работах погребения, совершенные по обряду трупосожжения, приписывались новому населению, внезапно появившемуся на Северо-Западном Кавказе в хазарский период.

Саханев приходит к выводу, что Борисовский могильник мог принадлежать зихам, известным различным авторам, в том числе и Константину Багрянородному, и не учитывает другие племенные объединения Северо-Западного Кавказа, отраженные в письменных источниках.

Более поздние подкурганные кремации принадлежали, по его мнению, одному из адыгских племен – натухаевцам. Однако такой вывод не может быть признан верным, поскольку он основан на данных письменных источников, отражающих ситуацию на Северо-Западном Кавказе хронологически более позднюю, нежели время существования подкурганного обряда кремации. В письменных источниках домонгольского времени нет упоминаний ни о натухаевцах, ни о каком-либо другом адыгском племени.

Второй период изучения кремационных погребений на Северо-Западном Кавказе характеризуется тем, что продолжает накапливаться фактический материал. Новых могильников с погребениями по обряду

кремации раскопано очень мало (следует упомянуть Убинский могильник). Соответственно, и работ, посвященных интерпретации этой группы памятников, немного. Рассматривая раннесредневековые памятники Северо-Западного Кавказа и называя их адыгскими, Е.П. Алексеева выделила три хронологические группы: V–VII вв., VIII–IX вв. и X–XIII вв. Появление обряда трупосожжения исследовательница отнесла к первому периоду, с которыми и связала трупосожжения в каменных ящиках Борисовского могильника (Алексеева, 1964. С. 157). В последующее время количество кремационных погребений постепенно увеличивается, и уже во втором хронологическом периоде, по мнению исследовательницы, появляются урновые трупосожжения, сопровождаемые захоронением лошади. В VIII–IX вв. возникает курганный обряд погребения. Описывая третий период (X–XIII вв.), Алексеева отмечает сосуществование двух обрядов с преобладанием подкурганных погребений (Алексеева, 1964. С. 171).

Относительно этнической принадлежности кремационных могильников рассматривались следующие версии. Алексеева считала трупосожжения всех выделенных ею хронологических периодов адыгскими. Ее доказательства сводятся к выявлению генетической связи этих памятников с древнейшими адыго-меотскими памятниками. Алексеева предполагала, что обряд трупосожжения был воспринят адыгами от предков абхазов– апсилов и абазгов (Алексеева, 1964. С. 169).

Грунтовые трупосожжения Борисовского могильника, а также близкие им по основным чертам погребального обряда и набору инвентаря могильники типа Новопокровки, Б.А. Рыбаков предложил связать с древними русами (Рыбаков, 1953. С. 102–103).

Рассматривая близкие кремационным могильникам Северо-Западного Кавказа трупосожжения типа Новопокровки, С.А Плетнева предложила тюркскую версию их этнической принадлежности, аргументируя свою точку зрения существованием иных черт погребального обряда на славянских

могильниках, граничащих с кремациями типа Новопокровки, а также сходством ряда черт погребального обряда у алтайских туркоязычных племен и у народности, оставившей Новопокровский могильник (Плетнева, 1967. С. 101–103). Точка зрения Плетневой упомянута мною только потому, что в дальнейшем ее тюркская гипотеза происхождения могильников с трупосожженями в бассейне Северского Донца будет спроецирована некоторыми исследователями на могильники Северо-Западного Кавказа и у нее появится немало сторонников (Дмитриев, 2003).

В отличие от предшествующего периода, когда изучение погребального инвентаря носило исключительно описательный (не системный) характер, появляются работы, направленные на изучение материального комплекса трупосожжений. Одной из них является диссертационное исследование М.Л. Стрельченко, в котором охарактеризован комплекс вооружения по материалам Убинского и ряда других могильников (Стрельченко, 1969). Характеристика погребального инвентаря, представлена и в статье Е.П. Алексеевой, но типологического разделения различных категорий предметов исследовательница не проводила (Алексеева, 1964).

Важным итогом второго периода изучения кремационных некрополей является предложенная Алексеевой хронологическая периодизация памятников. Несмотря на ее достоинства, необходимо отметить ряд спорных и недостаточно аргументированных моментов данной периодизации. Говоря о появлении первых трупосожжений Борисовского могильника в V–VII вв., Алексеева полностью полагается на выводы, сделанные В.В. Сахневым, и не подвергает их критическому анализу (Алексеева, 1964. С. 161). Наиболее удачно исследовательницей был выделен второй хронологический этап, на который приходится апогей распространения трупосожжений типа Борисово – Дюрсо. По причине слабо разработанной хронологии средневековых памятников Западного Кавказа Алексеева ошибочно отнесла

к периоду VIII–IX вв. появление подкурганных трупосожжений в урнах, сопровождаемых ритуальным погребением лошади. Третий период (X–XIII вв.), в который входит основная масса подкурганных трупосожжений, обнаруженных под Геленджиком и Новороссийском, а также из Убинского и Колосовского могильников в Закубанье, Алексеева выделила на основе датировок, предложенных авторами раскопок этих памятников. Кроме того, при хронологической атрибуции тех или иных предметов материальной культуры, даты, предложенные Алексеевой, недостаточно аргументированы. Основным доказательством она считала предложенные исследователями рамки бытования того или иного могильника, которые в большинстве своем довольно широки (Алексеева, 1964. С. 180).

Говоря о славянской принадлежности трупосожжений из Борисовского могильника, Б.А. Рыбаков практически не аргументировал свою точку зрения. Причиной появление трупосожжений типа Борисово он считал продвижение русов на юго-восток (Рыбаков, 1953. С. 102). Главным фактором, позволившим связать население, оставившее трупосожжения Борисовского могильника, со славянами, является обряд сжигания умерших. Однако, как справедливо отметил А.Л. Монгайт, погребальный обряд не может являться достаточным этномаркерующим признаком. Славянскую принадлежность опровергает и материальный комплекс погребений третьей группы Борисовского могильника, который гораздо ближе трупосожжениям, известным на территории Северского Донца, где отсутствуют вещи, характерные для славянской культуры. Таким образом, в археологическом контексте рассматриваемых погребений нет данных, позволивших бы доказать их принадлежность славянам (Монгайт, 1955. С. 325–327).

Точка зрения Е.П. Алексеевой относительно этнической принадлежности кремационных могильников адыгам, которая, на ее взгляд, не вызывает сомнения, на самом деле достаточно спорна (Алексеева, 1964. С. 169, 182). Аргументы исследовательницы строятся на генетической связи

средневековых памятников с меотскими могильниками и поселениями. В настоящее время нет строго обоснованных данных, позволивших бы нам поставить знак равенства между культурой средневековых адыгов и культурой меотской. Однако палеоантропологические данные свидетельствуют о принадлежности черкесов и кабардинцев к кавкасионскому типу, что ставит вопрос о сохранении в их антропологическом типе, а также языке и культуре особенностей, присущих древнему населению северо-западных предгорий Кавказского хребта. Дальнейшие исследования в этом направлении помогут пролить свет на вопрос о взаимосвязи между адыгами и меотской культурой (Каменецкий, 2011. С. 340–341).

Следует отметить, что этноним «адыги» появляется только в XV в., а переносить современный и позднесредневековый этноним «адыги» на население, оставившее кремационные могильники, мы не можем. В письменных хрониках, относящихся ко времени, когда на Северо-Западном Кавказе существовал обряд трупосожжения, упоминаются зихи, касоги, папаги, эвдусиане. Без сомнения, носители обряда трупосожжения являлись важным звеном в этногенезе средневековых адыгов, но в настоящее время нет доказанных данных, что адыги, о которых писал Джоджио Интериано, и население, практиковавшее обряд трупосожжения, идентичны. В целом точка зрения Е.П. Алексеевой сходна с мнением В.В. Саханева (который также связал подкурганные кремации с адыгским племенем натухаевцев).

Интересна тюркская гипотеза, предложенная С.А. Плетневой, но поскольку наибольшую популярность она приобретает в третий период исследования трупосожжений, мы подробно рассмотрим ее ниже.

Значительное увеличение числа археологических раскопок в третий период изучения могильников с трупосожжениями способствовало появлению новых материалов, а это, в свою очередь, появлению новых исследований и научных гипотез.

Раскопки новых погребальных комплексов, с достаточно хорошо датируемыми предметами материальной культуры, позволили уточнить общую хронологию могильников с трупосожжениями. Кремационные погребения хазарского времени суммарно датируются исследователями VIII–IX вв. Рассматривая материалы могильника Дюрсо и ссылаясь на однородность предметов материальной культуры, А.В. Дмитриев посчитал, что формирование могильников проходило очень непродолжительное время – в пределах нескольких десятилетий. На основе этого он предположил, что кремации четвертого периода могильника Дюрсо следует датировать только IX в. (Дмитриев, 2003. С. 205).

Была уточнена хронология могильников домонгольского времени. По мнению А.В. Пьянкова, в начале X в. произошло сокращение ареала распространения кремаций типа Дюрсо, что могло быть связано с аланскими походами, о которых сообщали ал-Масуди и Константин Багрянородный (Пьянков, 2001. С. 205). Существуют различные мнения относительно датировки курганных и грунтовых некрополей, например Е.А. Армарчук относит погребения из этих памятников к XI – первой половине XIII в. В различных публикациях материала из кремаций Северо-Восточного Причерноморья составляющие материальной культуры позволили ограничить время бытования этих комплексов XII–XIII вв. По мнению А.В. Дмитриева, распространение подкурганных кремаций в Северо-Восточном Причерноморье произошло в первой половине XIII в. в результате вторжения монголо-татар на Северный Кавказ (Армарчук, 2003. С. 224; Армрчук, Малышев, 1997. С. 109–110; Дмитриев, 2008. С. 420).

Как мы видим, в хронологии трупосожжений немало спорных вопросов. Датировка погребений VIII–IX вв. основана преимущественно на аналогиях погребального инвентаря из других комплексов хазарского времени, известных на Северном Кавказе и на территории Северского Донца. Такая хронологическая интерпретация многих комплексов обусловлена

общей схемой датирования памятников, связанных с кругом салтово-маяцких древностей. Однако попыток разработать более дробную хронологию внутри всего массива трупосожжений не предпринималось.

Предположение А.В. Дмитриева о том, что все трупосожжения могильника Дюрсо не выходят за рамки IX в., довольно спорно и аргументировано недостаточно. Хронология кремаций хазарского периода неразрывно связана с вопросом о времени появления и происхождении обряда кремации на Северо-Западном Кавказе.

Ряд исследователей придерживается мнения об инородности обряда трупосожжения и отсутствии у него местных корней, о чем якобы может свидетельствовать появление новых могильников, отличающихся по основным чертам погребального обряда и набору погребального инвентаря от погребений предшествующего времени (Пьянков, 2001. С. 204; Дмитриев, 2003. С. 206). В пользу кубанского происхождения обряда кремаций высказывается Н. Аксенова, аргументируя свою точку зрения существованием здесь трупосожжений в хронологической группе III–IV вв. и группы кремационных погребений в могильнике Дюрсо, датирующихся раньше VIII в. (Аксенова, 2007. С. 223). На более раннее время появления кремаций на Северо-Западном Кавказе указывает В.С. Аксенов и определяет его второй половиной VII – серединой VIII в. Такая датировка, по мнению Аксенова, возможна благодаря находке поясного набора в Молдовановском могильнике (Аксенов, 2007. С. 397).

Как отмечает А.В. Пьянков, сожжения III – начала VIII в. резко отличаются основными чертам погребального обряда от последующих погребений типа Дюрсо. Часто могильные ямы в таких погребениях имеют ямы сопоставимые по размерам с обычными ямами, какие сооружались для трупоположений, а в расположении погребального инвентаря наблюдается тенденция разложить предметы в порядке, свойственном ингумационному погребальному обряду (Пьянков, 2001. С. 203–204). Однако, не следует

полностью отрицать связь «ранних» кремаций с погребениями типа Дюрсо – разница в обряде вполне естественна, так как он развивался во времени, испытывая новые влияния. Нельзя и с уверенностью говорить о появлении нового населения, поскольку погребения, совершенные по обряду кремации, соседствуют в могильниках с более ранними погребениями, что может свидетельствовать не о смене населения, а о культурном влиянии и возможном заимствовании этой погребальной практики.

Не исключено, что первые трупосожжения типа Дюрсо могли появиться в конце VII в., к таковым предположительно относятся некоторые погребения из могильников 8-я Щель, Южная Озерейка. Приблизительно этим же временем может датироваться начало третьей группы Борисовского могильника. Небольшая группа трупосожжений из некрополя Дюрсо, расположенная северней основного ядра кремаций, датируется, возможно, последней третью VII в. (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 198). Однако обоснованных данных, подтверждающих это, нет, а предметы, датировка которых не выходит за рамки VII в., могли попасть в погребение и в более позднее время. Основная часть трупосожжений могильника Дюрсо, относимая к его четвертому хронологическому горизонту, суммарно датируется VIII–IX вв. о чем свидетельствует надежная синхронизация кремационных погребений Северо-Западного Кавказа с древностями салтово-маяцкой культуры, а также находки в погребениях монет: в могильнике Дюрсо византийского солида Льва III и Константина Копронима (720–740 гг.), а в могильнике Южная Озерейка монеты Феофила (829–842 гг.).

Довольно условно выделяется группа кремаций X–XIII вв. Предпринятые попытки разделить погребения этого периода на несколько хронологических этапов заслуживают внимания, но требуют уточнения. Сложно выделить комплексы которые можно было бы отнести непосредственно к X в., такая ситуация могла сложиться по причине сокращения территории распространения трупосожжений или отсутствия

разработанной хронологической классификации местных вещей, синхронных финалу салтово-маяцкой культуры. Основную же массу кремационных погребений исследователи датируют весьма пространно – в рамках XI–XIII вв. Е.А. Армарчук предложила выделить внутри этой группы два хронологических периода: XI–XII вв. и XII–XIII вв. Погребения первого периода связываются исследовательницей с комплексами степной части Западного Закубанья (Циплиевский, Черноклен и др.), а второго – с курганными могильниками предгорной части Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Армарчук, 2003. С. 224).

Ограничение времени появления подкурганных трупосожжений только XIII в., на наш взгляд, требует серьезной проверки и дополнительной аргументации. До конца не разрешен вопрос о времени прекращения существования обряда кремирования умерших на Северо-Западном Кавказе. Произошло ли это в первой половине XIII в. по причине монгольского нашествия или же вытеснение кремаций ингумационным обрядом происходило постепенно и могло закончиться в конце XIII или в начале XIV в.? Как бы то ни было, кремационных погребений, которые можно было бы отнести ко второй половине XIV в., не выявлено.

В течение всего третьего периода изучения трупосожжений основным спорным вопросом остается этническая принадлежность этого обряда. В абазинской гипотезе Е.П. Алексеевой появление кремационных погребений объясняется переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II–VII вв., которая, по мнению исследовательницы, принадлежала предкам абазин (Алексеева, 1980. С. 36). Довольно много сторонников у тюркской гипотезы, предложенной С.А. Плетневой для могильников Северского Донца и экстраполированной на Закубанье. Так, А.В. Дмитриев писал о возможности переселения какой-то тюркской группы на Северо-Западный Кавказ под влиянием напряженной военно-политической обстановки (Дмитриев, 2008. С. 201). Поддерживал

тюркскую гипотезу и А.В. Гадло. Сылаясь на сведения, представленные в письменных источниках, он писал о появлении тюркской или тюркско-финской дружины в 60–80 гг. VIII в., с которой и связывал трупосожжения могильника Дюрсо (Гадло, 1994. С. 24–25). Сторонниками тюркской гипотезы являлись В.Н. Каминский и А.В. Пьянков (Каминский, 1993. С. 110; Пьянков, 2008. С. 385; 2013. С. 361). В.А. Тарабанов считал, что носителями обряда кремации были представители угорской группы, вошедшей в состав Хазарского каганата (Тарабанов, 2008. С. 525). Позднее к этой гипотезе присоединился и А.В. Дмитриев (Дмитриев, 2003. С. 206).

Предложенные версии этнической принадлежности частично развивают гипотезы, появившиеся в предшествующий период, а также освещают новые точки зрения. Все обозначенные гипотезы этнической принадлежности трупосожений не лишены аргументов, однако признать истинной ту или иную гипотезу мы не можем. Рассматривая их, необходимо отметить, что большинство гипотез, представленных выше, касались преимущественно памятников хазарского времени и названные версии проецировались на курганные могильники домонгольского периода. Абазинская гипотеза Е.П. Алексеевой объяснена исследовательницей как возможность переселения отдельных групп носителей цебельдинской культуры, практиковавших обряд трупосожжения. Однако, как справедливо замечает А.В. Пьянков, данная гипотеза уязвима. Рассматривая кремационные погребения, Е.П. Алексеева объединила их в одну большую хронологическую группу. Не учитывается тот факт, что кремации до VIII в. встречаются единично и несколько отличаются по форме могильного сооружения от сожжений хазарского времени и тем более от подкурганных урновых трупосожжений домонгольского периода. Следует отметить, что в Абхазии этот вид погребения характерен для римского времени и эпохи Великого переселения народов и исчезает ко второй половине V в. (Мастыкова, 2008. С. 26–32). Таким образом, между абхазскими и

северокавказскими кремациями существует хронологический разрыв не менее 200 лет.

Тюркская гипотеза происхождения трупосожжений могильника Дюрсо, по мнению А.В. Дмитриева, может быть объяснена на основе аналогий погребального обряда и сопутствующего инвентаря в памятниках с территории Северского Донца (могильники Ново-Покровский, Сухая Гомольша, которые, по-видимому, Дмитриев также считает тюркскими) и далее, вплоть до памятников Минусинской котловины (Дмитриев, 2008. С. 202). Этническая принадлежность трупосожжений с территории Северского Донца также вызывает споры, последние исследования подтвердили неоднородность населения, оставившего кремации могильника Сухая Гомольша. В кремациях Сухой Гомольши присутствуют черты ряда археологических культур степных и лесостепных районов Восточной Европы середины – второй половины I тыс. н. э. (пеньковская, колочинская, волынцевская, тюркская). Однако полной тождественности погребального обряда Сухогомольшанского могильника и погребального обряда какой-то одной из культур не наблюдается (Аксенов, 2007. С. 394–395). Нечто подобное мы наблюдаем и в кремациях Северо-Западного Кавказа, которые также демонстрируют переплетение нескольких культурных традиций. Таким образом, утверждение А.В. Дмитриева об инородности носителей погребального обряда кремации аргументировано недостаточно и весьма спорно.

Угорская гипотеза была предложена В.К. Михеевым, ее основа – сходство коньковых шумящих подвесок, характерных для финно-угорских народов, которые он счел возможным использовать как этномаркирующий признак части населения, практиковавшего трупосожжения в могильнике Сухая Гомольша (Михеев, 1982. С. 166). Этот аргумент имеет свои слабые стороны. Учитывая этническую неоднородность Сухогомольшанского некрополя, наличие шумящих коньковых подвесок свидетельствует только о

возможном присутствии угорского культурного компонента внутри всей массы населения, оставившего могильник (Аксенов, 2007. С. 395).

Л.М. Носкова ссылаясь на работу В.А. Тарабанова, определяет крмационные погребения хазарского времени, как тюрко-угорские, при этом исследовательница не приводит какие то аргументы за или против названной гипотезы (Носкова, 2011. С. 106).

Таким образом, и тюркская, и угорская гипотезы не лишены аргументов, но признать ту или иную версию верной априори мы не можем (Успенский, 2012. С. 193).

Сопоставив сведения, отраженные в нарративных источниках, с археологическим контекстом памятников Западного Кавказа, А.В. Пьянков предложил связать носителей кремационного обряда с касогами-касахами-кешаками. Об этом племенном образовании в разное время упоминали ал-Масуди, монах Епифаний, хазарский каган Иосиф, Константин Багрянородный. Соотнесение археологических памятников с территорией, которую занимали касоги, позволяет считать именно их носителями обряда кремации, это в некоторой степени подтверждается утверждением ал-Масуди: «Этот народ (кашаки) исповедует религию магов». Комментируя это высказывание, В.Ф. Минорский писал, что мусульманские авторы называли огнепоклонниками русов и норманнов, неправильно истолковывая их обычай сжигать мертвых, и предположил, что и у касогов мог быть обряд кремирования умерших (Пьянков, 2001. С. 204–205; Минорский, 1963. С. 206). Рассматривая касогов как возможных носителей обряда трупосожжения, следует отметить и другую область, упоминаемую Константином Багрянородным, – Папагию. Эта область располагается в местности с нефтяными источниками и отстоит от моря на расстоянии дня пути без смены коня (Багрянородный, 1989. С. 273). Анализируя эти данные, В.Н. Каминский локализовал Папагию на территории современного Крымского района. А.В. Пьянков предложил несколько расширить ее и

локализовывать Папагию в Крымском и предгорной и горной частях Абинского района (Каминский, 1993. С. 70–79; Пьянков, 2001. С. 201). Гипотеза Пьянкова хорошо аргументирована, однако при сопоставлении археологических данных с расселением племен, отраженных в письменных источниках, нельзя исключать из поля зрения зихов – племенное образование, локализовавшееся на Черноморском побережье, где могильников по обряду трупосожжения к настоящему времени обнаружено больше всего. Территория Папагии территориально локализуется там, где довольно много кремационных могильников.

Рассматривая проблему взаимосвязи кремационных погребений хазарского времени Северо-Западного Кавказа и Северского Донца, А.В. Пьянков и В.А. Тарабанов предприняли попытку сравнительного анализа могильников с трупосожжениями. В погребальной обрядности обеих групп много общих черт: умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем, обязательной являлась ритуальная порча вещей, в могильниках обеих групп открыты тайнички, устроенные рядом с погребениями, регулярно фиксируется обычай принесения даров. На основе сравнения погребального обряда и инвентаря исследователи выдвинули предположение об общем происхождении населения, оставившего кремационные могильники обеих групп (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 286). На близость двух групп кремационных погребений указывают прямые аналогии материалов из захоронений типа Дюрсо с памятниками Северского Донца, такое сходство авторы объясняют не прямым заимствованием, поскольку обе группы проживали на значительном расстоянии друг от друга, а именно общим происхождением. Выводы А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова поддержаны многими исследователями (Аксенов, Тортика, 2001. С. 201; Армарчук, 2003. С. 224). Несомненным достоинством данной работы является привлечение исследователями наиболее полного количества материалов из могильников с трупосожжениями. Существование связей

между двумя группами населения не вызывает сомнения, однако необходимо выяснить, какого рода были эти связи, была ли это действительно этнокультурная общность или же культурно-хронологическая общность разных этнических групп.

Общие черты в погребальном обряде и инвентаре трупосожжений двух периодов позволили исследователям объединить кремации Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья в одну «абинско-новороссийскую», или «кубано-черноморскую», группу. Учитывая такое сходство, предложено объединить все кремации региона в рамках единой археологической культуры, существовавшей на Северо-Западном Кавказе в последней четверти I – первой четверти II тыс. н. э. (Армарчук, 2003. С. 225). Такой подход к рассматриваемому материалу, на наш взгляд, не совсем верен, поскольку понятие «археологическая культура» – это исследовательский инструмент, который носит субъективный характер.

Необходимо отметить, что в работах исследователей подробно не рассматривался погребальный обряд кремационных могильников, без внимания осталась и статистика погребальных сооружений, что делает большинство выводов умозрительными.

В третий период изучения трупосожжений появляются новые исследования, посвященные материальному комплексу погребений. Основное внимание ученых привлекают детали поясных наборов, предметы вооружения и составляющие конского снаряжения. В меньшей степени украшения, детали одежды и быта. Среди работ этого направления можно выделить две группы. В исследованиях первой группы обычно довольно кратко охарактеризован весь материальный комплекс на примере одного-двух памятников. Ко второй группе относятся исследования, посвященные той или иной составляющей материальной культуры.

В статье А.А. Малышева и Е.А. Армарчук, характеризующей Цемдолинский могильник, кратко описан материальный комплекс,

представлена классификация и хронология основных категорий погребального инвентаря. В недавно вышедшей работе Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриева, посвященной публикации курганов Цемдолинского некрополя, содержится более подробный анализ погребального обряда и хронологии погребальных комплексов подкурганных погребений этого могильника (Армарчук, Малышев, 1997; Армарчук, Дмитриев, 2014).

Краткая характеристика материальной культуры трупосожжений хазарского и домонгольского времени дана в статьях И.О. Гавритухина, А.В. Пьянкова, А.В. Дмитриева и Е.А. Армарчук, Л.М. Носковой, П.С. Успенского (Крым, 2003. С. 195–206; Носкова, 2011. С. 105 – 110; Успенский, 2013. С. 87–89; 2013а. С. 157–159; 2009).

Среди работ второй группы следует выделить статью В.А. Тарабанова, посвященную метательному вооружению носителей обряда трупосожжения на примере молдовановского могильника. В данной работе подробно рассматриваются составляющие этого вида вооружения: наконечники стрел и остатки луков. На основе аналогий с находками на соседних территориях частей сложносоставного лука из синхронных ингумационных погребений предпринята попытка реконструировать конструктивные особенности луков, бытовавших в среде носителей обряда трупосожжения (Тарабанов, 2004).

Анализу вооружения ближнего боя посвящена монография У.Ю. Кочкарова, в которой предложена классификация и хронология предметов вооружения с территории Северо-Западного Кавказа (Кочкаров, 2008).

Изучению конского снаряжения посвящено комплексное исследование Е.А. Армарчук. Помимо подробной морфологической классификации, в этой работе рассматривается технологический аспект, состав металла, декор украшений конского убора. Еще одним достоинством работы является дробная хронология удил и стремян X–XIII вв. (Армарчук,

2006). Изучение удил и стремян позволило разделить их на два хронологических массива: ранний (VIII–IX вв.) и поздний (X–XIII вв.), а также сократить ассортимент изделий на позднем этапе (Армарчук, 2006. С. 108). Комплексный характер исследования позволил выявить направленность ремесленных традиций в изготовлении конской упряжи, их связи с аланской культурой, а также Хазарским каганатом и Волжской Булгарией.

В меньшей степени изучены предметы быта, украшения, детали одежды из кремационных погребений. Комплекс этих предметов охарактеризован лишь поверхностно. Представительная выборка фибул из могильника Дюрсо позволила создать их подробную типологию и хронологию, но только для ранних этапов существования некрополя, а фибулы из трупосожжений подробно не рассматривались (Дмитриев, 1982; Дмитриев, 2003. С. 201).

Исследованию керамики посвящена диссертационная работа Н.Г. Ловпаче, в ней керамические изделия из кремаций он относит к касожскому периоду. Однако из-за применяемых им наименований сосудов: «гочэсы» «гидрии зихских форм» «алиркэбы» – возникает путаница и неясность (Ловпаче, 1982), поэтому выводы Ловпаче требуют уточнения и доработки.

Таким образом, третий период изучения кремационных погребений благодаря раскопкам значительной части из ныне известных некрополей наиболее обширный. Он явился временем перехода от работ сугубо описательного и в большинстве своем умозрительного характера к попыткам фундированной систематизации накопленных данных о погребальном обряде, предметах материальной культуры, хронологии и этнической принадлежности кремационных погребений.

Изложенная история изучения раннесредневековых погребений, совершенных по отряду трупосожжения на территории Закубанья, приводит

нас к выводу, что эволюция теоретико-методического подхода к извлечению исторической информации из материалов кремационных погребений проходила синхронно с изменением общих методических тенденций в отечественной археологии.

В истории археологии выделяется три периода развития, и каждый характеризуется своими подходами к получению истинного знания о древних культурах. Культурно-историческая археология главным образом занимается сбором артефактов и их тщательной классификацией. Сходные по внешним признакам артефакты соотносились между собой, на основе сопоставлений выявлялись археологические культуры, о распространении которых можно было судить по распространенности присваиваемых им артефактов. Процессуальная археология в противовес культурной фокусируется на процессе трансформации культур прошлого, пытаясь, помимо простого сбора археологической информации, интерпретировать ее таким образом, чтобы иметь возможность ответить на вопрос, почему с течением времени происходят те или иные изменения в человеческой культуре. В основе процессуальной археологии заложено характерное для философии позитивизма предположение, что подобные знания можно получить исключительно на основе научного метода (Клейн, 2009. С. 39–41). Основой новой археологии стала так называемая *аналитическая методология*, в которой глава новой археологии Л. Бинфорд решающую роль отводит развитию аналитической техники и формированию все более адекватных аналитических ячеек для измерения переменных в культуре и среде (Клейн, 2009. С. 220).

Далее выделяется постпроцессуальный период, «сосредоточившийся» на утверждении о том, что любой археолог, анализирующий полученные данные, имеет тенденцию интерпретировать их, исходя из своего жизненного опыта и своей философии, а не из неизвестной еще философии и опыта древнего народа, что закономерно порождает перекосы в интерпретации

археологической информации (Binford, 1962. P. 217–225; Clarke, 1973. P. 6–18; Hodder, 2005. P. 207–212).

Таким образом, анализируя выделенные периоды изучения кремационных погребений, необходимо отметить, что основная часть выводов о кремационных погребениях сделана на основе подходов, характерных для культурно-исторического периода. Гипотезы часто интуитивны и недостаточно аргументированы, поэтому требуют дополнительной интерпретации или переосмысления. Однако значение уже полученных сведений велико, и в дальнейшем использование данных, полученных в результате предшествующих исследований, в синтезе с новыми методами археологического исследования, а именно формирование базы данных с характеристикой кремационных погребений Северо-Западного Кавказа и ее дальнейшее исследование методами многомерного статистического анализа и методами пространственного анализа, новыми методами исследования антропологического материала, будет способствовать получению новой информации для ее последующей исторической интерпретации с учетом сведений письменных источников о раннесредневековых обитателях этой территории. А тезис постпроцессуального подхода об обращении к символизму древних культур дает возможность по-новому взглянуть на погребальный обряд как на один из самых наполненных символизмом феноменов в развитии человеческого общества. Все это позволит осветить многие актуальные проблемы этнической и политической истории населения Восточной Европы в конце I – начале II тысячелетия н. э., а возможно, и подойти к их решению.

Глава II

Хронология погребения по обряду трупосожжения из могильников Северо-Западного Кавказа

Хронологический анализ исследуемой группы кремационных погребений имеет важнейшее значение в рамках данной работы. Разработка вопросов хронологии является основой для всех историко-культурных построений. На первом этапе результатом становится создание относительной хронологии – группировка материала на основе сочетания разнообразных типов вещей и их признаков в последовательности, за которой мы и стремимся увидеть изменения во времени (Ковалевская, 1995. С. 5). На втором – привязка относительной хронологии к датам, т. е. создание абсолютной хронологии.

Следует отметить ряд работ, посвященных хронологии памятников Восточной Европы эпохи Средневековья, синхронных кремационным погребениям на Северо-Западном Кавказе. В первую очередь это исследования, материалов хазарского и предшествующего ему времени.

Одной из первых попыток создания хронологической схемы для раннесредневековых памятников Восточной Европы являются исследования А.К. Амброза (Амброз, 1971а; 1971б). Относительная хронология для салтово-маяцкой культуры, базирующаяся на материалах Дмитровского могильника, разрабатывалась в работах С.А. Плетневой (Плетнева, 1967; 1989). На основе классификации поясных наборов и украшений В.Б Ковалевской была представлена хронология раннесредневековых памятников Северного Кавказа (Ковалевская, 1979; 1981). Попыткой уточнения и создания более дробной временно́й шкалы, охватывающей материалы памятников предсалтовского и раннесалтовского горизонтов, представляется ряд работ А.В. Комара (Комар, 1999). Вопросам хронологии

периода становления Хазарского каганата посвящена большая статья И.О. Гавритухина (Гавритухин, 2005).

Следует также отметить исследования А.И. Айбабина, посвященные изучению хронологии могильников Крыма. На основе хорошо стратифицированных могильников и синхронизации погребений с нумизматическим материалом автором предложена стройная хронологическая шкала для крымских раннесредневековых памятников (Айбабин, 1990; 1993а; 2003; Айбабин, Хайрединова, 2008). Значительный раздел посвящен хронологической дифференциации комплексов в диссертационном исследовании А.А. Иванова, охватывающем погребальные памятники второй половины VII – первой половины IX в. Дона и Доно-Волжского междуречья (Иванов, 1999).

В настоящее время приобретают важное значение памятники, позволяющие более узко датировать материал. На Северном Кавказе к таковым относится могильник Мокрая Балка. Использование методов многомерного статистического анализа, а также синхронизация погребальных комплексов с нумизматическим материалом позволила Г.Е Афанасьеву убедительно выделить четыре этапа существования этого некрополя (Афанасьев, Рунич, 2001). Хронология Мокрой Балки, разработанная Афанасьевым, в целом хорошо сочетается с хронологией катакомбных могильников Северного Кавказа, представленной в серии работ В.Ю. Малашева и И.О. Гавритухина (Малашев, 2001; Гавритухин, Малашев, 1998).

Еще одним перспективным памятником для разработки дробной периодизации явился могильник у села Лучистое в Крыму. По материалу, обнаруженному в захоронениях некрополя, удалось проследить историю средневекового населения Крыма с V по XVIII в., а закрытые комплексы могильника второй половины III–IX вв. разделены на группы, ограниченные полувековым периодом (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 14, 19, 45).

Изучению хронологии некрополей X-XIII вв., посвящено меньше работ. Следует отметить разработки С.А. Плетневой, где определены основные хронологические этапы для кочевнических комплексов Восточной Европы X–XIII вв. Датировки, предложенные исследовательницей, опираются только на аналогии (Плетнева, 1981), поэтому большое значение приобретает исследование Г.А. Федорова-Давыдова. На основе детально разработанной классификации вещевого комплекса и с использованием статистических методов им были выделены четыре хронологические группы погребений восточноевропейских кочевников (Федоров-Давыдов, 1966). Разработанная Федоровым-Давыдовым классификационно-хронологическая схема не потеряла актуальности вплоть до настоящего времени.

Хронология отдельных составляющих материального комплекса из кочевнических захоронений представлена в работах А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000; 2000а). Временны*е* рамки кочевнических комплексов с территории Восточного Приазовья рассмотрены в монографии И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе, Е.И. Нарожного (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011).

Специального исследования, посвященного изучению хронологии трупосожжений, нет. В статье Е.П. Алексеевой кремационные погребения рассматривались вкупе с другими памятниками (поселения и погребения по обряду ингумации) и были разделены на три хронологических этапа: V–VII вв., VIII–IX вв. и X–XIII вв. (Алексеева, 1964, С. 157, 165, 171). Хронология отдельных погребений по обряду кремации, а также предварительная публикация могильников с указанием примерного времени их бытования отражены в работах А.В. Пьянкова (Пьянков, 2008; 1988; 1993; 2000; Пьянков, Тарабанов, 2008). Кремационные погребения Северо-Восточного Причерноморья (некрополи типа Борисово – Дюрсо) объединены в единую временну*ю* группу VIII–IX вв. в очерке И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова. (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195). Грунтовые и

подкурганные кремации (типа Цемдолины) рассматриваются в статье Е.А. Армарчук, где они относятся к X–XIII вв. (Армарчук, 2003. С. 215). Анализу хронологии курганов Цемдолинского могильника посвящен раздел в монографии Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриева, подкурганные кремации из этого памятника исследователи предлагают датировать XI – началом XIII в. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 52–56).

Таким образом, в известных исследованиях погребения по обряду кремации разделены на два больших хронологических горизонта: кремации хазарского времени VIII–IX вв. и X – XIII вв. Основу названной временно́й схемы преимущественно составляют даты, определенные традиционным методом, заключающимся в проведении аналогий с тем или иным типом вещей и/или основными чертами погребального обряда. Данный метод зарекомендовал себя как универсальный и достаточно проверенный, однако он не лишен недостатков. Поскольку можно отыскать убедительные аналогии между разнообразными предметами материальной культуры из кремационных погребений хазарского времени и памятниками салтово-маяцкой культуры, трупосожжения датировались исследователями в пределах устоявшихся хронологических рамок для этой культуры (VIII–IX вв.), определенных еще во второй половине XX в., без попыток выделения более дробных этапов. Подобная ситуация складывалась и относительно кремаций печенежско-половецкого периода. В очерке Е.А. Армарчук, посвященном древностям Северо-Восточного Причерноморья, и в монографии исследовательницы, касающейся конского снаряжения, было намечено разделение погребальных комплексов с трупосожжениями из Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья на два периода – XI–XII вв. и XII – начало XIII в. Такими же временны*ы*ми рамками исследовательница в соавторстве с А.В. Дмитриевым датирует подкурганные захоронения Цемдолинского могильника в недавно вышедшей монографии (Армарчук, 2003. С. 224–225; 2006. С. 12–13; Армарчук, Дмитриев, 2014). В

статье Л.М. Носковой предложено выделить три территориальных группы могильников: I – в междуречье рек Псекупс и Пшиш, II – район рек Убин и Абин, III – памятники предгорной зоны, датирующиеся соответственно: XI в, XII – началом XII, концом XII – началом XIII в. (Носкова, 2011. С. 105).

Нередки попытки датировать весь массив кремационных погребений, основываясь лишь на наиболее ярких комплексах или материалах одного-двух могильников – рамки таких временны*х* отрезков являются весьма спорными и требуют проверки. Изучение хронологии кремационных погребений требует привлечения всех известных на сегодняшний день материалов. Учитывая большое количество накопленного материала, для его обработки необходимо использовать новейшие методы исследования. За последние 30 лет в археологической науке в широкий обиход вошли компьютеры, что делает возможным применение в археологических исследованиях, считавшиеся ранее трудоемкими, процедуры многомерного статистического анализа.

Для создания относительной хронологии кремационных погребений Северо-Западного Кавказа на первом этапе работы была составлена база данных (информационно-поисковая система), содержавшая информацию о погребальном обряде и инвентаре в 725 погребальных комплексах (приложение 2, 3). Из всего многообразия погребального инвентаря нами были отобраны предметы, которые можно использовать в качестве гипотетических культурно-хронологических маркеров (рис. 4, 5; 7). Критерием отбора явилось наличие у того или иного предмета эволюционной колонки, на основе которой можно проследить его развитие в результате влияния фактора времени. Отбирались предметы, имеющие, на наш взгляд, достаточное количество (выборку) во всех анализируемых погребениях. Это детали конского снаряжения, предметы вооружения, детали поясных наборов, серьги, амфоры. Отобранные предметы становились главными

маркерами для дальнейшей работы по созданию системы относительной хронологии исследуемых погребальных комплексов.

Следующий этап исследования – компьютерная обработка базы данных. Главной целью такой обработки является выявление и оценка всего разнообразия связей между отобранными признаками (та или иная категория погребального инвентаря) и объектами (погребения). Для решения поставленной задачи использовалась методика, разработанная Г.Е. Афанасьевым при создании хронологии могильника Мокрая Балка и апробированная в исследованиях Д.С. Коробова, З. Х-М. Албеговой, В.Ю. Малашева (Афанасьев, Рунич, 2001; Коробов, 2003). Процедура многомерного статистического анализа производились в компьютерной программе для статической обработки Statgraphics plus 5.0.

Использование многомерного статистического анализа во многом ограничивает субъективизм исследователя при оценке связей между выделенными признаками. При разработке хронологии предметов материальной культуры из могильников с турпосожжениями в первую очередь необходимо было рассмотреть вопрос о степени их взаимосвязи между собой, об их группировке. Для этого целесообразным представляется использование одного из методов многомерного статистического исследования – факторного анализа. Факторный анализ имеет своей целью упорядочить исходную информацию так, чтобы выразить большое количество признаков через меньшее число более объемных характеристик изучаемого явления, называемых факторами. В процессе обработки корреляционной матрицы выделяются наиболее тесно связанные между собой факторы, которыми и описывается вся выборка признаков (предметов материальной культуры). Важной составляющей факторного анализа является процедура вращения факторной матрицы, позволяющая сделать факторы более весомыми, что, в свою очередь, делает более четким представление о внутренней группировке изучаемого явления (Афанасьев,

Рунич, 2001. С. 30). При вращении факторной матрицы использовался метод варимакс (varimax).

Поскольку отобранные признаки соответствовали довольно большому набору предметов, последние для удобства работы были разделены на две группы, внутри которых и проводился факторный анализ.

В первую группу вошли детали поясных наборов (пряжки, наконечники поясов, ременные разделители, поясные накладки и бляхи, фибулы и серьги). После проведения факторного анализа удалось выделить девять факторов с различной силой связи между теми или иными признаками (рис. 4, 5).

Фактор 1: трапециевиднорамчатые пряжки с подвижным трапециевидным щитком, трапецерамчатые безщитковые пряжки, пряжки с трапециевидной рамкой и пятиугольным щитком с фигурным окончанием, а также поясные наконечники (рис. 10, *1-5*; 12, *9*, *10*, *14-18*;).

Фактор 2: овальнорамчатые и округлорамчатые пряжки, серьги с несомкнутыми или заходящими концами, сплошные височные кольца и височные кольца, изготовленные из полой трубочки (рис. 35, *1-6, 7, 9, 10*).

Фактор 3: ременные разделители и поясные накладки различной формы (рис. 13).

Фактор 4: прямоугольнорамчатые пряжки с подвижным щитком, овальнорамчатые пряжки с щитком с прорезью и составные поясные бляхи-накладки различной формы (рис 12, *9, 10;* 13, *16*).

Фактор 5: составные серьги с шаровидной украшенной зернью подвеской (рис. 16, *1, 2*).

Фактор 6 состоит из овальнорамчатых и лировидных пряжек с пятиугольным щитком (рис. 12, *4, 5, 7*).

Фактор 7: составные серьги с бипирамидальной подвеской и подвеской, состоящей из спаянных между собой шариков разного диаметра (рис. 12, *5, 8*).

Фактор 8: пряжки с двойной симметричной рамкой и прямоугольнорамчатые безщитковые пряжки (рис. 12, *6, 12*).

Фактор 9: составные серьги с литой подвеской из шариков разного диаметра и фибулы (рис. 16, *6, 7*; 17).

Таким образом, можно говорить о том, что выделенные в первой группе анализируемых признаков девять факторов обладают довольно сильными внутригрупповыми связями. Можно высказать несколько налюдений. Так, фактор 1, наиболее сильный, включает в себя детали поясных наборов. Положительную ковариационную связь с фактором 1 имеют поясные накладки различной формы, формирующие фактор 3. Достаточно сильная ковариационная связь предметов из фактора 1 прослеживается с предметами из фактора 4 – округлыми и составными поясными бляхами, прямоугольнорамчатыми пряжками с подвижным щитком. Слабая связь фактора 1 выявлена с фибулами, формирующими фактор 9. Указанные группы вещей происходят только из грунтовых трупосожжений могильников Дюрсо – Борисово – Молдовановский – Казазово. Прослеживается отрицательная или очень слабая ковариационная связь признаков факторов 1, 3, 4, 9 с серьгами, происходящими из названного выше круга памятников и наполняющими факторы 5 и 7. Это может быть объяснено не хронологическим различием рассматриваемых предметов, а связью поясных наборов преимущественно с мужскими, а серег – с женскими захоронениями.

Довольно хорошо выделяется фактор 2, который наполняют овально- и округлорамчатые безщитковые пряжки, простые проволочные серьги и височные кольца, преимущественно из безурновых и урновых погребений домонгольского времени. Вещи, объединенные в фактор 2, не имеют положительных связей с предметами, наполняющими факторы 1, 3, 4, 9, что убедительно доказывает хронологическое различие между ними.

Вторая анализируемая группа переменных включала в себя предметы конской упряжи (стремена и удила) и вооружение (сабли с деталями гарнитуры, топоры и копья). В результате проведенного факторного анализа рассматриваемые признаки были объединены в 14 факторов (рис. 3).

Фактор 1: короткие слабоизогнутые сабли, сабельные перекрестия с дисковидными окончаниями, топоры и пиковидные наконечники копий (рис. 21, 22, *28-32*).

Фактор 2: прямые брусковидные сабельные перекрестия с расширением в центральной части, навершия сабельной рукояти типа 1, а также наконечники копий с пером удлиненно-треугольной формы (рис. 21, *6, 7, 4*)..

Фактор 3: удлиненно-арочные стремена и удила со стержневидными псалиями (рис. 18).

Фактор 4: подтреугольно-округлые и арочные стремена (рис. 29, *3, 6*).

Фактор 5: арочные стремена с широким отверстием для путлища и двусоставные однокольчатые удила (рис. 29, *1, 7-10*).

Фактор 6: грушевидные навершия сабельных рукоятей и прямых перекрестий с раструбными окончаниями, а также наконечники копий с удлиненно-треугольным пером (рис. 26, *6, 7, 8, 9*).

Фактор 7: удлиненно-арочные стремена с округлой петлей для путлища и удила со стержневидными псалиями (рис. 18, *2, 9, 10*).

Фактор 8: предметы сабельной гарнитуры – перекрестия с хорошо выделенным боковым щитком, грибовидными окончаниями, опущенными вниз, и уплощенно-цилиндрические навершия рукоятей сабель с треугольными выступами по бокам (рис. 31, *6, 4, 5*).

Фактор 9: кольчатые стремена и удила с крыловидными псалиями (рис. 24, *3, 4, 6*).

Фактор 10: арочные стремена с выделенной петлей для путлища, длинные слабоизогнутые сабли и сабельные гарды с грибовидными окончаниями (рис. 29, *1*; 31, *1, 2, 7, 8*).

Остальные четыре фактора оказались незагруженными, и их роль в суммарной дисперсии признаков очень незначительна.

Таким образом, во второй группе анализируемых переменных выявлено 10 факторов, имеющих сильные внутригрупповые связи. Один из наиболее сильных – фактор 1. Он объединяет предметы вооружения, характерные для могильников типа Дюрсо. Обращает на себя внимание довольно сильная ковариационная связь переменных фактора 1 с прямыми брусковидными сабельными навершиями, наполняющими фактор 2. Далее выделяются предметы конской упряжи из фактора 3 (удлиненно-арочные стремена с вытянутой петлей для путлища и удила с S-видными псалиями), имеющие сильные связи с удлиненно-арочными стременами с менее массивной петлей для путлища и удилами со стержневидными псалиями, объединенными в фактор 7. У предметов вооружения факторов 3 и 7 прослеживается положительная ковариационная связь с предметами, наполняющими факторы 1 и 2.

Довольно сильным является фактор 10, объединяющий длинные слабоизогнутые сабли, прямые или слегка изогнутые сабельные перекрестия с грибовидными окончаниями и арочные стремена, предельно расширенные у подножки. Положительная ковариационная связь фактора 10 наблюдается с уплощенно-цилиндрическими навершиями сабельных рукоятей, объединенных в фактор 8. Признаки, наполняющие факторы 4 и 5, имеют слабую, но все же положительную связь с вещами фактора 10. Именно в этих четырех факторах отражается набор предметов, характерных преимущественно для урновых подкурганных трупосожжений.

Теперь рассмотрим фактор 9, объединяющий удила с крыловидными псалиями и кольчатые стремена. Эти предметы имеют довольно сильную

ковариационную связь с фактором 12, в котором объединены кольцевидные стремена, навершия сабельных рукоятей с расширенной головкой и пиковидные наконечники копий. Сила связи между признаками в двух вышеназванных факторах дает основание считать их промежуточными между двумя группами факторов, объединяющих вещи из трупосожжений типа Дюрсо и из подкурганных кремаций.

Наиболее обособленным выглядит фактор 6, нагруженный сабельными гардами с раструбными окончаниями, навершиями рукояти сабли с расширенной головкой и наконечниками копий с удлиненно-треугольным пером. Подобным образом выглядит и фактор 11, включающий навершия сабельной рукояти с сужением в центральной части и копья с листовидным пером. Оба фактора имеют очень слабые, но положительные ковариационные связи с промежуточными факторами 9 и 12.

Таким образом, факторный анализ предметов вооружения и конской упряжи позволяет на основе ковариационных связей между факторами говорить о выделении трех групп признаков: первую составляют факторы 1, 2, 3, 7, объединяющие предметы материальной культуры, характерные для кремационных погребений типа Дюрсо – Борисово – Молдовановский – Казазово; во вторую входят факторы 9, 12, 6, 11 с вещами из грунтовых урновых и безурновых кремаций типа Циплиевский Кут – Абинский-4 – Ленинохабль; к третьей группе относятся факторы 10, 8, 4 и 5, в которых объединяются вещи из подкурганных некрополей типа Цемдолинский – Шизе-4 – Шебш 1 и 2.

Достоверность полученной группировки предметов может быть проверена методом дискриминантного анализа, который представляет собой статистическую процедуру для изучения различий между двумя и более группами объектов по нескольким переменным одновременно (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 35). Предметы материальной культуры проверялись на принадлежность той или иной группе вещей путем анализа

наличия/отсутствия в этих группах предметов, ранее участвовавших в факторном анализе. При проведении дискриминантного анализа был построен двухкоординатный график для двух групп предметов (группа 1 – поясные наборы и украшения, группа 2 – вооружение и конская упряжь) (рис. 8, *1*, *2*). Отраженные на графиках результаты дискриминантного анализа показывают, что выделенные факторы вполне различимы, т. е. предметы, характерные для того или иного хронологического этапа, сгруппировались в определенных местах на графике. Наиболее показательным является график отражающий итог дискриминантного анализа для предметов вооружения и конской упряжи (рис. 8, *2*).

Поскольку изначально весь анализируемый массив признаков был разделен на две группы (поясные наборы, украшения, с одной стороны, и вооружение, конская упряжь – с другой), требовалось выяснить степень взаимосвязи между собой предметов из обеих групп. Для этого был дополнительно проведен факторный анализ всего массива вещей. В итоге весь анализируемый массив признаков был объединен в 22 фактора с различной силой связи между признаками внутри каждого фактора (рис. 9).

Сопоставление всего анализируемого комплекса предметов материальной культуры может привести к выводу, что структура множества признаков стала размытой и измельченной в объединенной факторной матрице. Но данный вывод легко опровергается, если при группировке предметов мы учтем не только внутрифакторные связи между признаками, но и связь между факторами. Таким образом, положительные связи имеются между вещами, объединенными в факторы 1, 3, 4, 6, 7, 8 и 9; указанные факторы объединяют предметы, характерные для грунтовых кремационных погребений из могильников типа Дюрсо – Борисово – Молдовановский – Казазово. Следующая группа объединяет факторы 10, 11 и 19; предметы, объединенные в этих факторах, характерны для погребений могильников типа Циплиевский Кут – Черноклен – Ленинохабль. Довольно сильными

межфакторными связями объединены предметы, наполняющие факторы 2, 5, 14 и 18 и в большинстве своем происходящие из подкурганных кремационных погребений. Таким образом, результаты объединенного факторного анализа позволяют говорить о выделении трех групп факторов.

Первая группа объединяет детали поясных наборов и состоит из щитковых пряжек с различной формой рамки и щитка, пряжек с двойной симметричной рамкой, трапециевиднорамчатых безщитковых пряжек, наконечников поясов и ременных разделителей и накладок. К этой группе относятся составные серьги с различной формой привески, подвески и фибулы с завитком на конце, короткие слабоизогнутые сабли с прямыми пластинчатыми перекрестиями или перекрестиями с дисковидными окончаниями, навершия рукояти встречаются очень редко и представлены экземплярами в виде железного колпачка, уплощенного с двух сторон. Дополняется первая группа наконечниками копий с удлиненно-треугольным или пиковидным пером и боевыми топорами. Из конской упряжи в первую группу вошли удлиненно-арочные стремена, грушевидные стремена с небольшой петлей округлой формы, удила с S-видными и стержневидными псалиями (рис. 10–23). Данная группа объединяет вещи из погребений могильников Борисово, Дюрсо, 8-я Щель, Молдовановский, Казазово II, Псекупский, Общественный II.

Вторая группа включает в себя погребения с двусоставными однокольчатыми удилами с крыловидыми псалиями, подобными удилами без псалиев, кольцевидными и кольчатыми стременами. Сабли представлены как короткими, так и длинными слабоизогнутыми экземплярами с прямыми перекрестиями с раструбными окончаниями и перекрестиями с грибовидными окончаниями без бокового щитка. Среди наверший рукоятей сабли выделяются: грушевидные и в виде колпачка с сужением в средней части гладкого или граненого тулова. К деталям поясных наборов относятся безщитковые овально- и прямоугольнорамчатые пряжки. Преобладают

простые проволочные с несомкнутыми или заходящими окончаниями серьги, а также появляются сплошные литые височные кольца (рис. 24–28). Ко второй группе принадлежат погребения из поселка Абрау-Дюрсо, могильников Андреевская Щель, Ленинохабль, Циплиевский Кут, Псекупский, Черноклен, Абинский-4, Ахтырский Лиман и по-видимому, некоторые погребения Цемдолинского могильника.

Третью группу составляют погребения с арочными стременами различной конфигурации, двусоставными однокольчатыми удилами, сабли преимущественно длинные, слабоизогнутые, с обоюдоострыми окончаниями. Сабельная гарнитура представлена перекрестиями с грибовидными окончаниями без бокового щитка и со щитком, навершия рукоятей уплощенно-цилиндрической формы с боковыми щитками. Очень редко встречаются наконечники копий с пером удлиненно-треугольной формы. Из предметов поясной гарнитуры в третьей группе только овально- и прямоугольнорамчатые безщитковые пряжки. Среди типов серег выделяются проволочные серьги с несомкнутыми окончаниями, сплошные височные кольца, серьги, изготовленные из полой трубочки, и серьги с напускной бусиной (рис. 29–37). К третьей группе относятся погребальные комплексы из могильников Цемдолинский, на г. Сапун, Кабардинка (Кедровая роща), Васильевка-4, Южноозереевский, Борисовский курганный, Лобанова Щель, Чайка, на р. Жане, основная часть погребений могильника Шебш 1 и 2, Шизе IV.

Три названные группы, определенные методами многомерной статистики, позволяют выстроить относительную хронологию изучаемых погребальных комплексов. Используемая методика позволила сгруппировать эволюционные колонки сразу нескольких категорий предметов, сопровождающих как мужские, так и женские погребения. Данное обстоятельство дало основание рассматривать полученную группировку не как результат влияния гендерных или социально-имущественных различий, а

как проявление хронологического фактора, что позволяет говорить о выделении трех культурно-хронологических этапов в существовании кремационных могильников на Северо-Западном Кавказе (Успенский, 2013. С. 157–159).

Первая выделенная группа инвентаря связана с кремационными погребениями хазарского времени (погребения могильников типа Дюрсо – Борисовский – Молдовановский – Казазово), вторая и третья группы приходятся на X–XIII вв. (могильники типа Южноозереевский – Абинский-4 – Циплиевский Кут – Ленинохабль и Цемдолинский – Шизе-IV – Шебш 1 и 2).

Для выполнения задачи абсолютного датирования памятников использовались монетные находки в захоронениях. Однако, учитывая не очень большое количество монет, найденных в погребениях с трупосожжениями, для уточнения датировок внутри выделенных групп инвентаря проводилось их сравнение с однотипными вещами, сопровождаемыми монетами, из других комплексов Восточной Европы, а также сопоставление с уже известными хронологическими схемами.

Относительно использования монет для датирования археологических находок в научной литературе высказываются различные мнения. Без опровержения остается тезис, согласно которому найденные монеты дают репер *terminus post quem*, времени археологизации комплекса (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 36; Комар, 2011. С. 564). Гораздо больше споров вызывает вопрос о так называемом времени запаздывания монет в захоронениях. По мнению А.И. Семенова, византийские солиды, происходящие из погребений хазарского времени, обладают весьма высокими датирующимися способностями и характеризуются небольшим временем запаздывания. Данный вывод был отчасти подтвержден в диссертационном исследовании А.А. Иванова на основе анализа

погребального инвентаря из курганов с квадратными ровиками на Нижнем Дону (Иванов, 1999. С. 69).

Время запаздывания византийских монет, основанное на методе, разработанном И.С. Каменецким, Б.И. Маршаком и Я.А Шером и характеризующемся вычислением средней величины запаздывания монет в составах кладов, предложено Г.Е. Афанасьевым для создания абсолютной хронологии могильника Мокрая Балка. Довольно большое количество монет в погребениях этого памятника с проведением корреляции с вещевым комплексом позволило выделить обоснованные хронологические этапы существования некрополя (Каменецкий, Шер, Маршак, 2013. С. 105–106; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 36, 37.). Установлено, что временной разброс монет с поправками в родственных типологически и хронологически комплексах не выходит за рамки выделенных Г.Е. Афанасьевым этапов (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 45).

Иной точки зрения придерживается А.В. Комар, считая, что достаточно сложно вычислить усредненный период запаздывания монет, иллюстрируя свою точку зрения примерами комплексов, где монета запаздывала на 100 и более лет (Комар, 2011. С. 564). Изложенные автором факты хорошо известны и периодически излагаются в научной литературе уже не одного десятилетие. Но в пылу дискуссий о проблемах хронологии раннесредневековых материалов иногда забываются исходные принципиальные позиции метода Каменецкого – Маршака – Шера, а именно то, что исчисление коэффициентов запаздывания монет в том или ином регионе носит локальный и условный, а не абсолютный характер. К данному методу нужно подходить творчески, гибко и в обязательном порядке проверять жизненность полученных абсолютных величин запаздывания монет их сопряженностью с относительной хронологией, построенной объективными методами группировки археологического материала. Эта процедура сродни исчислению антропологами величины средней

продолжительности жизни населения, оставившего тот или иной могильник, когда полученное абсолютное значение носит обобщенный характер для всей популяции, практиковавшей там погребения, и не исключает отклонений в ту или другую сторону у конкретных индивидуумов. Но если относительная хронология погребальных комплексов построена субъективными методами в традиционных рамках «культурно-исторической археологии», характерной для второй половины XIX – середины XX в., то и рассчитанные значения запаздывания монет в процессе интерпретации полученной таким образом эволюционной схемы артефактов, как правило, становятся «неудобными» для исследователя и отвергаются.

Довольно интересна предложенная Е.В. Кругловым топография византийских монет, выявившая три территориально-хронологические группы (ТХГ) этих находок. Монеты, найденные в кремационных погребениях на Северо-Западном Кавказе, относятся к третьей территориально хронологической группе (ТХГ-3) – это солиды Льва III Исавра и его сына Константина V Копронима. Монеты из погребений этого периода совпадают с установлением недолгосрочного периода сближения Византии и Хазарского каганата и поэтому не имеют большого периода запаздывания (Круглов, 2002. С. 90).

Таким образом, для использования монет в абсолютной хронологии какого бы то ни было археологического памятника, следует учитывать ряд особенностей. Однако, как справедливо отмечает Г.Е. Афанасьев, сомнение в отношении самого принципа применения монетных находок для датировок может означать сомнение в датирующих возможностях любого другого археологического артефакта, или классификационной схемы вещей, или целой цепочки аналогий (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 45).

Абсолютная датировка кремационных погребений основывается не только на той дате, которую указывает нам монета, но и на «инвентарном» контексте рассматриваемого погребального комплекса. Необходимо

учитывать состояние самой монеты – например, использовалась ли она как украшение. Рассматривая все известные монетные находки в могильниках, мы можем утверждать, что представленные в трупосожжениях монеты не противоречат с точки зрения датировки предметам, обнаруженным вместе с ними. В погребениях XII–XIII вв. отсутствуют византийские солиды первой половины VIII в. или арабские дирхемы IX в.

Поскольку монетными находками наполнен в большей степени первый, «хазарский», этап существования обряда трупосожжения в регионе, для хронологической дифференциации более поздних погребений использовались иные маркеры. К таковым относятся вооружение и конская упряжь, детали одежды и некоторые предметы украшений. В качестве хронологических индикаторов здесь могут выступать и импортные предметы: средневековые амфоры, пифосы, стеклянная посуда.

Перейдем к рассмотрению хронологических рамок вышеназванных трех групп.

Первый хронологический этап (первая группа факторов) представлен преимущественно погребениями, датирующимися в пределах VIII–IX вв. Однако в рассматриваемых погребальных памятниках известны захоронения и более раннего времени. Они в рассматриваемой выборке обнаружены среди безурновых кремаций в каменных ящиках Борисовского могильника, здесь в погребении № 47 была найдена литая пряжка с геральдическим щитком без прорезей, с небольшим острым выступом в нижней части (рис. 10, *1*). Подобные пряжки встречаются в VI–VII вв. и соотносятся с горизонтом Прещепинского клада. Они известны в погребениях могильника Мокрая Балка с серебряными монетами Хосрова I (531–579 гг.) Хосрова II (591–628 гг.), Маврикия (582–602 гг.), с серебряными индикациями с монеты Фоки (602–610 гг.). Учитывая поправки, данные монеты гипотетически определяют время погребений второй половиной VI – первой четвертью VII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 40–41. Рис. 141, *4*, 143, *13*, 155, *4*). В Крыму

такая пряжка известна в Суук-Су и датируется по найденной там монете первой половиной VII в. (Айбабин, 2003, табл. 20, *64*). Сходная пряжка, обнаруженная в погребении конца VI – первой четверти VII в. у хутора Крупской, отнесена А.Г. Атавиным к типу 6. Ссылаясь на данные В.Б. Ковалевской, А.Г. Атавин упоминает о встречаемости пряжек типа 6 в материалах VII–VIII вв. (Атавин, 2008. С. 35. Рис. 2, *1*; Ковалевская, 1979. С. 40, табл. XVIII, 24).

Из погребений № 138 и 141 Борисовского могильника, а также из погребения № 235 могильника Дюрсо происходят пряжки типа Сиракузы и «сумочная» пряжка с прорезью типа Бал-Гота (рис. 10, *2, 5, 3*). Пряжки этих типов известны в памятниках Крыма – Суук-Су, Эски-Кермен, Бал-Готе в комплексах рубежа VII–VIII вв. и VIII в. Данные изделия соотносятся с горизонтом Вознесенки. Время бытования их в Крыму ограничено А.И. Айбабиным VII в.; И. Вернер, Д. Чаллань, В.К. Пудовин датируют пряжки типа Сиракузы концом VI – первой половиной VII в. (Комар, 1999).

На основе материала из склеповых погребений Крыма А.К. Амброз предложил расширить верхнюю границу бытования пряжек типа Сиракузы до первой половины VIII в. Подобные пряжки выявлены в Лучистом, в погребениях восьмой группы (первая половина VII в.), продолжают встречаться в девятой группе второй половины VII в. и в десятой группе первой половины VIII в. (рис. 11, *5, 15, 26–29*) (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 55. Рис. 29, *5*; С. 61. Рис. 30, *5*). В Коринфе пряжка типа Сиракузы найдена в одной из могил базилики Кранейон вместе с монетами Константа II (641–668 гг.); на Самосее – в могилах № 3 с монетами Ираклия (613–616 гг. и 615/16 г.) и Константа II, из которых самая ранняя – 643/44 г., а самая поздняя – 659–665 гг.; на Крите подобные изделия были обнаружены в слоях VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 56). Таким образом, монетные находки указывают на бытование таких изделий преимущественно в VII в. Наиболее близким местом, откуда рассматриваемые пряжки могли попасть в

кремационные захоронения могильников Борисово и Дюрсо, является Крымский полуостров. В частности, известно об их производстве в Херсоне во второй половине VII в. (Айбабин, 1982. С. 196).

Следует отметить, что от классических пряжек этого типа находка из Борисово отличается конструкцией язычка, который по наличию двух выступов близок конструкции язычка пряжки типа Бал-Гота из погребения № 141, датирующейся первой половиной VIII в. (Айбабин, 1990. С. 43; Комар, 1999. С. 50). Иная конструкция язычка и у пряжки из Дюрсо – он довольно грубо изготовлен из простой бронзовой проволоки (такая форма язычка абсолютно нехарактерна для классических пряжек типа Сиракузы), это указывает на то, что замена язычка произошла спустя определенное время после изготовления рамки, в процессе ее использования (рис. 10, 5). По мнению А.В. Комара, борисовская пряжка несколько моложе основного массива изделий такого типа и может быть отнесена уже к горизонту Галиат-Геленовка. Датировки для горизонта Вознесенки, предложенные Комаром на основе монетных находок и учета запаздывания их в погребальных комплексах, лежат в пределах 705–725 гг., а для Галиат-Геленовки – 725–740 гг. (Комар, 1999. С. 57). Указанные особенности дают возможность предполагать, что попадание пряжек типа Сиракузы в погребения Борисовского могильника и могильника Дюрсо произошло уже в начале – первой половине VIII в.

Пряжка с прорезью с небольшим стилизованным трилистником и овальной рамкой из погребения № 141 Борисовского могильника (так называемая сумочная) относится к подтипу 4 пряжек типа «Бал-Гота (рис. 10, *3*). Ее аналоги известны в погребениях узеньбашских и эскикерменских склепов. В эскикерменском склепе № 181 она обнаружена вместе с пряжкой и поясным набором первой половины VIII в., подобное изделие из Замарди датируется более широко: VII–VIII вв. В Лучистом сходные пряжки происходят из комплексов десятой группы первой половины VIII в., что

подтверждается находкой монеты Юстиниана II 686 г. (рис. 11, *5*). Кроме этого, поясные пряжки типа Бал-Гота найдены в Керчи, Херсоне, Чми, Афинах и Пергаме (Айбабин, 1982, С. 177. Рис. 3, *22*; Garam, 2002. Fig. 34, *1*; Амброз, 1971, С. 114, 115; рис. 7, *2*, *14*, *15*; Комар, 1999. С. 106–107. Рис. 2, *41*; Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 63. Рис. 30, *6*).

Погребение № 38 из могильника Дюрсо, как отмечается в научном отчете А.В. Дмитриева, было разрушено в ходе раскопок бульдозером. В погребении находился палаш с серебряными деталями рукояти и ножен, а также две золотые серьги с трехгранными пирамидальными привесками с шариком, украшенным зернью (рис. 10, *9–11*). Данный комплекс был связан Дмитриевым с ингумационным погребением № 248. В публикации комплекса дано объяснение, что палаш и серьги находились «в засыпке над погребением» (Дмитриев, 2003. С. 202). Однако стратиграфически описанная ситуация не подтверждается, более реальной является возможность связать рассматриваемый палаш и серьги с разрушенным бульдозером кремационным погребением, расположенным к югу от указанного комплекса и находящимся с ним на одном уровне. Найденные в погребении № 38 серьги имеют многочисленные аналоги среди материалов могильника Мокрая Балка. Сходные серьги обнаружены преимущественно в погребениях третьего и четвертого культурно-хронологических этапов Мокрой Балки, приходящихся на рубеж VII–VIII вв. – первую половину VIII в. Этим временем может быть датировано рассматриваемое погребение из некрополя Дюрсо (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 42. Рис. 35, *6*; 37, *5*; 50, 134, *8*).

В могильнике Псекупский в одном из разрушенных трупосожжений найдена литая пряжка с прямоугольной рамкой и щитком в виде рыбьего хвоста (рис. 10, *4*). Прямым аналогом ей является пряжка из катакомбы № 7 могильника Мокрая Балка, относящейся к четвертому культурно-хронологическому этапу могильника, который приходится на рубеж VII–VIII вв. – первую половину VIII в. Этот период некрополя хорошо датируется

не только монетными находками, но и результатами радиокарбонных анализов образцов с Маяцкого селища (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 42. Рис. 19, *6*). Возможно, к первой половине VIII в. относится погребение № 361 могильника Дюрсо, в котором найден коробчатый наконечник пояса. Близкие по конструкции наконечники пояса, но изготовленные из серебра, известны в могильнике Клин-Яр. Данный тип наконечников имел широкое распространение на Кавминводах (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 128, *4*; 130, *13*; 134, *9*, *10*; Флеров, 1998. С. 532. Рис. 5, *2–8*).

Подобные по своей конструкции поясные наконечники известны среди древностей поздней части «среднеаварского» периода, они обнаружены в могильнике Тисафюред, в некрополе Сегед-Маккошерде, в погребении № 24 этого памятника была найдена византийская монета, выпущенная между 654 и 659 гг. (Гавритухин, 2001. С. 91, 92. Рис. 26, *14*).

Появление первых трупосожжений в могильнике Дюрсо в первой половине VIII в. подтверждает находка солида Льва III и Константина Копронима (720–740 гг.). Однако А.В. Дмитриев не нашел возможным считать ее индикатором наиболее ранних трупосожжений некрополя (Дмитриев, 2003, С. 205). Тем не менее византийские монеты первой половины VIII в. хорошо соотносятся с тесными хазаро-византийскими отношениями этого периода, вершиной которых стал династический брак сына Льва III Исавра Константина V Копронима с дочерью хазарского кагана в 732 г. (Комар, 2001. С. 59; Круглов, 2005. С. 90). Обнаруженная в могильнике Дюрсо монета достаточно тесно может быть связана с византийскими образцами пряжек типа Сиракузы, которые довольно уверенно позволяют ограничить верхнюю дату погребальных комплексов временем не позднее первой половины VIII в.

Рассмотренные материалы из погребальных комплексов показывают, что в анализируемой группе могильников первые погребения по обряду трупосожжения появляются уже в VII – первой четверти VIII в. Однако

широкого распространения в этот период обряд кремирования умерших не имел, на что указывает небольшое количество погребений.

Наличие пряжки с В-образной рамкой в трупосожжении в каменном ящике Борисовского могильника сближает этот комплекс с ингумационными погребениями предшествующего этапа (VI–VII вв.). Близость категорий сопровождающего инвентаря, а также ряда черт погребального обряда позволяет предполагать, что обряд трупоположения постепенно сменялся трупосожжением (Комар, 1999. С. 57). Этот вывод подтверждается обрядом погребения трупосожжений Борисовского могильника, где в погребениях второй половины VIII–IX вв. сожженные останки продолжают помещать в каменные ящики – погребальное сооружение, характерное для населения, оставившего предшествующий пласт ингумаций.

Основная масса поясных наборов в кремационных захоронениях представлена деталями поясов так называемого салтовского облика (рис. 12, 13).

В погребении № 23 Молдовановского могильника обнаружена пряжка, имеющая полуовальный щиток с шарнирным соединением с рамкой (рис. 12, *1*). Щиток украшен орнаментом в виде трилистника. Близкие по характеристикам пряжки известны в курганах хазарского времени Дона и Доно-Волжского междуречья. Как отмечает А.А. Иванов, совокупность таких признаков, как овальная рамка, полуовальный щиток, изготовление в технике литья, шарнирное соединение рамки и щитка, орнаментация щитка ажурным растительным орнаментом, характерна для пряжек конца VII – первой половины VIII в. Указанная датировка обусловлена находками в комплексах с подобными пряжками византийских монет, а именно солида Юстиниана II (705–711 гг.), солида Леонтия II (695–698 гг.), двух солидов Тиберия III Апсимара (698–705 гг.), подтверждают ее и комплексы из Саловского могильника, содержавшие солиды Льва III Исавра (717–741 гг.) (Иванов, 2001. С. 119–121. Рис. 3, *1*; 4, *1*, *9*). Но возвращаясь к пряжке из

Молдовановского некрополя, отметим, что от вышеназванных экземпляров ее отличает форма язычка, менее массивного, и заметно упрощенная орнаментация. Рассматриваемая пряжка более близка изделиям варианта 2а, по классификации А.В. Комара, данный вариант шарнирных пряжек довольно разнообразен.

Шарнирная пряжка из погребения № 362 могильника Дюрсо – овальнорамчатая с массивным язычком и U-образным щитком, с орнаментацией рамки и щитка – относится к числу вещей византийского круга (рис. 12, *2*). Близкая по конструктивным особенностям пряжка найдена в кургане № 14 Подгорненского IV могильника вместе с двумя солидами Константа II (641–671 гг.), определяющими наиболее вероятное время сооружения кургана последней третью VII в. Пряжка из Дюрсо отличается более упрощенной орнаментацией и способом крепления к ремню. Это дает возможность предполагать, что она является более поздней разновидностью шарнирных пряжек. По ряду конструктивных и морфологических особенностей пряжка из Дюрсо близка изделиям из Тепсеня, а по форме и орнаменту – пряжке из Эскикерменского склепа № 290. Близка ей пряжка из Лучистинского склепа № 146, датирующегося второй половиной VIII в. В погребении из Скалистинского склепа № 760 аналогичная пряжка лежала вместе с серьгой, типичной для раннего этапа (вторая половина VIII – начало IX в.) салтовской культуры (Безуглов, Науменко, 2007. С. 76–77. Рис. 5, 6, 8; Айбабин, 1993. Рис. 4, *1, 16*; Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 65. Рис. 30, *12*). Обе пряжки близки экземплярам, отнесенными А.В. Комаром к раннесалтовскому горизонту салтовской культуры, приходящемуся на вторую половину VIII в. В целом этим временем и могут быть датированы комплекс № 23 Молдовановского могильника и погребение № 362 из некрополя Дюрсо.

В погребениях первого хронологического этапа были распространены литые овально- или треугольнорамчатые пряжки с щитками разнообразной

формы – гладким или украшенным лотосовидным схематизированным узором, пряжки с двойными симметричными рамками. Довольно многочисленны простые безщитковые трапециевиднорамчатые пряжки (рис. 12, *3–12*).

Наконечники поясов представлены разнотипными изделиями (рис. 12, *13–18*). Среди них выделяются U-образные с двумя петельками, расположенными параллельно плоскости наконечника, декорированные простым геометрическим схематизированным растительным орнаментом или неорнаментированные.

Поясные бляшки – штампованные, сердцевидные или в виде трилистников. Составной частью поясных наборов являются детали для крепления дополнительных ремней, куда входят бляхи полуовальной или подковообразной (арочной) формы с прорезью, иногда декорированные нераспустившимися бутонами лотоса. К этой группе изделий отнесены составные бляхи, состоящие из щитка и крепящегося к нему кольца. Среди них встречены бляхи с сердцевидным щитком, декорированным растительным орнаментом или неорнаментированным, а также с фигурным лепестковидным щитком (рис. 13, *1–20*). Арочные бляхи с прорезями у основания были обнаружены с арабскими монетами 823/24 г. в Башкирии в материалах Хусаиновского могильника и в нескольких погребениях бекешевских могильников, датированных второй половиной IX в. (Круглов, Марыксин, 2012. С. 426; Мажитов, 1981. С. 49–52. Рис. 26, 32).

К двусоставным деталям ременной гарнитуры относятся дисковидные неорнаментированные бляхи с прямоугольной привеской с прорезью (рис. 13, *16,*). Среди изделий этой группы следует выделить богато орнаментированные составные бляхи-имитации из погребения № 25 Молдовановского могильника (рис. 13, *14*, *15*). Оба предмета имеют слегка заостренный щиток и нижнюю фигурную подвеску, выполняющую

исключительно декоративную функцию, поскольку пропустить ремешок через нее нельзя.

К составляющим поясных наборов относятся так называемые лировидные подвески. В научной литературе нет единого названия для этого элемента, что обусловлено сложностью его формы. Лировидными эти подвески называют в восточнотюркских наборах (Комар, 2001. С. 60). Довольно часто подобные изделия обнаруживают вместе с другими составляющими конского снаряжения.

В кремационных погребениях найдены лировидные подвески с трапециевидной рамкой и кольцом. В зависимости от способа крепления кольца к основе выделяются два варианта таких подвесок: 1) изделия с кольцом с ушком, крепившимся к основе при помощи шарнира (рис. 13, *21*); 2) с кольцом, пропущенным непосредственно в петлю основы подвески (рис. 13, *22*). Первый вариант более характерен для конца VII – первой половины VIII в. и встречается вместе с литыми пряжками с прямоугольной рамкой и прорезью в погребениях тюрок Саяно-Алтая в Пенджикенте в слоях первой четверти – середины VIII в. Близкие по форме пряжки найдены вместе с монетой Льва III Исавра в погребении могильника Саловский в междуречье Дона и Сала, а также в погребениях Крыма второй половины VIII–IX в. (Комар, 1999. С. 198. Рис. 3, *42*, *45–50*; Копылов, Иванов, 2007. С. 132. Рис. 7, *1–5*, *7–9*). Второй вариант подвесок более характерен для второй половины VIII – первой половины IX в.

Интересная деталь пояса в виде подвески-«самоварчика» обнаружена в погребении № 124 могильника Дюрсо (рис. 13, *13*), по материалам из Скалистого такие подвески датируются первой половиной IX в. (Айбабин, 1993. Рис. 2, *40*; 1977. С. 236).

Аналоги большинства названных деталей поясных наборов известны в склеповых погребениях Крыма VIII–IX вв. Цельнолитые пряжки с овальной рамкой и простой орнаментацией щитка, пряжки с гладким щитком и

треугольной рамкой вместе с составными поясными бляхами найдены в Скалистом, Чуфут-Кале, Эски-Кермене (рис. 15) (Айбабин, 1993, С. 122. Рис. 2, *38, 41, 50*; 4, *3*). В Чуфуткалинском склепе № 110 вместе с салтовской пряжкой была обнаружена золотая монета Константина V Копронима (751–775 гг.) и монета варварской чеканки, подражающая солидам Константина V Копронима (741–751 гг.). В целом по материалам крымских склепов рассматриваемые детали поясных наборов датируются в пределах второй половины VIII–IX в.

Цельнолитые пряжки с гладкими щитками и короткими язычками, имеющими утолщение на конце, сходны с изделиями из курганов с квадратными ровиками. Такие пряжки обнаружены в кургане № 13 могильника Барановка в бассейне р. Иловли, в кургане № 8 могильника Соколовский на Донском правобережье, в могильнике Кутейниковский. Вместе с пряжкой из Барановки был найден солид Константина V Копронима и Льва IV Хазара (751–754 гг.) (Иванов, 2001. С. 123. Рис. 5).

Пряжки с прямоугольной прорезной рамкой обнаружены в погребениях горизонта Столбище – Старокорсунская, а также в погребениях Дмитровского могильника, где они найдены вместе с литыми пряжками с неподвижным щитком, бляшками и наконечниками поясов со схематизированным растительным орнаментом, характерным для ранней группы катакомб (Плетнева, 1989. Рис. 85).

Близкие аналоги деталей поясных наборов из могильников с трупосожжениями первого этапа известны в катакомбах Верхнесалтовского могильника, которые датируются по совокупности признаков первой половиной – серединой IX в. Приведенная датировка подтверждается находками в верхнесалтовских катакомбах серебряных монет ал-Махди, мединат Керман (784/85 г.), ал-Мансур мединат ал-Салам (773/74 г.), ал-Мансур мединат ал-Муххамадия 768 г., Харум ар-Рашид мединат ал-Мухаммадия 804 г. Во всех монетах были сделаны отверстия для

подвешивания (Хоружая, 2009. С. 274–276. Рис. 5, *13*; 10, *3, 4*; 11, *10, 11*). Цельнолитые пряжки с прямоугольным щитком, прямоугольнорамчатая пряжка с подвижным прямоугольным щитком и составные поясные бляхи с кольцом найдены в катакомбах могильника у села Рубежное, датирующегося, второй половиной VIII – началом IX в. (Аксенов, 2001, С. 76. Рис. 4, *14*; 5, *13, 14)*. Ряд деталей рассматриваемых поясных наборов объединен специфическим орнаментом в виде нераскрытого бутона лотоса: перевитые стебли, оканчивающиеся сердцевидными листочками (Комар, 1999. С. 62). Как отмечает А.В. Комар, горизонт, включавший в себя подобные части поясных наборов, был довольно широким и перекрывал весь IX в., а возможно, и начало X в. (Комар, 1999. С. 45). Однако в рассматриваемых нами кремационных погребениях наибольшее разнообразие форм поясных пряжек и других деталей пояса приходится на вторую половину VIII – первую половину IX в. (рис. 38).

Часть пряжек, наконечников пояса, а также поясных блях объединены едиными орнаментальными мотивами в виде переплетений стеблей и бутонов лотоса, цветов трилистника, характерных для салтовского поясного набора (рис. 12, *4*; 13, *1, 6–8, 24*) (Фонякова, 1998. С. 636).

Поясные пряжки с прорезной трапециевидной рамкой, сужением в месте крепления штифта для язычка, простые прямоугольные и трапециевиднорамчатые безщитковые пряжки, найденные с неорнаментированными или покрытыми простым геометрическим орнаментом поясными наконечниками, а также штампованными поясными накладками, характерны для катакомб Дмитриевского могильника поздней группы. В памятниках Крыма сходные детали поясов происходят из комплексов уже конца IX–X вв., где такая датировка подтверждается стратиграфией склепа № 29 в Лучистом (рис. 15, *14–17*) (Плетнева, 1989. Рис. 86; Айбабин, 1993. С. 127).

В кремационных погребениях довольно многочисленны трапециевиднорамчатые пряжки с прямоугольным или трапециевидным щитком (рис. 12, *9–11*). В результате проведенного дискриминантного анализа было установлено, что такие изделия чаще встречаются вместе с простыми безщитковыми трапециевидными пряжками. Близкие по форме пряжки известны в скалистинских склепах Крыма, где они датируются VIII в. Похожие по морфологии пряжки, отличающиеся прекрасной отделкой, встречены в аристократических погребениях Врапа-Ерсеке VII – первой половины VIII в., в катакомбном могильнике Чми в Северной Осетии (Айбабин, 1982. С. 182. Рис. 7, *2*, *3*; Тотев, Пелевина, 2012. Рис. 14; Хайнрих, 1995. Табл. XIII, *2*). От большинства названных аналогов пряжки из трупосожжений отличает утилитарность и простота исполнения. Отсутствие таких деталей, как щечки для язычка на внешней стороне рамки, характерные для ранних экземпляров, а также встречаемость в комплексах с простыми безщитковыми пряжками и штампованными накладками указывают на их датировку временем не ранее IX в. Гораздо более близкие аналогии известны в катакомбах Верхнесалтовского могильника, датируемых IX в., в погребениях Нетайловского могильника последней четверти VIII – середины IX в., а также в склеповых погребениях из Лучистого конца IX – начала X в. (Хоружая, 2009. С. 350; Айбабин, Хайрединова, 2008. Рис. 33). Кремационные погребения, в которых были найдены только такие пряжки вместе с простыми безщитковыми экземплярами, по-видимому, отражают постепенную унификацию и упрощение поясного набора, отмеченную и в других памятниках салтово-маяцкого круга, что позволяет датировать комплексы с такими поясными наборами уже только второй половиной IX – возможно, началом X в, но данный вывод является предварительным и требует дальнейшей проверки.

В погребальном инвентаре захоронений первого хронологического этапа много украшений и предметов туалета (рис. 16). Среди них следует

отметить серьги и перстни. Практически во всех рассмотренных комплексах отсутствуют серьги, характерные для конца VII – первой половины VIII в. (за исключением погребения № 38 из могильника Дюрсо).

Преимущественно все серьги датируются в пределах второй половины VIII – IX в. Для этого времени характерны составные предметы – из проволочной основы овальной формы с украшением в виде привески. Среди них выделяются серебряные и золотые серьги с полыми привесками, украшенными зернью (рис. 16, *1*, *2*). Изделия с цилиндрической или многогранной привеской известны на всей территории Северного Кавказа, в частности в катакомбе № 112 могильника Мокрая Балка, датирующейся первой половиной VIII в. Следует отметить экземпляры с шаровидной полой привеской, украшенной гроздями зерни. Сходные по форме серьги, по классификации А.И. Айбабина для Пыстырского городища, отнесены к типу III подтипу 1. Ранние прототипы серег такой конструкции обнаружены в погребении I в. у Золотой Балки, в Залевкинском кладе I–II вв., в Керченской гробнице II в. В Придунавье шаровидные серьги датируются VII–VIII вв. У рассматриваемого нами типа серег абсолютное сходство наблюдается с изделиями из погребений Сухогомольшанского могильника, датирующихся серединой VIII – началом IX в. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 123, *5*; Ковалевская, 1995. С. 163. Рис. 6, *53, 54*; Айбабин, 1973. С. 70, 71. Рис. 2, *8*; 3, *23, 24*; Аксенов, Михеев, 2006. С.164. Рис. 70, *1, 36*).

В исследуемой группе памятников предметы указанных типов бытуют преимущественно в VIII в. Другие типы серег, в частности с подвижной литой привеской, а также с привеской, состоящей из нескольких «бусин», нанизанных на проволочную основу (рис. 16, *3–7*), характерны уже для более позднего времени и известны на Северном Кавказе в комплексах IX – начала X в. (рис. 16, *8*).

Нередко в погребениях первой хронологической группы встречаются перстни. Среди них выделяются перстни с крестообразно расположенными

лапками (рис. 16, *9, 10*). Десять перстней этого типа обнаружены в погребении № 22 Молдовановского могильника вместе с арабским дирхемом, позволяющим датировать его в пределах первой половины IX в. В склеповых погребениях Крыма подобные изделия встречены в погребениях второй половины VIII – первой половины IX в., найдены они и в катакомбе № 24 первой половины – середины IX в., в катакомбе № 12 середины – второй половины IX в. Верхнесалтовского могильника. В катакомбе Д могильника Чми перстни такой конструкции обнаружены вместе с имитацией аббасидской золотой монеты второй половины VIII или начала IX в. (Айбабин, 1993. Рис. 2, *21*, *22*; Хоружая, 2009. Рис. 6, *38–41*; 12, *19–22*; Хайнрих, 1995. С. 193. Табл. XIX, *5*, *6*).

Второй тип перстней представлен литыми щитковыми экземплярами (рис. 16, *11*, *12*). В катакомбах Верхнесалтовского могильника такие предметы обнаружены вместе с дирхемом Харун ар-Рашид мединат Зерендж 797/98 г. (катакомба № 13), с тремя монетами конца VIII в. (катакомба № 21), а также в катакомбе № 15, датируемой второй половиной IX в. Учитывая поправки, указанные монеты датируют названные комплексы в пределах первой половины IX в. Аналогичные находки известны в катакомбах Старосалтовского могильника второй половины VIII – первой половины IX в. В большом количестве литые щитковые перстни происходят из погребений Рубежанского могильника конца VIII – первой половины IX в. (Хоружая, 2009. Рис. 7, *5*; 8, *17*, *16*; 10, *28*; Аксенов, 1999. С. 200; 2001). Оба типа изделий в кремационных погребениях найдены с пряжками с прорезной прямоугольной рамкой. Зафиксированы случаи встречаемости перстней обоих типов в одном погребении. Таким образом, два типа рассматриваемых перстней характерны для погребений второй половины VIII – IX в.

Для этих погребений характерны бронзовые составные и цельнолитые бубенчики с рифленой нижней частью. Они встречаются как по одному экземпляру, так и по несколько штук, иногда закрепленными на

бронзовой цепочке (рис. 16, *18, 19*). В ряде комплексов на одной цепочке с бубенчиками были обнаружены коньковые подвески (рис. 16, *24–26*). Аналоги таких бубенчиков весьма часто встречаются; в частности, они найдены в катакомбах начала – первой половины IX в., середины – второй половины IX в. Верхнесалтовского могильника, в погребениях второй половины VIII – начала IX в. Рубежанского могильника (Аксенов, 2009. С. 236. Рис. 4, *6*; 6, *2*).

Составляющими деталями костюма являются некоторые специфические предметы. К ним относятся так называемые фибулы-кресала (рис. 17, *8*). По классификации А.В. Дмитриева, они относятся к типу 9. Аналогичные фибулы известны в кремационных погребениях на Северском Донце, несколько подобных изделий происходят из Дмитровского и Нетайловского могильников, встречены они и в памятниках Среднего Поволжья. Такие предметы характерны для погребений второй половины VIII – первой половины IX в., однако, В.С. Аксенов и В.К. Михеев считают фибулы-кресала маркером погребений только середины IX в. (Аксенов, Михеев, 2006. С. 164; Плетнева, 1989. С. 93. Рис. 45; Дмитриев, 1982. Рис. 4, *10, 11*). Помимо фибул-кресал, в погребениях с трупосожжениями известны другие типы этой детали одежды.

Наиболее часто встречаются фибулы с завитком на конце низкого пластинчатого приемника с кольцом или двумя на головке (тип 7 по классификации А.В. Дмитриева). По форме спинки и конструкции пружинящего устройства выделяется шесть вариантов фибул этого типа (рис. 17, *1–4, 6*) (Дмитриев, 1982. С. 79. Рис. 4, *1, 2, 4, 5–8*). Фибулы изготовлены из серебра, бронзы или железа. Интересным аналогом застежкам этого типа являются фибулы типа Виминациум (Viminacium), причем у ряда экземпляров сходство может быть признано абсолютным. Такие фибулы были распространены на Дунае и датируются концом IV – первой половиной V в. (Чернач-Раткович С. 210. Sl. 1–12). Аналогичные

фибулы с завитком известны в могильнике Сухая Гомольша, где они встречены в погребениях, датирующихся второй половиной VIII – началом IX в. (Аксенов, Михеев, 2006. С. 164–165). Подобные по морфологии фибулы с завитком были обнаружены на территории Крыма в захоронениях VIII–IX вв., могильников Узень-Баш и Баклинский овраг, также как случайные находки в окрестностях села Самохвалова. В небольшом количестве такие застежки известны в Дмитровском могильнике (Белый, 2011. С. 35. Рис. 2; Плетнева, 1989. Рис. 59). Подтверждается указанная датировка и по материалам кремационных погребений Северо-Западного Кавказа.

Второй тип фибул представлен экземплярами с кольцом на конце низкого пластинчатого приемника, с шарниром (тип 8 по классификации А.В. Дмитриева) (рис. 17, *5, 7*).

Таким образом, в анализируемом массиве погребений преобладающий тип фибул (тип 7) характерен для всего периода VIII–IX вв. Причем наиболее ранние погребения с такими застежками относятся к первой половине VIII в. Фибулы типа 7 в этих погребениях обнаружены вместе с шарнирной пряжкой с массивным язычком и щитком с овальным окончанием, а также с бронзовым коробчатым наконечником пояса. Фибулы с шарнирным соединением иглы были распространены заметно меньше. По-видимому, эти застежки появляются уже в IX в., поскольку в комплексах с вещами, характерными для второй половины VIII в., такие изделия не обнаружены.

Предметы конского снаряжения в погребениях первого хронологического периода представлены довольно разнообразным набором, включающим в себя удила, стремена, разнообразные подпружные пряжки, разделители сбруйных ремней, а также детали украшения конского убора – начельники, разнообразные сбруйные бляхи и подвески (рис. 18, 20). Наиболее хронологически дифференцируемыми предметами упряжи являются стремена и удила.

Единичными находками представлены 8-видные стремена с петлей, образованной перехватом дужки (тип II-2 по классификации Е.А. Армарчук), обнаруженные в погребении № 7 могильника Казазово II и в погребении № 253 могильника Дюрсо (рис. 18, *1*). Их ближайшие аналоги известны в разрушенных погребениях у поселка Ленинский Путь, стремена из этого некрополя И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков датируют временем не позднее конца VII в. Однако 8-видные стремена найдены и в погребениях IX–X вв. на Южном Урале. На территории Европы этот тип стремян известен в горизонте Вознесенки (Армарчук, 2006. С. 20. Рис. 5, *1*; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 198. Табл. 73, *17–19*; Мажитов, 1981. Рис. 20, *27*). Учитывая приведенные аналогии и сопоставление с материалами из других комплексов, мы видим, что для основной массы кремационных могильников такая форма является довольно архаичной. Поэтому погребения со стременем типа II-2 предпочтительно датировать только концом VII – VIII в.

Подавляющее большинство стремян в рассматриваемых нами погребальных комплексах представлено двумя типами удлиненно-арочных экземпляров (рис. 18, *2–6*). По классификации Е.А. Армарчук, такие стремена отнесены к типам IA-1 и IA-2, различающихся между собой только формой петли для путлища, А.Н. Кирпичников объединил их в тип VI (Армарчук, 2006. Рис. 2; Кирпичников, 1966. Рис. 29, *VI*). Время бытования стремян – преимущественно VIII–IX вв., когда они были широко распространены на огромной территории от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии. В частности, близкие по конструкции стремена происходят из комплекса Хуламской катакомбы № 2, где они найдены вместе с золотыми индикациями Ираклия (610–641 гг.) и Константа II (641–668 гг.), которые, с соответствующими поправками, определяют время комплекса как рубеж VII–VIII вв. или первая половина VIII в. (Чеченов, 1987. С. 112–113. Рис. 30, *8, 9*; 33, *23*; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 43). Несколько экземпляров арочных стремян вместе с удилами с S-видными псалиями происходят из раннесредневекового

комплекса из Большой Орловки, где вместе с ними обнаружен солид Тиберия III Апсимара (698–705 гг.). По мнению С.И. Безуглова, наиболее ранним периодом «оседания» таких монет в памятниках типа Большой Орловки следует считать время выплаты денег кагану хазар византийским посольством в 704 или 705 г. Время попадания полученных денег в погребения может быть определено жизнью одного поколения того времени – примерно 20 лет или даже меньше. Таким образом, данная монета определяет дату комплекса в пределах первой четверти VIII в. (Ильюков, Косяненко, 2007. Рис. 4, 5; Безуглов, 2007. С. 116–117). Такое же сочетание встречаемости удил и стремян было зафиксировано в Назаровском комплексе на Нижнем Дону, где названные предметы конской упряжи обнаружены вместе с несколькими византийскими солидами, определяющими дату назаровской находки второй четвертью VIII в. (Ильюков, 2013. С. 192. Рис. 10, 13).

Подобные стремена обнаружены в погребении могильника Саловский вместе с монетой Льва III Исавра (737–741 гг.). (Копылов, Иванов, 2007. С. 132. Рис. 5, *2*, *3*). Время бытования сходных стремян в погребениях с квадратными ровиками Доно-Волжского междуречья А.А. Иванов определяет VIII–IX вв. (Иванов, 1999. С. 72). Достаточно широко они представлены в погребениях из курганов Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981. Рис. 15, *16*; 17, *13*; 21, *20*;).

По наблюдениям Е.А. Армарчук, в Причерноморском регионе датировку стремян типа IA-1 следует ограничивать VIII–IX вв., а тип IA-2 датировать концом IX – X в. (Армарчук, 2006. С. 15–17. Рис. 2; Кирпичников, 1973. С. 49. Рис. 29, *VI*). Однако проследить такое хронологическое разделение по имеющимся материалам кремационных некрополей не представляется возможным. Известны комплексы, где найдены стремена обоих типов, а к X в. бытование удлиненно-арочных стремян заметно сокращается (Армарчук, 2006. С. 17).

Среди удил господствовали экземпляры с прямыми стержневидными псалиями, с восьмерковидными окончаниями грызла. По классификации А.Н. Кирпичникова они отнесены к типу I (рис. 18, *9, 10*). Такие удила появляются в среднеевропейских аварских памятниках VII–VIII вв. и в дальнейшем были восприняты многими оседлыми и кочевыми народами Сибири, Восточной и Средней Европы (Кирпичников, 1973. С. 14. Рис. 4, *I*). Другой тип представлен удилами с S-видными псалиями (рис. 18, *7, 8*). Удила данного типа происходят из комплекса Большой Орловки первой четверти VIII в. (Ильюков, Косяненко, 2007. Рис. 1–3). Аналоги обоих типов удил известны в кремационных захоронениях и поминальных комплексах Новопокровского, Сухогомольшанского, Красногорковского могильников и в погребении у села Кочеток, в этих комплексах они датируются второй половиной VIII – первой половиной IX в. Удила со стержневидными псалиями в кремационных погребениях Подонцовья характерны для комплексов середины – третьей четверти IX в. (рис. 19) (Аксенов, 2005. С. 358, Аксенов, Михеев, 2006. Рис. 64, *3*). По материалам Дмитриевского могильника С.А. Плетневой было отмечено, что удила с S-видными псалиями встречаются только в ранней группе катакомб, тогда как удила с гвоздевидными (стержневидными) псалиями характерны для погребений поздней группы (Плетнева, 1989. С. 82).

Учитывая приведенные аналогии, а также корреляцию двух названных типов удил с другими хроноиндикаторами, отметим, что удила с S-видными псалиями связаны с более ранними комплексами (погребения VIII в.). Материалы из разнообразных комплексов с территории юга Восточной Европы показывают, что основная масса удил с S-видными псалиями предшествует появлению удил со стержневидными псалиями. Это прослежено по материалам из комплексов типа Большой Орловки первой четверти VIII в., для которых стержневидные псалии нехарактерны. Сходную линию развития удил демонстрируют и погребения по обряду

трупосожжения на Северном Кавказе, здесь удила со стержневидными псалиями появляются позднее и широко используются до конца IX в. Однако на определенном этапе оба типа удил сосуществуют, что доказано взаимовстречаемостью их в одном комплексе.

Предметы вооружения из кремационных погребений первого хронологического периода достаточно разнообразны. К ним относятся слабоизогнутые сабли, наконечники копий и стрел, боевые топоры и ножи, редко встречаются составляющие защитного вооружения (обрывки кольчужной ткани и фрагменты шлемов) (рис. 18, 19).

Среди образцов клинкового оружия одним из ранних экземпляров является палаш с серебряными деталями рукояти и ножен из погребения № 38 могильника Дюрсо (рис. 10, *11*). Основная же масса сабель представлена слабоизогнутыми клинками с обоюдоострым окончанием, длина их изменяется в пределах 70–95 см с учетом длины черешка рукояти (рис. 21, *1–4*). Для иллюстрации приведем размерные характеристики сабель из могильника Дюрсо. Из 30 рассмотренных экземпляров средняя длина сабли 80–85 см (с учетом длины черешка рукояти) при кривизне клинка в 1–2 см, а средняя длина черешка 11 см. Все без исключения сабли имеют обоюдоострое окончание.

Главной отличительной особенностью сабли является форма ее гарды. В первый хронологический период были распространены гарды двух типов: прямые или слегка изогнутые, пластинчатые, с дисковидными (реже шаровидными) окончаниями и прямые перекрестия с ромбическим расширением в центре (рис. 21, *6–10*). Встречены как полностью гладкие экземпляры, так и орнаментированные перекрестия (рис. 21, *8*).

У рассмотренных сабель довольно редким конструктивным элементом было навершие рукояти, выполненное, как правило, в виде уплощенного с боков невысокого металлического колпачка (рис. 21, *5*). Одной из ранних находок подобных сабель является сабля из Галиатского

склепа. Она традиционно считается одним из самых ранних предметов данного вида вооружения (Кадиева, 2012. С. 101. Рис. 2, *1*).

Другие аналоги изучаемых сабель и деталей гарнитуры обнаружены в кремационных погребениях с территории Северского Донца, сходные экземпляры найдены в катакомбах Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 34). Многочисленные аналогии, а также встречаемость в погребениях с надежными хронологическими маркерами позволяют датировать рассмотренные предметы сабельной гарнитуры широко – VIII–IX вв., причем следует отметить, что они являются надежными маркерами именно первого хронологического этапа, поскольку в более поздних погребениях уже не встречаются.

В наборе вооружения выделяются наконечники стрел, представленные в погребениях разнотипными изделиями. Вместе со стрелами, датирующимися в широких пределах, были обнаружены наконечники, маркирующие погребения только первой хронологической группы. К ним относятся трехлопастные наконечники типов 16 и 18 по классификации А.Ф. Медведева (рис. 22, *2–10*). Подобные наконечники были распространены, на юге Восточной Европы в VIII–IX вв. Характерными для этого временно́го отрезка наконечниками являются срезни в виде широких фигурных прорезных лопаточек (рис. 22, *19–22*) (тип 56 по А.Ф. Медведеву). В захоронениях многочисленны прорезные плоские наконечники с треугольным или овальным пером (рамчатые наконечники), наиболее близкие аналоги, в классификационной схеме А.Ф. Медведева, отнесены к типу 32 (рис. 22, *23–27*). Рассматриваемый тип наконечников характерен именно для погребений с трупосожжениями Северо-Западного Кавказа и частично для синхронной им группы памятников на Северском Донце. Распространенных аналогов подобным наконечникам стрел за пределами указанных ареалов трупосожжений нет (Медведев, 1966. С. 59, 60, 62. Табл. 12, *6, 7, 9–12, 44*; 14, *21, 22*; 20, *22*; Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 283, 284).

Специфическим и характерным предметом для трупосожжений первого хронологического этапа являются коленчатые ножи (иногда в научной литературе изделия этого типа именуют коленчатым кинжалом) с перекрестиями (рис. 10, *8*; 21, *14*). Одним из наиболее ранних кремационных погребений с ножом такого типа является погребение № 138 Борисовского могильника. Подобные ножи известны в Глодосах, Вознесенке, Директорской Горке (Абрамова, 1982. Рис. 6, *20*) Это ножи специфически тюркского типа, их аналоги известны в культуре Чаатас. В частности на скульптурных изображениях такие ножи вкупе с тюркским кафтаном с отворотами-лацканами и характерной прической можно рассматривать как этнический маркер древних тюрок (Комар, 1999. С. 119; Кызласов, 1981. Рис. 28, *27–29*; Кочкаров, 2010. С. 157-160; Кубарев, 2008. С. 69-70).

Керамический комплекс погребений достаточно разнообразен, однако весь этот материал очень слабо хронологически дифференцирован и требует отдельного исследования с привлечением современных методов (рис. 23). Среди материалов керамического комплекса следует отметить амфору с овальным венчиком и отходящими от нее ручками (рис. 23, *4*). Такие амфоры многочисленны на средневековых памятниках Таманского полуострова и встречены в Фанагории, на Таманском городище, Кепах и др. (Чхаидзе, 2005. С. 447–450; 2006. С. 496. Рис. 10, *1*; 2008. Рис. 78; Таскаев, Чхаидзе, 2007. С. 404. Рис. 1, *2*). Хронологические рамки бытования амфор этого типа широкие, горло подобной амфоры, датированное второй четвертью VI в., происходит из Цебельды, в Константинополе они использовались до начала X в., а в Херсоне известны и в материалах первых десятилетий XI в. (Чхаидзе, 2008. С. 147; Hayes, 1992. Types 27, 52. P. 69, 73. Fig. 25).

В одном захоронении могильника 8-я Щель в качестве погребальной урны использовался красноглиняный кувшин так называемого тмутараканского типа – высокогорлый кувшин с плоскими ручками (рис. 23, *3*). Нижняя граница бытования таких кувшинов представлена как середина –

вторая половина IX в, а верхняя граница приходится на конец XI – начало XII в. (Чхаидзе, 2008. С. 163–164). Верхняя граница является весьма спорной, поскольку, как отмечает В.Н. Чхаидзе, такие сосуды не выявлены на поселении на горе Зеленской, в культурном слое первой половины XI в, также и в Юго-Восточной и Южной Таврике они не «доживают» до середины XI в. (Чхаидзе, 2008. С. 164). Можно предположить, что в рассматриваемых нами памятниках находка такого кувшина маркирует погребение второй половины IX – начала X в., но не позднее.

Подводя итоги анализа хронологических маркеров, наполняющих первый хронологический этап, отметим, что наиболее ранние погребальные комплексы в исследуемой выборке могут быть датированы *VII – первой половиной VIII в.*, погребений этого времени немного и характерны они в основном для памятников побережья. Комплексы указанного периода выделяются по геральдической пряжке, пряжкам типа Сиракузы и Бал-Гота, коробчатому наконечнику пояса из комплекса № 38 могильника Дюрсо, а также по монете Константина Копронима из того же могильника (рис. 38, *52-57).*

Увеличение числа погребальных комплексов происходит во второй половине VIII в. Подавляющее большинство погребений первого этапа датируется второй половиной VIII – IX в. Однако внутри этого временно́го отрезка выделяются комплексы, которые по составляющим поясной гарнитуры, деталям одежды, украшениям, предметам конской упряжи, а также синхронизацией с монетами могут быть датированы *второй половиной VIII – первой половиной IX в*. Погребения этого времени наполнены вещами, имеющими аналоги в многочисленных памятниках на территории юга Восточной Европы. В комплексах указанного временно́го отрезка распространяются литые щитковые пряжки с разнообразной формой рамки и щитка, литые наконечники поясов, иногда с ажурным растительным орнаментом, лировидные подвески двух типов, разнообразные ременные

разделители. Многочисленны составные серьги с различной формой привески (рис. 38, *23-51*). В наборе конского снаряжения господствуют арочные стремена и удила с S-видными и стержневидными псалиями (рис. 39, *53-59*). Предметы вооружения представлены слабоизогнутыми саблями с двумя основными типами перекрестий, боевыми топорами и пиковидными наконечниками копий (рис. 39, *60-70*). Этот временной отрезок маркируется устойчивым набором наконечников стрел (рис. 39, *71-78*). В инвентаре нескольких кремационных погребений были найдены арабские дирхемы первой половины IX в.

Следует отметить, что бóльшая часть вещей второй половины VIII – первой половины IX в. продолжает бытовать у населения и позднее, вплоть до начала X в. Погребения с простыми железными безщитковыми пряжками, штампованными поясными бляхами, с удилами без псалиев, а также погребение с высокогорлым кувшином с плоскими ручками датируются *второй половиной IX – началом X в*. Но это разделение весьма условно.

В кремационных погребениях второй половины VIII – IX в. формируется довольно устойчивый вещевой набор и основные черты погребального обряда. Господствующим становится обряд трупосожжения на стороне с дальнейшим помещением праха умершего в небольшую грунтовую яму, в каменный ящик и в редких случаях в погребальную урну.

На *втором хронологическом этапе* происходит ряд изменений в погребальном инвентаре.

Среди группы погребений второго этапа проблематично выделить комплексы, датирующиеся X в. Предположительно к X в. относится частично разрушенное погребение из поселка Абрау-Дюрсо – по найденному там стремени типа IБ-1 по классификации Е.А. Армарчук (рис. 24, *1*). Такие стремена сопоставимы со стременем из кургана № 1 X – первой половины XI в. Саркельского могильника. Аналоги известны в южно-уральских курганах IX – начала X в. По мнению Армарчук, данный тип завершает

развитие стремян с петлей на шейке, а отсутствие в комплексах IX в. позволяет ограничить время их бытования X в. Указанную датировку для погребения из Абрау-Дюрсо подтверждает находка амфоры типа 1К. Такие сосуды по результатам исследования квартала Сарачхане в Константинополе датированы началом X – началом XII в По материалам Афинской агоры датировка определена XII в., что, однако, согласуется только с домашним применением амфор, использование их в морских перевозках исключается. По мнению В.В. Булгакова, наличие амфор типа 1К в морских перевозках определяется в пределах X–XI вв. (Армарчук, 2006. С. 18–19. Рис. 5, *3*; Булгаков, 2000. С. 13–14. Рис. 1).

Стремя, близкое с экземпляром из погребения в Абрау-Дюрсо, происходит из подъемного материала с территории кремационного могильника у хутора Хабль, в степной части Закубанья (Пьянков, 1998а. Рис. 3, *4*). Возможно, к началу X в. относятся разрушенные комплексы из Псекупского могильника, где найдены стремена, отнесенные Е.А. Армарчук к типу IA-3 (рис. 24, *2*). В классификационной схеме Г.А. Федорова-Давыдова подобные стремена включены в тип Б-1 с указанием на очень широкие хронологические рамки их бытования – VIII–XI вв. А.Н. Кирпичников называет их овойдными и включает в тип I, отмечая их распространение в Восточной Европе только в IX–XI вв., с преобладанием в дружинных погребениях X в., известны аналоги в огузо-печенежских погребениях на европейской территории и в древневенгерских комплксах X в. Сходные стремена обнаружены в кургане № 40 X – начала XI в. Саркельского могильника. (Армарчук, 2006. С. 17–18. Рис. 5, *4, 5*; Федоров-Давыдов, 1966. С. 11, 14. Рис. 1; Кирпичников, 1973. С. 47). Для погребений с трупосожжением второй половины VIII – первой половины IX в. такие стремена абсолютно нехарактерны. Стремя этого типа найдено в погребении могильника Дюрсо, которое может быть датировано концом IX – началом

X в., этой датировке не противоречит и инвентарь разрушенного комплекса VI из Псекупского могильника.

Предположительно к X в. могут относиться кремационные погребения в урнах Псекупского могильника. Несколько таких погребений планиграфически хорошо соотносятся на этом памятнике с безурновыми кремациями предшествующего периода и, видимо, отражают происходящие изменения в погребальном обряде, связанные с распространением погребальных урн. В качестве таковых здесь применяли богато орнаментированные трехручные кувшины, нехарактерные для урновых кремаций более поздних этапов (рис. 28, *1*). На момент написания настоящей работы указанная датировка урновых погребений Псекупского могильника достаточно умозрительна из-за отсутствия в этих комплексах вещей, которые могли бы сыграть роль надежных хронологических маркеров. Однако появление урновых кремаций в Псекупском некрополе в X в. подтверждается находкой сходного по форме и орнаментации трехручного сосуда-урны в кургане № 1 Колосовского некрополя. Погребения из курганов № 1 и 2 этого могильника относятся ко времени не ранее 40–50-х гг. X в., а обнаруженные предметы лежат в рамках второй половины X – первой половины XI в. (Пьянков, Цокур, 2011. С. 160).

На изучаемой территории немного погребений, которые уверенно можно было бы отнести к X в. Возможно, это связано с неравномерной изученностью региона, однако не исключено, что происходит сокращение численности населения, практиковавшего этот обряд (Пьянков, 2001. С. 205).

Погребения, нижняя хронологическая граница которых относится ко времени не ранее XI в., известны в могильниках Черноклен, Циплиевский Кут, Абинский-4, Ленинохабль, Южная Озереевка и др. В погребальном инвентаре этих некрополей обнаружены разнообразные предметы конского снаряжения. В Ленинохабльском и Южноозереевском могильниках найдены стремена с декором типа IV-2б по классификации Е.А. Армарчук (рис. 24, *4*).

Бытование таких стремян приходится на XI – начало XII в. В частности, они присутствовали в катакомбе № 36 Змейского могильника XI–XII вв. (Армарчук, 2006. С. 25–26). В одном из разрушенных погребений могильника Ленинохабль обнаружено стремя, близкое по своей форме отделу А, типу I по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, аналоги известны на Черниговщине и в Прибалтике в памятниках XI–XII вв., а также в Венгрии, где верхней хронологической границей их бытования является XI в. (рис. 24, *3*) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 11, 14. Рис. 1).

В разрушенном погребении № 1 Южноозереевского могильника и погребении № 26 могильника Абинский-4 выявлены удила со слабо изогнутым дуговидным грызлом. Такие удила объединены Е.А. Армарчук в тип IA-1, Г.Е. Федоров-Давыдов отнес их к типу В I (рис. 24, *5*) (Армарчук, 2006. С. 40–41. Рис. 22, *1*, *2*). Удила сходной формы известны в памятниках Сибири, Западной Европы, в Приуралье, Волжской Булгарии, обнаружены в кочевническом погребении XI в. на Таманском полуострове (Атавин, 2001. С. 162–163. Рис. 2, *3*). Несколько погребений с подобными удилами исследованы на территории Днепропетровской области, в кочевническом погребении № 1 из кургана № 9 у села Богдановка, в погребении № 3, кургана № 1 из курганной группы у села Губиниха, а также в погребении № 1 кургана № 6 у села Богуслав. Все указанные погребения датируются в пределах X–XI вв. и связаны с кочевниками-печенегами (Шалобудов, 2012. С. 90–91. Рис. 3). Таким образом, время бытования рассматриваемого типа удил определяется как X– начало XII в. (Армарчук, 2006. С. 41; Федоров-Давыдов, 1966. С. 20).

Следует отметить находку удил с крыловидными псалиями в могильнике Абинский-4, они близки изделиям отдела Б, типа II по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и типа III по классификации А.Н. Кирпичникова (рис. 24, *6*) (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 2; Кирпичников, 1973. Рис. 4, *III*). Удила с крыловидными псалиями были

распространены на Северном Кавказе, они найдены в Колосовском и Змейском могильниках, известны в южнорусских степях, реже встречались на территории Древней Руси. Как отмечает Кирпичников, впервые такие удила зафиксированы у печенегов и торков в X–XI вв. в Подонье и Поросье, наибольшее распространение они получают в XI–XII вв. Исследователь выдвинул версию о северопричерноморском происхождении удил такой формы. По мнению Федорова-Давыдова, крыловидные псалии появляются в результате постепенного изменения формы псалиев S-видной формы, имевших широкое распространение в предшествующее время (Кирпичников, 1973. С. 16; Федоров-Давыдов, 1966. С. 20; Пьянков, 1993. С. 131). Таким образом, учитывая приведенные аналогии, верхняя граница бытования основной массы удил с крыловидными псалиями в кремационных погребениях датируется не позднее конца XII в.

В погребении № 33 на распаханном участке Цемдолинского могильника и в захоронении лошади в кургане № 14 того же некрополя обнаружены удила со стержневидными псалиями (рис. 29, *11*). Они отнесены Е.А. Армарчук к типу БI-2а (Армарчук, 2006. С. 43. Рис. 22, *5, 6*). Удила такого типа нехарактерны для погребений второго периода, поскольку были широко распространены в предшествующее время. Рассматриваемые экземпляры имеют ряд конструктивных отличий от удил из кремаций типа Дюрсо. В них сочетаются стержневидные псалии со щитком с однокольчатыми удилами, сменившими двукольчатые. По мнению Е.А. Армарчук, это является маркером позднего периода их существования, поэтому удила типа БI-2а предпочтительно датировать концом X – XI в. Для указанных нами погребальных комплексов Цемдолинского могильника такие удила уже пережиточны так, они обнаружены здесь с простыми однокольчатыми удилами без псалиев и со стременами типа IV-3, что позволяет ограничить верхнюю границу их существования XII – началом XIII в. (Армарчук, 2006. С. 45).

К рассматриваемой хронологической группе относится богатый кенотаф из могильника Андреевская Щель, по совокупности инвентаря датированный концом XI – первой половиной XII в. (А.М. Новичихин предлагает ограничить датировку комплекса только первой половиной XII в.). Конский убор погребения из Андреевской Щели полностью тождествен пышной упряжи из богатых погребений XI–XII вв. могильников Колосовка, Змейский, Кольцо-гора (рис. 27) (Армарчук, 2003. С. 215–216. Табл. 95; Новичихин, 2008. С. 34).

Обратимся к предметам вооружения. В первую очередь следует рассмотреть клинковое оружие. Сабли из погребений могильников Черноклен, Абинский-4, Циплиевский Кут, Ленинохабль представлены слабоизогнутыми клинками разной длины, в основном не превышающей 110 см, что отличает их от клинков, распространившихся в подкурганных трупосожениях (рис. 26, *1, 2*). Но, как справедливо замечает А.В. Пьянков, для хронологической дифференциации комплексов не стоит преувеличивать значение параметров длины и кривизны сабельных клинков (Пьянков, Цокур, 2011. С. 162).

В могильниках второго этапа обращают на себя внимание детали сабельной гарнитуры и ножен. Перекрестия представлены следующими экземплярами:

– прямые или слегка изогнутые перекрестия без бокового щитка с раструбообразными окончаниями (рис. 26, *9*);

– прямые или слегка изогнутые перекрестия с грибовидными окончаниями (рис. 28, *8*).

Навершия сабельной рукояти представлены изделиями двух типов:

– навершия с расширенной головкой и сужением в средней части гладкого или граненого тулова (рис. 26, *5*);

– цилиндрические навершия в виде колпачка с расширенной головкой (грушевидные) (рис, 26, *6,7*).

Все вышеназванные составляющие сабельной гарнитуры нагружают факторы 6 и 11, что убедительно доказывает их хронологическое единство.

В погребениях с указанными деталями сабель обнаружены наконечники сабельных ножен в виде слегка изогнутой трубки-оковки с расширяющимся шарообразным донцем (рис. 26, *3, 4*).

Перекрестия с грибовидными окончаниями близки перекрестиям типа I по классификации А.Н. Кирпичникова. Гарды этого типа восходят к аварскому времени, а в IX–XI вв. были распространены в памятниках на обширной территории от Северного Поволжья и Предкавказья до Венгрии (Киричников, 1966. С. 68). В рассматриваемых нами могильниках такой тип перекрестий, видоизменяясь, бытует вплоть до середины – второй половины XIII в.

Выделяются перекрестия с раструбообразными окончаниями, распространенных аналогов гардам этого типа за пределами Центрального и Западного Кавказа нет. Такие перекрестия преимущественно характерны для сабель из грунтовых кремационных погребений степной части Закубанья (могильники Циплиевский Кут, Абинский-4, Черноклен, Ахтырский лиман) и в зоне Краснодарского водохранилища (Ленинохабль) и единично встречаются в подкурганных трупосожжениях Северо-Восточного Причерноморья, в Цемдолинском могильнике. В некоторой степени им близки перекрестия колосовских сабель, но от последних они отличаются конструкцией перехода выступов в челнок, например челнок сабель из Колосовки более массивный. Перекрестия, близкие рассматриваемому типу, известны в Змейских погребениях. Интересной аналогией с рассматриваемым типом перекрестий является изображение сходных гард у сабель на зеленчукских каменных изваяниях № 1 и 2, а также на изваяниях из окрестностей ст. Сторожевой. На основе подробного анализа иконографических особенностей изваяний А.В. Пьянковым предложена их датировка в пределах XI – первой половины XII в. Таким образом, временем

наибольшего распространения в кремационных погребениях перекрестий с раструбообразными окончаниями являются XI–XII вв. (Пьянков, 1993. С. 133; Пьянков, 2006. С. 297. Рис. 2, *2*; 3, *1*, *2*; Каминский, Каминская-Цокур, 1997. Рис. 2, *5*; Сорокина, 2002. Рис. 58, *5*; Армарчук, Малышев, 1997. С. 96. Рис. 9, *12*; 18, *6*).

Навершия с расширением в верхней части чрезвычайно близки колосовским и змейским, а также навершию сабельной рукояти из могильника Кольцо-Гора. По классификации А.Н. Кирпичникова, они близки типу II, но не являются его полной аналогией, время существования таких изделий Кирпичников ограничивает XI в. Сходное навершие рукояти обнаружено вместе с саблей в Огузском комплексе из Сой-Айдына, погребальный инвентарь этого комплекса не выходит за рамки X – начала XI в. (Пьянков, 1993. С. 133; Кирпичников, 1966. С. 68. Рис. 13, *2*; Круглов, Марыксин, 2012. С. 418. Рис. 3а; 5, *1*).

Аналогии с навершиями с сужением-перехватом гладкого или граненого тулова трудно найти за пределами ареала трупосожжений – по-видимому, данный тип локален, как и перекрестия с раструбообразными окончаниями. Оба типа наверший синхронны сабельным гардам. Период распространения в кремационных захоронениях рассмотренной сабельной гарнитуры приходится на XI–XII вв. Нижняя хронологическая граница лежит в пределах второй половины XI в. Время бытования предметов конского снаряжения, с которыми зафиксированы составляющие сабельной гарнитуры, позволяет ограничить верхнюю дату первой половиной – серединой XII в., что не противоречит случаям нахождения названных типов наверший и перекрестий в погребениях более позднего времени, для которых они являлись уже пережиточными.

Как и в предшествующее время, в погребениях второго хронологического этапа наконечники стрел представлены разнообразным набором (рис. 26, *11–16*). С широко датирующимися наконечниками

соседствуют несколько типов, характерных только для рассматриваемого этапа. Архаичным выглядит наконечник из могильника Черноклен, близкий типу 39 по классификации А.Ф. Медведева, который верхнюю границу бытования наконечников этого типа не выводит за пределы X в. (Медведев, 1966. С. 64). В могильниках степной части Закубанья встречены килевидные наконечники со сплющенной шейкой и бронебойные с выделенной шейкой и массивной боевой головкой ромбовидных очертаний (соответственно тип 82 и 83 по классификации Медведева) (рис. 26, *15*, *16*). Наконечники типа 82 были широко распространены в X в. и вышли из употребления в XI в., наконечники типа 83 характерны для памятников XI в., но встречаются и в комплексах, датирующихся XII в. Такие наконечники стрел были широко распространены по всей территории Древней Руси, в Волжской Булгарии, у финно-угорских народов Поволжья и Прикамья (Медведев, 1966. С. 81. Табл. 17, *7–11*; 19, *2–13*).

Еще одной особенностью погребальных комплексов, вошедших во вторую хронологическую группу, является заметное упрощение поясных наборов в сравнении с погребениями хазарского времени. Детали поясов представлены преимущественно простыми безщитковыми пряжками с прямоугольной, округлой или овальной рамкой (рис. 25, *1–3*). Аналоги пряжек подобных типов известны на территории всей Восточной Европы и за ее пределами, хронологические рамки бытования подобных пряжек очень широкие.

Среди всего массива пряжек следует выделить лировидные бронзовые пряжки из могильников Черноклен и Абинский-4 (рис. 25, *3*). В предмонгольское время близкие по форме пряжки были широко распространены от Венгрии до сибирских степей, от Новгорода до Северного Кавказа. По форме рамки, пряжки близки типу I по классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Прямые их аналоги известны в Новгороде, в слоях XI – начала XII в. и в новгородских курганах XI в., в Прикамье, а также в

Волжской Булгарии. В культурном слое Саркела подобные пряжки характерны для третьего периода, датирующегося второй половиной XI – началом XII в., сходная пряжка также найдена в Херсоне в слое X–XI вв. (Пьянков, 1993. С. 135. Рис. 8, *15*; Федоров-Давыдов, 1966. С. 43–44. Рис. 7, *AI*; Плетнева, 2006. Рис. 79, 82, *26*; Айбабин, 2003. Табл. 37, *71*).

Рассмотренные предметы материальной культуры, наполняющие погребения второго хронологического этапа, показывают, что наиболее ранние погребения этой группы совершены в X в. К сожалению, в нашей выборке комплексы, которые можно отнести к X в., немногочисленны. Большинство вещей, составляющих погребальный набор, относится уже к XI–XII вв. Все рассмотренные предметы погребального инвентаря составляют довольно устойчивый комплекс вещей, являющихся хроноиндикаторами (рис. 38, *15-22*; 39, *32-52*). Взаимовстречаемость предметов доказана благодаря проведению факторного и дискриминанатного анализов, позволивших объединить предметы в одну группу факторов с сильными межгрупповыми связями.

Следует сделать ряд уточнений. Датировка комплексов с арочными стременами с прутовидной ташуированной дужкой и с односоставными удилами позволяет ограничить верхнюю временну*ю* границу началом XII в. Не позднее этого времени в могильниках Черноклен, Абинский-4 и Циплиевский Кут были совершены погребения с наконечниками стрел типа 82 и 83 по классификации А.Ф. Медведева, которые к XII в. уже вышли из употребления, а также с лировидными пряжками, имевшими широкое хождение в XI в. Ко второй половине XI–XII вв. относится рассмотренная сабельная гарнитура. Во второй хронологической группе присутствуют богатые погребения, в которых обнаружены сразу несколько устойчивых хронологических маркеров. К таковым относится кенотаф из могильника Андреевская Щель, который, по совокупности найденных в нем предметов парадного конского убранства, оружия и снаряжения воина-всадника

датируется концом XI – началом XII в. (рис. 27). Специфические детали погребального обряда этого комплекса с большой долей уверенности позволяют относить его к кругу памятников, оставленных носителями обряда трупосожжения. Наиболее поздние погребения из кремационных некрополей в степной части Западного Закубанья относятся ко второй половине – концу XII в.

Анализ предметов материальной культуры выявил определенные изменения вещевого комплекса в сравнении с предшествующим этапом. Практически исчезает разнообразие поясных наборов. Детали поясов представлены простыми безщитковыми овально- или прямоугольнорамчатыми железными пряжками. Упрощается набор украшений, из обихода выходят серьги с привесками разных форм, становятся популярными простые проволочные серьги, появляются сплошные литые височные кольца (рис. 38, *15-22*).

Изменения коснулись предметов конского снаряжения и вооружения. По сравнению с предшествующим этапом заметно расширяется ассортимент используемых стремян и удил (рис. 39, *32-36*). В комплексе вооружения прослеживается модификация клинкового оружия. В могильниках второго хронологического этапа появляются сабли с более длинным клинком, становятся заметно разнообразнее детали сабельной гарнитуры (рис. 39, *37-46*). Изменяется набор наконечников стрел: полностью выходят из употребления трехлопастные и рамчатые наконечники, получают большее распространение черешковые плоские стрелы и наконечники с массивной утолщенной боевой головкой (рис. 39, *48-52*). Из набора вооружения исчезают боевые топоры и уменьшается количество наконечников копий. Прослеживаются тенденции к изменению в керамическом комплексе, в первую очередь это связано с постепенным увеличением процента трупосожжений в керамических урнах (рис. 40, *13-19*). Появляются

отсутствовавшие на раннем этапе кремации в сосудах-корчагах, которые в XIII в. практически вытеснят безурновые трупосожжения.

Перейдем к погребениям *третьего хронологического этапа*. Для хронологической дифференциации погребальных комплексов третьего этапа используются предметы конского снаряжения, составляющие сабельной гарнитуры и ножен, наконечники стрел, а также детали одежды и украшения. В погребениях на территории Северо-Восточного Причерноморья получают распространение средневековые амфоры, также являющиеся достаточно надежными хронологическими маркерами.

Рассмотрим предметы конского снаряжения. Стремена, происходящие из погребений третьего периода, представлены несколькими типами.

Изделия с общим контуром в виде приземистой широкой арки, предельно расширенной у подножки относятся к типу III-1 по классификации Е.А. Армарчук (рис. 29, *1*) и к отделу В по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, А.Н. Кирпичников выделил их в тип VII-а (Армарчук, 2006. С. 20; Федоров-Давыдов, 1966. С. 12; Кирпичников, 1973. С. 51). Данный тип датируется XII – первой половиной XIII в. (Армарчук. 2006. С. 22). Аналоги известны в материалах южнорусских городищ предмонгольского времени, присущи они и Северной Руси (Федоров-Давыдов, 1966. С. 15; Кирпичников, 1973. С. 50). Зафиксированы в курганах Поросья и в древностях Волжской Булгарии, в кочевнических погребениях Прикубанья (Плетнева, 1981. С. 214–215; Смирнов, 1981. Рис. 78, *66*; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 4, *30*). В ряде кочевнических комплексов со стременами этого типа были обнаружены византийские монеты. Одно из захоронений исследовано в 1984 г. возле с. Севашского в Херсонской области. В погребении, сопровождаемом захоронением двух лошадей, найдена монета, солид Иоанна II Комнина (1118–1145 гг.). Другой комплекс находился у с. Большемихайловка, где среди инвентаря погребения был браслет с

подвеской, изготовленной из монеты солида Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) (Братченко, Квитницкий, Швецов, 2012. С. 86–87. Рис. 47).

Многочисленны стремена подтреугольно-округлой формы с умеренно выгнутой подножкой (тип IV-3 по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006. С. 27) (рис. 29, *4*). Они продолжают линию развития изделий этого же типа, известных в погребениях предшествующего периода и отличающихся вытянутыми очертаниями. Находки из погребений третьего этапа характеризуется более округлыми очертаниями, они сближаются со стременами отделов Г и Д (по Г.А. Федорову-Давыдову) и хронологически относятся к XII–XIII вв. В разрушенном погребении могильника Бубнов Ерик IV на Нижнем Дону аналогичное стремя обнаружено вместе с солидом Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) (Парусимов, 2007. С. 315. Рис. 6, *5*).

Не меньшей популярностью пользовались арочные стремена с прутовидной четырехгранной дужкой, широким отверстием для путлища и выгнутой подножкой (тип IV-4 по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006. С. 29) (рис. 29, *5*). По своим характеристикам данный тип конского снаряжения близок отделу Е по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и типу VII по классификации А.Н. Кирпичникова (Федоров-Давыдов, 1966. С. 12. Рис. 1; Кирпичников, 1973. С. 50. Рис. 29). Рассматриваемый тип имеет многочисленные аналоги в Сибири, Нижнем Поволжье, Нижнем Поднепровье, Латвии, попадается на селищах XII–XIII вв. в Волжской Булгарии, в черноклобуцких курганах, в кочевнических древностях Прикубанья и датируется XII–XIII вв. Однако в Восточной Европе такие стремена продолжают использоваться в монгольское время кочевниками Нижнего Поволжья и на Южном Урале (Кирпичников, 1973. С. 50; Армарчук, 2006. С. 30; Могильников, 1981. С. 197. Рис. 72, *64*; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 5, *8*).

В погребении у ст. Новоберезанской подобное стремя было найдено с фрагментом парадного пояса с бляшками-накладками, декорированными

растительными и зооморфными изображениями. Набор парадных украшений М.Г. Крамаровский относит к кругу редких, раннеджучидских воинских поясов конца XII – XIII в. Данный контекст позволил И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе, Е.И Нарожному ограничить датировку рассматриваемого типа изделий в кочевнических погребениях Восточного Приазовья рубежом XII–XIII вв. или первой третью – серединой XIII в. Такой вывод вполне применим и к подкураганным кремациям Северо-Западного Кавказа (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 86, 87).

Широко распространенным типом стремян являются арочные, с прутовидной четырехгранной дужкой, широким отверстием для путлища и прямой подножкой заостренно-овальной формы, с усиливающим ребром-валиком (тип IV-5 по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006. С. 31) (рис. 29, *6*). Они близки отделу Е по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, а сходная форма изделий из древнерусских памятников была отнесена А.Н. Кирпичниковым к типу VII и VII-а (Федоров-Давыдов, 1966. С. 13; Кирпичников, 1973. С. 50–51). Абсолютного сходства предметов из вышеназванных классификаций с находками из кремационных некрополей нет. Близкие по морфологическим особенностям стремена известны в кочевнических древностях Восточной Европы, в Степном Прикубанье и Восточном Закубанье, но, как отмечает Е.А. Армарчук, массовые аналогии с этим типом конского снаряжения за пределами Северо-Западного Кавказа отсутствуют. Для Северо-Восточного Причерноморья датировку стремян типа IV-5 Армарчук ограничивает XIII в. (Плетнева, 1981. С. 214–215. Рис. 82; Армарчук, 2006. С. 32).

Значительно меньше в погребальных комплексах представлены «кольчатые» стремена, с общим круглым контуром, прутовидной, круглой в сечении дужкой и сильно выгнутой подножкой, с утолщением-валиком посредине (тип IV-1 по классификации Е.А. Армарчук). Они соотносятся с типом V по классификации А.Н. Кирпичникова и близки стременам отдела Г-

III по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Армарчук, 2006. С. 22; Кирпичников, 1973. С. 48–49; Федоров-Давыдов, 1966. С. 13) (рис. 29, *2*). Появление изделий данного типа Кирпичников относит к X в., однако на протяжении XI–XIII вв. они нигде не преобладают, изредка попадаются в поросских курганах, домонольских слоях Новгорода и Киева, встречаются в кочевнических комплексах. Круглые стремена в Причерноморье Е.А. Армарчук относит к концу XII–XIII вв., однако стремя из Ленинохабльского могильника свидетельствует о более раннем появлении их в Закубанье – в XI–XII вв. (Кирпичников, 1973. С. 48; Армарчук, 2006. С. 23).

Основным типом удил для погребений третьего периода становятся изделия с кольцами из дрота круглого сечения, выполнявшими одновременно функции псалиев и поводных колец (тип БI-2б по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006. С. 45) (рис. 29, *7–10*). Такие удила широко были распространены в древнерусских памятниках, в Волжской Булгарии, на Южном Урале, у прикамских финнов и в Венгрии. Более близкие аналоги происходят из кочевнических погребений Прикубанья и ингумаций, сопровождающихся конским погребением, в Северо-Восточном Причерноморье (Кирпичников, 1973. С. 16; Смирнов, 1981. Рис. 78, *68, 69*; Армарчук, 2006. С. 47; 2003. Табл. 97, *43*; Мажитов, 1981. Рис. 74, *11, 17*; 75, *5, 12*; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 4, *15, 16*; 5, *12*; 8, *7*; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. Рис. 37). Двусоставные кольчатые удила отличаются широким хронологическим диапазоном. Начиная с X в. они становятся все более популярными и начинают постепенно вытеснять изделия других типов. В погребениях с трупосожжениями этот тип получает большую популярность в XI в, а в комплексах XIII в. удила иных конструкций уже не встречаются.

Остальные вещи, составляющие конское снаряжение, имеют большой временной диапазон и демонстрируют различие конских уборов по уровню

богатства, что важно при изучении социального статуса погребенных (рис. 30).

Рассматривая предметы конской упряжи, мы видим, что большая масса погребений второй половины XII–XIII вв. демонстрирует унифицированный набор конского снаряжения. Эволюция конской упряжи шла по пути упрощения многочисленных типов и выработки наиболее удобных образцов.

Подавляющее большинство сабель, включенных в третий этап, представлено длинными (более 100 см) слабоизогнутыми экземплярами с обоюдоострым окончанием (рис. 31, *1–3*). Кривизна и длина сабельных клинков укладывается в соответствующие параметры черноклобуцких сабель отела В конца XII – первой половины XIII в. по классификации С.А. Плетневой. В классификационной схеме А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной они сходны с клинками разновидностей № 2 второй половины XII – первой половины XIII в., № 5 второй половины XII – XIV в., № 6, бытовавших в XIII в. (Плетнева, 1973. С. 17; Евглевский, Потемкина, 2000. Рис. 2. Табл. 8).

По сравнению с предшествующим периодом происходят изменения в сабельной гарнитуре. Наиболее популярным типом наверший рукояти становятся уплощенно-цилиндрические, с плоским или слегка выпуклым верхом, треугольными выступами по бокам и одним боковым отростком (рис. 31, *4*, *5*). Часть подобных наверший зафиксирована вместе с саблями XII – первой половины XIII в., многочисленные аналогии с рассматриваемым типом обнаружены в кочевнических погребениях XII–XIV вв. Навершие сходной формы вместе с саблей XII – начала XIII в. встречено в кочевническом погребении у х. Пролетрского, в воинских захоронениях XII–XIV вв. могильников Кривуша-84 и Южный-84, а также среди ингумационных погребений Цемдолинского могильника. Аналогичное навершие обнаружено вместе с саблей в погребении могильника

Старонижестиблиевский. В этом некрополе сабля датируется второй половиной XIII – началом XIV в. В определенной степени указанную датировку подтверждают аналоги из Келийского могильника, где с подобной саблей найдена монета, отчеканенная от имени грузинской царицы Русудан (1227 г.). Кроме того, сабля с подобной гарнитурой рукояти найдена вместе с монетой Менгу-каана (653 г.х. = 1252–1262 гг.) (Плетнева, 1981. С. 215. Рис. 83, *40*; Зеленский, 1997. С. 90; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 192. Рис. 8, *10*. Рис. 9, *7;* Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 18, *3*; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 99–100. Рис. 35, *1*, *2*).

Навершия сабельных рукоятей, распространенные в предшествующий период, для подкурганных погребений уже нехарактерны и обнаружены только в нескольких погребениях на побережье.

Основным типом сабельных перекрестий являлись прямые или слегка изогнутые гарды, без бокового щитка, с утолщенными грибовидными окончаниями, но для третьего этапа характерными становятся именно изогнутые экземпляры (рис. 31, *7, 8*). Появляются перекрестия с хорошо выделенным боковым щитком, с шаровидными или грибовидными окончаниями, опущенными вниз (рис. 31, *6*). По классификации А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, подобные гарды близки вариантам 2 и 3 типа I соответственно (Евглевский, Потемкина, 2000. Рис. 4, *2*, *3*). Такие перекрестия более характерны для сабель с кривизной клинка 2–4 см. Гарды без бокового щитка, получившее распространение в предшествующий период, несколько видоизмененные, найдены уже в подкурганных погребениях. Видоизменение этих изделий связано с развитием наклона окончаний гарды в сторону лезвия и появлением бокового щитка. Боковые защитные щитки у перекрестий появляются уже в XII в., но наибольшее распространение получают в более позднее время (Кирпичников, 1966а. С. 69). В подкурганных погребениях зафиксировано несколько экземпляров

перекрестий с раструбообразными окончаниями, однако широкого распространения в конце XII – XIII в. гарды данного типа не имели.

От сабельных ножен в погребениях обычно находились только железные наконечники и фрагменты петель для подвешивания ножен к поясу (рис. 31, *9-14*). Наиболее характерным типом наконечника ножен для погребений третьего периода является овальная или ромбическая в сечении, слегка изогнутая трубка-оковка с плоским донцем и вырезом уголком у верхнего края (рис. 31, *13, 14*). Как считала С.А. Плетнева, подобные наконечники были характерной чертой кочевнических сабель XII в. (Плетнева, 1981. С. 215). Аналоги этого типа наконечников ножен известны в черноклобуцких древностях XII – начала XIII в., в ингумационных погребениях Цемдолинского могильника XII–XIV вв. (Плетнева, 1973. Табл. 11, *5*). В нашей выборке такие наконечники встречены вместе с саблями второй группы и уплощенно-цилиндрическими навершиями. Дополняют сабельную гарнитуру петли-обоймы для крепления ножен к поясу, а также простые безщитковые овально- или прямоугольнорамчатые пряжки. Данные факторного анализа, объединившего рассмотренные выше сабли с деталями гарнитуры в единую группу факторов с положительными межгрупповыми связями, а также приведенные аналогии позволяют сделать вывод, что представленные предметы сабельной гарнитуры и ножен характерны для погребений второй половины XII – XIII в.

Как и в предшествующий период, в памятниках третьего хронологического этапа происходят изменения в наборе наконечников стрел: наряду с экземплярами, имевшими широкие хронологические рамки бытования, появляются наконечники стрел, неизвестные в погребениях предшествующего времени.

К ним относятся шиловидные наконечники ромбического сечения, с простым упором (тип 94), датирующиеся XII–XIII вв. (рис. 32, *12*) (Медведев, 1966. С. 84). Двурогие срезни типа 60-6 и секторовидные срезни типа 68,

характерные для XIII в., появились на рассматриваемой территории, по-видимому, в результате монгольского нашествия (рис. 32, *1–3*) (Медведев, 1966. С. 72, 76). Килевидные наконечники стрел с пропорциями пера 1:3, 1:5, 1:6 (тип 38-3, 38-4) (рис. 32, *7, 8, 9*) были широко распространены в XIII–XIV вв., (Медведев, 1966. С. 64).

В погребениях третьего хронологического этапа иногда встречаются костяные детали луков и колчанов, в отличие от комплексов VIII–IX вв., где подобные находки неизвестны (рис. 32, *20–22*; 33). Находки луков единичны и встречены в захоронениях с наиболее полным набором инвентаря. Обычно луки располагались в одной яме с сопровождающим урну погребением лошади. От луков сохраняются только костяные накладки, по функциональному назначению они делятся на два вида: 1) срединные тыльные; 2) концевые фронтальные пластины. Срединные тыльные накладки (длина 15–25 см) были разнообразной формы:

– в виде узкой дуговидной планки, с прямым срезом концов (рис. 33, *1*);

– в виде планки со слегка расширяющимися концами (рис. 30, *2*).

Концевые тыльные накладки (длина 8–15 см) представляют собой сужающиеся к одному краю костяные пластины (рис. 33, *3*). Подобные концевые и срединные накладки бытуют на территории Восточной Европы на протяжении длительного времени – VIII–XIV вв.

От колчанов в погребениях обнаружены преимущественно колчанные петли двух типов:

– короткие петли с сильно выгнутой спинкой и трапециевидными окончаниями (рис. 32, *15*, *16*);

– длинные петли со слабо выгнутой спинкой и фигурно завершающимися концами (рис. 32, *17*).

Значительно реже исследователи находили костяные детали колчанов: узкие и тонкие пластинчатые обивки с заклепками, прямые или

дуговидно изогнутые (рис. 32, *18, 19*); тонкие костяные накладки в виде узких длинных пластин, крепившихся вдоль корпуса колчана; широкие костяные изделия, украшенные циркульным орнаментом (рис. 33, *4–7*).

К поясной гарнитуре относятся простые железные пряжки без щитка. По форме рамки пряжки делятся на несколько типов (рис. 35, *1–6*).

Пряжки без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой, сегментовидные, такие пряжки относятся к отделу А, типу II по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (рис. 35, *1, 2*). Пряжки этого типа известны по материалам кочевнических погребений на территории Украины домонгольского времени, найдены они и в погребениях золотоордынского времени в Восточном Приазовье (Федоров-Давыдов, 1966. С. 46. Рис.7, *AII*; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 127–128. Рис. 53, *2*).

Железные пряжки с вытянутой рамкой овальной или прямоугольной формы (отдел А, тип IV по классификации Г.А. Федорова-Давыдова) (рис. 35, *3*) известны в Волжской Болгарии, в кочевнических погребениях Тянь-Шаня, мордовских памятниках XIV в., обнаружены в ингумационных погребениях могильника Лобанова Щель, в Северо-Восточном Причерноморье, среди погребального инвентаря захоронений из Прикубанья, в кочевнических погребениях Восточного Приазовья. В комплексе на Нижней Волге подобная пряжка была обнаружена с несколькими монетами середины XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 46. Рис. 7; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 128. Рис. 53, *3*, *4*, *6*; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 4, *7*; Марченко, Пьянков, 2002. Рис. 12, *4*; 15, *9*, *10*).

Пряжки с круглой рамкой соотносятся с отделом А, типом III по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и датируются широко (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 7).

Серьги и височные кольца из погребений третьего этапа разделяются на несколько типов.

Бронзовые серьги округлой формы с несомкнутыми или слегка заходящими окончаниями (рис. 35, *9, 11*). Данный тип серег известен по погребальному инвентарю комплексов предшествующего этапа. Такие серьги относятся к типу I по классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Территория распространения подобных украшений была очень широкой. В частности, в склепе № 6 в Лучистом подобные серьги и витой проволочный браслет обнаружены вместе с монетой 1143–1180 гг. (Айбабин, Хейридинова, 2008. Рис. 34).

Бронзовые височные кольца (рис. 35, *10*). Подобные изделия также весьма многочисленны в кремационных погребениях, время их бытования составляет длительный период.

В погребениях третьего этапа появляются серьги с несомкнутыми окончаниями, изготовленные из полой бронзовой трубочки (рис. 35, *7, 8*). Названный тип серег характерен в исследуемой выборке только для подкурганных трупосожжений третьей группы. В классификационной схеме Г.А. Федорова-Давыдова таким серьгам аналогов нет (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 6). Сходные украшения были найдены в кочевнических погребениях Прикубанья, известны в материалах погребений из Восточного Приазовья, датирующихся золотоордынским временем – XIII–XIV вв. (Пьянков, Хачатурова, 1995. Рис. 155, *3*; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 135. Рис. 54, *5*; Анфимов, Зеленский, 2002. Рис. 2).

Единичными находками представлены серьги с напускной металлической бусиной. На двух экземплярах из Цемдолинского могильника бусина биконической формы (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову), одна серьга из этого же некрополя имела бусину с отходящими коническими выступами (близка типу V по классификации Г.А. Федорова-Давыдова) (рис. 35, *12–14*). Оба типа серег довольно широко представлены в материалах кочевнических погребений и давно привлекают к себе внимание

исследователей. Однако их датировка и этнокультурная принадлежность являются дискуссионными.

Подобные серьги, найденые в ингумационном погребении № 40 Цемдолинского могильника, датированы Е.А. Армарчук и А.А. Малышевым широко – XII–XIV вв., а погребения по обряду кремации этого же некрополя с этим типом серег Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев относят ко времени бытования таких колец на обширной терртории в XI –XIII вв. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 45).

С.А. Плетнева сначала рассматривала такие украшения как черноклобуцкие, а в более поздних работах называла их уже половецкими, к сугубо половецким такие серьги относила Т.М. Минаева. Г.А. Федоров-Давыдов сообщает о находках описываемых серег в русских кладах XII–XIII вв., а также в Поднестровье и Подунавье, где они датируются уже XIV в. (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 20, *1*; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 132; Плетнева, 1958. С. 176; Плетнева, 1981. С. 216). Как мы видим, временной диапазон бытования рассматриваемых типов серег достаточно широк.

В нашем случае необходимо учесть ряд особенностей. Обнаруженные в кремационных погребениях серьги с биконической бусиной происходят из Цемдолинского некрополя. Могильник оставлен смешанной группой населения, о чем свидетельствует пестрота погребального обряда. Помимо подкурганных урновых кремаций, здесь были исследованы ингумационные погребения, сопровождаемые захоронениями лошадей. Могильные ямы этих комплексов полностью соотносятся с параметрами ям типа БXIII по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, которые исследователь считал характерными именно для черноклобуцкого Поросья. Возможно, погребальные комплексы Цемдолинского некрополя отражают наличие черноклобуцкого этнического компонента внутри населения, оставившего могильник. Следовательно, серьги с биконической бусиной могли попасть на

рассматриваемую территорию вместе с этим компонентом. Г.А. Федоров-Давыдов относит переселение черных клобуков и сопутствующих им кочевников на Северный Кавказ к золотоордынскому времени – по-видимому, это происходило уже в середине – второй половине XIII столетия. Отсюда следует, что рассматриваемые типы серег, найденные в кремационных погребениях Цемдолинского могильника, маркируют эти комплексы временем не ранее середины – второй половины XIII в.

В погребениях третьего этапа распространяются амфоры различных типов, рассмотрим их подробней (рис. 36, *1–4*). Такие сосуды, как правило, использовались в качестве погребальных урн. Все амфоры обнаружены только в могильниках на территории Северо-Восточного Причерноморья. Среди амфор из кремационных могильников известны следующие типы.

Округлодонные сосуды с ленточными ручками (рис. 36, *3*) относятся к типу 47 по классификации А.В. Сазанова; к типу 3YB в исследовании В.В. Булгакова; к типу 63 у Дж. Хейса (Sazanov, 1997. P. 97. Fig. 4, *47*; Булгаков, 2000. Рис. 77; Hayes, 1992. P. 76, Fig. 26, *1–3*). Хронологический диапазон бытования таких амфор лежит в пределах XII–XIII вв., они встречены в Константинополе, Киеве (Булгаков, 2000. С. 57).

Амфоры с высокоподнятыми ручками обнаружены в захоронениях Цемдолинского могильника и в Кедровой роще (рис. 36, *4*). Такие сосуды отражены во многих типологических схемах: тип XXII по классификации И.А. Антоновой; тип 61 у Дж. Хейса; тип 53 по классификации А.В. Сазанова; 2Pd у В.В. Булгакова (Антонова и др., 1971. С. 93–94. Рис. 24; Hayes, 1992. P. 76. Fig. 26, *10–11*; Sazanov, 1997. P. 98. Fig. 4, *53*; Булгаков, 2000. Рис. 49). Обнаруженные сосуды являются поздней разновидностью амфор этого типа. В Херсоне подобные находки встречаются в слое XIII–XIV вв.. На Таманском городище они известны с XIII в., где сменяют широко распространенные в предшествующее время воротничковые амфоры (Айбабин, 2003. Табл. 23; Плетнева, 2003. Табл. 67). Верхние части таких

сосудов были обнаружены с материалом XIII–XIV вв. при подводных исследованиях в Новосветской бухте, на правобережном поселении у с. Кичкас на Нижнем Днепре, как «крымские амфоры» описывались они в находках из Азова (Булгаков, 2000. С. 42). Таким образом, приведенные аналогии указывают на время бытования этого типа керамической тары в XIII–XIV вв.

Плоскодонная амфора с дуговидными ручками была найдена в кургане № 13 Цемдолинского некрополя (рис. 36, *2*). Она относится к типу XXIV по классификации И.А. Антоновой; к типу 54 по А.В. Сазанову; типу 3К по В.В. Булгакову (Антонова и др., 1971. С. 94. Рис. 26; Sazanov, 1997. P. 98. Fig. 4, *54*; Булгаков, 2000. Рис. 35). В большинстве случаев амфоры этого типа встречены в слоях XIII–XIV вв. либо не ранее второй половины XIII в. Плоскодонные амфоры, обнаруженные в комплексе кораблекрушения в Новосветской бухте, использовались для транспортировки оливкового масла. Большой процент находок подобных сосудов зафиксирован в поздних комплексах причерноморской зоны. Они обнаружены в вещевых комплексах Крыма, степного Приднепровья, Южного Буга, Приднестровья, на Малоазийском побережье Черного моря (Самсун) (Булгаков, 2000. С. 29).

В могильнике на р. Жане найдена маломерная желтоглиняная амфора (рис. 36, *1*). Подобные сосуды относятся к разным типам по разным классификациям (Якобсон, 1979. Рис. 43, *1б*; Hayes, 1992. Types 55, 65; Sazanov, 1997. Type 47; Булгаков, 2000. Тип 3Y; Коваль, 2010. Группа III). Представленный тип амфор в Причерноморье малочислен. Они встречается в Крыму на городище Эски-Кермен, в крепости Алустон, укреплении Исар-Кая, в Судаке, Херсонесе и Керчи (Мыц, 1991. С. 83, 97. Рис. 32, *4*; 1987. С. 273. Рис.10, *3*; 1991. Рис. 32, *5*; Джанов, Майко, 1998. С. 168. Рис. 9, *6*; Sazanov, 1997. P. 97. Type 47; Сазанов, 1998. С. 56. Рис. II, *19*). Известны они и на Таманском городище (Плетнева, 1963. Рис. 34, *1*). Наибольшее

количество амфор этого типа происходит из раскопок древнерусских городов (Коваль, 2010. С. 160–162. Прил. 2). Именно эти сосуды изображены на миниатюре из Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи, иллюстрирующей осаду Белгорода половцами (Чхаидзе, 2004. С. 45–53). На территории Древней Руси эти амфоры исчезают после монголо-татарского нашествия, продолжая поступать в Северное Причерноморье вплоть до XIV в. Известен сосуд этого типа из кочевнического погребения у с. Шевченко близ Скадовска (Украина) (Евглевский, Потемкина, 2000б. С. 211. Рис. 2, *3*). Датировка амфор рассматриваемого типа укладывается в рамки последней трети X / первой половины XI – середины / второй половины XIII в. (Сазанов, 1998. С. 56).

Помимо амфор, в погребениях третьего этапа встречаются пифосы, которые использовались как погребальные урны (рис. 36, *8, 9*). В кремационных некрополях эти крупные тарные сосуды широкого распространения не имели и были обнаружены в погребениях только на территории Северо-Восточного Причерноморья; о находках пифосов в могильниках горной части Закубанья информация отсутствует.

Все пифосы красноглиняные, яйцевидной формы, покрытые мелким бессистемным рифлением или вертикальными лощеными полосами, горло невысокое. Дно у сосудов может быть плоское, с небольшим выступающим поддоном или же конической формы, с узкой цилиндрической ножкой, слегка расширенной у донца.

Сходные пифосы известны на поселениях X–XII вв. Андреевская Щель 1 и 2 под Анапой и на поселениях XII–XIV вв. в окрестностях Новороссийска, в слое Херсона XII–XIII вв., а также в Дмитриевском могильнике (Армарчук, 2003. С. 213–214. Табл. 101; Айбабин, 2003. Табл. 27; Плетнева, 1989. С. 138. Рис. 74, 79).

В инвентаре погребений третьего этапа стеклянные сосуды встречаются редко. Бóльшая часть стеклянной посуды происходит из

могильников Северо-Восточного Причерноморья, в Закубанье основная масса стеклянных сосудов обнаружена в некрополях Шебш 1 и 2.

Стеклянные сосуды представлены следующими формами.

Графинчики из прозрачного стекла зеленоватого оттенка на невысоком поддоне с овальным туловом и высоким горлом, с перехватами, на плечиках и горле крепится высокая петлевидная ручка. Фронтальная часть ручки украшена волнистой накладной полоской стекла (рис. 37, *4*).

Графинчики без ручки с высоким цилиндрическим туловом и узким горлом с двумя перехватами, изготовленные из прозрачного зеленоватого или глухого синего стекла (рис. 37, *3*).

Стаканы цилиндрической формы, расширяющиеся к устью, поддон слабо выделен либо отсутствует, изготовлены из прозрачного стекла (рис. 37, *2, 6*).

Высокие цилиндрические кубки на дисковидном или коническом поддоне, изготовленные из прозрачного стекла, орнаментированные горизонтальными навитыми линиями (рис. 37, *1, 7*).

В могильнике Шебш-2 встречена чаша на невысоком поддоне, изготовленная из темно-вишневого полупрозрачного стекла. Поверхность чаши украшена крупными узорами в виде вдавленных лепестков (рис. 37, *5*).

Графины с высокой ручкой близки сосуду из богатого ингумационного погребения могильника Ахтырский лиман. Такие сосуды попадали на эту территорию из Закавказья, подобная техника декора характерна для грузинского, армянского и среднеазиатского стеклоделия XII–XIII вв. (Армарчук, Сорокина, 2001. Рис. 2; С. 199–200). Другие аналоги стаканов и графинов известны в Рустави, кубок из погребения могильника Шесхарис идентичен изделию из Сиони, чаша из могильника Шебш-2 близка сосуду из Двина (Рамишвили, 2003. Табл. 131, *16–18, 24*; Аракелян, 2003. Табл. 166, *24, 25*).

Стеклянные сосуды были предметом импорта в Предкавказье из стран Арабского Востока, Закавказья и Средиземноморья. Пути их проникновения на разных этапах были разными, обусловленными зависимостью культурных и торгово-экономических контактов от исторических событий и политической обстановки. До монгольского нашествия преобладал ввоз из стран Арабского Востока, Закавказья и Византии (Армарчук, Сорокина, 2001. С. 200).

Таким образом, погребальный инвентарь комплексов третьей хронологической группы укладывается в рамки второй половины XII – XIII в. В рассматриваемых погребениях частично продолжают бытовать предметы, характерные для могильников второй группы. В погребальном инвентаре подкурганных погребений фиксируются предметы, характерные для времени после монгольского нашествия (наконечники стрел, специфические типы серег) (рис. 32, *1-4*; 35, *12-14*).

По сведениям, содержащимся в восточных источниках, появление Чингизидов на Северном Кавказе приходится на 1230-е гг. В частности, сообщается о том, что осенью 635 г. Хиджры (1237 г.), Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимой убили их государя Тукара (Тизенгаузен, 1941. С. 37). По-видимому, не раньше этого времени и попадают в погребения отдельные предметы материальной культуры, появившиеся на Северо-Западном Кавказе после монгольского нашествия. Это утверждение позволяет ограничивать датировку захоронений с такими вещами XIII в. Проведенный анализ вещевого комплекса не позволяет определить верхнюю временну*ю* границу памятников третьего периода, а следовательно, и время существования обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе только первой половиной XIII в. Найденные в погребениях Цемдолинского могильника и характерные уже для золотоордынского времени серьги с биконической пуговицей, а также серьги, изготовленные из полой трубочки,

указывают на то, что обряд кремирования умерших продолжал существовать во второй половине XIII столетия.

Таким образом, представленные материалы позволили выделить три хронологических этапа существования обряда кремирования умерших на территории Северо-Западного Кавказа. Наиболее ранние погребальные комплексы в исследуемой выборке относятся к *VII – первой половине VIII в.*, далее выделяются погребения, относящиеся ко *второй половине VIII – первой половине IX в.*, завершающими на первом этапе являются погребальные комплексы *второй половины IX – начала X в.*

Второй хронологический этап характеризуется небольшим количеством трупосожжений *X в.* и погребениями *XI – первой половины XII в.*

Все погребения третьего этапа хронологически лежат в пределах *второй половины XII – XIII в.*, однако погребальный инвентарь части погребений позволил ограничить время их появления XIII в.

Глава III
Погребальный обряд

В археологическом аспекте термин «погребальный обряд» понимается как сумма овеществленных остатков от ритуальных действий во время погребальных церемоний, совершаемых в момент захоронения умершего человека (Воронина, 2007. С. 47). Безусловно, понятие, используемое в археологии, в значительной мере отличается от реального цикла обрядовых действий, связанных с погребением умершего. Изучая погребальные памятники, оставленные нашими предшественниками на земле, археологи, как ни странно, получают больше информации относительно жизни умерших, нежели относительно их смерти. Мы можем многое узнать об их поле, возрасте, строении тела, некоторых болезнях и полученных ранениях, составе их диеты и др. Кроме этого, мы получаем сведения о живых, выполнявших погребальные действия для своего умершего. Таким образом, складывается представление об обществе, к которому принадлежали погребенные (Берсенева, 2011. С. 6–7).

По мнению многих исследователей, погребальная обрядность в значительной мере отражает идеологические, религиозные и мировоззренческие представления древних обществ. Как отмечает В.И. Гуляев, опираясь на данные погребального обряда, мы можем реконструировать быт, духовную и материальную культуру, социальное устройство, идеологические представления изучаемого общества – словом, все то, что важно для воссоздания истории исчезнувших племен, оставивших погребальные памятники (Гуляев, 2010. С. 5). Таким образом, основная задача исследователя заключается в установлении адекватной связи между процессами, происходившими в прошлом, и материальными остатками, дошедшими до нас спустя столетия и тысячелетия (Берсенева, 2011. С. 7).

Это делает изучение погребального обряда важнейшей составляющей процесса получения информации об этническом и культурном составе исследуемой группы памятников, дает возможность реконструировать социальную стратификацию оставивших их племен.

Данное положение в полной мере может быть спроецировано на исследуемые в данной работе грунтовые и курганные могильники, оставленные носителями обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе.

Обряд трупосожжения на рассматриваемой территории существовал довольно длительное время (более 500 лет) и в своем развитии не был однородным. При анализе погребального обряда кремационных могильников необходимо:

– описать основные черты погребального обряда памятников от макро- до микроуровня;

– выявить наиболее характерные и значимые черты обряда;

– проследить хронологические различия;

– попробовать выявить характерные черты погребального обряда, которые могут являться этномаркирующими признаками.

В первую очередь важно оговорить критерии деления погребений на типы. На макроуровне все погребения разделяются:

– на совершенные в грунтовых могильниках;

– впускные в курганы предшествующих эпох;

– погребения под небольшими курганными насыпями.

В течение всего времени существования традиции кремирования умерших на Северо-Западном Кавказе характерно сожжение покойного на стороне. Главным различием, отраженным в погребальных комплексах, является способ захоронения кремированных останков: в грунтовую яму, урну или каменный ящик, поэтому этот признак явился основным для выделения типов погребений. Подтипы погребений определялись по

наличию дополнительных ритуальных захоронений – погребение лошади или отдельная яма с набором инвентаря. Отдельно рассматриваются комплексы, в которых не зафиксировано человеческое погребение, и те, что связаны с традицией создания кенотафов.

Перед тем как перейти к изложению исследования погребального обряда, необходимо отметить, что представленные ниже данные не могут претендовать на всеобъемлющую полноту, поскольку мы не располагаем всей суммой погребений, оставленных населением, практиковавшим этот обряд, и только небольшое число могильников могут быть признаны полностью исследованными. Анализируемые нами погребения, объединенные в единую базу данных, являются лишь селективной выборкой.

Исследование погребального обряда проводилось на основе предложенных в работе хронологических этапов существования обряда трупосожжения на территории Северо-Западного Кавказа.

Первым шагом в изучении погребального обряда является исследование всего ареала кремационных некрополей Северо-Западного Кавказа методами пространственного анализа (Успенский, 2012. С. 388-390; 2013. С. 86-98). Это дает возможность обоснованно разделить весь исследуемый массив на территориальные группы по степени близости их взаимного расположения в пространстве, изучить плотность памятников. Картографирование и анализ полученных данных (ареальные исследования различных явлений культуры) использовались в культурно-исторических построениях В.Б. Ковалевской при изучении проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры (Ковалевская, 1988. С. 12. Рис. 3; 1995. С. 115–116). Пространственный анализ был применен и показал свою эффективность при изучении системы обороны Кисловодской котловины, при исследовании распространения курганов с ровиками в Волго-Доно-Кубанском междуречье и при изучении локальных особенностей

катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004. С. 60–62; Афанасьев, 2009. С. 9–10; Коробов, 2003. С. 11).

Для решения поставленной задачи закубанские могильники с трупосожжениями были картографированы, позиционированы и разделены изначально на две группы по наличию насыпи (грунтовые и курганные могильники) (рис. 3). Далее проводилось деление памятников на группы VIII–IX вв. и X–XIII вв., (рис. 41, 60) а затем в соответствии с представленной в работе хронологической схемой (три этапа) (рис. 41, 62, 73). Получившие хронологическую атрибуцию объекты исследования изучались методами ГИС-анализа с использованием пакета программ ArcGIS 9.3. В процессе выделения территориальных групп использовался метод анализа прямого линейного расстояния (Straight Line Distance), что позволило сгруппировать могильники по степени близости их расположения в пространстве и выявить буферные зоны между ними (рис. 42, *1*; 61, *1*; 63, *1*; 74, *1)*. Для выяснения плотности памятников использовалась процедура Densite из пакета программы ArcMap (рис. 42, *2*; 61, *2*; 63, *2*; 74, *2*). В качестве максимального для выстраиваемых буферных зон некрополей и для вычисления плотности использовалось расстояние в 30 км. Выбор расстояния обусловлен тем, что это установленная норма одного дневного конного перехода. К примеру, в Средней Азии караван-сараи располагались на расстоянии 25–32 км друг от друга, а монгольские «ямы, джамы» – на расстоянии 30 верст (Фехнер, 1981. С. 139–145; Караев, 1991. С. 77–79).

В результате ГИС-анализа 47 закубанских могильников с трупосожжениями – памятники хазарского культурно-исторического периода – были дифференцированы на три территориальные группы (рис. 42, *1*). В первую группу вошли 10 объектов (могильники Дюрсо, Борисовский, Большие Хутора, 8-я Щель, на ул. Днестровской (Новороссийск), у станицы Гостагаевской, Су-Псех, на г. Болтын, Мысхако, Натухаевская), расположенные в районе Новороссийска, Геленджика и Анапы. Расстояние

между буферными зонами в центральной части группы не превышает 7,5 км. Вторую группу образуют шесть могильников в степной зоне западного Закубанья (Ахтырский Лиман, Крюковский мыс, Общественный II, Бугайский Бугор, у хуторов Хабль и Евсеевский). Расстояние между буферными зонами в группе не превышает 15 км. Несколько обособленно по отношению к вышеописанным группам располагается Молдовановский могильник, но по своему местоположению он тяготеет ко второй группе. Третья группа, локализованная в северо-восточной части Западного Закубанья, объединяет четыре компактно расположенных памятника в зоне Краснодарского водохранилища (Псекупский, Казазово, в устье р. Дыш и Нововочепшийский) и примыкающий к ним с запада Тахтамукайский могильник. Диаметр буферных зон между некрополями этой группы около 7,5 км. Правомерность выделения описанных территориальных групп методом вычисления кратчайшего расстояния между памятниками была проверена процедурой вычисления плотности объектов и нашла свое дополнительное обоснование. Наибольшая плотность могильников (9–10 объектов в зоне) наблюдается в центральной части первой группы. Она располагается к северо-западу от Цемесской бухты, в районе современного Новороссийска. Плотность могильников во второй и третьей группах примерно одинакова – в среднем 3–5 могильников (рис. 42, *2*).

Анализ ландшафтной ситуации показывает, что могильники хазарского периода занимают наиболее благоприятные в хозяйственном отношении территории. Так, первая территориальная группа, локализуемая преимущественно на полуострове Абрау, охватывает микрорегион, природно-географические условия которого способствовали освоению территории с эпохи энеолита. Что же касается рассматриваемой эпохи Средневековья, то, согласно палинологическим исследованиям, она характеризуется чрезвычайно благоприятными климатическими условиями (Спиридонова, Алешинская, Кочанова. 2009. С. 49–50). Некрополи второй и

третьей территориальных групп располагаются в более засушливых равнинных просторах степной части Закубанья, в устьях и руслах малых рек и имеют тенденцию тяготения к руслу р. Кубань. В горной части Западного Закубанья могильники с кремационными погребениями хазарского времени отсутствуют.

Исследование некрополей —X-XIII вв. проходило в два этапа. Сначала был проанализирован весь массив памятников, суммарно датирующихся X–XIII вв., а затем произведен расчет плотности и вычисления кратчайшего расстояния между могильниками X–XII вв. и курганными некрополями конца XII – XIII в.

ГИС-анализ показывает, что некрополи X–XIII вв. могут быть разделены на четыре территориальные группы (рис. 61, *1*). Первая объединяет 17 могильников (Южная Озереевка, Борисовский, Мысхако, Шизе IV, БШМ, Андреевская Щель, Раевский, Лобанова Щель, могильник в поселке Абрау-Дюрсо, Васильевка-4, Кабардинка (Кедровая роща), на р. Жане, на г. Сапун, Цемдолинский, Шесхарис, Крученая Щель III, Молоканова Щель), расположенных в районе Анапы – Новороссийска – Геленджика и в горной части Западного Закубанья. Расстояние между буферными зонами объектов внутри группы не превышает 7,5 км. Наиболее отдаленным от основного массива группы является могильник Андреевская Щель. Следует отметить, что подавляющее большинство погребений из некрополей первой территориальной группы относится к более позднему времени, чем погребения из грунтовых некрополей второй и третьей групп.

Вторая группа формируется семью объектами (могильники Циплиевский, Ахтырский лиман, Общественный III, Убинский, Черноклен, Бугайский Бугор, Крюковский мыс) и локализуется в степной части Западного Закубанья. Здесь расстояние между буферными зонами не более 15 км.

В третью группу вошли три памятника в зоне Краснодарского водохранилища (могильники Ленинохабль, Псекупский, Казазово). Могильники третьей группы располагаются рядом друг с другом, диаметр буферных зон между ними не превышает 7,5 км.

Наконец, в четвертую группу входят три некрополя (могильники Шебш 1, 2 и Шабановское), компактно расположенные в горной части Западного Закубанья в среднем течении р. Шебш. Не вошли ни в одну из групп могильники Чайка и Бжид, но по своему местоположению они тяготеют к первой группе.

При выделении территориальных групп для грунтовых погребений из могильников X–XII вв. мы видим, что основной территорией распространения кремационных некрополей является степная часть Западного Закубанья, тогда как первая группа заметно сокращается (рис. 63). Анализ территориального распределения подкурганных погребений конца XII – XIII в. показывает увеличение первой территориальной группы и формирование отдельного ее участка в горной части Закубанья и близкой ей четвертой группы в длолине реки Шебш, тогда как некрополи в степи исчезают (рис. 74).

Расчет плотности всего массива закубанских могильников с трупосожжениями X–XIII вв. позволил выделить в первой территориальной группе два участка с наибольшей плотностью памятников. Один из них располагается на территории между современным городом-курортом Анапой и городом-курортом Геленджиком, основная масса некрополей данного участка расположена на полуострове Абрау. Другой локализуется в горной части Западного Закубанья. Во второй территориальной группе также выделяются два участка памятников с наиболее высокой плотностью. Объединяющий пять некрополей первый участок имеет плотность 3–4 могильника на 30 км^2. Два могильника первого участка располагаются в русле нижнего течения р. Абин, а три других тяготеют к руслу р. Сухой

Аушедз. Некрополи второго участка располагаются в междуречье р. Иль и Сухой Хабль. Памятники третьей и четвертой территориальных групп представлены единым массивом (рис. 61, *2*). При сопоставлении размещения курганных могильников предгорий Закубанья и памятников степной части следует обратить внимание на их локализацию относительно русел рек. Степные грунтовые могильники в большинстве своем располагаются в междуречьях и не привязаны к рекам; в свою очередь, все ныне известные курганные могильники располагаются в небольшом отдалении от русла реки, на надпойменных террасах и отрогах небольших холмов.

В хазарский период все без исключения кремационные погребения совершались в грунтовых некрополях. Поэтому после выделения территориальных групп могильников мы рассмотрим местоположение, планировку грунтовых кладбищ и основные черты грунтовых кремационных погребений.

Погребения по обряду трупосожжения совершались в многослойных могильниках, использовавшихся населением в течение предшествующего времени, были основаны и новые некрополи. На поверхности могильников каких бы то ни было опознавательных знаков, отмечающих погребения, не выявлено, однако, учитывая отсутствие разрушения одного погребения другим вполне допустима мысль об их существовании в древности. Планиграфически погребения располагаются неравномерно, что дает возможность проследить участки с наибольшей плотностью погребений, вероятно, являющихся территориально обособленными группами захоронений. К сожалению, выявить такие группы для каждого памятника по причине их неполной исследованности не представляется возможным. Для выполнения этой задачи мы использовали методы пространственного анализа из пакета программ ArcGIS. Использование метода вычисления кратчайшего расстояния между отдельными погребениями позволило выделить территориально обособленные участки.

В настоящее время полностью изученным грунтовым некрополем, содержащим кремационные погребения, является могильник Дюрсо (рис. 43). На площади этого памятника выделяются две большие группы кремационных погребений. Первая группа располагается в западной части среди массива ингумационных захоронений, кремации вытянуты цепочкой по линии ССЗ – ЮЮВ. Данная группа кремаций выявлена в зоне женских погребений уровня 2А VI в. (Мастыкова, 2001. С. 66. Рис. 8). Погребения по обряду трупосожжения малочисленны и не нарушают более ранние ингумации. Вторая группа является основным массивом трупосожений могильника и занимает обособленное местоположение в его юго-западной части, причем с северо-востока данная группа отделена от ингумационных погребений пространством шириной 10–15 м. Погребения второй группы вытянуты по линии северо-запад – юго-восток. Участок с наибольшей плотностью находится в юго-восточной оконечности группы, далее к северо-западу плотность погребений заметно снижается.

Похожая ситуация с расположением погребений наблюдается и на раскопанной площади Борисовского могильника (рис. 44). Небольшая часть кремационных погребений этого некрополя локализуется на площади, занятой ингумациями, но в отличие от Дюрсо здесь погребения не образуют устойчивой группы, а располагаются разрозненно. Основная группа трупосожжений была выявлена к югу от ареала ингумаций и представляла собой группу погребений с довольно высокой плотностью на всей площади.

Планиграфия погребений на раскопанной площади могильника 8-я Щель под Новороссийском была проанализирована с использованием методов ГИС-анализа (рис. 45, *2*). Используя методы ГИС-анализа, на исследованной площади этого некрополя можно выделить четыре территориально обособленные группы. Первая расположена в южной части памятника и объединяет пять кремационных погребений и одно захоронение лошади. Вторая группа локализуется к северо-востоку от первой и

объединяет всего три погребения. К северу от второй группы выделяется третья группа, объединяющая три трупосожжения и семь захоронений лошадей. Группа с наибольшим количеством погребений находится в северо-западной части могильника. Участок с наибольшей плотностью погребений локализован с использованием процедуры Dencity в северо-западной и центральной (территориально обособленные участки 3 и 4) части раскопанной площади могильника. Наибольшая плотность погребений составляет 7–9 погребений на раскопанную площадь (рис. 45, *2*).

На территории степной части Закубанья планировка погребений методами ГИС-анализа исследована на раскопанной площади Молдовановского могильника (рис. 46). Памятник раскопан не полностью, поэтому выделенные нами участки с наибольшей плотностью погребений являются в значительной степени условными (рис. 46, *2*). Участок с наибольшей плотностью (первая группа) погребений располагается в южной части раскопа и объединяет 16 погребений по обряду трупосожжения, к северу от него выделяется вторая группа, объединяющая восемь погребений. К юго-западу от второй группы выделяется участок, также объединяющий 10 трупосожжений, однако плотность погребений здесь заметно меньше по сравнению с двумя вышеописанными группами. К востоку от первой группы локализуется небольшая группа, объединяющая три погребения.

На другом закубанском некрополе – могильнике Казазово-II проследить разделение площади на территориально обособленные группы не удалось (рис. 47). Основной участок погребений располагался в центральной части раскопа и представлял собой довольно плотную группу урновых и безурновых трупосожжений. Наибольшая плотность погребений составляет 8–9 на раскопанную площадь (рис. 48). За пределами основного раскопа на этом памятнике выявлены единичные погребения.

Таким образом, выделенные территориально обособленные участки свидетельствуют о неравномерном распределении погребений по всей

территории могильников, что указывает на возможность существования на площади некрополя родовых или клановых участков.

Подавляющее большинство погребений представлено безурновыми трупосожжениями и только в могильнике Казазово-II наблюдается примерно равное соотношение урновых и безурновых кремаций. Возможно, использование в ряде случаев сосудов-урн или помещение кремированных останков в грунтовую яму является случайностью или связано с неизвестными нам представлениями, существовавшими у носителей данной погребальной практики.

Перейдем к характеристике погребений. Для всех без исключения кремационных погребений первого хронологического этапа общей чертой обряда являлось сожжение тела покойного на стороне, с последующим помещением праха умершего в грунтовую яму, каменный ящик или погребальную урну. Таким образом, выделяются три типа погребений (рис. 51, *1*):

– трупосожжения в каменных ящиках;

– безурновые кремации;

– трупосожжения в урнах.

Кремационные погребения с использованием каменных ящиков обнаружены преимущественно только в Борисовском могильнике (38 погребений), что составляет 19% от всего числа погребений первой территориальной группы (рис. 50, 51, *2–4*). Каменные ящики располагались на различной глубине (в среднем она варьируется от 0,2 до 0,5 м), они сложены из четырех боковых плит, а пятая плита использовалась в качестве крышки. Следует отметить, что плита-основание в рассматриваемых конструкциях отсутствует, боковые плиты устанавливались непосредственно на поверхность земли. В плане погребальные сооружения прямоугольной или подквадратной формы. Строго определенной ориентировки каменных ящиков по длинной линии не прослеживается, однако преобладающей

является ориентировка в меридиональном направлении. Кремированные останки располагались на дне конструкции, рядом с ними находился инвентарь.

Интересным является погребение № 99, представляющее собой многоуровневый погребальный комплекс (рис. 51, *2, 3*). На верхнем уровне располагался компактно уложенный инвентарь, вещи лежали на тонкой каменной плите, под которой был выявлен ряд черепов (всего 19), черепа подстилал слой древесного угля мощностью около 5 см и уже под ним находились пережженные кости вперемешку с инвентарем. Дно могилы было обожжено. Данный комплекс является неординарным, его аналогов среди всех исследованных трупосожжений на Северо-Западном Кавказе не выявлено.

Помимо Борисовского могильника, единичное трупосожжение в каменном ящике обнаружено среди трупосожжений некрополя Дюрсо. Необходимо отметить, что погребения в каменных ящиках уже нехарактерны для времени, когда на рассматриваемой территории начинает широко распространяться кремирование умерших. По всей видимости, они оставлены тем же населением, которое оставило трупоположения в каменных ящиках в предшествующее время. Это подтверждается наличием кремаций с использованием каменных ящиков на одной площади с предшествующими ингумационными захоронениями в Борисовском некрополе.

Урновые трупосожжения являются вторым по численности типом среди погребений первой хронологической группы (рис. 51, *1;* 52). Такие захоронения изредка встречены в могильниках Северо-Восточного Причерноморья: 8-я Щель (пять погребений), Дюрсо и Борисово (по одному погребению в каменном ящике), что составляет 3,9% от всех погребений первой территориальной группы. Основная масса урновых трупосожжений сосредоточена в восточной части Западного Закубанья, в могильнике

Казазово (55 погребений, или 40,6% для всех комплексов третьей территориальной группы) (рис. 50).

К сожалению, из-за того что большинство погребений могильника 8-я Щель частично разрушено, сложно с уверенностью судить об их характере. Уцелевшие урновые погребения в этом некрополе совершены в ямах прямоугольной или овальной формы, в двух случаях прослежено заполнение ямы слоем древесного угля. В погребении № 2, помимо угольно заполнения, вокруг урны зафиксировано угольное пятно овальной формы размерами 1,5 × 0,6 м, ориентированное по линии северо-восток – юго-запад. Урны устанавливались устьем вверх, в двух случаях рядом с урной находился сосуд-приставка.

Вероятно, одно урновое погребение могильника сопровождалось захоронением лошади (погребения № 27 и 30). Погребение человека находилось в непосредственной близости от костяка лошади и могло быть с ним в одной яме. Костяк сильно разрушен, лошадь, судя по сохранившимся частям скелета, была положена на левый бок и ориентирована черепом на ССЗ.

Основная масса исследованных урновых погребений хазарского периода обнаружена в могильнике Казазово (рис. 47). Из-за специфических условий судить о форме и глубине могильных ям не представляется возможным, поскольку верхние слои этого некрополя были разрушены в результате подтопления водами Краснодарского водохранилища. Урновые сожжения составляют 45% от всех изученных комплексов на площади некрополя. Они располагались здесь не обособленно, а вперемешку с безурновыми кремациями. В четырех погребениях сосуды-урны лежали на боку, в 11 погребениях установлены дном вверх, и в 30 комплексах урна установлена устьем вверх. Сохранность 10 погребений не дает возможности судить о положении сосуда-урны. Среди погребений с урной, установленной на дно, часть была накрыта другим сосудом. Были также обнаружены

комплексы, где в качестве урны использовался сосуд без дна и венчика. Сосуды-приставки для погребений могильника Казазово нехарактерны. Обращает на себя внимание, что основная масса урновых трупосожжений сопровождалась очень скудным инвентарем (1–2 предмета) или он полностью отсутствовал. Найденные вещи размещались в урне вместе с кремированными останками. Для урновых погребений не зафиксировано наличие так называемых тайничков – скопления предметов рядом с погребением человека.

В качестве погребальных урн использовались разнообразные сосуды. В большинстве случаев роль урны исполняли горшки, как грубые лепные, так и доведенные на круге, в одном случае это был кувшин так называемого тмутараканского типа, несколько кремаций находилось в серолощеных кувшинах.

Безурновые трупосожжения являлись основным типом кремационных погребений на протяжении всего хазарского периода. В анализируемой выборке к ним относится 269 погребений (рис. 51, *1*). Данный тип захоронений характерен для всего ареала трупосожжений. Таким образом, для первой территориальной группы этот тип погребений составляет 70,7%, для второй – 100% и для третьей – 56,6%. Подавляющие большинство их приходится на территорию Северо-Восточного Причерноморья (первая территориальная группа) (рис. 50).

Погребения совершались на небольшой глубине. К сожалению, ни в одном случае могильная яма не прослежена. Отчасти судить о ее форме мы можем по форме скопления кремированных останков. Зафиксировано четыре формы скопления. В 108 комплексах скопление было овальной формы, в 33 – прямоугольной, в 20 – округлой и в 43 не имело четкой формы. Для скоплений зафиксировано четыре основные ориентировки (рис. 44, *1*). 64 захоронения ориентированы по линии юго-восток – северо-запад, 48 по линии север – юг, 39 по линии запад – восток, 25 по линии северо-восток —

юго-запад. По размеру скопления кремированных костей не превышают 1,1 × 0,4 м, 0,95 × 0,5 м, в среднем длина большинства скоплений изменяется в пределах 0,4–0,7 м, а ширина – 0,2–0,4 м, выявлены очень небольшие скопления 0,23 × 0,1 м и 0,2 × 0,15. Очень небольшой размер ряда скоплений говорит о том, что далеко не все кости собирались с места сожжения покойного.

Безурновые трупосожжения содержат наиболее богатый погребальный инвентарь. В этих комплексах обнаружены самые разнообразные категории предметов – вооружение, предметы конского снаряжения, детали одежды, украшения, предметы бытового и ремесленного назначения. Подавляющее большинство найденных вещей несут на себе следы пребывания в огне, при этом часть сопровождающего инвентаря преднамеренно испорчена (сабли, наконечники стрел, стремена, ножи деформированы).

В зависимости от расположения погребального инвентаря относительно скопления кремированных костей выделяются следующие виды погребений (рис. 53, *2–6*; 54, 55):

– безурновые сожжения, в которых инвентарь находился вперемешку с кремированными останками (114 погребений). Данный вид погребений характерен для всего ареала могильников с трупосожжениями (рис. 50, 54, *1*, *2*);

– погребения, с инвентарем, расположенным как вместе с кремированными останками, так и рядом, в виде отдельного скопления (10 погребений). Такие комплексы малочисленны, обнаружены они в могильниках Дюрсо, Псекупский, Общественный II, Молдовановский, Казазово (рис. 54, *4*);

– погребения с инвентарем, расположенным рядом с кремированными костями в виде отдельного скопления (27 погребений). Подобные погребения

также встречаются во всех известных могильниках, однако бóльшая их часть обнаружена среди погребений некрополя Дюрсо (рис. 55, *1*).

69 погребений были безынвентарные.

Нередко в захоронениях встречается керамический сосуд (69 комплексов). Он присутствовал в 10 погребениях, где инвентарь располагался отдельно от кремированных останков, в 35 комплексах он стоял рядом с кремированными костями, перемешанными с инвентарем, и в четырех погребениях, в которых инвентарь располагался отдельным скоплением и вперемешку с костями. В остальных случаях сосуд сопровождал безынвентарные комплексы (рис. 53, *3*, *4*, *6*; 54, *2–4*; 55, *3*).

Отдельные скопления инвентаря, которые расположены рядом с кремированными останками и которые в научной литературе принято интерпретировать как тайнички, считаются характерной чертой трупосожжений на Северо-Западном Кавказе и Северском Донце (рис. 56, *4*). Однако, исходя из их количества, мы не можем признать, что такая традиция была общепринятой в среде населения, практиковавшего обряд трупосожжения. Основным доказательством существования тайничков служит только отдельное расположение кремированных останков относительно скопления погребального инвентаря. Это действительно дает возможность высказать предположение об их изначальном расположении в отдельных ямах. Но если говорить о кремационных погребениях на Северо-Западном Кавказе, то ни в одном из погребений такая ситуация взаиморасположения погребального инвентаря и кремированных отсанков не прослежена археологически. В нескольких погребениях инвентарь и кремированные останки лежали в виде отдельных скоплений, но вплотную друг к другу – это доказывает, что они изначально были помещены в одну могильную яму. В тех случаях, когда погребение сопровождал сосуд-приставка, он (как и тайничок с инвентарем) располагался на определенном удалении от кремации, и, возможно, его также следует считать сосудом в

тайничке, что выглядит неправдоподобно. Исходя из вышеизложенного вывод о существовании тайничков является в значительной степени гипотетическим и дискуссионным. Исключать возможность их реального существования нельзя, однако для признания такого факта требуются погребения, где удастся и в планиграфии, и в стратиграфии комплекса проследить вышеописанную ситуацию.

Помимо рассмотренных комплексов, в могильниках хазарского периода известны захоронения лошадей и отдельные захоронения вещей, без человеческого погребения. Захоронения лошадей в целом нехарактерны для некрополей хазарского времени и встречены только в могильнике 8-я Щель (рис. 45; 57, *1*, *2*). Здесь на раскопанной площади выявлено 11 захоронений лошадей. В двух случаях погребение было совершено в яме овальной формы, в остальных комплексах могильная яма не прослежена. Все без исключения костяки лежат на боку (шесть на левом, пять на правом), с подогнутыми к животу ногами. Ориентировка костяков различная, с преобладанием на северо-запад (шесть погребений), по два погребения на запад и северо-восток, ориентировка одного трудноопределима, но предположительно в северном секторе.

В четырех погребениях инвентарь полностью отсутствовал, в остальных комплексах представлен весьма скудным набором (удила, пряжка) – по-видимому, в момент совершения погребения на лошадях находилось только оголовье. Расположение всех захоронений лошадей на первый взгляд выглядит весьма хаотично, однако основная их часть находится вперемешку с трупосожжениями, вытянутыми своеобразной линией в центральной части раскопанной площади. Особняком стоит погребение лошади № 13, являющееся своеобразным центром для расположенных вокруг трупосожжений (комплексы № 10, 11, 24, 31).

Следует отметить, что расположение погребений относительно центрального захоронения коня прослежено В.Б. Ковалевской в

захоронениях рубежа V–VI вв. в могильнике Дюрсо (Ковалевская, 2010. С. 226). Но в Дюрсо лошадь сопровождала богатое погребение знатного человека (возможно, военного вождя), тогда как рассматриваемые нами комплексы весьма бедны инвентарем. Достаточно часто в научной литературе подобные погребения именуют поминальными, или кенотафами. Однако факт кенотафа мы можем признавать только в том случае, когда в могиле присутствуют вещи, принадлежавше умершему человеку, который по каким то причинам не мог быть погребен на родовом кладбище. Учитывая это, рассматриваемые захоронения могильника 8-я Щель мы не можем приравнять к кенотафам. Как справедливо отмечает В.С. Аксенов, подобные захоронения лошадей с элементами конского снаряжения могут быть погребениями боевых коней (вариант 1), погибших в бою или умерших своей естественной смертью и погребенных за свои заслуги по желанию хозяина, на родовом участке могильника. Согласно этнографическим данным, подобные захоронения коней (не связанные с определенным погребением человека) являются своеобразной жертвой духам подземного мира за предоставленный участок на общем могильнике (вариант 2) (Аксенов, 2012. С. 210–211). Возвращаясь к захоронениям коней могильника 8-я Щель, отметим, что наиболее вероятным является первый вариант (захоронения боевых коней).

Второй тип погребений без человеческих останков – захоронение вещей в отдельной яме. Такие комплексы раскопаны в могильниках Дюрсо, Казазово, Молдовановский и др. (рис. 59).

Для иллюстрации приведем описание погребения № 25 из Молдовановского могильника (рис. 59, *1*). Оно располагалось на глубине 0,95 м от современной поверхности, могильная яма прослежена не была, однако, судя по положению вещей, она могла быть подпрямоугольной формы размером 1,0 × 0,2 м. Весь комплекс представляет собой компактно уложенные, побывавшие в огне вещи. В захоронении обнаружены предметы

богатого конского убранства, вооружения: несколько наконечников копий, сабля с серебряными деталями ножен, топор, поясные пряжки и бляхи, наконечники поясов, детали колчана и наконечники стрел, большое количество ножей. Все остальные подобные погребения типологически близки вышеописанному, основным отличием является лишь набор сопровождающего инвентаря, который может быть беднее или богаче.

Поскольку в рассматриваемых захоронениях присутствуют как предметы конского снаряжения, так и вещи, которые обычно находят вместе с погребением человека, мы можем интерпретировать их как кенотафы. Погребения характеризуются разнообразным и порой богатым погребальным инвентарем, непременным атрибутом которого являются предметы вооружения, а также конского снаряжения, что позволяет связать их именно с воинами-всадниками. В нескольких подобных комплексах обнаружены конские начельники и другие предметы парадного конского убранства. Начельники являлись атрибутом воинов, принадлежавших к воинской верхушке аланского компонента салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, 1993. С. 137). Учитывая этот факт, мы можем предполагать, что часть рассматриваемых захоронений-кентафов с богатым набором погребального инвентаря принадлежала погибшим на стороне воинам из нерядового населения.

В хазарское и предшествующее ему время обряд кремирования умерших был распространен на значительной части территории Восточной Европы. Погребения по обряду трупосожжения известны в славянских археологических культурах (киевская, колочинская, пеньковская, волынцевская), в среде населения, оставившего именьковскую археологическую культуру на Самарской Луке. Очень близкой по основным чертам погребального обряда является группа могильников на Северском Донце. Обряд трупосожжения был распространен на территории

современной Абхазии и на побережье Болгарии (рис. 47) (Приходнюк, 1990. С. 228; Аксенов, Михеев, 2006; Коматарова-Балинова, 2012).

Подобно некрополям Северо-Западного Кавказа, частично синхронные им погребения с территории Северского Донца располагались там же, где в предшествующее время находились могильники пеньковской культуры (Аксенов, Михеев, 2006. С. 176; Афанасьев, 2001. С. 53; 2008. С. 9).

Планиграфия исследованных некрополей VIII–IX вв. Северо-Западного Кавказа имеет черты, сходные с могильниками Северского Донца. Так, на Сухогомольшанском могильнике погребения расположены отдельными группами, что позволило выделить здесь территориально обособленные участки или группы захоронений (рис. 49).

На Нижнем Дунае в ряде некрополей предположительно существовали выделенные родовые участки. Один случай зафиксирован в могильнике под Балчиком, он состоял из шести каменных ящиков, содержащих кремированные останки. Изолированный участок образуют несколько могил некрополя под Девней (Аксенов, Михеев, 2006. С. 83; Камотарова-Балинова, 2012. С. 139).

Рассматривая трупосожжения в каменных ящиках Борисовского могильника, мы уже отмечали, что ориентировка ящиков с кремациями частично совпадает с более ранними ингумациями. Основная часть ингумационных погребений в каменных ящиках первой группы из Борисово датируется по «геральдическим» гарнитурам временем не позднее первой половины VII в. (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195).

Урновые трупосожжения в каменных ящиках исследованы в некрополях Юго-Западного Крыма, появившихся здесь в середине III в. По своим основным признакам крымские погребения, совершенные по обряду кремации, связаны с германцами (Айбабин, 2003. С. 20. Табл. 5). Кремационные погребения в каменных ящиках, известные на Нижнем Дунае и распространенные на некрополях, локализующихся на Черноморском

побережье: Девня 1 и 3, Варна, Бальчик, Топола, Бдинцы и Капул Виилор, составляют 14% от всех трупосожжений в биритуальных могильниках Нижнего Дуная (рис. 51, *5*) (Коматарова-Балинова, 2012. С. 145. Рис. 5). По основным конструктивным особенностям (наличие четырех боковых плит, крышки сверху) и форме каменные ящики из названных некрополей очень близки погребальным сооружениям Борисовского могильника.

Для большинства культур Юго-Восточной Европы с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения, каменные ящики нехарактерны.

Трупосожжения в урнах, известные на Северо-Западном Кавказе, в количественном отношении уступают показателям Сухогомольшанского могильника, где они составляют 43,5% (рис. 56, *6-11*). Абсолютно нехарактерны урновые трупосожжения для именьковской культуры, исключительно в урнах захоронены кремированные останки в могильниках цебельдинской культуры. Значительно меньший процент урновых погребений (20,3%) выявлен в некрополях Нижнего Дуная (Аксенов, Михеев, 2006. С. 74; Матвеева, 2003. С. 29; Воронов, 2010. С. 99; Коматарова-Балинова, 2012. С. 145. Рис. 5).

В подавляющем большинстве урновых погребений Северо-Западного Кавказа сосуд с кремированными останками устанавливался устьем вверх. Данная черта погребального обряда достаточно часто фиксировалась в Сухогомольшанском могильнике. Небольшая группа погребений находилась в сосудах, установленных дном вверх, что отличает их от Сухогомольшанского могильника, где таких погребений выявлено 25,5% (рис. 56, *6–8, 10*). Подобные захоронения редко встречаются в могильниках киевской, пеньковской, корчакской, колочинской культур (Аксенов, Михеев, 2006. С. 180; Приходнюк, 1990. С. 228).

Небольшое количество сосудов были накрыты крышкой, в качестве которой использовались фрагменты другого сосуда. Такой обычай был широко распространен в кремационных погребениях цебельдинской

культуры (в качестве крышки использовалась краснолаковая тарелка или миска), 4,1% урновых сожжений были накрыты крышками в Сухой Гомольше (рис. 56, *9*). В единичных случаях крышками были прикрыты трупосожжения из некоторых болгарских некрополей (Долгопол, Блесково, Бабово, Раздельна) (Аксенов, Михеев. С. 180; Воронов, 2010. С. 99).

Урновые трупосожжения могильников Северо-Западного Кавказа отличаются от донецких и цебельдинских очень небольшим количеством или полным отсутствием погребального инвентаря. Небольшое количество погребального инвентаря, сопровождавшего урновые сожжения, характерно для киевской, пеньковской, волынцевской культур (Аксенов, Михеев, 2006. Табл. 26).

Безурновые трупосожжения – наиболее многочисленный тип погребений хазарского времени. К сожалению, из-за того что практически нигде не была прослежена могильная яма, судить об ее ориентировке и о форме мы в некоторой степени можем только по форме зоны скопления кремированных останков. Таким образом, преобладают скопления овальной формы и подпрямоугольные, вытянутых очертаний, что сближает их с сухогомольшанскими комплексами, тогда как для славянских кремаций более характерны округлые ямы. Значительное количество овальных могильных ям зафиксировано в погребениях именьковской культуры, а также в цебельдинских трупосожжениях.

Большинство рассматриваемых кремаций Северо-Западного Кавказа ориентировано по линии юго-восток – северо-запад или в меридиональном направлении (рис. 53, *1*), что несколько отличает их от сухогомольшанских кремаций, для которых более характерна широтная ориентировка могильных ям. Ориентировка северокавказских трупосожжений близка кремациям из болгарских некрополей (Бдницы, Кюлевче, Тополе и Балчике), где бóльшая часть ям ориентированы в меридиональном направлении, с отклонениями (до 40%) к востоку и западу. В могильниках именьковской культуры

ориентировка довольно неустойчивая, и на каждом памятнике преобладают разные направления.

Следует отметить, что в большинстве ранних ингумационных погребений могильника Дюрсо, предшествующих появлению трупосожжений, преобладала ориентировка по линии северо-запад – юго-восток, то же направление сохраняется и в основной массе кремационных комплексов (Аксенов, Михеев, 2006. С. 179; Воронов, 2010. С. 99; Коматарова-Балинова, 2012. С. 145; Матвеева, 2003. С. 30; Дмитриев, 2003. С. 200. Рис. 13).

Довольно часто в безурновых погребениях Северо-Западного Кавказа фиксируется присутствие отдельного сосуда без кремированных останков. В исследовании В.С. Аксенова и В.К. Михеева отмечено, что дополнительный сосуд является специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н. э., особенно характерны такие сосуды для волынцевских погребений (Аксенов, Михеев, 2006. С. 181). В Сухой Гомольше подобные сосуды, сопровождающие трупосожжение, выявлены всего в 22 комплексах, и только половина из них находилась в безурновых погребениях. Нередко сосудами сопровождались именьковские погребения, эта традиция прослеживается по материалам некрополей Цебельды, где вместе с погребальной урной находилось несколько дополнительных сосудов. Изредка сосуды-приставки встречаются в кремационных могильниках Болгарии и довольно часто – в биритуальных некрополях Подунавья (30% погребений) (Аксенов, Михеев, 2006. С. 181; Матвеева, 2003. С. 31; Воронов, 2010. С. 99).

Важной особенностью погребений, сближающих трупосожжения Северо-Западного Кавказа и сухогомольшанские захоронения, является наличие отдельных вещевых комплексов, сопутствующих человеческим погребениям, – тайничков (Аксенов, Михеев, 2006. С. 181). Следует отметить

все же небольшой процент подобных комплексов в обеих группах погребений.

Как справедливо заметили В.С. Аксенов и В.К. Михеев, отличительной особенностью погребений Сухой Гомольши и некрополей типа Дюрсо является довольно большое количество погребений, снабженных предметами вооружения и элементами конского снаряжения. Большое количество вещей и их основные типы отличают рассматриваемые трупосожжения от славянских кремаций и погребений именьковской культуры, характеризующихся довольно небогатым инвентарем. В свою очередь, трупосожжения на Северо-Западном Кавказе дают большее количество всаднических погребений в сравнении с Сухой Гомольшой (Аксенов, Михеев, 2006. С. 181, Матвеева, 2003. С. 30). Практически весь погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, имеет следы воздействия огня, что свидетельствует о его сожжении вместе с умершим в отличие от цебельдинских кремаций, когда тело покойника сжигалось отдельно от имущества (Воронов, 2010. С. 99).

Особенностью трупосожжений на Нижнем Дунае являются животные останки, которые помещали в погребение, видимо, уже после кремации, на более позднем этапе церемонии (Коматарова-Балинова, Клисуранов, 2012. С. 40). На Северском Донце такая ситуация достаточно редка. В погребениях Северо-Западного Кавказа отдельные несожженные кости животных не выявлены. Однако не исключено, что они могли быть перемешаны с человеческими костями (наличие костей животных было зафиксировано в более поздних трупосожжениях этого региона). Кости животных могли находиться и в захоронениях хазарского периода, но в настоящий момент данный тезис носит гипотетический характер по причине полного отсутствия обработанных антропологических серий.

Как уже отмечалось, захоронения лошадей, как отдельные, так и вместе с погребением человека, не были характерны для погребального

обряда трупосожжений VIII–IX вв. При этом всаднический статус умершего человека подчеркнут в довольно большом количестве комплексов.

В предшествующее время на исследуемой территории захоронения лошадей известны в могильнике Дюрсо, где они сопровождали погребения знатных людей и являлись своеобразными сакральными центрами некрополя (Ковалевская, 2010. С. 225). В Абхазии совместное захоронение урны с прахом и лошади отмечено в захоронениях IV–VII вв., а в одном случае рядом с погребенным вместо коня была положена уздечка (Воронов, 2010. С. 99).

Необходимо отметить, что у народов Хазарского каганата обычай сопровождать погребение человека захоронением лошади, а также совершать индивидуальные конские захоронения был распространен достаточно широко. Практически все погребения из курганов с ровиками (независимо от пола и возраста) сопровождались захоронением лошади, в 21% погребений находился полный костяк лошади (Иванов, 1999. С. 119). Заметно реже сопровождающие конские захоронения встречены в грунтовых ямных и катакомбных могильниках лесостепной полосы. Такие комплексы исследованы в Дмитровском, Нетайловском, Крымском, Рубежанском могильниках (рис. 58, *1, 2*) (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 282; Плетнева, 1989. С. 247; Аксенов, 2012. С. 207; 2001. С. 68. Рис. 5; Савченко, 1986. Рис. 9;).

Среди всех кремационных погребений Сухогомольшанского некрополя не встречено ни одного конского захоронения, в Красногорском могильнике единственное захоронение лошади сопровождало ямное трупосожжение, не выявлены погребения лошадей в нижнедунайских кремациях (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 282; Аксенов, Михеев, 2006).

Отдельные захоронения предметов вооружения, конского снаряжения (без следов костяка лошади) встречаются не очень часто, но все же на всем ареале трупосожжений. Во всех случаях о связи их с обрядом кремирования

умерших говорит наличие предметов, побывавших в огне. Подобные ритуальные комплексы известны на Северском Донце, например у с. Мохнач, скопление отдельных вещей найдено у с. Кочеток. Один комплекс, принадлежавший воину-всаднику, найден в урочище Лысый Горб. На берегу безымянного притока р. Гомольши, в 1 км от кремационного некрополя Сухая Гомольша были обнаружены отдельные «захоронения» вещей. В недавнем времени на Кочетокском могильнике было выявлено шесть комплексов с побывавшими в огне предметами, но без кремированных останков. Единственное захоронение вещей, без следов погребенного или костяка лошади, обнаружено в Нетайловском могильнике и отнесено В.С. Аксеновым к пятому типу (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 276; Дегтярь, 1984. С. 239. Рис. 1, 2; Аксенов, 2005. С. 257. Рис. 1–4; 2012. С. 210; Свистун, 2012. С. 83–84. Ил. 2–5).

Приведенные аналогии показывают, что по преимуществу комплексы, в которых присутствуют только вещи погребенного и предметы конского снаряжения, характерны для погребений по обряду трупосожжения в хазарское время. Подавляющее большинство их связано с воинами-всадниками. По своим основным чертам они близки отдельным вещевым комплексам, сопровождаемым человеческие погребения (тайнички).

Учитывая основные черты рассматриваемых захоронений, мы вправе интерпретировать их как ритуальные комплексы – кенотафы. Традиция ритуальных комплексов достаточно широко была распространена на юге Восточной Европы в хазарское время. В отличие от кремационных погребений захоронениям из ямных и катакомбных некрополей более присуща такая черта, как отдельные поминальные комплексы в виде захоронения лошадей (целой туши или ее части) с набором снаряжения.

Теперь рассмотрим погребальный обряд могильников X–XII вв. в степном Закубанье. Подавляющее количество памятников интересующего нас хронологического отрезка сосредоточено в степной части Западного

Закубанья (могильники Черноклен, Абинский-4, Циплиевский Кут) и в зоне Краснодарского водохранилища (Казазово II), Ленинохабль) – соответственно вторая и третья территориальные группы (рис. 62). На территории Северо-Восточного Причерноморья погребения интересующего нас временно́го отрезка единичны.

Как и в предшествующий (хазарский) период, все рассматриваемые могильники с кремационными погребениями грунтовые, среди них выделяются погребения, впущенные в верхние слои курганов предшествующих эпох (рис. 67).

Результаты исследования погребений не дают оснований говорить о существовании надмогильных конструкций, однако на то, что такие конструкции могли быть, указывает отсутствие нарушения одного погребения другим. Как и в могильниках хазарского времени, расположение погребений планиграфически неравномерное и позволяет выделять в площади могильников территориально обособленные участки.

В могильнике Циплиевский Кут участок с наибольшей плотностью находился в юго-восточной части памятника, в 8–10 м к западу и северо-западу от этого участка погребения располагались достаточно хаотично и с меньшей плотностью (рис. 64).

Все погребения некрополя Черноклен впущены в верхние слои кургана эпохи бронзового века (рис. 67). Высота курганной насыпи достигала 2 м при размерах 62 × 56 м. Комплексы располагались преимущественно на небольшой глубине от уровня современной поверхности, в среднем 0,35–0,50 м. Только единичные погребения были выявлены на уровне 0,7–0,9 м. Захоронения локализуются в средней и центральной части кургана. Участок с наибольшей плотностью захоронений находился в юго-западной части, далее погребения с уже более низкой плотностью располагались по круговой схеме, причем центральная часть этого «круга» осталась свободной.

К сожалению, судить о группировке погребений в могильнике Абинский-4 мы не можем, поскольку материалы этого памятника опубликованы лишь частично и общего плана исследованных захоронений могильника в публикации не содержится.

Можно выдвинуть предположение о группировке погребений в могильнике Ленинохабль (рис. 65). На исследованном участке некрополя были выделены две основных группы погребений (рис. 66). Первая группа располагается в юго-западной части исследованной площади, а вторая локализуется в 25 м к северо-востоку от первой. Следует отметить очень невысокую плотность погребений на всем исследованном участке. При сравнении выделенных территориально обособленных участков в исследуемых могильниках с планиграфией грунтовых некрополей предшествующего периода обращает на себя внимание их заметно меньшая структурированность.

По способу захоронения кремированных останков выделяются:

– безурновые кремации (рис. 69, *2*, *5*);

– кремационные погребения в урнах, среди которых отдельно следует выделить погребения, сопровождаемые целым костяком лошади (рис. 69, *3*–*4*).

Безурновые трупосожжения встречаются значительно реже по сравнению с могильниками хазарского времени. Из 129 погребений всего восемь совершены без использования урн, из них 6,8% во второй территориальной группе и 3,3% в третьей (рис. 68; 69, *5*). Поскольку могильная яма ни в одном случае не прослежена, о ее предполагаемой форме мы можем судить только по ареалу скопления кремированных останков. Округлые и овальные скопления (четыре случая) зафиксированы в могильниках Черноклен и Ленинохабль. В остальных четырех погребениях форма скопления близка к прямоугольной. Обращает на себя внимание небольшое количество кремированных останков и размеры самих скоплений,

их ширина в среднем не превышает 0,25 м, а длина – 0,35 см. Ориентировка по длинной линии неустойчива и зафиксирована как в широтном, так и в меридиональном направлении. Безурновые трупосожжения характеризуется скудностью погребального инвентаря. Только в погребении № 48 могильника Циплиевский Кут вместе с пережженными костями находилась сабля. В остальных случаях было обнаружено несколько фрагментов керамики или инвентарь полностью отсутствал.

Подавляющее большинство грунтовых кремационных погребений XI–XII вв. совершено с использованием погребальных урн (рис. 69, *1*; 70). Нами учтено 121 захоронение, из них восемь сопровождались захоронениями лошадей. По всей видимости, сосуд-урна устанавливался в небольшую могильную яму, однако ни в одном из погребений его контуры проследить не удалось. Кремированные останки располагались в сосудах, преимущественно установленных устьем вверх. В одном случае, в погребении № 10 могильника Черноклен, погребальная урна лежала на боку и была ориентирована устьем к югу.

Во всех погребениях находилось по одной урне с кремированными останками, только в четырех комплексах зафиксировано по две урны. В большинстве случаев верхняя часть урн была разрушена, поэтому неясно, было ли накрыто устье урны крышкой. Только в одном случае, в погребении № 31 могильника Циплиевский Кут, устье урны было накрыто другим сосудом. В качестве урн в подавляющей части погребений использовались сосуды-корчаги с небольшими ручками-петельками на тулове, а также двух- и трехручные кувшины и лепные горшки. Известны погребения, в которых в качестве урны использовалась только придонная часть сосуда.

В восьми погребениях вместе с сосудами-урнами располагались сосуды-приставки, чаще находили по одному сосуду, исключение составляет погребение № 70 из могильника Черноклен с двумя сосудами-приставками. Кроме этого, в 26 погребениях рядом с погребальной урной были

зафиксированы фрагменты керамики – возможно, от разрушившихся сосудов-приставок.

В расположении погребального инвентаря во всех захоронениях наблюдается единая тенденция: мелкие вещи преимущественно находились внутри погребальной урны вперемешку с кремированными костями. Предметы, не поместившиеся в сосуд, размещали рядом (в основном это сабли и наконечники копий).

Отдельную группу урновых трупосожжений составляют кремации, сопровождаемые ритуальным захоронением лошади (рис. 71). Пять таких погребений обнаружены в могильнике Ленинохабль, два погребения происходят из некрополя Черноклен, одно из разрушенного комплекса в поселке Абрау-Дюрсо. Синхронными ленинохабльским и чернокленовским погребениям являются частично разрушенные комплексы из Южноозереевского могильника, а также богатый кенотаф из некрополя Андреевская Щель (рис. 72).

Урна с кремированными останками во всех случаях располагалась в яме вместе с костяком лошади и стояла у её морды или в районе задних конечностей (рис. 71). Все погребения лошадей, вероятно, находились в могильных ямах. Форма ямы была прослежена только в двух случаях: частично в погребении в Абрау-Дюрсо, здесь костяк лошади был выявлен в овальной яме, и в захоронении из Андреевской Щели, где зафиксирована яма прямоугольной формы размером 1,9 × 1,32 м и глубиной до 0,2 м.

Во всех погребениях урна с кремацией сопровождалась только одним целым костяком лошади. В четырех случаях костяк покоился на левом боку, а в семи погребениях – на правом (данные с учетом кенотафа из Андреевской Щели и разрушенных погребений Южноозереевского могильника). Череп, как правило, покоился на боку, а ноги были средне или сильно согнуты и поджаты к туловищу. Устойчивой ориентировки исследуемых конских погребений не прослеживается, но преобладающими направлениями

являются юго-восток и восток. В расположении погребального инвентаря в могильной яме зафиксировано два варианта:

1) все вещи были сосредоточены в одной части ямы, таких погребений выявлено три;

2) инвентарь располагался в определенном порядке: удила в зубах у лошади, а стремена в районе спины-живота, у морды лошади могли лежать различные детали несохранившейся узды, сабля размещалась за позвоночником лошади или в ногах, там же мог находится и колчан со стрелами. Между мордой и передними ногами лошади, помимо погребальной урны, иногда находился кувшин. По-видимому, при втором варианте расположения лошадь помещалась в погребение уже взнузданной и оседланной.

Погребения второго хронологического этапа несколько отличаются от некрополей хазарского периода, проведем их сравнительный анализ.

Как и в предшествующий период, главным типом некрополей являются грунтовые могильники с территориально обособленными группами захоронений. Основным обрядом погребения остается сожжение умершего на стороне, с последующим захоронением кремированных останков. По-прежнему широко распространена преднамеренная порча сопровождающего инвентаря. Продолжает бытовать обычай сопровождать захоронение дополнительным сосудом. Сохраняется традиция создания погребений-кенотафов, однако в отличие от предшествующего пласта некрополей основным типом кенотафов является захоронение лошади с набором сопутствующего инвентаря, без кремированных останков.

Отмечаются и новые черты похоронного обряда. В X–XII вв. появляются грунтовые погребения, впущенные в насыпь степных курганов эпохи палеометалла. Трупосожжения второго хронологического этапа демонстрируют следующие изменения в способе погребения кремированных останков: исчезают погребения в каменных ящиках, увеличивается число

трупосожжений в урнах, а безурновые кремации становятся редкостью. Безурновые захоронения не сосредоточены на одном-двух могильниках, а рассеяны по всей территории небольшими группами.

Говорить о причинах увеличения количества урновых трупосожжений довольно сложно. Поскольку это происходит на всем ареале могильников, следует исключить возможность распространения урн только в рамках небольшой группы населения. Можно поставить вопрос, а не связана ли урна с социальными или половозрастными дефинициями? Утвердительно ответить на него мы не можем, поскольку использование сосудов-урн зафиксировано как в богатых комплексах, так и в погребениях с невыразительным инвентарем. Из-за отсутствия репрезентативных антропологических серий проводить половозрастные дефиниции мы можем только исходя из инвентарного контекста, который указывает, что в урнах погребены как мужчины, так и женщины. В рассматриваемый хронологический отрезок отмечается начало определенной унификации сосудов, используемых в качестве погребальных урн, – их роль все чаще исполняют большие двуручные корчаги.

Для этого времени уже нехарактерны отдельные «захоронения» вещей. Увеличивается число погребений, сопровождаемых погребением лошади, причем известные комплексы можно уверенно связать с конкретным погребением человека, что было довольно проблематично сделать в захоронениях хазарского периода.

В инвентарном контексте погребений прослеживаются следующие различия. Наиболее богатыми являются комплексы с подчеркнутым всадническим статусом погребенного индивида. В безурновых погребениях отмечается значительно меньше инвентаря, тогда как урновые сожжения становятся более наполненными разнообразными вещами.

Частично меняется и набор сопровождаемого инвентаря: в погребениях второго хронологического этапа полностью отсутствуют топоры

и весьма редки наконечники копий, также сокращается количество наконечников стрел, отсутствуют котлы, очажные крюки и цепи.

Проводя сравнительный анализ кремационных погребений хазарского времени, мы использовали в качестве аналогов материалы разнообразных памятников с территории Восточной Европы, где был распространен обряд кремирования умерших. Однако к X в. обряд трупосожжения исчезает на большинстве из них. Поэтому, рассматривая территории, смежные с Северо-Западным Кавказом, найти сходные по погребальному обряду могильники мы не можем. Территориально далекими представляются аналоги из кремационных погребений конца IX – начала XI в. из Лядинского могильника (Тамбовская область), связанного с мордвой, а также биритуального некрополя Поваровка X–XIII вв. в Калининградской области (Воронина, 2007. С. 55; Пронин, Смирнова, Мишина, Новиков, 2006. С. 333–334).

Территориально близкие аналоги памятников с кремациями Северо-Западного Кавказа мы указать не можем. В междуречье Дона и Волги и на части территории Северного Кавказа появляются новые памятники, связанные с кочевниками, ряд из них датируется концом IX – XI в. В частности, в Краснодарском крае несколько погребений кочевников известно в низовьях Кубани. В захоронениях этого круга весьма характерной чертой является сопровождение человеческого погребения захоронением лошади. Однако в отличие от кремаций Закубанья (где зафиксированы только целые костяки) кочевническим погребениям свойственны преимущественно чучела лошадей (Атавин, 2008а. С. 78).

Ряду вещей из захоронений лошадей находятся очень близкие аналоги в катакомбах и конских захоронениях Змейского могильника XI–XII вв. в Северной Осетии (Армарчук, 2006. С. 13).

При сопоставлении сопровождающих захоронений лошадей из кремационных некрополей с кочевническими комплексами единственным

критерием сходства является только сам факт наличия скелета лошади. Захоронения лошадей у кочевников X–XI вв. разительно отличаются от рассматриваемых нами погребений, поэтому вопрос о заимствовании отпадает сам собой. Вероятно, распространение сопутствующих захоронений лошадей связано не столько с заимствованием извне, сколько с развитием внутри общества носителей обряда кремации обычая подчеркивать всаднический статус погребенного.

Кремационные погребения *третьего хронологического этапа* представлены подкурганными погребениями. Ареал подкурганных захоронений приходится преимущественно на предгорную/горную часть Западного Закубанья в среднем течении рек Абин и Шебш, в нижнем течении Адегоя и Северо-Восточное Причерноморье с наибольшей плотностью могильников на территории полуострова Абрау (первая территориальная группа) (рис. 60, 73, 74). Далее памятники тянутся вдоль береговой линии Черноморского побережья до современного Туапсе. К ним относятся локализующиеся в Западном Закубанье могильники Шизе IV, Большой Шапсугский могильник, Крученая Щель III, Шебш 1 и 2, Шабановское, а также Цемдолинский, на г. Сапун, Чайка, Шесхарис, Кабардинка (Кедровая роща) и др. на территории Северо-Восточного Причерноморья.

Могильники представляют собой курганные группы, различающиеся по количеству насыпей. Известны как небольшие, состоящие из 2–10 курганов, кладбища (Молоканова Щель, Чайка, Шабановское), так и обширные курганные некрополи, насчитывающие несколько сотен насыпей. В могильнике Шизе IV выявлено более 340 курганов, около 500 насыпей сохранилось на Большом Шапсугском могильнике, на некрополе Кабардинка при составлении ситуационного плана было зафиксировано более 200 насыпей, 141 насыпь выявлена на некрополе Шебш-2 (рис. 75-77) (Успенский, Пономарев, 2009. С. 102; Носкова, 2010. С. 167; Раев, Оганян, 2004. С. 262). Современное состояние источниковой базы не позволяет

обстоятельно говорить об определенной планировке курганных некрополей, поскольку большинство из них исследовано только частично. Полностью изученными являются могильники Шебш 1, 2 и Шабановское. Однако в этом контексте следует сделать несколько замечаний.

При изучении планиграфии некрополей с большим количеством курганов выделяются обособленные участки курганных насыпей, что, вероятно, неслучайно. На территории могильника Шизе IV выделяется несколько групп курганов. Рассмотрим характерные особенности различных частей и участков этого памятника (рис. 75).

Первый участок располагается к югу от грунтовой дороги и насчитывает 17 насыпей (№ 2–18). У западной оконечности могильника, к северу от дороги, курганы (№ 19–51) располагаются с промежутками. На следующем участке (курганы № 52–117) плотность курганов значительно выше, чем на предыдущем. Курганы в основном средних размеров, примыкают один к другому полами. Площадь этого участка использована максимально, поэтому складывается впечатление, что курганы образуют ряды (в широтном, меридиональном и диагональных направлениях). В южной части этого участка выделяется ряд очень низких и сильно оплывших насыпей (курганы № 45, 46, 52–55).

Другой участок могильника (курганы № 118–154) также разрежен и состоит из наиболее крупных для данного памятника курганов, отличающихся как высотой (до 2 м.), так и крутизной склонов. Следующий участок (курганы № 155–226) не только характеризуется скученностью насыпей, как бы находящих одна на другую, но и является единственным на памятнике, где сосредоточена масса небольших и даже очень маленьких насыпей (до 4 м в диаметре и 0,20–0,30 м высотой). Иногда курганы (№ 162–164 и 212–214) как бы присыпаны один к другому, образуя своеобразные гряды. Могильник продолжался далее к востоку и северу (здесь начинается подъем на склон подножия г. Шизе) от курганов № 178–

226. Из 11 исследованных курганов в двух обнаружены погребения, сопровождаемые захоронением лошади с набором упряжи и оружием (курганы № 1 и 188). В кургане № 185 находились два урновых погребения с очень скудным инвентарем, курган № 182 погребения не содержал и, по-видимому, являлся кенотафом.

Несколько иная ситуация наблюдается на некрополе на р. Жане, здесь курганы располагаются двумя большими группами, разделенными руслом реки (рис. 76). Наибольшая плотность насыпей зафиксирована в центральной части группы, локализующейся на правом берегу реки (Успенский, 2012. С. 105–107. Рис. 2).

Могильник Шебш-2 представлял собой курганное поле с хаотично расположенными насыпями (рис. 77). Наиболее плотно были заняты курганами западная и юго-западная части могильника. На территории некрополя выделяются участки скоплений из стоящих вплотную друг к другу курганов. Группа близко расположенных курганов этого памятника (№ 106, 107, 109–111) состоит из погребений-кенотафов, сопровождаемых конским снаряжением и оружием, а также разрушенного урнового захоронения со скудным инвентарем. Возможно, существование близко расположенных друг к другу курганов, образующих локальные группы, связано с родовыми участками. Однако имеющегося на сегодняшний день материала недостаточно для того, чтобы судить о характере взаимосвязи близко расположенных курганных насыпей.

Все известные курганы, содержащие кремационные погребения, не отличаются большими размерами насыпи. Высота в среднем изменяется в пределах 0,3–0,8 м. Единичные курганы могильника на г. Сапун достигали 1,2 м, причем этот могильник дает наибольший разброс курганов по высоте. Достаточно сильно варьируются по высоте курганы могильников Кедровая роща (от 0,1 до 1,05 м), Шебш-1 (от 0,3 до 1,05 м) и Шебш-2 (от 0,1 до 0,8 м). В остальных некрополях высота большинства раскопанных курганов

изменялась в пределах 0,2–0,4 см (рис. 78, *2*). Отметим, что по высоте курганы, расположенные на побережье и в предгорной части Западного Закубанья, не различаются, в обоих микрорегионах присутствуют как достаточно высокие, так и едва различимые насыпи.

Диаметр курганов изменяется в пределах 4,5–9 м, наиболее крупные насыпи раскопаны в могильнике на г. Сапун (наибольший зафиксированный диаметр 11,5 м). В отличие от высоты диаметр курганов не дает большого разброса значений, исключения составляют могильники Чайка (диаметр от 2,5 до 7,8 м), Сапун (от 7 до 11,5 м) и Шебш-1 (от 4 до 10 м). Основная часть курганов с большим диаметром локализуется на территории Северо-Восточного Причерноморья, тогда как в предгорьях Западного Закубанья диаметр курганов не превосходит 8–9 м (рис. 78 *1*). Таким образом, бóльшая часть исследованных курганов по характеристике высота/диаметр дает компактные группы значений, изменяющиеся в небольших пределах, при наличии отдельных выделяющихся размером насыпей.

Насыпь курганов различается по своему составу, используемый для ее возведения грунт зависит от почвенных и геологических особенностей региона, в котором располагался могильник. Подавляющее большинство курганных насыпей возводилось в один прием. Все исследуемые курганы делятся на два типа:

– земляные насыпи;

– земляные курганы с каменной конструкцией.

Из всего исследуемого массива курганов (186 насыпей) 92 не содержали никакой каменной конструкции (рис. 78, *3*). Подавляющее большинство из них обнаружено в могильнике Шебш-1 (14 курганов) и Шебш-2 (68 курганов), по три земляных кургана выявлено в могильниках Чайка и Васильевка-4, две насыпи исследованы в курганной части Борисовского некрополя и по одному кургану – в могильниках Шизе IV и Кабардинка.

В остальных курганах из нашей выборки (94 насыпи) была выявлена каменная конструкция. Подкурганные каменные конструкции делятся на три типа:

– каменная обкладка-оградка в основании насыпи (рис. 79, 81);

– локальная каменная наброска (рис. 80, *2*);

– сплошная каменная наброска (каменный панцирь) (рис. 80, *1*).

Наиболее распространена каменная конструкция первого типа. Каменная обкладка-оградка была выявлена в 79 курганах. В плане оградка может быть округлой или подквадратной (подпрямоугольной) формы. Камни могут стоять почти вертикально или под наклоном к центру кургана в один ряд либо уложены плашмя в 1–2 ряда, в 2–3 слоя. Иногда среди камней обкладки встречаются довольно крупные плиты или радиально уложенные камни. По всей видимости, изначально камни конструкции были открыты, ограничивая курганную насыпь, и только позднее, в результате естественных процессов оплывания насыпи, покрывались земляным слоем.

Каменные оградки подквадратной формы характерны лишь для могильников Северо-Восточного Причерноморья (Цемдолинский могильник, Кедровая роща, Лобанова Щель и др.), тогда как в Западном Закубанье во всех раскопанных насыпях конструкция была округлой формы.

Локальная каменная укладка-наброска была зафиксирована в 44 курганах (преимущественно она сосредоточена в одном-двух секторах курганной насыпи) и представляла собой хаотично уложенные, в 1–3 слоя, камни среднего и мелкого размера. В подавляющем большинстве случаев такая наброска встречается вместе с концентрической каменной обкладкой, исключение составляют два кургана из могильника Шизе IV и три из некрополя Шебш-2. Иногда подобная укладка была организована сверху над ямой с сопутствующим погребением лошади или над ямой с инвентарем.

Еще один вариант каменой конструкции курганной насыпи – сплошная наброска (каменный панцирь). Она зафиксирована только в девяти

курганах. Для создания панциря использовался камень мелкого и среднего размера – как правило, все они располагались в верхнем слое насыпи. Подобная составляющая курганной архитектуры является редким элементом в курганах с кремационными погребениями на Северо-Западном Кавказе. В пяти случаях она зафиксирована вместе с оградкой в основании насыпи, в остальных являлась самостоятельным элементом.

Назначение каменных оградок на первый взгляд легко объяснить: конструкция предохраняла насыпь от оплывания и разрушения. Но она могла иметь и ритуальное значение, являясь своеобразной границей, разделяющей пространство между поту- и посюсторонним миром.

Важной составляющей курганной архитектуры являются небольшие ямы, кострища и угольные подсыпки (рис. 82, *1*). Довольно обширная угольная подсыпка была выявлена в центральной части кургана № 79 могильника Шизе IV, в плане пятно подсыпки округлой формы, слегка смещено к юго-востоку от центра насыпи. Размеры пятна 3,50 × 3,48 м, мощность угольного слоя достигала 0,11 м. В северо-западной части подсыпки зафиксирована округлая яма, впущенная в материк с уровня погребенной почвы. Яма была заполнена древесным углем (рис. 82, *1*).

В кургане № 206 того же могильника, помимо погребений, обнаружено кострище, расположенное к востоку от восточного края ямы погребения лошади. Кострище представляло собой небольшую округлую яму, впущенную с уровня погребенной почвы на глубину 0,25 м. Данная яма являлась именно кострищем, о чем свидетельствует обильное заполнение древесным углем и следы прокала, выявленные по краю ямы. В яме найдены расплавленные фрагменты бронзового изделия и кость животного (рис. 82, *2*).

Описанные сооружения имеют ритуальное значение и, вероятно, связаны с культом огня. Сходные объекты довольно широко известны на всей территории распространения курганных биритуальных некрополей и

других средневековых памятников Северного Кавказа. Огненный ритуал в погребениях оседлого и кочевого населения Восточной Европы воспринимается специалистами как одна из основных составляющих языческого обряда. Ритуальный костер, возводимый внутри погребальной конструкции или на стороне, был призван выполнять очистительные функции (Нарожный, 2007. С. 52). По всей видимости, именно с такой целью был разведен костер перед совершением погребения в кургане № 206, очистительные функции предавались и угольной подсыпке из кургана № 79, причем наиболее вероятно, что уголь был принесен с погребального костра.

По расположению во внутрикурганном пространстве погребения разделяются на две группы: сосредоточенные в центральной части насыпи и находящиеся на ее периферии, ближе к внутреннему краю каменной обкладки (если таковая присутствует) (рис. 83). Преимущественно в центральной части кургана располагали урну с прахом умершего, однако известны комплексы, в которых урна находилась у края насыпи. В таком случае логично говорить о впускном характере погребения. Однако из-за однородности грунта, используемого для насыпи, в стратиграфии насыпи проблематично достоверно проследить характер погребения: впускное оно или нет. В случае если погребение человека сопровождалось захоронением лошади или ямой с инвентарем, последняя располагалась в одном из секторов насыпи (о взаиморасположении человеческого погребения и захоронения лошади / ямы с инвентарем будет сказано ниже).

Подкурганные погребения разделяются на (рис. 84):

– безурновые, среди них отдельно выделяются комплексы, сопровождаемые ямой с инвентарем или захоронением лошади (рис. 84, *2-4*);

– урновые, с отдельно выделяющимися погребениями, сопровождаемыми ритуальным захоронением лошади или ямой с инвентарем (рис. 84, *5-7*).

Безурновые погребения для рассматриваемого периода редки (рис. 84, 1; 85). Всего обнаружено 11 комплексов. Большинство захоронений производились в грунтовой яме или непосредственно на материке, без создания могильной ямы (рис. 86, *1*). В двух комплексах из могильника Шебш-1 и Борисовского могильника вокруг скопления кремированных останков была сделана простая каменная конструкция. В погребении № 1 кургана № 3 могильника Шебш-1 она представлена каменным «ящиком» из уложенных друг на друга небольших камней (рис. 86, *2*).

Безурновые кремационные захоронения довольно скудны по части инвентаря. В них обнаружены сабли, керамика, предметы одежды и быта. Расположение инвентаря в погребениях строгого порядка не имеет. В погребении № 1 кургана № 3 могильника Шебш-1 рядом с каменным ящиком находилось восемь наконечников стрел и фрагменты шлема. Инвентарь погребения № 1 кургана № 18 того же могильника выявлен во внутренней площади каменной оградки. Безурновые трупосожжения обнаружены в Борисовском могильнике, некрополе Шебш-1, в Кедровой роще и могильнике Шизе IV.

Одно безурновое захоронение из кургана № 17 могильника Шебш-2 сопровождалось ямой с набором погребального инвентаря (рис. 86, *4*). Комплекс располагался в центральной части кургана. Небольшое скопление кремированных останков находилось в яме с инвентарем у ее южной стенки. Могильная яма овальной формы, по длинной линии ориентирована в меридиональном направлении, на дне ее зафиксирована угольная подсыпка. Захоронение сопровождалось разнообразным инвентарем (сабля, удила и стремена, серповидный нож и мотыжка).

С большой долей сомнения мы можем отнести к безурновым кремационным трупосожжениям, сопровождаемым захоронением лошадей, комплекс № 31 из Цемдолинского некрополя (рис. 86, *3*). В яме округлой формы, размером 265 × 240 см, глубиной от 5 до 9 см были расчищены

костяки двух лошадей, покоящиеся на правом боку. Между костяками зафиксировано золистое пятно, являющееся, возможно, остатками кремации, однако следов кремированных останков не обнаружено. Сбоку от пятна лежала согнутая сабля и стремя, бронзовый бубенчик и подпружная пряжка (Армарчук, Малышев, 1997. С. 92. Рис. 11).

Основным типом погребений для могильников третьего хронологического этапа являлись урновые трупосожжения (к ним отнесено 128 погребальных комплексов) (рис. 84, *1*; 85). Все погребения разделяются на:

– простые урновые (рис. 87, 88);

– урновые погребения с сопутствующим захоронением лошади или ямой с инвентарем (рис. 90, 91, 93, *4*).

Подавляющее большинство погребений относится к простым урновым трупосожжениям (90 комплексов) (рис. 70). Во внутрикурганном пространстве урну размещали преимущественно в центральной части курганной насыпи. Количество урн для одного погребения от 1 до 4. В 76 случаях в погребении находилась одна урна, в 10 погребениях – две, в двух комплексах было выявлено три сосуда-урны, и единичным случаем является погребение № 1 из кургана № 8 Цемдолинского могильника, где обнаружено четыре урны. Урна устанавливалась на материке, иногда на плоский камень; в случае если в качестве нее использовался крупный остродонный пифос, урна могла вкапываться в материк, как это было зафиксировано в кургане № 12 могильника Молоканова Щель (Иванов, 2011. Рис. 2). Основное положение сосуда – устьем вверх, сосуд мог быть накрыт специальной керамической крышкой, плоским камнем, в редких случаях придонной частью другого сосуда. В ряде комплексов устье погребальной урны находилось в нескольких сантиметрах от современной поверхности (под дерновым слоем), это дает возможность предполагать, что изначально урна не закапывалась полностью. Известны погребения, где урна

установлена вверх дном, которое специально выламывалось; кроме того, были выявлены сосуды-урны, положенные на бок.

Среди всей массы простых урновых трупосожжений следует выделить погребения с каменной конструкцией вокруг сосуда (в анализируемой выборке зафиксировано 19 таких погребений) (рис. 88). Каменная конструкция имеет несколько вариантов оформления:

– простая каменная обкладка вокруг урны (в один ряд) подпрямоугольной или округлой формы;

– обкладка, сложенная из камней в несколько рядов;

– каменный ящик;

– каменная оградка из поставленных на ребро плоских камней.

В качестве погребальных урн использовались амфоры, пифосы, редко небольшие лепные горшки, двуручные кувшины, корчаги (рис. 36, *1-10*; 87, *1*, *2*). Погребения из могильников Северо-Восточного Причерноморья демонстрируют разнообразие сосудов, используемых в качестве погребальной урны, тогда как в Закубанье в 99% в качестве урны использовались только двуручные корчаги.

Заполнение погребальных урн представлено кремированными останками, перемешанными с древесным углем, также в урне обычно находится разнообразный погребальный инвентарь: железные ножи, кресала, височные кольца, серьги, бронзовые пуговицы, пряжки, детали сабли, наконечники стрел. Крупные предметы (сабля, колчан со стелами) размещали рядом с сосудом. Сабли, найденные в погребениях, могут быть как в ножнах, так и без них, клинок самой сабли мог быть преднамеренно деформирован или сломан. Рядом с урной в погребении мог находится второй сосуд без кремированных останков (чаще кувшин или кружка), предназначавшийся, по-видимому, для заупокойной пищи (рис. 87, *1*).

Урновые погребения рассматриваемого типа был распространены как в Закубанье, так и в Северо-Восточном Причерноморье. Исследованы в

могильниках Шебш 1, 2, Шизе IV, Лобанова Щель, Бжид, Сапун, Васильевка-4, Кабардика (Кедровая роща), Цемдолинский, Раевский, Молоканова Щель.

Урновых трупосожжений, сопровождаемых захоронением лошади, в исследуемой выборке насчитывается 23, а погребений, сопровождаемых ямой с инвентарем, – 15.

Расположение захоронения лошади / ямы с инвентарем во внутрикурганном пространстве зависит от положения погребальной урны. В первом случае урна находится отдельно от захоронения лошади / ямы с инвентарем (рис. 83, *7, 10;* 91, *1*). В 13 комплексах урна стояла отдельно от ямы с конским погребением и в 11 – отдельно от ямы с инвентарем.

Во втором случае сосуд с кремацией находился непосредственно в одной яме вместе с костяком лошади или в яме с инвентарем (рис. 83, *2, 3, 8*; 90). Таких комплексов известно 10 (для погребений с лошадьми), и три урны находилось в одной яме с инвентарем.

В том случае, если погребальная урна находилась отдельно от ямы с захоронением лошади, она располагалась в центральной части кургана, особенности ее установки заставляют вспомнить о простых урновых сожжениях. Сопутствующее погребение лошади было смещено, и устойчивого его местоположения относительно центра насыпи не существовало. В могильниках Цемдолинский и Кедровая роща погребения лошадей были выявлены в северной половине кургана или в его северо-западном секторе, в могильнике Шизе IV все исследованные захоронения коней были выявлены в юго-восточном секторе насыпи.

Во втором случае (урна в одной могильной яме с захоронением лошади) семь погребальных комплексов находились в центре насыпи (могильники Шизе IV, Цемдолинский, Сапун, Жане, Кедровая роша), четыре комплекса были смещены от центра (могильники Чайка, Шизе IV, Сапун).

Погребения лошадей совершались в ямах прямоугольной (пять погребений), овальной (13 погребений) или округлой формы (одно

погребение), в остальных погребениях яма не прослежена (рис. 90, 91). Яма, как правило, впускалась в материк на глубину до 0,75 м. Иногда над ямой создавалась каменная наброска из нескольких слоев камней или верхний уровень заполнения ямы был завален камнями, в одном комплексе стенки могильной ямы были укреплены деревянными плахами. Длина ям распределяется преимущественно в пределе от 2,0 до 2,5 м, наибольшая длина ямы (3,0 м) выявлена в могильнике Кедровая роща (рис. 89, *1*). Несколько иная картина наблюдается в распределении ширины могильных ям. Наиболее узкие ямы выявлены в могильнике Шизе IV (0,75–1,0 м). От 1,0 до 1,6 м распределяются по ширине могильные ямы некрополя на г. Сапун, в этом же промежутке лежат ямы из могильников Чайка и Цемдолинский. Наибольшая ширина ям зафиксирована в Кедровой роще (до 2,0 м) (рис. 89, *2*).

В могильной яме находилось, как правило, по одному целому костяку лошади. Лошадей укладывали на левый (восемь случаев) или правый бок (15 случаев) с подогнутыми к туловищу ногами. Череп покоился преимущественно на боку, в редких случаях лицевой частью обращен вверх. Ориентировка костяков неустойчивая, однако преобладает северо-западное, западное и юго-западное направление (рис. 89, *3*).

В кургане № 1 могильника Чайка было исследовано коллективное погребение, сопровождаемое парным захоронением лошадей. Оба костяка были уложены на правый бок и ориентированы на северо-восток (рис. 83, *6*).

В погребениях, сопровождаемых захоронениями лошадей или ямой с набором погребального инвентаря, нередко обнаруживался богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь. В могильниках Цемдолинский, на г. Сапун, Шизе IV, Чайка был зафиксирован наиболее полный набор вооружения и снаряжения воина-всадника.

В погребениях лошадей прослежено два основных варианта расположения инвентаря относительно костяка лошади (рис. 92):

– все вещи укладывались компактно в одной части ямы (четыре погребения);

– инвентарь располагался в определенном и довольно строгом порядке (11 погребений), наиболее устойчивое расположение имели сабли, детали колчана, наконечники стрел, предметы конского снаряжения и керамика.

Во втором случае удила находились в зубах у лошади, стремена укладывали у черепа (в некоторых случаях под ним) или в районе спины. Подобное расположение стремян может указывать на то, что лошадь была оседлана.

Расположение деталей оголовья в погребениях представлены тремя типичными ситуациями:

– остатки уздечек зафиксированы на черепах коней;

– оголовье помещено компактно рядом с черепом лошади, после того как побывало в огне погребального костра;

– украшения упряжи найдены отдельно от коня (Армарчук, 2006. С. 94).

Определенный порядок в расположении конского снаряжения относительно костяка лошади (удила в зубах у лошади, находки деталей уздечек на черепе, стремена в области живота и др.) свидетельствует о том, что лошадь могла помещаться в погребение взнузданной и, возможно, оседланной.

Из предметов вооружения наиболее часто в погребениях встречаются сабли, наконечники стрел, детали колчана и лука. Сабля укладывалась параллельно костяку лошади вдоль спины или в ногах, острием ориентирована к задним конечностям лошади. У сабли параллельно ее клинку размещали колчан, от которого сохраняются костяные накладки, железные петли и скобы. Количество наконечников стрел – до 20 штук, однако чаще встречаются 3–5 наконечников разных типов. Иногда рядом с

саблей и стрелами лежат костяные накладки на лук. В богатых захоронениях были выявлены предметы защитного вооружения – кольчуга и шлем.

Захоронение лошади обычно сопровождается небольшим кувшином, который находился между черепом и передними конечностями. Подобное местоположение могло быть и у урны с кремацией, если она находилась в одной яме с костяком лошади (рис. 91, *3*).

В двух крупных могильниках на территории Западного Закубанья – Шебш 1 и 2 15 урновых погребений сопровождались ямой с размещенным в ней погребальным инвентарем. Во внутрикурганном пространстве такие захоронения чаще смещены от центра насыпи, а погребальная урна в подавляющем большинстве случаев находилась отдельно от ямы (рис. 93, *4*).

К сожалению, в семи погребениях яма полностью не прослежена, в четырех комплексах яма была овальной формы, в трех – прямоугольной. Подобно яме с захоронением лошади, ямы с набором погребального инвентаря впускались в материк, наибольшая прослеженная глубина составляла 0,25 м и была зафиксирована в погребении № 1 кургана № 120 могильника Шебш-2. Длина ям изменяется в пределе от 1,8 до 2,1 м, а ширина – от 1,0 до 1,2 м (в могильнике Шебш-1), тогда как ширина ям некрополя Шебш-2 распределяется в несколько большем пределе – 0,7–1,25 м (рис. 93, *1*, *2*).

Подавляющее большинство могильных ям ориентировано по линии север – юг и северо-запад – юго-восток, в меньшей степени по линии северо-восток – юго-запад, практически не зафиксировано комплексов с широтной ориентировкой (рис. 93, *3*).

В рассматриваемых могильных сооружениях в большинстве случаев находился только инвентарь, лишь в пяти комплексах был выявлен череп лошади, располагавшийся у края ямы. В остальных захоронениях следы костей (помимо безурновой кремации, рассмотренной выше) или сопровождающих погребений полностью отсутствуют, а на дне фиксируется

только угольная подсыпка. Погребальный инвентарь, сопровождающий такие комплексы, разнообразный, были найдены сабли, предметы конского снаряжения – удила и пара стремян, реже встречались детали уздечек. В редких случаях обнаружены предметы защитного вооружения. Довольно частой находкой являются наконечники стрел в количестве 1–9 штук, в погребении № 1 кургана № 142 наконечники стрел сохранили форму колчана. Встречаются серповидные ножи, стеклянные и керамические сосуды.

В рассматриваемых комплексах наблюдаются два варианта расположения инвентаря. В 11 погребениях в распределении инвентаря фиксируется определенный порядок. Сабля лежит у длинной стенки (параллельно ей) могильной ямы, рядом с клинком может находиться серповидный нож и наконечники стрел. У дальнего края ямы со стороны сабельной рукояти укладывали стремена, удила, детали уздечки и другие предметы. Часто в комплексах находился керамический сосуд. В четырех захоронениях инвентарь был сосредоточен в одной части ямы, единым скоплением.

Без сомнения, рассматриваемые погребальные сооружения с набором инвентаря являются сопутствующими для погребения человека. Расположение комплексов во внутрикурганном пространстве, конструктивные особенности могильной ямы, наличие предметов конского снаряжения и черепов коней, отчасти расположение погребального инвентаря сближает описываемые погребальные комплексы с погребениями, сопровождаемыми конским захоронением. Возможно, такие погребальные конструкции являются своеобразной имитацией захоронения целого костяка лошади. С другой стороны, роль такого сопутствующего захоронения связана с культом коня и необходимостью подчеркнуть всаднический статус погребенного.

Учитывая высокую степень сходства погребений, сопровождаемых ямой с инвентарем, с обычными комплексами, где присутствует целый остов лошади, можно делать предположения о существовании отличительной черты погребального обряда у небольшой группы населения внутри единого этнического массива. (Успенский, 2010. С. 336–340).

Помимо рассмотренных выше типов погребений, в некрополях третьего периода известны комплексы без следов человеческого погребения. В зависимости от особенностей погребального сооружения и/или сопутствующего захоронения они делятся на следующие типы:

– подкурганное захоронение в отдельной яме целого остова лошади с сопровождающим инвентарем, без следов человеческого погребения (рис. 94);

– подкурганное захоронение в отдельной яме части скелета лошади (череп) или без следов конского костяка, с набором инвентаря (рис. 95, *1*);

– отдельный курган без погребения человека (рис. 95, *2*).

К первому типу относятся два захоронения лошадей из могильников Шизе IV и Кедровая роща, несколько таких же комплексов исследовано в Цемдолинском могильнике (на пашне).

В кургане № 190 могильника Шизе IV под небольшой насыпью целый костяк лошади был положен в яму глубиной 0,3 м, прямоугольной формы размером 1,0 × 2,0 м. Костяк лошади покоился на правом боку, с сильно подогнутыми к туловищу ногами, череп был обращен лицевой частью вверх (рис. 94, *2*). У морды лошади лежала пара стремян и удила с пряжкой, между передними конечностями и мордой располагался небольшой кувшин. В ногах лошади находилась сломанная надвое сабля и наконечники стрел с деталями несохранившегося колчана. Рядом с ямой было расчищено угольное пятно округлой формы – возможно, следы поминального костра.

Погребения второго типа были обнаружены только в могильниках Шебш 1 и 2 (45 комплексов). Как и в комплексах, содержащих человеческие

погребения, захоронения вещей находились в ямах прямоугольной или овальной формы, с наибольшей прослеженной глубиной 0,3 м и средним размером 1,0 × 2,0 м. В 10 погребениях находился череп лошади, в остальных случаях только инвентарь, включающий в себя составляющие конского снаряжения, вооружения, бытовые предметы, керамику. В 27 погребениях наблюдается стремление разложить инвентарь в определенном порядке, в 16 погребениях он был сосредоточен в одной части ямы (рис. 95, *1*).

К погребениям третьего типа относится курган № 5 Борисовского могильника, где под насыпью высотой 0,49 м и диаметром 6,13 м было выявлено скопление вещей (сломанная сабля, детали ножен, два ножа и кресало), и курган № 182 могильника Шизе IV, где в отличие от Борисовского кургана не найдено ничего, кроме нескольких фрагментов керамики (рис. 95, *2*).

Два первых типа погребений по своим основным параметрам идентичны ритуальным захоронениям, сопровождающим человеческие погребения. Поскольку в рассматриваемых комплексах среди инвентаря найдены не только вещи, связанные с предметами конского снаряжения, но и предметы, которые обычно находят в погребениях людей (вооружение, предметы быта и др.), данные комплексы связаны с обычаем кенотафов. Вероятно, как кенотаф можно интерпретировать отдельное захоронение вещей в Борисовском могильнике.

А вот абсолютно пустой курган могильника Шизе IV (отсутствуют как вещи, так и ритуальные захоронения) мы не можем связывать с каким-то определенным индивидуумом. Поскольку в насыпи кургана были обнаружены фрагменты битой керамики, попавшие туда в процессе тризны, можно предположительно говорить о сугубо поминальном характере кургана, однако сооружен он в честь одного человека или группы людей – вопрос трудноразрешимый.

Еще одним ритуальным комплексом, взаимосвязанным с курганными трупосожжениями третьего периода, является каменная конструкция, обнаруженная под небольшой земляной насыпью в могильнике Шебш-1. Автор раскопок памятника интерпретировал ее как алтарь (рис. 97).

Сооружение было выявлено под курганом, стоявшим особняком. Курган округлый в плане, уплощенно-куполовидной формы. Поверхность была усеяна мелкими и средними камнями. Диаметр насыпи 4 м, высота 0,44 м. Под каменной насыпью в центре кургана было обнаружено фундаментальное сооружение из камня – квадратная в плане конструкция, ориентированная сторонами строго по сторонам света. Размеры конструкции: по линии запад – восток в северной части 1,39 м, в южной 1,47 м; по линии север – юг в западной части 1,52 м, в восточной 1,6 м. Высота сооружения доходит до 0,5 м. Конструкция сооружена из хорошо подобранных плоских камней, уложенных на глиняный раствор. Углы сложены аккуратно, вперевязь. Зазоры между камнями, заполненные глиняным раствором, составляют 2–3 см. Наиболее хорошо «алтарь» сохранился в северной и западной частях, в южной половине сооружение частично разрушено. Сохранившиеся стенки «алтаря» – западная, восточная и северная – строго вертикальны. Внутреннее пространство заполнено плоскими каменными плитами, уложенными на глиняный раствор. На уровне древнего горизонта основание сложено на глубине 0,65 м от Ро, а с запада и востока к алтарю вели короткие каменные вымостки. Ширина западной вымостки до 1,4 м, длина 1,15 м. Ширина восточного участка вымостки до 1,75 м, длина 0,9 м. Камни вымостки были уложены довольно хаотично в один слой, между ними часто встречались древесные угли, а площадь древнего горизонта к северу и северо-востоку от «алтаря» была обильно посыпана золой и углями, образуя сажисто-угольный слой.

Рядом с конструкцией были сделаны и другие находки, которые концентрировались главным образом у северо-восточного угла «алтаря»:

железная подкова, фрагменты сосуда из зеленоватого стекла, маленькая кремниевая пластинка, фрагменты стенок красноглиняного тонкостенного сосуда, видимо кувшина, мелкие обломки стенок красноглиняной кружальной корчаги (Житников, 2000. Рис. 85, 93).

Описанный комплекс является уникальным сооружением, обнаруженным среди материалов кремационных и биритуальных могильников. Его локализация на территории могильника указывает на принадлежность к заупокойному культу, однако он не относится к погребальным памятникам. Но практическое назначение этого «алтаря» не совсем ясно. Возможно, на нем совершались ритуальные жертвоприношения или другие обрядовые действия, связанные с погребением и поминками умершего, но точных данных, подтверждающих это, нет.

Время функционирования сооружения при соотнесении с датой большей части погребений могильника определено как первая половина – середина XIII в. По материалам биритуальных могильников Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья больше ничего неизвестно о наличии на территории других некрополей подобных ритуальных комплексов.

История изучения погребений по обряду трупосожжения на Северо-Западном Кавказе охватывает более чем вековой период, и за все это время основное внимание исследователей было приковано к особенностям погребального обряда, предметам, составляющим материальный комплекс, и практически не уделялось внимания собственно кремированным останкам. Это обусловлено отсутствием должной методологической основы, необходимой для изучения кремированных человеческих останков. По этой причине бóльшая часть антропологических материалов из исследованных кремационных и биритуальных некрополей до настоящего времени не сохранилась.

Антропологические материалы из кремационных погребений являются одним из наиболее сложных источников в биоархеологическом

исследовании. Их изучение требует применения соответствующих методов (Добровольская, 2010).

Изучение кремированного антропологического материала входит в программу палеоантропологических исследований, принятую в мировой археологической практике (Ubelaker, 1974; 1978; Козловская, 1998; Добровольская, 2010).

Ряд методических приемов, примененных при изучении кремированных останков, направлены на реконструкцию условий проведения самого процесса трупосожжения. Они основаны на обширном опыте судебно-медицинских исследований (Bohnert, 1998. P. 11–21; Звягин, 2000). Так, реконструкция условий и продолжительности сжигания тела возможна по визуальным характеристикам фрагментов скелета (цвет, размерность фрагментов, характер трещин и деформаций). Размеры, цвет, степень деформации фрагментов кремированных останков в ряде случаев могут указывать на позу тела при сжигании, на локализацию областей с более высокой и более низкой температурой горения. Определение температуры проводится по шкале цветности костной ткани, разработанной экспериментальным путем при сжигании опытных образцов на поверхности грунта (Walker, Miller, 2005. P. 222).

Информация о массе кремированных останков также важна, так как может использоваться для реконструкции определенных особенностей погребальной традиции. При стабильно малых или стабильно больших массах кремированных останков можно судить о том, захоранивались ли они в полном объеме в одном месте или в некрополе оставлена лишь небольшая часть кремированных фрагментов. Если в первом случае очевидно полное депонирование останков в одном месте, то во втором есть основания предполагать, что практиковалось частичное погребение, или разделение кремированных останков на несколько частей, с последующим их раздельным депонированием, или рассеиванием.

Показатели массы могут помочь выявить локальные особенности погребального обряда. На основании статистически достоверных групповых данных удалось доказать, что массы кремированных останков из погребений эпохи Меровингов и времени викингов с территории Дании и Норвегии достоверно различны (Holck, 1996. P. 160).

По наличию деформационных трещин и их форме определяется состояние костной ткани при сжигании (Steward, 1974. P. 300). Образование значительных дугообразных трещин и «смятие» костных структур происходит в случае резкой потери влаги, жировой составляющей и других органических составляющих костной ткани, т. е. в скором времени после смерти (рис. 99, *6*). Усилению этих проявлений способствует значительный объем мягких тканей, особенно жировых отложений. В том случае, если сжигаются скелетированные или мумифицированные останки, таких деформаций, а также изменения цвета кости на серо-белый и белый, появления ярко-синих и фиолетовых пятен не наблюдается (рис. 99, *4*).

Важнейшая информация, которая может быть получена при изучении кремированных останков, – половозрастная характеристика. Пол определяется на основании выявления фрагментов с анатомически выраженными особенностями, используемыми в обычной антропологической практике. Вероятность того, что определение пола и возраста будет достоверным, зависит от степени термической обработки скелета. Как показывает опыт, при длительном и высокотемпературном горении эта вероятность зачастую снижается до 10–15%. Часто сохраняются фрагменты лобной кости в надглазничной области, другие части свода черепа, фаланги кистей рук, фрагменты стенок диафизов крупных трубчатых костей. По ним и определяется пол (рис. 99, *1-3*).

Отнести индивида к той или иной возрастной градации несколько легче, так как для выявления крупных возрастных периодов (детство, возмужалый, зрелый, старческий возраст) можно использовать не только

общие морфологические особенности, но и состояние черепных швов, суставных поверхностей, наличие неприросших эпифизов, степень поротизации костной ткани, степень сформированности диплоэ (рис. 99, *1-3*; 100, *2*).

На фрагментах кремированных костей и зубов могут быть встречены травмы, маркеры физиологического стресса, следы длительных заболеваний (рис. 100, *1*). Их выявление и фиксация в основном проводятся согласно общим правилам (Козловская, 1998). Важно не забывать о значительных изменениях размерности при термической обработке.

Нам удалось обработать две серии кремированных останков из курганных некрополей Шизе IV (Западное Закубанье) и Кедровая роща (Северо-Восточное Причерноморье), относящихся к третьему хронологическому этапу[2]. Исследование кремированных останков для некрополей с кремационными погребениями на Северо-Западном Кавказе проводилось впервые (Успенский, Добровольская, в печати; Успенский и др., 2013. С. 411–415; Успенский и др., 2013. С. 141-152).

Из погребений могильника Шизе IV проанализированы останки 22 индивидов, а из некрополя Кедровая роща – 17 погребений, основные результаты отражены в приводимых ниже таблицах.

[2] Выражаю искреннюю признательность д.и.н., ведущему научному сотруднику отдела теории и методики ИА РАН М.В. Добровольской и аспирантке отдела теории и методики ИА РАН Е.А. Клещенко за неоценимую помощь в проведении антропологической экспертизы кремированных останков.

Таблица 1
Антропологические определения для погребений из могильника Шизе IV

Признак / № к-са	Кол-во погребенных в сосуде/ямке	Пол/возраст	Выявленные особенности
Шизе IV К-166	1	Мужчина 25–39 лет	Кремированные останки не имеют изгибов и пластинчатых деформаций
Шизе IV, к. 1, п. 1	1	Женщина 25–35 лет	–
Шизе IV, к. 1, п. 2	1	Женщина 25–35 лет	–
Шизе IV К-188, п. 2, урна 2	3 (возможно больше)	Индивид не старше 50 лет. Индивид 15–17 лет. Ребенок до 14 лет	Большая часть фрагментов имеет трещины кремации без изгибов, а сами фрагменты не деформированы; небольшая часть костей имеет дугообразные трещины и значительные деформации
Шизе IV К-188, п. 1	1	Ребенок до 5 лет	Фрагменты костной ткани сильно обуглены
Шизе IV К-185, п. 2	1	Индивид старше 50 лет	На фрагментах костей выявлены трещины без дуговых деформаций, образовавшихся в результате высокотемпературного обжига
Шизе IV К-117, п. 1	1	Мужчина (?) 25–45 лет	Фрагменты костей со следами высокотемпературных деформаций
Шизе IV К-206, п. 1	1	Женщина 20–29 лет	Выявлены трещины и деформации костей, связанные с высокотемпературным обжигом
Шизе IV К-142, п. 1	1	Мужчина 25–40 лет	–
Шизе IV К-79, п. 1	1	Взрослый	Неравномерное горение погребального костра при сжигании тела
Шизе IV К-79, п. 2	3	Взрослый старше 30 лет. Ребенок до пяти лет. Ребенок старше пяти лет	Сжигание умерших без предварительной подготовки
Шизе IV К-250, п. 1	3 (?)	Мужчина 30–39 лет. Женщина 40–50 лет. Ребенок до 10 лет	Кремация происходила спустя некоторое время после смерти
Шизе IV, к. 153	1	Мужчина, 40–49 лет	
Шизе IV, к. 350,	1	Не определен, 25–	

п. 1		39 лет	

Таблица 2
Антропологические определения погребений по обряду трупосожжения из могильника Кедровая роща

Шифр погребения	Кол-во индивидов	Пол	Возраст	Наличие костей животного	Особенности обряда
К. 2, п. 2	1	Муж.	Взрослый до 40 лет	–	–
К. 3, п. 3	1	Муж.	Взрослый до 45 лет	+	Отложенная кремация[3]
К. 3, п. 1	1	Муж. (?)	30–40 лет	+	Отложенная кремация
К. 3а, п. 1	1	Муж.	30–40 лет	+	Отложенная кремация
К. 3б, п 1	1	Муж.	Взрослый до 40 лет	–	–
К. 5, п. 1	2	Жен.	Около 20 лет	–	Отложенная кремация
-//-	2	Муж.	Старше 45 лет	–	Отложенная кремация???
К. 5, п. 3	3	Ребенок	Около пяти лет	–	Отложенная кремация
-//-		Муж.	20–30 лет		Отложенная кремация???
		Ребенок	До двух лет		ингумация
К. 7, п. 1	1	Муж.	30–40 лет	+	–
К. 8, п. 1	1	Подросток	10–15 лет	–	–
К. 8, п. 2	1	Муж.	30–44	–	–
К. 12, п.1	1	Муж.	adultus	+	Отложенная кремация
К. 12, п. 2	1	Жен.	25–34	–	Отложенная кремация
К. 14, п. 1	2	Муж.	20–29	–	Отложенная кремация
-//-	2	Ребенок	5–7 лет	–	Отложенная кремация
К. 22, п. 2	2	Подросток	14–15 лет	–	–
-//-	2	Муж.	До 30 лет	–	–
К. 26, п.1	1	Жен. (?)	Взрослый	–	–
К. 32, п. 1	1	Не определен	Взрослый	–	–
К. 34, п. 2	2	Муж.	18–20 лет	+	Отложенная кремация

Проведенная антропологическая экспертиза позволяет значительно дополнить данные о погребальном обряде подкурганных трупосожжений. Важной особенностью просмотренных костных скоплений из обоих

[3] Данный термин означает, что обряд трупосожжения проводился спустя определенное время после смерти индивида.

некрополей является присутствие парных погребений (а в четырех случаях – тройного захоронения) в одной погребальной урне. В ряде погребений четко фиксируются кремированные кости животных, которые предположительно не могут быть отнесены к кухонных остаткам[4]. Практически во всех скоплениях среди определимых костей человека присутствуют фрагменты черепа и всех отделов посткраниального скелета. Выявленные определимые фрагменты явились необходимым звеном в проведении половозрастных дефиниций. Размерность костных фрагментов разная: часть из них не превышают 1–2 см в максимальном продольном размере, но присутствуют и крупные части костей, с максимальным продольным размером более 5–6 см.

Весовые показатели коллективных и одиночных погребение четко не разграничены, масса кремированных останков изменяется в пределе от 100 г до более чем 2000 г. Безусловно, бóльшая часть парных погребений характеризуется большей массой, однако это не универсально. Но следует отметить некоторые различия между показателем массы кремированных останков некрополей Шизе IV и Кедровая роща, отраженные на диаграммах (рис. 98, *2, 3*.). Так, все скопления из Кедровой рощи характеризуются более значительной массой в сравнении с погребениями могильника Шизе IV. Бóльшая масса кремированных останков свидетельствует о более тщательном сборе костей с погребального костра. Таким образом, в известной мере масса может рассматриваться как некий показатель общих трудозатрат при погребении. Небольшая масса костных останков в ряде погребений указывает на нетщательный сбор кремированных останков с места проведения кремации. Это отличает рассматриваемые нами погребения от комплексов Сухогомольшанского некрополя, где сохранность и количество фрагментов человеческих костей во всех погребениях указывали

[4] Видовое определение кремированных костей животных пока не проведено.

на необычайно аккуратное собирание пережженных останков перед их захоронением (Аксенов, Михеев, 2006. С. 170).

Цветность фрагментов варьирует от светло-серого до черного и бурого, присутствуют кости с обугленным слоем внутри компакты (рис. 98, *1*; 99). Среди костных фрагментов выделяются останки без следов деформационных трещин, а также с ярко выраженными деформационными трещинами и «смятием» костной структуры. Необходимо отметить, что на довольно большой части фрагментов с деформационными трещинами характер растрескивания не соответствует стандарту, определенному для кремаций при сожжении свежей костной ткани (рис. 99, *4*) (STANDARDS, 1994. P. 96). На ряде фрагментов зафиксировано черное лаковое покрытие – возможно, оно связано с применением горючих материалов при сжигании скелетированных останков (рис. 99, *5*).

Выявленные особенности позволяют судить о многоэтапном погребальном обряде. По-видимому, в ряде случаев тело сжигалось не сразу после смерти индивида, что, по нашему мнению, свидетельствует о бытовании у населения обряда выставления тела умершего. По всей видимости, тело умершего проходило определенную подготовку перед кремацией. Подобные процедуры зафиксированы в других культурах, где практиковался обряд трупосожжения, когда тело могло подвергаться различным предварительным операциям – вымачивание в особых растворах, высушивание в горячем песке или на открытом воздухе при достаточно высокой температуре (Смирнов, 1997. С. 55). Применительно к исследуемым погребениям такую подготовку осуществляли не для каждого кремируемого индивида. К сожалению, в настоящий момент мы не можем ответить на вопрос, с чем связано такое разделение (сожжение сразу по смерти или же после обряда выставления).

Выявленные трещины и деформации, а также размер кремированных останков указывают на высокую температуру сжигания тела (до 700 С) в

течение недлительного времени (не более часа). Достижение такой высокой температуры возможно только при использовании древесины с повышенной температурой горения (например, дуба) или веществ-катализаторов, повышающих температуру горения (различные масла и жиры). Исследование образцов древесного угля из погребальных урн могильника Шизе IV показало, что все образцы принадлежат роду дуб, в большинстве своем (55%) дубу скальному (Гольева, 2009. С. 191. Рис. 7). В свою очередь, на использование горючих веществ, повышающих температуру и скорость горения, косвенно указывает черный лаковый налет на ряде костных останков из погребений могильника Кедровая роща (Успенский и др., 2013. С. 411–415).

Предположительно сжигаемое тело умершего помещалось на помосте и огонь распространялся снизу вверх. Именно благодаря этому могли лучше сохраняться кости черепа. Как показали проведенные эксперименты (Сыроватко, Добровольская, Мальцева, 2011), в том случае, когда сжигаемый объект находится внутри поджигаемого сооружения, сохранность фрагментов гораздо хуже.

Следует отметить и выявленные патологии на костях изученных индивидуумов. У молодой женщины № 1 из погребения № 1 кургана № 5 могильника Кедровая роща зафиксирована cribra orbatalia. У индивида № 2 выявлено поротическое расширение губчатого вещества, отражающее следы длительного воспалительного процесса, затронувшего верхние конечности, лопатку, ребра, что свидетельствует о возможном системном заболевании, которое могло быть вызвано в том числе инфекцией, развившейся на основе травмы, а могло носить и самостоятельный характер (рис. 100, *1*). На кремированных останках из некрополя Шизе IV следов травм, маркеров стресса и проявлений заболеваний на обнаружено.

Из 22 индивидов некрополя Кедровая роща, которых удалось идентифицировать, 16 – взрослые мужчины и женщины (табл. 2). Возраст

детей варьирует от младенческого до подросткового, причем младенец был погребен по обряду ингумации. Среди взрослых подавляющее большинство (14 индивидов) мужчины в возрасте от юношеского до зрелого (40–49 лет). В двух погребениях – к. 3б, п. 1 (парное) и к. 12, п. 2 – скелетные останки были определены как принадлежащие женщинам, а пол индивида из к. 12 дискуссионен.

Несколько иная ситуация прослежена по данным могильника Шизе IV. Среди кремированных останков были выявлены 14 взрослых индивидов, двое детей и двое подростков (табл. 1). В группе взрослых удалось определить пол для пяти женщин и шести мужчин. Таким образом, исследованная выборка составляет группу, в которой представлены все возрасты – от ребенка младше пяти лет до взрослого старше 45 лет. Соотношение детей и взрослых около 44%. Следует повториться, что незначительность выборки (22 индивида) не позволяет делать окончательные выводы. Тем не менее присутствие значительного числа детей не вызывает сомнений.

Для сравнения проведем примерные параллели с описанными выше выборками. Демографические исследования ряда средневековых некрополей салтово-маяцкой культуры демонстрируют значительный диапазон процента детских погребений – 21–34% (Бужилова, 1995. С. 189). Высокие показатели рождаемости были определены для ряда сельских популяций Русского Севера (Нефедьево – Шуйгино) – более 30%, около 60% (Воезеро) (Алексеева и др., 1993. С. 3–78). Эту тенденцию продолжают самые разные по этническому происхождению и культурным традициям группы средневекового оседлого сельского населения (Алексеева и др., 2003. С. 131). В популяциях средневекового оседлого сельского населения, как правило, фиксируется большое число детских погребений.

Принципиально иную картину демонстрируют хазарские погребения (курганы с ровиками) в Нижнем Подонье, где детских индивидов не более

6% (Батиева, 2005. С. 55–79). Аналогичная ситуация типична для позднесарматских групп Нижнего Поволжья – процент детских погребений не превышает 3–4% (Балабанова, 2009. С. 79–88).

Соотношение мужских и женских скелетов в могильнике Шизе IV составляет 1 : 2, тогда как в Кедровой роще фиксируется заметное преобладание мужских погребений. При малой численности анализируемой группы данное соотношение не может быть принято за окончательное, поэтому предлагаемые здесь выводы носят лишь предварительный характер.

Соотношение мужчин и женщин является чутким палеодемографическим признаком. Численное преобладание мужчин выражено в большинстве палеопопуляций кочевников сармат поздней поры раннего железного века (Балабанова, 2009). Менее ярко эта тенденция выражена в группах населения носителей салтово-маяцкой археологической культуры (Бужилова, 1995). Очевидно, что значительное численное превосходство мужских погребений может быть связано с военизированным характером группы населения, создавшей некрополь. Как правило, малое число детских погребений и существенный численный перевес погребений мужского пола среди взрослой части выборки являются типичными чертами военизированной группы. Для группы погребений из некрополя Шизе IV эта тенденция не прослеживается – в отличие от погребений могильника Кедровая роща.

Результаты проведенного анализа погребального обряда свидетельствуют о том, что для кремационных погребений третьего хронологического этапа характерно сохранение основных обрядовых черт: сожжение покойного на стороне с дальнейшим погребением кремированных останков. Так же как и в предшествующий период, господствующим типом погребений являются трупосожжения в урнах, причем во всех погребениях Западного Закубанья в качестве последних использовались исключительно корчаги. В погребениях Северо-Восточного Причерноморья представлен

более широкий ассортимент сосудов – амфоры, пифосы, большие двуручные кувшины, но основным типом, как и в Закубанье, являлись корчаги.

Безурновые погребения встречаются редко. Как и в погребениях обоих предшествующих этапов, в курганных кремациях сохраняется обычай кенотафов.

Бóльшая часть погребений демонстрирует унифицированный набор погребального инвентаря. По-прежнему важной чертой погребального обряда является преднамеренная порча части инвентаря. Однако, в курганных трупосожжениях, в отличие от погребений двух предшествующих этапов, часть вещей не несет на себе следы пребывания в погребальном костре – обнаружены целые сабли с деревянными фрагментами ножен, предметы конской упряжи без следов окалины. В нескольких комплексах находились целые колчаны с набором наконечников стрел. Зафиксированы in situ костяные накладки от несохранившегося лука. Основные категории предметов, составляющих погребальный инвентарь, сходны с набором вещей, которые сопровождают грунтовые погребения, предшествующие появлению подкурганных кремаций.

В сравнении с погребениями двух предшествующих хронологических этапов главной отличительной чертой погребального обряда трупосожжений конца XII – XIII в. является распространение погребений под небольшими курганами, что повлекло за собой оформление новых, ранее нехарактерных для погребений обрядовых черт. Это выразилось в формировании на всем ареале некрополей довольно устойчивых черт курганной архитектуры. Заметно шире распространяются коллективные погребения. Так, под курганной насыпью обнаруживалось от двух до четырех погребальных урн, которые составляли единый комплекс и были захоронены одновременно, фиксируется обычай многоразового использования кургана для совершения погребений.

Заметно увеличивается количество человеческих погребений, сопровождаемых захоронением лошади, эта составляющая погребальной практики населения окончательно оформляется. По сравнению с грунтовыми погребениями XI–XII вв. в подкурганных комплексах несколько изменяется распределение ориентировок костяков лошадей. Для грунтовых могильников преобладает северо-восточное и восточное направление, а для курганов – западное с отклонениями к северу и югу.

Поскольку с появлением курганного обряда основой погребального комплекса становится курган, а не отдельная яма (как в грунтовых могильниках предшествующего этапа), происходят изменения в местоположении погребальной урны относительно сопутствующего погребения лошади. Во внутрикурганном пространстве погребальная урна чаще располагается отдельно от захоронения коня.

В грунтовых кремационных погребениях двух предшествующих периодов не встречены ямы с набором погребального инвентаря, как сопровождавшие погребения людей, так и являвшиеся самостоятельными комплексами. Ориентировки таких ям по длинной линии совпадают с ориентировками большинства ям с целым скелетом лошади.

Как и грунтовые кремационные погребения, подкурганные трупосожжения Северо-Западного Кавказа являются единственными на Северном Кавказе и юге Восточной Европы погребальными памятниками с обрядом трупосожжения X–XIII вв.

В степном Прикубанье, расположенном в непосредственной близости от ареала расселения носителей обряда трупосожжения, находились кочевнические племена. У кочевников также были распространены курганные могильники. В разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым классификации кочевнических курганов выделено семь типов конструкций насыпи. В частности, указывается тип VI – ограда из вертикальных плит под курганом *по краю могильной ямы*. Данный тип, по мнению Федорова-

Давыдова, считался характерным для погребений из могильников Северного Кавказа и Крыма (Федоров-Давыдов, 1966. С. 120, 122). Исследователь, имея в виду курганные могильники из-под Анапы и ст. Раевской, не совсем верно указал расположение каменной оградки, которая находилась в основании курганной насыпи, а не по краю могильной ямы.

Параметрические характеристики кочевнических курганов несколько отличаются от насыпей Северо-Западного Кавказа. У большинства курганов кочевников (учитываются только индивидуальные насыпи, т. е. возведенные самими кочевниками) диаметр насыпи доходит до 22 м, тогда как курганы с трупосожжениями диаметром не больше 11,5 м, по высоте курганы сходны (Атавин, 2008а. С. 88. Табл. 8). Как отмечала С.А. Плетнева, для погребений кочевников XII–XIII вв. характерно сооружение насыпи с применением камня, однако данный тезис сейчас не может быть признан верным (Плетнева, 1981. С. 218). При создании базы данных Nomad А.Г. Атавиным было учтено 264 кургана с погребениями так называемого половецкого времени. Курганы с каменно-земляными насыпями известны в междуречье Дона и Волги – в Ростовской области, на Ставрополье, в Волгоградской и Саратовской областях, на Среднем Дону. Однако насыпи с какими-либо каменными конструкциями составляют всего 6% от всех известных. Не зафиксировано использование камня для устройства насыпей курганов с кочевническими погребениями и на территории Восточного Приазовья.

Курганы с каменными конструкциями чаще встречаются на Северском Донце. На территории Западного Казахстана курганы с камнем кыпчакского периода (XII–XIV вв.) составляют 16,1% (Атавин, 2008а. С. 87; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. Рис. 2, 3, 10, 15; Бисембаев, 2010. С. 122).

Таким образом, мы видим, что для большей части подкурганных погребений каменные конструкции все же нехарактерны, курганы с такими конструкциями встречаются только в тех районах, где есть естественные

выходы камня. Именно этим можно объяснить широкое распространение каменных конструкций в подкурганных кремациях Северо-Западного Кавказа.

Рассматривая каменные оградки, необходимо отметить, что на Северном Кавказе сама традиция могильных оградок была распространена в предшествующее время. В частности, П.В. Соковым сформулирована идея о синхронизации оградок вокруг погребений на Кавминводах, комплексов Горькобалковского могильника, а также Кубинского кургана № 1. Распространение таких оградок автор связывает с тюркской этнокультурной традицией. Поддерживая эту идею, Е.И. Нарожный и Н.А. Охонько дополнительно приводят в качестве аналогии более поздние оградки из курганов причерноморских могильников, таких как Лобанова Щель (Нарожный, Охонько, 2007. С. 28–29; Соков, 2003. С. 12–13).

Идея появления могильных оградок в эпоху раннего Средневековья под влиянием тюркского этнокомпонента интересна и не лишена аргументов, но при сопоставлении раннесредневековых каменных оградок с территории Средней Кубани с курганными погребениями Северо-Восточного Причерноморья возникает проблема. На Северо-Западном Кавказе между погребениями хазарского времени и курганными могильниками домонгольского периода нет «промежуточных» сооружений с использованием камня. К тому же для трупосожжений типа Дюрсо каменные оградки вокруг погребений абсолютно нехарактерны. Использование камня при создании погребального сооружения зафиксировано только в Борисовском могильнике (трупосожжения в каменных ящиках). Широкое распространение каменные конструкции (оградки, наброски и др.) получают с появлением подкурганных трупосожжений, и уже далее эта составляющая курганной архитектуры фиксируется в могильниках Западного Кавказа вплоть до нового времени (Дружинина, Чхаидзе, 2011. С. 149–150).

Сближает курганы Северо-Западного Кавказа с кочевническими наличие внутри насыпи следов обрядовых действий и тризн. Остатки огненного ритуала представлены в виде золы, угольной прослойки, кострищ (Федоров-Давыдов, 1966. С. 123).

Все анализируемые в работе подкурганные комплексы являются основными для кургана. Для сравнения: в подкурганных кочевнических погребениях Восточного Приазовья из 17 комплексов только три являлись основными, из 235 кочевнических погребений Доно-Волжского Междуречья только 71 курган был сооружен в период XII–XIV вв., остальные погребения были впущены в насыпь курганов более ранних эпох (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 178; Атавин, 2008а. С. 87–88).

Важной чертой, имеющей параллели в кочевнических древностях, является распространение обычая сопровождать трупосожжение целым костяком лошади.

Традиция сопогребения человека и лошади (в виде целого скелета или только его части) давно привлекает к себе внимание исследователей. В частности, погребения с конем и частями конского скелета рассматривались как эволюция единого погребального обряда в работах В.А. Городцова, однако предложенная им гипотеза оказалась ошибочной. Отношение исследователей к сопровождающим трупосожжения конским погребениям во многом определили разработки Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966). Как отмечает исследователь, погребения с конем являются наиболее характерными погребениями кочевников-тюрок Алтая, Хакасии, Монголии, Семиречья. Но детального совпадения ориентировок и способа захоронения коня или его частей у сибирских тюрок и тюрок-кочевников Восточной Европы X–XIV вв. нет. Основные типы погребений Сибири и Алтая отличаются и от погребений поздних кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966. С. 128).

Для сопровождающих трупосожжения захоронений лошадей в большей мере характерно их расположение в отдельной яме. Подобное размещение зафиксировано в кочевнических погребениях типа БХXI (костяк коня в отдельной яме, головой на запад) и БХXIII (костяк коня в отдельной яме, головой на восток) по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966. С. 124–125).

На Северо-Западном Кавказе известны синхронные с трупосожжениями ингумационные погребения, сопровождаемые захоронениями лошадей, из Цемдолинского могильника (рис. 96) (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 3, 6, 16). Названные комплексы соотносятся с погребениями типа БХIII по Г.А. Федорову-Давыдову (в широкой яме, конь располагается к северу от погребения человека, головой на запад). Согласно Г.А. Федорову-Давыдову, погребения этого типа, а также погребения с целым конем, захороненным в отдельной яме, связаны с половцами, появившимися в южнорусских степях в конце XI – XII в. По мнению С.А. Плетневой, такие погребения характерны для смешанного печенего-торческо-половецкого обряда (Федоров-Давыдов, 1966. С. 142, 145; Плетнева, 1981. С. 219; Армарчук, Малышев, 1997. С. 112). Рассматривая варианты погребений БХII-XIV золотоордынского времени и опираясь на их корреляцию с вещевыми находками, Г.А. Федоров-Давыдов делает заключение об их принадлежности черным клобукам (Федоров-Давыдов, 1966. С. 153). По-всей видимости, именно следы этого этнокомпонента, появившегося здесь во второй половине XIII в., несут на себе ингумации из Цемдолины, сопровождаемые захоронениями лошадей (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 134).

Все рассматриваемые погребения лошадей демонстрируют большое сходство с комплексами из некрополей кочевников, однако это сходство не является абсолютным.

Проведем сравнительный анализ комплексов с конскими погребениями из кремационных и кочевнических могильников. В первую очередь отметим процентное соотношение погребений с конскими захоронениями. В подкурганных могильниках с трупосожжениями этот тип погребений составляет 17% от всего числа комплексов (данные без учета отдельных захоронений лошадей в отсутствие кремированных останков человека). По сведениям, представленным в исследовании А.Г. Атавина, погребения кочевников, сопровождаемые лошадью, в домонгольское время составляют 50,6% от всех погребений, что несколько меньше, чем у печенегов и торков (Атавин, 2008а. С. 91). Все без исключения захоронения лошадей из кремационных погребений совершены в простых грунтовых ямах, что отличает их от погребальных сооружений у кочевников (в подбойных могилах, на ступеньке в могиле, над погребением человека, дополняемое различными деревянными конструкциями и др.) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 126–128; Атавин, 2008а. С. 91). Аналогична поза лошади в погребении – на правом или левом боку, с подогнутыми к туловищу ногами. Преобладающей ориентировкой для лошадей из трупосожжений является направление северо-запад – запад – юго-запад, что сближает их с единственным погребением типа БХXII по Г.А. Федорову-Давыдову.

У печенегов и торков лошадь укладывали головой в том же направлении, что и человека, – обычно к западу. У половцев, наоборот, лошадь лежала, черепом ориентированная в противоположную от человека сторону. Если человек был ориентирован головой к востоку (44%, по данным А.Г. Атавина), то ориентировка сопровождающего погребения лошади – головой на запад. В погребениях кочевников с целым скелетом лошади из Восточного Приазовья в одном комплексе лошадь ориентирована на запад, во втором – на восток (Федоров-Давыдов, 1966. С. 125–126; Атавин, 2008а. С. 91; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 203).

При сопоставлении ориентировок костяков лошадей необходимо обратить внимание на тот факт, что в большинстве кочевнических погребений лошадь располагалась в одной яме с погребением человека или в иной погребальной конструкции, так или иначе связанной с человеческим погребением. Следовательно, ориентировка лошади определялась ориентировкой погребения человека, т. е. являлась зависимым признаком, тогда как в кремационных могильниках данный признак носил самостоятельный характер и направление ориентировки лошади определялось по иным критериям.

Отличает захоронения лошадей с территории Северо-Западного Кавказа от кочевнических комплексов набор и расположение инвентаря относительно костяка лошади. Для погребений кочевников более характерно наличие у костяка лошади только предметов конского снаряжения, а вещи, принадлежавшие умершему, располагались рядом со скелетом человека (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 3, 6; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. Рис. 20; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 3, 7). В кремационных могильниках в сопровождающий погребения лошадей вещевой набор входят предметы конского снаряжения, а также вещи, принадлежавшие покойному (оружие и др.), причем в расположении инвентаря наблюдается определенный порядок. Как правило, рядом с костяком лошади располагается небольшой керамический сосуд, а для кочевнических погребений наличие керамики является редким случаем.

В работе Г.А. Федорова-Давыдова рассматриваются погребения под небольшими курганами из некрополей низовьев левого берега р. Кубань с каменными оградками. Для захоронений лошадей из этих могильников характерна такая деталь погребального обряда, как столбик коновязи у морды лошади (по материалам некрополей под Анапой и ст. Раевской). Указанные комплексы интерпретируются исследователем как кочевнические (Федоров-Давыдов, 1966. С. 129, 161). В настоящее время такая точка зрения

не может быть признана верной (помимо возможной кочевнической принадлежности нескольких погребений Цемдолинского могильника). Указанные Г.А. Федоровым-Давыдовым погребения из-под Анапы и ст. Раевской с лошадьми, захороненными в отдельных ямах, оставлены носителями обряда трупосожжения. Следует также пересмотреть принадлежность связываемых с кочевниками коллективных погребений в каменных ящиках, достаточно широко распространенных в курганных могильниках Северо-Восточного Причерноморья. Большинство подобных комплексов датируется временем после монгольского нашествия, отсутствие в них явных или косвенных элементов кочевнической культуры позволяет связывать их с местным населением Северо-Западного Кавказа (Марченко, Пьянков, 2002. С. 185–186. Рис. 2, 3; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 13–15; Козюменко, Раев, 2002. Табл. 2–5).

Захоронения коней, сопровождающие кремационные погребения, как мы видим, имеют довольно много общих черт с кочевническими комплексами, и, вероятно, увеличение числа погребений, сопровождаемых ритуальным захоронением лошади, в курганных могильниках связано с влиянием кочевников. Но это не может являться единственным объяснением появления и развития традиции захоронения коней в могильниках с кремационным обрядом. Захоронения боевых коней известны в могильниках Северо-Западного Кавказа с периода раннего Средневековья, что демонстрируют ранние хронологические группы погребений некрополя Дюрсо. Погребения лошадей были выявлены и по материалам некрополя Цибеллиум в Абхазии, причем в одном из захоронений лошадь сопровождала урновое кремационное погребение (Voronov, 2007. P. 61. Fig. 121).

Судя по данным погребального обряда, у населения, оставившего кремационные могильники, культ всадничества был довольно широко распространен уже в хазарское время. Традиция хоронить вместе с

человеком его лошадь начинает заметно развиваться в погребениях, датирующихся X – первой половиной XII в., и достигает своего апогея в подкурганных погребениях XIII столетия. Для некрополей с кремациями характерно погребение только целого скелета лошади, и ни в одном комплексе не выявлено захоронения чучела коня (черта обряда, характерная для печенежско-торческих погребений).

Таким образом, рассмотренные данные о погребальном обряде кремационных могильников Северо-Западного Кавказа позволяют проследить динамику развития данной погребальной практики в регионе, выявить сходство и различия в погребальном обряде на всем ареале некрополей, вычленить наиболее устойчивые черты погребальной практики в период VIII–XIII вв.

В хазарский период погребения с трупосожжениями обнаружены в могильниках, которые активно использовались населением в течение предшествующего времени (Борисово, Дюрсо), также были основаны новые некрополи (Молдовановский и др). С распространением кремационных погребений хазарского периода связаны исключительно погребения в грунтовых могильниках, причем неравномерность распределения погребений на площади некрополя свидетельствует о наличии территориально обособленных участков, которые могут быть интерпретированы как родовые или семейные. На протяжении всего хазарского периода господствующим типом погребения являлась безурновая кремация, причем сожжение тела проходило на стороне. К сожалению, имеющиеся на сегодняшний день археологические данные не позволяют судить о форме могильных ям, в которых находились скопления кремированных останков.

Выделенные виды безурновых сожжений (на основе взаиморасположения погребального инвентаря относительно скопления костей) позволяют разграничить погребальные комплексы по степени их наполненности вещами, этот признак важен при изучении социальной

стратификации населения. Остальные типы погребений представляются исключительно локальными. Так, кремации в каменных ящиках сосредоточены в Северо-Восточном Причерноморье только на одном некрополе (Борисовский могильник), а основной процент трупосожжений в урнах локализуется в восточной части ареала могильников.

Характерной чертой всех рассмотренных могильников являлось наличие поминальных комплексов без следов погребения человека. Достаточно высокий процент захоронений составляют захоронения с набором вооружения воина-всадника, однако погребения лошадей для кремаций хазарского времени нехарактерны и представлены единичными случаями. В расположении лошадей относительно человеческих погребений угадываются традиции, существовавшие в регионе в предшествующее время и прослеженные по материалам ранних погребений некрополя Дюрсо, где лошадь могла являться закладной жертвой. Сопоставление урновых и безурновых погребений показало заметную скудость набора погребального инвентаря в первых. Весьма характерной чертой погребального обряда является преднамеренная порча части погребального инвентаря – обычно предметов вооружения и конского снаряжения.

В следующий период (X–XII вв.) в погребальном обряде происходит ряд изменений. Ареал могильников практически не меняется, однако необходимо отметить, что ряд крупных некрополей (Дюрсо, Молдовановский, Казазово и др.) прекращает свое существование. Погребения, которые можно уверенно датировать X в., единичны. Позднее появляются новые могильники с трупосожжениями в степной части Западного Закубанья и в зоне современного Краснодарского водохранилища. Как и в хазарский период, все могильники грунтовые, появляются погребения, впущенные в верхние слои более ранних степных курганов. Планиграфия погребений, как и в предшествующий период, указывает на

возможность существования на территории некрополея территориально обособленных участков.

Важным изменением явилось сокращение числа безурновых кремаций, которые теперь являются единичными, а на всей территории распространяются погребения с кремированными останками, захороненными в погребальных урнах. В погребениях этого периода начинает распространяться традиция сопровождать человеческое погребение ритуальным захоронением лошади. Такие комплексы известны на всем ареале памятников. В сравнении с предшествующим периодом для грунтовых могильников X–XII вв. становятся нехарактерными отдельные «погребения вещей» и так называемые тайнички (скопление предметов, расположенное рядом с кремированными останками). Отдельные погребения лошадей (типа комплекса из Андреевской Щели), с конским снаряжением и вещами, принадлежавшими умершему человеку, могут быть признаны кенотафами.

Прослеживается заметное сокращение числа погребений с деталями конского снаряжения, основная масса таких погребений теперь сопровождается погребением лошади. Меняется также набор вооружения, в погребениях полностью пропадают боевые топоры и заметно сокращается количество наконечников копий. Что явилось причиной такого изменения – вопрос, требующий отдельного изучения.

В третий хронологический период происходит частичное изменение ареала некрополей. Новой чертой погребального обряда стало распространение небольших курганов. Основой погребального сооружения становиться курганная насыпь и внутрикурганное пространство. В третий период большинство традиций, присущих трупосожжениям XI–XII вв., сохраняется – основным типом погребения по-прежнему является помещение кремированных останков в сосуд-урну. Увеличивается число погребений, сопровождаемых ритуальным захоронением лошади или отдельной ямой с

набором погребального инвентаря. Происходят изменения и в материальном комплексе погребений, выразившиеся в появлении новых типов наконечников стрел, видоизменении сабель и их гарнитуры, увеличении количества импортных вещей в захоронениях.

Такова динамика развития погребального обряда в некрополях с тупосожжениями VIII–XIII вв. Проведенный анализ позволяет в первую очередь выделить наиболее характерные черты погребальной традиции, прослеживающиеся в течение всех трех хронологических этапов:

1) использование могильников предшествующего периода;

2) наличие в некрополях территориально обособленных участков;

3) сожжение покойного на стороне;

4) существование обряда выставления тела умершего;

5) неполнота доставляемых к месту погребения кремированных останков;

6) наличие в погребениях угля и других ритуальных веществ;

7) преднамеренная порча части погребального инвентаря;

8) наличие заупокойной пищи;

9) распространение обычая сопровождать погребение захоронением лошади;

10) традиция создания кенотафов и других поминальных комплексов.

На основе ряда признаков погребального обряда мы провели сравнение погребений всех трех хронологических этапов, используя методы многомерного статистического анализа. Для этого были отобраны признаки, наиболее характерные для всех трех этапов. Далее была составлена матрица, отражающая наличие (в процентном отношении) каждого признака во всех погребениях для каждого анализируемого хронологического этапа. После

этого в программе Statgraphics выполнена процедура сравнения полученных данных по трем хронологическим периодам (рис. 101).

На протяжении всего времени существования обряда кремирования умерших на Северо-Западном Кавказе характерно сожжение покойного на стороне (100% во всех комплексах на протяжении трех хронологических периодов). Трупосожжения в грунтовых некрополях в течение первого хронологического этапа составляют 100% для всех комплексов, тогда как для второго этапа они выявлены в 59% погребений и полностью исчезают к третьему периоду. В VII–IX и X–XII вв. не встречаются подкурганные погребения, которые характерны только для погребений третьего этапа (100% комплексов).

Основным типом погребения кремированных останков в период VIII–IX вв. являлось безурновое захоронение – 75% комплексов, тогда как в последующее время количество погребений этого типа сильно сокращается: 6% для второго этапа и 6,8% для третьего.

На протяжении всех трех этапов очень небольшое число безурновых погребений сопровождалось дополнительным ритуальным захоронением: для первого этапа это 0,29% комплексов, в могильниках второго этапа подобные захоронения не встречены, в течение третьего периода безурновые сожжения, сопровождаемые ямой с набором инвентаря или захоронением лошади, составили 1% от всех погребений.

Простые урновые кремации на первом этапе (VIII–IX вв.) составили 20% от всех анализируемых погребений, для второго периода это значение заметно выше – 82,5%, в курганных могильниках простые урновые кремации зафиксированы в 47% захоронений.

В 0,29% урновых трупосожжений могильников первого этапа, выявлены дополнительные ритуальные захоронения лошади, в некрополях второго периода они составили 8,3%. Апогея традиция сопровождать урновое погребение дополнительным ритуальным захоронением достигает в

могильниках третьего этапа и составляет 19,8% (указан суммарный процент захоронений лошадей и ям с набором инвентаря).

На каждый из трех этапов приходится примерно равное количество отдельных захоронений лошадей, без человеческого погребения.

Локальными представляются такие признаки, как наличие в погребениях каменного ящика, – эта черта обряда встречена в 11,3% погребений первого этапа, и только для второго этапа характерны погребения, впущенные в верхние слои степных курганов бронзового и раннежелезного веков (37,8% от всех комплексов).

Указанные признаки погребального обряда, характерные для кремационных погребений в течение всего исследуемого периода, указывают на культурное единство исследуемой группы памятников. Важнейшим доказательством такого единства является сохранение определенного принципа совершения погребений,: сожжение тела покойного на стороне, традиция ритуальных захоронений, преднамеренная порча погребального инвентаря. При этом появление новых черт похоронного обряда представляется вполне закономерным, поскольку обряд развивался во времени и испытывал новые влияния.

Следует отметить, что появляющиеся с течением времени новые черты обряда не выходят за рамки общей «схемы» совершения погребений и общего мировоззрения населения. В ряде случаев различия являются узколокальными, например наличие каменного ящика в Борисовском могильнике или распространение в подкурганных погребениях могильников Шебш 1 и 2 ям с набором инвентаря.

Единство ареала могильников, сохранение важных черт погребального обряда свидетельствуют о прямой преемственности кремационных погребений VII–IX, X–XII и конца XII – XIII в.

Глава IV

Социальная стратификация населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных могильников VIII–XIII вв.

Проведя хронологическое деление исследуемых погребальных комплексов и выделив особенности погребального обряда кремационных погребений, попытаемся изучить социальную стратификацию населения, практиковавшего обряд трупосожжения.

Но перед тем как перейти непосредственно к изложению используемых нами методов обработки анализируемого материала и полученных результатов, необходимо остановиться на теоретико-методологических аспектах исследования социальных процессов на основе погребального обряда древних обществ.

Что же такое понятие «социальная стратификация» в характеристике развития доклассового общества? Долгое время этот термин считался одним из основных определений в так называемой буржуазной социологии. В противовес социальной стратификации в угоду марксистко-ленинской парадигме выдвигалась система социальной дифференциации, под которой понималось изучение взаимоотношений внутри классов между различными общественными группами (Афанасьев, 1993. С. 5).

В настоящее время такой подход устарел. Признано, что термины «социальная стратификация», «социальная дифференциация», «общественное расслоение» являются синонимами (Першиц, 1986. С. 167–199; Афанасьев, 1993. С. 5; Коробов, 2003. С. 15).

Известно определение социальной стратификации, принадлежащее основателю научной социологии Питириму Сорокину: это дифференциация некой совокупности людей (населения) на определенные классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав

и привилегий, ответственностей и обязанностей, наличии и отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества (Коробов, 2003. С. 15). В социологии данный термин обозначает систему признаков и критериев социального расслоения в обществе.

При изучении любого общества социальная стратификация является важнейшим критерием при характеристике его развития, поскольку отражает социальную дистанцию между людьми, фиксирует неравный доступ членов общества к социально значимым дефицитным ресурсам. Во многом социальная стратификация отражает уровень развития того или иного общества.

Однако необходимо констатировать, что глубокое и фундированное изучение социальной стратификации общества возможно при наличии удовлетворительной документации исследуемого источника, это, в свою очередь, является сложной проблемой при исследовании древних обществ, в особенности бесписьменных.

Поскольку основным источником в изучении древних социумов, не имевших своей письменной истории, становятся данные археологии, встает закономерный вопрос об отражении социальной информации в археологическом материале. Основной методологической посылкой при этом является следующее положение: в погребальном обряде так или иначе отражаются социальные отношения, бытовавшие в среде древнего общества (Генинг, 1990. С. 9–10; Коробов, 2003. С. 15).

Это хорошо прослеживается на примере ряда культур. Так, у населения майкопской культуры эпохи ранней бронзы погребения членов общества высокого ранга, в отличие от рядовых жителей, совершались в сложных погребальных комплексах и сопровождались богатейшим инвентарем, что-то подобное мы наблюдаем и в погребальных памятниках скифской культуры. В приведенных примерах наблюдается огромный

контраст между богатыми и бедными погребениями, поэтому признаки социального статуса прослеживаются отчетливо.

Выводы о социальной дифференциации общества становятся затруднительными в том случае, если в распоряжении исследователя находятся материалы с умеренными различиями в богатстве и трудозатратах на организацию погребений и/или постройку жилищ (Афанасьев, 1993. С. 5). Возникает вопрос: действительно ли комплексы, разделенные по степени богатства погребального инвентаря, отражают социальное неравенство населения или же представленные материалы просто иллюстрируют небольшое различие в уровне богатства у людей, находившихся в одном социальном ранге? Тенденция к разграничению в археологических исследованиях имущественного и социального положения индивида известна (Добролюбский, 1978. С. 113). Однако, если подходить к этому вопросу исторически, прослеживается динамика развития социальной дифференциации, которая связана с развитием производственных сил, а это показывает взаимосвязь имущественного и социального положения индивида при ведущей роли социального фактора. (Генинг и др., 1990. С. 188).

В древних социумах с умеренными различиями в богатстве и трудозатратах на создание погребальных комплексов (именно к такому обществу близки носители обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе) необходимо отметить процессы, связанные с частыми военными столкновениями и грабежами, о которых может свидетельствовать достаточно высокая степень военизированности общества. Все это нарушало первобытное равенство и углубляло процессы социальной дифференциации (Генинг и др., 1990. С. 188–189).

Среди разных археологических объектов погребальные памятники обладают наибольшим потенциалом при изучении социальной стратификации. В.Ф. Генинг объясняет это тем, что они по своей структуре отражают ситуацию, которая наилучшим образом отражает идеологические

потребности общества в момент его дифференциации, когда необходимо показать величие одних и обыденность других (Генинг и др. 1990. С. 190). Однако, как справедливо замечает Д.С. Коробов, социальная детерминированность лишь одно из нескольких возможных объяснений системы погребальной обрядности (Коробов, 2003. С. 16).

Необходимость реконструкции древних общественных отношений привела к тому, что археология к концу XIX в. перестала быть сугубо музейной дисциплиной, поэтому возникла необходимость в историческом и философском обосновании разных подходов (Берсенева, 2011. С. 8).

Много внимания уделяется изучению социального ранжирования древних обществ в работах зарубежных исследователей. Еще в середине 20-х годов прошлого века в своем труде по археологии раннего Средневековья К. Шумахер приводит перечень сведений, которые могут быть получены на основе материала из погребений, одним из таких сведений являются социальные различия, определяющиеся на основе сопровождающего захоронение инвентаря. Современник Шумахера П. Райнеке полагал, что состав инвентаря захоронений регулируется правовыми, а не религиозными нормами (Харке, Савенко, 2000. С. 219).

В целом же до начала 60-х годов XX в. зарубежные исследователи находились в русле так называемой допроцессуальной, или традиционной, археологии, в которой преобладала тенденция рассматривать погребальный ритуал как систему, зависящую от религиозных норм (Харке, Савенко, 2000. С. 213).

Заметные изменения во взглядах происходят в начале 1960-х годов, с появлением исследований Л. Бинфорда и А. Сакса, ознаменовавших собой начало процессуальной археологии (или в американской терминологии funerary archaeology), двигавшейся в русле позитивизма. Сами «новые археологи» определяли свою философскую позицию более узко – логический позитивизм (Клейн, 2009. С. 39). Основываясь на изучении этнографических

источников и методов точных наук, представители «новой археологии» пытались вывести некие аксиомы, чтобы определить и описать связь погребального поведения и его археологических остатков (Берсенева, 2011. С. 10). Общей предпосылкой для работ Бинфорда и Сакса послужила мысль о том, что существует более или менее прямая связь между социальным статусом умершего и погребальным обрядом. Позже Бинфордом было установлено, что степень сложности социального статуса коррелирует с типом экономики и социальной организацией рассматриваемого общества.

Большо резонанс получают работы Дж. Тейнтера, в которых идет речь о двух видах социальной дифференциации: вертикальной, которая характеризуется трудом, затраченным на совершение погребения, и горизонтальной – для нее источником информации служит расположение захоронений и выбор мест погребения относительно друг друга (Харке, Савенко, 2000. С. 213–214).

Теория и методы американских процессуалистов оказали значительное влияние на западноевропейскую археологию в целом. В Англии Дж. Шепардом и К. Арнольдом проанализированы предметы из захоронений и установлена социальная структура англосаксонского общества. Оба исследователя ограничивались только анализом погребального инвентаря, сознательно абстрагируясь от письменных источников при выделении социальных групп. Л. Алкок определял имущественные группы в соответствии с описаниями социального статуса, известными из более поздних письменных свидетельств (Харке, Савенко, 2000. С. 215).

Важным достижением сторонников процессуальной археологии стало формирование строгих методологических основ при исследовании социологии погребальных комплексов. Однако восприятие инвентарного контекста комплекса как непосредственного отражения социального статуса погребенного индивида неоднократно подвергалось критике. Так, еще до

появления работ Бинфорда и Сакса английский археолог П. Укко использовал ряд этнографических критериев, чтобы предостеречь от непосредственных выводов религиозного, ритуального и социологического характера на основании археологических данных. Канадский археолог Б. Триггер указывает, что погребальный ритуал зависит не только от социального статуса усопшего, но и в такой же степени от отношения к понятию «смерть». И. Пэдер критикует с методологических позиций уравнивание богатства комплекса и социального статуса умершего.

С начала 1980-х гг. процессуальный подход в археологии подвергается острой критике со стороны английских археологов, принадлежащих к так называемому постпроцессуальному направлению. В их работах мы видим отказ от концепции прямой связи между погребальным ритуалом и социальным статусом. Это произошло под влиянием социоантропологов, доказавших, что погребальный обряд отражает не социальные реалии, а социальные идеалы, что делает важным изучение данных погребального обряда как набора определенных символов, различающихся в зависимости от контекста (по аналогии с языком и текстом).

Видным представителем постпроцессуализма являлся Ян Ходдер, высказавший мнение, что погребальный обряд, как и вообще все ритуалы, может отразить истинные социальные явления только частично, косвенно и в искаженном виде. Археологом М. Паркер-Пирсоном были проанализированы современные христианские похороны и отмечены незначительные соответствия между социальным статусом и материальным отражением погребального обряда. Он пришел к выводу, что погребальный обряд – это «церемония перехода в мир иной», во время которой усопшему придается иной статус, и он необязательно должен совпадать с его прижизненным статусом (Харке, Савенко, 2000. С. 216). На общем фоне выделяются исследования Дж. Ричардса, посвященные кремациям. Он собрал большой

материал для изучения символизма ранних англосаксонских погребальных урн.

Весьма важными являются наблюдения А. Гидденса, подчеркивающего, что общество не является заданной структурой, в которой индивидуум получает заданную роль, как актер на сцене. Общество являет собой структуру взаимодействия правил и действий в сочетании с идеологией. Поэтому погребальный обряд не просто пассивно отражает общество, а соотносится с результатами действий, которые сами по себе формируют общество. Развивая эту мысль, Р. Сэмсон говорит, что предметы захоронений отражают не столько социальный статус умершего, сколько притязания хоронящих на его собственность (Харке, Савенко, 2000. С. 217–218).

В работах постпроцессуалистов, подчеркивающих символическое значение погребального обряда, наблюдается относительное совмещение с процессуальным подходом. Необходима дальнейшая разработка постпроцессуальной методологии в сравнении с системой методов процессуального направления. Представляется очевидной ценность многомерного анализа, поскольку контекстуальная (или символическая, или структурированная) методика необходима для интерпретации, но не заменяет собой тщательного и строгого анализа всех доступных данных погребального обряда (Харке, Савенко, 2000а. С. 218).

Алгоритм изучения социальной стратификации по данным археологии неоднократно излагался в литературе. Суть его сводится к первоначальному выделению половозрастных групп и исследованию социальной структуры внутри каждой группы.

Данная методика была развита в работах Г.Е. Афанасьева, посвященных изучению социальной стратификации населения Среднего Дона по материалам погребений из катакомбных могильников. Исследователем были выделены черты погребального обряда и вещевого

набора, характерные для мужских и женских погребений. После этого с помощью методов многомерного статистического анализа выполнялся поиск иерархической градации, специфического набора вещей и признаков погребального обряда, присущих определенным рангам мужчин и женщин (Афанасьев, 1993. С. 11–13). Данная методика была применена в исследовании Д.С. Коробова, посвященном изучению социальной структуры алан Северного Кавказа (Коробов, 2003. С. 17–20), а также нашла отражение в исследовании А.Г. Атавина, направленном на изучение социальной структуры средневековых кочевников (Атавин, 2008).

В настоящем исследовании мы попробовали применить методику исследования социальной структуры общества, разработанную Г.Е. Афанасьевым, к материалам из кремационных могильников Северо-Западного Кавказа. Работа проходила в несколько этапов. Первоначально из 725 погребальных комплексов, образующих созданную нами информационно-поисковую систему, были отобраны погребения для дальнейшего анализа. При изучении социальной стратификации использовались только неразрушенные погребения, для чистоты эксперимента не учитывались коллективные комплексы.

Весьма затруднительным оказалось провести половозрастные дефиниции погребений, поскольку достоверные антропологические определения имелись только для двух некрополей. В остальных случаях пол определялся исходя из инвентарного контекста каждого погребения. Разумеется, при таком подходе не исключены ошибки. Однако, определяя список признаков, которые участвовали в разделении погребений на мужские и женские, мы использовали те, что показали положительную связь с мужскими/женскими комплексами из могильников, для которых антропологические определения были выполнены. Кроме этого, анализируемая выборка заметно сузилась за счет исключения из нее безынвентарных погребений и комплексов с невыразительным вещевым

набором. К сожалению, изучение детских погребений оказалось в этом контексте невозможным.

Следующий шаг работы заключался в отборе признаков (предметы погребального инвентаря), которые можно было использовать в качестве гипотетических маркеров социального статуса погребенных. При составлении списка признаков учитывались те из них, что показали свою эффективность как маркеры социальной дифференциации погребений и уже использовались при изучении социальной стратификации северокавказских и донских алан. В частности, тенденция к дифференциации мужского и женского населения донских алан прослеживалась в характере сопровождающих вещевых наборов. С мужскими комплексами положительно ассоциируются такие предметы, как детали оголовья лошади, удила, стремена, сабли, кинжалы, топоры, поясные наборы, монеты и кружки. С женскими погребениями положительно сопрягаются бубенчики, каплевидные пуговицы, «рогатые» пряжки, бусы, браслеты, перстни, спиральки, зеркала, копоушки, амулеты (Афанасьев, 1993. С. 38–39; Коробов, 2003. С. 182).

После этого отобранные признаки были изучены с помощью методов многомерного статистического анализа. В данной части работы, при разделении погребений на группы, нами использовался факторный и кластерный анализ из пакета многомерного статистического анализа программы Statgraph 5.0.

Изучение социальной стратификации погребений проходило по периодам, в соответствии с предлагаемой в работе хронологией погребальных комплексов. Из могильников хазарского периода были отобраны погребения из некрополей Дюрсо, Молдовановский, Казазово, Борисово и 8-я Щель. Для чистоты исходного материала были взяты только те погребения, где находилось достаточное для определения пола количество инвентаря. В результате отбора образовалась выборка, состоящая из

127 мужских погребений. Из них 46 погребений из некрополя Дюрсо, 14 из Молдовановского могильника, 37 из некрополя Казазово, девять из Борисовского могильника, 21 из могильника 8-я Щель.

Анализ социальной стратификации проводился по 13 признакам, которые связаны с мужскими погребениями и встречались в комплексах минимум два раза (табл. 3).

Для анализа социального статуса женских погребений было отобрано 114 комплексов. Из могильника Дюрсо учтено 48 погребений, из Молдовановского некрополя – 14, из Казазово – 22, из Борисовского могильника – 25 и из некрополя 8-я Щель – четыре. Для анализа женских погребений использовалось 16 признаков (табл. 3).

Таблица 3. Список признаков, используемых для изучения социальной стратификации погребений хазарского периода

№ п/п	Мужчины	Женщины
1	Начельник	Нож
2	Седло	Шило
3	Стремена	Ножницы
4	Удила	Пряслице
5	Наконечники стрел	Пуговица
6	Сабля	Бубенчик
7	Шлем	Цепочка
8	Топор	Подвеска
9	Копье	Бусы
10	Нож	Перстень
11	Серп	Браслет
12	Поясной набор	Серьги
13	Фибула	Фибула
14	–	Пинцет
15	–	Ногтечистка
16	–	Копоушка

После определения списка анализируемых признаков проводилось их изучение с помощью методов многомерной статистики. Вопрос о

взаимосвязи избранных признаков решался методом факторного анализа. При проведении факторного анализа мужских погребений была получена факторная матрица, в которой выделяются пять факторов с сильными межгрупповыми связями между признаками (предметами материальной культуры) (рис. 102, *1, 2*):

– фактор 1 (имеет собственное значение 3,2): удила и стремена;

– фактор 2 (1,45): наконечники стрел, сабля и топор;

– фактор 3 (1,4): седло, копье и серп;

– фактор 4 (1,39): поясной набор, нож и фибула;

– фактор 5 (1,2): начельник и шлем.

Таким образом, факторный анализ показал, что все выделенные факторы по своей весомости отличаются друг от друга, однако незагруженных факторов не выявлено, поэтому для дальнейшего изучения социальной стратификации мужских погребений целесообразно использовать все пять факторов.

После факторного анализа исследуемые погребения были разделены на группы методом кластерного анализа (рис. 103, *1, 2*). В итоге удалось выделить два больших кластера погребений.

Кластер I формируется погребениями с поясными наборами, фибулой, серпом, копьем, шлемом, стременами и удилами, седлом и начельником. В формировании кластера I участвуют все предметы, наполняющие наиболее сильный фактор 1, а также признаки из факторов 3, 4 и 5.

Кластер II образуют наконечники стрел, сабля, топор и нож. Вещи, объединенные в данный кластер, преимущественно связаны с фактором 2 и частично дополняются составляющими фактора 4.

К погребениям первого ранга относится 46 комплексов, среди которых выделяются два погребения (погребение № 28 Дюрсо и погребение № 25 Молдовановского,), сопровождаемые наиболее полным

набором вооружения и конского снаряжения, остальные захоронения связываются с вторым рангом (рис.).

Рассматривая полученные результаты, следует отметить, что кластер II выглядит достаточно однородным, тогда как в кластере I выделяются определенные подкластеры. Один подкластер формируется начельником и шлемом, другой – седлом и поясным набором.

Таким образом, материалы кластеризации погребальных комплексов дают нам возможность выделить два ранга мужских погребений, в основе которых лежит место погребенного индивидуума в системе воинской организации:

– **первый ранг** – конные воины, погребенные с набором вооружения и предметами конского снаряжения (рис. 104);

– **второй ранг** – воины, вооруженные луком со стрелами, саблей и топором (рис. 105).

К погребениям первого ранга относится 46 комплексов, среди которых выделяются два погребения (Дюрсо, погребение 28, Молдовановский, погребение 25), сопровождаемые наиболее полным набором вооружения и конского снаряжения, остальные захоронения связываются с вторым рангом (рис. 103, *2*)

Следует отметить, что два выделенных ранга не являются строгими и «закрепленными» и не образуют законченную систему в иерархии погребальных комплексов. Среди рассматриваемых погребений выявляются комплексы, занимающие промежуточное или неопределенное положение. Например, мы не можем четко разграничить погребение, содержащее стремена и наконечники стрел, и комплекс, где обнаружены стремена и сабля. Поэтому возникает вопрос, какие вещи в рассматриваемых погребениях могут послужить маркером наиболее высокого социального ранга. Среди всей массы анализируемых комплексов выделяются погребения № 25 и 31 из могильника Молдовановский, погребения № 28 и 15 из

некрополя Дюрсо, а также погребение № 11 из могильника Казазово. По своим основным характеристикам указанные погребения относятся к первому рангу. Названные комплексы сопровождались наиболее полным набором защитного, наступательного вооружения и конского снаряжения. Среди погребального инвентаря здесь обнаружены такие предметы, как начельник, детали седла, поясные наборы – т. е. вещи, встречающиеся достаточно редко и в наиболее богатых захоронениях. Это позволяет нам предполагать, что среди погребений первого ранга маркерами наиболее высокого социального статуса могли являться предметы парадного конского убранства: начельник, седло, а также шлем и воинский пояс. По-видимому, погребения, сопровождаемые перечисленным набором вещей, относились к лицам, составлявшим воинскую верхушку зихско-касожской общности в хазарский период.

Говоря о комплексах, отнесенных ко второму рангу, мы отмечаем, что, вероятно, это были воины, вооруженные саблей, топором, луком и стрелами. Однако говорить о том, были ли это пешие или конные воины, мы с большой долей уверенности не можем. Не исключено, что часть погребений, отнесенных нами ко второму рангу, также являются захоронениями воинов-всадников, для которых не предусматривалась возможность (или право) помещения в погребение конской сбруи.

В комплексах, где присутствуют только некоторые виды вооружения, например одна сабля и топор, могли быть захоронены пешие воины. В этой связи необходимо сделать одно замечание. Существует мнение, что сабля, как вид холодного оружия, являлась исключительно атрибутом воина-всадника. Однако на протяжении своей истории этот вид колюще-режущего оружия успешно использовался как всадниками, так и пешими воинами. Одним из ярких примеров использования сабли в пеших военных подразделениях является регулярная пехота Османской империи – янычары.

Представленная модель социальной структуры мужского населения не может претендовать на всеохватывающую полноту, поскольку за рамками исследования остались как полностью безынвентарные погребения, так и комплексы с «невыразительным» инвентарем. Из-за невозможности осуществить их половозрастную дифференциацию мы не можем судить и об их социальном статусе.

Полностью безынвентарные погребения в литературе иногда характеризовались как погребения «зависимых» людей. Однако здесь мы согласимся с точкой зрения Д.С. Коробова, что в таких случаях следует быть осторожным в оценках и интерпретациях (Коробов, 2003. С. 279). В нашем случае не весь инвентарь мог дойти до исследователя, следует отметить и тот факт, что основная масса безынвентарных погребений располагается среди трупосожжений с инвентарем, т. е. эти люди были похоронены вместе с полноправными членами общины. Нельзя исключать и того, что это погребения детей, умерших в раннем возрасте, и в эти погребения в соответствии с определенными нормами не полагалось помещать сопровождающий инвентарь. Вопрос о безынвентарных погребениях и комплексах с «невыразительным» инвентарем остается открытым, поскольку для обоснованных выводов у нас недостаточно исходной информации.

Сравнение результатов полученной социальной дифференциации трупосожжений Северо-Западного Кавказа хазарского периода с погребениями аланских могильников Центрального Кавказа и захоронений донских алан позволяет выявить как общие закономерности, так и специфику социальных процессов, протекавших в обществе носителей обряда трупосожжения. Выделенная двухранговая структура мужского населения обнаруживает общие черты с мужскими погребениями из могильников донских алан. На основе анализа катакомбных погребений Верхнесалтовского и Дмитриевского некрополей Г.Е. Афанасьевым выделено два ранга мужских захоронений, основой разделения которых, как

и у носителей обряда трупосожжения, являлось место индивида в системе воинской организации (Афанасьев, 1993. С. 42).

В мужских погребениях из аланских катакомбных могильников Северного Кавказа: Песчанка, Архон и Тарский – выделяются три группы мужских захоронений, различающиеся по степени богатства погребального инвентаря (рис. 106, *2*; 107, *1, 2*) (Коробов, 2003. С. 271–272. Рис. 110, 112, 114). В аланских погребениях Северного Кавказа и у донских алан показателем наиболее богатых погребений являются предметы конского снаряжения. Так, погребения первого ранга Верхнесалтовского могильника и комплексы группы I Тарского некрополя маркируются конским снаряжением, сходная ситуация прослеживается и на примере рассматриваемых нами памятников.

Наиболее богатые мужские погребения у носителей обряда трупосожжения выделяются наличием в сопутствующем погребальном инвентаре конского начельника и других предметов парадного конского убранства. Подобная ситуация была выявлена Г.Е. Афанасьевым в погребениях алан с территории Среднего Дона VIII – начала X в., в этих комплексах начельник являлся маркером высшей группы первого ранга, интерпретируемых исследователем как погребения сотников (Афанасьев, 1993. С. 141).

Как и в погребениях донских алан, весьма показательным при определении социального статуса мужчин является наличие в погребении поясного набора. Детали поясных наборов обнаружены всего в 12 погребениях из всей анализируемой выборки, при этом только в одном погребении из комплексов, относящихся к первому рангу, пояс находился вместе с конским начельником. Как и в аланских некрополях VIII–IX вв., мужские погребения, совершенные по обряду кремации, достаточно четко разделяются в зависимости от наличия/отсутствия поясов, и погребения с поясами чаще сопровождаются более богатым инвентарем (Коробов, 2003.

С. 281). К сожалению, предположение В.С. Флерова и Г.Е. Афанасьева о том, что поясной набор являлся скорее атрибутом принадлежности к взрослой части мужского населения, а не воинским символом (Афанасьев, 1993а. С. 141; Флеров, 1990. С. 85), по материалам могильников с трупосожжениями мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть по причине отсутствия надежных антропологических определений.

Основные выявленные различия между кремационными погребениями и захоронениями донских и северокавказских алан прослеживаются в составе и группировке вещевых наборов, а также в предметах, в наибольшей степени подчеркивающих социальный статус погребенных. Такие предметы, как сабля, топор, наконечники стрел, были самыми показательными при определении социального статуса в захоронениях донских и северокавказских алан. Они характерны для погребений высших рангов, тогда как в рассматриваемых нами комплексах подобные вещи обнаружены в комплексах обоих рангов. Нередко погребения сопровождались только саблей и набором наконечников стрел – это позволяет предположить, что сабля была обязательным атрибутом вооружения всех рангов и не может служить надежным маркером при определении социального статуса. Это утверждение касается и боевого топора.

Перейдем к исследованию женской выборки, она представлена 114 комплексами, анализируемыми по 16 признаками. После проведения факторного анализа была получена факторная матрица, где выделяется шесть факторов с сильными связями между признаками (рис. 108, *1, 2*):

– фактор 1 (имеет собственное значение 3,0): бубенчик, цепочка и браслет;

– фактор 2 (1,7): пряслице, подвеска, перстень, серьги и пинцет;

– фактор 3 (1,5): ножницы и шило;

– фактор 4 (1,3): копоушка и ногтечистка;

– фактор 5 (1,2): нож и фибула;

– фактор 6 (0,9): пуговица и перстень.

Как мы видим, наиболее весомыми являются факторы 1 и 2 (предметы, формирующие данные факторы, имеют положительные ковариационные связи между собой), и, по-видимому, именно они оказывали влияние на формирование женского погребального набора.

Перейдем к кластерному анализу женских погребений. С использованием анализируемых признаков нами была составлена соответствующая дендрограмма (рис. 109, *1, 2*). На уровне 8,0 ствол дендрограммы разделяется на две ветви, далее, на уровне 5,0–6,0, происходит разделение на три больших кластера.

Кластер I формируется ножом, бубенчиком, цепочкой, фибулой и перстнем, объединенными связью до 5,5. Следует обратить внимание, что данный фактор частично формируется предметами, наполняющими наиболее сильные факторы 1 и 2.

Кластер II получился довольно разветвленным, он формируется ножницами, пуговицей, пинцетом, копоушкой, ногтечисткой, пряслицем, шилом и подвеской, объединенными связью до 5,0. Кластер II может быть разделен на два подкластера: подкластер II-А объединяет ножницы, шило и пряслице; подкластер II-Б включает в себя пинцет, ногтечистку, копоушку и подвеску.

Кластер III связывает только два предмета – браслет и бусы, объединенных между собой связью до 6,0.

Кластер I объединяет 62 погребения, в кластер II входят 43 комплекса и в кластер III – девять захоронений (рис.).

В полученной схеме дифференциации комплексов обращает на себя внимание кластер I, сформированный предметами, которые были найдены и в мужских захоронениях. Захоронения с этими вещами анализировались нами в женской выборке, так как в них отсутствовали доминирующие

«мужские» признаки (предметы снаряжения лошади и оружия); несмотря на это, степень условности при определении этих комплексов как «женских» высока. По всем полученным данным, наиболее «женскими» выглядят кластеры II и III.

Группировка женских захоронений не позволяет уверенно разделить все анализируемые комплексы на четко интерпретируемые группы. Данные многомерного статистического анализа демонстрируют разделение погребений на некие ранги в зависимости от богатства набора погребального инвентаря. Так, кластер III объединяет предметы, чаще всего встречающиеся в женских комлексах. Кластер II характеризует женские погребения с более разнообразным вещевым набором. Следует отметить, что в захоронениях женщин отсутствуют вещи, которые можно было бы уверенно считать маркером более высокого социального положения индивидуума. Все анализируемые признаки (вещи) довольно однородны. К сожалению, имеющиеся у нас данные не позволяют судить о том, чтó определяло принадлежность женщины к той или иной группе – был ли это фактор брачности или возрастной фактор, или они могли обладать каким-то статусом, получаемым при рождении. Отсутствие возрастных определений индивидуумов исключает возможность изучения группировки женских комплексов в зависимости от возраста погребенной.

Проведенный анализ демонстрирует условность деления женских погребений на социальные группы. Однако полученная информация позволяет аргументировать тезис об однородности погребального обряда и сопровождающего инвентаря, присущего женской половине населения Северо-Западного Кавказа в хазарский период. По всей видимости, женское население являлось однородным в социальном плане.

При сопоставлении данных женских погребений из кремационных могильников на Северо-Западном Кавказе с материалами катакомбных аланских могильников сходство наблюдается только в составе вещевых

комплексов, формируемых предметами украшений и туалетными принадлежностями. Однако необходимо отметить и разницу в вещевом наборе, маркирующем женские комплексы. В катакомбных женских погребениях Верхнесалтовского и Дмитриевского могильников, в могильниках северокавказских алан яркими признаками женских захоронений являются амулеты, зеркала и «рогатые» пряжки (Афанасьев, 1993. С. 42; Коробов, 2003. С. 255), полностью отсутствующие в погребениях женщин на Северо-Западном Кавказе.

Рассматриваемые нами исходные данные не позволяют проследить корреляционную зависимость между размерными характеристиками погребального сооружения, как это было сделано Г.Е. Афанасьевым по материалам Дмитриевского и Верхнесалтовского могильников (Афанасьев, 1993. С. 49). Отсутствие антропологических определений не позволяет выявить зависимость социального статуса женщины от социального статуса мужчины, которая была обнаружена на материале из коллективных аланских катакомб. В верхнесалтовских катакомбах между рангом женщин и фактом их совместного погребения с мужчинами практически нет никакой зависимости (Афанасьев, 1993. С. 50).

В кремационных некрополях социальный статус женщин прослеживается слабо, как и в погребениях алан на Северном Кавказе (рис. 110, *1, 2*). Это отличает рассматриваемые нами захоронения от погребений Верхнесалтовской общины, население которой в социальном плане было более дифференцированно (Афанасьев, 1993. С. 50).

Предприняв попытку анализа социальной дифференциации кремационных погребений хазарского периода, какие основные выводы мы можем сделать? В первую очередь необходимо отметить, что анализируемый материал является сложноинтерпретируемым. Одна из главных сложностей при работе с ним – это отсутствие антропологических определений костных

материалов, поэтому большинство полученных данных носят в значительной степени условный характер.

Выделение двухранговой общественной системы мужского населения выглядит довольно органично. По поводу высокого социального статуса некоторых мужских захоронений сомнений не возникает (к примеру, погребение № 25 Молдовановского могильника). Это отражается в наборе инвентаря, сопровождающего подобные комплексы. Остальные погребения обоих рангов, с вещами более рядового характера (общераспространенные предметы воинского снаряжения и конской упряжи), возможно, и несут определенную социальную информацию, однако данных для ее извлечения у нас пока недостаточно. Инвентарный контекст проанализированных комплексов позволил разделить всю изучаемую выборку на два ранга, однако основа разделения – система воинской организации – не позволяет с высокой степенью уверенности реконструировать социальные процессы, происходившие между представителями этих двух рангов.

Помимо этого, среди всего массива захоронений известны безынвентарные комплексы, которые могли принадлежать как мужчинам, так и женщинам, т. е. это не воины, а, вероятно, рядовые общинники.

Изучение выборки мужских захоронений приводит нас к другому важному выводу: по-видимому, бóльшая часть мужского населения составляла войско, что являлось главной обязанностью и правом мужчин. Подобная ситуация, по этнографическим материалам, относится к пережиткам военной демократии (Коробов, 2003. С. 281). Предположительно все войско находилось примерно на одном социальном уровне, однако, при всей однородности, наблюдается выделение специфических погребений воинов, сопровождаемых полным набором вооружения, конской упряжью, поясными наборами, которые могут быть интерпретированы как захоронения знатных мужчин. И совсем небольшое количество комплексов с начельниками отражает появление людей, которые могли являться военными

вождями, но данный статус являлся не наследственным, а приобретенным. Возможно, продвижению определенного индивида на более высокую социальную роль способствовали прежде всего его личные качества как воина. Сходная ситуация прослежена Д.С. Коробовым по материалам аланских могильников (Коробов, 2003. С. 281).

Анализ женских погребений позволяет предположительно говорить об их социальной однородности, поскольку социальный статус женщин прослеживается слабо. В нашем случае разделение женских комплексов произошло только по степени «богатства» погребального набора. Данный аспект не позволяет говорить об уровне социальной дифференциации женского населения Северо-Западного Кавказа, поскольку мы не смогли проследить, на основе какой системы происходило распределение инвентаря в погребениях. Как и в захоронениях северокавказских алан, на наличие в погребениях вещей – маркеров более высокого статуса могли влиять различные обстоятельства смерти, происхождение, наличие богатых родственников и т.п. Как отмечает Д.С. Коробов, отражение в инвентаре женских погребений богатства, а не социального статуса отмечается и по материалам других варварских обществ. Это явление по-разному интерпретировалось – Дж. Шеппард, например, считал, что степень богатства погребений женщин отражает личное положение последних в обществе, другие исследователи связывают социальный статус женщин со статусом их мужей (Коробов, 2003. С. 282). В нашем случае ни одна из описанных ситуаций не может быть принята или опровергнута.

Следующим этапом явилось изучение социальной стратификации некрополей X–XII вв Для исследования погребений указанного хронологического пласта методами многомерного статистического анализа были отобраны комплексы из могильников Ленинохабль, Черноклен и Циплиевский Кут.

Для изучения социальной стратификации в среде мужского населения была составлена выборка из 55 погребений, из них девять комплексов из некрополя Ленинохабль, 20 из могильника Черноклен и 26 из некрополя Циплиевский Кут.

При отборе признаков в первую очередь учитывался вещевой набор, для мужских погребений его основу составляют предметы вооружения и конского снаряжения. В отличие от предшествующего (хазарского) периода положительную связь с «мужским» инвентарем демонстрирует такая черта погребального обряда, как ритуальное сопровождающее погребение лошади.

Женская выборка анализируется по девяти признакам и состоит из 52 комплексов, из них 22 погребения из могильника Черноклен, 19 из некрополя Циплиевский Кут и 11 из могильника Ленинохабль. Поскольку, как и в мужских захоронениях, пол определялся исключительно на основе инвентарного контекста каждого комплекса, это добавляет проводимому исследованию значительный процент условности.

Таким образом, анализ имущественной дифференциации захоронений будет осуществляться по приведенным в таблице признакам, которые имеют положительную связь с мужскими и женскими погребениями и встречались в комплексах минимум два раза.

Таблица 4. Список признаков, используемых для изучения социальной стратификации погребений печенежско-половецкого периода (грунтовые погребения X–XII вв.)

№ п/п	Мужчины	Женщины
1	Погребение коня	Нож
2	Узда	Пряслице
3	Стремя	Пуговица
4	Удила	Бубенчик
5	Наконечники стрел	Цепочка

6	Сабля	Подвеска
7	Сабельная гарнитура	Бусы
8	Ножны	Браслет
9	Копье	Серьга
10	Нож	–
11	Оселок	–
12	Сосуд-приставка	–

Для решения вопроса о взаимосвязи анализируемых признаков из погребений мужчин была составлена факторная матрица. В итоге удалось выделить пять факторов с достаточно сильной связью между признаками (рис. 111, *1, 2*):

– фактор 1 (имеет собственное значение 3,5): узда, стремена, удила и погребение коня;

– фактор 2 (1,6): сабля, предметы сабельной гарнитуры и ножны;

– фактор 3 (1,4) оказался слабозагруженным и формируется только дополнительным сосудом, сопровождающим погребальную урну;

– фактор 4 (1,2): наконечник копья и нож;

– фактор 5 (1,1): наконечники стрел и оселок.

Таким образом, наиболее сильными в исследуемой выборке являются факторы 1 и 2, однако для исследования социальной дифференциации мы будем использовать все пять факторов, поскольку все они имеют достаточно высокое собственное значение.

С использованием анализируемых признаков была осуществлена кластеризация мужских погребений. Итогом кластерного анализа явилось разделение всей выборки на два больших кластера (рис. 112, *1, 2*).

Кластер I формируется стременами, удилами, деталями узды, наличием конского погребения, копьем, оселком и керамическим сосудом.

Следует обратить внимание, что для данного кластера характерно исключительное влияние предметов из наиболее сильного фактора 1.

Кластер II формируется наконечниками стрел, ножом, саблей, деталями сабельной гарнитуры и ножен. Для данной группы характерно полное отсутствие влияния фактора 1 и, напротив, весомое влияние фактора 2 (вторая по силе группа признаков).

Таким образом, на основе кластерного анализа 55 мужских погребений грунтовых некрополей X–XII вв. мы можем говорить о возможности выделения двух общественных рангов, в основе которых, как и в погребениях хазарского периода, лежит место умерших в системе военной организации.

К кластеру I относится всего девять погребений, сопровождаемых захоронениями лошадей и набором конского снаряжения, остальные 46 комплексов объединены в кластер II (рис. 112, *2*).

Ранг 1 соответствует кластеру I: конные воины, погребенные с набором вооружения и конской упряжи, в сопровождении ритуального конского погребения (рис. 113).

Ранг 2 соответствует кластеру II: воины, похороненные с саблей, предметами стрелкового оружия и копьями (рис. 114).

Полученные материалы показывают, что в исследуемом хронологическом срезе погребений, относимых к первому рангу, немного – всего девять комплексов. Остальные погребения относятся ко второму рангу. Погребения первого ранга (всаднические) по сопровождающему инвентарю выглядят довольно однородно. Из всего синхронного материала погребений выделяется только богатый кенотаф из Андреевской Щели, комплекс сопровождался богатым набором конской упряжи, включая седло, украшения уздечки и конский начельник, полный набор вооружения вместе со шлемом и кольчугой.

Захоронения второго ранга выглядят очень однородно – все они сопровождались сходным набором погребального инвентаря, главной особенностью которого является полное отсутствие предметов, подчеркивающих всаднический статус погребенного. Основными составляющими погребального набора захоронений являлись сабля и наконечники стрел. По-видимому, здесь мы видим ту же ситуацию, что и в захоронениях второго ранга VIII–IX вв. Рассматриваемые комплексы могли принадлежать более социально низкому слою всадников (по отношению к погребениям первого ранга).

Сопоставление мужских погребений X–XII вв. с материалами из комплексов VIII–IX вв. позволяет выделить как общие закономерности развития, так и новые специфические черты. Как и в мужских захоронениях хазарского периода, рассматриваемые погребения распадаются на два ранга. По-прежнему погребения более высокого социального статуса представляют собой погребения воинов-всадников. В относимых к этому рангу комплексах происходят важные изменения, проявившиеся в распространении традиции сопровождать человеческое погребение ритуальным захоронением лошади, что может являться важным маркером социального положения умершего человека в сравнении с погребениями второго ранга.

Малочисленность таких комплексов дает основание предполагать, что они принадлежали представителям самого высокого социального слоя, поскольку лошадь и находящееся при ней снаряжение стоили дорого и были доступны далеко не всем. Среди всех рассматриваемых захоронений, связанных с воинами-всадниками, только одно можно выделить как наиболее богатое – это кенотаф из могильника Андреевская Щель (рис. 113, *1*). Все обнаруженные в указанном комплексе вещи могут свидетельствовать о том, что здесь был захоронен знатный воин. Комплекс из Андреевской Щели демонстрирует развитие тенденции выделения знатных воинов, зафиксированной на примере мужских захоронений предшествующего этапа.

В мужских погребениях X–XII вв. в наборе сопровождающего инвентаря появляются новые элементы, являющиеся маркерами социальной дифференциации. Полностью исчезают поясные наборы, распространенные в погребениях первого ранга в хазарский период. Для захоронений обоих рангов становятся нехарактерными боевые топоры и сокращается количество копий, малочисленными становятся предметы защитного вооружения.

Социальная структура населения Северо-Западного Кавказа, реконструируемая по материалам кремационных некрополей, может быть сопоставлена с социальной структурой кочевнического общества X–XI вв. Кочевнические погребения также разделяются на несколько рангов в зависимости от места индивида в системе воинской организации общества. Основное сходство прослеживается в наличии погребений, сопровождаемых захоронением лошади. Бóльшая часть захоронений первого ранга кремационных некрополей сходна с кочевническими всадническими комплексами, сопровождаемыми конским снаряжением, рубящим оружием и оружием дистанционного боя (Атавин, 2008. С. 83). Следует отметить, что все три социальных ранга мужчин, выделенных А.Г. Атавиным по материалам кочевнических комплексов, являются захоронениями воинов-всадников, различающихся между собой по набору вооружения. Маркером социального статуса в них выступают предметы вооружения: чем их больше, тем выше был статус похороненного индивида, тогда как конское снаряжение обязательно для всех комплексов (Атавин, 2008. С. 83–82).

Иную картину мы наблюдаем, анализируя материалы из трупосожжений, здесь показателем более высокого социального статуса являются именно предметы конского снаряжения и только некоторые виды вооружения (шлем, кольчуга). Важным отличием изучаемых трупосожжений от погребений кочевников является наличие воинов, захоронения которых маркируются рубящим оружием, луком и стрелами, в этих погребениях отсутствуют явные маркеры всаднического статуса умершего.

Определенные параллели в социльной дифференциации мужских комплексов X-XII вв. из некрополей с трупосожжениями мы находим в общественном строе аланского объщества домонгольского периода. У алан мужчины также похоронены в сопровождении предметов вооружения и конского снаряжения и уже от степени «наполненности» захоронений различными категориями погребального инвентаря С.Н. Савенко были выделены 6 групп населения. Группы I – IV являются погребениями воинов, среди которых выделяются зажиточные всадники (группа I); средний слой всадничества (группа II); младший слой всадничества (группа III); пешие воины-общинники (группа IV) (Савенко, 1989. С, 16-17). Как и в погребениях Северо-Западного Кавказа, в аланских комплексах X-XII вв. показателем высокого социального положения индивида является наличие конского снаряжения и полного набора вооружения, это свидетельствует о пристижности военной деятельности в общественной жизни алан.

Проведенная социально-имущественная дифференциация комплексов X–XII вв. позволяет сделать следующие выводы. Выделенные два ранга мужских комплексов выглядят достаточно четко очерченными. Для всего анализируемого массива погребений этого времени прослеживается сходный с хазарский периодом набор маркеров социального положения умерших, за исключением некоторых вещей.

В сравнении с предшествующим этапом прослеживается более четкое оформление захоронений первого ранга, маркируемых захоронениями лошадей, однако бросается в глаза их малочисленность. Что же кроется за этим? Не исключено, что это была именно военная элита, однако инвентарный контекст большей части комплексов с ритуальным захоронением лошади не позволяет с достаточной уверенностью признать этот вывод единственно верным. Комплексы первого ранга выглядят достаточно однородно в социальном плане, и все же необходимо отметить

заметное сокращение, в сравнении с хазарским периодом, погребений, которые можно интерпретировать как всаднические.

Основная же масса погребений это временно́го отрезка, отнесенная нами ко второму рангу, демонстрирует социальную однородность.

Как и для погребений предшествующего периода, за рамками исследования остались полностью безынвентарные комплексы и захоронения с «невыразительным» инвентарем. Для ответа на вопрос, какое место в социальной системе общества занимали эти люди, имеющихся у нас данных недостаточно.

Перейдем к рассмотрению женских погребений. Для выяснения связи между анализируемыми признаками была составлена факторная матрица, в которой выделяется четыре фактора с наибольшим собственным значением (рис. 115, *1*, *2*):

– фактор 1 (имеет собственное значение 1,9): браслет, серьга и нож;

– фактор 2 (1,5): бубенчик и цепочка;

– фактор 3 (1,2): пряслице и пуговица;

– фактор 4 (1,1) оказался слабозагруженным, к нему относятся только бусы.

Полученные результаты показывают, что наиболее значимыми являются первые три фактора, но, поскольку ни один из анализируемых признаков не получил отрицательной факторной нагрузки во всех факторах, правомерным будет использовать в кластерном анализе все признаки.

Методом кластерного анализа анализируемая группа женских погребений разделена на две группы (рис. 116).

Кластер I достаточно разветвленный, в него входят цепочка, бусы, бубенчик, пуговица, браслет и шило. Он характеризуется абсолютным влиянием факторов 2, 3 и 4 и слабым влиянием фактора 1.

По составу входящих в него предметов кластер I разделяется на две ветви. Подкластер I-А включает в себя шило, цепочку и бусы. Подкластер I-Б объединяет пуговицу, бубенчик и браслет.

Кластер II объединяет всего два предмета – нож и серьгу и характеризуется абсолютным влиянием наиболее сильного фактора 1.

Представленная группировка женских трупосожжений позволяет говорить о разделении всех анализируемых комплексов только по степени наполненности их различными предметами сопровождающего инвентаря. Кластер II объединяет вещи, которые чаще всего встречаются в анализируемой выборке, а предметы, вошедшие в кластер I, встречаются реже. Мы не можем ответить на вопрос, что лежит в основе разделения женских комплексов на некие группы. Среди анализируемого инвентаря женских погребений отсутствуют вещи, которые могут быть интерпретированы как маркер более высокого социального статуса умершей. Все используемые признаки выглядят в значительной степени однородно, а разделение на кластеры происходит только по степени наполненности погребений теми или иными предметами, поэтому социальная стратификация женской части общества прослеживается недостаточно четко.

Сопоставление результатов кластеризации женских погребений X–XII вв. из грунтовых некрополей с комплексами предшествующего времени подтверждает вывод об однородности женской части населения Северо-Западного Кавказа. Как и в кремациях хазарского периода, женским комплексам X–XII вв. присуще разделение только по степени наполнения различными категориями погребального инвентаря, это наглядно демонстрируют результаты кластеризации погребений. Однако не представляется возможным выявить основу такого разделения. Отсутствие определимых маркеров социального статуса не позволяет идентифицировать наиболее знатных женщин. В свою очередь, отсутствие коллективных захоронений не дает проследить взаимосвязь между женскими и мужскими

погребениями. Как и на протяжении предшествующего этапа, основа женского вещевого набора состоит из сходных категорий сопровождающего инвентаря. Но следует отметить и различия. В сравнении с комплексами хазарского времени набор погребального инвентаря становится более упрощенным – в частности, полностью исчезают туалетные принадлежности (ногтечистки, копоушки и пинцеты).

Сравнение женских трупосожжений Северо-Западного Кавказа с кочевническими комплексами наглядно демонстрирует существенное расхождение между ними. Так, в рассматриваемых нами погребениях не зафиксированы предметы конского снаряжения и сопровождающего захоронения лошади[5]. Указанные признаки были характерны для первых двух групп, выделенных А.Г. Атавиным (Атавин, 2008. С. 84).

В целом женские трупосожжения X–XII вв. демонстрируют значительно бóльшую однородность в сравнении с кочевническими захоронениями женщин, где прослеживается разделение на богатые комплексы (с конской сбруей и разнообразным набором украшений) и бедные (без инвентаря или с его минимумом) (Атавин, 2008. С. 86).

Следующим этапом исследования стало изучение социальной стратификации подкурганных трупосожжений конца XII – XIII в. Для этого были отобраны комплексы из могильников Чайка, на г. Сапун, Кабардинка и Кедровая роща, Цемдолинский, Шебш 1 и 2, Шизе IV. Для изучения социальной стратификации в среде мужского населения были отобраны данные, содержащие информацию о 115 погребальных комплексах. Из них два из некрополя Чайка, шесть из могильника на г. Сапун, 17 из могильника Кабардинка (Кедровая роща), 17 из могильника Шебш-1, 56 из некрополя Шебш-2, из Цемдолинского могильника учтено девять погребений и восемь кремаций из некрополя Шизе IV.

[5] Данный вывод носит весьма спорный характер из-за отсутствия антропологических определений для анализируемого массива погребений.

При отборе признаков в первую очередь учитывались предметы погребального инвентаря. Так же как и в грунтовых кремациях X–XII вв., положительную связь с мужскими захоронениями демонстрируют ритуальные сопроводительные комплексы. В рассматриваемый период они представлены двумя видами: ритуальное захоронение лошади, сопровождаемое разнообразными составляющими материальной культуры, и отдельная яма с набором конского снаряжения и предметами вооружения без костяка лошади.

Следует отметить, что в подкурганных кремациях, получают распространение импортные предметы (стеклянные сосуды и амфоры), которые также учитывались нами при изучении социальной дифференциации.

Таким образом, наш социологический анализ мужских подкурганных погребений проводился по 18 признакам, которые ассоциируются с мужскими комплексами и встречаются более двух раз.

Женская выборка состоит из 35 комплексов, из них два захоронения их могильника Чайка, семь из некрополя на г. Сапун, шесть из могильника Кабардинка (Кедровая роща), два из могильника Шебш-1 и 11 из некрополя Шебш-2, пять комплексов из Цемдолинского некрополя и один из могильника Шизе IV (табл. 5). В представленной выборке для погребений из могильников Кедровая роща и Шизе IV выполнены антропологические определения, захоронения из остальных памятников определялись только на основе инвентарного контекста. Список признаков для исследования выборки методами многомерной статистики состоит из 11 наименований.

Таблица 5. Список признаков, используемых для изучения социальной стратификации подкурганных погребений конца XII – XIII в.

№ п/п	Мужчины	Женщины
1	Сопровождающее захоронение	Нож
2	Начельник	Шило
3	Детали оголовья	Пряслице
4	Седло	Кресало
5	Стремя	Пуговица
6	Удила	Бубенчик
7	Лук	Цепочка
8	Колчан	Бусы
9	Наконечники стрел	Браслет
10	Сабля	Амфора
11	Шлем	Серьга
12	Кольчуга	–
13	Ножны	–
14	Нож	–
15	Серп	–
16	Оселок	–
17	Амфора	–
18	Стеклянный сосуд	–

На первом этапе, для определения взаимосвязи между рассматриваемыми признаками мужских комплексов использовался факторный анализ. В итоге была получена факторная матрица, в которой выделяется семь факторов с высоким собственным значением (рис. 117, 118):

– фактор 1 (имеет собственное значение 3,2): стремена, наконечник стрелы, сабля и серп;

– фактор 2 (2,4): сопровождающее захоронение, удила и колчан;

– фактор 3 (1,6): нож, оселок и амфора;

– фактор 4 (1,4): детали узды, седло, лук и стеклянный сосуд;

– фактор 5 (1,35) оказался слабозагруженным и включает только ножны;

– фактор 6 (1,2): шлем и кольчуга;

– фактор 7 (1,1): начельник.

Таким образом, в результате факторного анализа выделилось четыре фактора с наиболее высоким собственным значением. Остальные три фактора оказались слабозагруженными, однако значения веса признаков, которые нагружают факторы 5–7, довольно высокие, поэтому их также целесообразно использовать для социологического дифференцирования изучаемых погребальных комплексов.

Перейдем к изучению мужских погребений методом кластерного анализа. Была построена дендрограмма, объединившая анализируемые признаки в три кластера (рис. 119).

Кластер I состоит из ножа, деталей сабельных ножен и колчана. На формирование этого кластера оказывают частичное влияние вещи из сильных факторов 2 и 3, а также слабозагруженный фактор 5.

Кластер II наиболее разветвленный, на его формирование полностью влияет сильный фактор 4, частично фактор 3, а также фактор 6.

В рассматриваемом кластере уверенно выделяются два подкластра. Подкластер II-А включает конский начельник, седло, лук, кольчуга и шлем, подкластер II-Б – предметы узды, стеклянный сосуд, оселок и амфору.

Кластер III формируется комплексами со стременами, удилами, саблей, наконечниками стрел и серпом. На этот кластер основное влияние оказывает наиболее сильный фактор 1.

Результаты кластерного анализа 115 мужских погребений из подкурганных кремационных погребений позволяет выделить три ранга

мужского населения на основании места умерших в системе воинской организации общества.

Ранг 1 соответствует кластеру II, это воины-всадники с наиболее полным набором вооружения и снаряжения коня, сопровождаемые ритуальным захоронением лошади и редко встречаемыми предметами вещевого комплекса: седлом, луком, богатыми украшениями уздечки, шлемом и кольчугой, импортными стеклянными сосудами, в исключительных случаях конским начельником (рис. 121).

Ранг 2 соотносится с кластером III, это средний слой воинов-всадников, предположительно легкая конница, без защитного вооружения, вооруженная рубящим оружием, луком и стрелами. Конская упряжь в значительной степени носит утилитарный характер (рис. 122, *1*).

Ранг 3 соотносится с кластером I, это воины, вооруженные рубящим и стрелковым оружием, в погребениях не выявлено предметов позволяющих усеренно утверждать о всадническом статусе умершего (рис. 122, *2*).

Проведенная кластеризация погребальных комплексов позволяет с большой долей уверенности выделить два ранга мужских погребений, принадлежащих воинам-всадникам, и отметить аморфность погребений, соотносимых с рангом 3.

После сопоставления полученных данных с результатами социальной стратификации мужских погребений предшествующего этапа можно говорить об изменениях, произошедших в течение XIII столетия.

Происходит углубление дифференциации всаднических погребений и заметное увлечение их количества. Среди всей массы погребений всадников, относящихся к третьему хронологическому этапу, мы уверенно можем выделить комплексы, принадлежащие своеобразной воинской элите. Их маркирует наиболее полный набор вооружения и конской упряжи, а также предметы импортного производства (стеклянные сосуды). Захоронения, относящиеся к подкластеру II-А, предположительно могут быть

интерпретированы как погребения, связанные с наиболее знатными воинами, на что указывают находки конских начельников. В остальной массе большинство всаднических погребений выглядит достаточно однородно и маркируется устойчивым набором вооружения и предметами конского снаряжения.

В основе дифференциации мужских захоронений лежит система воинской организации общества. При сопоставлении анализируемых материалов с грунтовыми трупосожжениями X–XII вв. в материальной культуре прослеживаются общие черты, позволяющие выделить наиболее элитарные воинские комплексы. Иными словами, в мужских комплексах обоих хронологических этапов наблюдается сходный набор маркеров социального статуса умерших. Однако по материалам подкурганных трупосожжений довольно четко выделяется именно группа воинской элиты, что наглядно продемонстрировал кластерный анализ.

Важным отличием подкурганных трупосожжений от грунтовых является сокращение числа погребений, инвентарь которых позволяет связывать их с пешими воинами. Можно предположительно говорить об определенной смене воинской системы в обществе. Происходит заметное возрастание роли всадников. И если основная масса мужских погребений X–XII вв. принадлежала воинам без подчеркнутого всаднического статуса, то подкурганные трупосожжения демонстрируют динамику развития конницы и постепенное углубление процессов дифференциации внутри нее. Такие изменения не могли не затрагивать племена, расположенные в зоне контакта с левобережьем нижнего течения р. Кубань.

Какие причины могли привести к изменению структуры военной организации на Северо-Западном Кавказе? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к народам, граничившим с территорией Северо-Западного Кавказа, с одной стороны, и носителям обряда трупосожжения – с другой. В течение всего рассматриваемого периода (конец XII – XIII в.) носители

обряда кремации соседствовали с кочевыми племенами, проживавшими в степях на правобережье Кубани, а в середине – второй половине XIII в кочевники фиксируются уже в среде закубанского населения. Структура кочевнического общества на примере половецких погребений была проанализирована А.Г. Атавиным (Атавин, 2008). Исследователь выделил четыре класса воинских погребений, на их основе определены три основные группы, на которые делилось войско: тяжеловооруженная конница с металлическим защитным вооружением и полным набором оружия (группа I); более легкая конница без защитного вооружения с полным набором оружия (группа II); легкая конница, вооруженная только луком и стрелами, редко саблями (группа III) (рис. 120). Атавин подчеркивает, что выделенная им структура отражает только военную организацию, а не социальную дифференциацию (Атавин, 2008. С. 94).

При сопоставлении полученных нами результатов кластеризации мужских подкурганных трупосожжений со структурой кочевнических мужских погребений прослеживается их большое сходство. Так, выделенные нами ранги 1 и 2 полностью соотносятся с группами I и II кочевнических захоронений. Кремационные погребения, отнесенные к рангу 2 (легкая конница), близки группе III, выделенной Атавиным. Безусловно, между сравниваемыми группами погребений прослеживаются и различия. В мужских трупосожжениях первого ранга неизвестны комплексы с полным набором предметов защитного металлического вооружения (включая наручи и поножи). В погребениях кочевников не найдены конские начельники, которые в кремационных захоронениях являются маркерами наиболее знатных воинов. Однако, опуская все частности, мы видим, что воинская организация кочевнического общества и общества носителей обряда трупосожжения сопоставима. Исключение составляют только мужские кремационные погребения без сопровождающей конской упряжи или иных черт обряда, подчеркивающих всаднический статус умершего.

Разделив мужские погребения кочевников на три группы, А.Г. Атавин считал, что такое деление отражает только военную организацию общества и не связано с его социальной структурой (Атавин, 2008. С. 94). Однако с этой точкой зрения можно поспорить. В общественной структуре донских алан прослеживается деление мужских погребений на имущественные ранги, в основе которого лежит место в системе воинской организации. По мнению Г.Е. Афанасьева, именно этот критерий и отражает социальную структуру представителей алано-асского населения бассейна Среднего Дона (Афанасьев, 1993. С. 42, 45).

Как удалось установить на основе материалов из некрополей с трупосожжениями, в системе разделения мужских погребений на ранги также лежит место умершего в системе воинской организации, и это, на наш взгляд, отражало место человека в социальной среде. Это свидетельствует о высокой степени милитаризованности общества, а поэтому место, занимаемое индивидом в системе воинской организации, не могло не отражаться на занимаемом им месте в социальной структуре социума.

Представленные материалы позволяют предположить, что изменение структуры военной организации мужского населения Северо-Западного Кавказа происходило под влиянием кочевников. При каких обстоятельствах оказывалось это влияние, какова была его степень, вопрос трудноразрешимый в настоящее время и требующий привлечения более широкого круга источников. Можно предположить, что не последнюю роль в этом процессе сыграло монгольское нашествие и последующее за ним частичное изменение этнической карты племен Восточной Европы.

Перейдем к исследованию выборки женских погребений. На первом этапе все используемы признаки были подвержены факторному анализу. В итоге удалось выделить четыре наиболее сильных фактора (рис. 123, *1, 2*):

– фактор 1 (имеет собственное значение 2,95): браслет, пуговица и цепочка;

– фактор 2 (2,3): амфора, бубенчик, бусы и пряслице;

– фактор 3 (1,7): кресало;

– фактор 4 (1,3): шило, серьга и нож.

Таким образом, наиболее весомыми являются факторы 1, 2 и 4, фактор 3 оказался слабозагруженным.

С использованием анализируемых признаков была построена дендрограмма, состоящая из двух крупных кластеров (рис. 124, *1*, *2*).

Кластер I включает бусы, амфору, пряслице и бубенчик. Он сформирован исключительно под влиянием сильного фактора 2.

Кластер II объединяет шило, браслет, цепочку, пуговицу, кресало и серьги. Основное влияние на него оказывает наиболее сильный фактор 1, а также предметы из факторов 3 и 4. Рассматриваемый кластер уверенно разделяется на две ветви. Подкластер II-А, формируется шилом, браслетом и цепочкой, подкластер II-Б состоит из серег, пуговицы и кресала.

На отдельной ветви дендрограммы оказался единственный признак – нож. Мы не выделяем его в отдельную группу, поскольку он соотносится с наиболее слабым фактором 4. Ножи являлись принадлежностью и мужских и женских погребений, поэтому в нашем случае многомерный анализ доказывает незначительность данного признака при изучении социальной стратификации женских комплексов.

Таким образом, обработка женской выборки позволила выделить две группы погребений, разделенных по степени богатства погребального инвентаря. К сожалению, как и в женских погребениях двух предшествующих этапов, не удалось выявить, что лежит в основе наполнения комплексов теми или иными вещами. Следует отметить однородность предметов, встречающихся в женских погребениях, поэтому социальная структура женской части населения прослеживается нечетко. По-видимому, основная масса женщин была не дифференцируемой в социальном плане или же различия, имевшиеся в обществе, не нашли своего

отображения в погребальном обряде. В то же время не стоит забывать об условности нашего деления в силу отсутствия антропологических дефиниций анализируемых комплексов. Если допустить, что часть безынвентарных или слабо наполненных вещами погребений принадлежит женщинам, то анализируемая нами выборка может отражать наиболее богатые женские погребения, имеющие более высокий социальный ранг. Однако какой фактор лежит в основе такого ранжирования – фактор брачности, или наследственности, или возрастной фактор, проследить не удалось.

Сопоставление полученных результатов с данными предшествующего этапа (грунтовые погребения X–XII вв.) демонстрирует их большое сходство. Женские погребения обоих хронологических горизонтов объединены единым вещевым набором, состоящим из бытовых предметов, деталей одежды и украшений. Для женских погребений печенежско-половецкого культурно-исторического периода характерна однородность погребального инвентаря. Среди вещей из женских погребений отсутствуют предметы, которые могли бы исполнить роль надежного маркера более высокого социального ранга индивидуума. В целом кластерный анализ женских комплексов погребений X–XIII вв. не привел к четкому разделению на группы в зависимости от наличия специфических наборов инвентаря. Нам удалось зафиксировать только деление захоронений в зависимости от комплектности погребального инвентаря, что свидетельствует об относительном «богатстве» представительниц той или иной группы, но не об их функциональной роли в обществе.

Материалы из погребений не позволяют говорить о существовании каких-то специфических черт, присущих выделенным группам женского населения, как это было прослежено по материалам мужских захоронений.

При сопоставлении анализируемой выборки женских погребений с системой иерархии женщин из кочевнических комплексов выявляются важные отличия. В анализируемой нами выборке среди погребений женщин

отсутствуют захоронения женщин-всадниц, маркирующиеся предметами конского снаряжения и сопровождающими захоронениями лошадей. Среди всей массы женских захоронений кочевников процент подобных комплексов достаточно высок, из 35 погребений 14 сопровождались предметами конского снаряжения и захоронением лошади (по данным А.Г. Атавина) (рис. 125). По мнению Атавина, некоторые женщины-кочевницы принадлежали к воинскому сословию и занимали, подобно мужчинам, определенное место в системе воинской организации общества (Атавин, 2008. С. 95, 96). Следует отметить, что в свете новых данных, погребения женщин-всадниц с оружием, упоминаемых в работе А.Г. Атавина, в степях Предкавказья не выявлены. Можно назвать только одно женоское погребение, где были обнаружены два ромбовидных наконечника стрел. Возможно эти стрелы не были предназначены для боя, а использовались во время охоты. Поэтому данное погребение может быть отнесено к воинским лишь предположительно. В целом, можно констатировать, что выдвинутый С.А, Плетневой тезис о существовании у средневековых кочевников института «амазонства», в настоящее время не подтверждается (Чхаидзе, Дружинина, 2011. С. 129).

Наиболее близким классом женских кочевнических погребений, из выделенных А.Г. Атавиным, с материалами, представленными в нашей выборке является класс II. Это погребения без лошадей, снаряжения и поясной гарнитуры, сопровождаемые только украшениями, бытовыми предметами и туалетными принадлежностями (Атавин, 2008. С. 95).

На основании вышеизложенных аргументов можно заключить, что женское население Северо-Западного Кавказа в социальном плане было менее дифференцировано в сравнении с обществом кочевников.

Таким образом, исследуемые материалы из грунтовых и подкурганных кремационных могильников Северо-Западного Кавказа позволяют сделать следующие выводы.

Как и трупосожжения предшествующего хазарского периода, исследуемый пласт захоронений является в значительной степени сложноинтерпретируемым материалом. В первую очередь это связано с отсутствием антропологических определений, что не позволяет включить в исследуемую выборку погребения с невыразительным вещевым набором и полностью безынвентарные комплексы.

На протяжении периода X–XIII вв. мужские погребения демонстрируют сходные черты в делении на общественные ранги. В основе стратификации лежит система воинской организации общества. Важным изменением в сравнении с хазарским периодом является распространение в погребениях более высокого ранга ритуальных захоронений лошадей в сопровождении конского снаряжения и предметов вооружения. В целом мужские захоронения (особенно из грунтовых погребений X–XII вв.) демонстрируют социальную однородность. Одновременно прослеживаются процессы выделения воинской верхушки, связываемой нами с захоронениями воинов-всадников, сопровождаемыми более представительным набором инвентаря. Несмотря на сходные маркеры социального статуса умерших мужчин во всех комплексах X–XIII вв., подкурганным погребениям свойственны новые тенденции развития.

По материалам подкураганных трупосожжений можно судить об определенных изменениях в воинской организации, что выразилось в увеличении числа погребений с подчеркнутым всадническим статусом умершего. Сопровождаемый всаднические захоронения инвентарь демонстрирует постепенное углубление процессов дифференциации внутри этой группы. Так, довольно отчетливо выделяются наиболее знатные воины, часть которых могла принадлежать военной элите. Однако, как и в некрополях хазарского этапа, социальный статус этих людей, скорее всего, был не наследственным, а приобретенным, и решающую роль здесь играли личные качества индивидов как воинов, поскольку институт наследования

социального статуса более характерен для общества с развитой системой социального ранжирования, к коему исследуемое нами население не относится.

Социальная стратификация захоронений мужчин демонстрирует довольно большое сходство с погребениями кочевников и северокавказских алан. Особенно ярко это прослеживается по материалам подкурганных кремаций конца XII – XIII в.

Социальный статус женщин прослеживается очень слабо. На протяжении X–XIII вв. женские комплексы сопровождались сходным набором инвентаря, составляющие которого не могут служить надежными маркерами более высокого социального положения индивида. Предположительно женское население было в значительной степени однородным. В целом, как и в предшествующий хазарский период, наблюдается деление женских погребений в зависимости от представленности единого набора инвентаря и количества его составляющих, однако что лежало в основе этого деления, нам установить не удалось.

В результате исследования социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа на примере некрополей с погребениями по обряду трупосожжения можно сделать следующие основные выводы.

К первому периоду, VIII–IX вв., относится весьма представительная выборка, объединяющая 241 комплекс. В мужских погребениях удалось выделить два общественных ранга, в основе разделения которых лежит система воинской организации общества. В мужских захоронениях весьма высок процент встречаемости предметов конского снаряжения (38%). Анализируя всю мужскую выборку, мы пришли к выводу, что на протяжении всего периода выделяются две группы захоронений – по сопровождающему их инвентарю. Первая группа (ранг 1) условно именуется нами погребениями воинов-всадников, вторая группа (ранг 2) связывается с мужчинами, которые

могли быть как всадниками (более низкого социального статуса в сравнении с захоронениями первого ранга), так и пешими воинами.

В первой группе выделяются комплексы, которые относятся, по-видимому, к воинской элите и маркируются предметами парадного конского убранства, наиболее полным набором вооружения, а также поясным набором. Погребения второй группы выглядят однородно.

Полученные нами данные вполне соотносятся с выводами о социальной структуре населения Закубанья, приводимыми в диссертационном исследовании Ф.К. Джигуновой. Исследовательница выделяет три группы мужского населения: 1) пешее войско; 2) всадники; 3) представители воинской верхушки (Джигунова, 2000. С. 136). На наш взгляд. такое деление не совсем верно, поскольку для выделения знатных воинов в отдельную группу, т. е. *социально-обособленную общественную структуру*, у нас недостаточно исходных данных.

Богатые погребения из могильников Дюрсо, Молдавановский, Казазово являются также захоронениями воинов-всадников, и насколько они отстояли в социальном плане от основной части конных воинов, судить сложно. Мы можем только выдвигать гипотезы о наметившейся тенденции обособления знатных воинов внутри всех погребений, относимых к первому рангу, и с большой долей условности говорить о том, что эти погребения принадлежали военным вождям. Более того, находящиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют нам проследить более основательно, какие именно функции мог выполнять индивид, чей высокий статус почеркнут в погребении. Выделенная структура мужского населения имеет сходные черты с аланскими обществами на Дону и Северном Кавказе.

Погребения X–XIII вв. разделяются на два хронологических отрезка: X–XII вв. и конец XII – XIII в.

Для мужских грунтовых кремационных погребений X–XII вв. нами выделено два общественных ранга, один из которых соотносится с воинами

без явных маркеров принадлежности к всадникам, а другой – с воинами-всадниками. Однако в сравнении с предшествующим этапом социальная структура мужского населения выглядит более аморфно. В основнм мы имеем дело с погребениями пеших воинов, тогда как доля всаднических комплексов заметно сокращается. Погребения, интерпретируемые как всаднические, видимо, относились к верхушке воинской организации общества в течение всего периода. Полученные выводы по периоду X–XII вв. носят в значительной степени условный характер из-за недостаточного количества исходного материала.

Для заключительного этапа (конец XII–XIII вв.) характерно появление новых тенденций в общественном развитии мужской части населения. Для этого периода выделено три ранга мужских захоронений. Два из них связано с воинами-всадниками, один ранг интерпретируется как погребения воинов более низкого в сравнении со всадническими комплексами второго ранга. По материалам могильников рассматриваемого периода в первую очередь фиксируется заметное увеличение погребений конных воинов. Прослеживается углубление процессов дифференциации этой части мужского населения. Можно уверенно говорить о выделении из всей массы погребений воинов-всадников наиболее представительных комплексов (ранг I), связанных, вероятно, с воинской элитой. Остальная часть мужских погребений выглядит в значительной степени однородно, для нее характерен унифицированный набор конского снаряжения и предметов вооружения.

Для всех могильников X–XIII вв. прослеживается ряд изменений в наборе погребального инвентаря, используемого как маркер социального статуса. В сравнении с погребениями хазарского этапа полностью пропадают поясные наборы, из предметов вооружения исчезают боевые топоры и заметно сокращается количество копий. Трупосожжения конца XII – XIII в. демонстрируют высокую степень сходства со структурой кочевого общества.

На протяжении всего исследуемого периода VIII–XIII вв. материалы из мужских кремационных погребений демонстрируют сходные тенденции в развитии социальной организации. Проведенный анализ свидетельствует о не очень активных процессах социальной дифференциации, проходивших в среде мужского населения. Значительная часть комплексов выглядит однородной в социальном плане. Для всех проанализированных мужских погребений VIII–XIII вв. характерна единая основа социального ранжирования комплексов – система воинской организации общества. Это свидетельствует о весьма высокой степени милитаризованности населения; по всей видимости, все мужское население представляло собой войско, сходная ситуация выявлена Д.С. Коробовым у северокавазских алан, прослеживается на многочисленных этнографических примерах и относится к пережиткам военной демократии (Коробов, 2003. С. 281).

При анализе погребений из грунтовых могильников VIII–IX вв. и X–XII вв. мы попробовали сопоставить планиграфию некрополей с местоположением в них наиболее выделяющихся комплексов (погребения первого ранга). Однако выявить те или иные особенности в расположении таких комплексов не удалось. Все захоронения располагались на одной площади могильника вперемешку с рядовыми погребениями и каких-то закономерностей или попыток создания специальных участков для погребения знатных людей не прослеживается.

Выделение наиболее престижных участков для погребений вождей на общих кладбищах, создание специальных погребальных комплексов для знати характерно для вождеств, тогда как число погребений выдающихся лиц в более эгалитаризированных, чем вождество, обществах, как правило, незначительно на общем фоне и топографически они не выделяются из погребального комплекса (Крадин, 1995. С. 39).

Женские погребения всех трех хронологических этапов выглядят в значительной степени однородно, и их социальный статус прослеживается

очень слабо. Ни для одного периода не удалось выделить признаки, которые могли бы отражать более высокий социальный статус индивида по отношению к остальной части женского населения. Основным различием женских комплексов является степень представленности погребального инвентаря. Вопрос, что могло влиять на факт отражения «богатства» в женских захоронениях, остался непроясненным. Перечень таких факторов может включать в себя фактор брачности, воплощенный в совместных погребениях с мужчинами; фактор социального статуса, получаемого при рождении (наследственный). К сожалению, современное состояние подвергаемого анализу источника не позволило высказаться в поддержку того или иного фактора.

Полученная картина социальной организации общества Северо-Западного Кавказа по материалам анализа погребений по обряду трупосожжения не может претендовать на исчерпывающую полноту выводов. Это обусловлено тем, что в исследуемую выборку не вошли погребения с невыразительным инвентарем и полностью безынвентарные комплексы, присутствующие в могильниках на протяжении всего периода бытования на изучаемой территории обряда трупосожжения. Невозможность провести половозрастную дифференциацию этих погребений возводит их в ранг неверифицируемого источника. Отраженное в литературе мнение о таких захоронениях как погребениях «зависимых» людей не может быть подтверждено или опровергнуто на нашем материале (Афанасьев, 1976. С. 165; Плетнева, 1967. С. 168). Учитывая низкую степень сохранности ряда некрополей, далеко не весь инвентарь мог дойти до нашего времени.

На протяжении всего времени бытования обряда кремирования умерших на Северо-Западном Кавказе безынвентарные погребения встречаются на одной территории некрополя «вперемешку» с другими погребениями, т. е. они были совершены с соблюдением основных норм погребального обряда, как для всех полноправных членов общины.

Рассмотренные материалы отражают в некоторой степени динамику развития социальной организации племен Северо-Западного Кавказа в VIII–IX вв. На протяжении первого периода VIII–IX вв. для исследуемого общества характерен умеренный уровень дифференциации, это прослеживается по данным мужских погребений, среди которых выделяются комплексы с весьма представительным инвентарем. Погребения женщин выглядят в значительной степени однородно. Следует отметить, что в хазарский период структура исследуемого общества демонстрирует общие черты с общественной структурой аланского населения Северного Кавказа и Дона.

В течение следующего этапа, X–XII вв., уровень социальной дифференциации несколько снижается и общество выглядит более однородным. С конца XII до конца XIII в. уровень социальной дифференциации заметно возрастает. По материалам мужских комплексов отчетливо выделяются захоронения наиболее знатных воинов, составлявших, по-видимому, верхушку общества. Женские же погребения по-прежнему демонстрируют социальную однородность. В организации исследуемого общества в этот период и общества средневековых кочевников много сходных черт.

В литературе неоднократно упоминалось о существовании феодализма на Северо-Западном Кавказе. По мнению ряда исследователей, феодальные отношения начали складываться еще в период раннего Средневековья; в частности, период IV–IX вв. характеризуется как стадия перехода к раннефеодальному *государству* (Аталиков, 1987. С. 25; Джигунова. С. 135; Голубев, 2010. С. 7). Существуют и более оригинальные точки зрения. В частности, В.И. Кумыков говорил о раннем феодализме у адыгов в IV–XV вв., а XVI–XVIII вв. охарактеризованы им как период феодальной раздробленности (Голубев, 2010. С. 14; Кумыков, 1969. С. 190).

Ссылаясь на данные о походе адыгского царя Бера на город Карс в 957 г., В.А. Тарабанов предположил, что поход мог возглавить «феодализирующийся племенной вождь» (Тарабанов, 1997. С. 34). Однако исследователь не рассматривает вопрос о том, какие же точно сведения свидетельствуют о «феодализации» этого вождя. Не совсем ясен тезис исследователя о поляризации адыгского общества в X–XV вв., которая привела к образованию антагонистических классов феодалов, зависимых крестьян и рабов (Тарабанов, 1997. С. 36–37).

Письменные источники не отражают в достаточной мере социальную структуру населения Северо-Западного Кавказа. В частности, арабо-персидский автор ал-Масуди сообщает об отсутствии у касогов единого царя, но в то же время о наличии в отдельных племенах вождей. Однако подтвержденных данных, свидетельствующих о феодальных отношениях в среде адыгского общества, мы не находим. Археологические свидетельства не указывают на существование социальных структур, характерных для общества с феодальными отношениями.

Рассмотренные нами материалы не позволяют говорить о *всей системе* социальной организации племен Северо-Западного Кавказа – для этого требуется специальное исследование с привлечением гораздо большего круга источников. Основываясь на анализируемых данных, можно лишь предположить, что население, практиковавшее, в период с конца VII по XIII в. обряд трупосожжения, жило в обществе, которое до некоторой степени можно охарактеризовать термином «военная демократия», введенным Л. Морганом и весьма популярным в марксистской археологии и этнологии. Данный термин подвергся критике как зарубежными, так и отечественными исследователями, поскольку модель предгосударственного общества, определяемая как военная демократия, представляется весьма идеализированной и не может адекватно отразить конкретное многообразие исторического процесса. Это привело к тому, что под термином «военная

демократия» исследователи стали понимать совершенно разные и подчас несопоставимые явления. В конечном счете с начала 70-х годов прошлого века получила распространение точка зрения, согласно которой военная демократия в классическом (по Л. Моргану и Ф. Энгельсу) виде непосредственно не предшествовала государственности, а сменялась другими предгосударственными формами (Крадин, 1995. С. 12–13). У ряда исследователей прослеживается тенденция рассматривать военную демократию как синоним вождества, но, как справедливо отмечает Н.Н. Крадин, между указанными дефинициями существуют важные различия: военная демократия представлятся обществом с горизонтально организованной структурой, а вождество является иерархически организованной формой управления (Крадин, 1995. С. 19).

В нашем случае для определения общественной системы изучаемого населения недостаточно данных. Проведенное исследование показывает, что у носителей обряда трупосожжения существовала некая форма социальной организации, прослеживаемая на примере ограниченного числа погребальных комплексов. Этот критерий не позволяет реконструировать систему общественного устройства всего населения (для этого требуется привлечение более обширного корпуса источников об иерархии поселений, стратификации погребальных комплексов, этнографических данных).

На наш взгляд, при характеристике изучаемого населения удачным является термин «племенное общество», под которым понимается этническая общность на ранних этапах исторического процесса со специфической формой социальной организации, характерной для догосударственных обществ.

Глава V

Население Северо-Западного Кавказа в свете письменных источников и археологических данных

Исследуемая в настоящей работе территория попадает в поле зрения письменных источников еще со времен античности. Так, первые сведения о зихах, как об одном из племен, населявших Северо-Восточное Причерноморье, мы находим в «Географии» Страбона.

В интересующий нас период Средневековья сведения о территории Северо-Западного Кавказа и проживавшем здесь населении отражены в византийских, арабских, русских и других письменных источниках, однако носят отрывочный характер. Тем не менее пренебрегать ими нельзя, поэтому на примере информации, отраженной в нарративных источниках, рассмотрим данные о границах и расселении племен на изучаемой территории.

Средневековые авторы говорят о двух основных племенных образованиях, населявших территорию Северо-Западного Кавказа, – это зихи и касоги.

По сведениям Прокопия Кессарийского, зехи проживали по берегам Черного моря, а за ними находились сагины. Прокопий отмечает, что зехам в древности римский император назначил царя, теперь же эти варвары ни в чем не повинуются римлянам (Прокопий, 1950. С. 383–384).

По мнению ряда исследователей, первое упоминание о касогах мы можем найти в грузинской хронике «Картлис Цховреба», где они упомянуты в связи с событиями VI в. под именем *хаскун* (Гадло, 1989. С. 28, 29; Джигунова, 2000. С. 23). Однако в сообщении содержится ошибка. По содержащейся в нем информации, племя хаскун восстало против власти Византии и было усмирено силами союзного императору Юстиниану I картлийского царя Парсмана. Как справедливо замечает А.В. Пьянков, данное сообщение может нуждаться в коррекции, поскольку ошибка могла

быть допущена автором, для которого эти сведения являлись далекой стариной. Здесь следует учитывать, что «Картлис Цховреба» представляет собой свод грузинских источников, составление которого было начато в XII в. (Пьянков, 2001. С. 199; Цулая, 1979. С. 3). Чтобы установить, когда был написан рассмотренный отрывок, требуется провести его дополнительный анализ. Поэтому с уверенностью говорить, что касоги упоминаются впервые в VI в., мы не можем.

Ряд исследователей приписывают первое упоминание касогов монаху Епифанию, перечислявшему народы, которые посетил апостол Андрей Первозванный: «…блаженный апостол Андрей учил Скифов, Косогдиан (и Согдиан) и Горсинов…». Однако с тем, что это самое раннее упоминание касогов, нельзя согласиться. Русский перевод не мог быть выполнен ранее XI в., и, скорее всего, он был сделан позднее. И «Касози» в русской редакции текста монаха Епифания появилась под влиянием русской летописной традиции, в которой этот этноним был хорошо известен (Пьянков, 2001. С. 199).

Наиболее достоверное самое раннее упоминание касогов мы находим у арабо-персидского автора ал-Масуди в труде «Мурадж-ад-Дзахаб»: «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским морем. Этот народ исповедует религию магов. Среди этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин… В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется тала «золото» и которые более тонок и носок чем сорт дабики...» (Минорский, 1963. С. 206). Ал-Масуди называет кашаков народом многочисленным, с развитыми ремеслами и торговлей, однако указывает на отсутствие у них единства. Интересным фактом является именование кашаков прибрежной нацией и отсутствие сведений о зихах – их соседях, как раз проживавших на побережье (Пьянков, 2001. С. 200). По-видимому, ал-

Масуди мог воспринимать население Северо-Западного Кавказа как единый этнический массив и именовать его одним этнонимом – кашаки.

Интересно следующее утверждение ал-Масуди: «Этот народ исповедует религию магов». Комментируя его, В.Ф. Минорский писал, что мусульманские авторы применяют название маджус к древним русам и норманнам, повидимому из-за обычия сжигать умерших, описанного у Ибн Фадлана, и в связи с этим предположил, что у касогов также мог существовать кремационный обряд в прошлом (Минорский, 1963. С. 206; Бубенок, 2014. С. 37).

Наиболее полные свидетельства об этнической ситуации, сложившейся на Северо-Западном Кавказе в начале X в., мы можем найти у византийского императора Константина Багрянородного. Он называет Зихией земли, расположенные между реками Укрух (р. Кубань) и Никопсис (возможно, р. Нечепсухо, расположенная к северу от Туапсе). Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, а выше этой страны – Касахия, за которой Кавказские горы и страна Алания (Багрянородный, 1991. С. 175). Как мы видим, в своем сообщении Константин упоминает еще об одной области – Папагии, которая расположена в местах с нефтяными источниками, и эти места находятся в одном дне пути от моря без смены коня (Багрянородный, 1991. С. 273). На основе вышеперечисленных свидетельств В.Н. Каминским была реконструирована этническая карта региона во времена Константина Багрянородного. По В.Н. Каминскому, зихи занимали Черноморское побережье от поселка Новомихайловского до устья Старой Кубани, Папагия занимала территорию современного Крымского района, а Касахия располагалась в закубанских землях, восточнее Папагии, вплоть до р. Псекупс (Каминский, 1993. С. 74–75). Как на косвенное подтверждение реального в прошлом существования Папагии может указывать ныне известный топоним – вершина Папай, расположенная в верховьях р. Убин-

Су. Таким образом, Папагию можно локализовать в Крымском и, возможно, в горной части Абинского района (Пьянков, 2001. С. 201).

Несколько иные по сравнению с данными Константина Багрянородного границы Зихии предстают перед нами в анонимном трактате Periplus Ponti Euxini (середина VI – середина IX в.), где северная граница Зихии помещена в Паграх (Эптале), т. е. в районе современного Новороссийска или Геленджика, а южная – у р. Ахеунт, к югу от современного Туапсе. Сопоставляя эти данные с описаниями Багрянородного, видно, что к X в. территория Зихии значительно сдвинулась к северу (на побережье от Новомихайловки-Никопсиса до Укруха-Кубани) (Виноградов, 2013. С. 172).

Информация о касогах отражена в пространной редакции письма хазарского кагана Иосифа к Хасдаю-ибн-Шафруту, документ датируется 60-ми гг. X в. В сведениях о Хазарии в числе народов, платящих дань хазарам, упомянуты «все живущие в стране Каса» (Коковцев, 1932. С. 101).

В русских летописях касоги упомянуты в первый раз под 965 г., в период русско-хазарской войны, в связи с походом князя Святослава Игоревича на хазар: «В лето 6473. Иде Святославъ на Козары и выиде князь козаръскы с Козары Каган, и бе бои, и одоле Святославъ козаръ и град их Белу Вежу взя. Ясы победи и Касагы» (ПСРЛ. Т. 13. С. 22).

Под 1022 г. летопись рассказывает о походе на касогов и единоборстве тмутараканского князя Мстислава с касожским князем Редедей, после победы, над которым Мстислав якобы подчинил себе этот народ: «В лето 6530, Мстиславу из Тмуторокани поиде на Касоги. Князь же Късожскыи Редедя изыде против ихъ, и сташа им противу себя. И рече Редедя Мстиславу: что ради губите дружина, но снидемся сами бороть, да аще одолееши ты, то возьми все именеие мое. И рече Мстислав: тако буди. И рече Редедя: Не оружием ся бьемъ, но поборемся. И ястася крепко бороть, и наче изнемогать Мстислав. И бе Редедя велик телом и силен. И рече

Мстислав: о пречиста богородице помози намъ, аще одолею сему, то съжижду церковь в твое имя. И се рек и удари им о землю и вынзе нож и зареза Редедю. И шед в землю его, взя имение его и жену его и дети его, и дань возложи на Косаги» (ПСРЛ. Т 13. С. 43–44). Причем Мстислав, по мнению А.В. Гадло, встретился не с разрозненными силами касогов, а с объединенными силами во главе с верховным совереном всей общности (Гадло, 2004. С. 256). Летопись называет эту часть вполне определенно – «земля его», она же указывает, что в этой земле находилась его личная собственность – «все имение его», там была расположена его резиденция и находилась его семья – «жена его и дети его». С племен и общин он взимал «дань» на которую претендовал после его гибели русский князь.

Победив в единоборстве касожского князя, Мстислав тем самым приобрел право на власть не только над той частью касогов, которая населяла Кубанскую дельту, но и над всей общностью, признавшей соперника своего князя своим совереном. Сам акт единоборства, происходивший открыто, на глазах представителей обеих сторон («пред пълкы»), при заключении договора на абсолютно равных условиях являлся, по мнению А.В. Гадло, и воспринимался современниками не чем иным, как ритуалом передачи этой власти (Гадло, 2004. С. 258). Однако, по мнению С.А. Голованова и В.Б. Виноградова, точка зрения Гадло не совсем верна, поскольку этот поединок не следует рассматривать как символ передачи верховной власти над всей зихско-касожской общностью. По сути, исход поединка должен был решить, сохранит ли Мстислав власть в Тмутараканском княжестве и подчинит себе большинство касожских объединений или передаст ее касожскому князю Редеде, тем самым перестав быть препятствием на пути создания единого государственного образования касогов. В итоге удача улыбнулась Мстиславу, и ему удалось «дань возложи на касози». Также свой успех Мстислав закрепил, крестив сыновей касожского князя, дав им имена

Юрий и Роман. За Романа он выдаст замуж свою дочь (Голованов, Виноградов, 2002. С. 182).

И уже в следующем 1023 г. касоги упомянуты в составе войска Мстислава во время его похода против князя Ярослава. Согласно приведенному в летописи под 1023 г. сообщению, что Мстислав двигался на Русь «с касогы», А.В. Гадло делает вывод о признании Мстислава главой касожской общности (ПСРЛ. Т. 13. С. 44; Гадло,1994. С. 89). Таким образом, следуя логике А.В. Гадло, территория, населенная касогами, т. е. Западное Закубанье, попала под власть Мстислава.

Особое положение Редеди внутри касожской общности было закреплено особым титулом, который русский источник передает как «князь касожьскый» (Гадло, 1994. С. 74). По мнению Гадло, именно с персоной из касожской среды можно связать моливдовул архонта Зихии, правителя Тмутаракани и «страны адыгов», второй половины XI в. (Гадло, 1994. С. 74, 130). На этом моменте необходимо остановится подробнее.

Имеется в виду известная печать, на одной стороне которой присутствует изображение архангела Михаила в полный рост, на другой – греческая шестистрочная надпись «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Печать датирована концом XI в., место где она была найдена неизвестно. Впервые она была опубликована в 1941 г. Н. Бенеску (Banescu, 1941; ср.: Янин, 1970. С. 26–29, 171. № 29), который первым и отождествил Михаила с князем Олегом Святославичем (крестильное имя Михаил), в 1083–1094 гг. правившим Тмутараканью. В настоящее время абсолютное большинство исследователей согласны с этим. При этом еще Г.Г. Литаврин отмечал, что печать Олега-Михаила принадлежит к типу моливдовулов провинциальных наместников византийского императора и это может свидетельствовать о существовании договорных отношений Олега и Алексеея I Комнина, подразумевавших признание хотя бы формального суверенитета империи над Тмутараканью

(Литаврин, 1965; 1972. С. 40–41). Иными словами, Матарха-Тмутаракань являлась административным образованием Византийской империи: положение, сохранявшееся с конца XI и на всем протяжении XII в. (Степаненко 1993. С. 259–260; Чхаидзе, 2012. С. 264–265). В настоящее время известно уже девять таких моливдовулов, происходящих из Керчи и Судака, – свидетельство того, что власть Олега как имперского наместника распространялась и на Восточный Крым (Чхаидзе, 2011. С. 314–318). Это также подтверждается недавним обнаружением печати середины XI в. Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, т. е. в это время в Таврике был создан катепанат. При этом под управлением Никифора находилась и Хазария, под которой, судя по всему, подразумевался Восточный Крым (Алексеенко, Цепков, 2012. С. 7–13). Более того, в последнее время стало известно о находке еще двух моливдовулов, датируемых второй половиной XI в., содержащих легенду «Михаил, архонт и дука Матрахи и всей Хазарии» (Степаненко, 2013. С. 157–163; Алферов, 2013. С. 29–31) и также отождествляемых (хотя и небесспорно) с Олегом. Как видно, Зихия выпадает из географической номенклатуры, причем непонятно, вышла она из-под контроля архонта или здесь была основана другая фема. Важно другое: ни письменные, ни сфрагистические источники не позволяют определенно говорить о степени и границах византийского влияния в Северо-Западном Предкавказье (Виноградов, 2009. С. 257–259; Чхаидзе, 2013. С. 47–58). В свете вышесказанного представляется крайне маловероятным поставление в Константинополе в неравнозначные титулы (ранее оба титула не встречались в византийской сфрагистике) «архонта» (вассал василевса в пределах данной территории) и «дуки» (ромейский функционер в феме) «персоны из касожской» (т. е. варварской в данном случае) среды.

Возвращаясь к летописному сюжету о возложении на касогов дани после победы в единоборстве Мстислава над Редедей необходимо учитывать

ряд особенностей. В историографии стал обшепринятым тезис о том, что дань с населения Северо-Западного Кавказа взималась во время всего существования «русской» Тмутаракани. Между тем о взимании дани с касогов в летописи упоминается всего два раза – в 1022 и в 1066 гг., причем нигде не оговаривается, с территории какого размера эта дань собиралась, насколько регулярной была ее выплата с 1022 по 1066 г. и до какого времени эта выплата осуществлялась (Чхаидзе, 2012. С. 255).

Следует отметить, что ни письменные, ни археологические свидетельства не позволяют говорить о подчинении какой-либо части Северо-Западного Кавказа Тмутаракани. При этом в источниках нет никаких данных о том, как строились взаимоотношения Тмутаракани и касогов до и после 1022 г. (не считая эпизода, связанного с участием касогов в войске Мстислава в походе на Ярослава в 1023 г.). Возможно, в двух летописных свидетельствах речь идет не о взимании дани со всех касогов, а о кратковременном подчинении правителям Тмутаракани небольшой группы, одного из касожских кланов (Чхаидзе, 2012. С. 225). Эта небольшая часть и могла принимать участие в походе Мстислава в 1023 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что территория собственно Тмутаракани не выходила за границы современного Таманского полуострова. Следовательно, нет никаких данных и оснований называть районом Тмутараканского княжества территорию Северо-Западного Кавказа, на которой проживали зихи и касоги (Чхаидзе, 2012. С. 225). По всей видимости, это была ни от кого не зависимая территория.

В адыгском фольклоре, по свидетельству Ш.-Б. Ногмова, еще в начале XIX в. жило предание, напоминавшее вышеприведенный летописный рассказ. В нем говорилось о войне адыгского народа с Тамкаракаем, и о борьбе тамтаракайского князя с адыгским богатырем Ределей и о гибели последнего (Гадло, 2004. С. 259).

Интересна надпись, обнаруженная в Софии Киевской в южной наружной галерее на фреске «Онуфрий», которая могла быть оставлена касогом-христианином, носившем славянское имя, или же славянином, побывавшим в касожской земле: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец писал], идя от святых. Ибо я, господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя». По данным палеографии и лингвистики, датировка надписи устанавливается в пределах последней четверти XI – первой четверти XII в. (Чхаидзе, Дружинина, 2005. С. 155, 157).

Более поздние сведения об изучаемой территории, связаны уже с монгольским нашествием. Так, Плано Карпини сообщает о захвате Северо-Западого Кавказа татарами: «Царь татар Чингиз-хан послал на запад вождя Бату с войском. Там он захватил Понтийское море, Русь, Хазарию, кергис, комуков, кассов, алан или ассов, тарков, чиркасов» (Плано Карпини, 2006. С. 9).

В восточных источниках содержится лаконичное повествование о появлении Чингизидов на Северо-Западном Кавказе: «…после того, в нокай-иле, т. е. Год собаки, соответствующий 635 Г.Х. (=24 VIII 1237 – 13 VIII 1238), осенью, Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара» (Тизенгаузен, 1941. С. 37).

Таким образом, письменные источники дают представление о сложной этнической и политической картине, складывавшейся в регионе в исследуемый нами период. Исходя из представленных в источниках данных, довольно затруднительно с большой точностью локализовать указанные племенные образования. Попробуем на основании имеющихся данных из нарративных источников и рассматриваемых в настоящей работе, археологических реалий рассмотреть этнополитическое районирование территории Северо-Западного Кавказа, проследить, как соотносится ареал закубанских раннесредневековых кремационных погребений с погребальной практикой соседних регионов.

Южная граница ареала распространения могильников с трупосожжениями проходит по р. Нечепсухо (Никопсис), а на юго-западе – по берегу Черного моря. Она совпадает с этнополитическими рубежами, реконструируемыми по данным письменных источников. По сведениям Константина Багрянородного, именно по Нечепсухо проходила южная граница Зихии, за которой начиналась страна Авасгия (Абхазское царство), простирающаяся на 300 миль. Леонти Мровели при описании миссионерского путешествия блаженного Андрея Кананита в страну Джиков (зихов) упоминает на границе Абхазии и Джикетии (Зихии) город Никопсию (Багрянородный, 1991. С. 177, 404; Мровели, 1979. С. 33).

Восточная граница основного ареала трупосожжений намечается по р. Псекупс и ее притокам. Исходя из данных Константина Багрянородного данная граница должна сопрягаться с западной границей Алании (Багрянородный, 1991. С. 171). В.А. Кузнецов предположил, что западная граница Алании могла пролегать вдоль русла р. Лаба, не исключая и более западного ее происхождения. К настоящему времени археологические данные позволяют перенести эту границу западнее, к руслу р. Псекупс, однако данное утверждение требует дальнейшей проверки (Кузнецов, 1971. С. 11; Пьянков, 2001. С. 201–202).

Отдельные кремационные погребения известны и восточнее очерченной границы. Единичные случаи погребений с трупосожжением зафиксированы на поселении Козьи Скалы у г. Бештау, в Кисловодской котловине, на Хумаринском городище и т. д. (Кузнецов, Рудницкий, 1998. С. 305–308; Рудницкий, Фоменко, 2005. С. 38).

Ареал кремационных погребений хазарского периода граничит на востоке с памятниками Средней Кубани, среди которых наиболее изученным стал комплекс памятников в Горькой Балке (Соков, 2004). Погребальные сооружения Горькобалковского некрополя представлены каменными ящиками, грунтовыми ямами и катакомбами. П.В. Соков пришел к выводу,

что в собранном материале присутствуют черты «традиционной» горской культуры и аланского этнического компонента. По мнению исследователя, некоторые признаки могут свидетельствовать и о пребывании там незначительного тюркского компонента (Соков, 2003. С. 103, 193). Антропологическая характеристика населения этого памятника была выполнена М.А. Балабановой. Установлено, что оно являлось смешанным и состояло из горского (41%), аланского (41%) и тюркского компонента (Балабанова, 1998. С. 31–32). С правого берега Кубани к восточной части ареала трупосожжений примыкают некрополи с погребениями в катакомбах (могильники МТФ-3, у станицы Старокорсунской), оставленные, вероятно, аланским населением (Каминский, 1987. С. 202).

С севера территория кремаций ограничена левым берегом Кубани. С правого берега реки к ним примыкает зона подкурганных и впускных захоронений булгаро-хазарского времени, выделенных Г.Е. Афанасьевым и А.Г. Атавиным в отдельную прикубанскую группу (Афанасьев, Атавин, 2002. С. 15; Афанасьев, 2009. С. 9). Далее на север простирается массив нижнедонских подкурганных погребений хазарского времени, отождествляемый с этническими хазарами, имеющими характерный антропологический облик (Иванов, 1999; Батиева, 2002. С. 99; Балабанова, 2006. С. 60–61).

При определении северной границы ареала кремационных погребений интересно вспомнить, что южная граница Хазарии в пространной редакции письма кагана Иосифа очерчивается «на 30 фарсахов пути до большой реки по имени Уг-ру» (Коковцев, 1932. С. 106). Предложены различные варианты локализации этой реки. Разногласия возникали из-за точно не установленной точки привязки, откуда Иосиф вел отсчеты, а также по причине дискуссионной длины меры пути – фарсаха. Так, Б.А. Рыбаков и С.А. Плетнева соотносят Уг-ру с притоком Дона – р. Маныч. По мнению М.А. Артамонова, река Уг-ру могла быть локализована на Северо-Восточном

Кавказе, возможно это р. Сулак, но вероятнее всего р. Терек (Рыбаков, 1953а. С. 141; Артамонов, 1962. С. 390; Плетнева, 1976. С. 48).

Сейчас же установленная северная граница ареала закубанских кремаций, а также намеченная юго-западная граница ареала распространения хазарских подкурганных захоронений дают дополнительные основания для отождествления р. Кубань с р. Уг-ру письма Иосифа и упомянутой в сочинении Багрянородного рекой, которая отделяла округ Таматархи от Зихии: «За Таматархой в 18 или 20 милях есть река по названию Укрух (Ουκρούχ), разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия, ее протяженность 300 миль» (Багрянородный, 1989. С. 174, 175, 404). На возможность отождествления раннесредневековых гидронимов Уг-ру и Укрух и идентификации их с Кубанью указывал еще Б.А. Дорн (Дорн, 1875. С. 330). Недавно к этой точке зрения присоединился Г.З. Анчабадзе, обративший внимание на то, что в летописном своде «Картлис Цховреба» река Уг-ру/Укрух/Кубань носит название «река Малой Хазарии» (Анчабадзе, 2006). Действительно, Леонти Мровели знает две реки Хазарии – Малую реку Хазарии, к которой примыкают Кавказские горы, и Великую реку Хазарии. Последняя отождествляется с Волгой, а Малую реку Хазарии принято идентифицировать с Кубанью (Мровели, 1979. С. 22, 45), которая выступает в этом сочинении в качестве пограничной реки между Хазарией и Абхазией – Эгриси. По мнению Г.В. Цулая, левобережье Кубани в это время населяют предполагаемые предки абхазо-адыгских племен – брухи, проживавшие в верховьях Большой Лабы и Мзымты (Мровели, 1979. С. 45). В тексте кембриджского документа население кубанского левобережья фигурирует под именем ZYBOS/ZYKWS (греческое Ζιχοί, Ζιχία) в перечне союзников хазар (Голб, Прицак, 1997. С. 142, 155, 172).

Возникает вопрос: можно ли отождествить выделенные нами территориальные группы кремационных могильников с известными по

письменным источникам тремя конфедерациями зихов, сагинов и касогов и др.? Подобные попытки уже предпринимались исследователями. Так, рассмотрев данные письменных источников и археологические данные Северо-Западного Кавказа, А.В. Пьянков предложил отождествить носителей обряда кремации с касогами письменных источников (Пьянков, 2001).

Отчасти точку зрения А.В. Пьянкова поддержал О.Б. Бубенок, считающий что этноним касоги или кас- в хазарское время использовался не только для обазначения адыгского населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской адмиинстрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII-IX вв. Бубенок предполагает что это было самоназвание пришельцев, очевидно тюркского происхождения, распространивших данное наименование на подвластных им адыгов, именно с этими пришельцами исследователь предлагает связать кремационные погребения типа Дюрсо (Бубенок, 2014. С. 60-61).

Иную точку зрения занимает историк С.Х. Хотко, критикуя версию о тюркском происхождении касогов, предложенную А.В. Пьянковым (Пьянков, 2001). Рассматривая аргументы, предложенные А.В. Пьянковым и В.А. Тарабановым, в работе посвященной сравнению двух ареалов кремаций хазарского времени – донецкой и кубано-черноморской, Хотко считает их не состоятельными (Пьянков, Тарабанов, 2008; Хотко, 2014. С. 181-182). По мнению Хотко кремационный обряд распространенный на Северо-Западном Кавказе не является маркером этнического происхождения его ностителей. Два этнонима: зихи и касоги, известные по письменным источникам, являются названием одного и того же народа – адыгов (Хотко, 2014. С. 187).

При соотнесении выделенных нами методами ГИС-анализа территориальных групп кремационных некрополей с данными нарративных источников получается следующая картина. Первая территориальная группа,

могильников хазарского этапа, совпадает с территорией расселения племен зихской конфедерации, которая к концу VII в. расширилась и включила в свой состав приморских сагинов. Локализация второй и третьей территориальных групп кремационных погребений совпадает с размещением касогов, которая расширяется к концу VII в. на север, вплоть до левобережья Кубани, и, по-видимому, включает в свой состав конфедерацию «верхних» сагинов (Гадло, 2004. С. 204–205). При сопоставлении наших данных со сведениями Константина Багрянородного получается, что первая (причерноморская) группа соотносится с расселением зихов, вторая и третья группы, из степного Закубанья, могут быть соотнесены с территорией Папагии и Касахии.

Исследуемые нами закубанские памятники с погребениями по обряду трупосожжения в хазарский период находились в приграничной зоне с Хазарским каганатом, но не являлись его частью. Политическая независимость населения Закубанья сохранялась и в X–XIII вв. Согласно письменным источникам, расположенные на левобережье нижнего течения Кубани племена являлись самостоятельным этнополитическим массивом.

В настоящем диссертационном исследовании неоднократно упоминались разнообразные гипотезы происхождения и распространения погребальной практики сожжения умерших (тюркская, славянская, финно-угорская и др.).

В научной литературе высказывалось мнение, что традиция обряда трупосожжения была привнесена на территорию Северо-Западного Кавказа пришлым населением (Пьянков, 2001. С. 205). Эта гипотеза основана на двух предположениях. Во-первых, в погребальном инвентаре якобы присутствуют специфические этномаркирующие предметы. Во-вторых, сам обряд кремаций нехарактерен для Западного Кавказа. Однако эти доводы носят неоднозначный, дискуссионный характер, если учитывать общие закономерности в эволюции материальной культуры раннесредневекового

населения Юго-Восточной Европы. Более того, следует иметь в виду, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения, выявлены не только во вновь образованных могильниках. Они известны и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (трупосожжения в могильниках Борисово и Дюрсо, Псекупский и др.). Последнее обстоятельство свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выразившегося в восприятии новой погребальной практики (Джигунова, 2000. С. 137–138).

Аналогичные процессы зафиксированы и в ряде соседних регионов Юго-Восточной Европы. Известно, что у северокавказского аланского населения под влиянием христианизации происходит переход от традиции погребений в катакомбах к захоронениям в ямах и каменных ящиках (Кузнецов, 1993. С. 157–185). Меняется со временем и погребальный обряд аланского населения бассейна Дона, которое в хазарское время практиковало катакомбы (Афанасьев, 1987. С. 143–155), а в печенежско-половецкое – грунтовые ямы (Алексеева, Козловская, 2002. С. 117, 118).

Представления об инородности носителей обряда трупосожжения в Закубанье частично основаны на появлении и распространении в регионе некоторых предметов (очажные цепи, двухконьковые подвески, набор конского снаряжения и др.), нехарактерных для предшествующего времени. Однако признать их признаком, маркирующим новый этнос, мы не можем, поскольку они являются общими элементами материальной культуры хазарского времени Юго-Восточной Европы и не имеют этнической специфики.

Не можем мы найти свидетельств появления нового населения на исследуемой территории и в письменных источниках.

Пространственный анализ кремационных захоронений демонстрирует главный тренд – континуитет территории, на которой расположены

могильники с погребениями по обряду трупосожжения VIII–XIII вв., факт использования населением ряда некрополей на протяжении обоих рассматриваемых хронологических отрезков, а также появление новых могильников внутри выделенных территориальных групп. Сохранение основных черт погребального обряда: сожжение покойного на стороне с последующим погребением, сожжение вместе с телом умершего части инвентаря, обычай преднамеренной порчи части вещей, сопровождающих умершего, – все это свидетельствует о прямой преемственности и взаимосвязи кремаций в течение всего исследуемого хронологического отрезка с конца VII до второй половины XIII в.

Анализ пространственного распределения раннесредневековых кремаций в Закубанье позволяет сделать следующий вывод: плотность памятников и единство погребальной традиции дают основания считать западное Закубанье центром распространения обряда кремирования умерших на Северном Кавказе в эпоху Средневековья. Западный Кавказ демонстрирует этнокультурный континуитет, что прослеживается по данным кремационных некрополей. Получив широкое распространение во второй половине VIII в. обряд трупосожжения просуществовал здесь более 500 лет. Исходным местом формирования подобной погребальной практики предстает район Новороссийска – Геленджика.

Сохранение этнокультурного континуитета на Западном Кавказе в целом согласуется с гипотезой В.А. Кузнецова о роли рек Кубани и Терека как географических барьеров, формирующих своеобразные этнические резерваты на Северном Кавказе. Археологические данные свидетельствуют о том, что именно центрально-кавказский субрегион терско-кубанского междуречья был тем местом, куда проникали новые этнические компоненты и где происходили сложные процессы этнокультурного взаимодействия представителей кавказского субстрата с иранским и тюркским миром. В силу географической открытости этого субрегиона с севера этнополитическая

история Центрального Кавказа была тесно связана с историческими явлениями, происходившими в южнорусских степях. Данное обстоятельство способствовало постоянному притоку сюда степного населения и его аккумуляции, что и определило ход и результаты происходивших здесь этногенетических процессов – процессов такой силы и активности, которые не наблюдались ни в западнокавказском, ни в восточнокавказском субрегионах (Кузнецов, 1997. С. 153). Крупные реки – Кубань на западе и Терек на востоке – являлись естественными природными границами, препятствовавшими широкому притоку на Западный и Восточный Кавказ степного населения (Кузнецов, 1997. С. 171).

Кремирование умерших на территории Северо-Западного Кавказа прекращается, по всей видимости, в конце XIII в. На смену этому обряду приходит традиция подкурганных ингумаций, которые принято связывать с адыгскими племенами (Марченко, Пьянков, 2002. С. 186; Дружинина, Чхаидзе, 2011. С. 149–150). И здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что подкурганные ингумации появляются на территории тех же могильников, где ранее бытовал обряд подкурганных кремаций. Известны случаи, когда ингумационные погребения были впущены в курганы с трупосожжениями того же хронологического периода – могильники Лобанова Щель, Кабардинка и др. (Марченко, Пьянков, 2002. С. 185; Козюменко, Раев, 2002. Табл. 7; Носкова, 2010. С. 181). При этом временной разрыв между кремациями и ингумациями практически отсутствует. Сам факт продолжения функционирования старых кладбищ, а не появления новых, изолированных, свидетельствует в пользу того, что у местного населения в очередной раз меняется погребальная традиция. В X–XIII вв. население Западного Закубанья граничило с кочевниками степной части Предкавказья, практиковавшими в том числе подкурганные погребения (Пьянков, Хачатурова, 1995. С. 154; Атавин, 2008. С. 79, 87; Чхаидзе, 2009. С. 116. Рис. 1; Бочкарев, Чхаидзе. 2009. С. 127. Рис. 1; Нехаев, Голубев, Чхаидзе,

2009. С. 145. Рис. 1, 6; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 13. Рис. 1). Возможно, трансформация погребального обряда населения Северо-Западного Кавказа в определенной степени произошла под влиянием погребальной практики населения, которое в золотоордынское время политически доминировало по соседству – в правобережных степных регионах Предкавказья (Атавин, 2008. С. 86–87). На это указывает и эволюция формирования погребальных комплексов, в которых появляются элементы, характерные для кочевнических погребальных памятников Прикубанья. Однако исходных данных для окончательного решения проблемы смены погребального обряда у нас недостаточно – дальнейшие исследования позволят в большей мере пролить свет на этот вопрос.

Заключение

В результате комплексного исследования средневековых некрополей с погребениями по обряду трупосожжения на Северо-Западном Кавказе в настоящей работе была проанализирована хронологическая дифференциация погребальных комплексов, рассмотрены основные составляющие материального комплекса захоронений, проведен подробный анализ погребального обряда и предпринята попытка изучения социальной стратификации населения, оставившего этот пласт памятников.

На основе свидетельств средневековых нарративных источников в совокупности с данными археологии охарактеризовано место изучаемой группы памятников в системе синхронных культур VIII–XIII вв. на территории юга Восточной Европы.

Представленные материалы позволили выделить три хронологических этапа существования обряда кремирования умерших на территории Северо-Западного Кавказа.

Наиболее ранние погребальные комплексы в исследуемой выборке относятся к *VII – первой половине VIII в.*; далее выделяются погребения, относящиеся ко *второй половине VIII – первой половине IX в.*; завершающими на первом этапе являются погребальные комплексы *второй половины IX – начала X в.*

Второй хронологический этап характеризуется небольшим количеством трупосожжений *X в.* и погребениями *XI – первой половины XII в.*

Все погребения третьего этапа хронологически лежат в пределах *второй половины XII – XIII в.,* однако погребальный инвентарь части погребений позволил ограничить время их появления только XIII в.

В кремационных погребениях периода второй половины VIII – IX в. формируется довольно устойчивый вещевой набор, включающий в себя предметы конского снаряжения и вооружения, поясные наборы, украшения,

детали одежды и предметы быта. Помимо этого, довольно явно выделяется группа предметов, являющихся локальными и использовавшихся только носителями обряда кремации в Кубано-Черноморском регионе и в синхронных трупосожжениях Северского Донца.

Материальный комплекс кремационных погребений VIII–IX вв. выглядит органично на фоне других культур Восточной Европы хазарского времени. Многочисленные аналоги большей части вещей известны в древностях аланской культуры, среди погребений из могильников Крыма и с территории Северского Донца. Наиболее локальным является керамический комплекс.

Анализ предметов материальной культуры из трупосожжений X–XII вв. выявил определенные изменения вещевого комплекса в сравнении с предшествующим этапом. Практически исчезает разнообразие поясных наборов, упрощается набор украшений.

Изменения коснулись также предметов конского снаряжения и вооружения. По сравнению с предшествующим этапом заметно расширяется ассортимент используемых стремян и удил. В наборе вооружения прослеживается модификация клинкового оружия. В могильниках второго хронологического этапа появляются сабли с более длинным клинком, становятся заметно разнообразнее детали сабельной гарнитуры. Изменяется набор наконечников стрел, полностью выходят из употребления трехлопастные и рамчатые наконечники, получают большее распространение черешковые плоские стрелы и наконечники с массивной утолщенной боевой головкой. Из набора вооружения исчезают боевые топоры, и сокращается количество наконечников копий.

В инвентаре трупосожжений третьей хронологической группы частично продолжают встречаться предметы, распространенные в могильниках второго хронологического этапа.

Погребения демонстрируют унифицированный набор конского снаряжения, основными находками являются удила, причем одного типа, и стремена. Несколько видоизменяются составляющие сабельной гарнитуры и ножен.

Как и в предшествующий период, прослеживаются изменения в наборе наконечников стрел: наряду с экземплярами, имевшими широкие хронологические рамки бытования, появляются наконечники, не встречавшиеся в погребениях предшествующего времени.

В сравнении с погребениями предшествующего этапа изменяется набор посуды. Получают распространения амфоры различных типов и пифосы, встречаются также стеклянные сосуды импортного производства.

Среди всех предметов материальной культуры, составляющих погребальный набор захоронений третьего этапа, выделяются вещи, появившиеся в исследуемом регионе только после монгольского нашествия, что позволяет утвердительно говорить о продолжении в регионе традиции кремирования умерших во второй половине XIII столетия.

Исследование динамики распространения погребальных памятников методами ГИС-анализа дало возможность выделить территориальные группы и изучить плотность некрополей на всей исследуемой территории.

Используя ГИС-методы, мы попробовали исследовать планиграфию ряда некрополей, это позволило выделить террториально обособленные участки погребений, что может указывать на наличие родовых или клановых участков на территории могильников.

Изучение погребального обряда позволило проследить динамику развития практики кремирования умерших в регионе, выявить сходство и различия основных черт погребального обряда и выделить наиболее устойчивые обрядовые черты, существовавшие в период VIII–XIII вв.

В хазарский период погребения с трупосожжениями обнаружены в могильниках, активно использовавшихся населением в предшествующее

время (Борисово, Дюрсо), были также основаны новые некрополи (Молдовановский и др). С распространением кремационных погребений хазарского периода связаны исключительно погребения в грунтовых могильниках, господствующим типом погребения являлась безурновая кремация, причем сожжение тела проходило на стороне.

Остальные типы погребений представляются исключительно локальными: кремации в каменных ящиках сосредоточены только в Северо-Восточном Причерноморье, и только на одном некрополе (Борисовский могильник) локализуются трупосожжения в урнах.

Характерной чертой всех рассмотренных некрополей было наличие поминальных комплексов без следов погребения человека. Высокий процент захоронений составляют комплексы с набором вооружения воина-всадника. Сопоставление урновых и безурновых погребений показало заметную «бедность» в наборе погребального инвентаря у первых. Весьма характерной чертой погребального обряда является преднамеренная порча части погребального инвентаря – обычно предметов вооружения и конского снаряжения.

В следующий период (X–XII вв.) ареал могильников остается практически неизменным, однако необходимо отметить, что ряд крупных некрополей, например Дюрсо, Молдовановский, Казазово, прекращает свое существование.

Изменяется ряд черт погребального обряда: сокращается число безурновых кремаций, распространяются погребения с кремированными останками, захороненными в погребальных урнах. Начинает развиваться традиция сопровождать человеческое погребение ритуальным захоронением лошади. Такие комплексы известны на всем ареале памятников. В сравнении с предшествующим периодом для грунтовых могильников X–XII вв. становятся нехарактерными отдельные «погребения вещей» и так

называемые тайнички (скопление предметов, расположенное рядом с кремированными останками).

В третий хронологический период происходит частичное изменение ареала некрополей. К концу XII в. прекращают свое существование могильники типа Циплиевский Кут, Черноклен, Абинский-4 и др. После этого традиция курганных погребений с трупосожжением распространяется в горной части Западного Закубанья, что связано с перемещением части населения из степной зоны в горную. Подобные изменения традиционных этнических территорий зафиксированы в это же время и в других районах Северного Кавказа. Можно вспомнить, что в регионах Центрального Кавказа прекращают функционировать многие аланские городища и катакомбные могильники X–XIII вв., так как население предгорий, спасаясь от внешней опасности, уходит в горы (Кузнецов, 1992. С. 366–382). Причина этого явления видится в коренном изменении этнополитической карты Северного Кавказа в золотоордынское время (Гадло, 1994. С. 3–129).

Новой чертой погребального обряда стало распространение небольших курганов. Основой погребального сооружения становится курганная насыпь и внутрикурганное пространство. Однако большинство традиций, присущих трупосожжениям XI–XII вв., в третий период сохраняется – основным типом погребения по-прежнему является помещение кремированных останков в сосуд-урну. В то же время увеличивается процент погребений, сопровождаемых ритуальным захоронением лошади или отдельной ямой с набором погребального инвентаря.

Все рассмотренные признаки погребального обряда, характерные для кремационных погребений в течение всего исследуемого периода, указывают на значительное культурное единство изучаемой группы памятников. Важнейшим доказательством такого единства является сохранение определенного принципа совершения погребений – это сожжение тела покойного на стороне, следование традиции ритуальных захоронений,

преднамеренная порча погребального инвентаря. Появление новых черт похоронного обряда вполне закономерно, поскольку обряд развивался во времени и испытывал новые влияния. Новые черты демонстрируют динамику развития погребального обряда у населения и позволяют выявить эти новые влияния. Следует отметить, что новые черты обряда, появляющиеся с течением времени, не выходят за рамки общей «схемы» совершения погребений и общего мировоззрения населения.

Важным результатом работы является проведенный впервые антропологический анализ кремированных останков, позволивший получить новые данные о погребальном обряде.

Выявленные особенности позволяют судить о многоэтапном погребальном обряде. Как показал анализ, в ряде случаев сожжение тела происходило не сразу после смерти индивида, что, по нашему мнению, свидетельствует о бытовании у населения обряда выставления тела умершего. По всей видимости, тело перед кремацией проходило определенную подготовку, однако это справедливо не для каждого кремируемого индивида. К сожалению, в настоящий момент мы не можем ответить на вопрос, с чем связано такое разделение (сожжение сразу по смерти или же после обряда выставления).

Морфологические особенности кремированных останков указывают на высокую температуру сжигания тела (до 700 С) в течение недлительного времени (не более часа).

Рассмотренные материалы отражают в некоторой степени динамику развития социальной организации племен Северо-Западного Кавказа в VIII–XIII вв. На протяжении первого периода, VIII–IX вв., для исследуемого общества характерен умеренный уровень дифференциации, это прослеживается по данным мужских погребений, среди которых выделяются комплексы с весьма представительным инвентарем. Погребения женщин выглядят в значительной степени однородно. Следует отметить, что в

хазарский период структура исследуемого общества демонстрирует общие черты с аланским населением Северного Кавказа и Дона. В течение следующего этапа, X–XII вв., уровень социальной дифференциации несколько ослабевает и общество выглядит более однородно. В период с конца XII до конца XIII в. уровень социальной дифференциации заметно возрастает. По материалам мужских комплексов отчетливо выделяются захоронения наиболее знатных воинов, составляющих, по-видимому, верхушку общества. Женские же погребения по-прежнему демонстрируют социальную однородность. Структура общества этого периода имеет много общего с общественным устройством средневековых кочевников.

Письменные источники не отражают в достаточной мере социальную структуру населения Северо-Западного Кавказа. В частности, при упоминании касогов арабо-персидский автор ал-Масуди сообщает, что у них нет единого царя, но в отдельных племенах имеются вожди.

Рассмотренные нами материалы не позволяют говорить о всей системе социальной организации племен Северо-Западного Кавказа. Проведенное исследование показывает, что у носителей обряда трупосожжения существовала некая форма социальной организации, прослеживаемая на примере ограниченного числа погребальных комплексов. Этот критерий не позволяет реконструировать систему общественного устройства всего населения (для этого требуется привлечение значительно более представительного корпуса источников об иерархии поселений, стратификации погребальных комплексов, привлечение этнографических данных).

На наш взгляд, для характеристики изучаемого населения подойдет термин «племенное общество», под которым понимается этническая общность на ранних этапах исторического процесса со специфической формой социальной организации, характерной для догосударственных обществ.

В настоящем диссертационном исследовании неоднократно упоминались разнообразные гипотезы происхождения и распространения погребальной практики сожжения умерших (тюркская, славянская, финно-угорская и др.).

В научной литературе высказывалось мнение о том, что традиция обряда трупосожжения была привнесена на территорию Северо-Западного Кавказа пришлым населением (Пьянков, 2001. С. 205). Эта гипотеза основана на двух предположениях. Во-первых, в погребальном инвентаре якобы присутствуют специфические этномаркирующие предметы. Во-вторых, сам обряд кремаций нехарактерен для Западного Кавказа. Однако эти доводы носят неоднозначный, дискуссионный характер, если учитывать общие закономерности в эволюции материальной культуры раннесредневекового населения Юго-Восточной Европы. Более того, следует иметь в виду, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения, выявлены не только во вновь образованных могильниках. Они известны и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (трупосожжения в могильниках Борисово и Дюрсо, Псекупский и др.). Последнее обстоятельство свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выразившегося в восприятии новой погребальной практики. Признать в качестве признака, маркирующего новый этнос, определенные предметы материального комплекса из трупосожжений, мы не можем, поскольку они являются общими элементами материальной культуры хазарского времени Юго-Восточной Европы и не имеют этнической специфики.

Не можем мы найти свидетельств появления нового населения на исследуемой территории и в письменных источниках.

Таким образом, обряд трупосожжения может быть связан с племенами зихско-касожского круга, которые, по данным нарративных источников, локализовались на территории Северо-Западного Кавказа.

Исследуемые нами закубанские памятники с погребениями по обряду трупосожжения в хазарский период находились в приграничной с Хазарским каганатом зоне, но не являлись его частью. Политическая независимость населения Закубанья сохранялась и в печенежско-половецкий период. Согласно письменным источникам, расположенные на левобережье нижнего течения Кубани племена были самостоятельным этнополитическим массивом.

Периферийное положение закубанских племен относительно степной части Предкавказья и Центрального Кавказа способствовало формированию особых путей развития местного населения. Западный Кавказ демонстрирует этнокультурный континуитет, что прослеживается по данным кремационных некрополей. Распространившись во второй половине VIII в., обряд трупосожжения просуществовал здесь более 500 лет. Сохранение этнокультурного континуитета на Западном Кавказе в целом согласуется с гипотезой о роли рек Кубани и Терека как географических барьеров, формирующих своеобразные этнические резерваты на Северном Кавказе.

В конце XIII в. кремирование умерших сменяется подкурганными ингумациями, однако ряд черт погребального обряда, характерных для круга кремационных погребений, существовал на Западном Кавказе еще в течение длительного времени.

Список используемой литературы и источников.

Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. № 3. М, 1973. – С. 62–72.

Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. №1. М., 1977. – С. 225-239.

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // ДЭВПН. М., 1982. - С. 165–191.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990. – С. 3–86.

Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. – С. 121-133.

Айбабин А.И. Крым в VIII-IX вв. Хазарское господство // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 55-67.

Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Херсон // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 68-86.

Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Симферополь-Керчь, 2008. – 336 с.

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita Antiqua. Киев, 1999. – С. 137-149.

Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // ДА. № 1-2. Ростов-на-Дону, 2001. – С. 62-78.

Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк, 2005. – С. 357-368.

Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк, 2001. – С. 191-218.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // Хазарский альманах. Том 5. Киев-Харьков. 2006. – 312 с.

Аксенов В.С. Погребальный обряд могильника Сухая Гомольша // Проблеми на Прабългарската история и култура. Том 4-1. София, 2007. – С. 371-401.

Аксенов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский археологический комплекс) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Том. 7. Донецк. 2009. – С. 231-258.

Аксенов В.С. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003-2010 годов) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 9. Донецк, 2012. – С. 207-242.

Аксенова Н. Этническая принадлежность погребений по обряду кремации в среде салтово-маяцкой культуры (на примере биритуальных могильников) // Проблеми на Прабългарската история и култура. Том 4-1. София, 2007. – С. 221-231.

Алексеева Е.П. Материальная культура черкесов в средние века (По данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. IV. Ставрополь. 1964. – С. 146-252.

Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоение Русского Севера: история, антропология, экология//Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1993. – С. 3-69.

Алексеева Т.И., Козловская М.В. Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) М., 2003. – С. 27-35.

Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Вып. XVII. Севастополь,: СИД Артемьев М.Э., 2012. – С. 7-18.

Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії з коллекції О. Шереметьєва // Международный коллоквиум по русско-византийской сфрагистике «Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ/XERCΩN – KΩNCTANTINOYΠOΛIC». Тезисы докладов. Киев; Севастополь, 2013. – С. 29-31.

Анчабадзе Г.З. К исторической гидронимии Северного Кавказа: река Уг-ру // Материалы международной научной конференции «Кавказоведение – опыт исследований». Владикавказ, 2006. – С. 25-28.

Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII вв. Ремесло, декоративное искусство, письменность // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 342-350.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА № 2. М.: Наука. 1971. – С. 96-125.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (окончание) // СА № 3. М.: Наука. 1971. – С. 106-134.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 7. Свердловск, 1971. – С. 81-101.

Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического погребения у станицы Староминской // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002. – С. 144-147.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИИА. Вып. 3. Армавир–М. 1997. – С. 92-114.

Армарчук Е.А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Некоторые вопросы этнической истории // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 224-226.

Армарчук Е.А., Сорокина И.А. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001. – С. 195-209.

Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. – 227 с.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Курганные могильники // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 216-225.

Армарчук Е.А. Дмитриев А.В., Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М: ИА РАН-СПб.: Нестор-история, 2014. – 132. с.

Атавин А.Г. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001. – С. 162-166.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России. М.: Таус, 2008. – С. 28-70.

Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. М.: Таус, 2008а. – С. 71-105.

Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987. – 206 с.

Афанасьев Г.Е. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа: дис…канд. ист. наук. 07.00.06. / Афанасьев Геннадий Евгеньевич. – М. 1976.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Выпуск 2. М.: Наука, 1987. – 200 с.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы М.: Наука, 1993. – 184 с.

Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // СА. № 4. М., 1993а. – С. 131-144.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // РА. № 2. М., 2001. – С. 43-55

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая балка. М.: Научный мир, 2001. – 251 с.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. – 256 с.

Афанасьев Г.Е. Некоторые проблемы в исторической интерпретации археологических памятников Волго-Донского междуречья // Древности юга России. М.: Таус, 2008. – С. 5-14.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум «Идель - Алтай». Казань, 2009. – С. 9-10.

Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г. Что же такое хазарский погребальный обряд? // Хазары. Второй международный коллоквиум. М., 2002. – С. 14-16

Аханов И.И. Отчет по археологическим раскопкам Геленджикского районного краеведческого музея в 1939 г. // Архив ИИМК РАН Ф. 35. Оп. 1. № 1, 1а

Балабанова М.А. Предварительные данные к антропологии населения хазарского времени. По материалам могильника Горькая балка // Пятые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1998.

Балабанова М.А. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 59-61.

Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья //РА. № 3. М., 2009. – С. 79-88.

Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время //Донская археология. Вып. 3-4. Ростов-на-Дону, 2002. – С. 71-101.

Безуглов С.И., Науменко С.А. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим, 2007. – С. 73-84.

Безуглов С.И. О монете из Большой Орловки (к оценки датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим, 2007. – С. 114-118.

Белый А.В. Две железные фибулы хазарского времени из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III. Севастополь-Тюмень, 2011. – С. 35-43.

Берлизов Н.Е. Отчет об охранно-спасательных раскопках могильника «Лобанова щель» на территории города-курорта Анапа в 2002 г. // Архив управления по охране, эксплуатации и реставрации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. № 331.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 204 с.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010. – 248 с.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар, 2003. – С. 184-208.

Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. – С. 127-144.

Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л. Кочевники развитого средневековья на Северском донце. (по материалам исследований 1978 г. Донецкой экспедиции). Киев, 2012. – 150 с.

Бубенок О.Б. Касоги на Юго-Западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Том 12. Харьков, 2014. – С. 34-66.

Бужилова А.П. Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. М.: ИА РАН. 1995. – 167 с.

Булгаков В.В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. № 4 (5). Киев, 2000. – 99 с.

Виноградов А.Ю. Зихия // Православная энциклопедия. Том 20. М., 2009. – С. 186-192.

Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. – С. 156-176.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI вв. М.: Наука, 2007. – 164 с.

Воронов Ю.Н. Научные труды. Том III. Сухум, 2010. – 466 с.

Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк, 2001. – С. 45-162.

Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления (элементы поясной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. Том. 16. М.-Иерусалим: Гешарим, 2005. – С. 378-426.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (вопросы хронологии). Самара, 1998. – С. 28-86.

Гавритухин И.О., Пьянков, А.В. Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 195-199.

Гадло А.В. Тмутараканские этюды (страна адыгов во второй половине I тысячелетия н.э.) // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. Вып. 1. Л. 1989.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб, 1994. – 238 с.

Гадло А.В. Предыстория приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб, 2004. – 362 с.

Гвоздецкий Н.А. Кавказ: Очерк природы. М.: Географгиз, 1963. – 261 с.

Гей А.Н., Дружинина И.А., Гидиятуллин Н.И. Отчет о работах Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН в 2003 г. // Архив ИА РАН

Гей А.Н., Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Ульянова Т.Н., Черкасов А.Н. Отчет об археологических раскопках дольменных и курганных могильников в Абинском районе Карснодарского края, произведенных Абинским отрядом в 2005 г. // Архив ИА РАН

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. – 304 с.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-Еврейские документы X в. М-Иерусалим: Гешарим, 1997. – 239 с.

Голованова С.А., Виноградов В.Б. Тмутаракано-касожские связи конца X в. в фольклорном отношении // Сборник русского исторического общества. № 4. М.: Русская панорама, 2002. – С. 179-185.

Голубев Л.Э. Особенности развития общественного строя адыгов в X-XV вв. // Historia Caucasica. Вып. 6. Краснодар: Вольная Н.Н. 2010. – С. 7-32.

Гольева А.А. Использование древесины на полуострове Абрау в древности // Abrau Antiqua. М.: ИА РАН, 2009. – С. 181-193.

Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // КСИА. Вып. 224. М.: Наука, 2010. – С. 5-19.

Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. № 2. М. 1984. – С. 239-244.

Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI–XII вв. // ХС. вып. IX., 1998. – С. 160-181.

Джигунова Ф.К. Западное Предкавказье в IV-IX вв.: дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Джигунова Фатимет Кадырбечевна. – СПб., 2000. – 300 с.

Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4645

Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и Крымском районе Краснодарского края в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5823

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании двух могильников на р. Дюрсо близ Новороссийска в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6290

Дмитриев А.В. Отчет о раскопках могильника в г. Новороссийске и обследовании тонкого мыса в г. Геленджике в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7072

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу «Прибой» в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10760

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу «Прибой» и в зоне сооружения оросительных систем совхоза Раевский, близ г. Новороссийска в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11598

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании части курганного могильника на территории базы отдыха «Чайка» в с. Криница г. Геленджика в 1996 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 20092

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании курганного могильника в с. Цемдолина г. Новороссийска Краснодарского края в 1998 г // Архив ИА РАН. Р-1. № 21694

Дмитриев А.В. Отчет о детальном археологическом обследовании участка строящейся подъездной дороги от шоссе Новороссийск-Южная Озереевка (у памятного знака КТК) к площадке морских сооружений // Архив НГИАМЗ № 40

Дмитриев А.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника-4 на территории резервуарного парка Каспийского трубопроводного консорциума у с. Васильевка близ г. Новороссийска в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23169

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // ДЭВПН. М.: Наука, 1982. – С. 69-106

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 200-206

Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. Вып. VIII. М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 420

Добровольская М.В.. К методике изучения материалов кремации // КСИА вып.224, М.: Наука, 2010. – С. 85-97

Добролюбский А.О. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1978. – С. 107-119

Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. С дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. СПб., 1875. – 718 с.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // ЭО № 2. М., 2011. – С. 149-156

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Арамавир-М.: Центр археологических исследований Армавирской ГПА, 2011. – 266 с.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк, 2000. – С. 117-180

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк, 2000а. – С. 181-208

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк, 2000б. – С. 209-226

Житников В.Г. Отчет о раскопках курганных могильников «Шебш 1», «Шебш 2» и «Шабановское» в Северском районе Краснодарского края в 1999 и 2000 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23425, 24923

Звягин В.Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М.: Норма Инфра. 2000. – С. 227-350.

Зеленский Ю. В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 3. Армавир–М., 1997. – С. 89-91.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII-первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Иванов Алексей Александрович. – Волгоград, 1999. – 252 с.

Иванов А.А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Доно-Волжского междуречья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том. 2. Самара, 2001

Иванов А.В. Раскопки средневекового курганного могильника в Молокановой щели // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону. 2011. – С. 297-302.

Ильюков Л.С. Назаровская находка 1914 г. // Хазарские древности. Аксай, 2013. – С. 176-192.

Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим, 2007. – С.85-113.

Кадиева А.А. Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре галиатского склепа 1935 г. в дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА № 1. М.: Наука, 2012. – С. 100-111.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М.: Таус, 2011. – 384 с.

Каменецкий И.С., Маршак В.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. Изд. 2-е. М.: ИА РАН, 2013. – 182 с.

Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА № 4. М., 1987. – С. 187-205.

Каминский В.Н. Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993. – С. 70-79.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИИА. Вып. 3. Армавир–М., 1997. – С. 61-69.

Караев С.К. Топонимия Узбекистана (социолингвистический аспект). Ташкент: Фан, 1991. – 131 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.–Л.: Наука, 1966. – 181 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.–Л.: Наука, 1966а. – 180 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. – 140 с.

Клейн Л.С. Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: ДонНУ, 2009. – 293 с.

Ковалевская В.Б. Отчет Приморского отряда Сарматской экспедиции за 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3694

Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н., Михайличенко Ф.Е., Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа //АО за 1968 г. М. 1969. – С. 124.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. // САИ. Вып. 1-2. М., 1979. – 88 с.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР: в 20 т. М.: Наука, 1981. – С. 83-97.

Ковалевская В.Б. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры (на материалах Центрального Предкавказья 1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. – С. 10-22.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей Северо-Кавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. – С. 123-183.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика теория компьютер М.: НПБО «Фонд археологии», 1995. – 192 с.

Ковалевская В.Б. Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 224. М.: Наука, 2010. – С. 214-228.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. – 269 с.

Козловская М.В. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М., 1998. – С. 174-181.

Козюменко Е.В., Раев Б.А. Курганный могильник Лобанова щель (по раскопкам 2002 г.) // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002. – С. 214-236.

Коковцев П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л., 1932. – 134 с.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Киев, 1999. – С. 111-136.

Комар А.В. Куда запаздывают монеты? (к вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Stratum/ Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб-Кишенев, 2011. – С. 555-567.

Коматарова-Балинова Е. Сравнительная характеристика элементов погребального обряда биритуальных могильников нижнедунайского

населения и салтово-маяцкой культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Том. 9. Донецк: ДонНУ, 2012. – С. 135-164.

Коматарова-Балинова Е., Клисуранов К. Към разбирането на биритуализма и обреда на кремацията по примерите на некрополите Разделна, Девня 3 (България) и Сухая Гомольша (Україна) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції XVI Слобожанські читання. Випуск 2. Харьків, 2012. – С. 37-43

Кононенко А.П. Отчет о доисследовании могильника в зоне строительства жилых домов в пос. Цемдолина (8-я Щель) г. Новороссийск в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18812

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. – 496 с.

Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим, 2007. – С. 119-153.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб., 2003. – 380 с.

Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. – 176 с.

Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. // РА № 1. М.: Наука, 2010. – С. 157-160.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: «Вост. лит-ра» РАН, 1995. – С. 11-61.

Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI—VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Том 1. Харьков: Каравелла 2002. – С. 79-93.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том. 4. Донецк: ДонНУ, 2005. – С. 73-142.

Круглов Е.В., Марыксин Д.В. Новое погребение огузского воина-всадника из района Рын-песков Западного Казахстана // Степи Европы в эпоху средневековья. Том. 9. Донецк: ДонНУ, 2012. – С. 409-434.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. – 520 с.

Кубарев Г.В., Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: ТД. Самара, 2008. – С. 68-72.

Кузнецов В.А. Алания X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. – 245 с.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь, 1993. – 464 с.

Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР № 1. М., 1997. – С. 153-178.

Кузнецов В.А. Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1996. – С. 297-331.

Кумыков Т.Х. К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М. 1969. – С. 189-197.

Кызласов Л.Р. Древности культуры Чаатас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. – С. 46-52.

Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // ВИ. № 7. М., 1972. – С. 36-52.

Ловпаче Н.Г. Отчет об археологической экспедиции Адыгейского НИИ за 1982, 1983 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10918

Ловпаче Н.Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи: автореф. дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Ловпаче Нурбий Газизович. - Тбилиси, 1982. – 25 с.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. – 148 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. - 164 с.

Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова Щель (материалы раскопок 1989 г.) // МИАК. Вып. 2. Краснодар: КубГУ, 2002. - С.168-213.

Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V-VI вв. (по материалам костюма) // ИАА. Вып. 7. Армавир-М., 1997. – С. 59-79.

Мастыкова А.В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.)//Научные ведомости Белгородского Гос. Университета. Серия История. № 17 (57). Вып. 8. Белгород, 2008. – С. 28-34.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара, 2003. – 158 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966. – 184 с.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР: в 20 т. М., 1981. – С. 190-193.

Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979. – 101 с.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М.: Изд. восточной лит-ры, 1963. – 265 с.

Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2. М., 1982. – С. 156-157.

Монгайт А.Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА Т. XXIII. М., 1955. – С. 321-340.

Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. № 2. М., 1987. – С. 228-245.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова Думка, 1991. – 164 с.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Армавир-Ставрополь, 2007. – 167 с.

Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная в Краснодарском крае // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. – С. 145-156.

Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Вып. 1. М., 2008. – С. 26-41.

Носкова Л.М. Отчет о работе Псекупского отряда Кавказской экспедиции ГМИНВ за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18812

Носкова Л.М. Отчет о работе Ново-Вочепшийского отряда Кавказской экспедиции ГМИНВ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10904

Носкова Л.М. Отчет о раскопках Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1986 и 1988 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12821, 13767

Носкова Л.М. Отчет о работе приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15175, 15176

Носкова Л.М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 г.) Материальная культура Востока. Вып. 5. М.: ГМВ, 2010. – С. 167-200.

Носкова Л.М. Некоторые аспекты этнической истории Среднего Закубанья (по данным погребального обряда) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: ТД. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 105-110.

ОАК за 1894 г. СПб. 1896. – С. 77-87.

ОАК за 1895 г. СПб. 1897. – С. 129-137.

ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб. 1913. – С. 147-151.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья Дона // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим, 2007. – С. 312-324.

Першиц А.И. Расслоение общественное // Свод этнографических понятий и терминов: социально-экономические отношения и соционормативная культура. Вып. 1. М.: Наука 1986. – 240 с.

Приходнюк О.М. Раннеславянские культуры V-VII вв. и этнополитическая консолидация славян // Славяне Восточной Европы в предгосударственный период. Киев: Наукова думка. 1990. – С. 202-254.

Плано Карпини История монгалов // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 8-9.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в Южнорусских степях // МИА. № 62. М-Л., 1958. – С. 151-226.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. – С. 5-72.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М. 1967. – 198 с.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19.М., 1973. – 96 с.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. – 93 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР: в 20 т. М.: Наука, 1981. – С. 213-222.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. – 285 с.

Плетнева С.А. Города Таманского полуострова в конце VIII-XII вв. Таматарха-Тмутаракань // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука. 2003. – С. 173-179.

Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006. – 391 с.

Прокопий из Кесарии Война с готами. М. 1950. – 519 с.

Пронин Г.Н., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В. Могильник Поваровка X-XIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. Том. 8. М.: Таус, 2006. – 380 с.

ПСРЛ. Т.13. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 272 с.

Пьянков А.В. Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11616–11616 а, б, в.

Пьянков А. В. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплеевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г. – Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1. № 13448, 13450-13452

Пьянков А.В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск, 2000. – С. 12-25.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Черноклен из Краснодарского края // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала, 1988. – С. 63-64.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея. 1993. – С. 123-138.

Пьянков А.В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1 // Древности Кубани. Вып. 9. Краснодар, 1998. – С. 16-23.

Пьянков А.В. Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар, 1998а. – С. 20-28.

Пьянков А.В. Касоги–касахи–кешаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар, 2001. – С. 198-213.

Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. – С. 158-165

Пьянков А.В. К вопросу о происхождении складных серпов хазарского времени // Шестая кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 359-364.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности юга России. М.: Таус, 2008. – С. 275-295.

Пьянков А.В., Цокур И.В. О реконструкции сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология. Вып. 2. М.: Русская панорама, 2011. – С. 153-167.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 1. Армавир–М., 1995. – С. 154–156.

Раев Б.А., Огаян А.Э. Средневековые погребальные сооружения адыгов в долине р. Афипс // МИАК. Вып. 4. Краснодар, 2004. – С. 260-272.

Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху развитого средневековья. Материальная и духовная культура // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука, 2003. – С. 308-320.

Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005. – 70 с.

Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. М., 1953. – С. 23-104.

Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. XVIII. М., 1953а. – С. 128-150.

Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X – XII вв н.э.: автореф. дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Савенко Сергей Николаевич. - М., 1989.

Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 1986. – С. 70-101.

Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. 5. М., 1998. – С. 50-88.

Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914. – С. 75-219.

Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация)// Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції XVI Слобожанські читання. Випуск 2. Харьків, 2012. – С. 79-84, 133-141.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. 1989. – С. 56-173.

Смирнов А.П. Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР: в 20 т. М., 1981. – С. 208-211.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература, 1997. – 279 с.

Соков П.В. О кочевнических захоронениях с территории Кубинского городища в Карачаево-Черкессии // Десятые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2003. – С. 12-13.

Соков П.В. Раннесредневековые памятники VIII-IX вв. Средней Кубани: дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Соков Павел Вадимович. – Армавир, 2004. – 354 с.

Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001. – 282 с.

Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. – С. 254-263.

Степаненко В.П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI века // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. – С. 157-168

Стрельченко М.Л. Материальная культура адыгских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.: автореф. дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Стрельченко М.Л. – Л., 1969.

Спиридонова Е.А. Алешинская А.С. Кочанова М.Д. Изменение природной среды с эпохи энеолита по средневековье на полуострове Абрау (по данным палинологического анализа) // Abrau antique. М.: ИА РАН, 2009. – С. 19-50.

Сыроватко А.С., Добровольская М.В. Мальцева Е.Ю. Экспериментальные данные для идентификации кремированных материалов //OPUS. 2011. В печати

Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью // МАК. Вып. 9. М., 1904. – С. 89-162.

Тарабанов В.А. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской автономной области Краснодарского края (зона краснодарского водохранилища) в 1986 г. // Архив ИА РАН Р1 11610

Тарабанов В.А. Отчет об исследовании археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в 1988 г. // Архив КГИАМЗ. НА-478

Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдаванское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14147

Тарабанов В.А. Социальные отношения адыгов в X–XV вв. // Древности Кубани. Краснодар, 1997. – С. 33-37

Тарабанов В.А. Метательное вооружение VIII–X вв. по материалам кремационного могильника села Молдовановское Крымского района Краснодарского края (раскопки 1989 г.) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар, 2005. – С. 272-274.

Тарабанов В.А. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. Вып. VIII. М.: Паямтники исторической мысли, 2008. – С. 525

Таскаев В.Н., Чхаидзе В.Н. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // Древности Боспора. Вып. 11. М., 2007. – С. 403-412.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Том II. Л.: Акад. наук СССР, 1941. – 308 с.

Тотев Б., Пелевина О. Клад из Врапа (Албания) и аристократические пояса Дунайских болгар // Древности Европы в эпоху средневековья. Том. 9. Донецк, 2012. – С. 339-360.

Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок: Путевые заметки. Ч. II. М., 1891. – 327 с.

Успенский П.С., Пономарев В.П. Большой шапсугский могильник (Западное Закубанье) // МИАСК. Вып. 9. Армавир. 2008. – С. 102-117.

Успенский П.С. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар. 2009. – С. 377-381.

Успенский П.С. Об одном из вариантов погребального обряда кремаций XI–XIII вв. в Закубанье // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Магас, 2010. – С. 336-340.

Успенский П.С. Погребения по обряду трупосожжения курганного могильника на р. Жане // ИАА. Вып. 11. Армавир-Краснодар-М. 2012. – С. 105-118.

Успенский П.С. Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (территория и динамика распространения) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. ТД. Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 388-390.

Успенский П.С. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. // КСИА. Вып. 226. М., 2012. – С. 188-196.

Успенский П.С. Хронологическая дифференциация погребений по обряду трупосожжения VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе // Новые материалы и методы археологического исследования. ТД. М.: ИА РАН, 2013. – С. 157-159.

Успенский П.С, Добровольская М.В. Средневековые кремации некрополя Шизе IV // OPUS (в печати)

Успенский П.С. Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребения по обряду трупосожжения биритуального

могильника Кедровая Роща (антропологический аспект) // Шестая Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 411-415.

Успенский П.С. Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребения по обряду трупосожжения биритуплного могильника Кедровая роща // КСИА. Вып. 231. М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 141-153.

Успенский П.С. Могильники с трупосожжениями VIII-XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда) // РА № 4. М.: Наука, 2013. – С. 86-98.

Успенский П.С. Погребения всадников с территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. ТД. М.: ИА РАН, 2014. – С. 389-391.

Успенский П.С. Изучение социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа, по материалам кремационных погребений VIII-XIII вв. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. ТД. М.: ИА РАН, 2014. – С. 392-394.

Федоренко Н. В. Отчет об археологических раскопках 19 курганов курганного могильника и поселения на территории пансионата «Кедровая роща» в пос. Кабардинка по ул. Дообская в г. Геленджике Краснодарского края в 2007 г. // Архив НГИАМЗ НМ-2395/1

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. – 276 с.

Фехнер М.В. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. – С. 139-145.

Фонякова Н.А. Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII – начала X вв. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. – С. 635-641.

Флеров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. – С. 87-89.

Флеров В.С. Разрушенные скелеты на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. – С. 523-538.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селения Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. – С. 184-258.

Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. № 1. М., 2000. – С. 217-227.

Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2. М., 2000а. – С. 212-220.

Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхнее-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Том. 7. Донецк. 2009. – С. 259-294.

Хотко С.Х. Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII-X вв.) // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик: Издательство КБИГИ РАН, 2014. – С. 181-189.

Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 3. Нальчик. 1987. – С. 40-169

Чхаидзе В.Н. Изображение амфор-корчаг на одной миниатюре Радзивиловской летописи // КСИА. Вып. 217. М.: Наука, 2004. – С. 45-56

Чхаидзе В.Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939-1980 г) // Древности Боспора. Вып. 8. М., 2005. – С. 443-464.

Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2006. – С. 487-517.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. – 328 с.

Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. – С. 116-126.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань в XI веке и Восточный Крым // ВЕДС. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто., М., 2011. – С. 31.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев–Судак, 2012. – С. 251-269.

Чхаидзе В.Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. – С. 47-68.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005. – С. 155-157.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII-XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 127-129.

Шалобудов В.Н. Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новостроечными экспедициями ДГУ в 1972-1999 гг. // Проблеми археологіі Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. – С. 86-106.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Том I. Печати X – начала XIII в. М. 1970. – 328 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. – 164 с.

Чернач-Ратковиh С. Фибуле типа Виминацjум

Banescu N.. Stapanirea bizantina in Matracha (Tmutorokan), Zichia, Chazaria si Rusia in timpul Commenilor, Analele Academiei Romane, Memoriile Sectiunii Istorice. Ser.III. Tomul XXIII. Bucuresti. 1941.

Binford L. Archaeology as Anthropology // American Antiquity. B. 28. 1962. – P. 217-225.

Bohnert M., Rost T., Pollak S.,. The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire //Forensic Science International. V95. 1998. – P. 11-21.

Clarke D. Archaeology: The Loss of Innocence // Antiquity. B. 47. 1973. – P. 6-18.

Hodder I. Post-processual and interpretive archaeology // Colin Renfrew, Paul Bahn Archaeology. The Key Concepts. London, New York: Routledge, 2005. – P. 207-212.

Holck P. Cremated bones. Anatomical Insitute, University of Oslo. 1996. – 160 p.

Garam E. The connection of the avar period princely and common gravegoods with the Nagyszentmiklos thresure // The gold of the avar. Nagyszentmiklos treasure. Budapest, 2002. – P. 81-112.

Litavrin G.G. A propos de Tmutorokan // Byzantion. Tome XXXV. Fasc. 1. Bruxelles. 1965. – P. 221-234.

Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. – 517 p.

Sazanov A. Les amphores de l`Antiquite tardive et du Moyen Age: continuiteou rupture? Le cas de la mer Noire // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence, 1997. – P. 87-102.

Standards for data collection from human skeletal remains. //Ed. J. Buikstra and D. Ubelaker. Arkansas archaeological survey research series no. 1994. – 44 p.

Steward T.D. Essentials of forensic anthropology. Springfield. 1979. – 300 p.

Ubelaker, D. H. Reconstruction of demographic profiles from ossuary skeletal samples: A case study from the Tidewater Potomac. 1978. – 214 p.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains. // Smithsonian Institution Press V.18. 1974. – 79 p.

Uspenskiy P. Cremation Burial Rite in the Northwest Caucasus in the VIII-IX Centuries A.D. // 20th Annual Meetıng of the European Assocıatıon of Archaeologısts. Abstracts of the Oral and Poster Presentations (10-14 September 2014 Istanbul | Turkey), Istanbul, Turkey, 2014. – P. 518-519

Voronov Yu. Tsibilium I. La necropole apsile de Tsibilium Les fouilles de 1977-1986. BAR – International series. Oxford. 2007. – 334 p.

Walker P.L., Miller K.P. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. V .40. 2005. – 222 p.

Приложения и рисунки

Приложение 1

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ

Название	Местоположение	Автор и год раскопок	№ в архиве ИА РАН	Тип могильника[6]			Количество комплексов анализируемых в работе	Тип погребения[7]							
				ГМ	КМ	ВК		БК	БК+Л	БК+ЯИ	УК	УК+Л	УК+ЯИ	ПЛ	ЯИ/ОСВ
8-я щель	Гор. Округ г. Новороссийск	Кононенко А.П., 1995	Р1 № 18812	+			37	17	1		6	1		11	
Андреевская щель	Анапский р-н	Новичихин А.М., 1992		+			1							1	
Ахтырский лиман	Абинский р-н	Гей А.Н. и др., 1984-86		+			1					1			
Бжид 1	Туапсинский р-н	Пьянков А.В., 1992			+?		6				6				
Борисовский	Геленджикский р-н	Саханев В.В.		+			49	48			1				
Борисовский (курганы)	Геленджикский р-н	Саханев В.В.			+		8	1			5	1			1?
Васильевка 4	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1999	Р-1 23169		+		3	3							

[6] ГМ – грунтовый могильник; КМ – курганный могильник; ВК – погребения впущенные в курганы предшествующих эпох.

[7] БК – безурновая кремация; БК+Л – бзурновая кремация сопровождаемая захоронением лошади; БК+ЯИ – безурновая кремация сопровождаемая ямой с набором погребального инвентаря; УК – урновая кремация; УК+Л – урновая кремация сопровождаемая захоронением лошади; УК+ЯИ - урновая кремация сопровождаемая ямой с набором погребального инвентаря; ПЛ – захоронение лошади без человеческого погребения; ЯИ/ОСВ – яма с инвентарем или отдельное скомление вещей без человеческого погребения

Название	Местоположение	Автор и год раскопок	№ в архиве ИА РАН	Тип могильника[6]			Количество комплексов анализируемых в работе	Тип погребения[7]							
				ГМ	КМ	ВК		БК	БК+Л	БК+ЯИ	УК	УК+Л	УК+ЯИ	ПЛ	ЯИ/ОСВ
Гора Болтын	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1972	Р1 № 4964	+			1	1							
Дюрсо	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1974	Р-1 № 6290	+			118	117			1				
Жанэ	Геленджикский р-н	Ковалевская В.Б., 1968	Р-1 3694		+		2					2			
Кабардинка	Геленджикский р-н	Носкова Л.М., 1990	Р1 № 15175		+		10				9	1			
Кедровая роща	Геленджикский р-н	Федоренко Н.В.,2007			+		20	1			12	6		1	
Казазово II	Теучежский р-н	Тарабанов В.А.	Р1 № 11610	+			125	66			55				4
Ленинохабль	Теучежский р-н	Носкова Л.М., 1986	Р1 № 13767	+			29	1			21	5		2	
Лобанова щель	Анапский р-н	Берлизов Н.Е., 2002			+		3				3				
Молдовановский	Крымский р-н	Тарабанов В.А., 1990	Р1 № 14147	+			35	33							2
Общественный II	Абинский р-н	Гей А.Н. и др., 1984-86	Публ.			+	6	6							
Общественный III	Абинский р-н	Гей А.Н. и др., 1984-86	Публ.	+			3				3				
Поселок	Гор. Округ г.	Дмитриев	Р-1	+			1					1			

Название	Местоположение	Автор и год раскопок	№ в архиве ИА РАН	Тип могильника[6]			Количество комплексов анализируемых в работе	Тип погребения[7]							
				ГМ	КМ	ВК		БК	БК+Л	БК+ЯИ	УК	УК+Л	УК+ЯИ	ПЛ	ЯИ/ОСВ
Абрау-Дюрсо	Новороссийск	А.В., 1978	7072												
Псекупский	Теучежский р-н	Ловпаче Н.Г.	Р-1 10918	+			21	16			5				
Раевская	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1984	Р-1 10615		+		1				1				
Сапун	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1985, 86			+		14				9	5			
Цемдолинский (курганы)	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1998	Р-1 21694		+		14				11	3			
Цемдолинский (на пашне)	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1995	Публ.				4	3	1?						
Циплиевский кут	Абинский р-н	Пьянков А.В. 1988	Р1 № 13448	+			48	1			47				
Чайка	Геленджикский р-н	Дмитриев А.В., 1996	Р-1 20092		+		6				4	2			
Черноклен	Абинский	Пьянков А.В. 1986	Р1 № 11616			+	50	6			41	2		1	
Шебш 1	Северский р-н	Житников В.Г., 1999-2000	Р1 № 23425		+		20	1			8		4		7
Шебш 2	Северский р-н	Житников В.Г., 1999-2000	Р1 № 23423		+		71	3		1	18		11		38
Шизе IV	Абинский р-н	Гей А.Н,			+		15	1			10	3		1	

Название	Местоположение	Автор и год раскопок	№ в архиве ИА РАН	Тип могильника[6]			Количество комплексов анализируемых в работе	Тип погребения[7]							
				ГМ	КМ	ВК		БК	БК+Л	БК+ЯИ	УК	УК+Л	УК+ЯИ	ПЛ	ЯИ/ОСВ
		Дружинина И.А, Ульянова Т.Н., 2003-08													
Ю-Озереевка	Гор. Округ г. Новороссийск	Дмитриев А.В., 1999		Неясен			3					3			

Приложение 2.

СТРУКТУРА ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ

Информационно поисковая система создавалась на основе программы MS Exel из пакета программ Microsoft Office, далее, для обработки данных методами многомерного статистического анализа, данные копировались в программу Statistica. Вся информационно-поисковая система состоит из двух больших баз объединенных между собою по шифрам погребений. Первая база данных содержит всю информацию о погребальном обряде памятников, вторая данные о сопровождающем инвентаре. Внутри каждой базы выделяются отдельные блоки признаков.

При отборе признаков, для включения их в базу, использовались как уже разработанные в исследованиях, так и введенные самим автором.

В первом блоке признаки №№ 1-7 содержат архивные данные о погребении, его местоположение (край, район), автор научного отчета.

Следующий блок признаков (№№ 8-10) содержит общие сведения о кремационном погребении человека, на этом этапе выделяются грунтовые и курганные кремации и трупосожжения впущенные в курган предшествующих эпох – учтенные признаки отражают три основных типа некрополей с кремационными погребениями известными на Северо-Западном Кавказе.

Блок признаков с 11 по 19 посвящен описанию курганов. В данном блоке содержатся признаки, отражающие параметрические параметры кургана (диаметр, высота) и особенности курганной архитектуры: типы каменной конструкции насыпи, наличие или отсутствие ям, зольников и кострищ, ровиков, а также количество погребений под одной насыпью.

Блок признаков с 20 по 34 посвящен характеристике обряда погребения человека. Данные признаки разделяют простые кремационные погребения урновые/безурновые от комплексов с сопровождающим ритуальным погребением лошади или ямой с набором погребального инвентаря. Признаки 27-30 характеризуют местоположение человеческого погребения относительно центра кургана и ямы с сопутствующим захоронением (если такое присутствует). Признак 33 содержит данные о наличии преднамеренной порчи погребального инвентаря – весьма характерной черты для кремационных погребений. Наличие признака 34 (погребение ограблено/разрушено) дает возможность для отбора нетронутых комплексов для статистического анализа.

Группа признаков с 35 по 68 посвящена описанию сопутствующего захоронения лошади, или ямы с набором погребального инвентаря. Первые 16 признаков характеризуют форму могильной ямы и применялись как к ямам с костяками лошадей, так и тем где находился только инвентарь. При помощи используемых признаков описываются параметрические характеристики ям (длина, ширина, глубина.), ориентировка по длинной линии.

Остальные признаки этого блока описывают положение костяка лошади и погребального инвентаря. В случае если в могильной яме находился целый костяк лошади, то рассматривается их количество (признаки №№ 51, 52) положение костяка на правом или левом боку, ориентировка по сторонам света, положение черепа (признаки 65, 66).

Во всех рассмотренных погребениях лошадей зафиксировано два случая размещения сопутствующего инвентаря относительно костяка лошади: сосредоточен в одной части ямы и имеет определенный порядок. Данные случаи описывают признаки 67 и 68. Эти же признаки были применены к расположению погребального

инвентаря в ямах без захоронения лошади, что позволило сопоставить особенности расположения вещей в комплексах с захоронениями лошадей и ямах с инвентарем. Признаки 53 и 54 применимы только к погребениям, сопровождаемым ямой с инвентарем.

Следующий блок повторяет набор признаков для захоронений лошадей и ям с инвентарем, с тем отличием, что описывают конское погребение или яму с инвентарем без кремированных останков человека. Наличие этого блока признаков обусловлено необходимостью выделения погребальных комплексов – кенотафов, что важно при описании основных черт погребального обряда.

Следующая База полностью посвящена погребальному инвентарю и состоит из блоков, каждый из которых характеризирует определенную категорию погребального инвентаря.

Первый блок признаков (№№ 105-115) посвящен предметам конской упряжи. Признаки с № 105 по 113 описывают составляющие деталей оголовья (начельники, подвески-решмы, разнообразные украшения оголовья, а также подпружные пряжки). Основная часть этого блока признаков посвящена описанию типов стремян и удил, которые имеют важное значении при исследовании хронологической дифференциации погребений. В основу данного блока были положены классификационные схемы конской упряжи Е.А. Армарчук, Г.А. Федорова-Давыдова, А.Н. Кирпичникова (Армарчук, 2006; Федоров-Давыдов, 1966; Кирпичников, 1973).

Признаки №№ 116-119 характеризуют предметы стрелкового вооружения из погребений. Признак № 117 – лук, под этим признаком понимается наличие в погребении частей сложносоставного лука, как правило это концевые и срединные костяные накладки. Признаки №№ 117-118 относятся к деталям колчана. Наибольшая группа признаков, данного блока, посвящена наконечникам стрел и состоит из 32

наименований типов. За основу была взята классификация наконечников стрел А.Ф. Медведева (Медведев, 1966), дополненная форма отсутствующими в классификации исследователя. Поскольку, сохранность наконечников стрел далеко невсегда позволяет определить тип, в данном блоке введен признак «тип не определен», необходимый для общего учета всех наконечников стрел, присутствующих в погребении.

Блок признаков №№ 120-122 посвящен саблям. Сабельные полосы по длине и кривизне клинка разделены на три типа: короткие слабоизогнутые, длинные слабоизогнутые и длинные среднеизогнутые, также в этой группе введен признак «размер и тип не восстанавливается». Признаки под номером 121 посвящены типам сабельных перекрестий (4 типа), признаки № 122 характеризуют сабельные навершия. Данный блок признаков составлен с учетом работ Е.А. Армарчук и А.А. Малышева, В.Н. Каминского, А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, а также собственных наблюдений автора (Армарчук, Малышев, 1997; Каминский, 1997, Евглевский, Потемкина, 2000)

Признаки № 123-127 рассматривают такие предметы вооружения как шлем, кольчуга, топор, наконечник копья. Признаки под № 127 описывают типы наконечников копий. В этой группе признаков, за основу была взята классификация наконечников копий А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973).

Блок признаков 128-140 посвящен описанию предметов бытового назначения

Блок признаков №№ 141-144 посвящен описанию поясных наборов, включающий пряжки, наконечники поясов, поясные бляхи и накладки, поясные разделители. Основу данного блока составляет классификация поясных пряжек. Поскольку специальной классификации пряжек из средневековых погребений Северо-

Западного Кавказа разработано не было, в своей работе мы использовали классификационные построения В.Б. Ковалевской, А.К. Амброза, исследования А.В. Комара, А.А. Иванова, А.Г. Иванова, И.О. Гавритухина, Г.А. Федорова-Давыдова, А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой (Ковалевская, 1979; Амброз, 1971; Комар, 1999, Он же, 2001; Иванов, 1999; он же, 2001; Иванов, 2001; Гавритухин, 2003; Федоров-Давыдов, 1966; Айбабин, Хайрединова, 2008). При описании пряжек учитывалась форма щитка и рамки, способ крепления рамки и щитка, орнаментация пряжки. Безщитковые пряжки разделяются на типы по форме рамки.

Следующий блок признаков (№№ 145-153) характеризует составляющие одежды и украшения. Сюда входят литые и составные пуговицы (признак 145), бубенчик (146), цепочка, подвеска, бусы и перстень (признаки 147-149). Признаки под номером 150 характеризуют браслеты (витые, литые и пластинчатые).

Основная группа признаков этого блока посвящена описанию серег, поскольку данная составляющая материальной культуры имеет важное значение при исследовании хронологии погребальных комплексов. Все серьги разделяются на простые и составные. Простые серьги различаются по основной форме проволочного кольца, следует отметить, что в нашем материале серьги и височные кольца не различимы между собой, поэтому включены в единую группу. Составные серьги разделяются по форме привески. При составлении данной группы признаков нами учитывались исследования В.Б. Ковалевской, А.И. Айбабина, Г.А. Федорова-Давыдова, касающиеся классификации и хронологии серег из восточноевропейских памятников.

Признак № 153 характеризует застежки-фибулы. При описании данной составляющей погребального набора, нами за основу была взята

классификация А.В. Дмитриева для фибул могильника Дюрсо, дополненная собственными наблюдениями (Дмитриев, 1982)

Блок признаков №№ 154-158 описывает предметы туалета – пинцет, булвака, ногтечистка, копоушка и зеркало.

Следующий блок признаков (№№ 159-168) посвящен характеристике керамического комплекса погребений. Важной группой этого блока, является классификация амфор, обнаруженных в погребениях и имеющих важное значение для их хронологической привязки. При ее составлении, нами учитывались различные классификационные построения для этой категории посуды (Якобсон, 1979; Hayes, 1992; Sazanov, 1997; Булгаков, 2000; Коваль, 2010; Мыц, 1991). Остальные признаки, объединяющие керамический комплекс (корчаги, кувшины, горшки и кружки), составлены с учетом собственных наблюдений автора. Следует отметить, что в нашей работе керамика не расписывается по типам для каждой категории посуды. Нас в первую очередь, интересовало количественное распределение той или иной категории керамики в погребениях, а для этого достаточно указать его вид: кувшин, корчага, горшок или кружка. Создание классификации керамического комплекса – самостоятельная задача отдельного исследования, не входящая в данную работу.

Группа признаков 169-172 посвящена описанию стеклянной посуды, встречающейся в подкурганных погребениях Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья.

Признак № 173 связан с единичной находкой металлического котла в погребении.

Признак № 174 показывает распределение монет в погребениях

Признак № 175 нательный крестик.

Следует отметить, что представленная база данных, описывающая погребальный инвентарь кремационных погребений, не

претендует на исчерпывающую полноту изложения характеристик всего материального комплекса. Поскольку, она составлялась с учетом поставленных задач данного исследования. Нами, в первую очередь, учитывались классификационные схемы предметов материальной культуры, которые могли помочь при изучении хронологической дифференциации погребений, а также, при изучении социальной стратификации населения. Поэтому, часть признаков заведомо сокращалась и объединялась в более объемные группы. Ряд категорий погребального инвентаря со стороны морфологической характеристики, требует отдельного изучения, с привлечением современных методов.

Приложение 3.

КОД ОПИСАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КРЕМАЦИОННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Код:

0 – признак отсутствует

1 – признак присутствует

Архивные данные об исследуемых памятниках

1. Название
2. Край
3. Район
4. Автор раскопок
5. Год раскопок
6. Архивные данные об отчете
7. номер погребения

Общие данные о погребении человека

8. Грунтовая кремация
9. Подкурганная кремация
10. Кремационное погребение впущенное в верхний слой кургана предшествующих эпох

Данные о курганах

11. Высота кургана
12. Диаметр кургана
13. Подкурганная каменная обкладка в основании насыпи
14. Каменная наброска в 1-2 секторах насыпи

15. Сплошная каменная наброска
16. Ровик
17. Количество погребений под одной насыпью
18. Наличие дополнительных ям, зольников и кострищ
19. Наличие обломков сосудов в насыпи

Характеристика обряда погребения человека

20. Безурновая кремация
21. Безурновая кремация с сопутствующим захоронением лошади
22. Безурновая кремация с сопутствующей ямой с инвентарем
23. Трупосожжение в урне
24. Трупосожение в урне с сопутствующим захоронением лошади
25. Трупосожжение в урне с сопутствующей ямой с инвентарем
26. Наличие детского ингумационного погребения
27. Кремированные останки располагаются в центральной части насыпи
28. Смещены от центра кургана
29. В яме с костяком лошади
30. В яме с инвентарем
31. Каменная конструкция вокруг погребения
32. Наличие следов порчи инвентаря
33. Наличие угля в могиле
34. Погребение ограблено

Характеристика сопутствующего захоронения лошади или ямы с инвентарем

35. Могильная яма не прослежена

36. Форма могильной ямы – прямоугольная

37.Форма могильной ямы – овальная

38.Форма могильной ямы – трапециевидная

39.Форма могильной ямы округлая

40.Длина ямы

41.Ширина

42.Глубина

43.Ориентировка ямы по длинной оси – Север–Юг

44.Запад–Восток

45.Северо-запад – Юго-восток

46.Северо-восток – Юго-Запад

47.Каменная наброска над ямой

48.Камни в заполнении ямы

49.Стенки ямы укреплены камнями

50.Стенки ямы укреплены деревянными плахами

51.Целый костяк лошади в яме

52.Два костяка лошади

53.В яме присутствует череп лошади

54.В яме только инвентарь

55.Костяк лошади лежит на левом боку

56.На правом

57.Ориентировка костяка на Север

58.Северо-восток

59.Восток

60.Юго-восток

61.Юг

62.Юго-запад

63.Запад

64. Северо-запад
65. Череп лошади лежит на боку
66. Лицевой частью вверх
67. Погребальный инвентарь располагается в определенном порядке
68. Инвентарь сосредоточен в одной части ямы

Характеристика погребения лошади или ямы с инвентарем без погребения человека (кенотаф)

69. Захоронение лошади без кремированных останков
70. Яма с инвентарем без кремированных останков
71. Могильная яма не прослежена
72. Форма могильной ямы – прямоугольная
73. Форма могильной ямы – овальная
74. Форма могильной ямы – трапециевидная
75. Форма могильной ямы округлая
76. Длина ямы
77. Ширина
78. Глубина
79. Ориентировка ямы по длинной оси – Север–Юг
80. Запад–Восток
81. Северо-запад – Юго-восток
82. Северо-восток – Юго-Запад
83. Каменная наброска над ямой
84. Камни в заполнении ямы
85. Стенки ямы укреплены камнями
86. Стенки ямы укреплены деревянными плахами
87. Целый костяк лошади в яме
88. Два костяка лошади

89. В яме присутствует череп лошади
90. В яме только инвентарь
91. Костяк лошади лежит на левом боку
92. На правом
93. Ориентировка костяка на Север
94. Северо-восток
95. Восток
96. Юго-восток
97. Юг
98. Юго-запад
99. Запад
100. Северо-запад
101. Череп лошади лежит на боку
102. Лицевой частью вверх
103. Погребальный инвентарь располагается в определенном порядке
104. Инвентарь сосредоточен в одной части ямы
105. Погребение ограблено

Данные об инвентаре

Предметы конского снаряжения

106. Начельник
107. Детали оголовья
108. Подпружная пряжка
109. Литая бляшка-накладка
110. Двусоставное украшение с решмой
111. Составное украшение
112. Ременной разделитель
113. Седло

114. Костяная цурка-застежка

115. - IA-1Стремена типа (по классификации Е.А. Армарчук)

114-IA-2

114-IA-3

114-IБ-1

114-II-1

114-II-2

114-III-1

114-III-2

114-IV-1

114-IV-2а

114-IV-2б

114-IV-3

114-IV-4

114-IV-5

116. -Удила с двусоставные с S-видными псалиями

115-Удила со стержневидными псалиями (псалии длинные без шишечек)

115-БI-2а Удила

115-AI-1

115- БI-2б

Предметы вооружения

117. Лук (накладки)

118. - тип 1 Колчанная петля

117-Тип 2

119. Другие детали колчана

120. -Тип 13 Наконечники стрел(По классификации А.Ф. Медведева)

119-Тип 16

119-тип 18

119-тип 33

119-тип 34

119-тип 37

119-тип 38

119-тип 38:1

119-тип 41

119-тип 42

119-тип 43

119-тип 56

119-тип 60:1

119-тип 60:3

119-тип 68

119-тип 82

119-тип 83

119-тип 93

119-тип 94

119-тип 95

121. *Сабля* короткая слабоизогнутая (60-)

120-Длинная слабоизогнутая (больше 100 см)

120-Длинная среднеизогнутая

122. *Брусковидное* перекрестие с расширением в центре

121-Слегка изогнутое или прямое с шарообразными окончаниями и небольшим боковым шитком

121-Прямое без щитка с раструбообразными окончаниями

121-Прямые или слегка изогнутые, без бокового щитка с утолщенными грибовидными окончаниями

121-Перекрестия с хорошо выделенным боковым щитком и с шаровидными или грибовидными окончаниями, опущенными вниз

123. -Тип 1*Навершия* рукоятей в виде цилиндрического колпачка сильно уплощенного с двух сторон

122-Тип 2 – навершия с расширенной головкой и сужением в средней части гладкого или граненого тулова

122-Тип 3 – цилиндрические навершия в виде колпачка с расширенной головкой (грушевидные)

122-Тип 4 – уплощенно-цилиндрические навершия с плоским, или слегка выпуклым верхом, треугольными выступами по бокам и одним боковым отростком

124. Шлем

125. Кольчуга

126. Топор

127. Ножны

128. -Копье с широким удлиненно-треугольным пером (тип III по Кирпичникову)

127-Тип IIIA

127-Тип V (с пером в виде четырехгранного стержня)

127-Наконечник с листовидным пером линзовидного сечения

Орудия труда и быта

129. Нож

130. Серп

131. Тесло/мотыжка

132. Шило

133. Ножницы

134. Зубило

135. Оселок

136. Пряслице

137. Кресало рамчатое

138. Фибула кресало

139. Напильник

140. Шампур

141. Очажная цепь

Детали одежды и украшения

142. Трапециевиднорамчатая пряжка с подвижным трапециевидным щитком

141-1 Прямоугольнорамчатая с прямоугольным подвижным щитком

141-2 Овальнорамчатая пряжка с подвижным пятиугольным щитком

141-3 Лировидная пряжка с подвижным пятиугольным щитком

141-4 Треугольнорамчатая с подвижным прорезным шитком

141-5 Треугольнорамчатые пряжки с неподвижным щитком

141-6 Овальнорамчатая безщитковая пряжка

141-7 Пряжка с двойными симметричными рамками

141-8 Прямоугольнорамчатая безщитковая пряжка

141-9 Овальнорамчатая пряжка

141-10круглорамчатая пряжка

141-11 Трапециевидная безщитковая пряжка

141-12 овальнорамчатая пряжка с щитком с прорезью

141-13 Трапециевиднорамчатая пряжка с 5-ти угольным щитком с фигурным окончанием

141-14 Пряжка с В-образной рамкой и щитком с фигурным окончанием

141-15 Пряжки типа Сиракузы и Бал-Гота

143. Наконечник пояса

144. Ременной разделитель

145. Поясная накладка

146. Литая пуговица

145-1 Шаровидная пуговица

147. Бубенчик

148. Цепочка

149. Бусы

150. Перстень

151. Браслет витой

150-1. Браслет литой

152. Коньковая подвеска

153. - Тип 1 Серьги и височные кольца: (составные) с округлым несомкнутым кольцом с выступом в верхней части и шаровидной подвеской украшенной зернью

152-Тип 2 (составные) с округлым несомкнутым кольцом с выступом в верхней части с подвижной бипирамидальной подвеской

152-тип 3 (составные) с округлым несомкнутым кольцом с выступом в верхней части с подвеской состоящей из спаянных между собой шариков разного диаметра, участок спайки украшен зернью

152-тип 4 (составные) с несомкнутым кольцом с выступом в верхней части с подвеской из нескольких спаянных между собой шариков разного диаметра.

152-тип 5 (составные) с несомкнутым кольцом и литой подвижной подвеской с шаровидным окончанием

152-тип 6 (составные) с кольцом с двумя напускными шариками и проволочным «отростком» в верхней части с подвеской из тонкой проволоки с напускными шариками

152-Тип 7 простая проволочная серьга с несомкнутыми или слегка заходящими окончаниями

152-тип 8 сплошное бронзовое литое височное кольцо

152-тип 9 височное кольцо из бронзовой трубочки

154. Фибулы

Предметы туалета

155. Пинцет

156. Булавка

157. Ногтечистка

158. Копоушка

Посуда

159. Амфора Округлодонная амфора с ленточными ручками

158-Амфоры с высокоподнятыми ручками

158-Плоскодонная амфора с дуговидными ручками

160. Корчага

161. Пифасообразный трехручный кувшин

162. Двухручный кувшин

163. Одноручный кувшин

164. Кружка-кувшин

165. Горшок

166. Фрагменты сосуда

167. Стеклянный графин

168-Чаша

169-Стакан

170-кубок

171-котел

172-монета

173-крестик

Рисунки

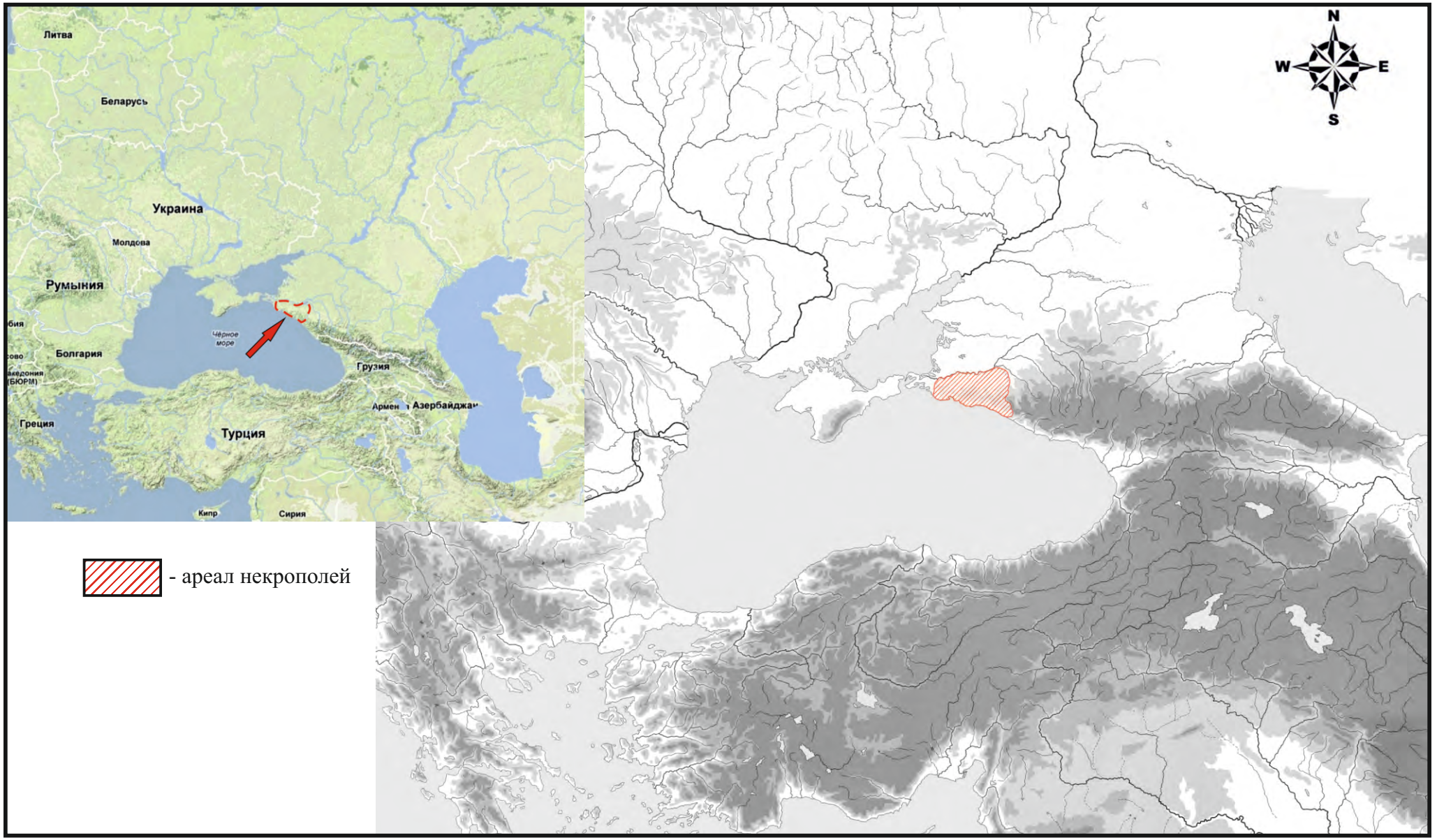


Рис. 1. Карта ареала некрополей с погребениями по обряду трупосожжения VIII-XIII вв., на Северо-Западном Кавказе

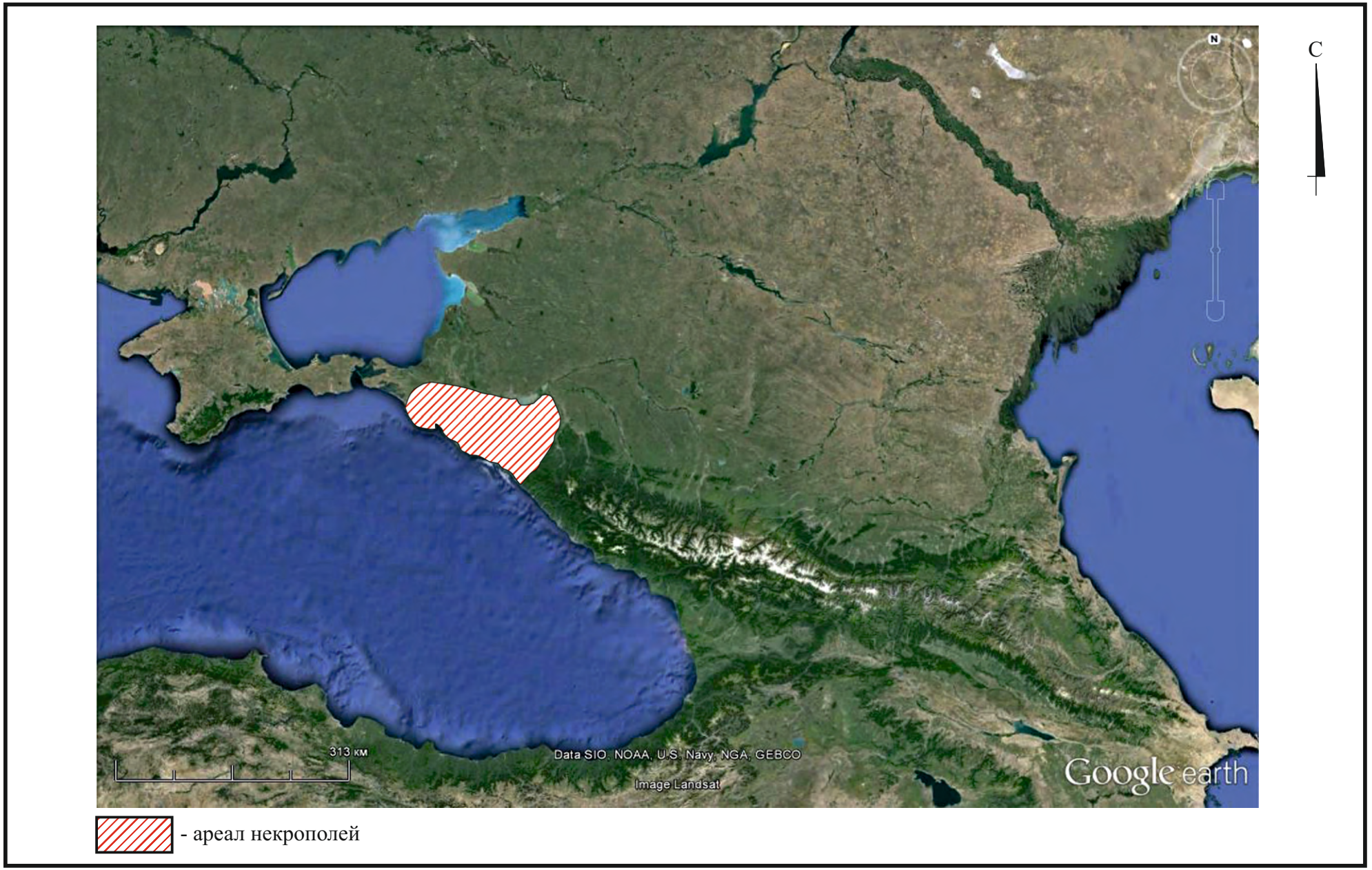


Рис. 2. Ареал некрополей с погребениями по обряду трупосожжения VIII-XIII вв., на Северо-Западном Кавказе, на космоснимке

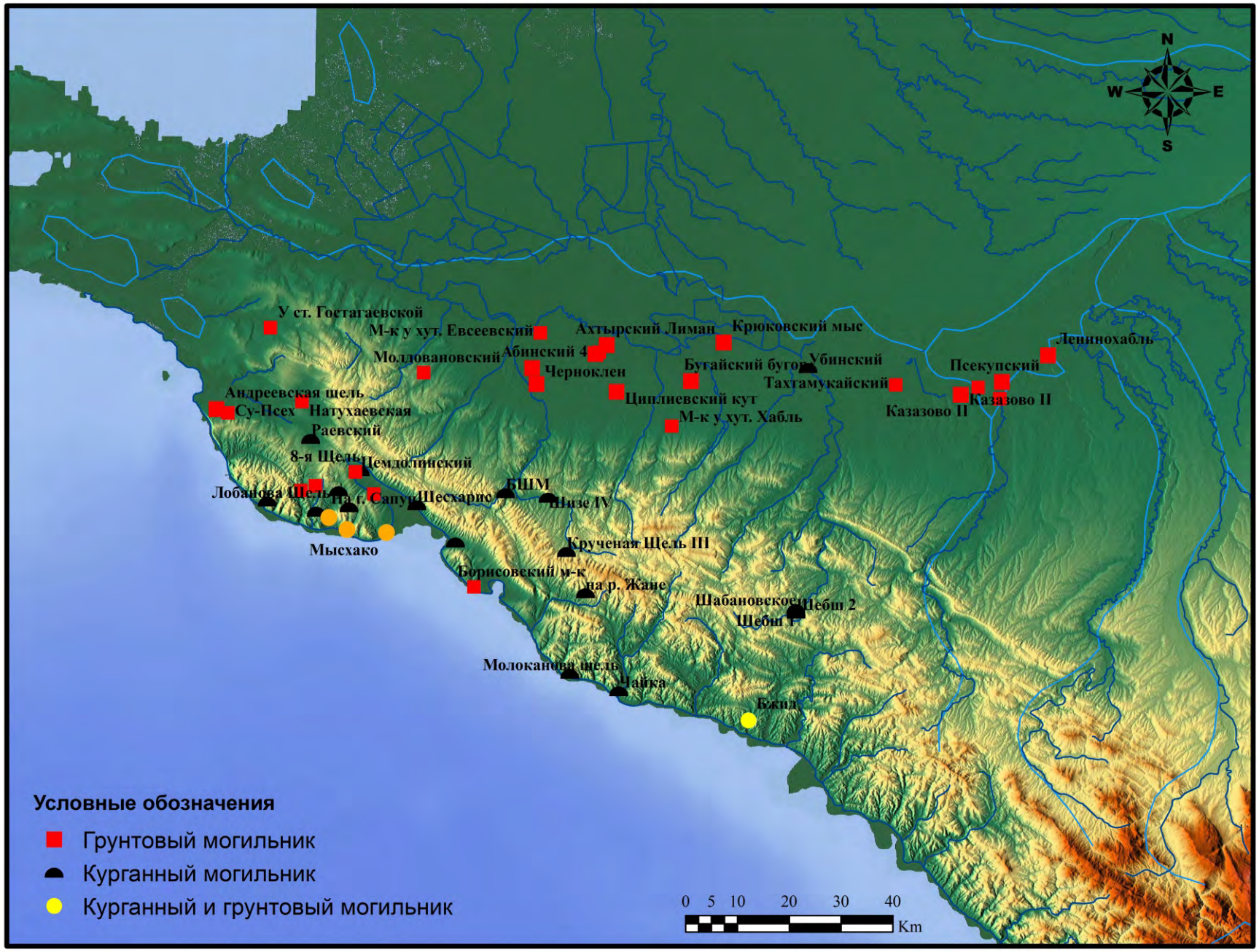


Рис. 3. Карта могильников с погребениями по обряду трупосожжения VIII-XIII вв.

1

Признак	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6	Factor 7	Factor 8	Factor 9
1 Stirrup IA_1	-0,0112556	0,0202495	**0,856978**	-0,0407318	-0,0444006	-0,0105986	0,259968	-0,00384774	0,0592371
2 IA_2	0,0398834	-0,00369738	-0,0702204	0,0216285	-0,00477028	-0,0236675	**0,83264**	-0,0282021	-0,0260691
3 IA_3	-0,00891248	-0,00738051	-0,0276623	-0,005698	0,0115821	-0,00376109	0,0259029	0,00185528	0,00208038
4 III_1	-0,0344109	-0,00722735	-0,015664	0,0418407	0,37223	-0,0252048	0,0177866	-0,172507	-0,0147625
5 IV_1	-0,00676623	0,00575183	0,0407784	0,0460999	0,0350744	-0,0172948	-0,0231882	-0,0723069	**0,864055**
6 IV_2a	0,000680646	-0,0193579	-0,0240714	0,0121888	0,0482161	0,0260629	0,0143681	0,0246779	0,0417387
7 IV_2b	0,0652841	-0,00379551	0,0405171	0,139021	0,00804701	-0,067751	-0,0485916	-0,0914309	-0,0448442
8 IV_3	-0,0643877	-0,0215499	-0,0664694	**0,732176**	0,0411436	-0,0100464	0,00188098	0,189948	-0,00272372
9 IV_4	0,0254926	0,00721467	0,00129009	**0,772174**	0,0346369	0,054498	-0,00019995	-0,00421537	0,0866051
10 IV_5	-0,0217431	-0,0135764	-0,014798	-0,100498	**0,886228**	-0,0086654	-0,0192337	0,0516012	-0,00499204
11 Bit with S	0,0432179	0,0400946	**0,807041**	-0,0238192	-0,00217861	-0,00405756	-0,0530049	0,0145682	-0,0242781
12 so stergnevidnim psaliem	-0,0283805	-0,0123208	0,327316	-0,0342464	-0,0407575	-0,0148078	**0,823688**	-0,0157616	-0,00419855
13 s krilovid psaliem	-0,00122774	-0,0083483	-0,0249194	0,0352819	-0,0557027	-0,00934584	-0,0072176	0,111049	**0,731291**
14 BI_2b	-0,00875937	-0,0101592	-0,0429897	0,455944	**0,733522**	-0,0414348	-0,0450361	-0,0116668	0,00320596
15 Sabre 1	**0,786481**	0,247858	-0,0317953	-0,00705571	-0,00816707	0,0862439	0,020752	-0,0292238	-0,0240894
16 Sabre 2	-0,0727638	-0,0225324	-0,0422081	0,24627	0,288304	0,0514777	-0,0306615	0,302202	0,211411
17 Garda 121_1	0,381227	**0,601161**	0,148013	0,0811282	-0,0147442	-0,0324611	-0,0682586	-0,0833043	-0,0456069
18 G 121_2	**0,714868**	-0,186588	-0,136146	-0,1068	0,00204583	-0,00641904	0,128976	0,146885	0,0640334
19 G 121_3	-0,0221373	0,0105414	-0,0774355	-0,192657	-0,00959544	**0,646618**	0,00515818	0,0875073	0,0106299
20 G 121_4	0,0112575	-0,00690884	-0,0163682	-0,09409	-0,117875	-0,00215885	-0,0199242	0,0624253	-0,0643596
21 G 121_5	-0,0190605	0,0163536	0,0192875	0,135241	0,120371	-0,0295912	-0,0174401	**0,765269**	-0,0778169
22 Nav T 1	0,00163108	**0,827527**	-0,102235	-0,026703	-0,0142967	-0,00653532	0,0411769	0,0156743	0,0148042
23 T 2	-0,0268111	0,00655657	-0,108789	-0,0744712	-0,0122063	0,0773508	0,0558498	0,0372343	0,036237
24 T 3	0,00502463	-0,0125848	0,0210582	-0,0382806	0,0150005	**0,802125**	-0,0291052	-0,0291584	-0,0181224
25 T 4	0,0163441	-0,0173473	-0,00758103	0,00744621	-0,128225	-0,00545396	-0,0241741	**0,747137**	0,0805719
26 Axe	**0,597858**	0,146487	0,204253	0,0170088	-0,0137123	-0,0522214	-0,169931	-0,068509	-0,0446561
27 Jvelin TIII	0,0164898	-0,0195859	0,0162784	0,318628	-0,0549233	0,690195	-0,0106045	-0,074795	-0,0119278
28 III A	0,0400965	**0,806374**	0,0814555	-0,0341278	0,00113725	0,00263392	-0,0162138	0,0287895	0,0102939
29 T V	**0,456811**	0,0826933	0,0437135	0,0783081	-0,0905378	-0,0716474	0,12674	-0,09315	0,00628375
30 c list perom	0,0852922	-0,0269488	0,209856	0,101442	-0,0157081	-0,0816501	-0,0886392	-0,0687121	-0,0474653

2

Рис. 4. Хронология погребальных комплексов. Результаты факторного анализа предметов конской упряжи и вооружения. 1 - график распределения значимости факторов, по силе внутри факторов; 2 - факторная матрица с признаками вооружение и конская упряжь (значение силы признака указано после вращения методом varimax).

	Factor 10	Factor 11	Factor 12	Factor 13	Factor 14
1 Stirrup IA_1	-0,0449938	-0,0175038	-0,0502931	0,0537284	0,0318351
2 IA_2	0,000433919	0,0146459	0,00129514	-0,0784591	-0,0882774
3 IA_3	-0,0046987	-0,000799648	-0,00728568	-0,00459363	**0,986242**
4 III_1	**0,4726**	0,00335699	-0,0586324	-0,0562552	-0,0198674
5 IV_1	-0,0270973	0,00288635	-0,153861	0,0647655	0,00932625
6 IV_2a	-0,0431091	-0,0214099	**0,841256**	0,155288	-0,00487479
7 IV_2b	0,0452983	-0,0173346	0,198404	**0,757544**	-0,00800927
8 IV_3	-0,0697363	0,00957753	0,219507	-0,103685	-0,00482331
9 IV_4	0,0803909	0,00337279	-0,193155	0,231541	-0,0105304
10 IV_5	0,020963	-0,0223682	-0,0209082	-0,0649864	-0,0203888
11 Bit with S	-0,00500704	0,0627452	0,0140813	-0,0236464	-0,0541977
12 so stergnevidnim psaliem	-0,0304158	-0,0439628	0,0264806	0,0145498	0,157116
13 s krilovid psaliem	0,0481974	-0,00913852	0,399581	-0,159008	-0,00972393
14 BI_2b	0,0725654	-0,00796218	0,158366	0,255098	0,0797905
15 Sabre 1	-0,0215337	0,0942945	0,050099	0,159567	0,00531946
16 Sabre 2	**0,564452**	-0,0194097	-0,0203924	0,019375	-0,0438512
17 Garda 121_1	0,00561157	0,0897152	0,0414327	-0,116545	0,0338127
18 G 121_2	-0,0512692	-0,0847139	-0,159587	0,144324	-0,0351015
19 G 121_3	0,0433775	0,299043	0,0782142	0,145993	-0,0136154
20 G 121_4	**0,804098**	-0,0101572	0,00901557	0,0439019	0,0243176
21 G 121_5	-0,123771	0,00506396	-0,0875588	-0,0404483	0,0012255
22 Nav T 1	-0,0124736	-0,0248224	-0,0208213	0,0183343	-0,00915869
23 T 2	-0,0456616	**0,822356**	-0,0562177	0,12358	-0,0106039
24 T 3	-0,0477879	-0,0747401	0,0269569	-0,0648368	0,00696746
25 T 4	0,232428	-0,0210682	0,13303	-0,0228415	0,0024596
26 Axe	-0,0246621	0,00650649	0,022802	-0,224521	0,0146546
27 Jvelin TIII	0,0327171	-0,100464	-0,0849539	-0,0861305	-0,00300502
28 III A	-0,0116569	-0,0397388	-0,0171081	0,015115	-0,0164049
29 T V	0,106575	0,0429196	0,279835	-0,414014	-0,0144757
30 c list perom	0,0284221	**0,671874**	0,036123	-0,198695	0,0117788

Используемые признаки:

1-10 - стремена (типы указаны по Е.А. Армарчук); 11 - удила с S-видными псалиями; 12 - удила со стержневидными псалиями; 13 - удила с крыловидными псалиями; 14 - удила типа Б1-2б (по Е.А. Армарчук); 15 - сабля тип 1, 16 - сабля тип 2;17 - 21 - сабельные перекрестия; 22-24 - навершия рукояти сабель; 26 - топор; 27 - 29 - наконечники копий (по А.Н. Кирипичникову); 30 - наконечник копья с листовидным пером

Рис. 5. Хронология погребальных комплексов. Результаты факторного анализа предметов конской упряжи и вооружения. Факторная матрица с признаками вооружение и конская упряжь (значение силы признака указано после вращения методом varimax) (продолжение, начало на рис. 4).

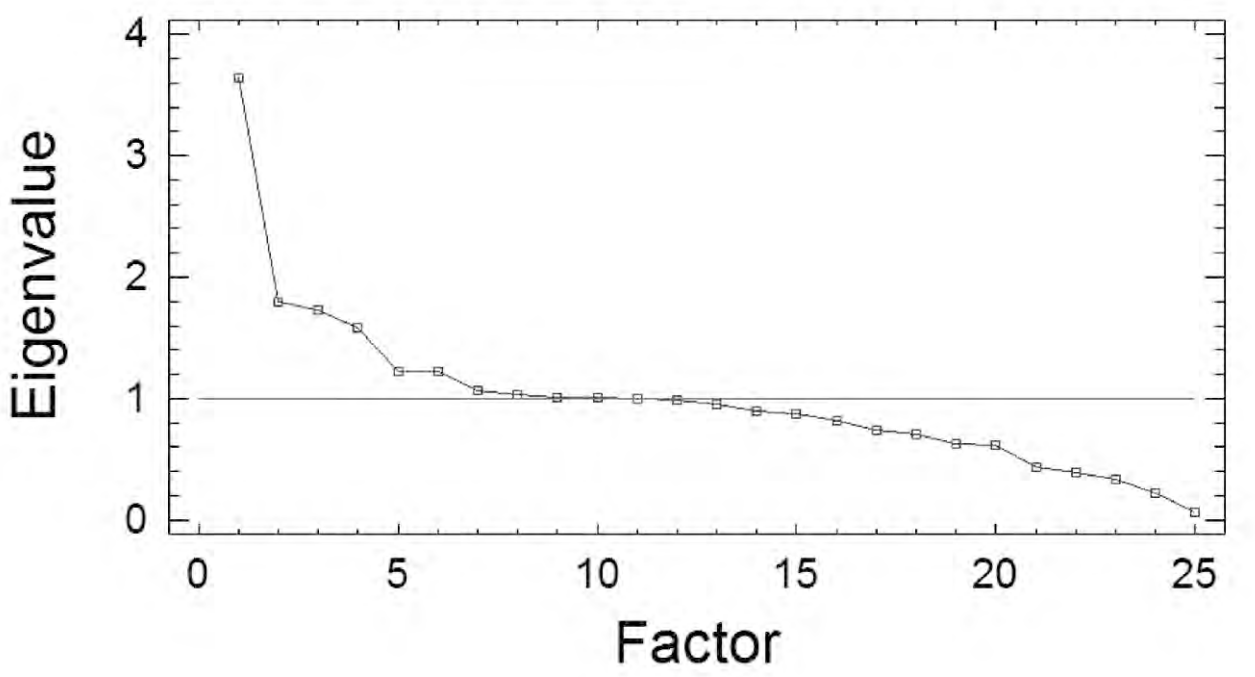


Рис. 6. Хронология погребальных комплексов. Результаты факторного анализа составляющих поясной гарнитуры, одежды и украшений. График распределения значимости факторов, по силе внутри факторов

Признак	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6	Factor 7	Factor 8	Factor 9	Factor 10
1 B 141_0	0,931506	0,0133678	0,02945	0,0762104	-0,0169287	0,00866658	-0,0170052	0,0158505	0,01878	-0,0159691
2 B 141_1	0,263592	-0,0184382	0,150563	0,352592	-0,00567517	-0,0681431	-0,0312787	-0,117827	-0,0332	-0,0363274
3 B 141_2	0,0119465	-0,0227263	-0,0262853	0,00675882	-0,0429602	0,898105	0,00609423	-0,0012215	0,01644	0,00257575
4 B 141_3	-0,00125397	-0,00389031	0,0318757	0,0140125	0,595541	0,650031	-0,0466441	-0,00765657	-0,0205	-0,0159695
5 B 141_7	-0,0801443	-0,035468	0,126258	-0,0396554	-0,0484078	-0,0355742	-0,0495104	0,781218	-0,0392	-0,100663
6 B 141_8	0,318326	0,0503538	-0,145781	0,0565593	0,173439	0,0387262	0,0715474	0,568038	0,02089	0,205146
7 B 141_9	-0,031475	0,673712	0,00383702	-0,0549764	0,0137982	-0,0339782	-0,0363979	0,0816916	0,10585	-0,0608844
8 B 141_10	0,00346034	0,475869	-0,0113234	-0,0665546	-0,00333082	0,0238191	0,00704525	-0,00554348	-0,0784	0,125706
9 B 141_11	0,840984	-0,00869969	0,0746819	0,00387485	-0,0135701	-0,0228923	0,0577937	-0,0379249	0,00942	-0,0274248
10 B 141_12	-0,0701855	0,0133538	-0,110842	0,805719	-0,0517298	-0,0453229	0,00759222	0,034833	-0,0519	0,0141925
11 B 141_13	0,828507	-0,00318653	0,00826542	-0,00290216	-0,0187122	-0,012004	-0,0183643	0,119785	0,00094	0,0232807
12 B 141_15	0,00447315	-0,0964679	-0,0240886	0,045052	0,0906996	-0,0857016	-0,0711536	-0,205435	-0,2255	0,36608
13 Nak poyas	0,690006	0,00366809	0,437474	0,376298	0,178382	0,217799	-0,0268826	-0,0035081	0,02906	-0,0122924
14 Rem razd	-0,0545633	-0,0179053	0,873646	0,100704	-0,0069177	0,00370559	0,0027263	0,0644181	-0,0031	0,0322472
15 Nakladka poysa	0,358972	-0,0181087	0,649125	-0,0634594	0,0173581	-0,0702787	0,0075108	-0,0157172	-0,0027	0,0169661
16 blaha	0,158011	0,0481729	0,468829	0,672395	0,00154225	0,219272	-0,00195587	-0,0160504	0,03479	-0,0168173
17 Earring 1	-0,00572141	-0,0170748	0,0173263	-0,0198548	0,910225	-0,000669199	0,0645559	0,0356025	0,00240	-0,00303836
18 Earring 2	0,017044	-0,0219587	0,0187571	-0,0143109	0,23898	-0,134745	0,731522	-0,114306	0,03707	-0,0341103
19 Earring 3	-0,0223335	-0,0206249	0,0346859	-0,0786879	-0,047821	-0,0103204	-0,0250196	-0,0742901	0,86551	0,0152047
20 Earring 4	-0,00530631	-0,00443077	-0,0132854	0,0040639	-0,150248	0,108533	0,801629	0,103773	-0,0409	0,0235878
21 Earring 7	-0,0254999	0,690545	0,0315023	0,0674759	-0,0260654	0,00701792	0,035082	-0,0309057	-0,0221	-0,186847
22 Earring 8	0,0561124	0,677739	-0,0472906	0,100717	-0,0103039	-0,0239319	-0,0292754	-0,0450574	-0,0069	0,180545
23 Earring 9	-0,0103338	0,25561	0,00236643	-0,0264304	0,0190307	-0,0190768	-0,0220119	0,110255	-0,0528	0,551543
24 Earring 10	0,0164998	0,0578723	-0,0496477	0,0136326	0,0731881	-0,0589713	-0,0513083	0,00756773	-0,1517	-0,669032
25 Fibyla	0,147714	-0,0482648	-0,123904	0,428408	0,268937	0,0223996	0,0238944	0,135415	0,46368	0,0255811

Используемые признаки:

1-12 - пряжка; 13 - наконечник пояса; 14 - ременной разделитель; 15 - поясная накладка; 16 - ременная бляха; 17 - 24 - серьги, 25 - фибула

Рис. 7. Хронология погребальных комплексов. Результаты факторного анализа составляющих поясной гарнитуры, одежды и украшений. Факторная матрица с признаками поясная гарнитура, детали одежды и украшения (значение силы признака указано после вращения методом varimax).

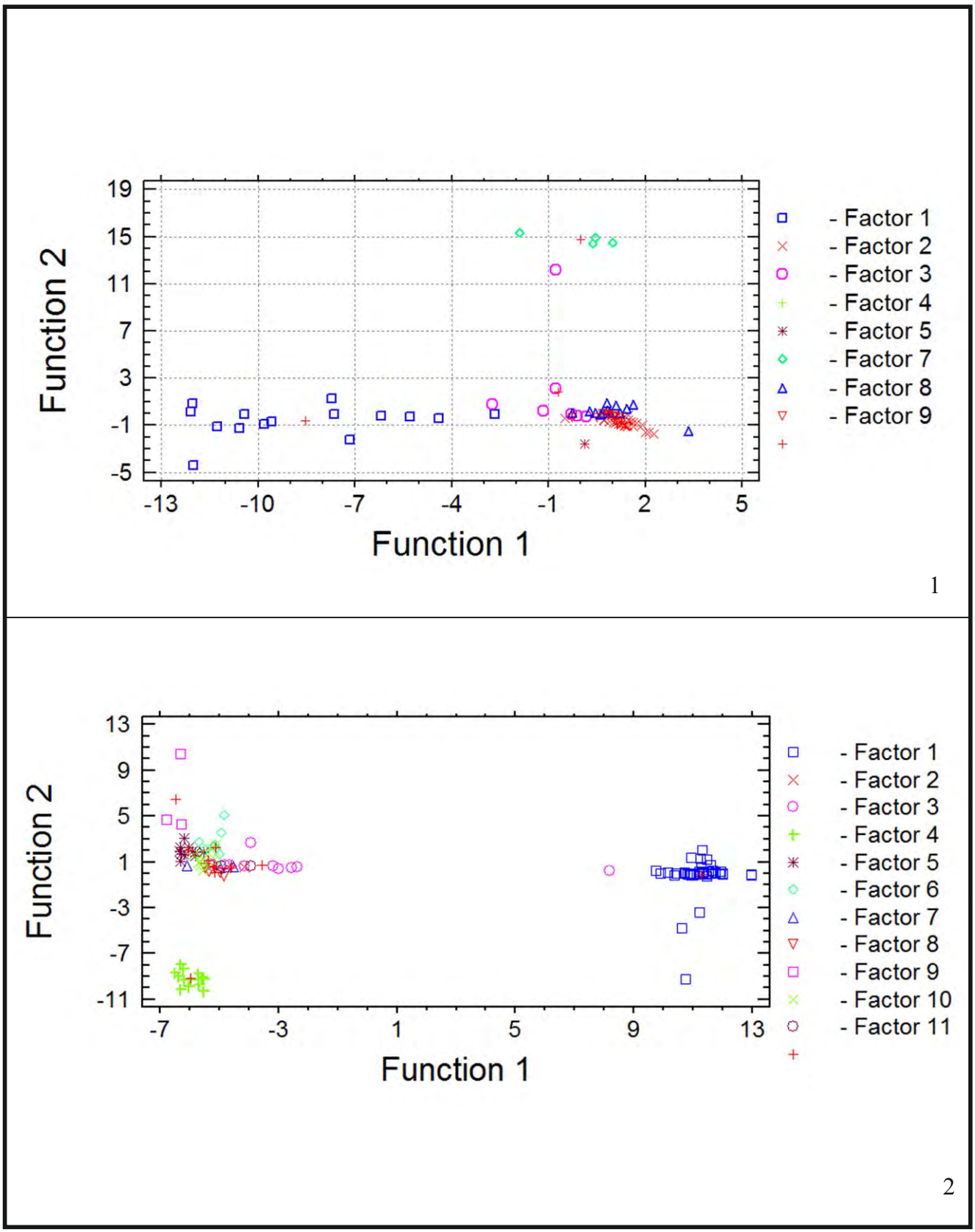
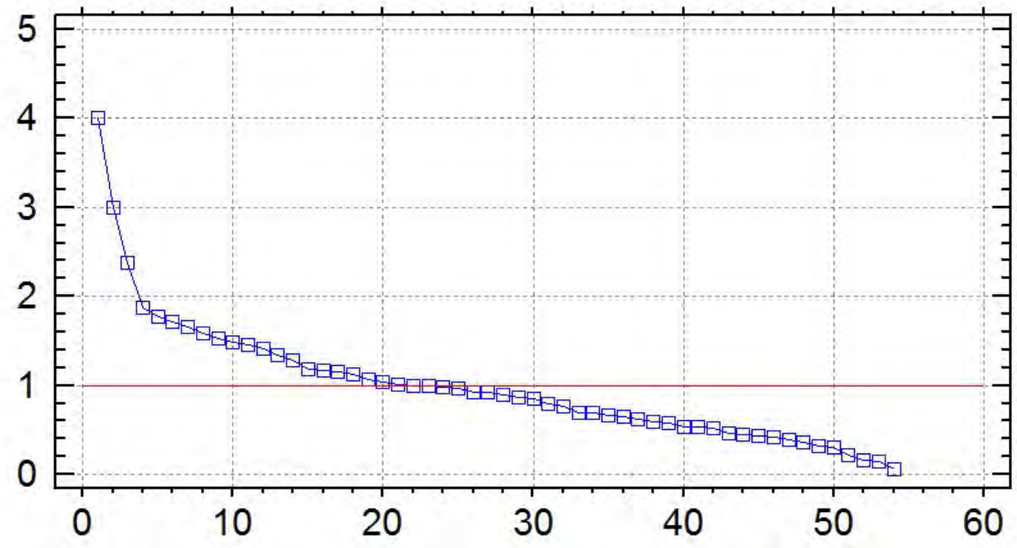


Рис. 8. Хронология погребальных комплексов. 1 - графическое представление результатов дискриминантного анализа с проверкой группировки деталей поясных наборов, одежды и украшений; 2 - графическое представление данных дискриминантного анализа с проверкой группировки предметов вооружения и конской упряжи



1

	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6	Factor 7	Factor 8	Factor 9
Axe	-0,00220713	-0,0175862	0,212373	0,566109	-0,0459872	0,00483446	-0,0678901	0,0181764	0,139951
B 141_0	0,932286	0,000803834	0,00553311	0,00079734	0,0152279	0,0240868	0,0227183	0,0645425	-0,0340048
B 141_1	0,284092	-0,00324903	0,00847493	0,0237152	-0,00019192	0,0903339	-0,0642184	0,388604	-0,0976466
B 141_10	-0,00573634	0,624304	-0,0105756	-0,0142937	0,050306	0,00753681	0,0191978	-0,0278214	0,0216258
B 141_11	0,832988	0,00112308	0,00784918	0,0117452	-0,00285947	0,0625249	0,0481203	0,0171568	-0,0481935
B 141_12	-0,0655197	-0,014484	-0,00230801	0,00907865	-0,0526045	-0,104294	0,0591684	0,801751	-0,00989836
B 141_13	0,83331	-0,0154461	-0,0151594	-0,0172124	-0,0198033	-0,00243344	0,0122794	-0,0219799	0,0654415
B 141_15	0,00745888	-0,000300933	-0,0127431	-0,0664642	-0,018679	-0,0192869	0,00474001	-0,00642852	-0,0451365
B 141_2	-0,0349864	0,0000307621	0,00241632	0,00436338	0,0284621	0,0403929	-0,0530869	-0,00309244	0,738099
B 141_3	-0,00148191	-0,00814382	-0,016384	-0,0356504	0,00505732	0,0262015	-0,0109941	0,0297601	0,566026
B 141_7	-0,00862545	-0,0166063	0,000895299	-0,0138018	-0,0119062	0,0199123	0,120624	-0,0150467	-0,0173757
B 141_8	0,314793	0,100793	-0,0117814	-0,0343206	-0,0386573	-0,0779985	0,0964786	-0,0620385	0,27422
B 141_9	-0,0338634	0,0516125	-0,0257982	-0,0719783	0,396253	-0,0324061	0,199179	0,0150516	-0,0495214
BI_2b	-0,0173889	0,440049	-0,00710652	-0,0144549	0,720548	-0,00254325	-0,0722274	-0,0381508	-0,00824578
Bit with S	0,374362	-0,0668607	0,0416883	-0,00244721	-0,0348819	-0,06357	0,0975024	-0,0012491	0,489965
blaha	0,169836	-0,0108152	-0,0088716	-0,0266744	0,0276435	0,489285	-0,00437834	0,650886	0,169158
c list perom	0,012269	0,0216853	-0,0217184	0,0330306	-0,0182514	0,00542322	-0,0179941	-0,0193438	0,0217069
Earring 1	0,0216607	-0,0017665	0,0157831	0,0358376	-0,0479353	-0,0196646	0,0116656	-0,0137428	0,0286298
Earring 10	0,00450788	-0,00671644	-0,00586982	-0,0418078	-0,0338092	-0,00603937	-0,00838647	-0,0289928	-0,0352056
Earring 2	0,00157438	-0,0321981	0,127284	0,085509	0,00970604	0,024755	-0,0724285	-0,0303137	-0,142401
Earring 3	0,0166309	-0,0162892	-0,144025	0,474616	0,0505234	-0,0692774	-0,0413739	0,0605145	-0,0325472
Earring 4	-0,0387044	0,00795665	-0,0111263	-0,0333827	0,0204952	0,0387205	0,0353195	-0,0127046	-0,0670634
Earring 7	-0,0126391	0,331827	-0,017815	-0,0646905	0,0511481	-0,00698205	-0,0172178	0,105485	-0,0148194
Earring 8	0,0546693	0,205283	-0,0276296	-0,0222775	0,0658908	-0,0449717	-0,0547517	0,116319	-0,0578989
Earring 9	-0,0195678	-0,0409638	0,00429829	0,00824543	-0,0452888	0,0402456	-0,0519767	-0,0565672	-0,00394526
G 121_2	-0,00164458	-0,0299133	-0,0976509	0,710913	0,0116395	-0,0259103	0,0588725	0,0156331	-0,186702
G 121_3	0,00289049	-0,111819	-0,0029279	-0,0224936	-0,0333041	-0,0295099	-0,0605973	-0,00989304	0,0166171
G 121_4	-0,0150271	-0,0612632	-0,0103925	-0,00502707	-0,0758956	0,0839806	-0,0256072	-0,0442974	-0,00754293
G 121_5	-0,00739726	0,177929	0,0103182	-0,00644364	0,0888034	0,0202531	-0,00888591	-0,0251708	0,0200666
Garda 121_1	-0,0134642	0,0463491	0,635533	0,277109	-0,0429739	0,00296216	-0,0150118	-0,0342363	0,2679
IA_2	-0,0331061	-0,0170899	-0,00671888	0,0277592	0,00843397	0,0411293	0,803937	-0,125571	-0,0669081
IA_3	-0,000786424	0,00396745	-0,00532086	0,00187026	0,0120827	0,0167941	-0,0255194	0,00553049	0,0103308
III A	0,0029106	-0,036727	0,801442	-0,0147848	0,0122813	-0,0173375	-0,0141624	0,0184564	-0,0556924
III_1	0,00653668	0,0522636	-0,0000459384	-0,020708	0,399942	-0,0835256	-0,00866065	0,0627135	-0,000390786
IV_1	-0,00946163	0,116185	-0,00128517	-0,0193908	0,041161	-0,00321256	-0,0125117	0,0188094	-0,0286901
IV_2a	-0,0018006	-0,000970675	-0,00965607	0,0257163	0,0184355	0,000784065	-0,0113319	-0,0526896	0,0273358
IV_2b	-0,0356302	0,0160346	-0,0179553	-0,0384047	0,0748126	0,0217405	-0,0331776	0,0324352	-0,0982955
IV_3	0,00516958	0,764637	-0,0194467	-0,0151199	-0,015053	-0,00941404	-0,042009	-0,0361911	0,00877667
IV_4	-0,0183738	0,696009	0,00549121	-0,0209193	0,0915677	-0,0146055	0,0140806	0,0261938	-0,0349895
IV_5	-0,00327886	-0,0977884	-0,00945625	-0,00189889	0,857934	0,0120375	-0,0201958	-0,0509827	0,0277411
Jvelin TIII	-0,0100291	0,218843	-0,00903588	0,00275368	-0,021133	0,00488105	0,0195393	-0,00312795	-0,0233478
Nak poyas	0,698235	-0,00996501	-0,000523859	-0,00657199	0,00984473	0,43025	0,0370845	0,37023	0,181635
Nakladka poysa	0,352469	0,00093071	-0,0141643	0,0487358	-0,0736762	0,65447	0,0601468	-0,0781126	-0,0181726
Nav T 1	0,00889077	-0,0156161	0,811023	-0,0401155	-0,00069108	-0,0138267	0,013992	0,00932553	-0,0758414
Rem razd	-0,032047	-0,0132708	-0,0127479	-0,0402876	0,0187094	0,869398	-0,0178922	0,0977178	-0,00658385
s krilovid psaliem	0,00194696	-0,0198841	-0,00325632	0,0195488	-0,0492113	-0,00553031	0,000304864	-0,0228758	-0,00163281
Sabre 1	-0,0169539	0,038351	0,336854	0,686056	-0,0521615	0,0689802	-0,00482499	-0,0700017	0,0733736
Sabre 2	-0,00846061	0,197273	-0,0357619	-0,0659701	0,33481	-0,0323643	-0,0622962	-0,00370347	-0,0436215
so stergnevidnim psaliem	0,136791	-0,00818944	-0,0110708	-0,00805923	-0,0437642	-0,0155345	0,836894	0,161661	0,0341674
Stirrup IA_1	0,209609	-0,00912361	0,026756	-0,0187547	-0,0812618	-0,0412726	0,399172	0,348893	0,372541
T 2	-0,000262566	-0,000749103	-0,0211268	-0,0447913	-0,00987175	-0,0154466	0,0140416	0,00331248	-0,00615295
T 3	-0,00328476	-0,0816419	-0,00570579	0,00191283	0,00312137	0,000186501	-0,0177579	-0,0140347	0,00577084
T 4	-0,00767767	-0,0317033	-0,0151226	0,0120381	-0,0871406	-0,0344507	-0,008735	0,0186039	-0,0311782
T V	-0,0148406	-0,0352675	0,124573	0,462453	-0,1049	0,11429	0,189513	-0,103693	0,0921167

2

Рис. 9. Хронология погребальных комплексов. Результаты объединенного факторного анализа. 1 - график распределения значимости факторов, по силе внутри факторов; 2 - факторная матрица с признаками (значение силы признака указано после вращения методом varimax).

	Factor 10	Factor 11	Factor 12	Factor 13	Factor 14	Factor 15	Factor 16	Factor 17	Factor 18		Factor 19	Factor 20	Factor 21	Factor 22
Axe	-0,0208185	-0,0403158	-0,00821682	0,204617	-0,0508238	-0,173364	-0,00771944	0,0145053	-0,0143573	Axe	-0,0967122	-0,0830346	-0,0376457	-0,0169386
B 141_0	0,000294898	0,0156451	-0,000172275	-0,0376746	-0,00756042	0,0182608	-0,00724651	-0,00474385	-0,0113367	B 141_0	0,0167471	-0,0344862	-0,0215245	-0,00276673
B 141_1	-0,0115035	-0,00313898	0,00332425	-0,0109853	-0,00481307	0,0175358	-0,00367664	-0,0501071	-0,0430367	B 141_1	-0,010582	-0,0794801	-0,0373114	-0,0143896
B 141_10	-0,0138902	-0,0141853	-0,0143279	-0,0628797	0,085709	-0,0230457	0,351369	0,204546	-0,126787	B 141_10	0,0338357	0,112136	-0,101757	-0,0329549
B 141_11	-0,00972478	-0,00137168	-0,00581588	0,103726	-0,0205626	-0,00739292	-0,00483001	-0,0272104	-0,0129623	B 141_11	0,0223418	-0,0243006	-0,0384109	-0,0123288
B 141_12	-0,0162938	-0,0093798	-0,00271682	-0,029287	-0,0111163	-0,0423624	0,000351732	0,0540407	0,0341228	B 141_12	0,00988911	0,0518149	0,048311	-0,0177389
B 141_13	0,00298476	-0,0152329	-0,00200251	-0,00862553	0,0105493	-0,0515351	0,00292428	0,0388142	0,0196446	B 141_13	-0,0203014	0,0536901	0,0694263	0,0120197
B 141_15	0,00310237	0,0314022	-0,0111128	0,0799242	0,00100026	0,0256211	-0,0425853	-0,0868943	-0,0869404	B 141_15	-0,113183	-0,140724	-0,0325284	-0,643743
B 141_2	-0,0113562	0,0367642	-0,00229021	-0,0847903	-0,0151893	0,130897	-0,0389689	-0,0681037	-0,0236873	B 141_2	0,0419398	-0,0840633	-0,0821668	0,00561065
B 141_3	-0,00118569	0,0161963	-0,0064935	-0,0130425	-0,0131457	0,672147	-0,00440668	-0,0196048	-0,00698859	B 141_3	-0,00666038	-0,0842736	-0,0446898	-0,00276482
B 141_7	0,00214479	-0,00144808	0,841989	0,00671487	0,000560694	0,0127051	-0,00488741	0,00796217	-0,00326855	B 141_7	-0,00267202	-0,0375519	-0,0136192	0,00415184
B 141_8	-0,0517112	-0,0330171	0,121231	-0,0702603	0,0347806	0,0263741	-0,0113505	0,177765	-0,0124372	B 141_8	-0,023378	0,29925	0,40656	0,0114259
B 141_9	0,0738442	0,226737	0,00959716	0,168438	0,0282326	0,0307634	-0,0219764	0,450921	0,142637	B 141_9	0,0545289	-0,202586	0,0213634	0,075113
BI_2b	-0,03382	0,120719	0,0317122	-0,0409334	-0,038629	-0,0256797	0,00519891	0,0692405	0,0407771	BI_2b	-0,0097089	0,0106698	0,265348	-0,021309
Bit with S	0,0360477	-0,0628129	-0,0232502	0,437296	0,0475499	-0,0825674	0,0277189	0,0588027	-0,00226684	Bit with S	-0,148705	0,141912	0,13479	0,02357
blaha	0,00756604	0,0444853	-0,0132475	-0,00854644	0,0230832	0,0625741	-0,0107774	-0,00922628	-0,0595251	blaha	0,00327495	-0,0290764	-0,03173	0,0109228
c list perom	-0,0609826	-0,0366686	0,0123781	0,713105	-0,0243595	-0,0547858	0,00182284	0,00351332	-0,0223873	c list perom	0,31373	-0,123301	-0,00626708	-0,03106
Earring 1	-0,0147786	-0,0352542	0,000209051	0,0575771	-0,0152398	0,838908	0,018628	0,0315579	0,0103754	Earring 1	-0,0116659	0,0678856	0,0597818	-0,0162262
Earring 10	-0,00472219	0,0248639	-0,0123953	0,0554635	-0,00319214	0,00993622	-0,0246959	-0,0878849	-0,0984222	Earring 10	-0,0986502	-0,11572	-0,0220088	0,741054
Earring 2	0,0314716	-0,0014247	-0,0010527	0,672692	0,0201626	0,219194	-0,00648679	-0,0365227	-0,0325266	Earring 2	-0,0946796	0,354866	-0,0145517	-0,00780002
Earring 3	0,00762256	-0,0208188	0,024149	-0,0422881	0,016802	0,0162037	0,00593741	-0,0069843	-0,0546552	Earring 3	-0,0835899	-0,0132067	-0,106567	0,0499445
Earring 4	-0,0122709	0,0861917	-0,0165947	0,0635361	-0,0405212	0,0265069	-0,0524688	-0,0606057	0,0070085	Earring 4	-0,0167571	0,731366	-0,0892161	0,0228213
Earring 7	-0,0263881	0,598419	-0,013963	0,0372995	0,28833	-0,0018332	-0,0777494	0,195813	0,00695756	Earring 7	0,0494383	-0,0249079	-0,103783	0,103089
Earring 8	-0,0163309	0,290317	-0,0151294	0,0458102	-0,144964	0,00697021	-0,0961447	0,642721	-0,00689176	Earring 8	-0,0467374	-0,0917871	-0,090719	-0,0204813
Earring 9	-0,00750876	-0,146493	-0,00108074	-0,0689244	0,0979698	0,00969829	0,0532803	0,71539	-0,0223086	Earring 9	-0,00570496	0,0403569	0,0592759	-0,00532224
G 121_2	-0,0129242	-0,0430569	-0,0115252	-0,0483954	0,0859027	0,237112	-0,0134539	-0,0215051	-0,0202488	G 121_2	0,050136	0,0715368	0,0244912	0,0148226
G 121_3	0,544116	0,116038	-0,00987079	-0,104427	0,042054	-0,0232296	-0,00546857	-0,024781	0,0514351	G 121_3	0,489266	0,102699	-0,028019	-0,00534776
G 121_4	-0,023357	-0,0601486	-0,00977982	-0,0420641	0,0285474	-0,00431131	-0,0088075	0,0841694	0,803795	G 121_4	0,0266405	0,0249337	0,00240528	-0,0294803
G 121_5	-0,0338752	-0,0853101	-0,00923636	-0,0243799	0,777359	-0,0333923	-0,0475723	0,0757901	-0,123227	G 121_5	0,0227484	0,0222349	-0,033023	-0,0103992
Garda 121_1	-0,0380318	-0,0288311	0,000231665	0,0935018	-0,0532812	-0,169365	-0,0232704	-0,0324465	0,0109063	Garda 121_1	0,0574995	-0,0273253	0,071643	-0,023449
IA_2	-0,00588517	0,00591675	0,00236111	-0,0312291	0,00733633	0,0641597	-0,0397914	-0,027962	-0,0448464	IA_2	0,00418601	-0,130411	-0,0249679	-0,00655032
IA_3	-0,00650929	-0,00756317	0,861237	-0,00320985	-0,00832097	-0,0151045	0,00191343	-0,0146506	-0,00743516	IA_3	-0,00529208	0,0264655	0,0150662	-0,0050768
III A	0,0219388	-0,00485726	-0,000142489	0,128526	0,0278135	0,0520528	0,00953277	0,0037159	-0,0215046	III A	-0,0852238	0,0571014	-0,0275399	0,0144252
III_1	-0,0319135	0,0949548	0,0114318	0,0317926	-0,155913	0,0137248	-0,098754	-0,0746453	0,404141	III_1	-0,0367615	-0,0125768	-0,15882	0,0740891
IV_1	-0,0141518	-0,122711	-0,00723013	-0,00704238	-0,0761732	0,0173453	0,844567	0,0186138	-0,00913599	IV_1	0,0310912	-0,0230173	0,00238253	0,0226525
IV_2a	-0,00494207	0,718943	-0,00375009	-0,0785742	-0,0399831	-0,0306472	0,103841	-0,0349558	-0,0550815	IV_2a	0,0184854	0,116375	0,197414	-0,0592449
IV_2b	-0,0157716	0,126976	-0,0242501	0,0252556	-0,0368456	0,0388302	-0,0355229	-0,0241892	-0,0289059	IV_2b	-0,0273899	-0,129817	0,813545	0,0112109
IV_3	-0,00735111	0,260014	0,002338	-0,0140097	0,104093	-0,0100667	-0,0348842	0,0517676	-0,000380486	IV_3	-0,0385458	0,0358421	-0,103887	-0,0296119
IV_4	0,105448	-0,10989	-0,0109928	0,0470088	0,00679757	0,023122	-0,00327318	-0,103116	0,123876	IV_4	-0,0227647	-0,106271	0,271551	0,0459294
IV_5	-0,0212837	-0,0817786	-0,0210142	-0,0355943	0,0675904	-0,0435372	0,0354828	0,0200611	-0,0361564	IV_5	-0,0105219	0,0432906	-0,0166694	-0,040083
Jvelin TIII	0,743234	-0,0911974	-0,00217282	0,0407069	-0,036751	0,0120828	-0,0120829	-0,0451699	0,0352403	Jvelin TIII	-0,0878616	-0,0770768	0,01787	0,00349997
Nak poyas	-0,00106214	0,0164356	-0,0138834	-0,0174114	-0,00634541	0,209687	-0,0006763	-0,0189819	-0,0366076	Nak poyas	-0,00525039	-0,0401611	-0,0333466	-0,000674594
Nakladka poysa	-0,0210426	-0,0139861	-0,0396488	-0,00684506	-0,0352169	-0,0428645	-0,0113782	0,0339002	0,193108	Nakladka poysa	-0,00761959	0,0564154	0,0210264	-0,000537539
Nav T 1	-0,0158521	0,00102058	-0,00258527	-0,113708	0,00439307	0,0527139	0,00255035	-0,00371593	-0,0135025	Nav T 1	0,0186996	-0,0426886	-0,0408943	0,0102552
Rem razd	0,00542951	-0,00779403	0,0698496	0,0170741	0,00952982	-0,00667749	0,00348981	-0,0143964	-0,0602483	Rem razd	-0,0173081	0,00543228	0,00062108	0,0127826
s krilovid psaliem	0,00266354	0,425511	0,00906521	0,0324527	0,111369	0,00321672	0,703018	-0,0665117	0,0692585	s krilovid psaliem	-0,0574241	-0,0597538	-0,0431328	0,00195186
Sabre 1	0,0407528	0,0261703	-0,022873	-0,0485889	-0,0706082	-0,0102504	-0,043028	-0,0110025	0,0297847	Sabre 1	0,236592	0,0744695	0,206499	-0,0254618
Sabre 2	0,0603207	-0,0134858	-0,0124358	-0,011423	0,291401	0,0127052	0,179685	-0,15564	0,540484	Sabre 2	-0,0455857	-0,0465157	0,0457197	-0,0117795
so stergnevidnim psaliem	-0,0248203	-0,0191443	0,127216	-0,0363977	-0,0318683	-0,0541213	0,0190519	-0,026346	-0,0156272	so stergnevidnim psaliem	0,000900114	0,210066	0,00610039	-0,0116042
Stirrup IA_1	-0,002801	-0,127696	-0,0458278	0,265408	-0,0091138	-0,0830172	0,116007	0,0307007	0,00161333	Stirrup IA_1	-0,0980241	0,349191	0,100742	0,0129149
T 2	-0,0406671	-0,00365423	-0,00634582	0,162595	-0,0109915	-0,00348658	0,000273244	-0,0124378	-0,0183841	T 2	0,836148	-0,0587073	-0,0240654	0,0203682
T 3	0,81257	0,0204856	0,000950451	-0,0213952	-0,00707856	-0,0152602	0,00126732	0,0474412	-0,0609069	T 3	0,00207014	0,0134803	-0,025217	-0,0088242
T 4	0,00454522	0,209936	0,00248294	0,0236312	0,736037	0,016333	0,0533808	-0,0557031	0,237692	T 4	-0,0281273	-0,06957	0,00310116	0,00307838
T V	-0,0245354	0,172931	-0,0325553	0,192182	-0,0386056	-0,12615	0,061009	-0,00682808	0,0800227	T V	-0,129212	-0,154265	-0,0713572	-0,0375122

Рис. 9 (продолжение). Хронология погребальных комплексов. Результаты объединенного факторного анализа. Факторная матрица с признаками (значение силы признака указано после вращения методом varimax).

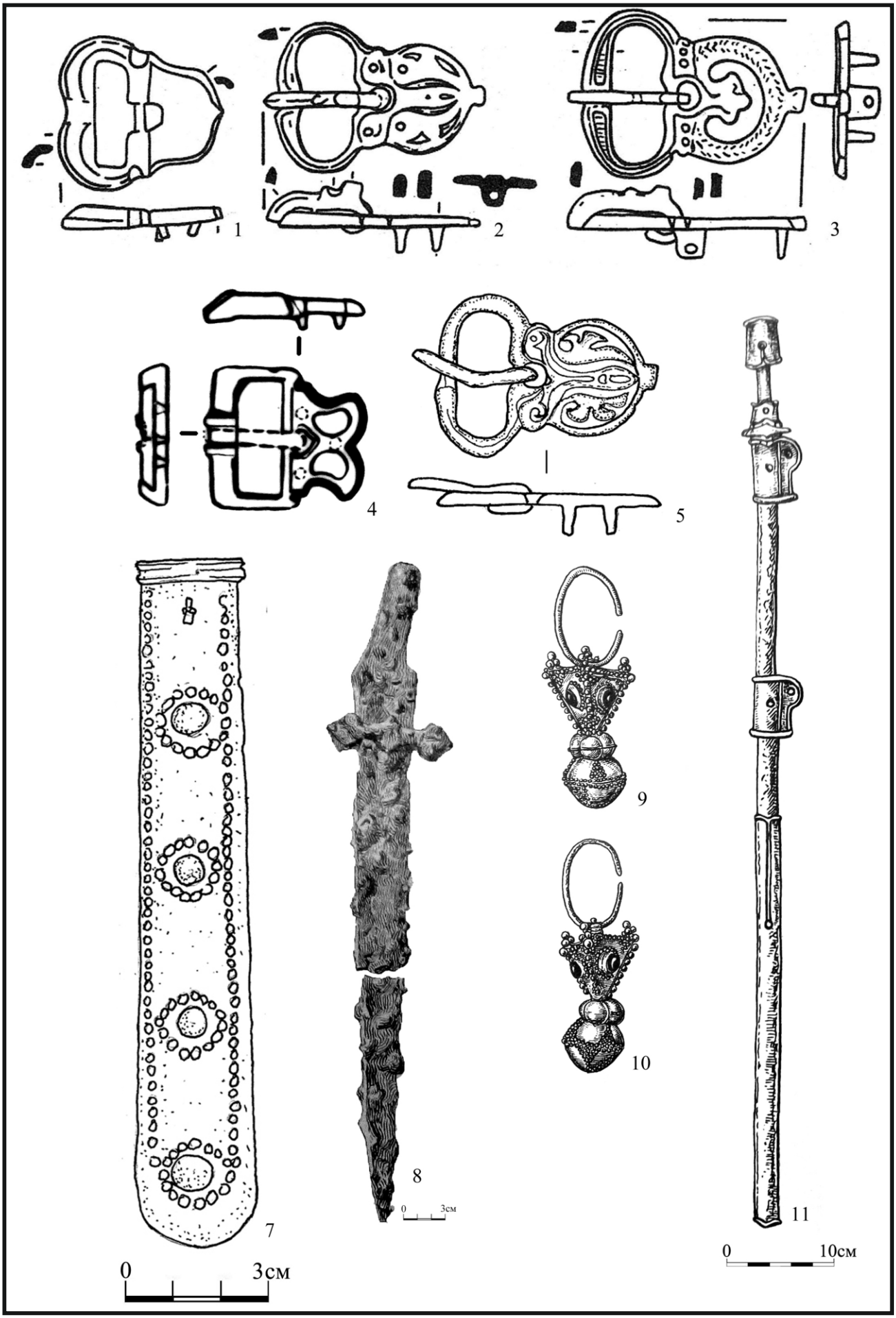


Рис. 10. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений VII-первой половины VIII в. 1-3, 8 - Борисовский м-к; 4 - Псекупский м-к; 5, 7, 9-11 - м-к Дюрсо

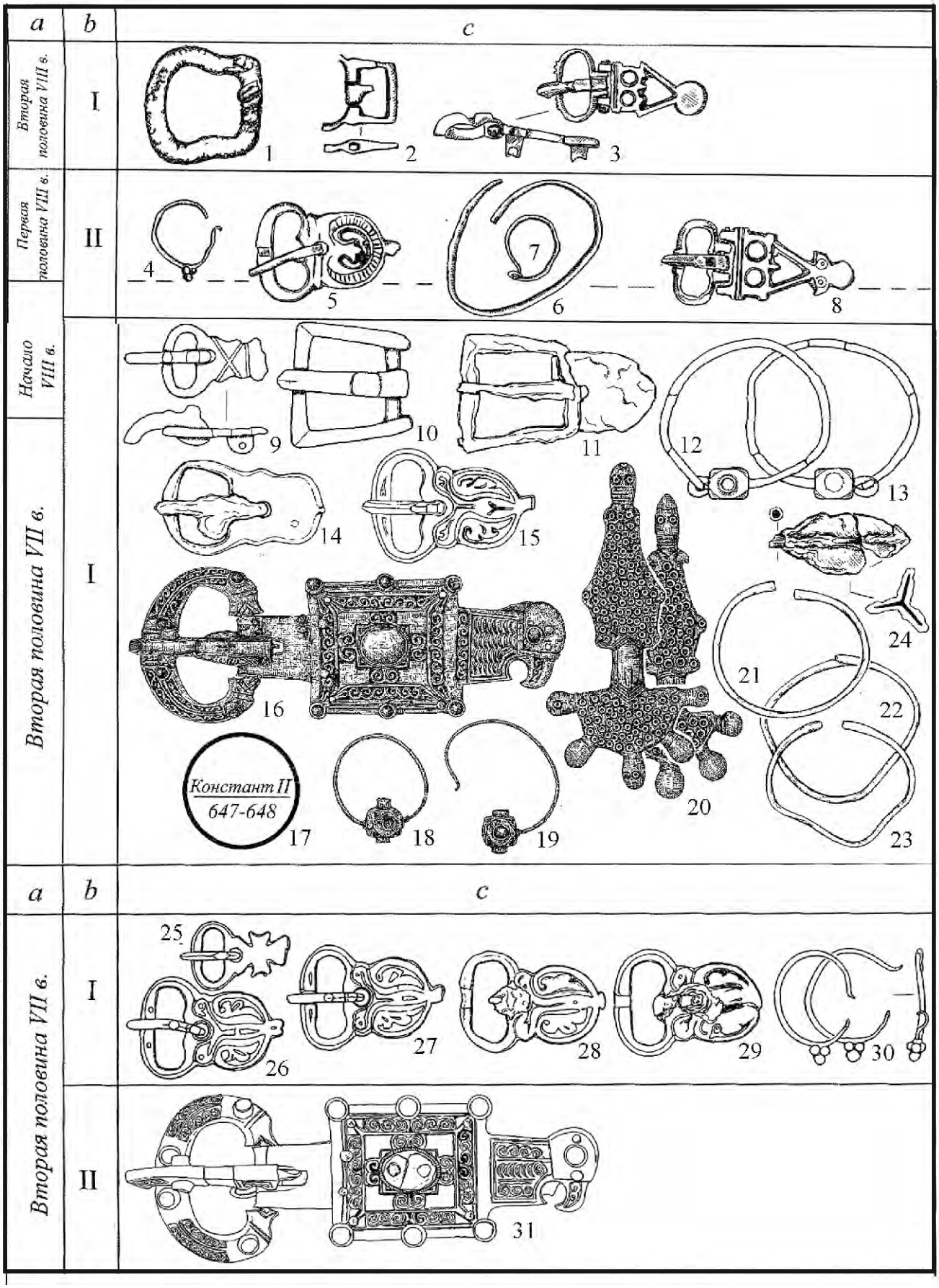


Рис. 11. Хронология погребальных комплексов. Пряжки типа “Сиракузы” и “Бал-Гота” из стратифицированных склепов могильника Лучистое (Юго-Западный Крым) (по Айбабин, Хайединова, 2008). 1-8 - склеп 54; 9-23 - склеп 186; 25-31 - склеп 232

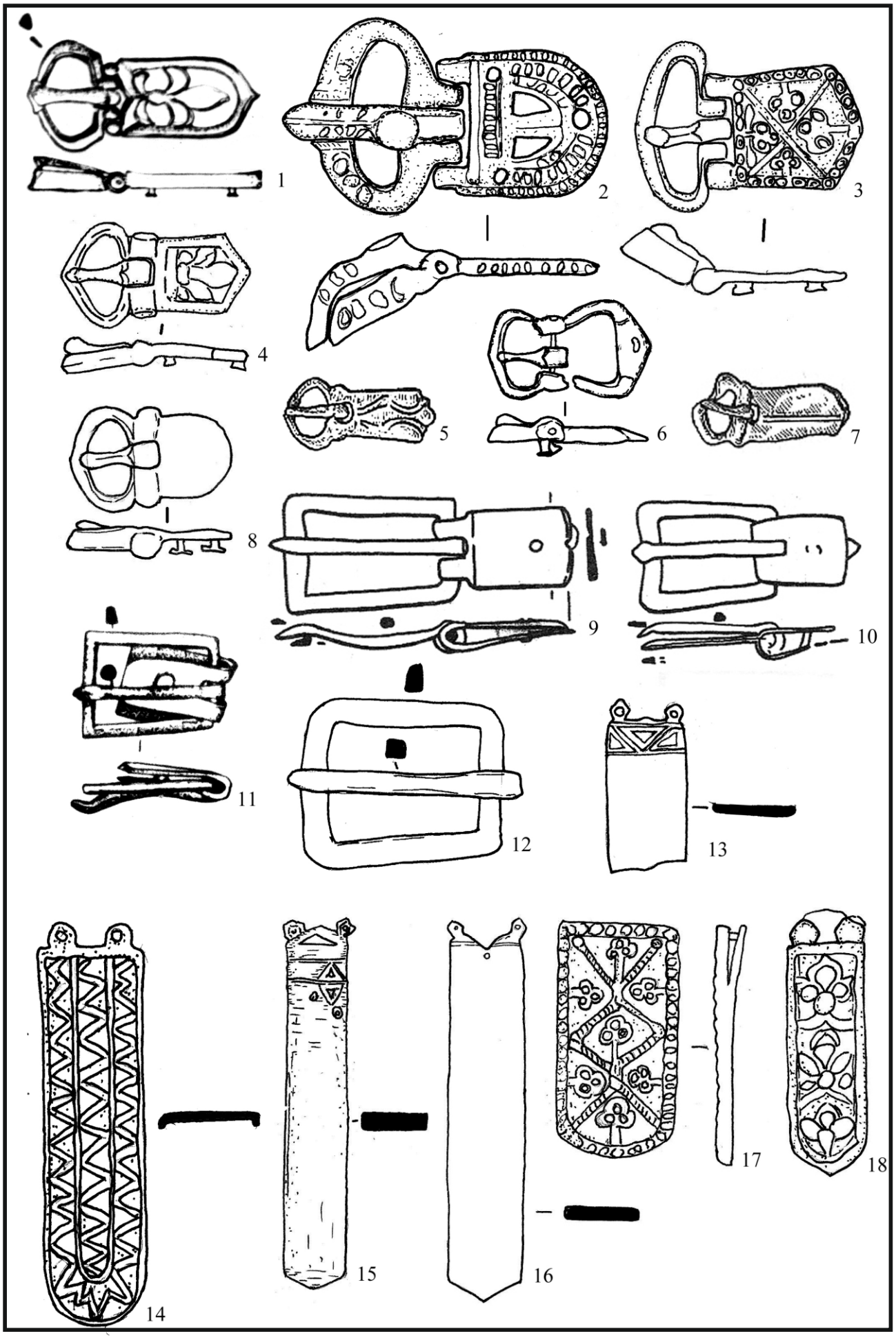


Рис. 12. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Детали поясных наборов. 1-12 - пряжки; 13-18 - наконечники поясов. 1 - Молдовановский м-к; 2-10, 12, 13-18 - м-к Дюрсо; 11 - Молдовановский м-к

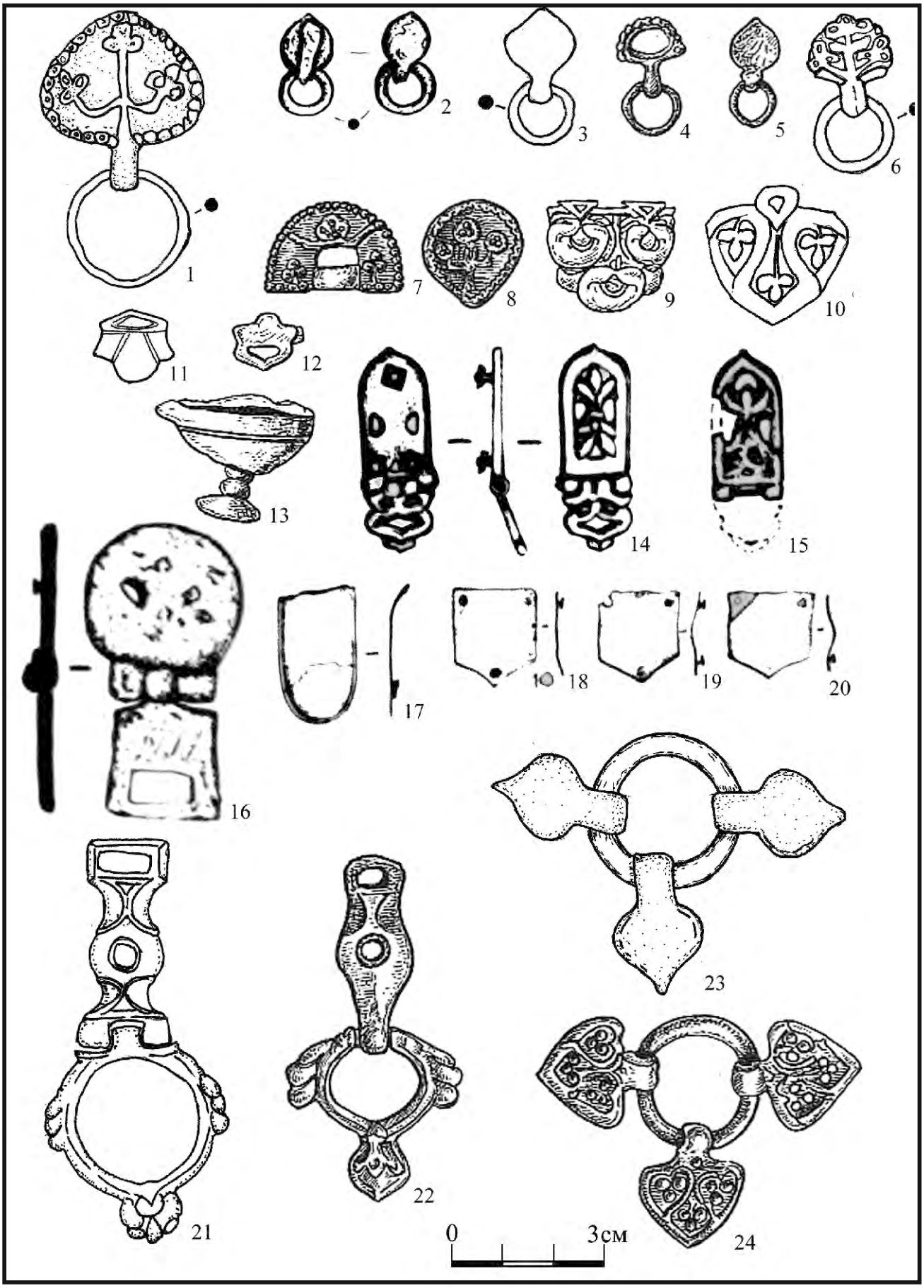


Рис. 13. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Детали поясных наборов: поясные бляхи, накладки, ременные разделители. 1-13, 21-24 - м-к Дюрсо; 14-20 - Молдовановский м-к

Рис. 14. Хронология погребальных комплексов. Общие наблюдения над эволюцией салтовских поясных наборов, на примере Дмитриевского могильника, с привлечением материалов из других некрополей (по Комар, 1999).

I/II (780-800 гг.) - горизонт I/II: 1, 2, 5, 17, 18, 35-40 - Старокорсунская; 3, 14, 19, 24, 33, 34 - Старый Салтов;4, 6-13, 15, 16, 20, 22, 23, 25-32 - Дмитровка.

II - горизонт II с 790 г.

III - горизонт III

IV - горизонт IV

V - горизонт V

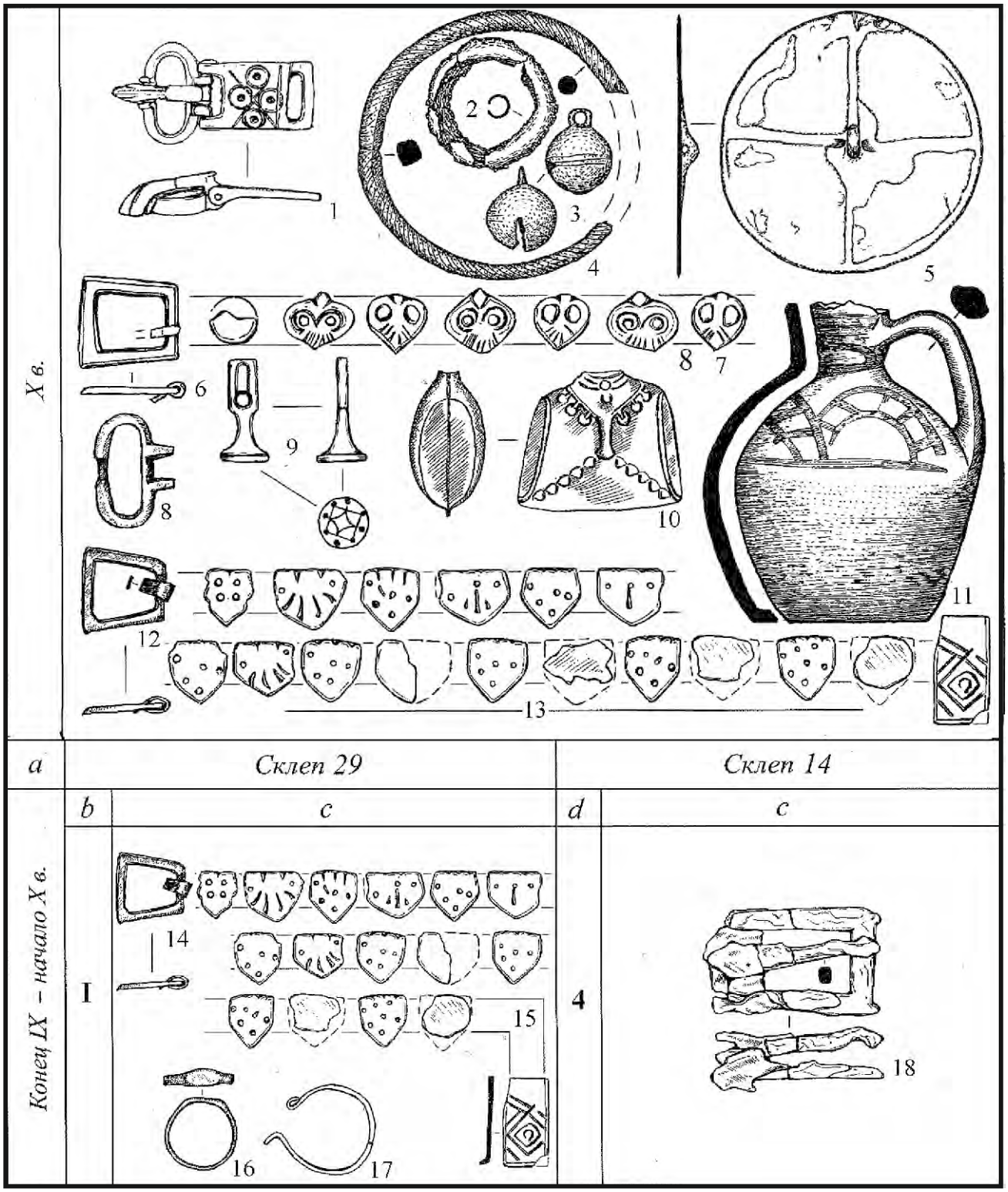


Рис. 15. Хронология погребальных комплексов. Детали поясных наборов и другие предметы материальной культуры конца IX - начала X вв. из стратифицированных склепов могильника Лучистое (Юго-Западный Крым) (по Айбабин, Хайрединова, 2008). 1 - могила 263; 2-5 - могила 149; 8-13 - склеп 16; 14-17 - склеп 29; 8 - склеп 14

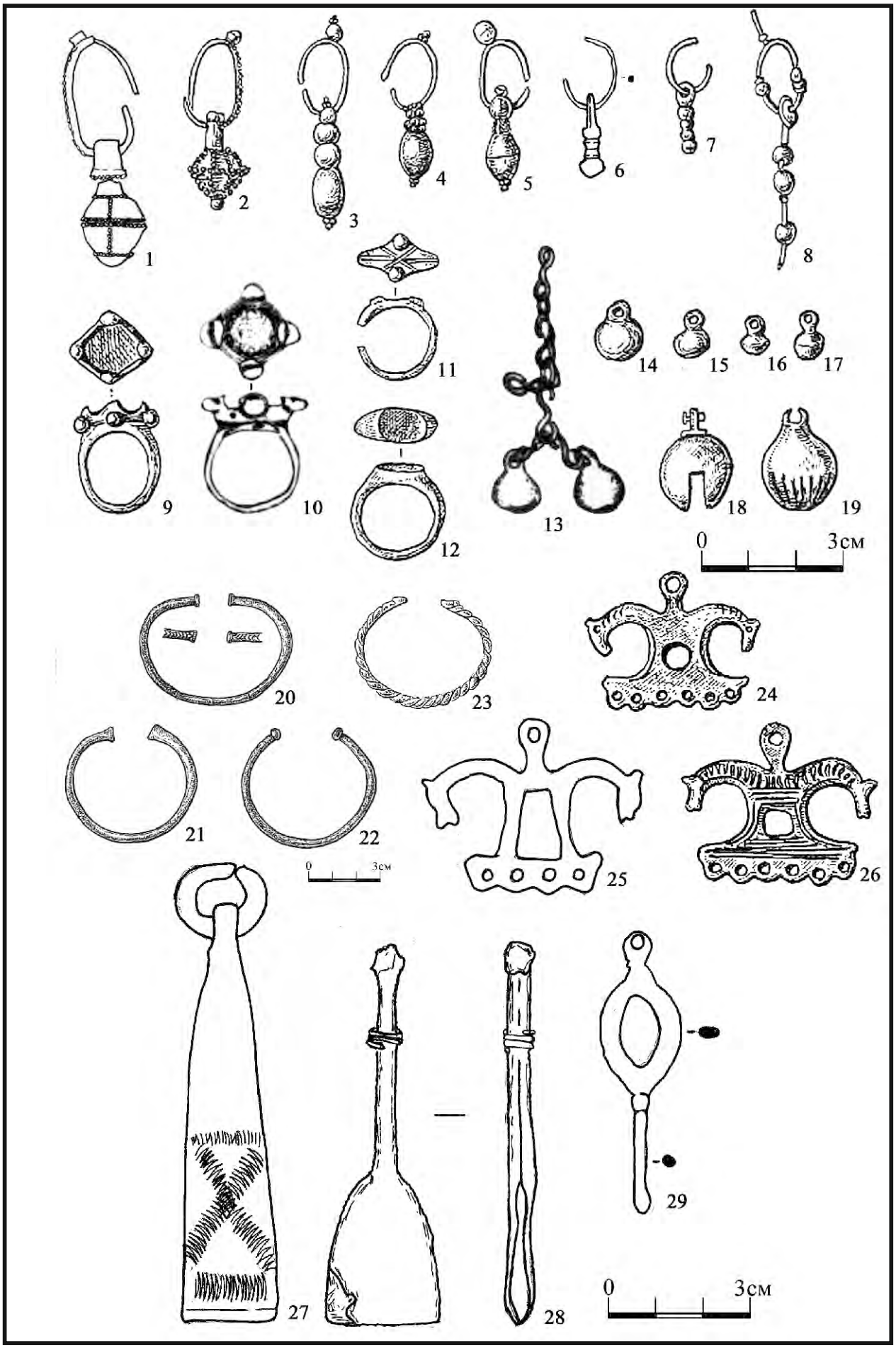


Рис. 16. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Украшения, детали одежды, предметы туалета. 1-9, 11, 12, 14-19, 20-29 - м-к Дюрсо; 10, 13 - Молдовановский м-к

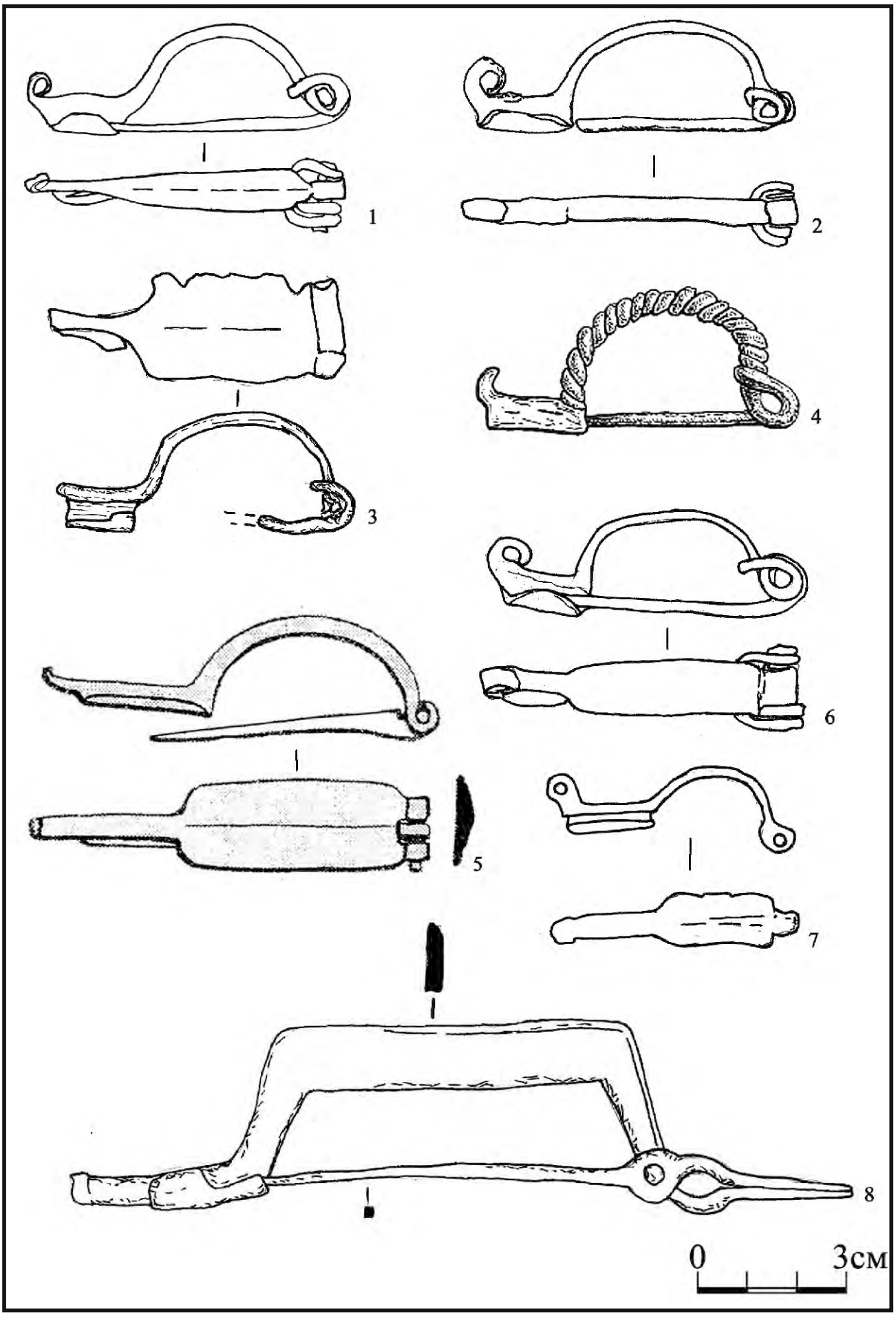


Рис. 17. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Фибулы. 1-10 - м-к Дюрсо

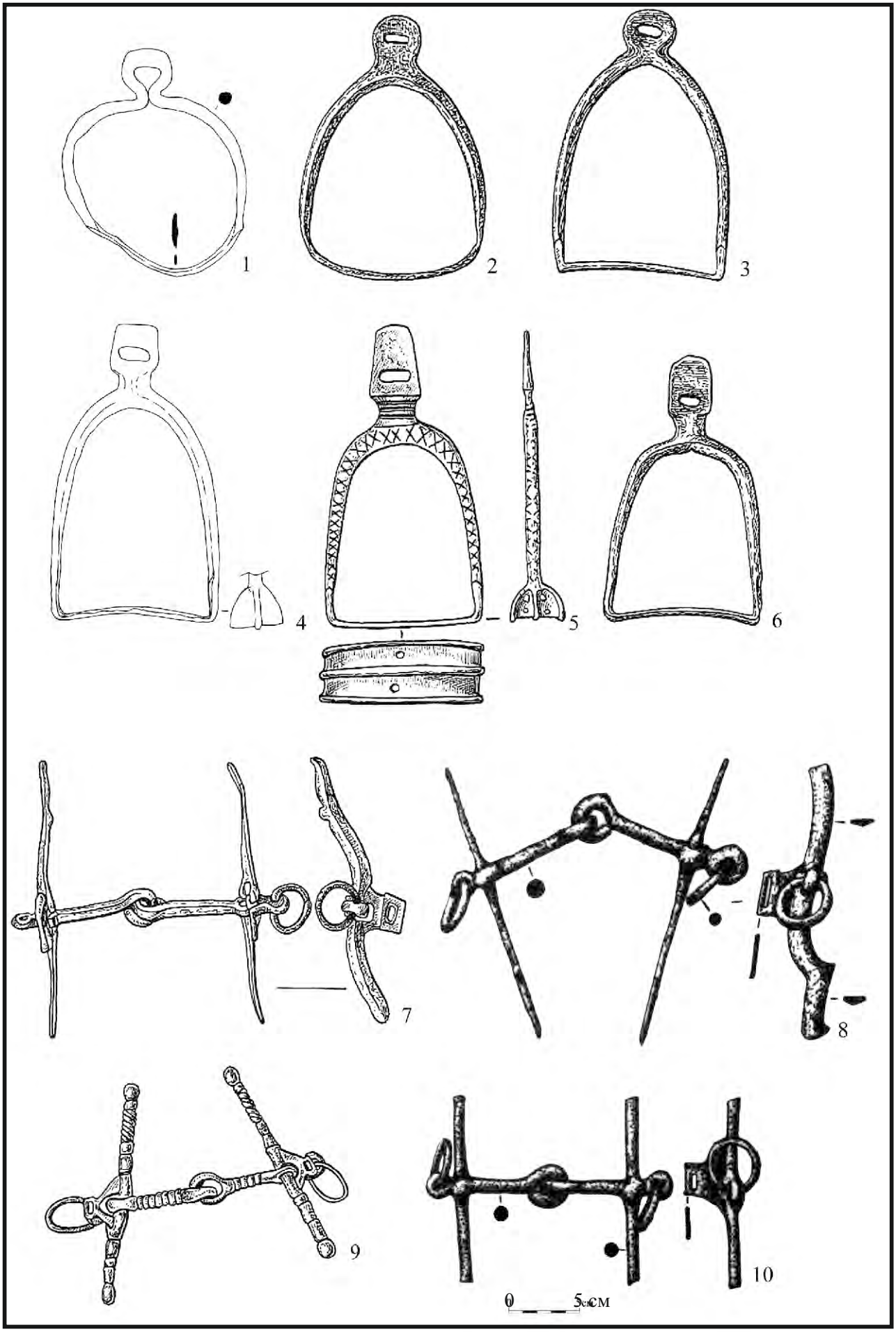


Рис. 18. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Предметы конской упряжи. Удила и стремена.1-7, 9 - м-к Дюрсо; 8, 10 - Молдовановский м-к

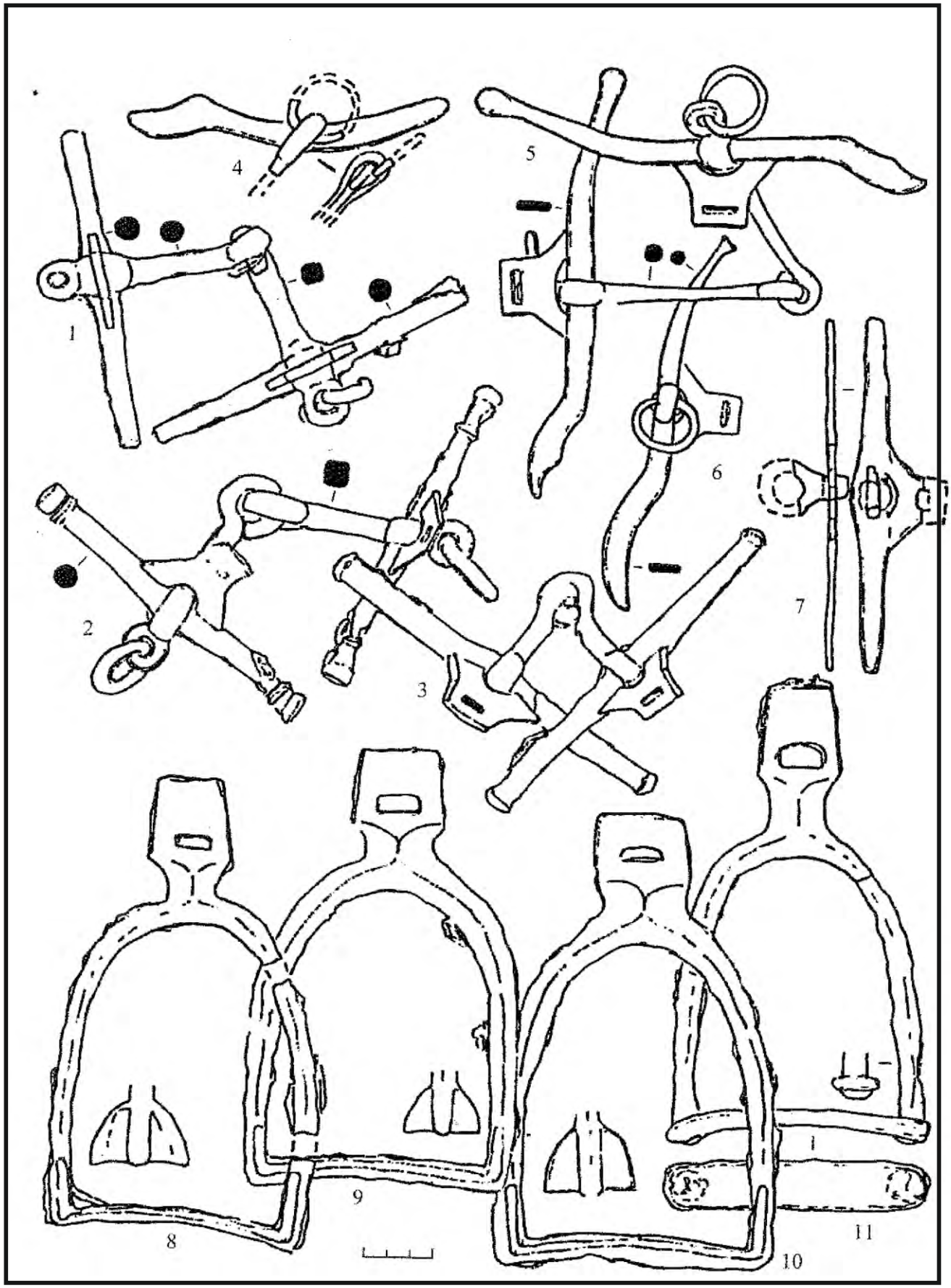


Рис. 19. Хронология погребальных комплексов. Предметы конской упряжи. Удила и стремена из захоронений с конем Нетайловского могильника (по Аксенов, 2012)

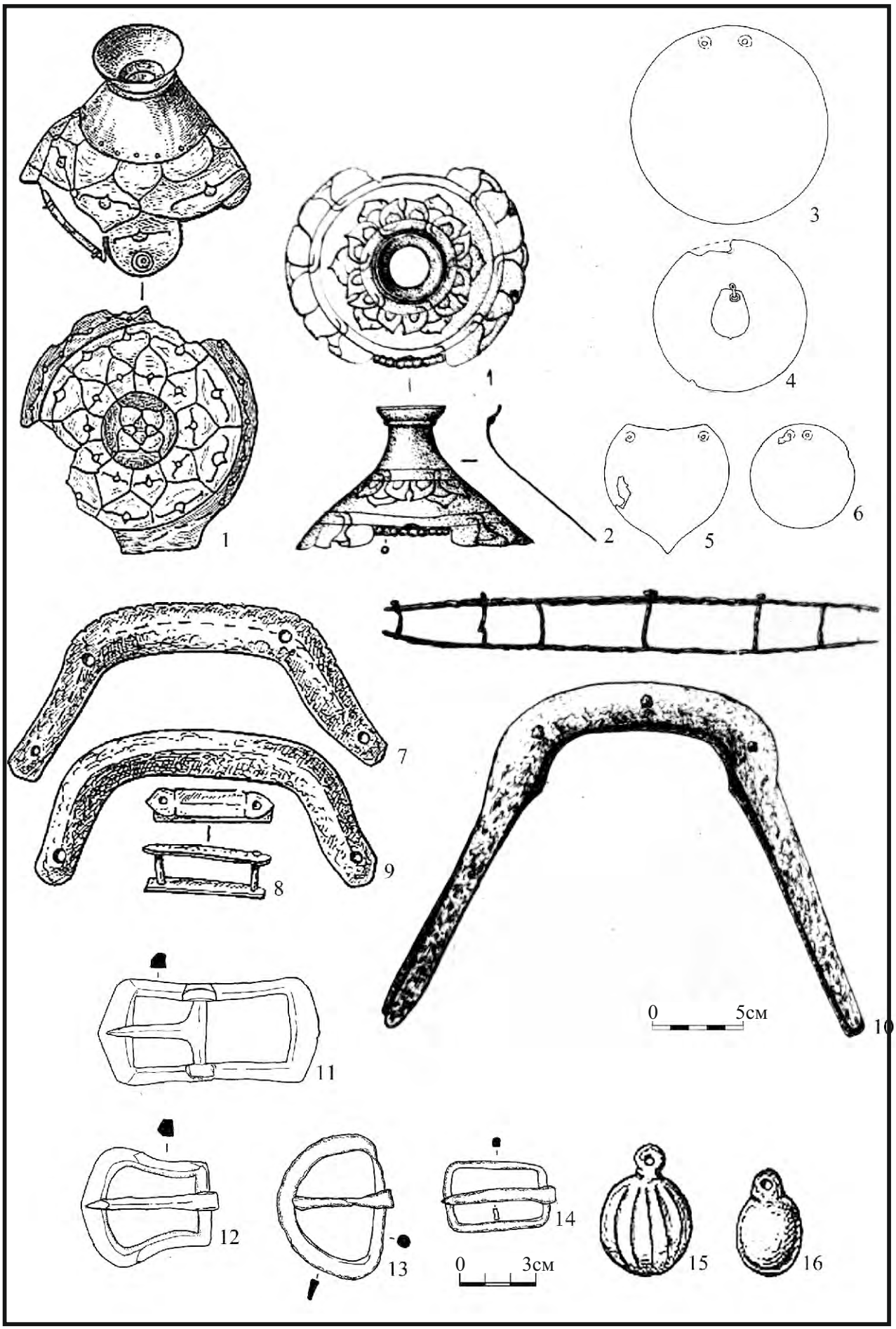


Рис. 20. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Предметы конской упряжи. 1, 2 - конские начельники; 3-6 - сбруйные бляхи; 7-10 - железные детали седла; 11-14 - подпружные пряжки; 15-16 - бубенчики. 1, 3-9, 11-16 - м-к Дюрсо; 2, 10 - Молдовановский м-к

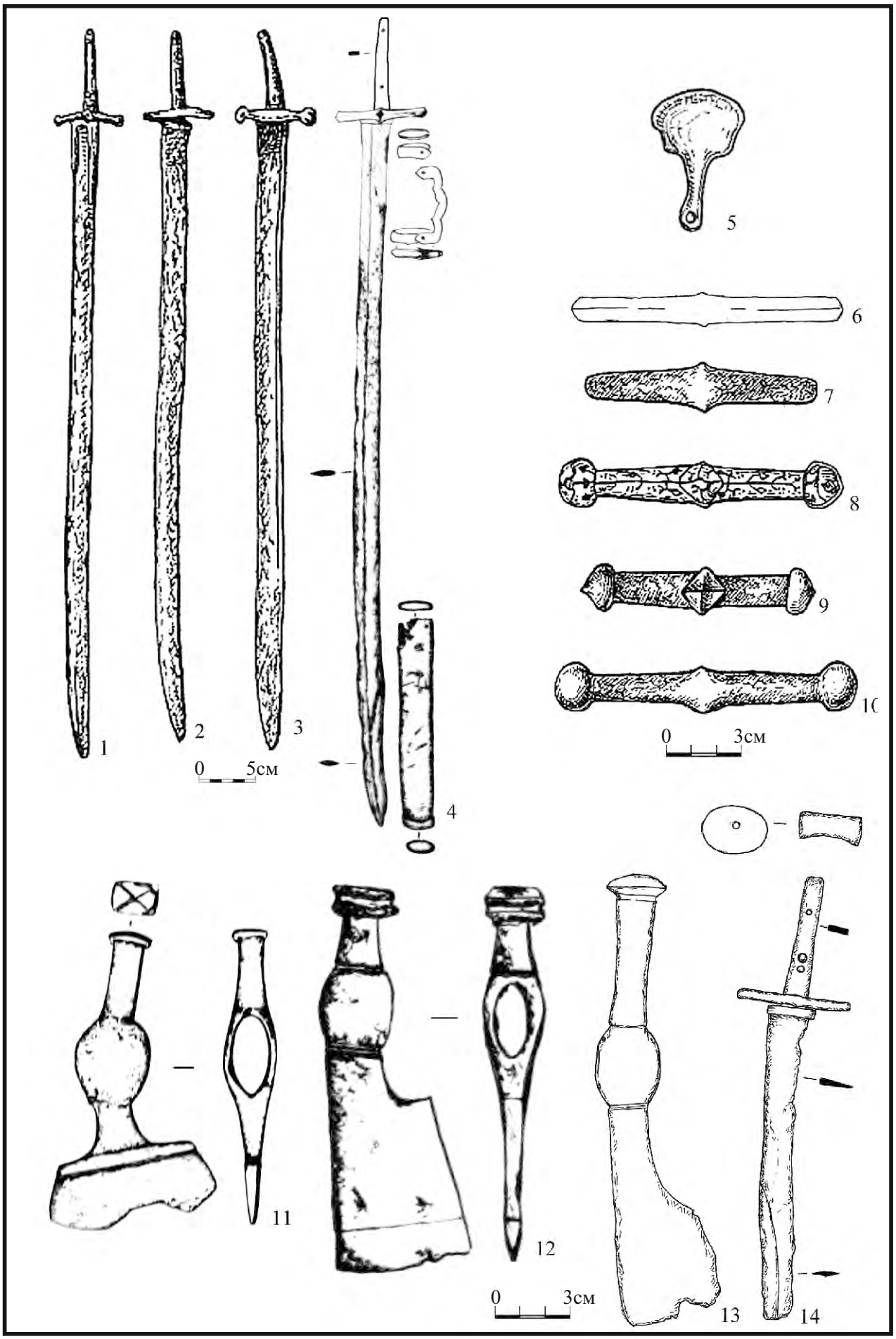


Рис. 21. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Предметы вооружения: сабли с деталями гарнитуры, боевые топоры, нож с перекрестием. 1-3, 5, 7-10, 14 - м-к Дюрсо; 4, 4, 12 - Молдовановский м-к; 6, 13 - м-к 8я Щель; 11 - Псекупский м-к

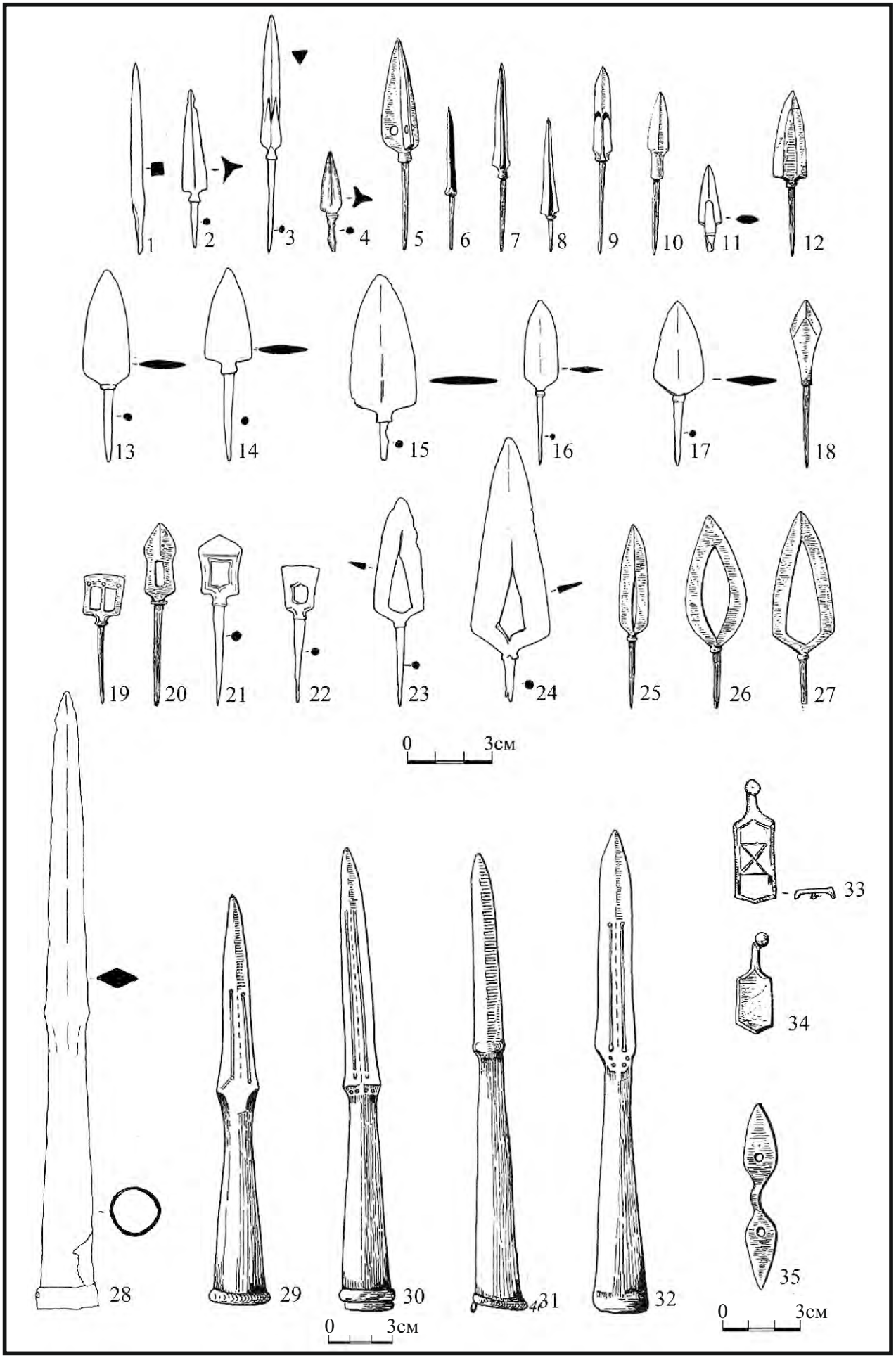


Рис. 22. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Предметы вооружения: наконечники стрел (1-27) и копий (28-32), детали колчана (33-35). 1-35 - м-к Дюрсо

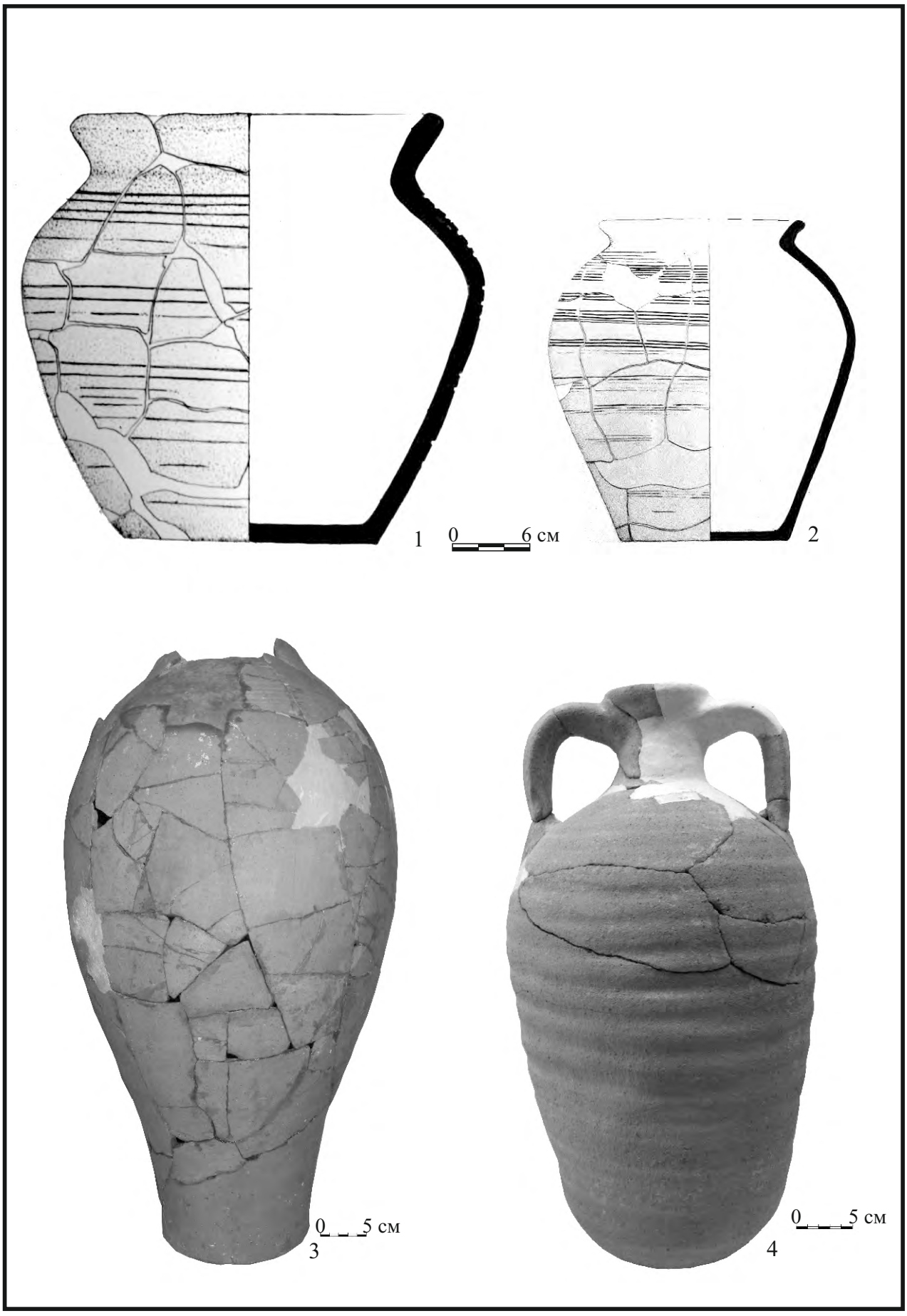


Рис. 23. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь погребений второй половины VIII-IX вв. Керамика. 1, 2 - м-к Казазово; 3, 4 - м-к 8я Щель

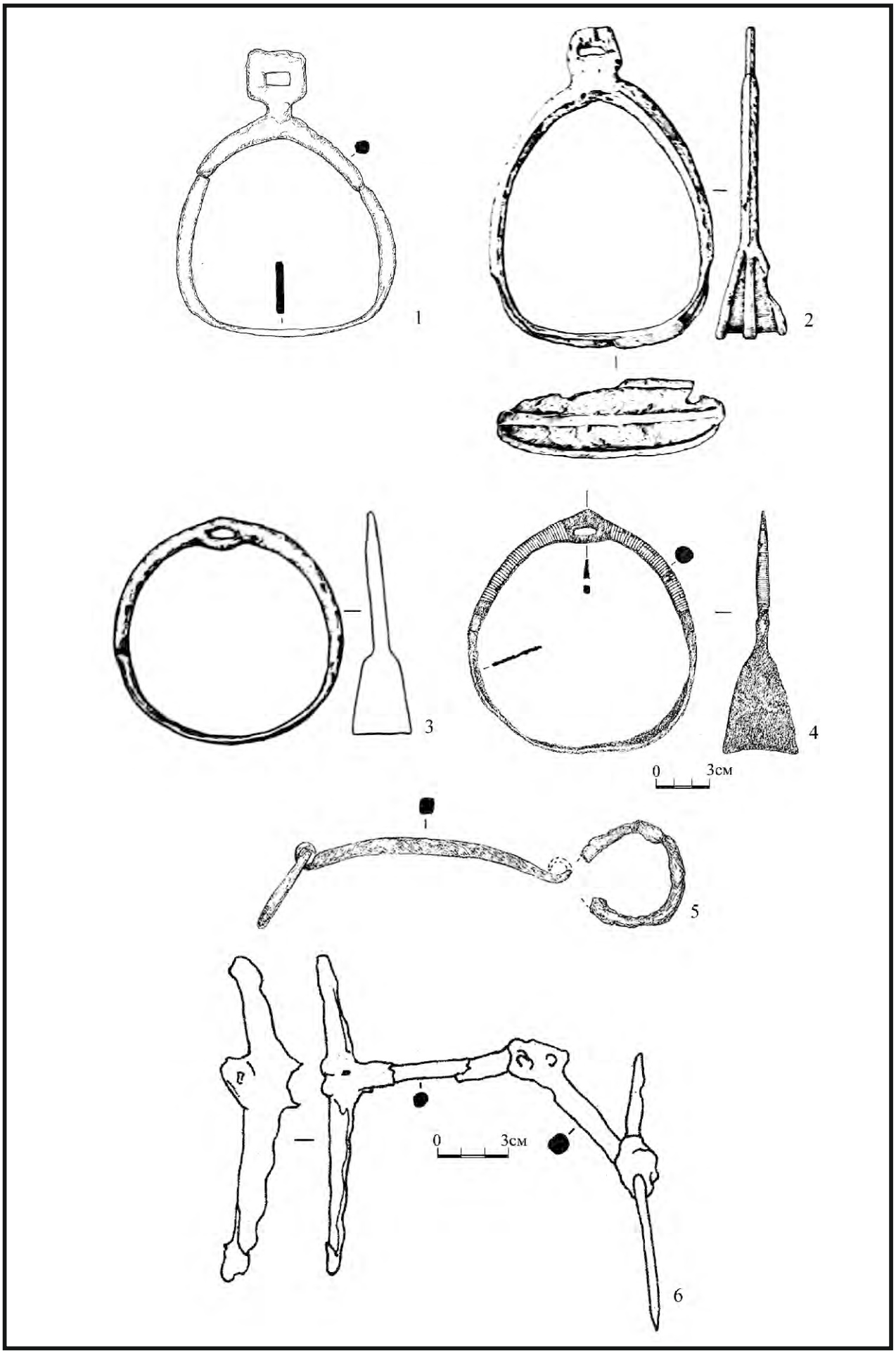


Рис. 24. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь грунтовых погребений X-XII вв. Предметы конской упряжи: стремена и удила. 1 - погребение из поселка Абрау-Дюрсо; 2 - Псекупский м-к; 3 - м-к Ленинохабль; 4, 5 - Южноозереевский м-к; 6 - м-к Абинский 4

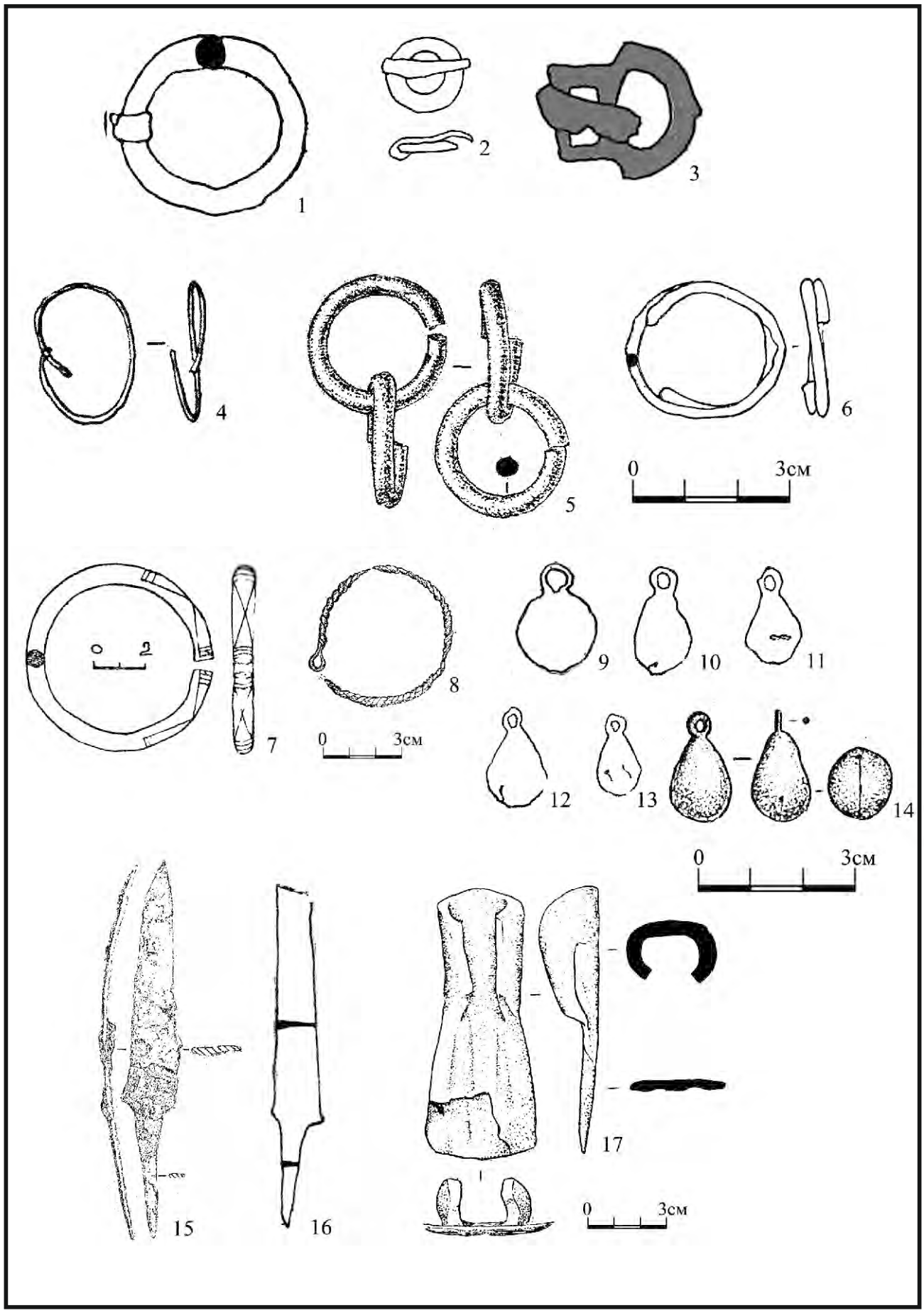


Рис. 25. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь грунтовых погребений X-XII вв. Детали одежды, украшения и бытовые предметы. 1-3, 6, 7, 9-13, 16 - м-к Абинский 4; 4, 5, 15, 17 - м-к Черноклен

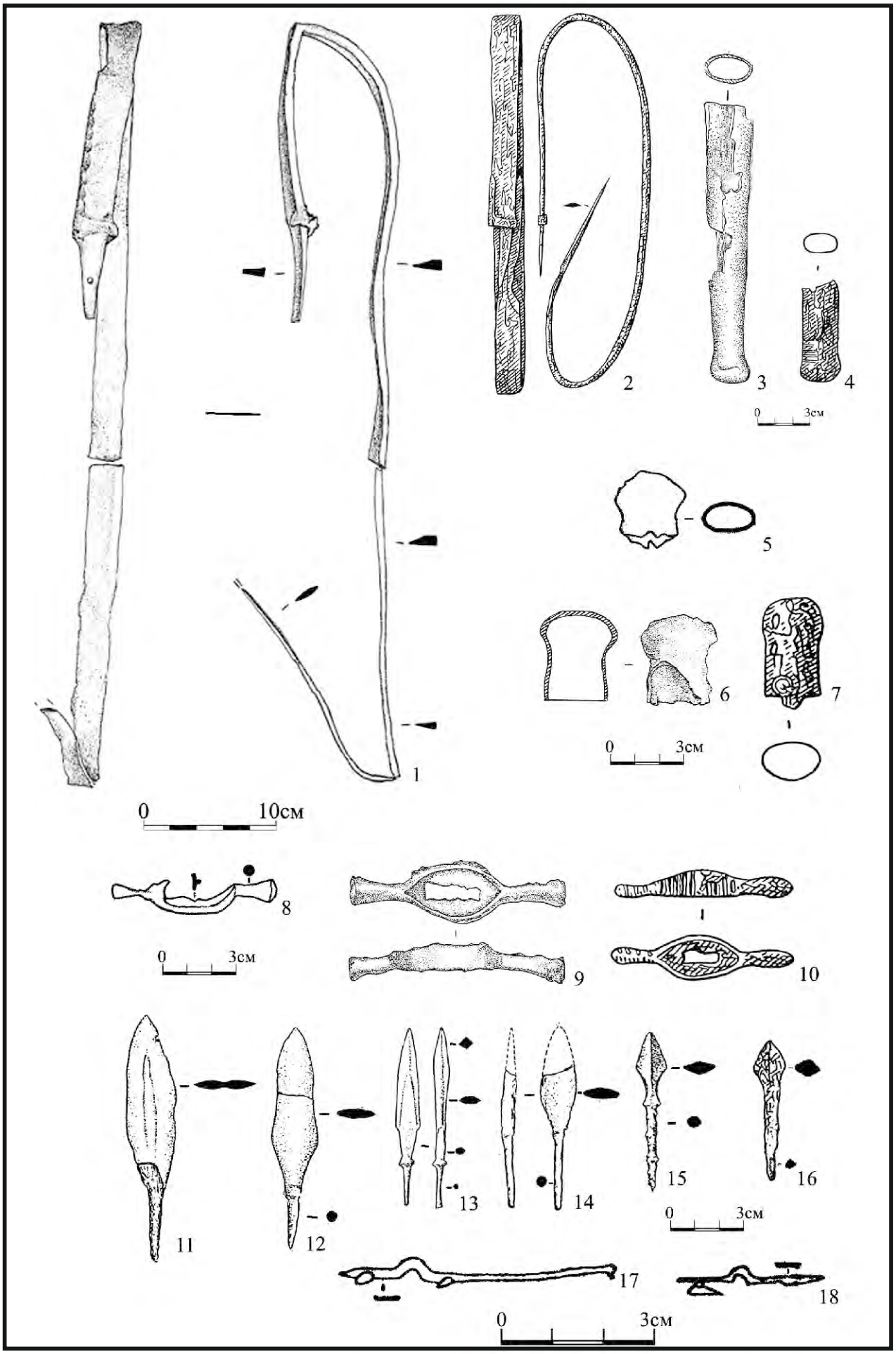


Рис. 26. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь грунтовых погребений X-XII вв. Предметы вооружения: сабли с деталями гарнитуры, наконечники стрел и детали колчана. 1, 3, 9 - м-к Циплиевский; 2, 4, 7, 10 - м-к Андреевская щель; 5, 8, 17, 18 - м-к Абинский 4; 11-16 - м-к Черноклен

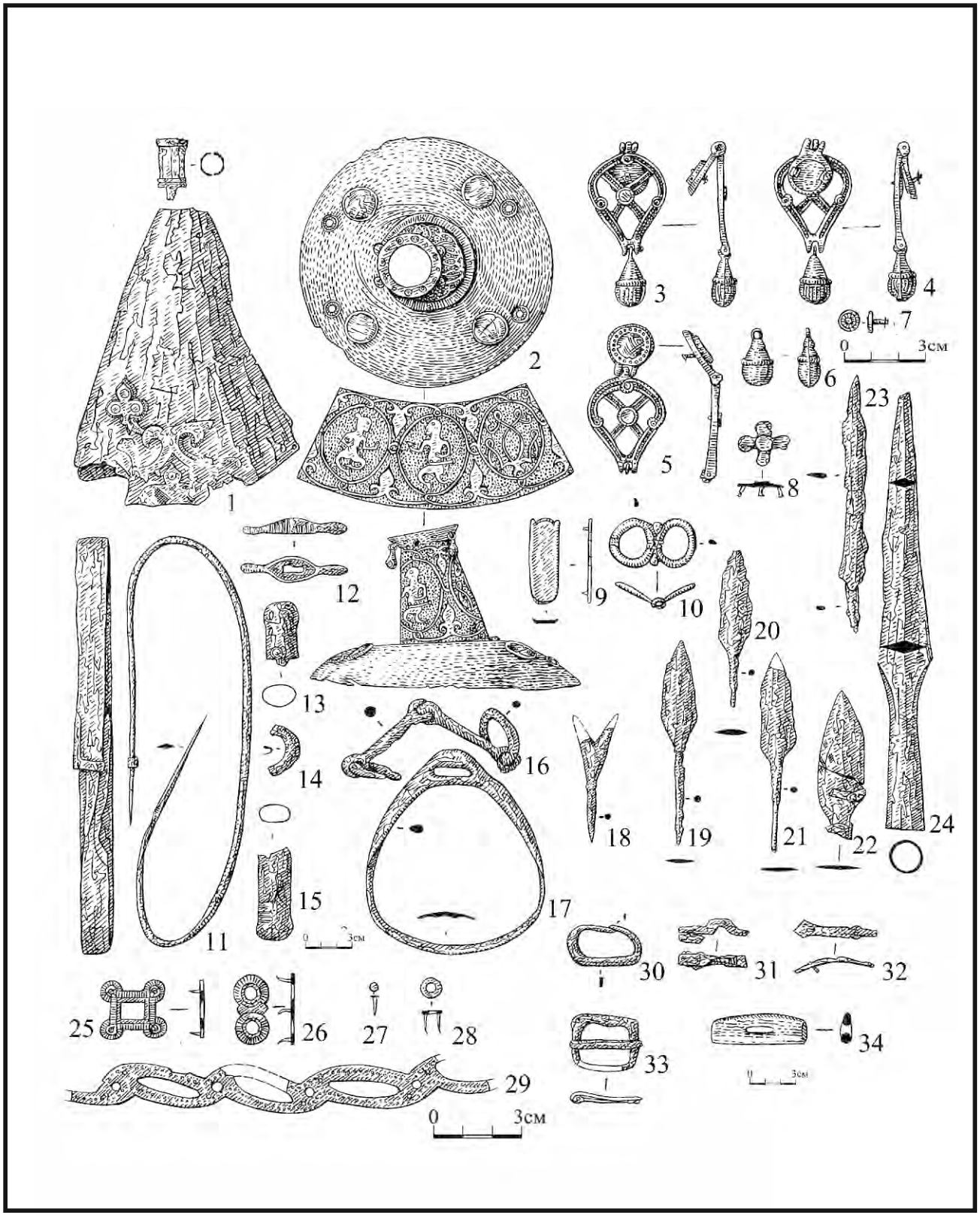


Рис. 27. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь грунтовых погребений X-XII вв. Инвентарь погребения из м-ка Андреевская щель

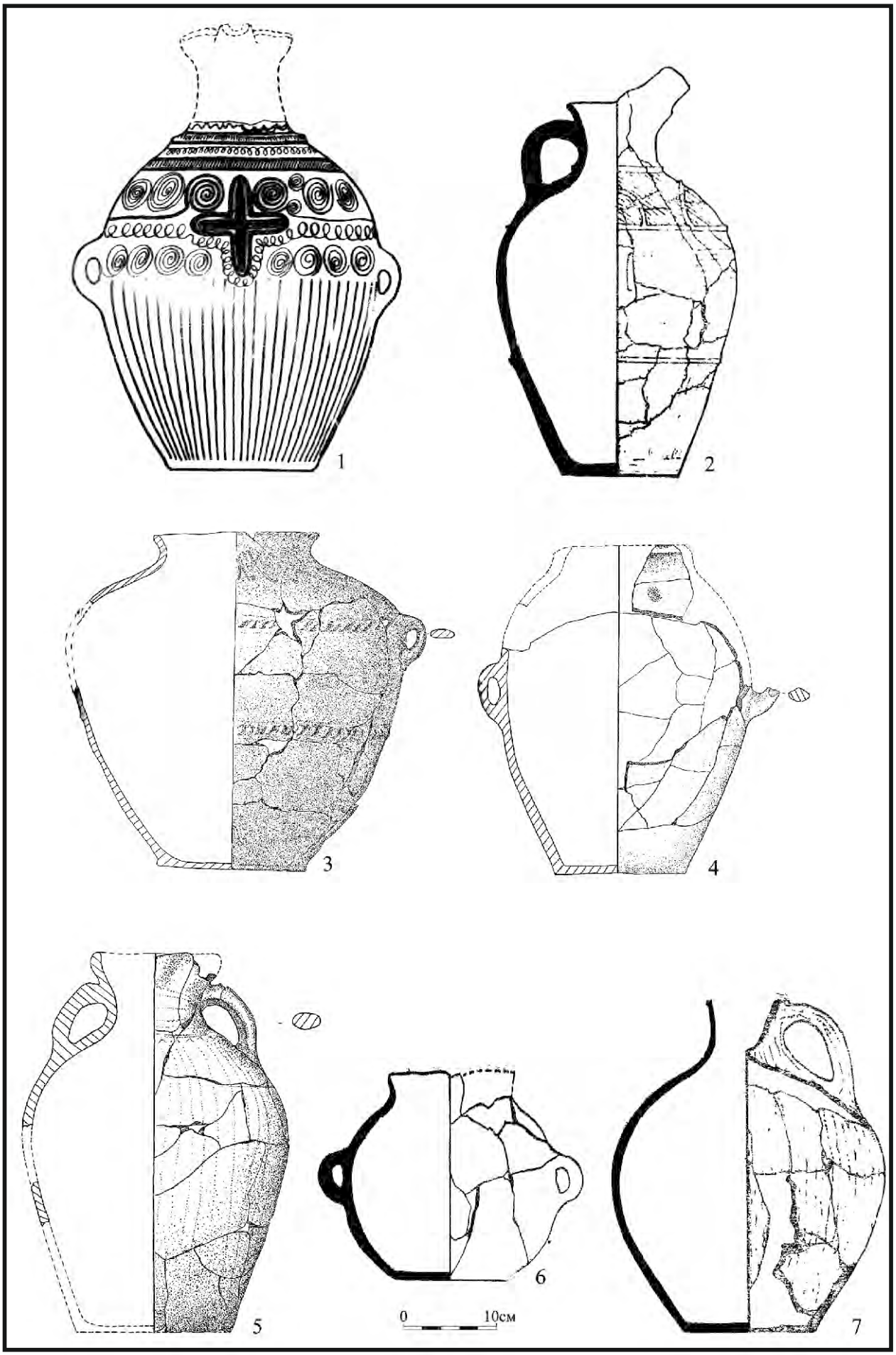


Рис. 28. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь грунтовых погребений X-XII вв. Керамика. 1 - Псекупский м-к; 2, 6, 7 - м-к Абинский 4; 3-5 - м-к Черноклен

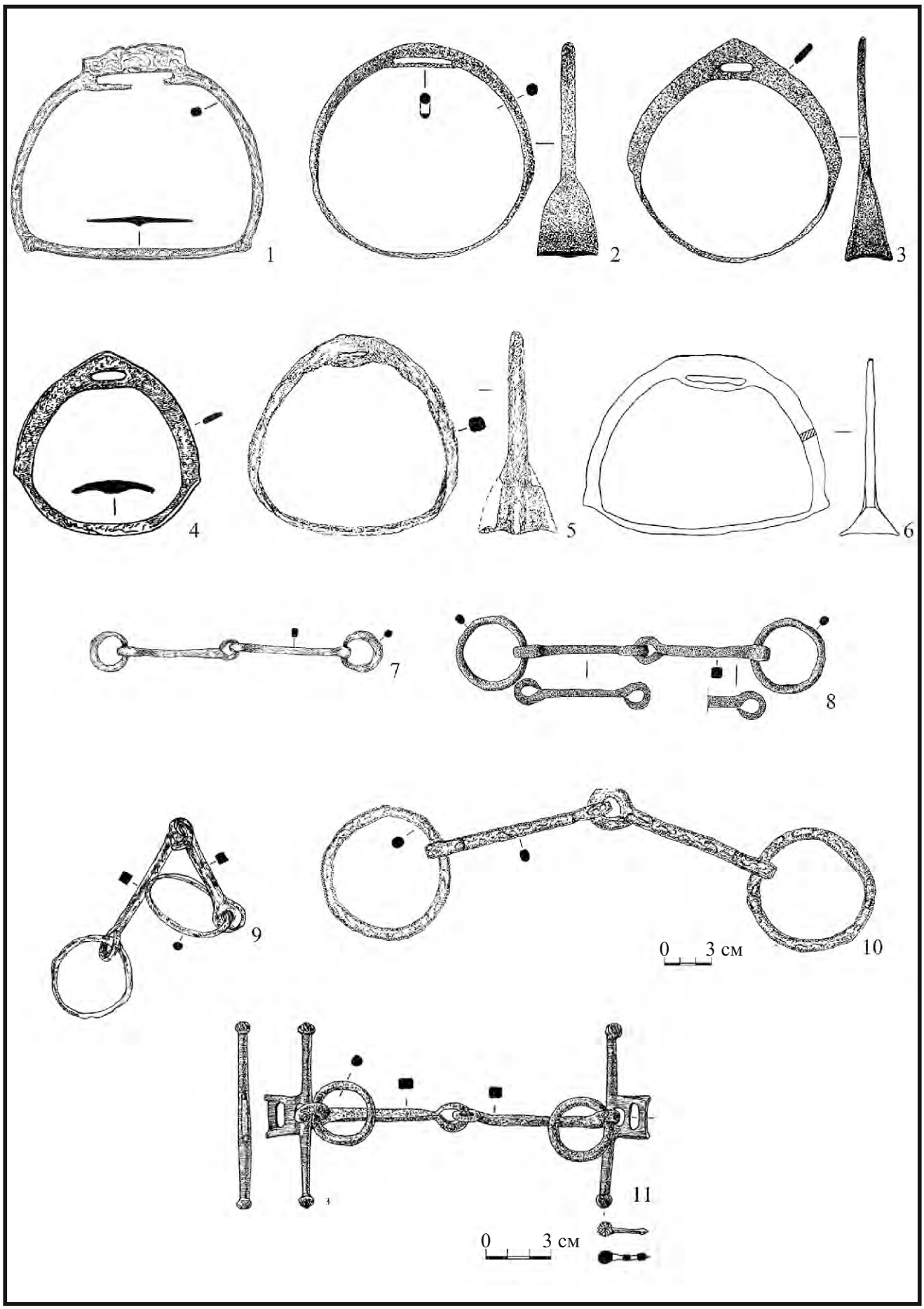


Рис. 29. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Предметы конской упряжи: стремена и удила. 1, 9, 10 - м-к Шизе IV; 2-4, 11 - Цемдолинский м-к; 5 - Южноозереевский м-к; 6 - м-к Кедровая роща; 7 - м-к Сапун; 8 - м-к Васильевка

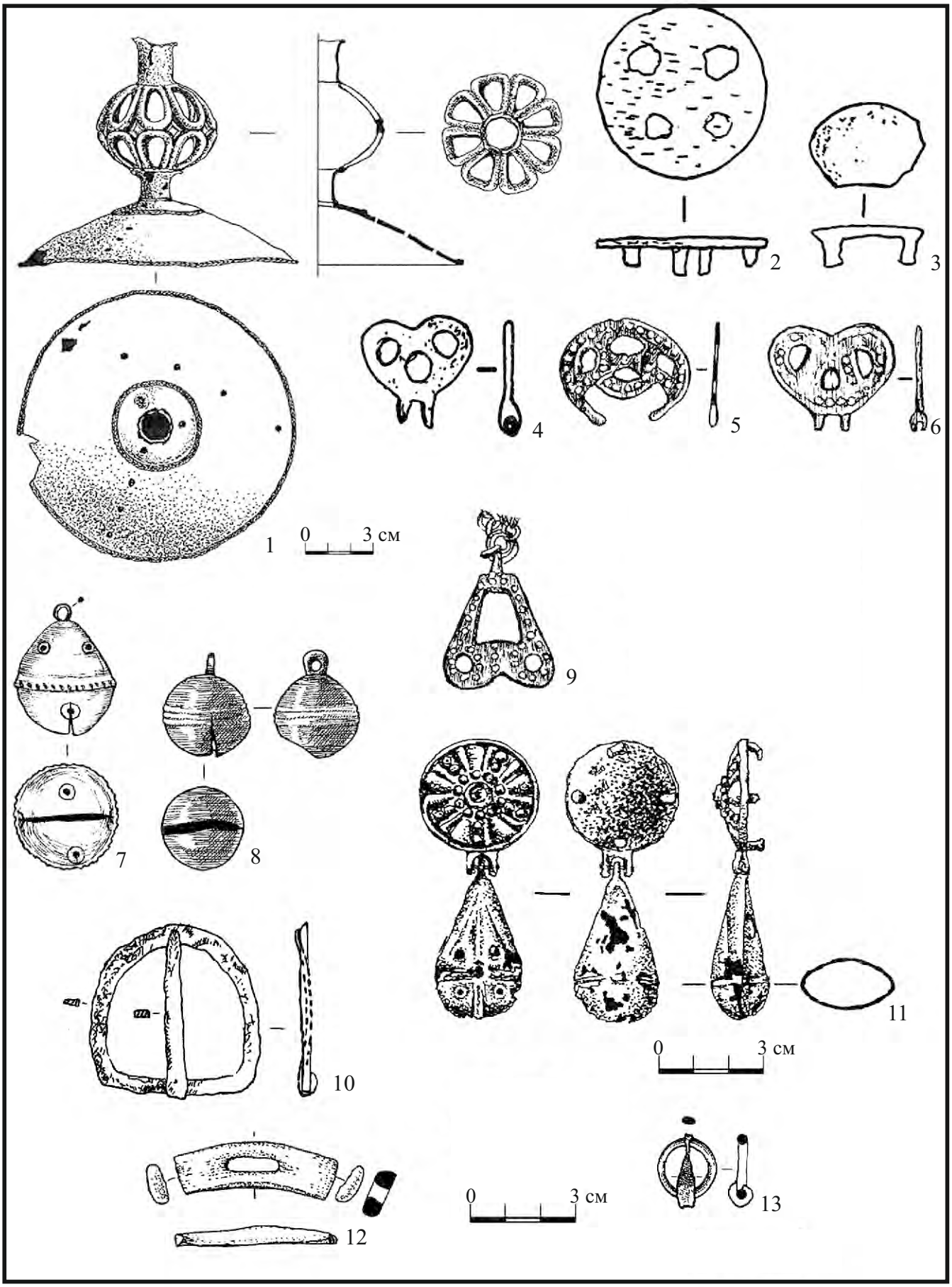


Рис. 30. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Предметы конской упряжи: украшения сбруи. 1, 6, 7, 11 - м-к Сапун; 2-4, 10 - Большой шапсугский м-к; 5, 9 - м-к Чайка; 12, 13 - Цемдолинский м-к

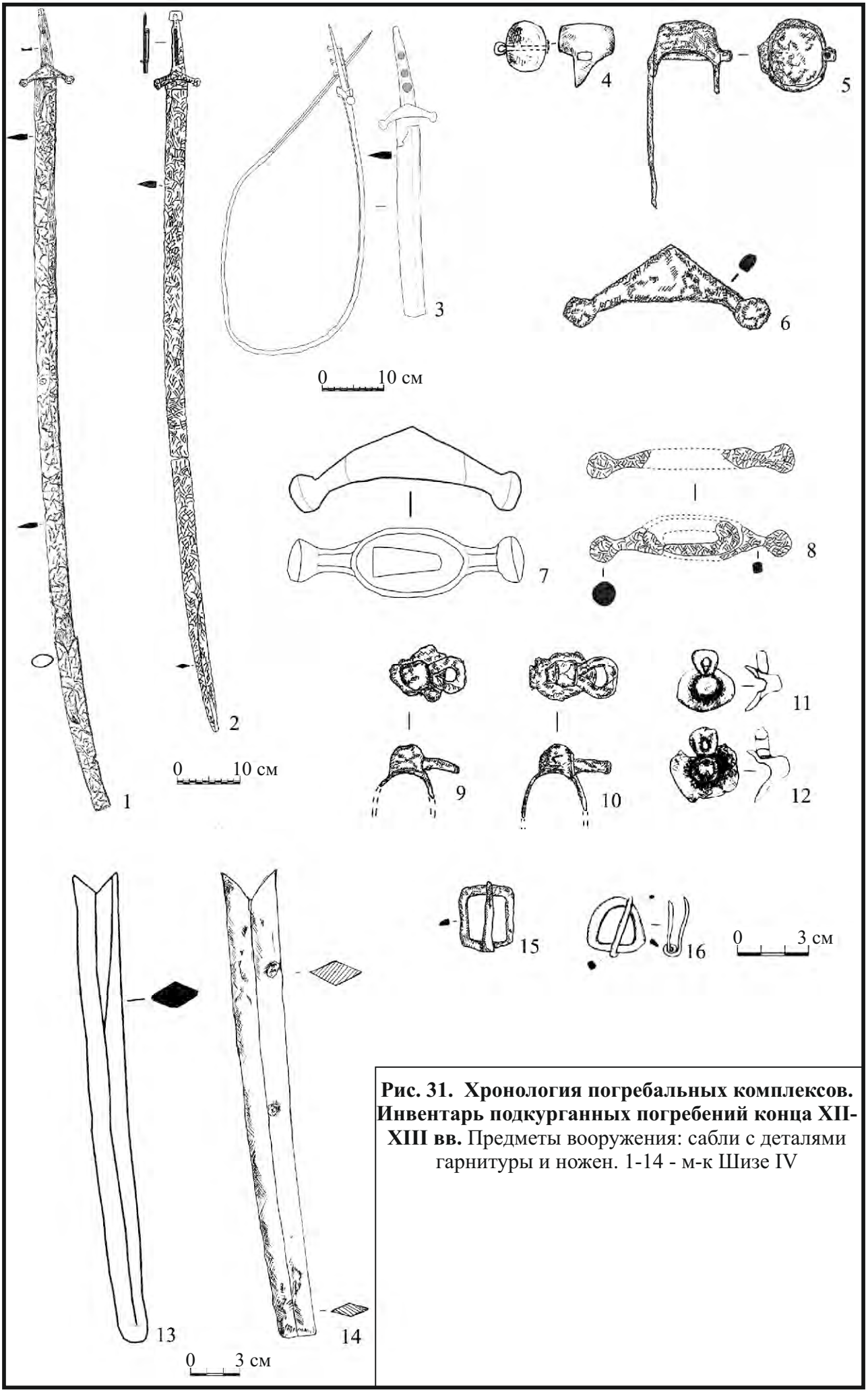


Рис. 31. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Предметы вооружения: сабли с деталями гарнитуры и ножен. 1-14 - м-к Шизе IV

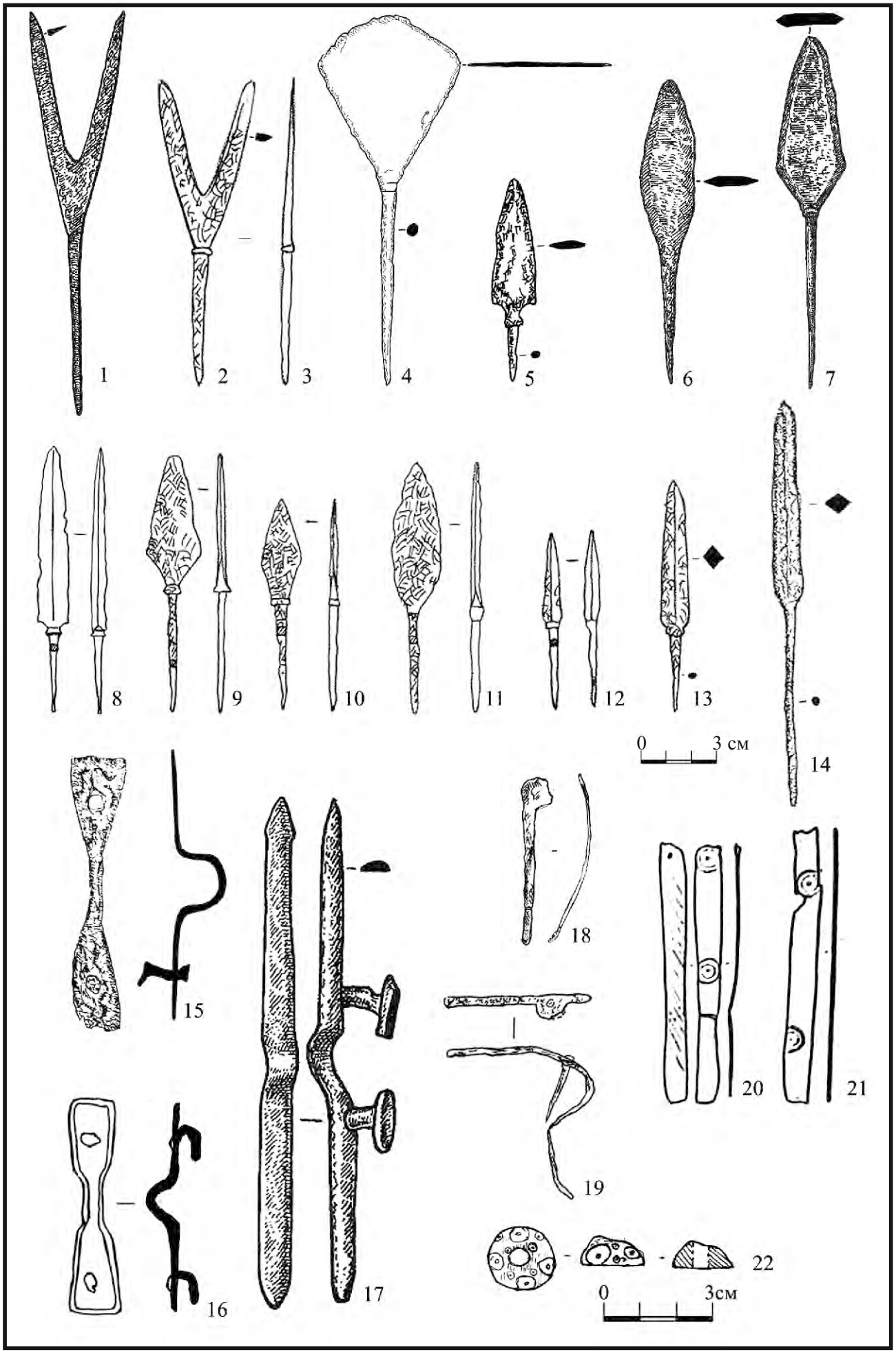
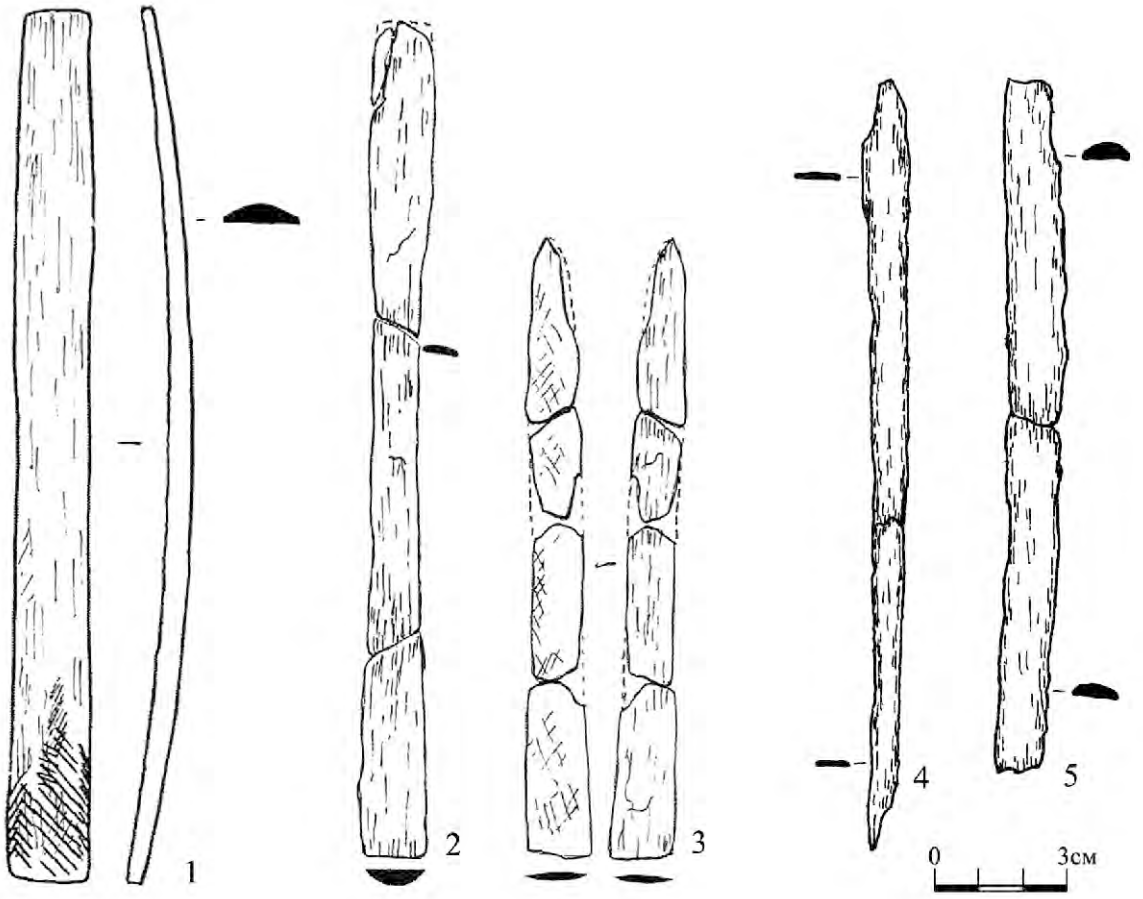


Рис. 32. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Наконечники стрел и детали колчана



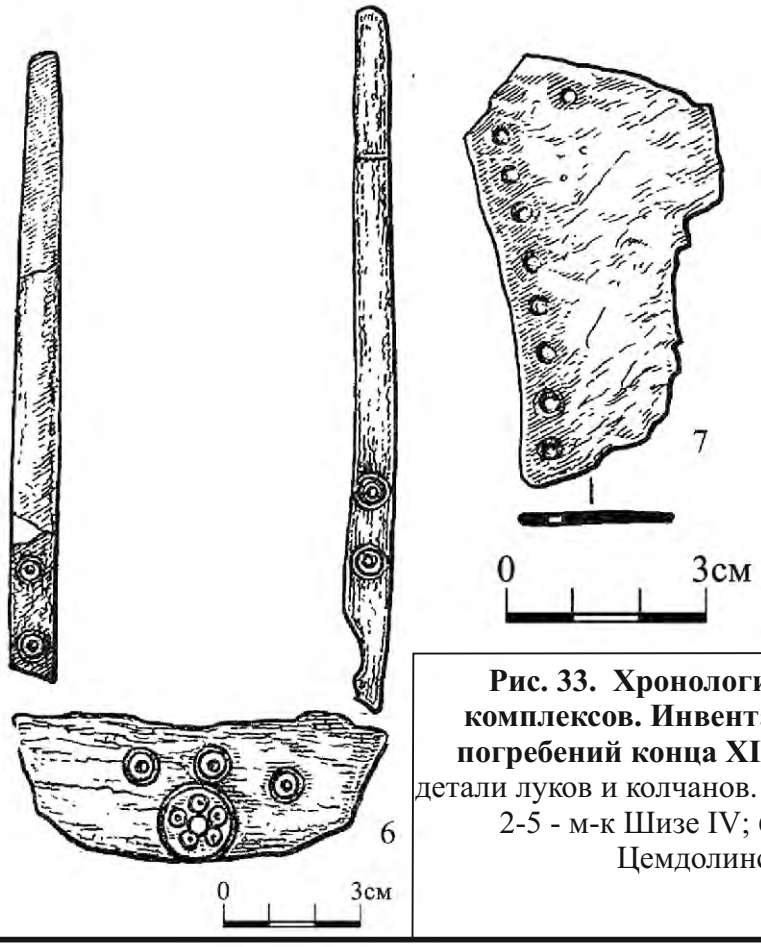


Рис. 33. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Костяные детали луков и колчанов. 1 - м-к Кедровая роща; 2-5 - м-к Шизе IV; 6 - м-к Сапун; 7 - Цемдолинский м-к

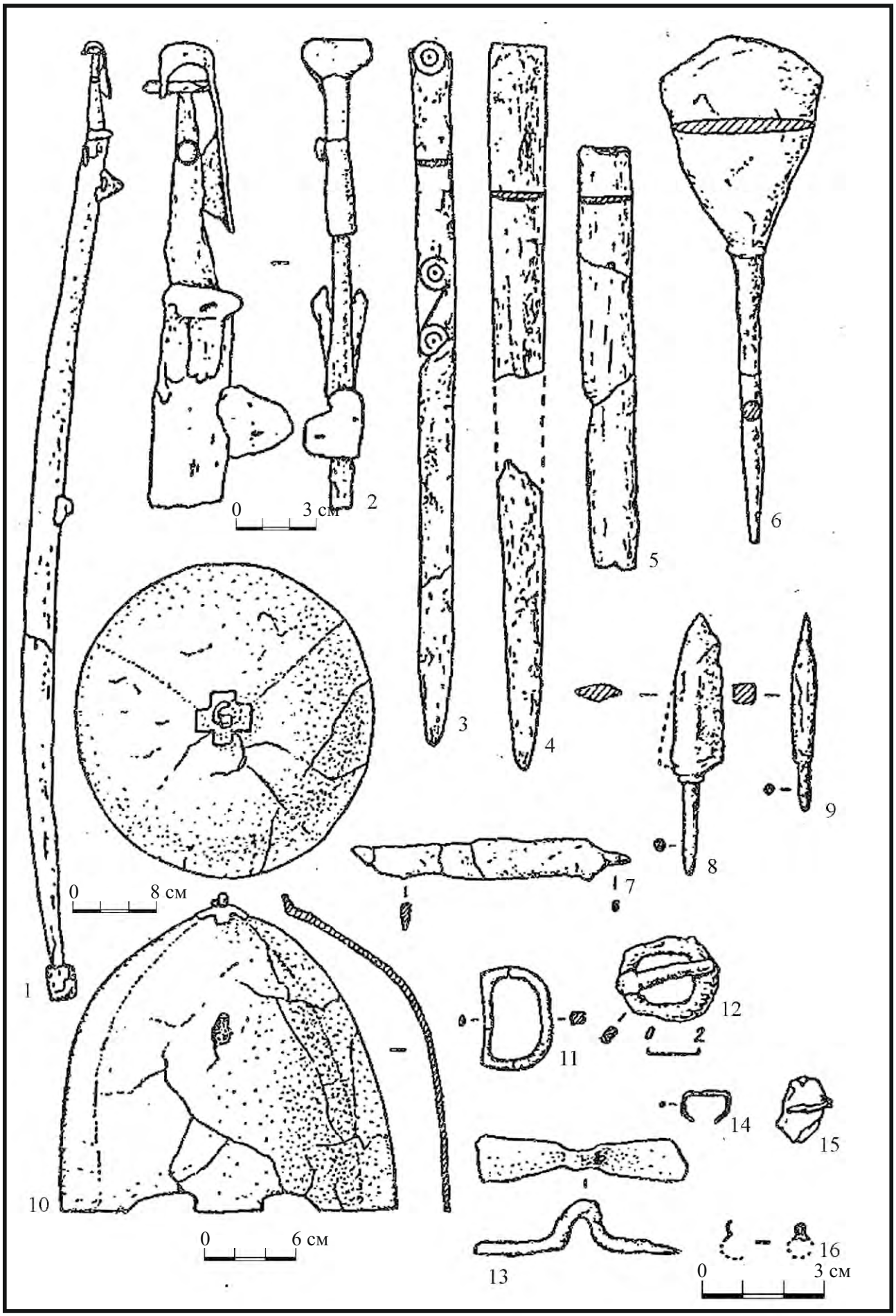


Рис. 34. Хронология погребальных комплексов. Предметы вооружения из кочевнического погребения XIII в. у хут. Пролетарского (Степное Прикубанье) (по. Зеленский, 1997)

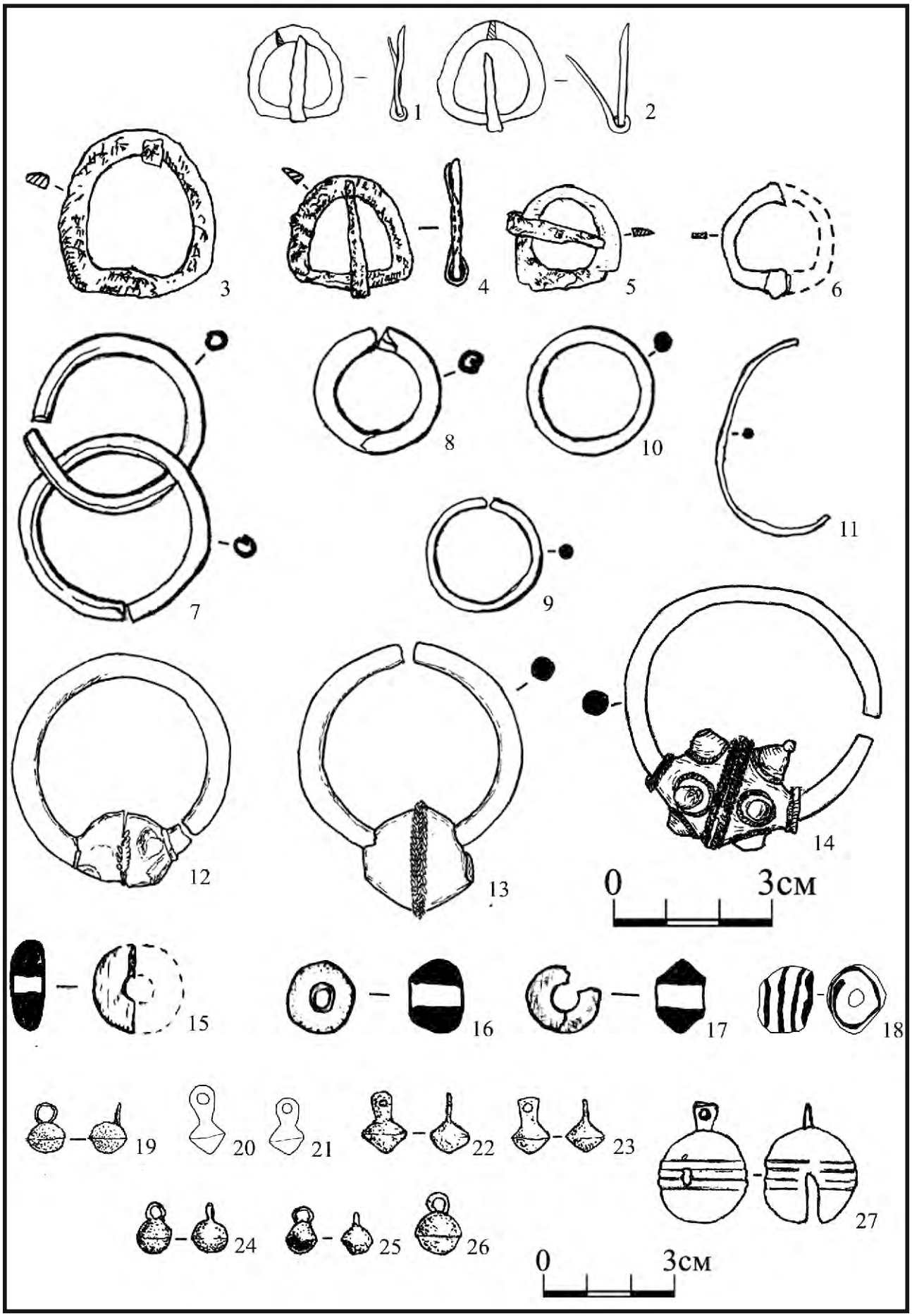


Рис. 35. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Предметы одежды и украшения. 1, 2, 7-11, 15-21 - м-к Шизе IV; 3-6, 22-27 - Большой шапсугский м-к; 12-14 - Цемдолинский м-к

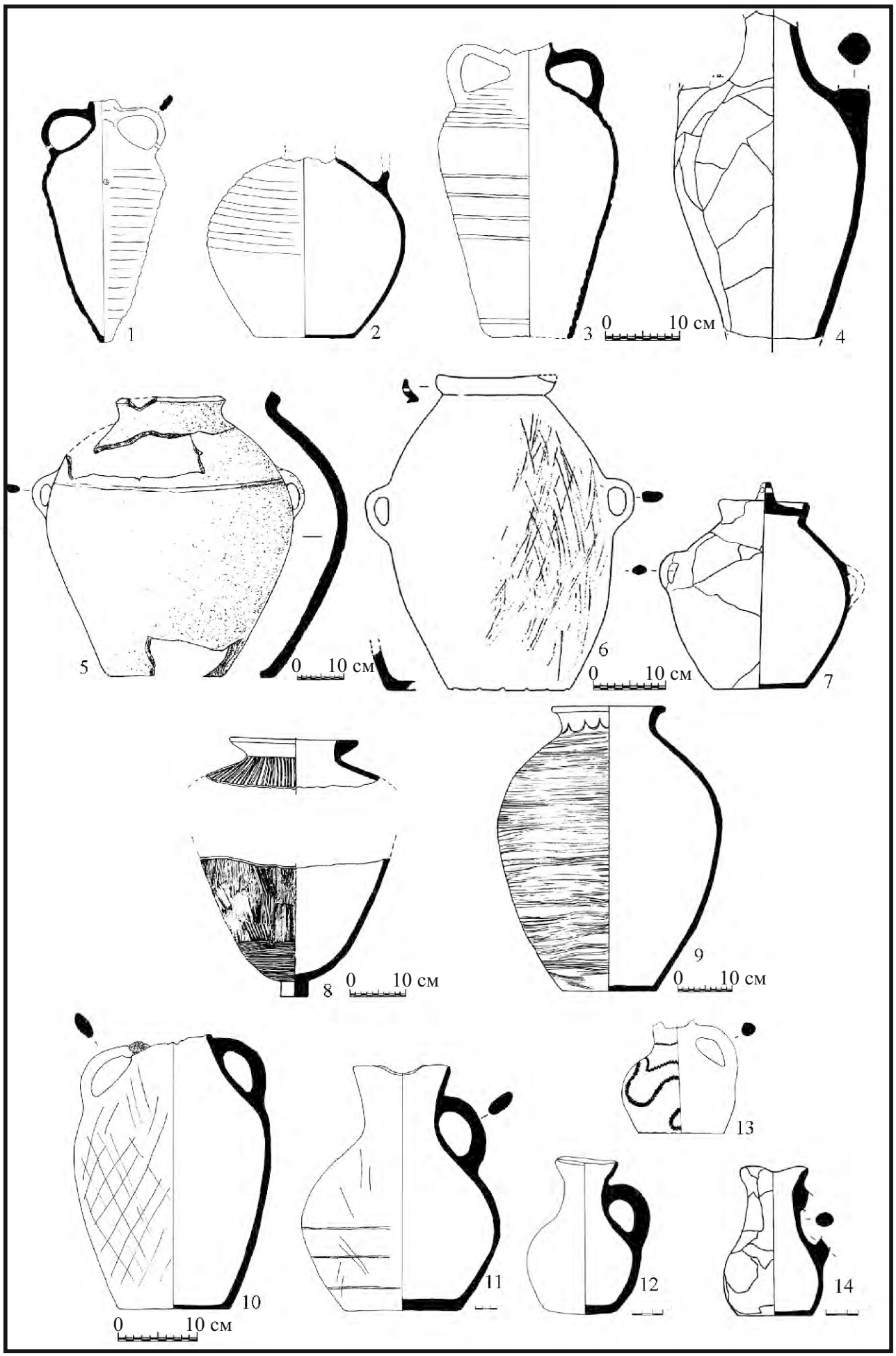


Рис. 36. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Керамика. 1 - м-к на р. Жанэ; 2 - Цемдолинский м-к; 3, 8 - Чайка; 4, 7, 9, 13, 14 - м-к Кедровая роща; 5 - Большой шапсугский м-к; 6 - Шизе IV; 10-12 - м-к Грушевый

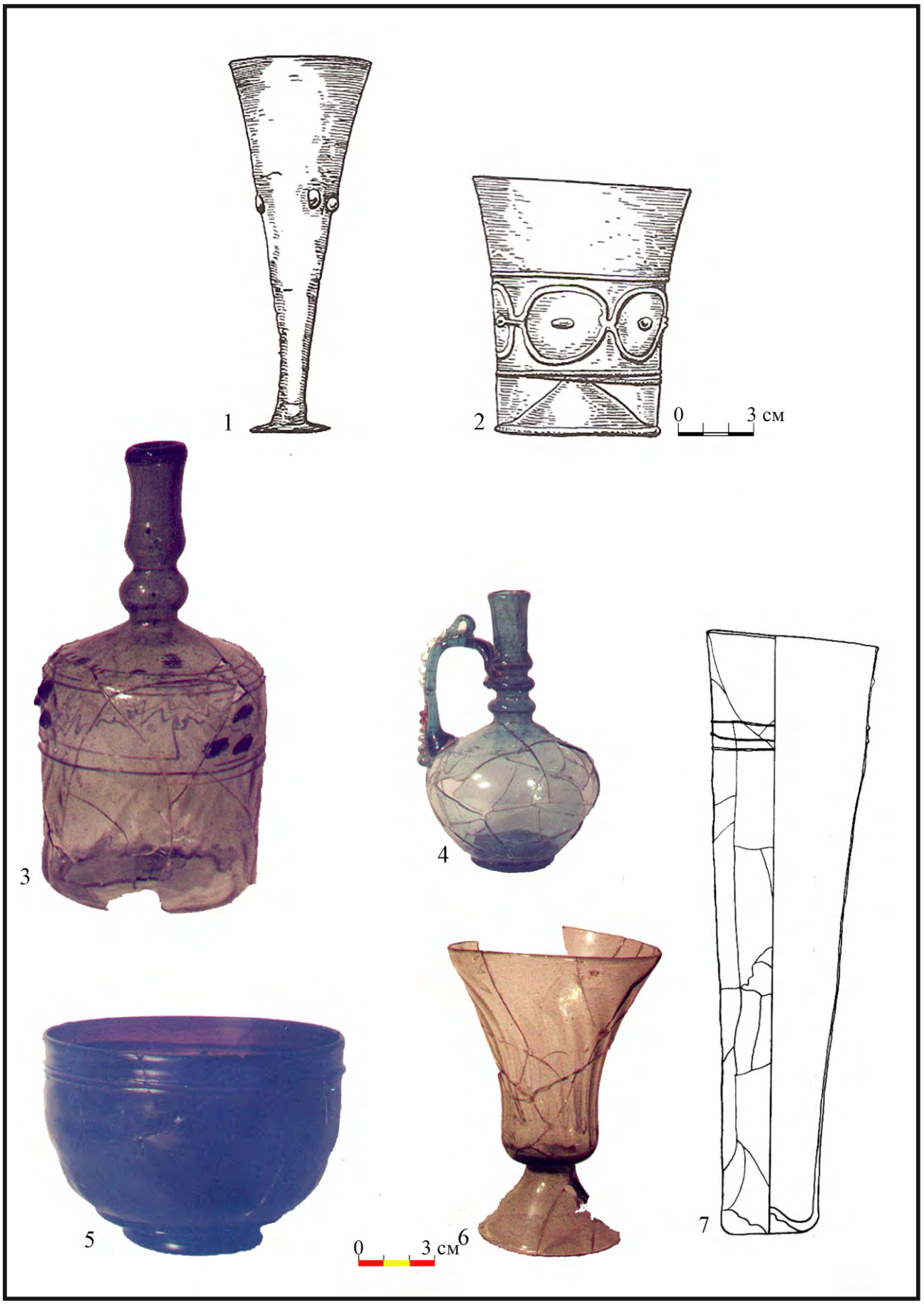


Рис. 37. Хронология погребальных комплексов. Инвентарь подкурганных погребений конца XII-XIII вв. Стеклянная посуда. 1 - м-к Шесхарис; 2 - Цемдолинский м-к; 3-6 - м-к Шебш 2; 7 - м-к Кедровая роща

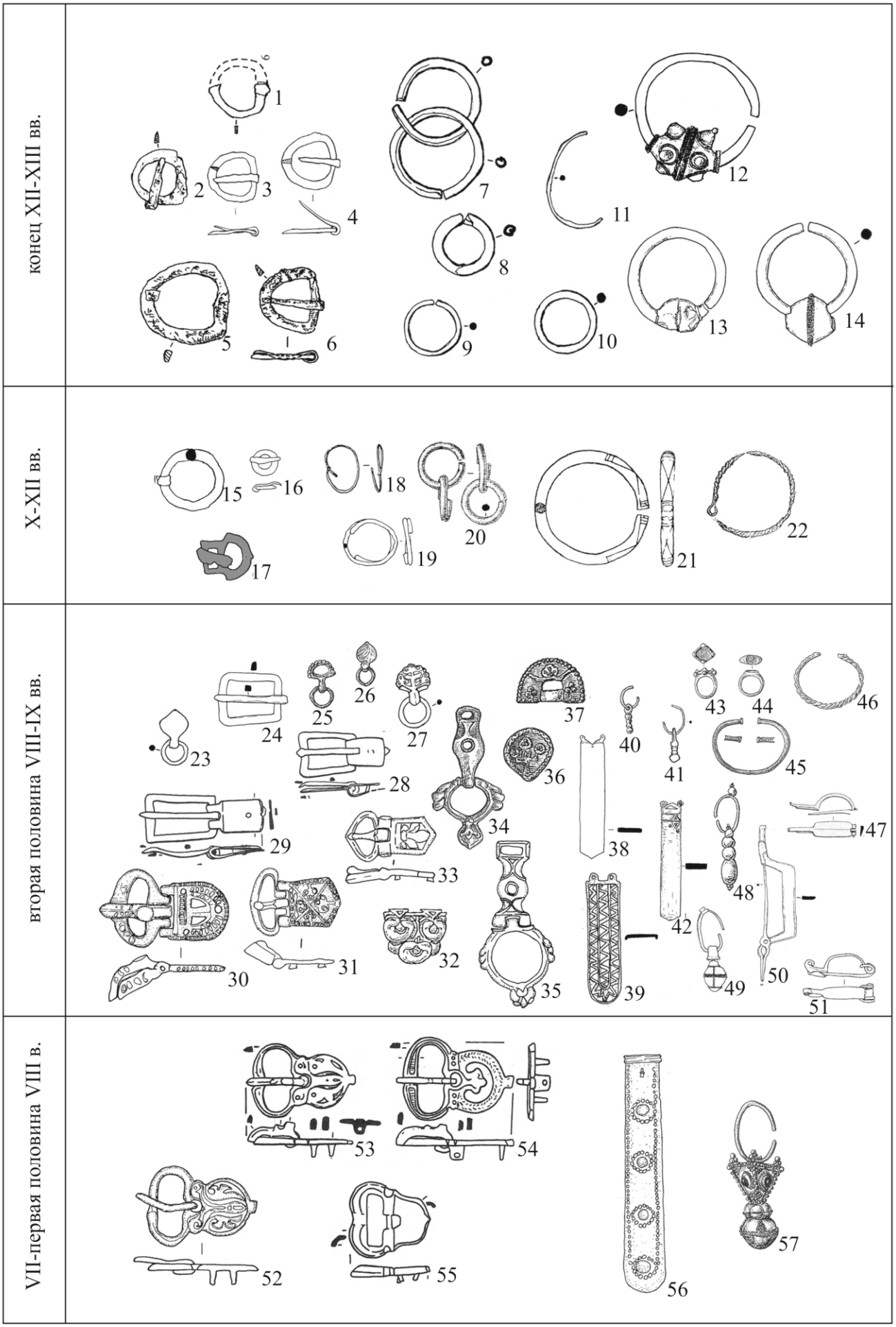


Рис. 38. Хронология погребальных комплексов. Общие наблюдения над эволюцией составляющих поясной гарнитуры, предметов одежды и украшений из кремационных погребений конца VII-XIII вв. (рисунки даны без масштаба)

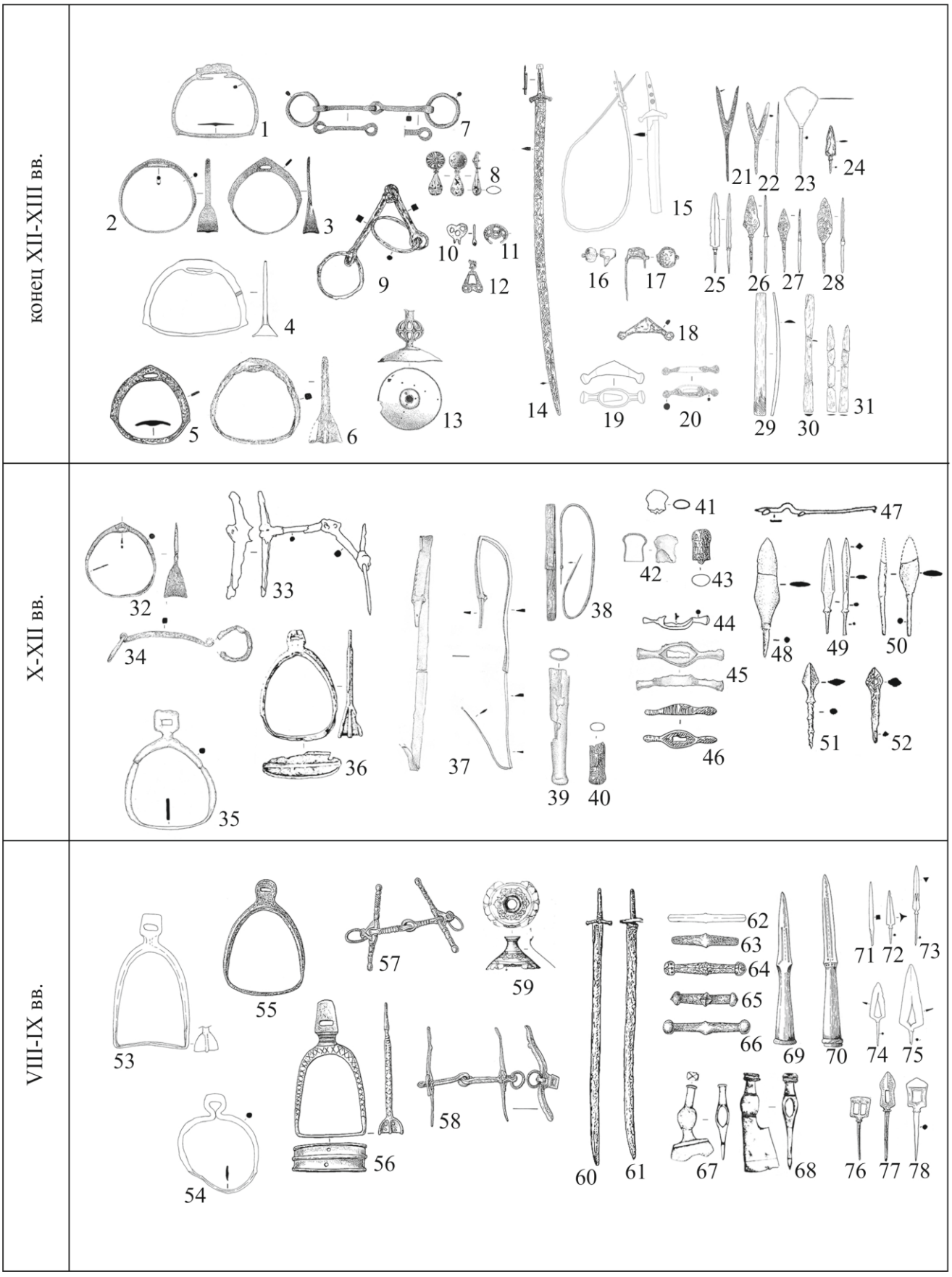


Рис. 39. Хронология погребальных комплексов. Общие наблюдения над эволюцией предметов конского снаряжения и вооружения из кремационных погребений VIII-XIII вв. (рисунки даны без масштаба)

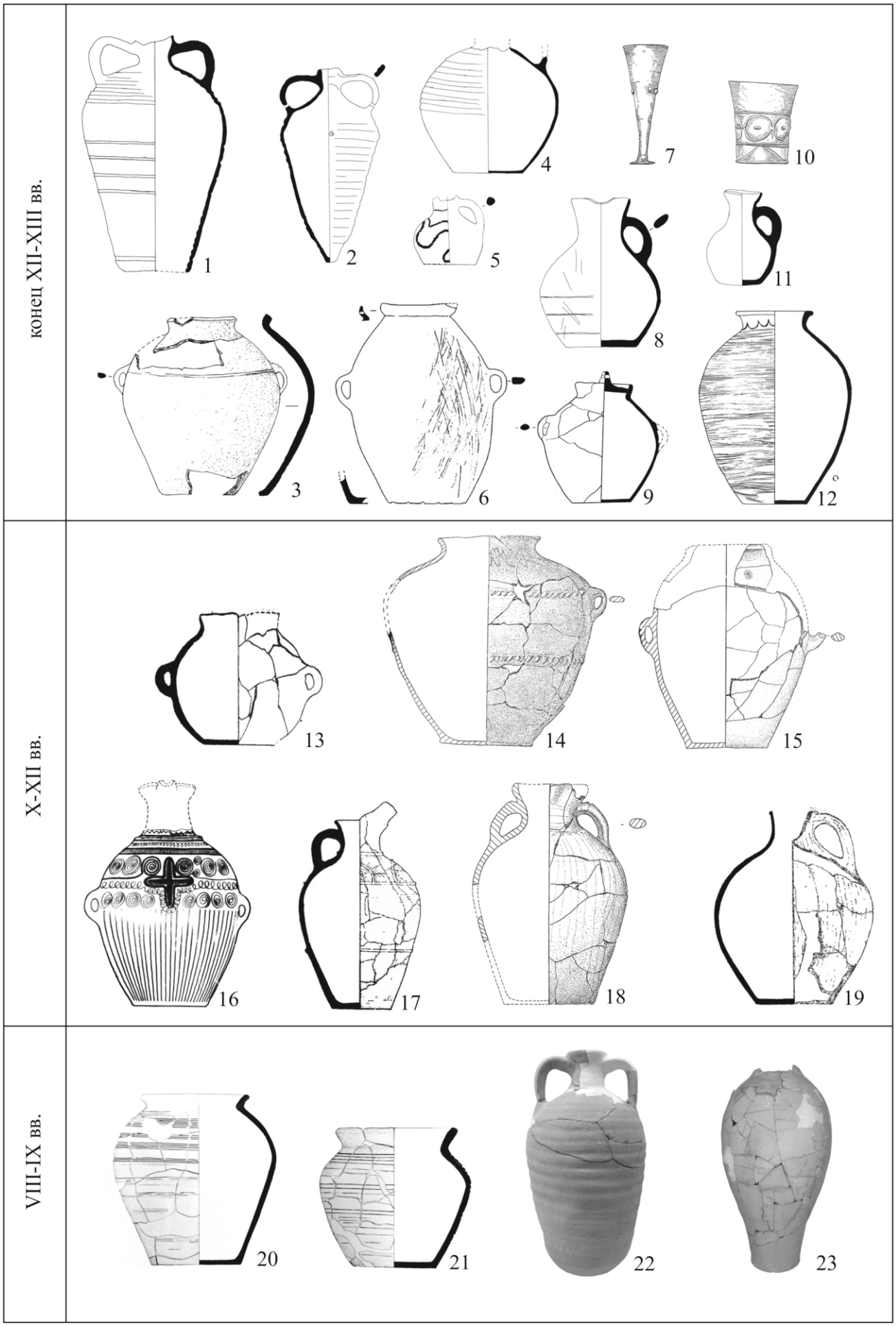


Рис. 40. Хронология погребальных комплексов. Общие наблюдения над эволюцией основных категорий керамики и стекла из кремационных погребений VIII-XIII вв. (рисунки даны без масштаба)

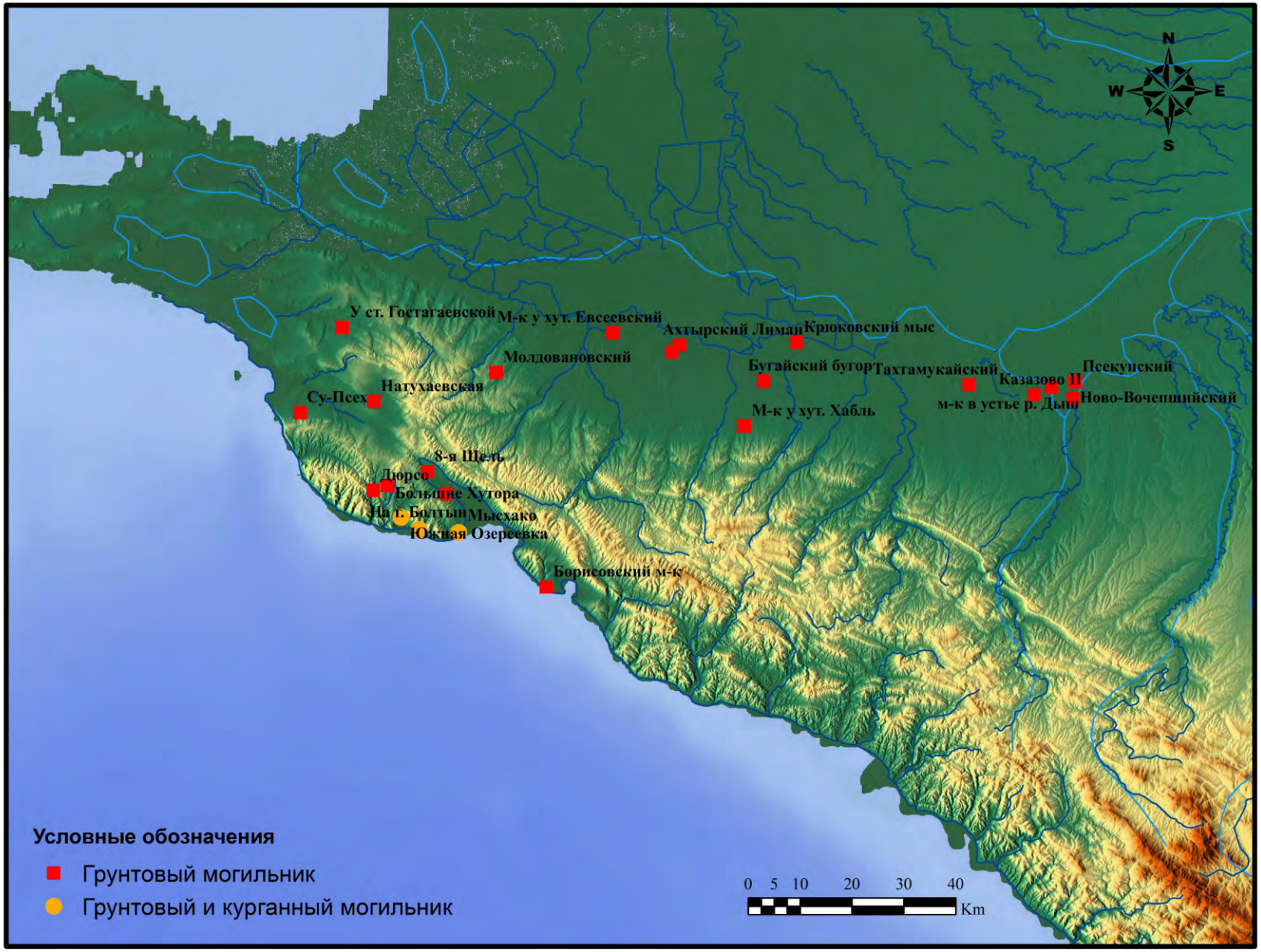


Рис. 41. Карта ареала некрополей с погребениями по обряду трупосожжения VIII-IX вв.

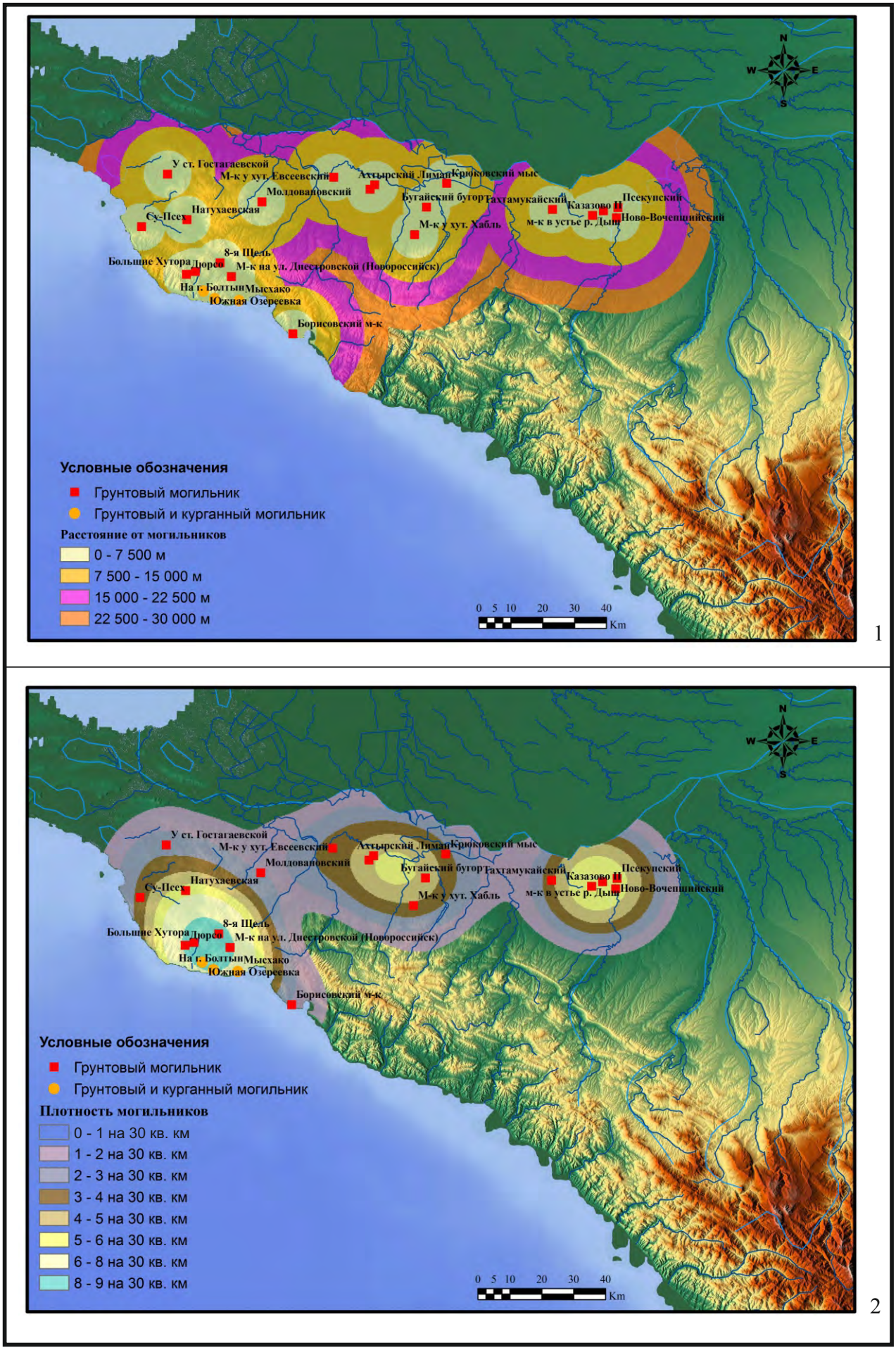
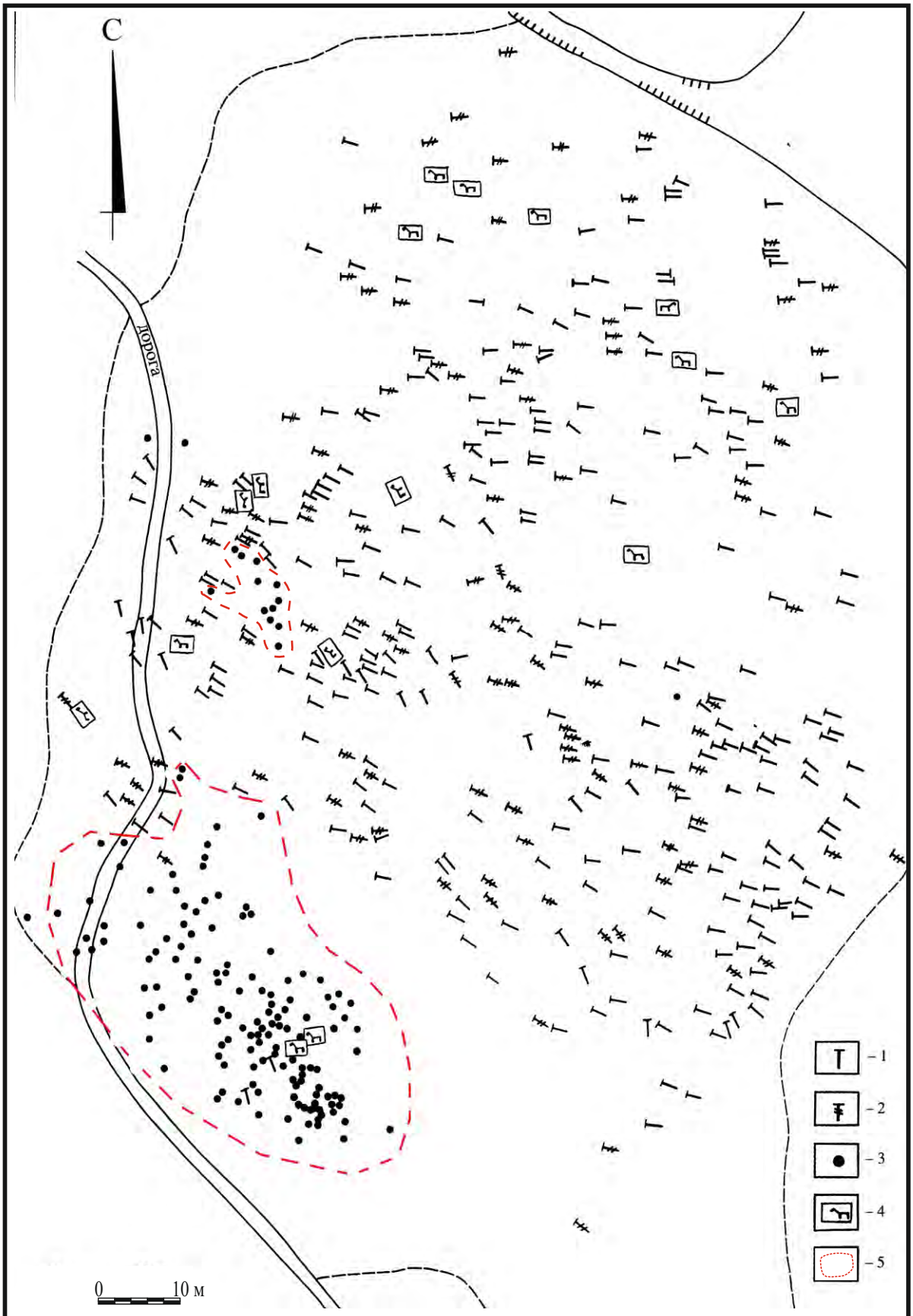


Рис. 42. 1 - карта территориальных групп могильников хазарского времени; 2 - карта плотности могильников хазарского времени



1, 2 - трупоположения; 3 - трупосожжение; 4 - захоронение лошади; 5 - зона погребений по обряду трупосожжения

Рис. 43. Могильники и погребения VII-IX вв.
План грунтового могильника Дюрсо, с выделенными участками кремационных погребений (По Дмитриев, 2003).

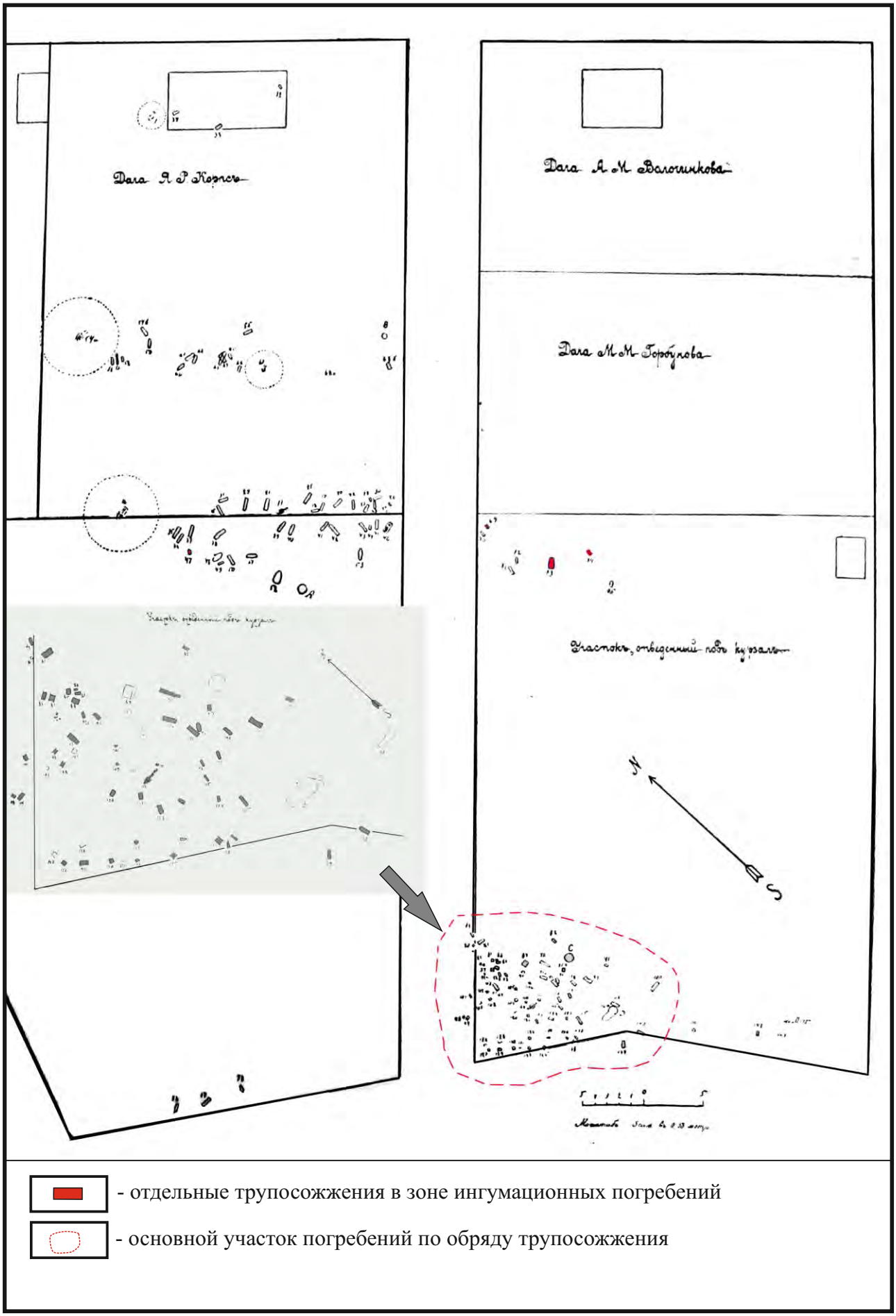
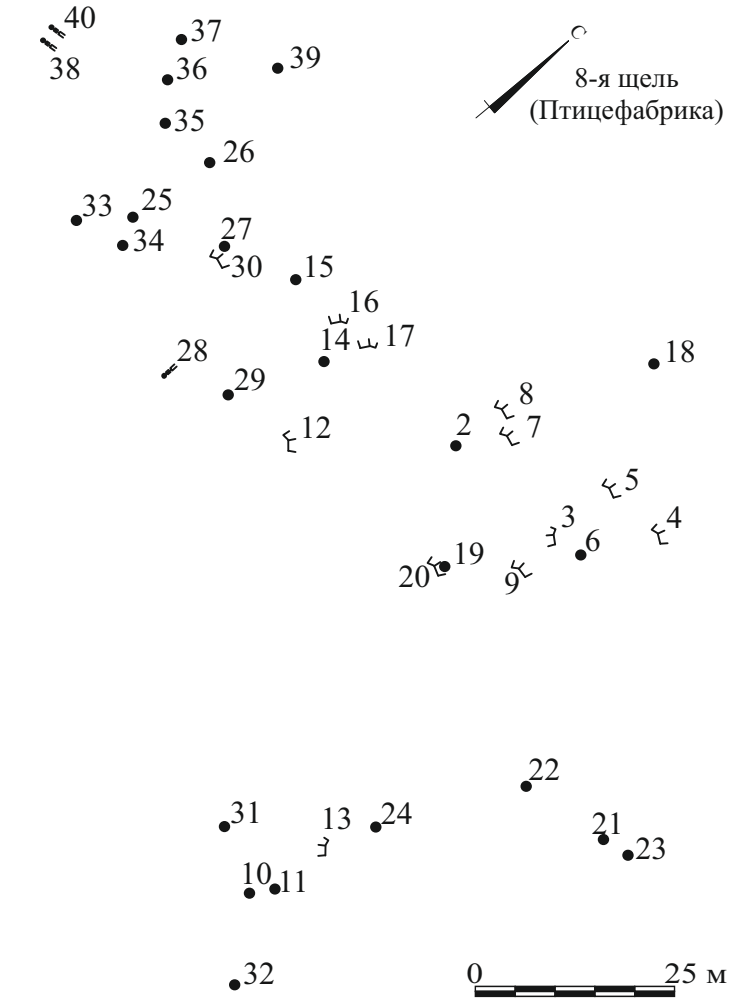
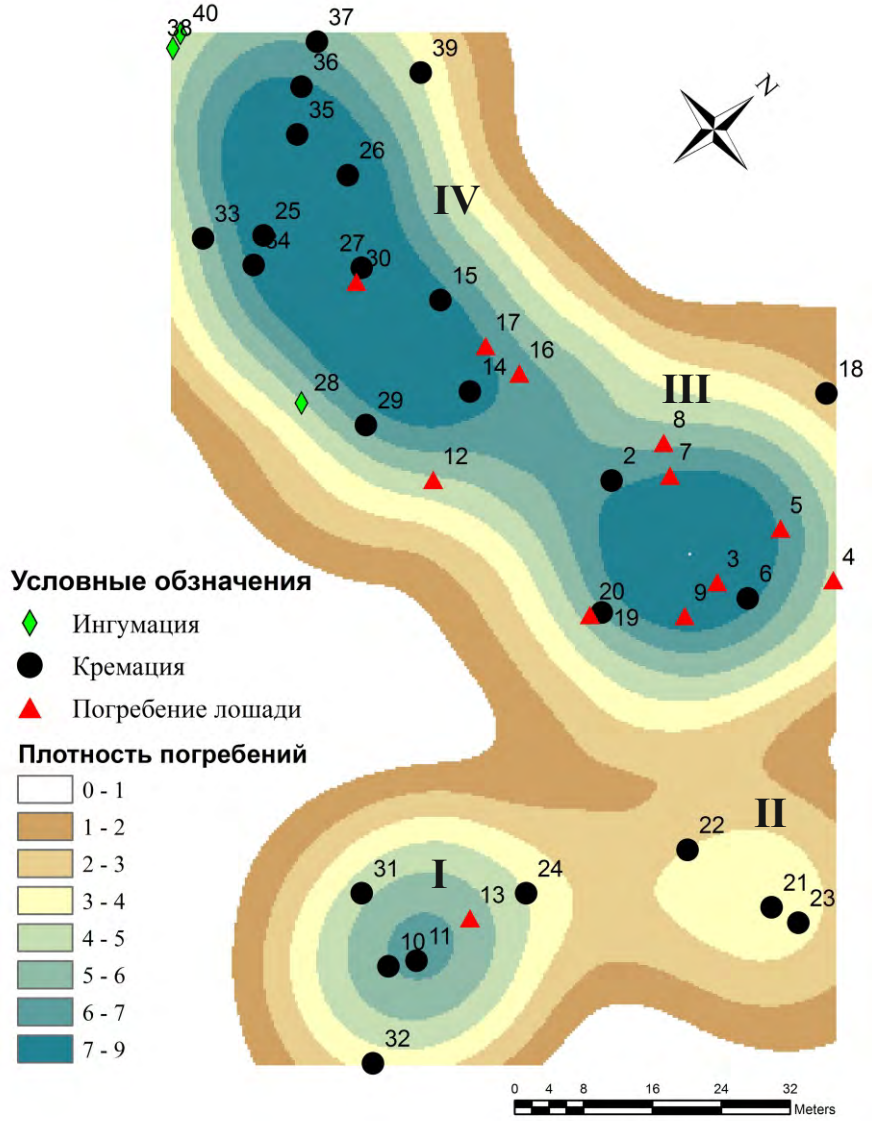


Рис. 44. Могильники и погребения VII-IX вв.
План Борисовского грунтового могильника, с выделенным участком кремационных погребений (По Саханев, 1913).



1



2

Рис. 45. Могильники и погребения VII-IX вв.
1- схема могильника 8-я щель (Птицефабрика); 2 - расчет плотности погребений могильника 8-я щель (метод Density)

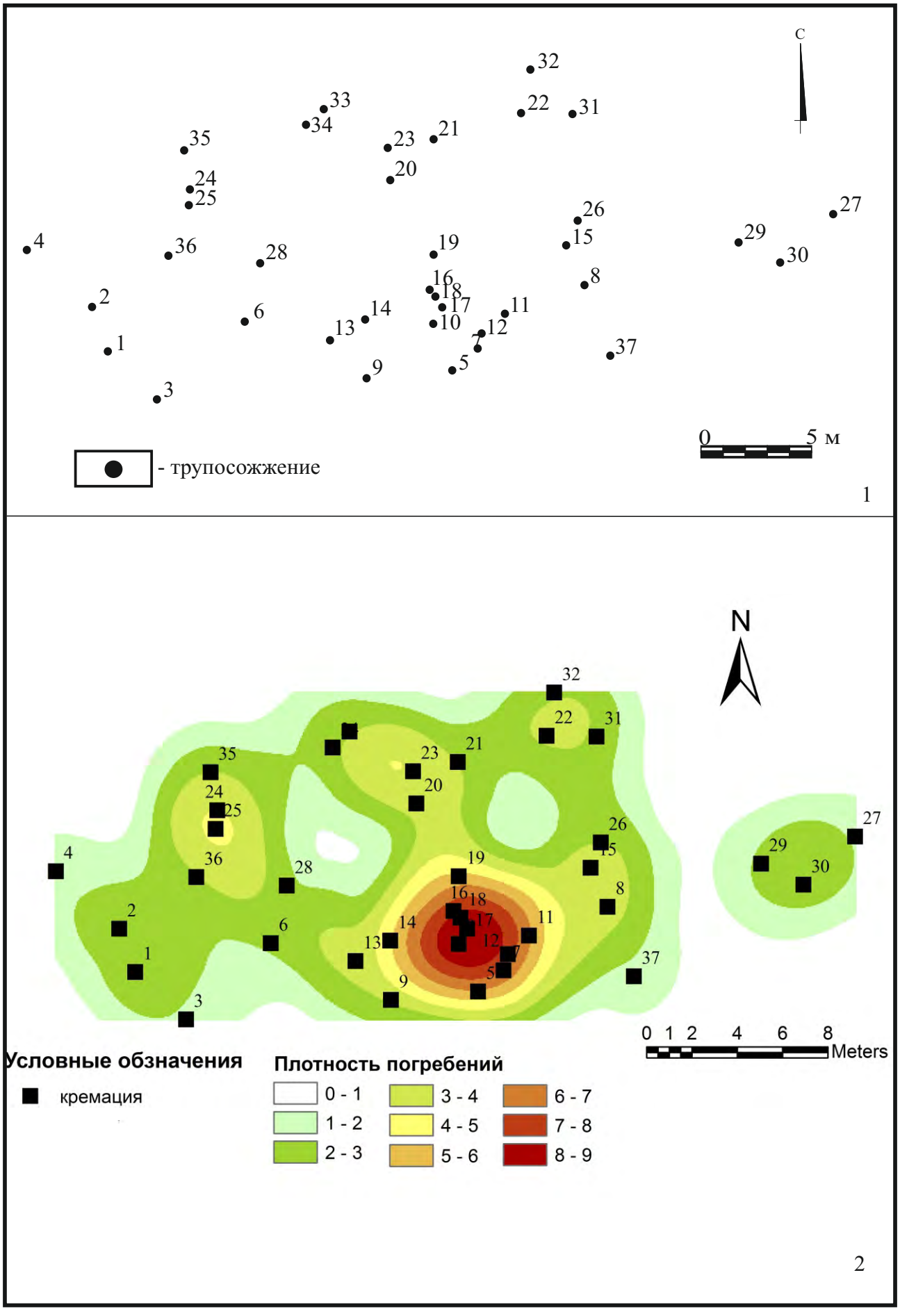


Рис. 46. Могильники и погребения VII-IX вв.
1- схема Молдовановского могильника; 2 - расчет плотности погребений могильника (метод Density)

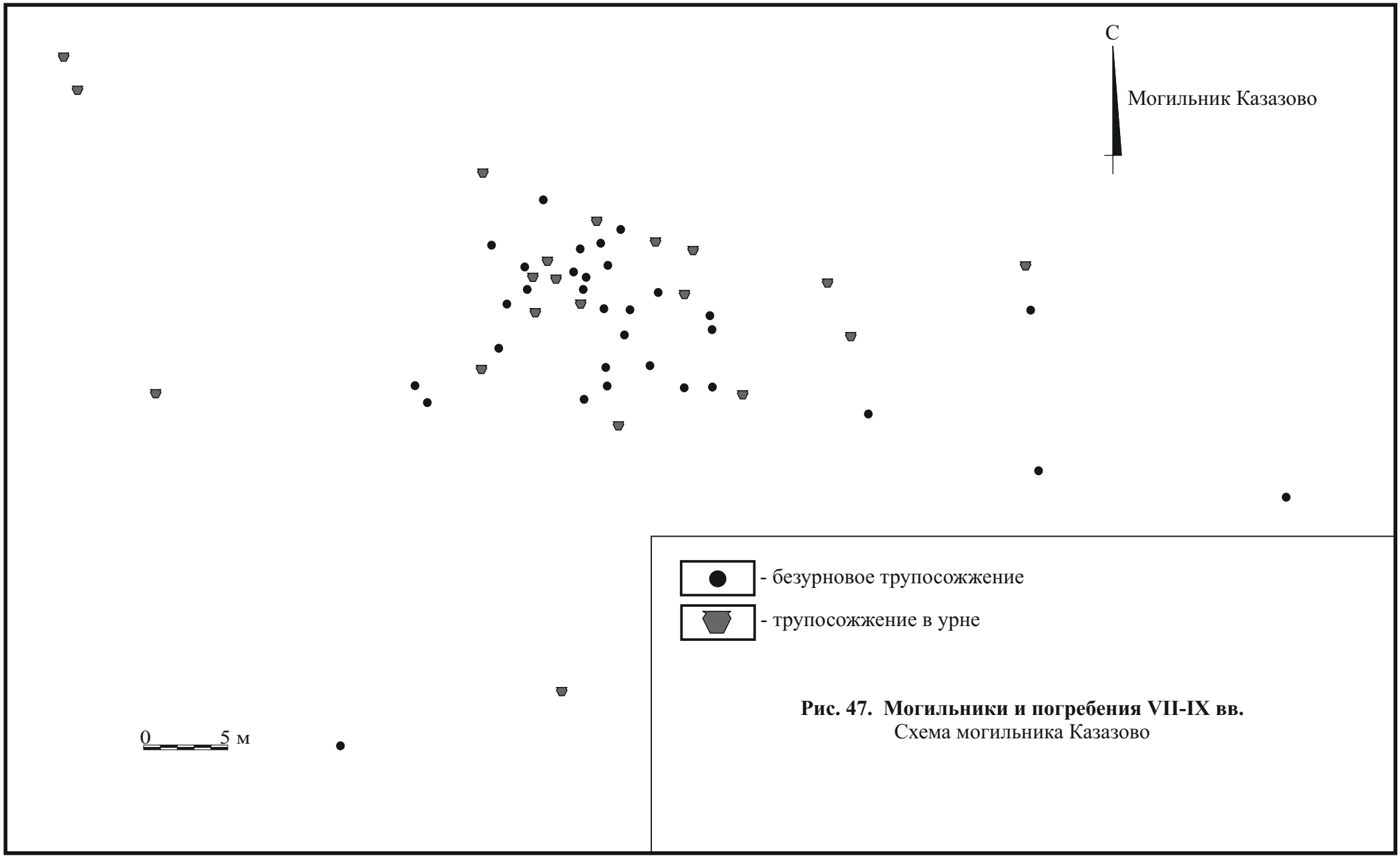


Рис. 47. Могильники и погребения VII-IX вв.
Схема могильника Казазово

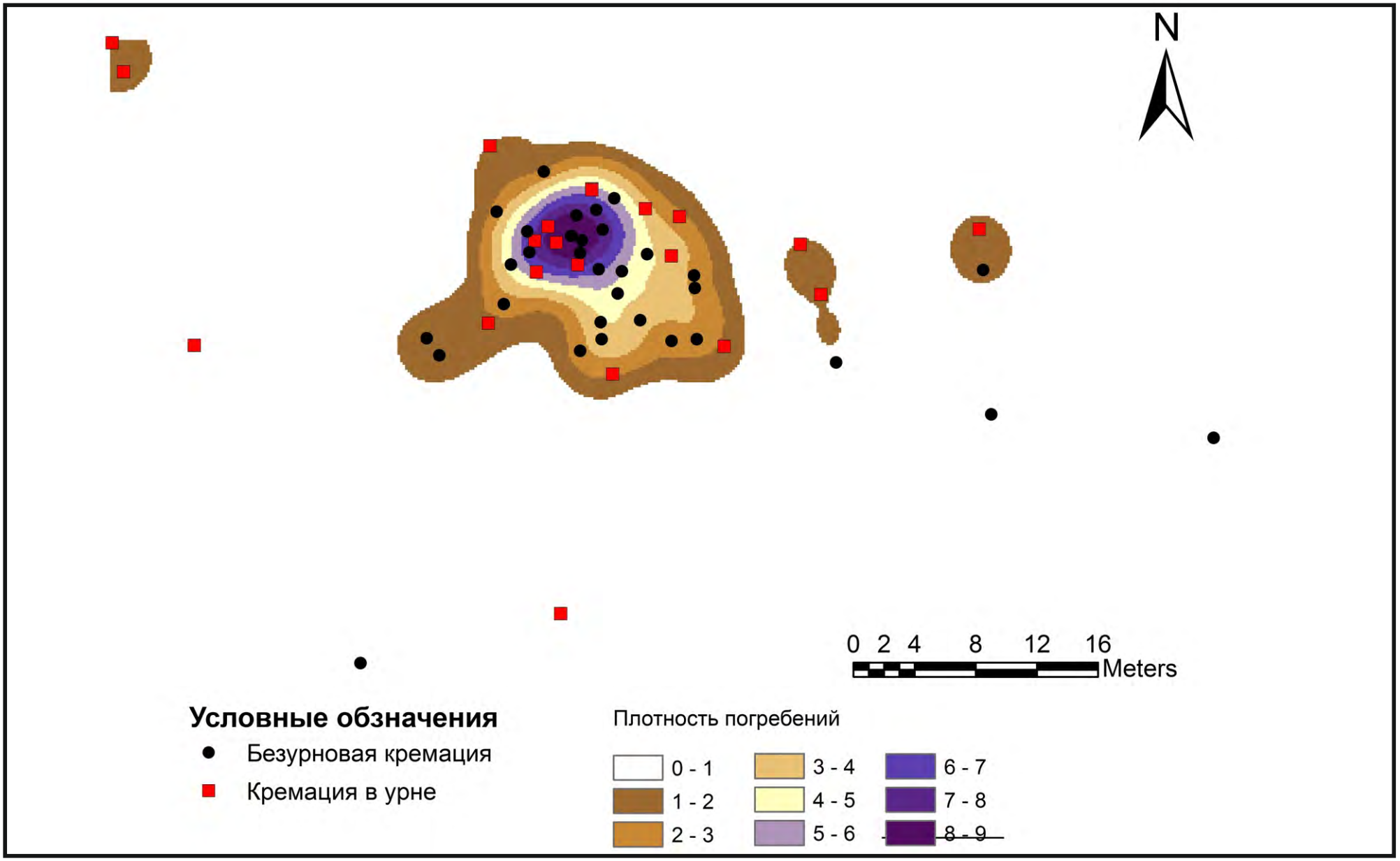


Рис. 48. Могильники и погребения VII-IX вв. Ррасчет плотности погребений могильника Казазово (метод Density)

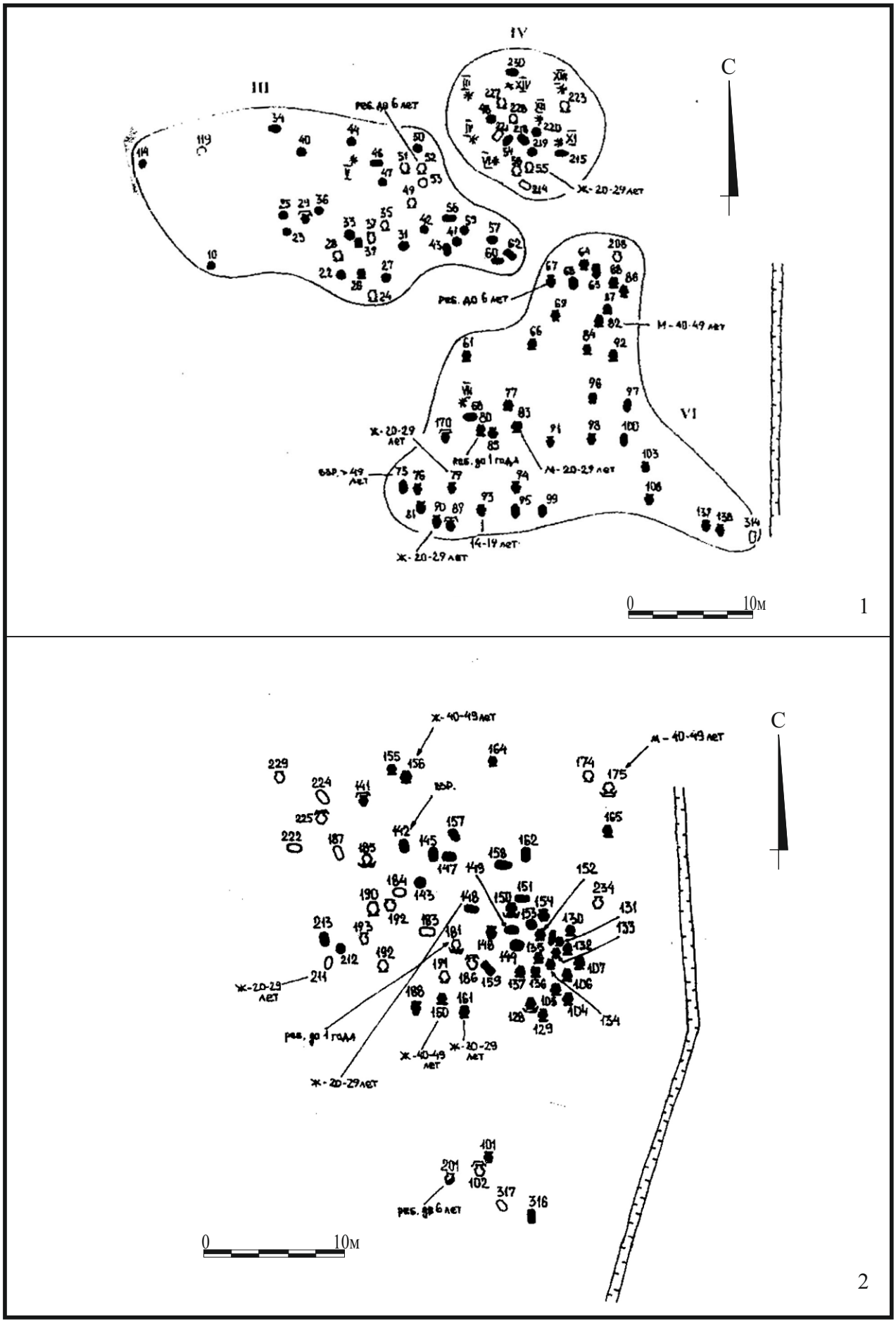


Рис. 49. Могильники и погребения VII-IX вв. Территориально обособленные участки могильника Сухая Гомольша (Северский Донец). 1 - участки III, IV, VI; 2 - участок V (По Аксенов, Михеев, 2006)

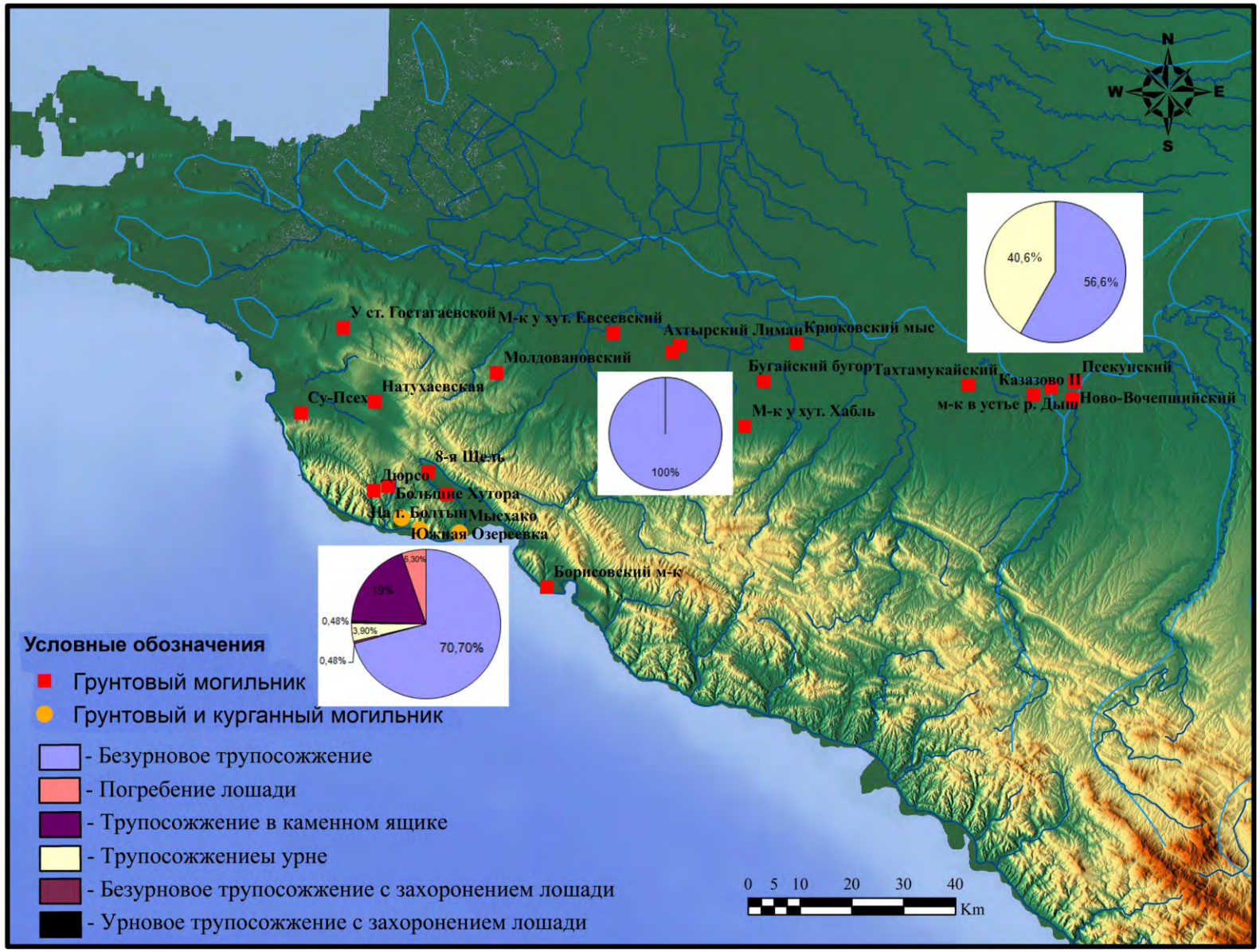
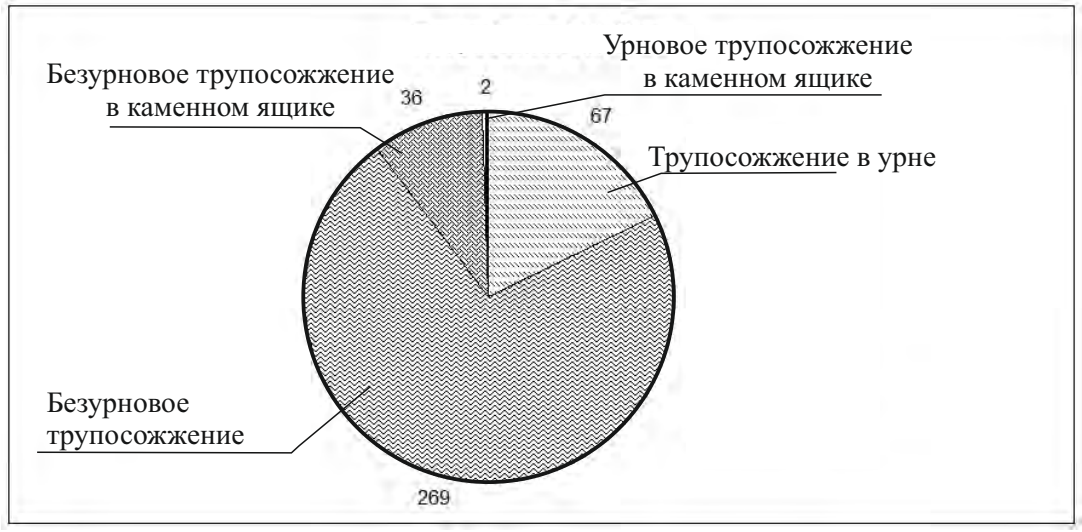
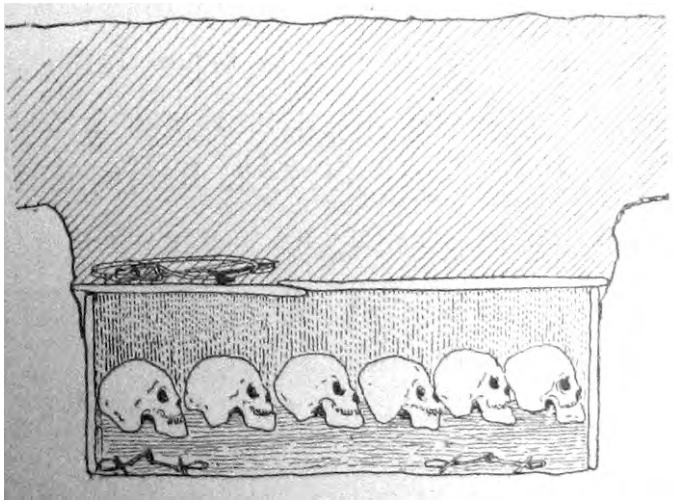


Рис. 50. Могильники и погребения VII-IX вв. Карта распределения типов погребений в соответствии с выделенными территориальными группами могильников



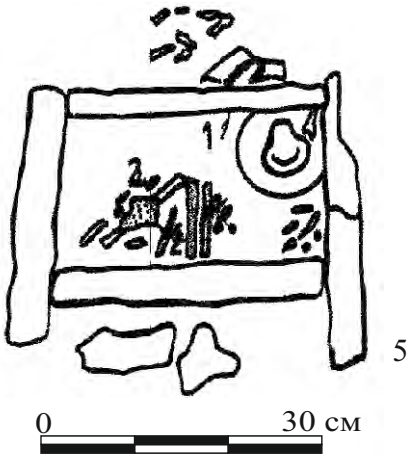
1

2



3

4



5

Рис. 51. Могильники и погребения VII-IX вв.

1 - диаграмма количественного распределения погребений VII-IX вв. по типам. Погребения в каменных ящиках. 2, 3 - Борисовский могильник, п. 99 (фото и реконструкция В.В. Саханева); 4 - Борисовский могильник, п. 145; 5 - некрополь Бальчик, ящик № 167 (Нижний Дунай, Болгария).

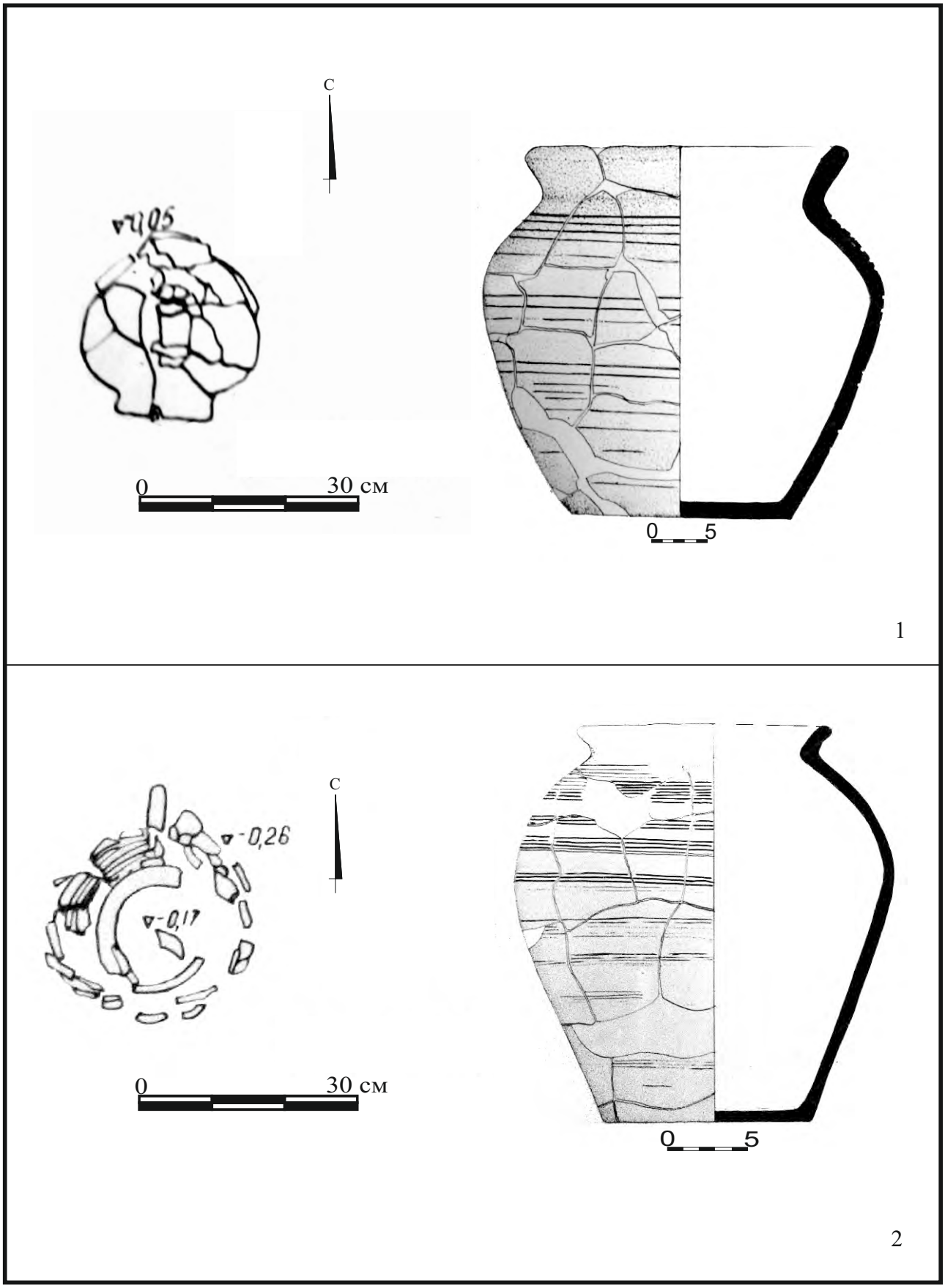


Рис. 52. Могильники и погребения VII-IX вв.
Трупосожжения в урнах. 1 - Казазово II, п. 1 (план погребения и сосуд-урна); 2 - Казазово II, п. 14 (план погребения и сосуд-урна)

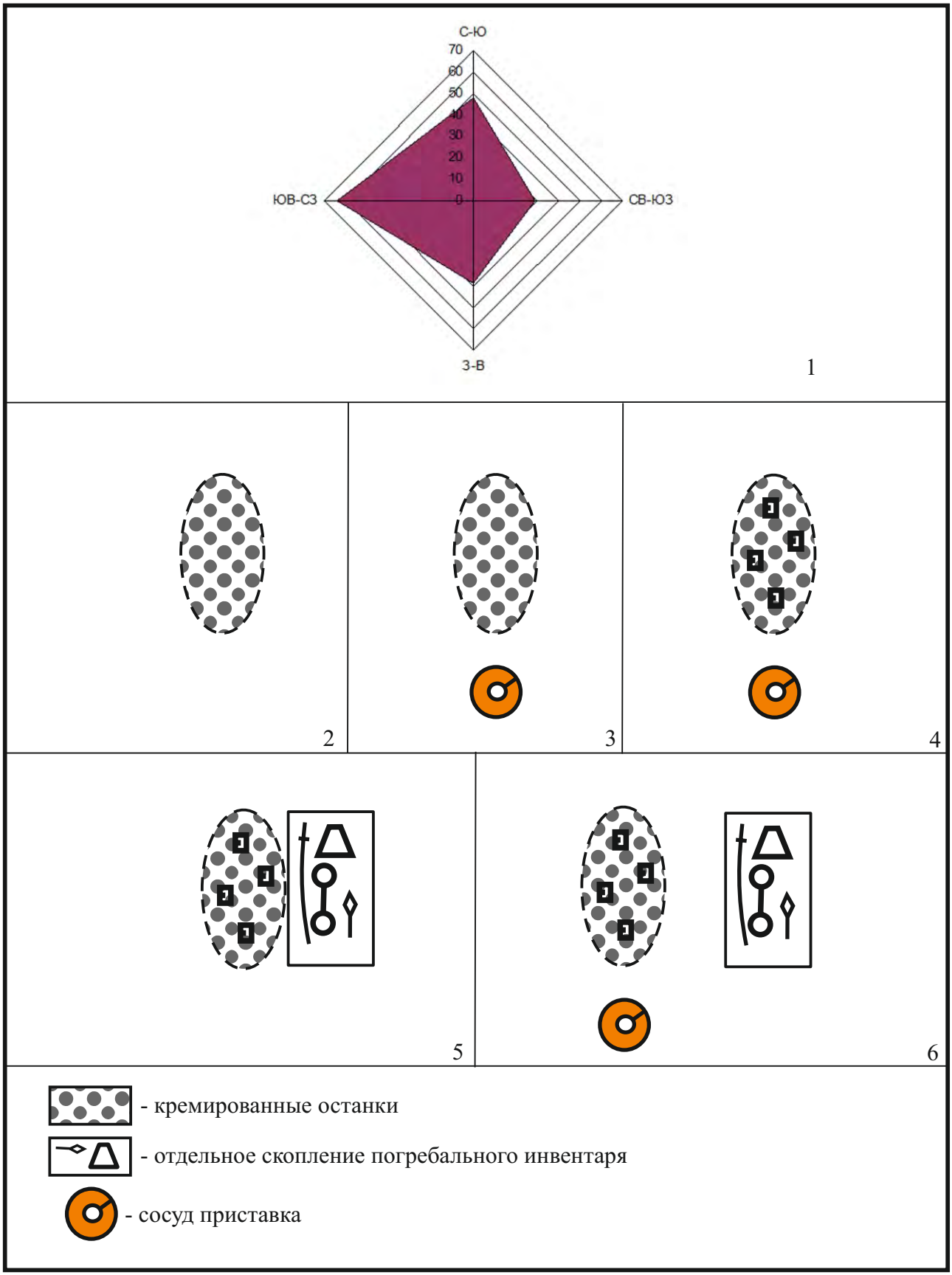


Рис. 53. Могильники и погребения VII-IX вв.

Безурновые трупосожжения. 1 - график распределения ориентировок скоплений кремированных останков по длинной линии. 2-6 - схема основных видов безурновых погребений. 2 - скопление кремированных останков без инвентаря; 3 - скопление кремированных останков без инвентаря с сосудом-приставкой; 4 - безурновое погребение с инвентарем перемешанным с кремированными костями; 5 - погребение с отдельным скоплением инвентаря, расположенным вплотную к кремированным останкам; 6 - погребение с скоплением инвентаря расположенным отдельно.

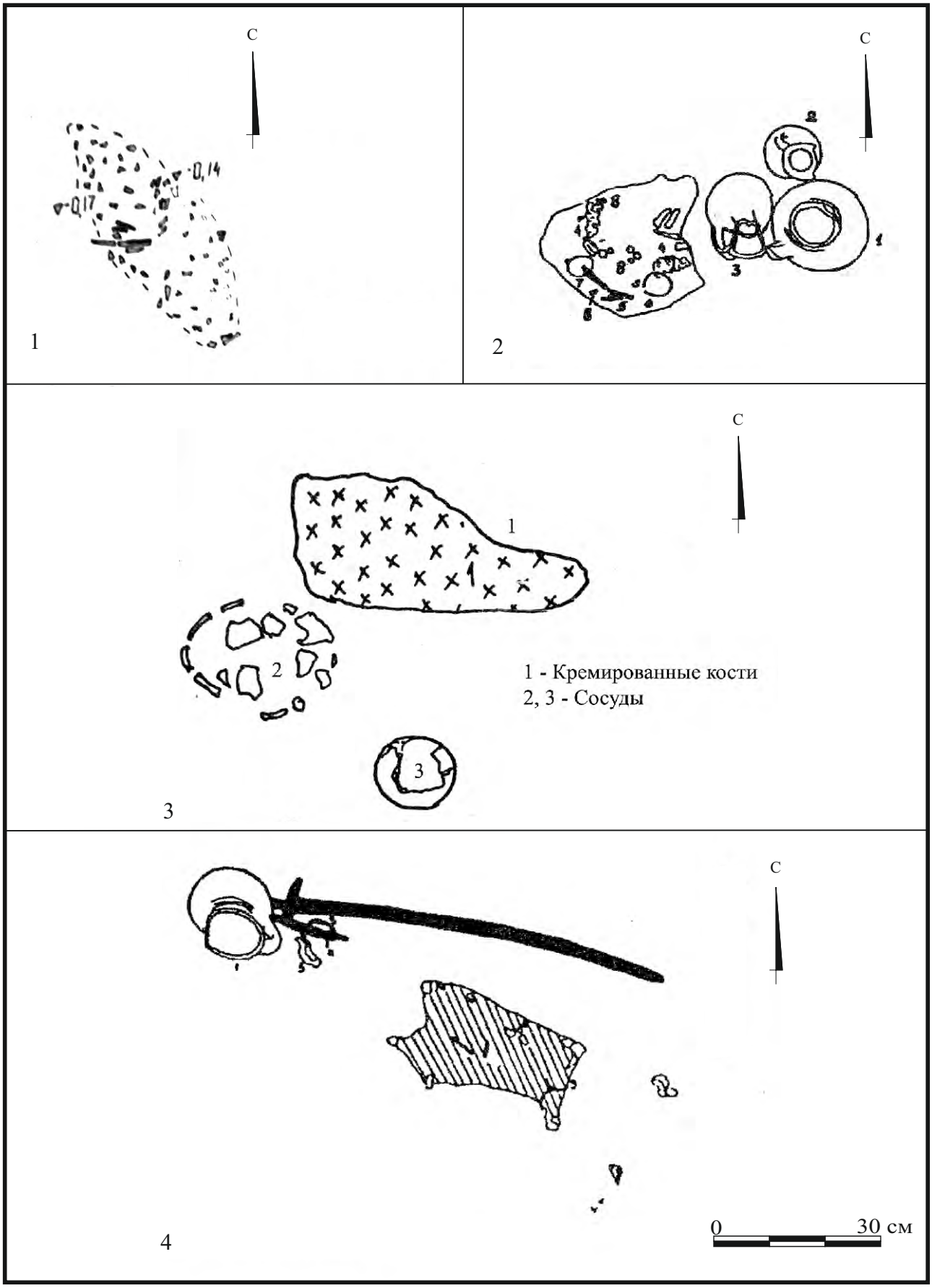


Рис. 54. Могильники и погребения VII-IX вв.
Безурновые трупосожжения. 1 - Казазово II, п. 39; 2 - Общественный II, п. 14; 3 - Молдовановский, п. 24; 4 - Общественный II, п. 9

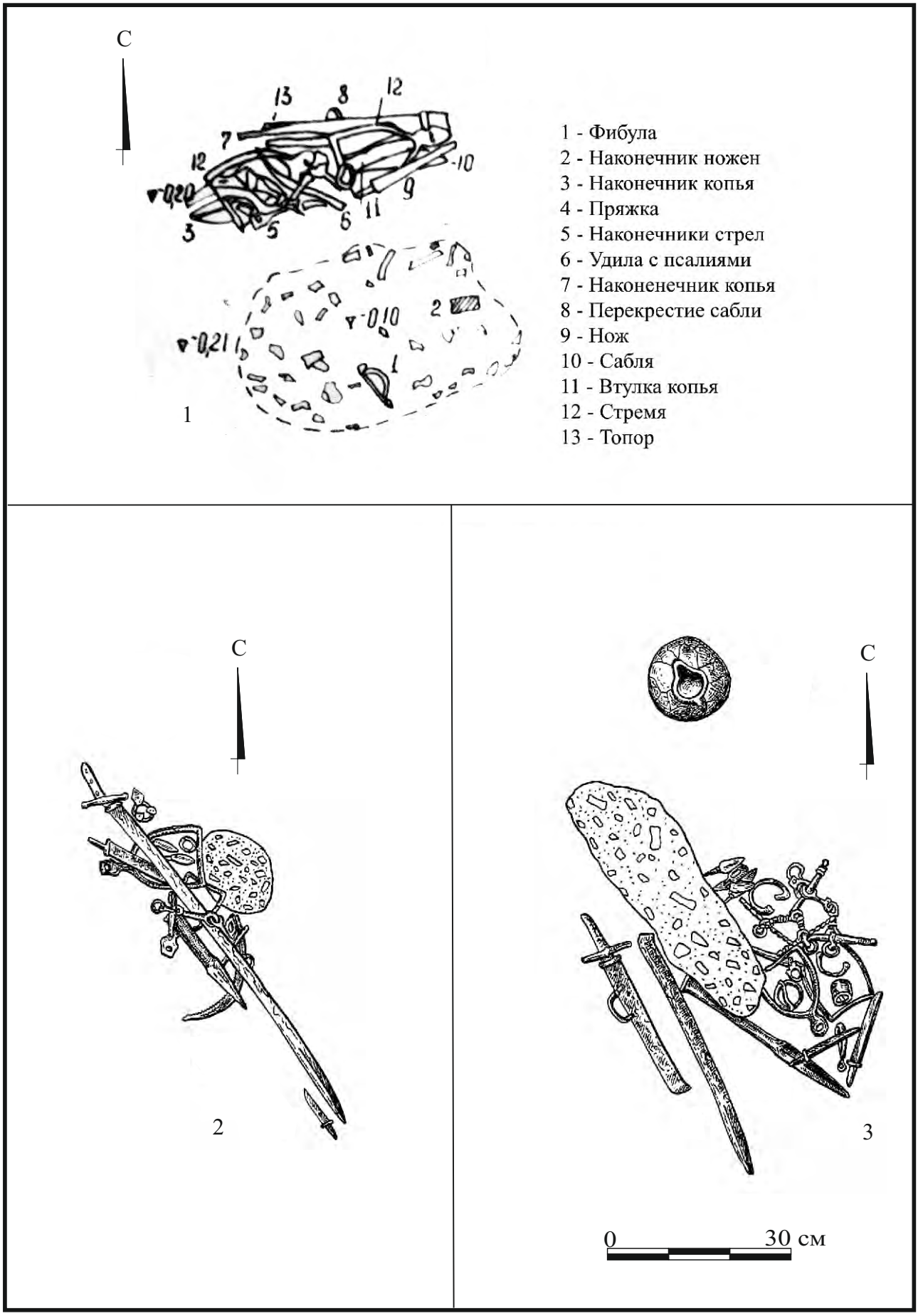


Рис. 55. Могильники и погребения VII-IX вв.
Безурновые трупосожжения. 1 - Казазово II, п. 69; 2 - Дюрсо, п. 15; 3 - Дюрсо, п. 17

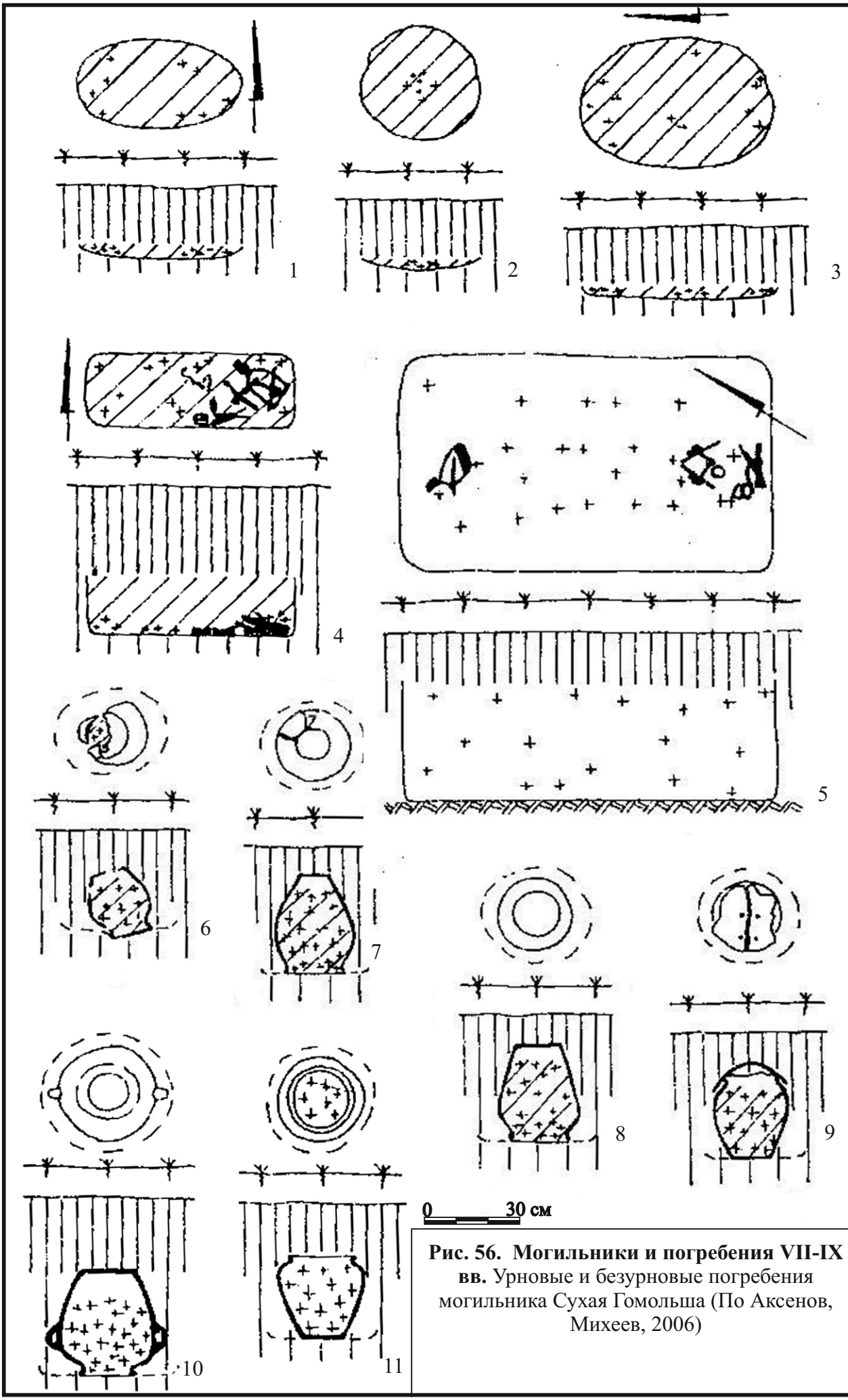


Рис. 56. Могильники и погребения VII-IX вв. Урновые и безурновые погребения могильника Сухая Гомольша (По Аксенов, Михеев, 2006)

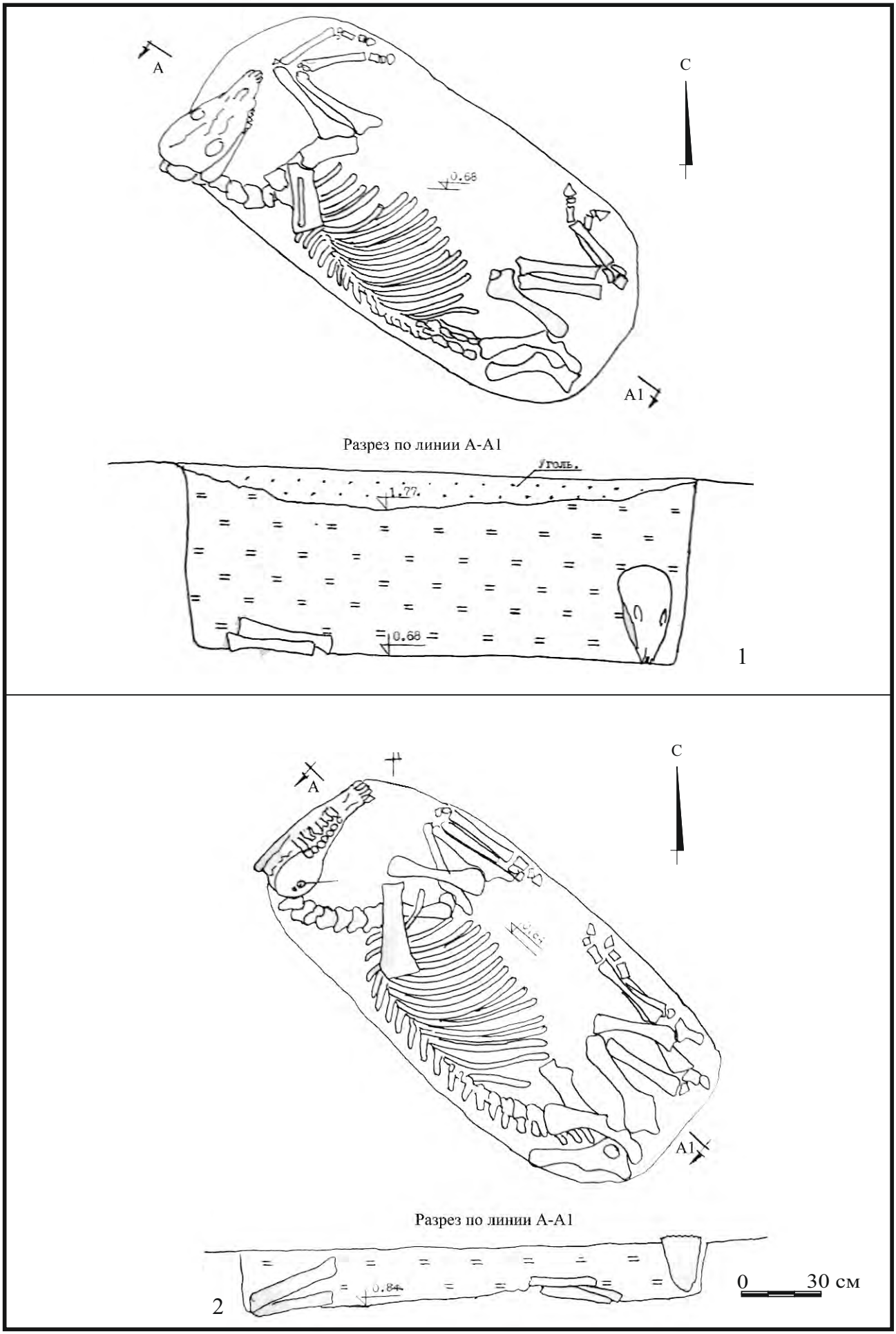


Рис. 57. Могильники и погребения VII-IX вв. Ритуальные комплексы без погребения человека. Захоронения лошадей. 1 - могильник 8-я Щель (Птицефабрика), погребение лошади 4; 2 - могильник 8-я Щель (Птицефабрика), погребение лошади 5

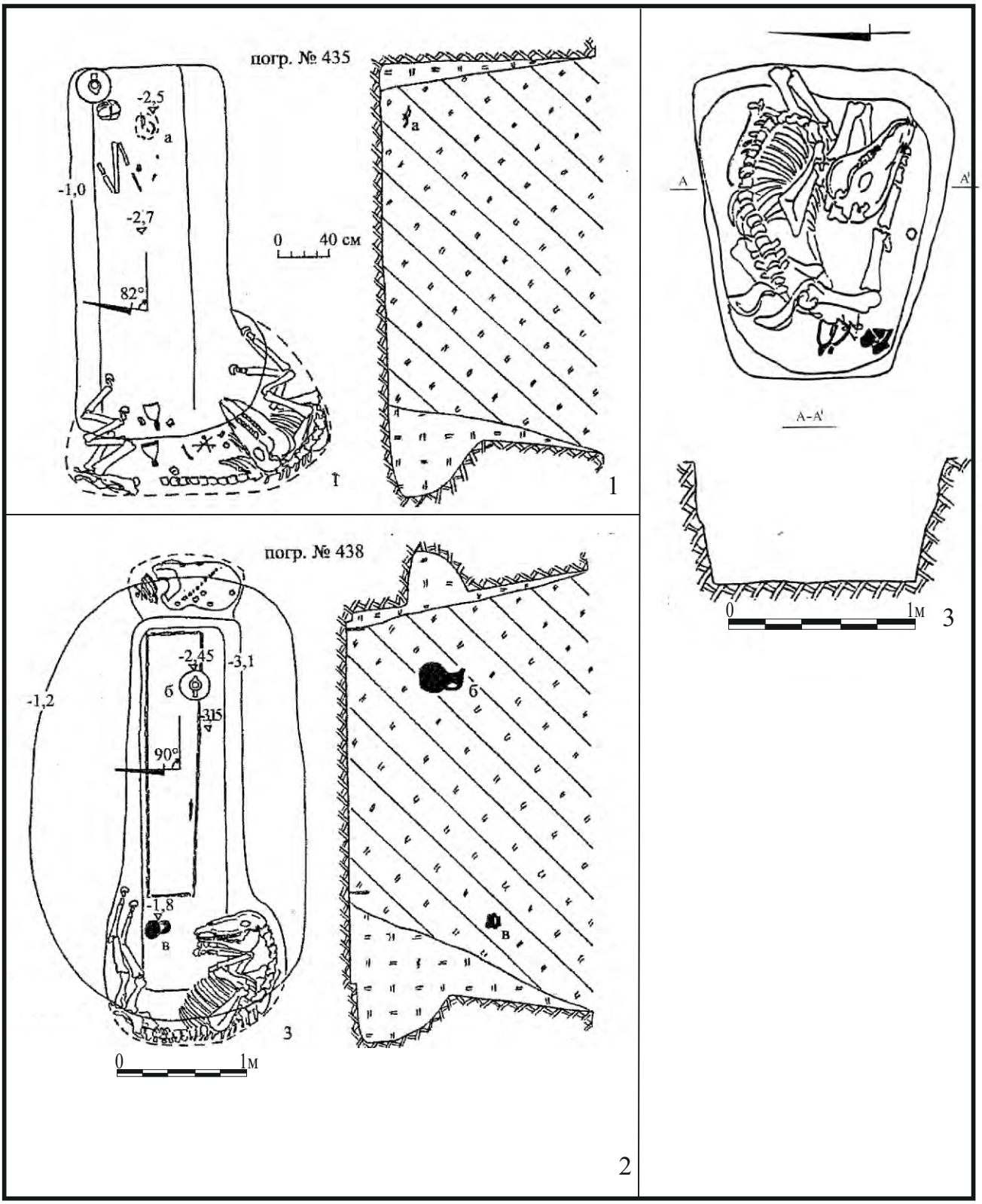
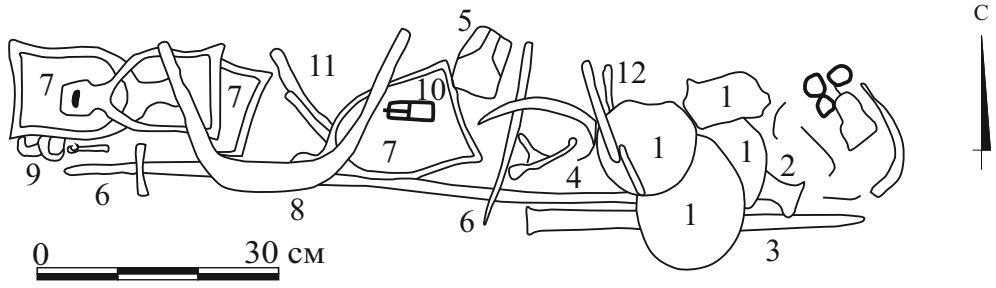
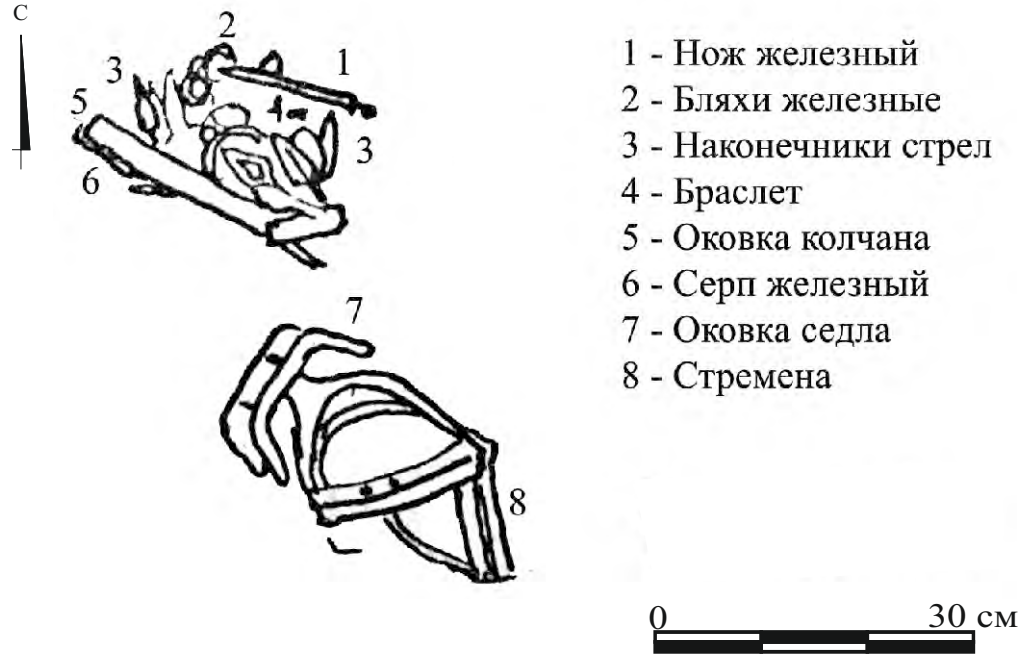


Рис. 58. Могильники и погребения VII-IX вв. Погребения в сопровождении коней (1, 2) и отдельное захоронение лошади (3) из Нетайловского могильника (по Аксенов, 2012).



1 - пластины бронзовые
2 - топор
3 - наконечник копья
4 - удила
5 - мотыжка
6 - сабля
7 - стремена
8 - оковка седла
9 - кольцо бронзовое
10 - пряжка железная
11 - оковка колчанная
12 - удила

1



1 - Нож железный
2 - Бляхи железные
3 - Наконечники стрел
4 - Браслет
5 - Оковка колчана
6 - Серп железный
7 - Оковка седла
8 - Стремена

2

Рис. 59. Могильники и погребения VII-IX вв. Ритуальные комплексы без погребения человека. Отдельные “захоронения” вещей. 1 - Молдовановский, п. 25; 2 - Молдовановский, п. 5

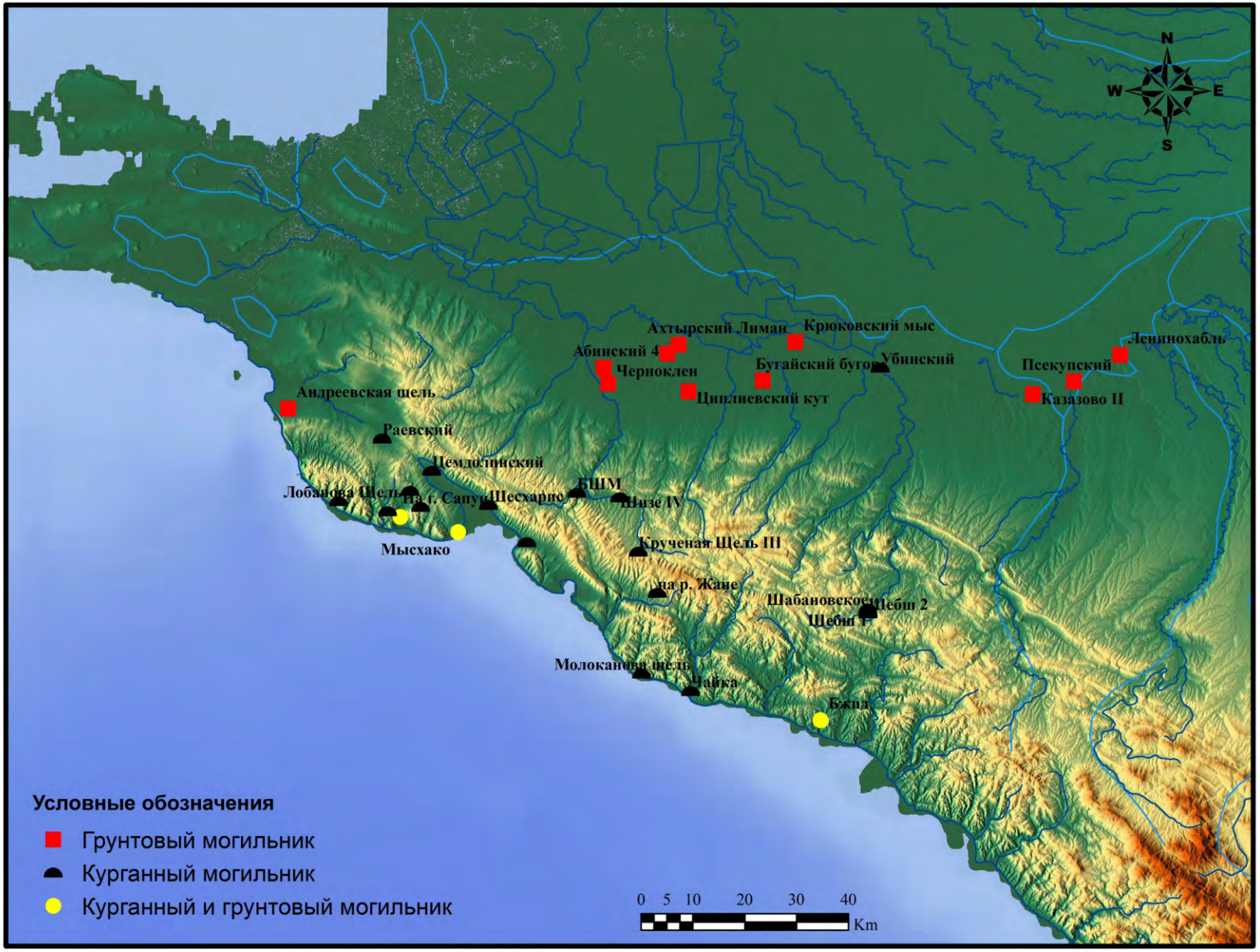


Рис. 60. Карта ареала некрополей с погребениями по обряду трупосожжения X-XIII вв.

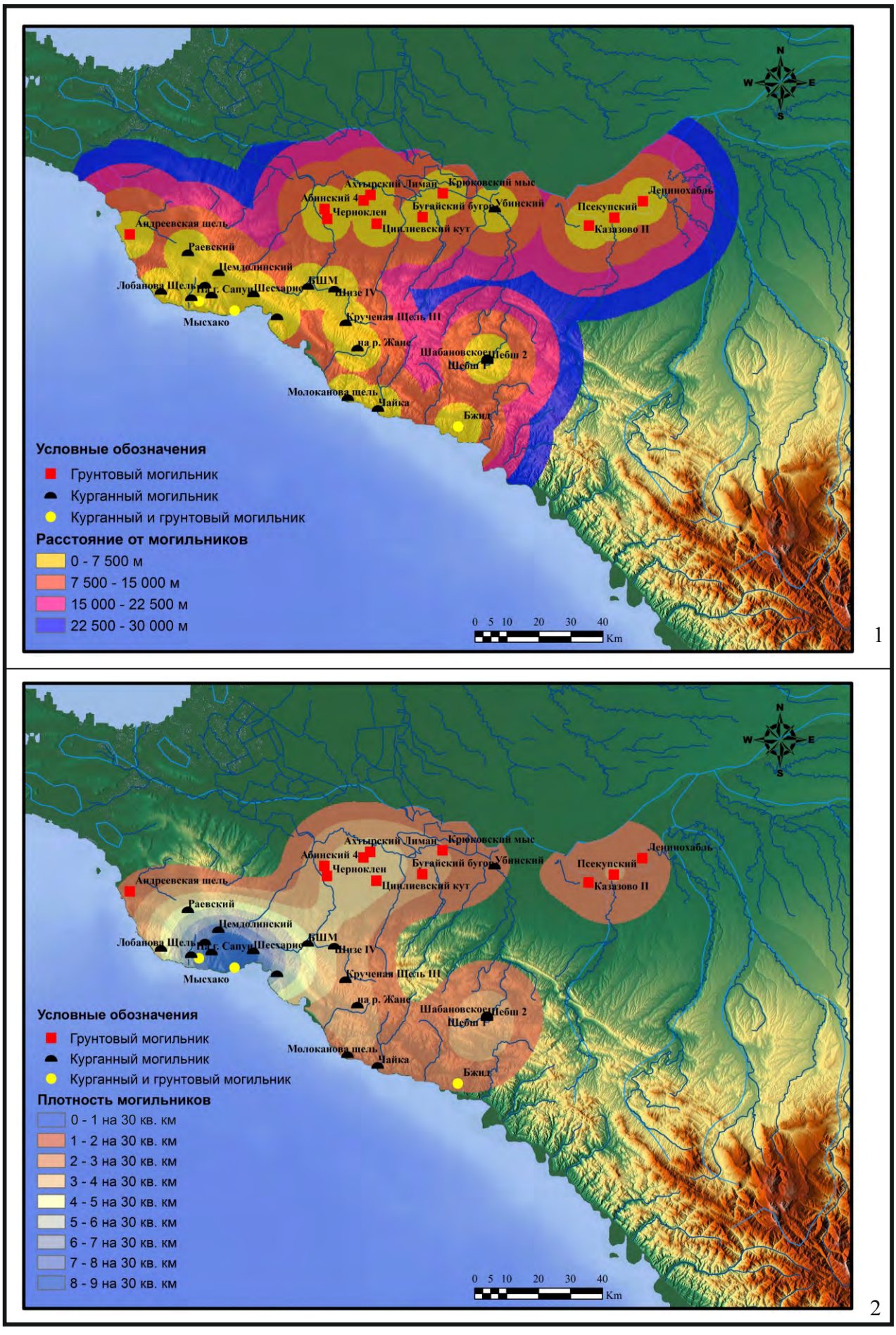


Рис. 61. 1 - карта территориальных групп могильников X-XIII вв.; 2 - карта плотности могильников X-XIII вв.

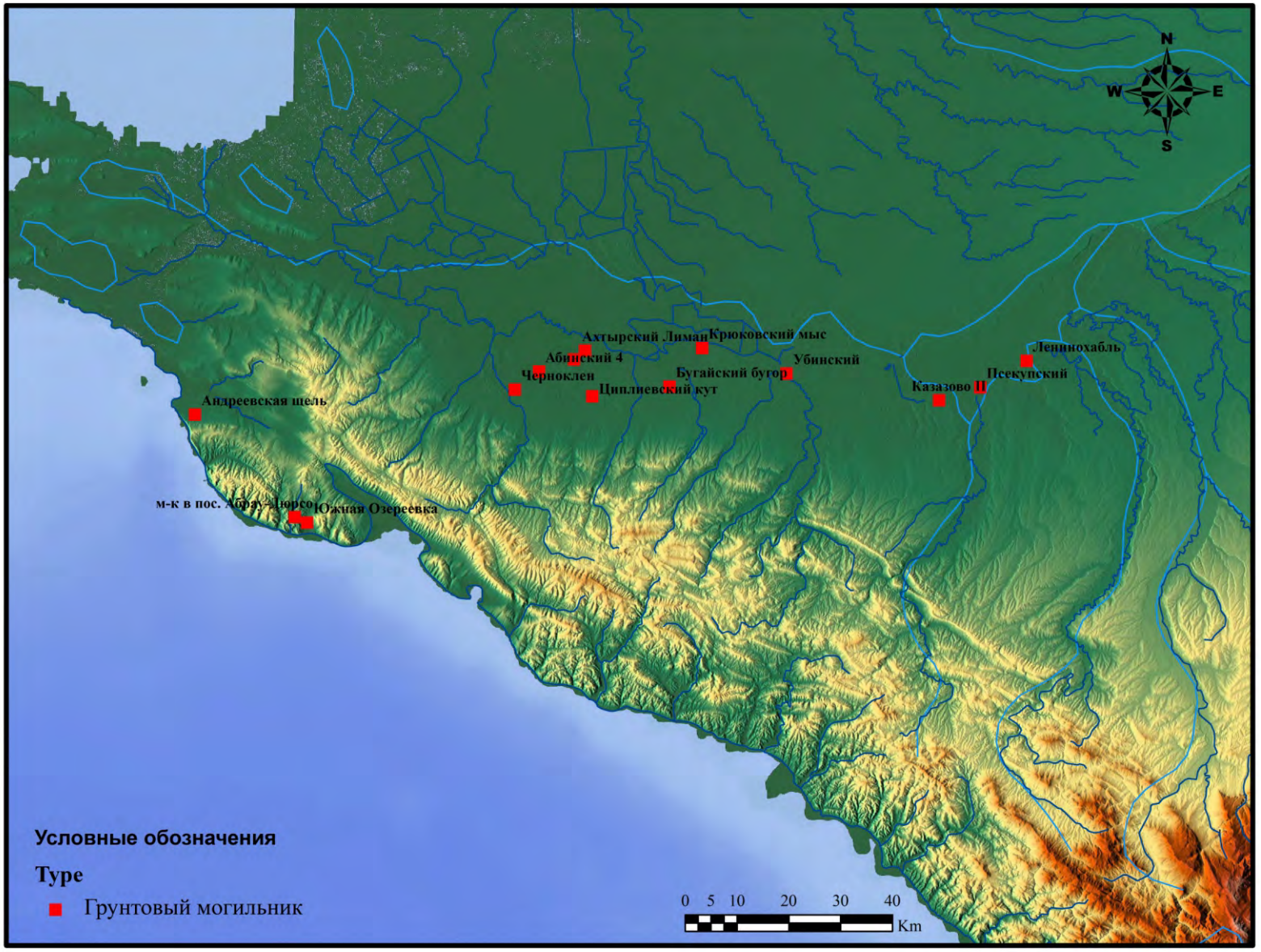


Рис. 62. Карта ареала некрополей с погребениями по обряду трупосожжения X - первой половины XII в.

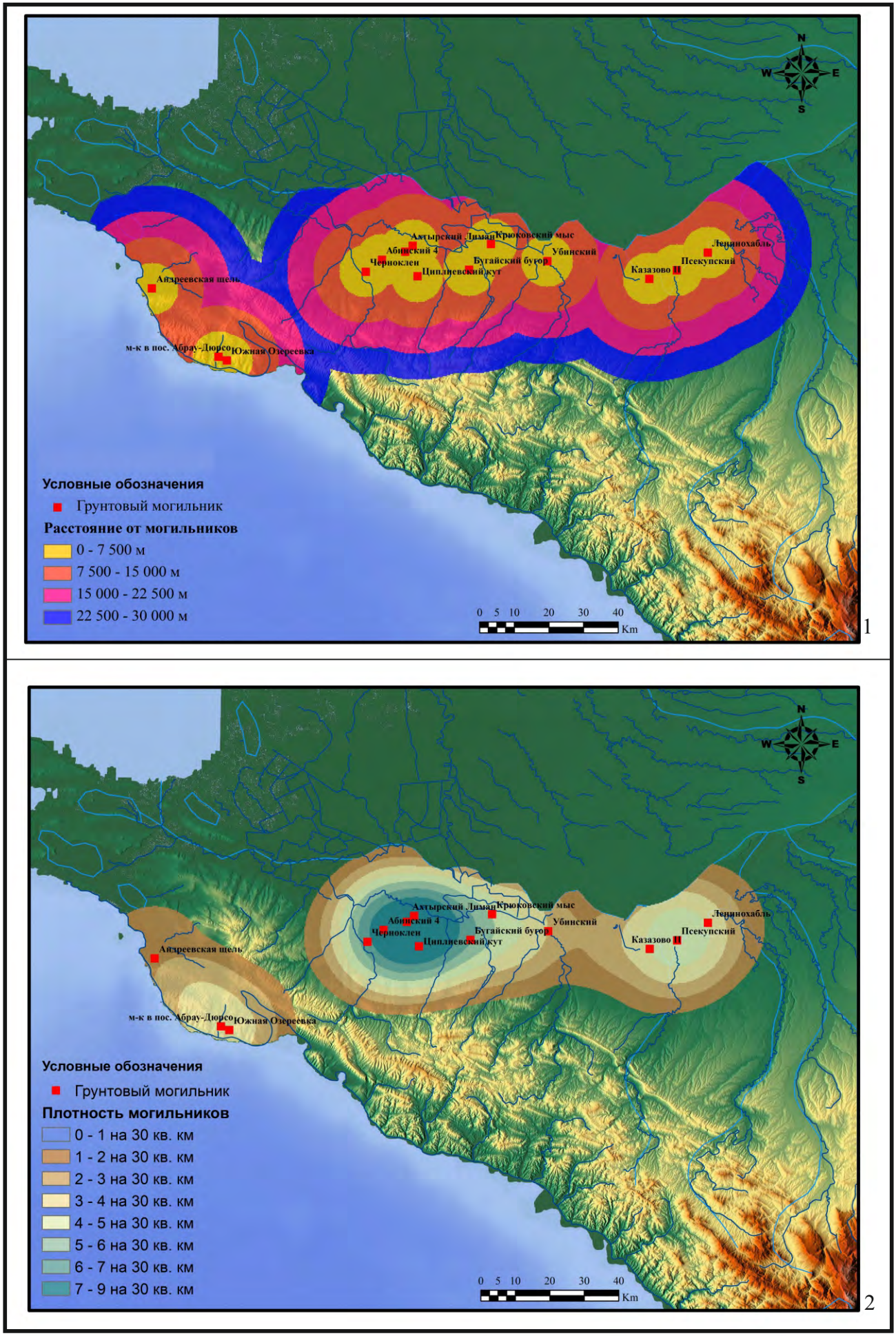


Рис. 63. 1 - карта территориальных групп могильников X- первой половины XII в.; 2 - карта плотности могильников X- первой половины XII в.

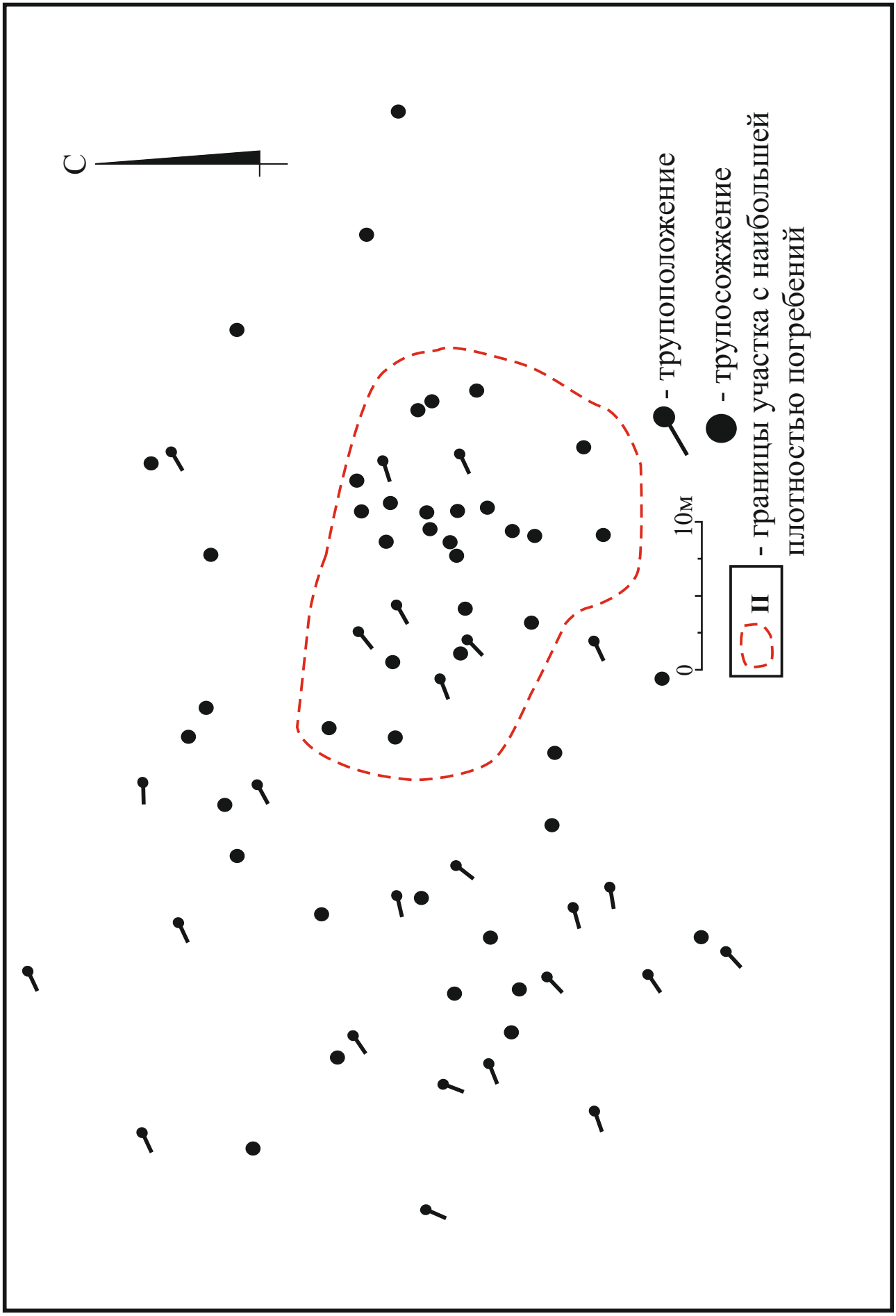


Рис. 64. Могильники и погребения X-XII вв. 1 - План грунтового кремационного могильника Циплиевский кут; 2 - План грунтового кремационного могильника Ленинохабль.

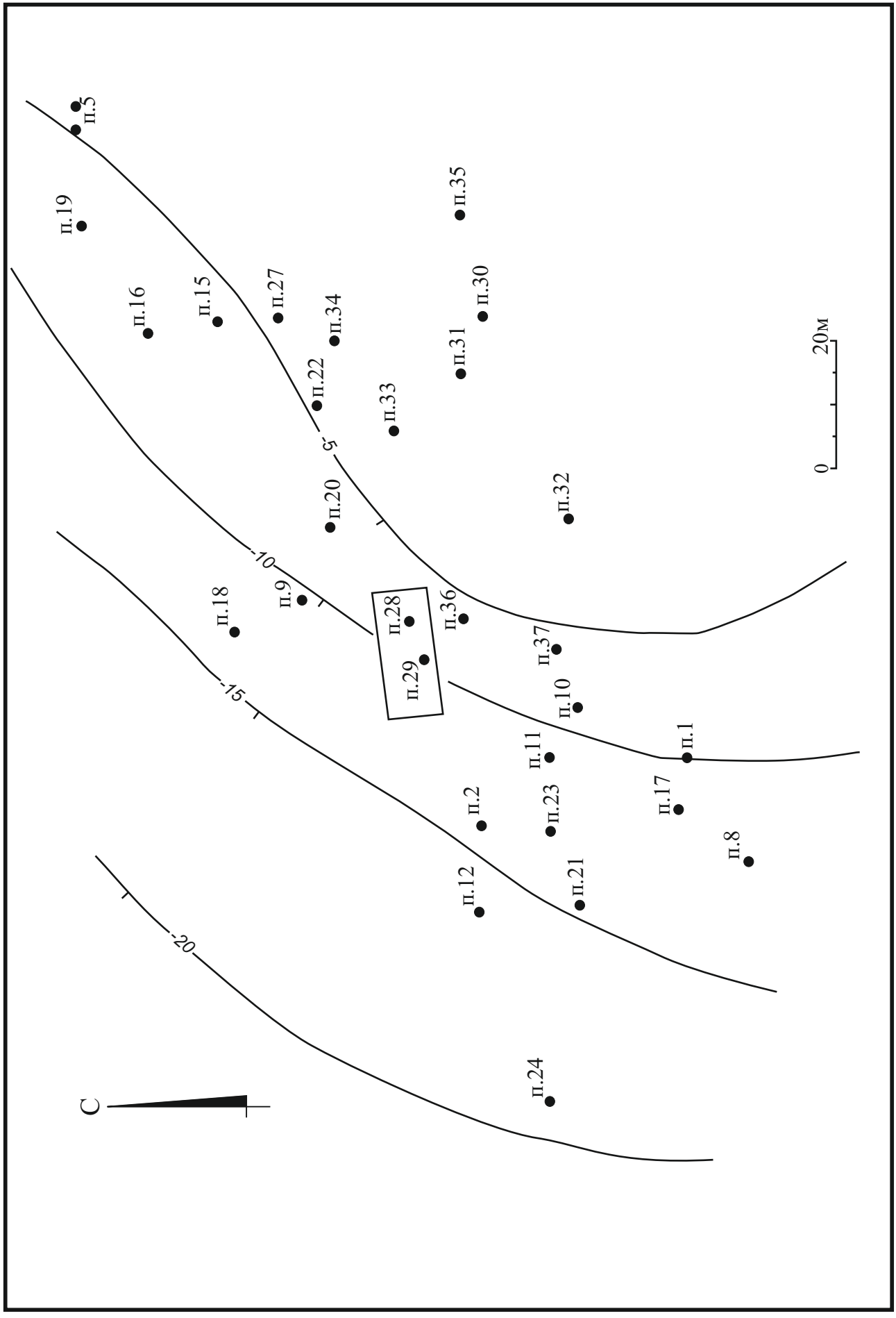


Рис. 65. Могильники и погребения X-XII вв. 1 - План грунтового кремационного могильника Ленинохабль.

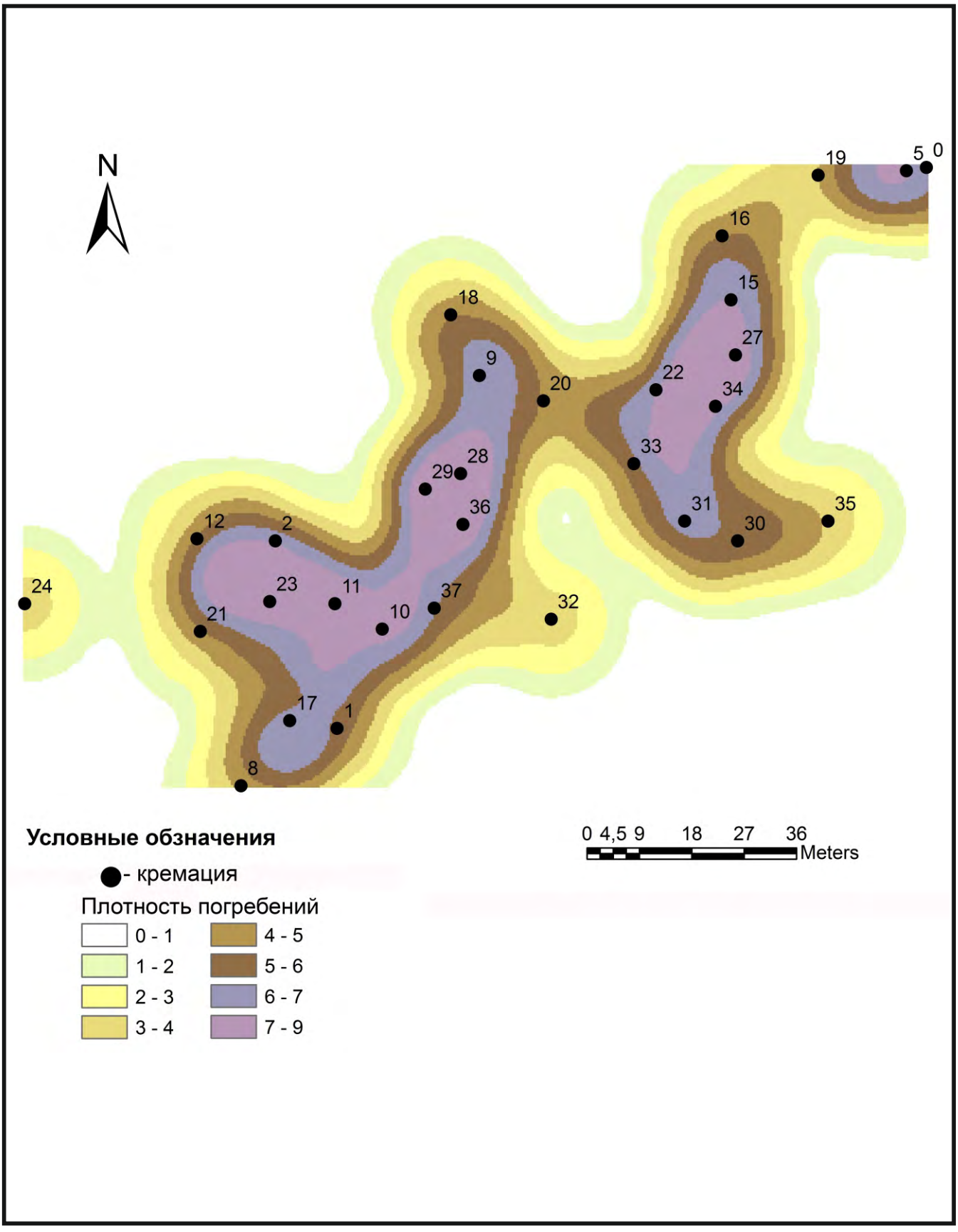


Рис. 66. Могильники и погребения X-XII вв. Расчет плотности погребений могильника Ленинохабль (метод Density)

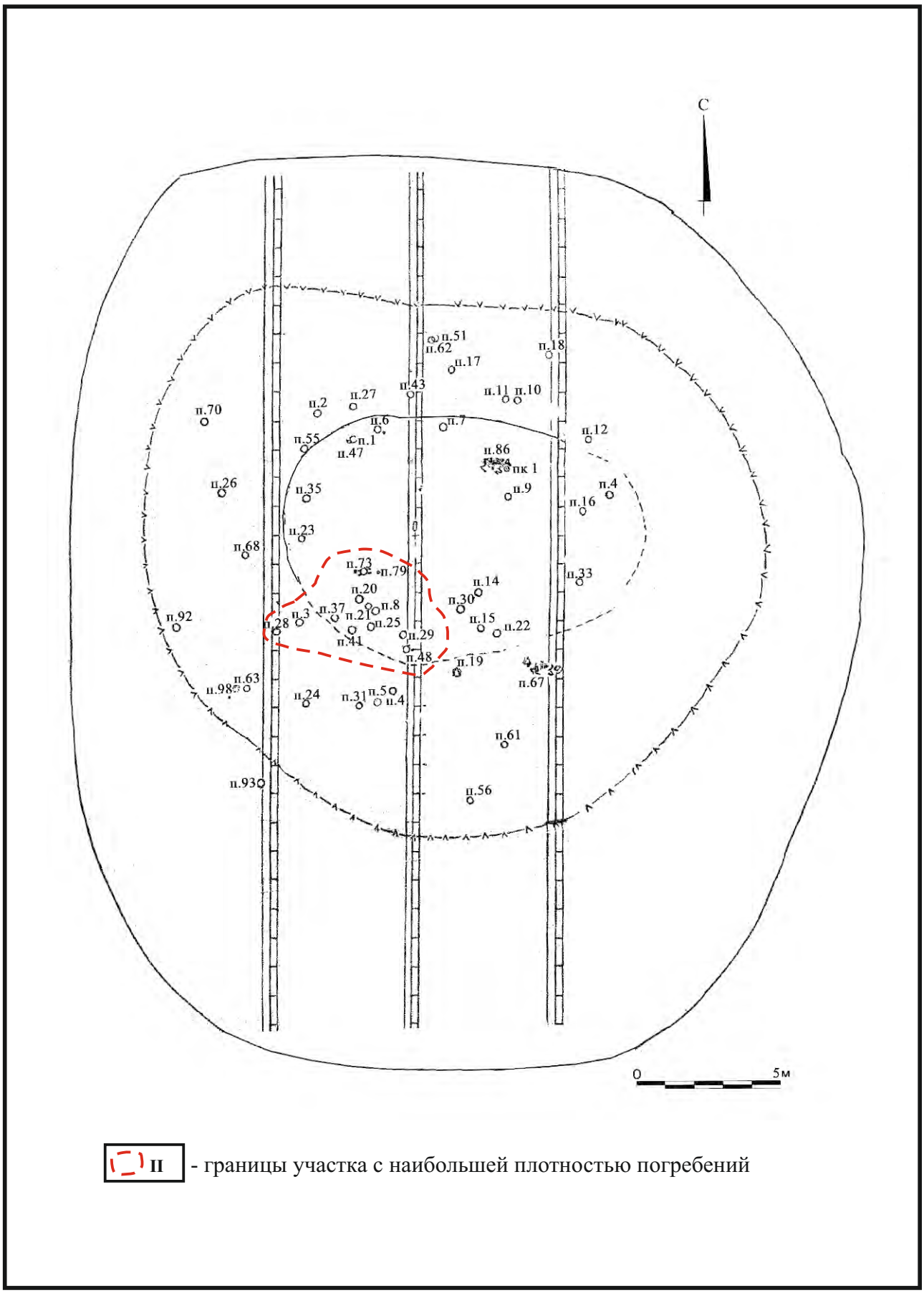


Рис. 67. Могильники и погребения X-XII вв. Грунтовые кремационные погребения впущенные в верхний слой кургана эпохи бронзы. 1 - План кремационного могильникаЧерноклен.

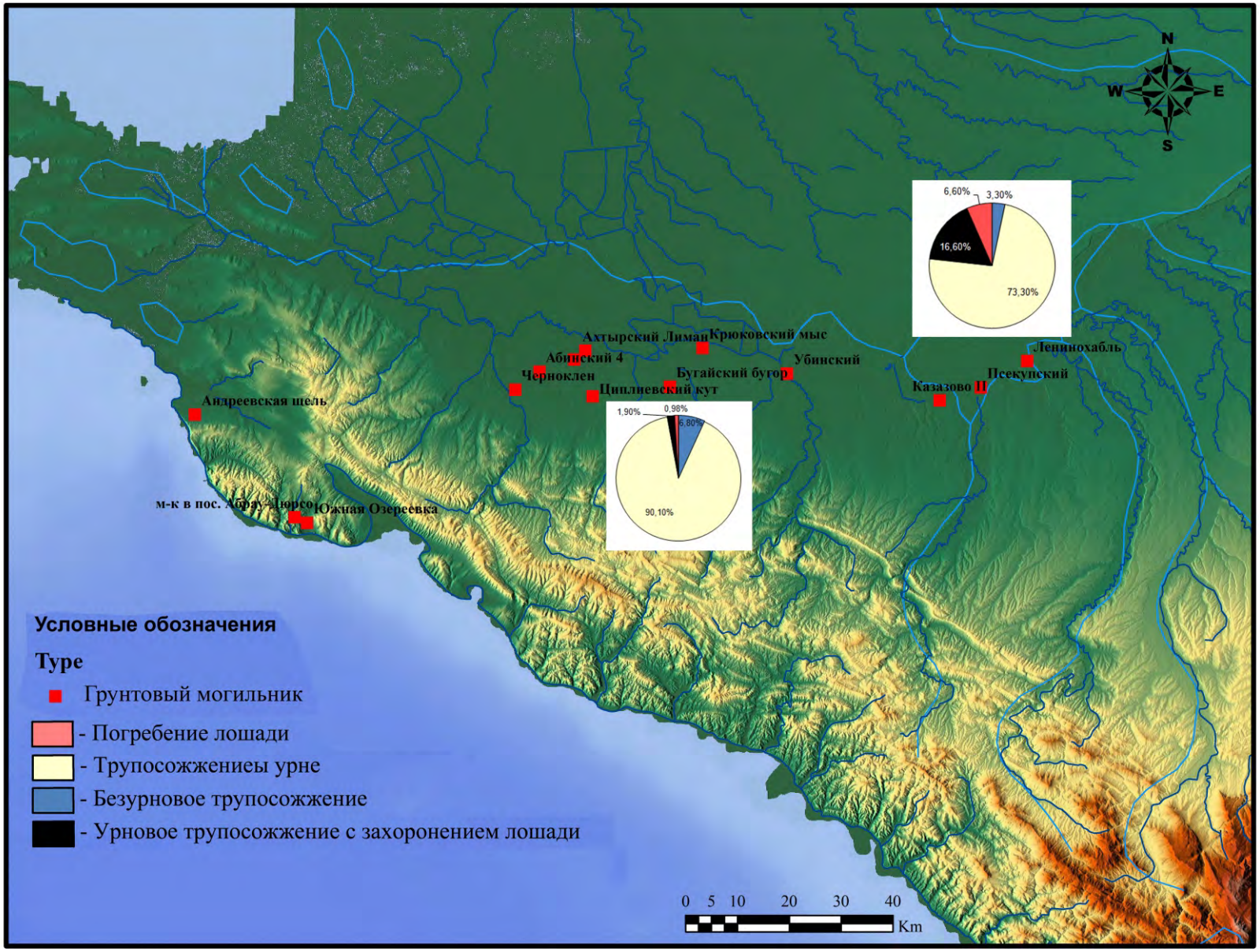


Рис. 68. Могильники и погребения X-XII вв. Карта распределения типов погребений в соответствии с выделенными территориальными группами могильников

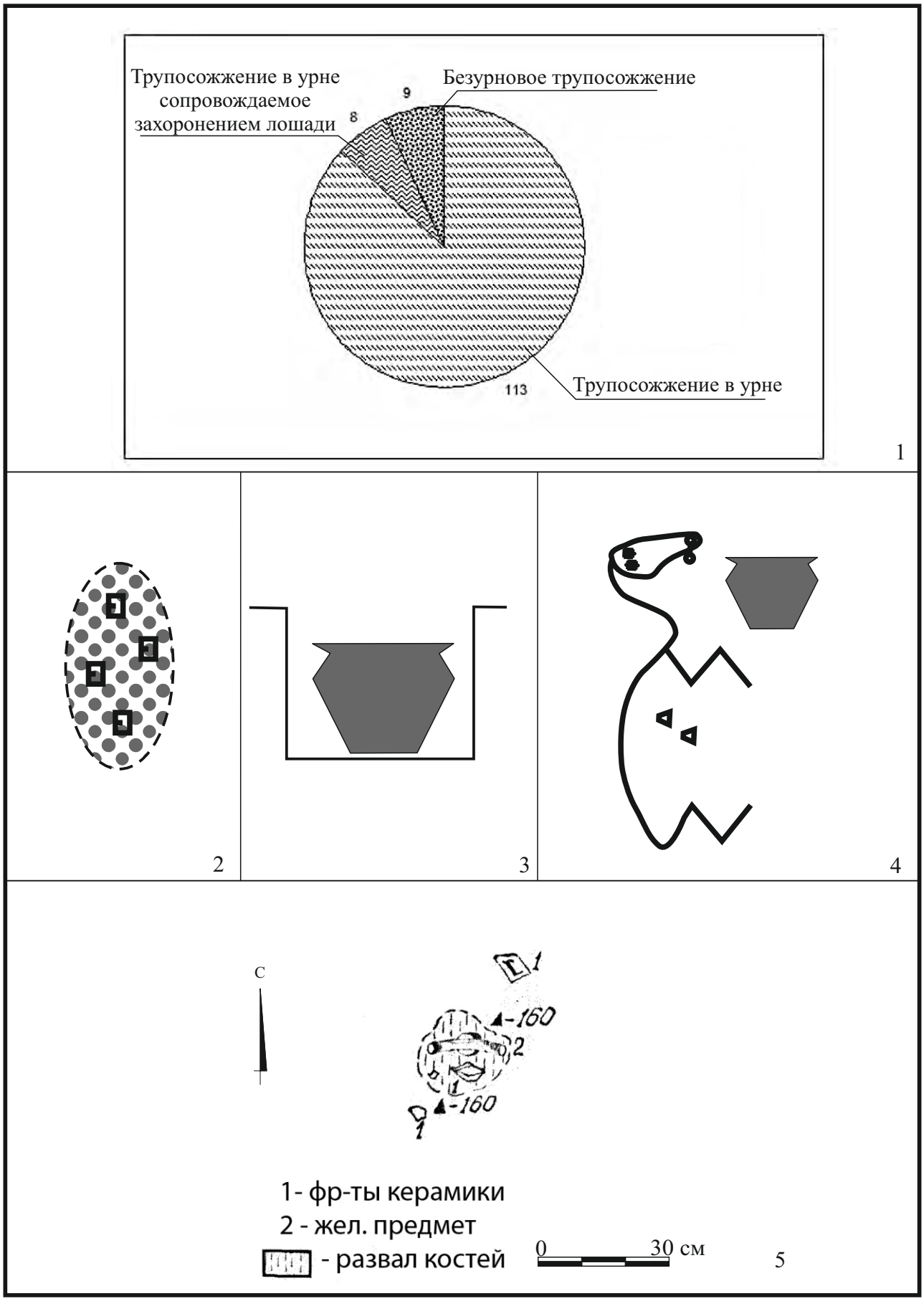


Рис. 69. Могильники и погребения X-XII вв. 1 - диаграмма количественного распределения погребений X-XII вв. по типам; 2-4 - схема основных типов погребений, 2 - безурновое трупосожжение, 3 - трупосожжение в урне, 4 - трупосожжение в урне, сопровождаемое захоронением лошади; 5 - безурновое трупосожжение, могильник Черноклен, погребение 68.

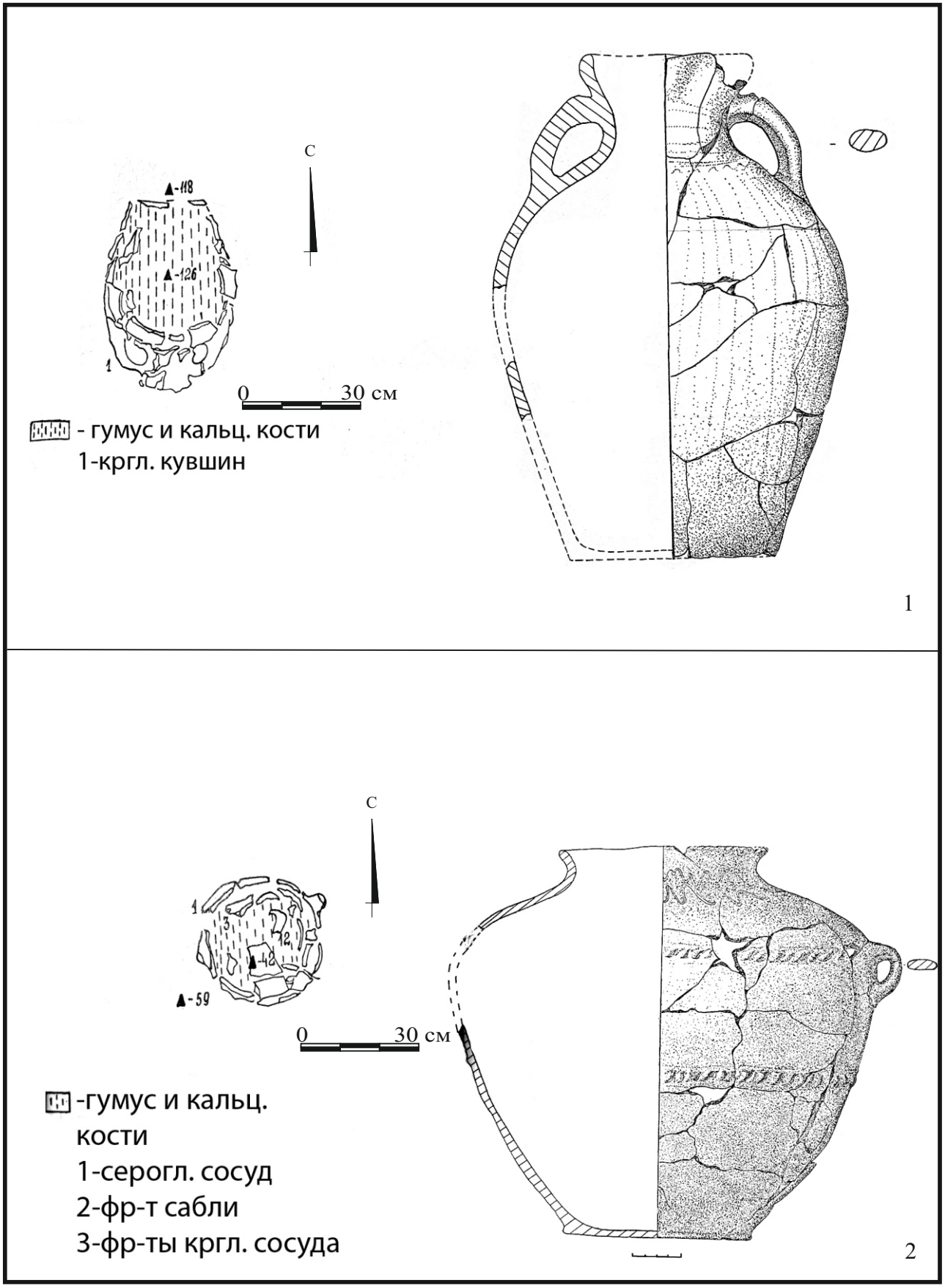
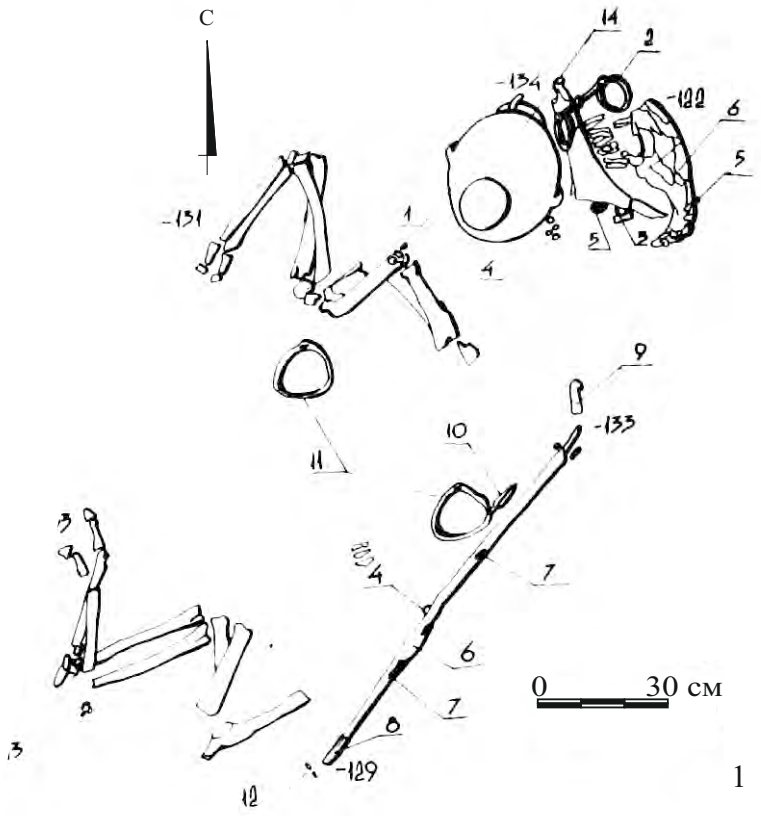
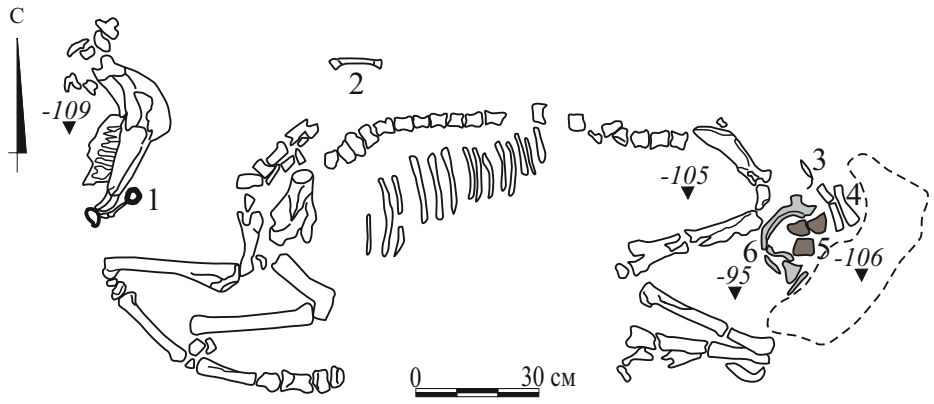


Рис. 70. Могильники и погребения X-XII вв. Трупосожжения в урнах. 1 - Черноклен, п. 10; 2 - Черноклен, п. 15

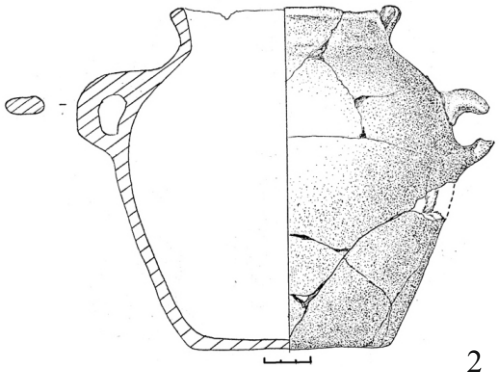
1 - урна
2 - удила
3 - кольцо железное
4 - кольцо бронзовое
5 - бляхи бронзовые
6 - сабля
7 - фр-ты ножен
8 - наконечник ножен
9 - навершие рукояти сабли
10 - ножи железные
11 - стремена
12 - фр-ты предмета железного
13 - фр-ты предмета бронзового
14 - пуговица



1

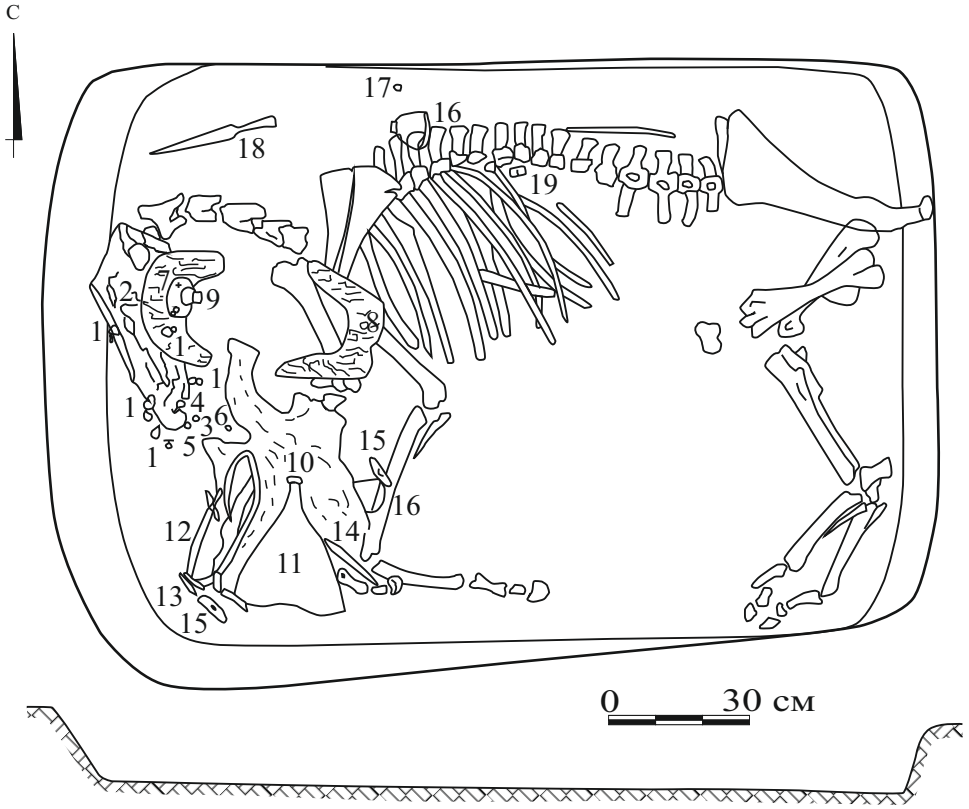


1 - Удила
2 - Стремя
3 - Наконечник стрелы
4 - Фрагменты сабли
5 - Фрагменты к/г сосуда
6 - Урна



2

Рис. 71. Могильники и погребения X-XII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые захоронением лошади. 1 - Ленинохабль, п. 9; 2 - Черноклен, п. 67



1 - подвески-решмы с бубенчиками; 2 - крестовидные накладки; 3 - заклепки; 4 - удила; 5 - пряжка; 6 - наконечник ремня; 7, 8 - луки седла; 9 - начельник; 10 - кольчуга; 11 - шлем; 12 - сабля; 13 - наконечники стрел и детали колчана; 14 - нож; 15 - петли; 16 - стремя; 17 - монета; 18 - наконечник копья; 19 - пряжка

Рис. 72. Могильники и погребения X-XII вв. Кенотаф из могильника Андреевская щель

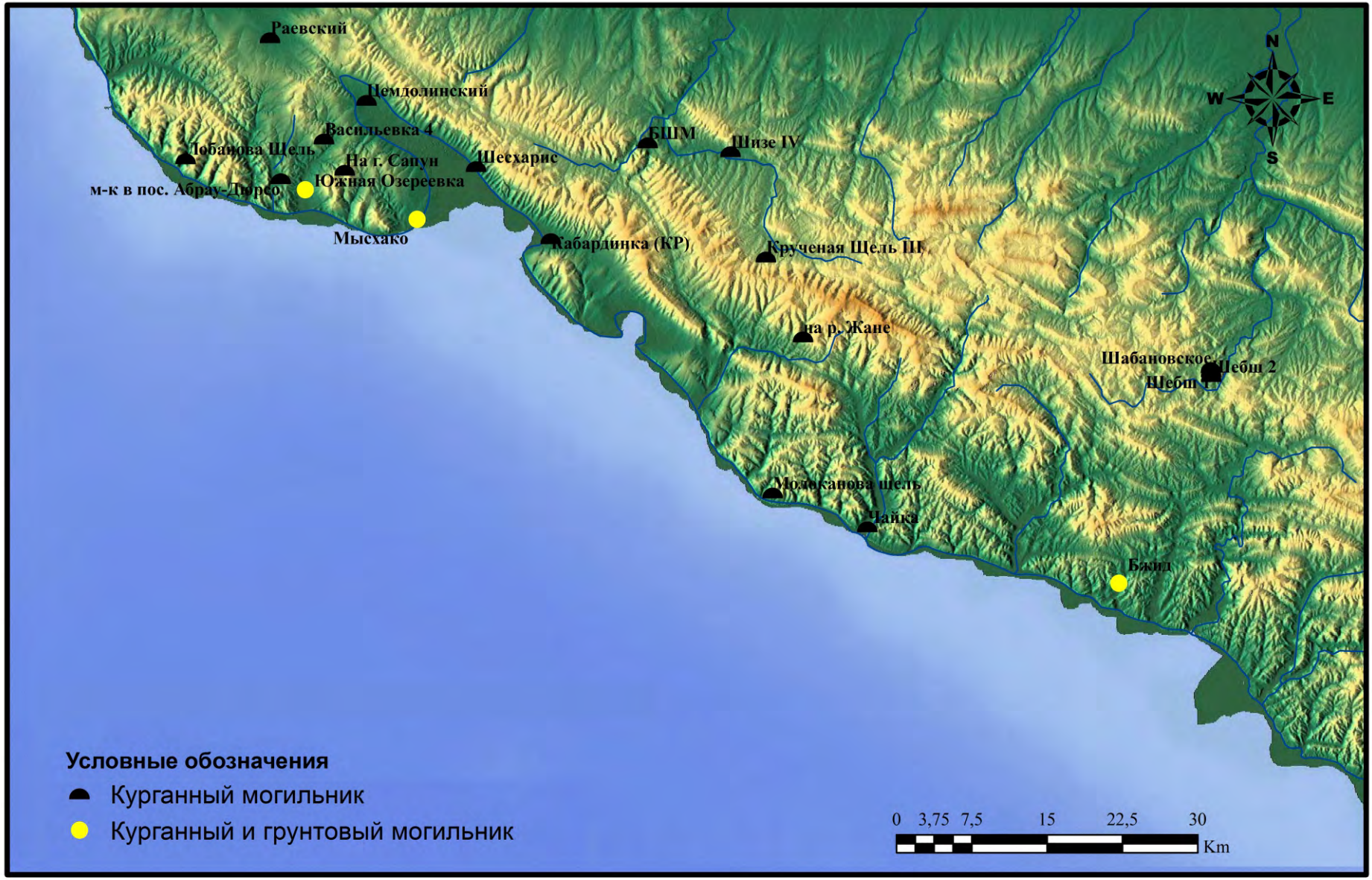


Рис. 73. Карта ареала курганных некрополей с погребениями по обряду трупосожжения

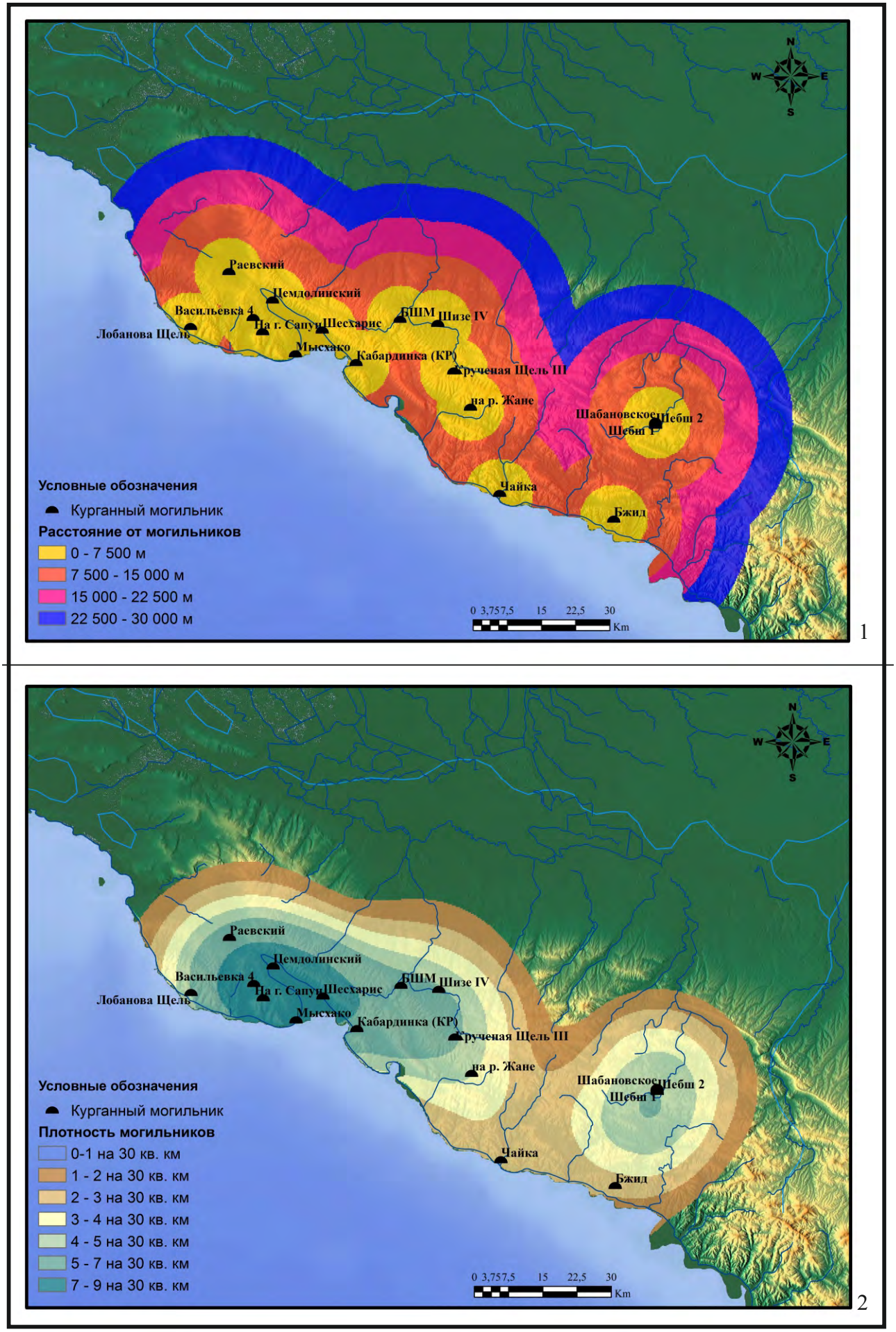


Рис. 74. 1 - карта территориальных групп курганных могильников конца XII-XIII вв.;
2 - карта плотности курганных могильников конца XII-XIII вв.

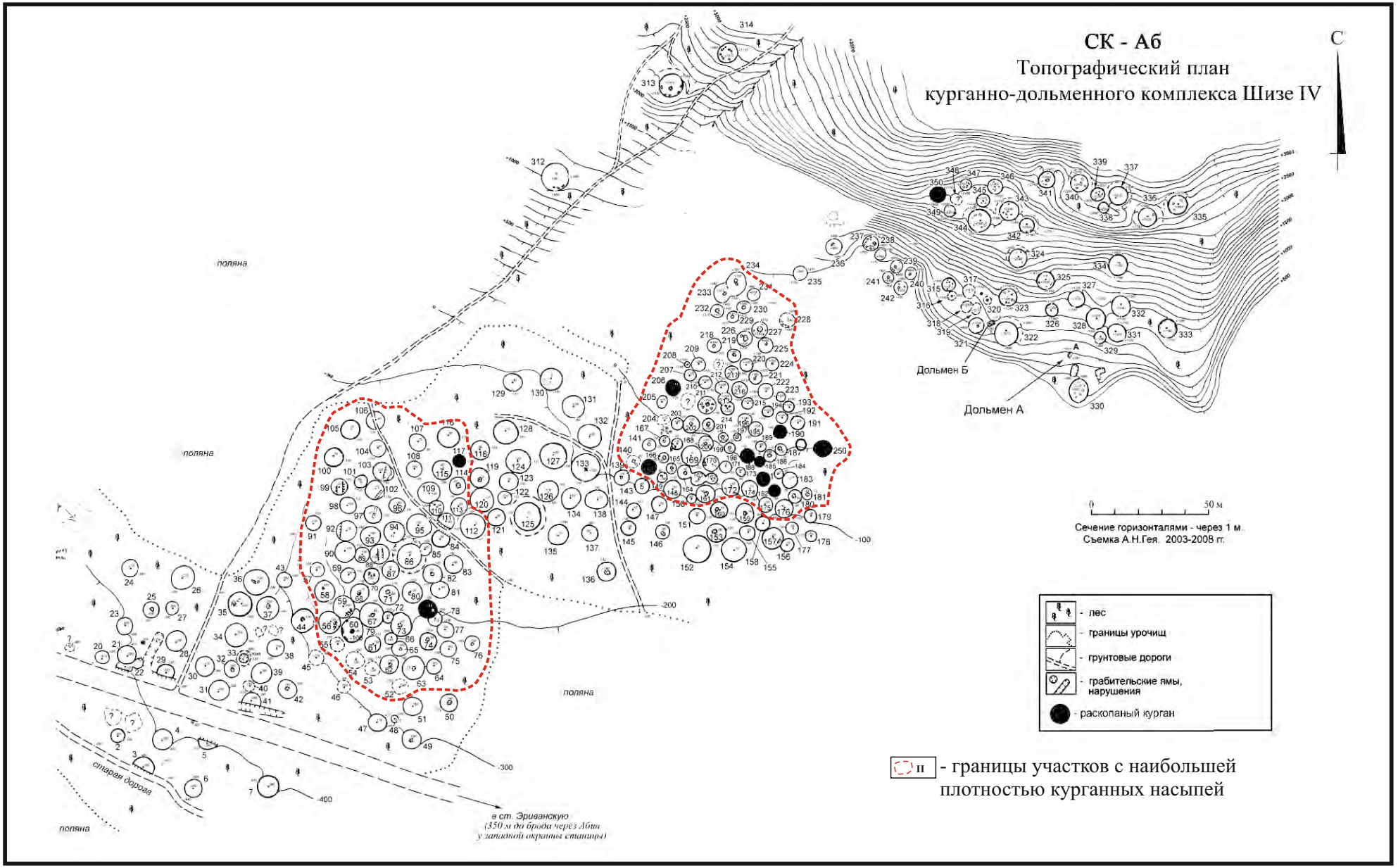


Рис. 75. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. План курганного могильника Шизе IV

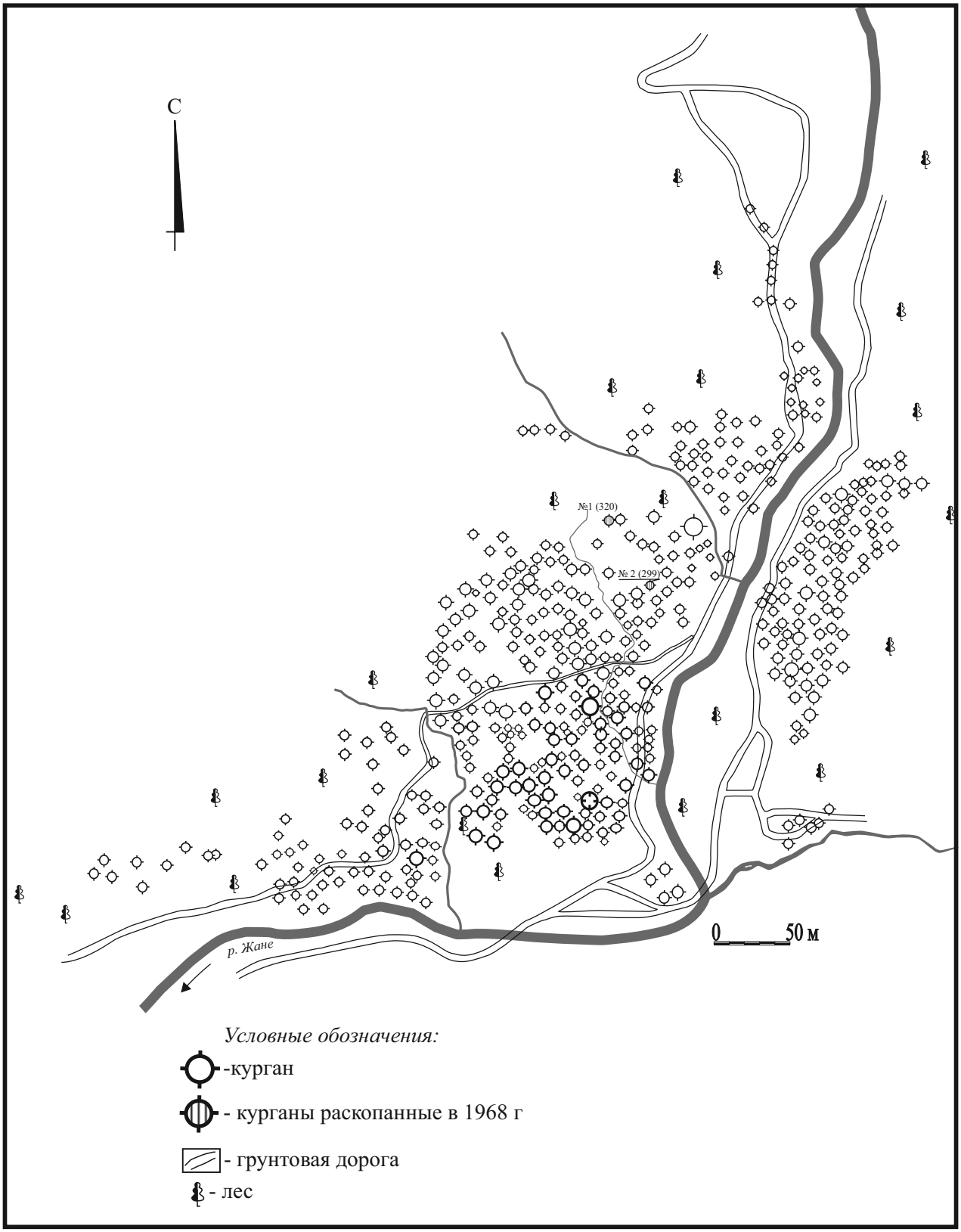


Рис. 76. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. План курганного могильника на р. Жане

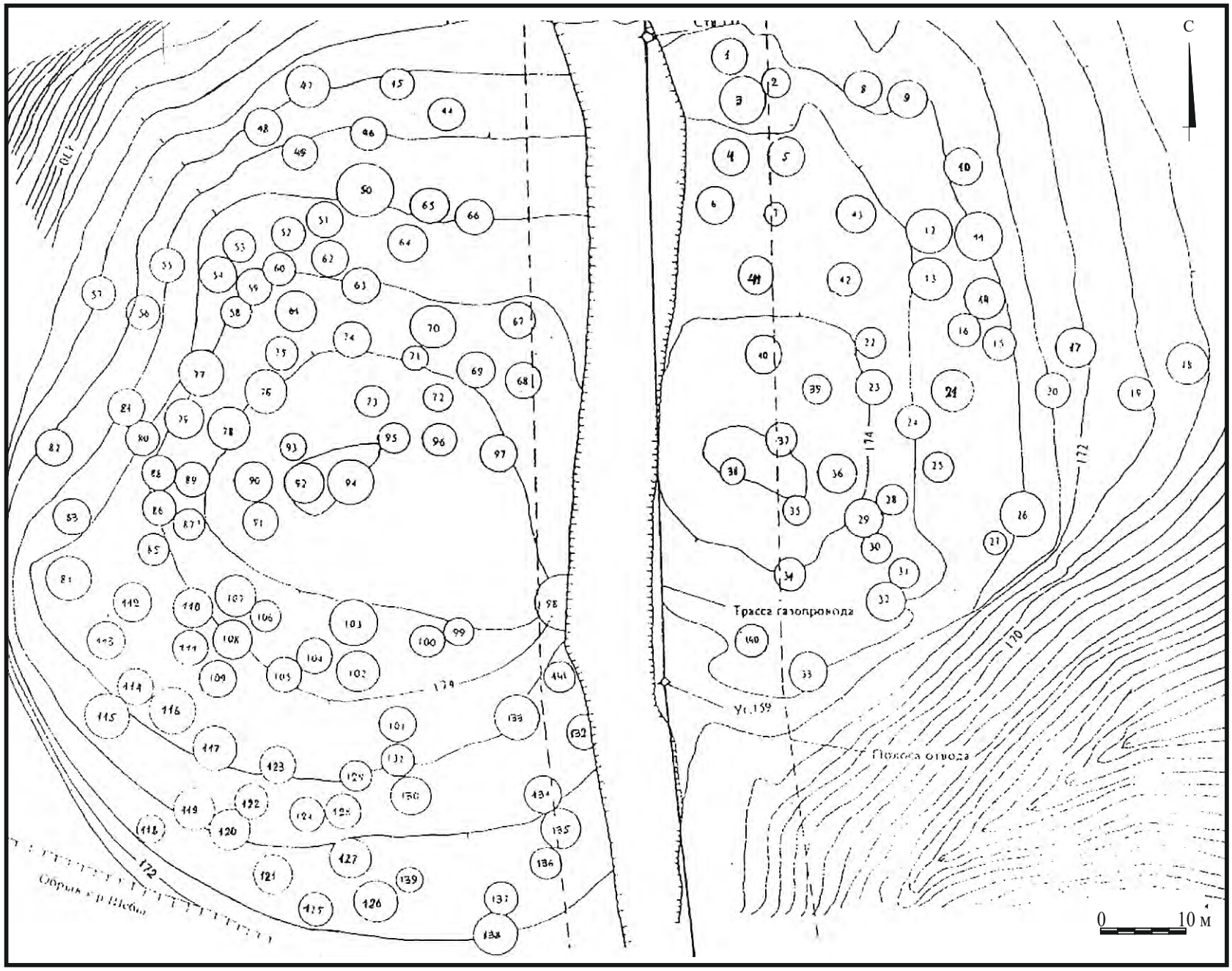


Рис. 77. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. План курганного могильника Шебш 2

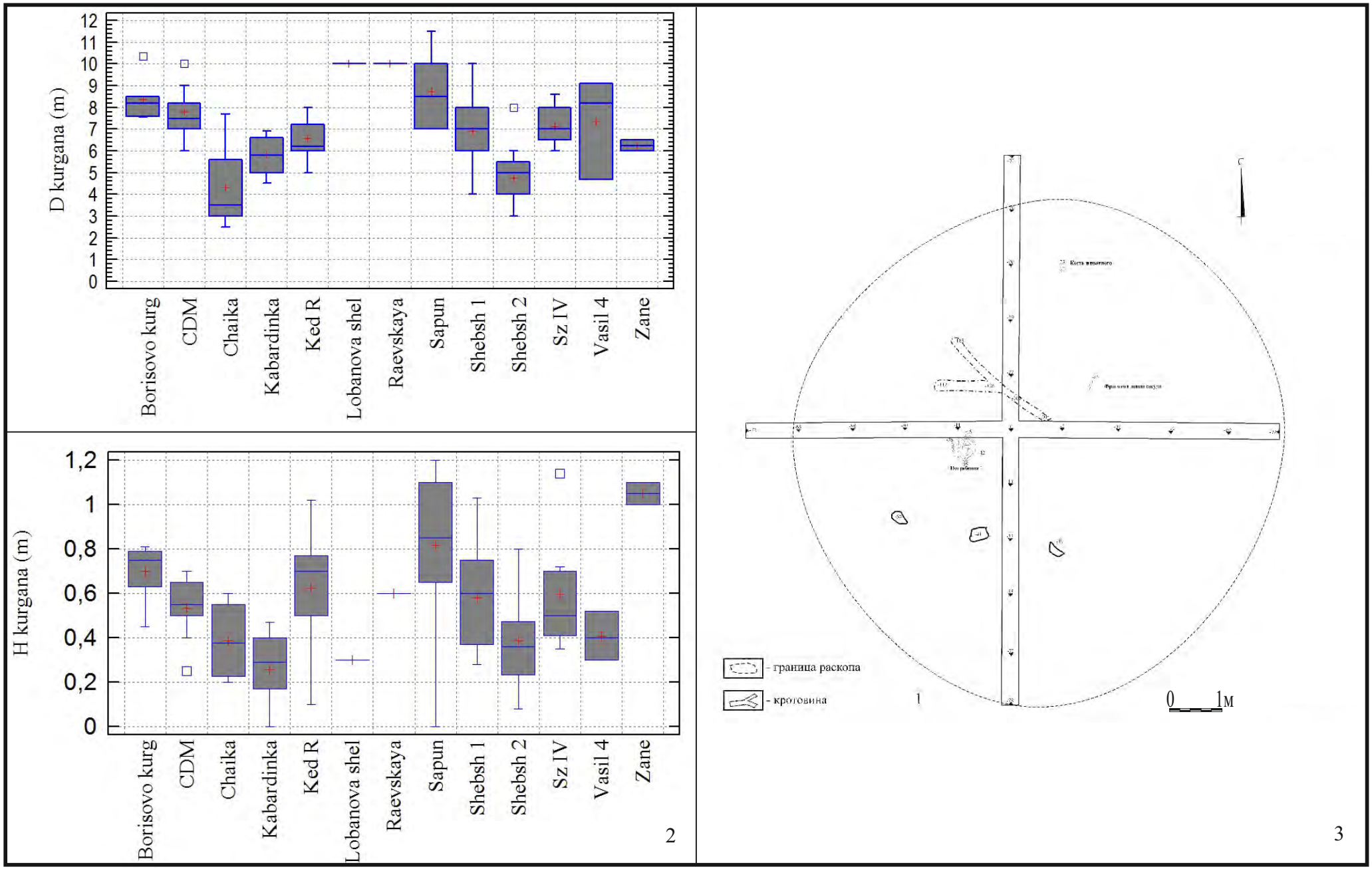


Рис. 78. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Курганная “архитектура”. 1, 2 - Диаграмма распределения курганных насыпей по диаметру и высоте; 2 - курган без каменной конструкции, могильник Шизе IV, к. 117

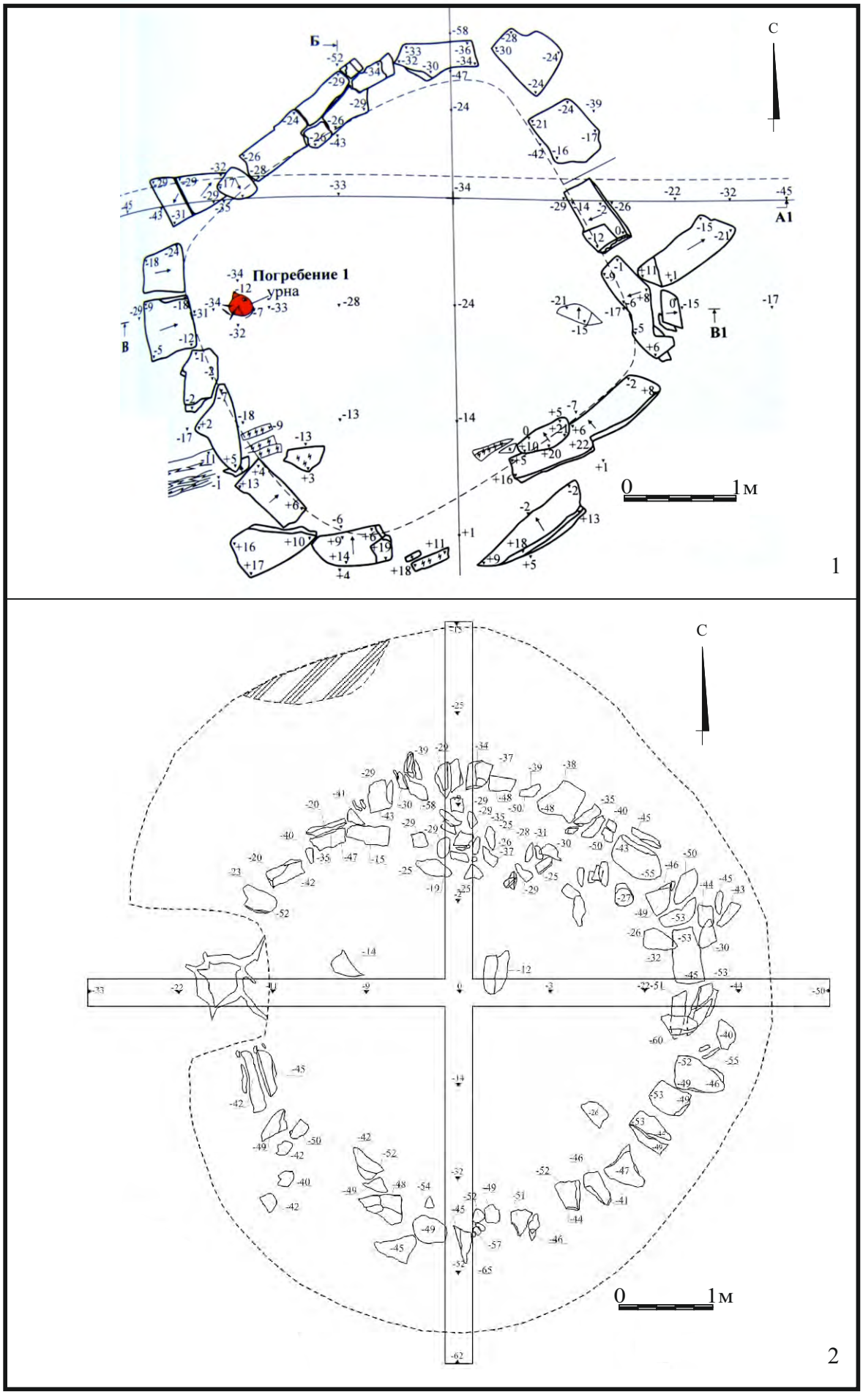


Рис. 79. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Курганная “архитектура”. Варианты каменной оградки в основании кургана. 1 - Кедровая роща, к. 26; 2 - Шизе IV, к. 182.

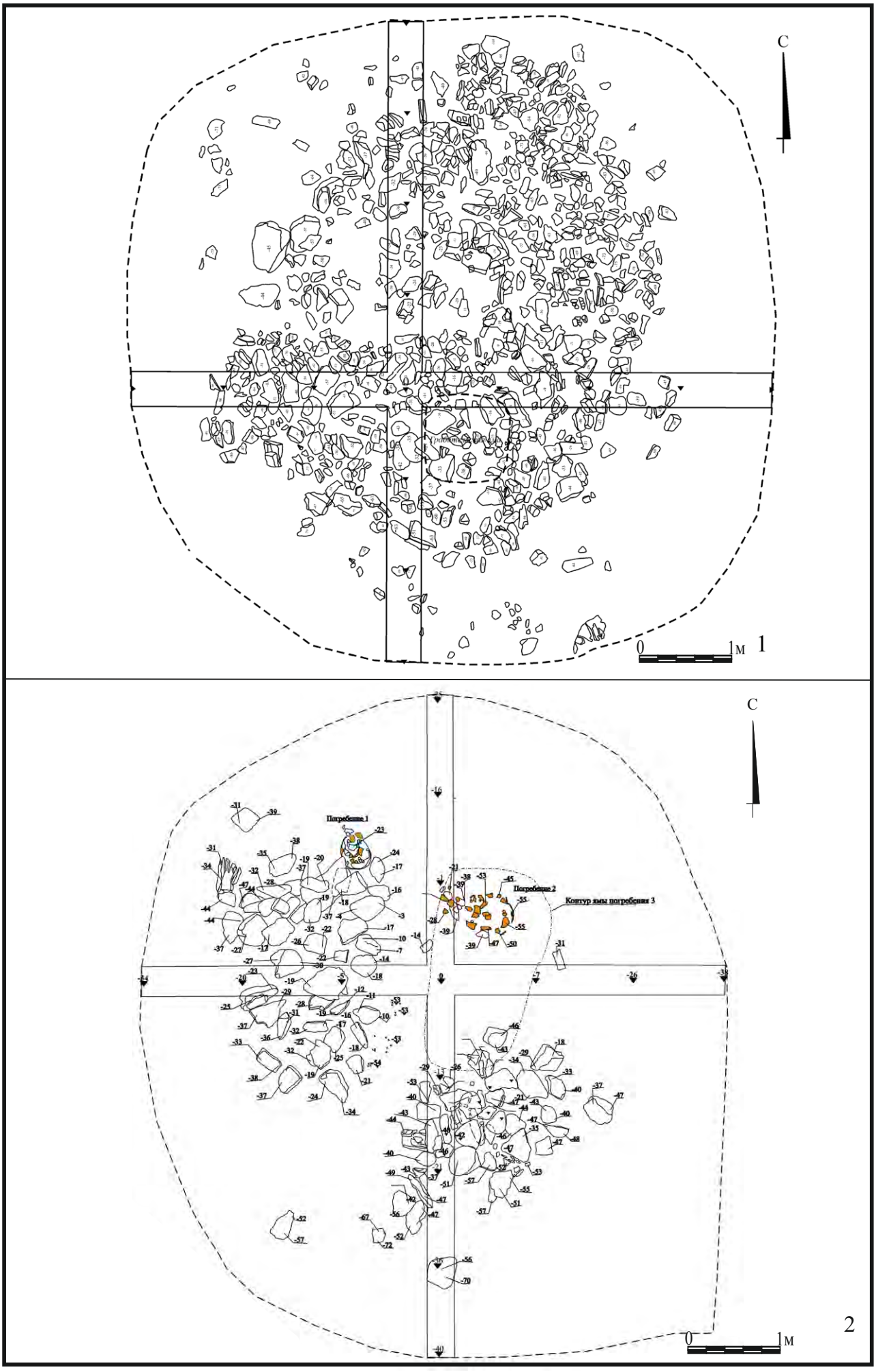


Рис. 80. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Курганная “архитектура”. 1 - сплошной каменный “панцирь”, Шизе IV, к. 350; 2 - локальная каменная наброска, Шизе IV, к. 188.

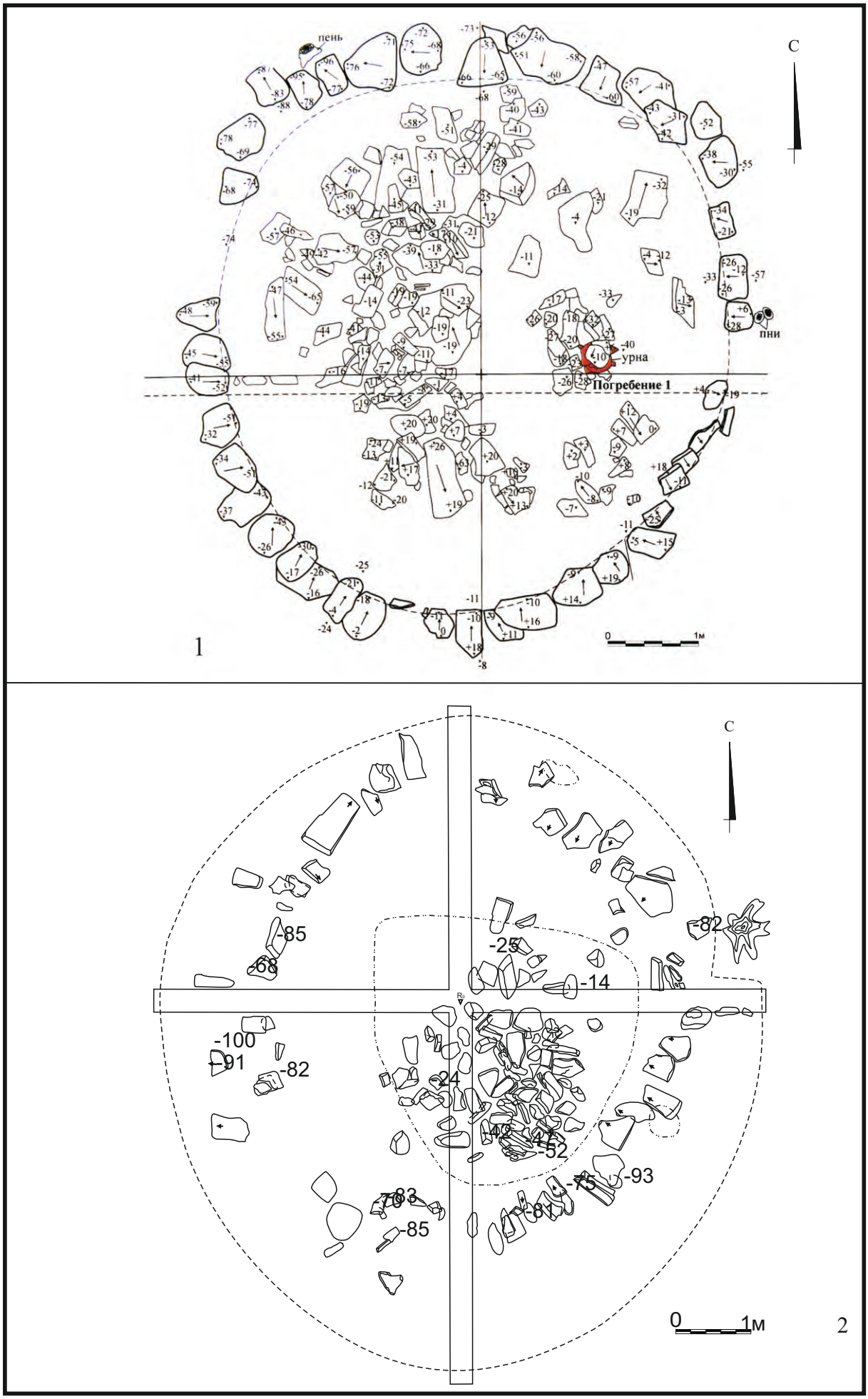


Рис. 81. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Курганная “архитектура”. Варианты сочетаний различных типов каменной конструкции под одной насыпью. 1 - Кедровая роща, к. 7; 2 - Шизе 4, к. 79

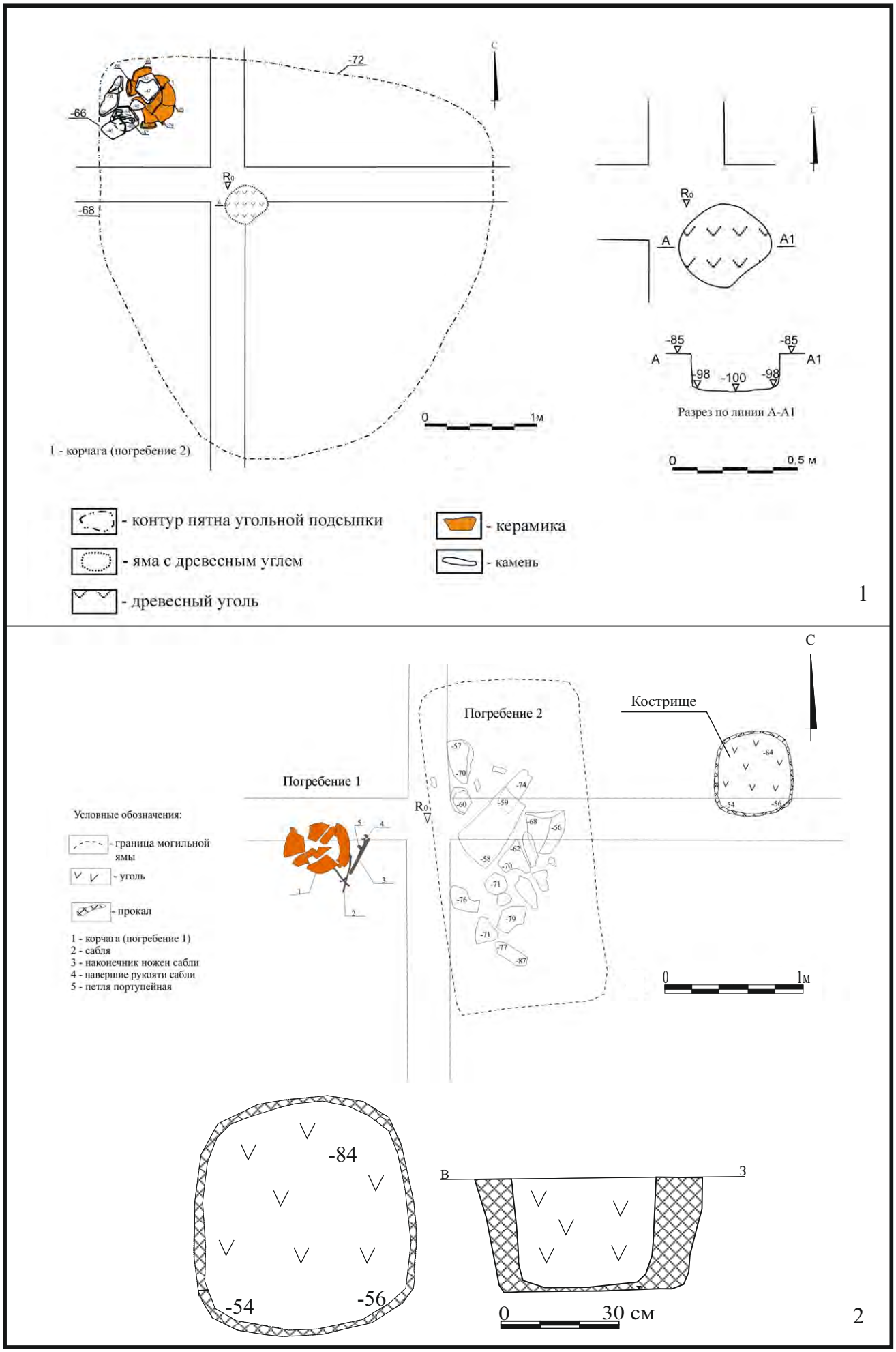


Рис. 82. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Курганная “архитектура”. 1 - угольная подсыпка и яма заполненная древесным углем, Шизе IV, к. 79; 2 - кострище, Шизе IV, к. 206.

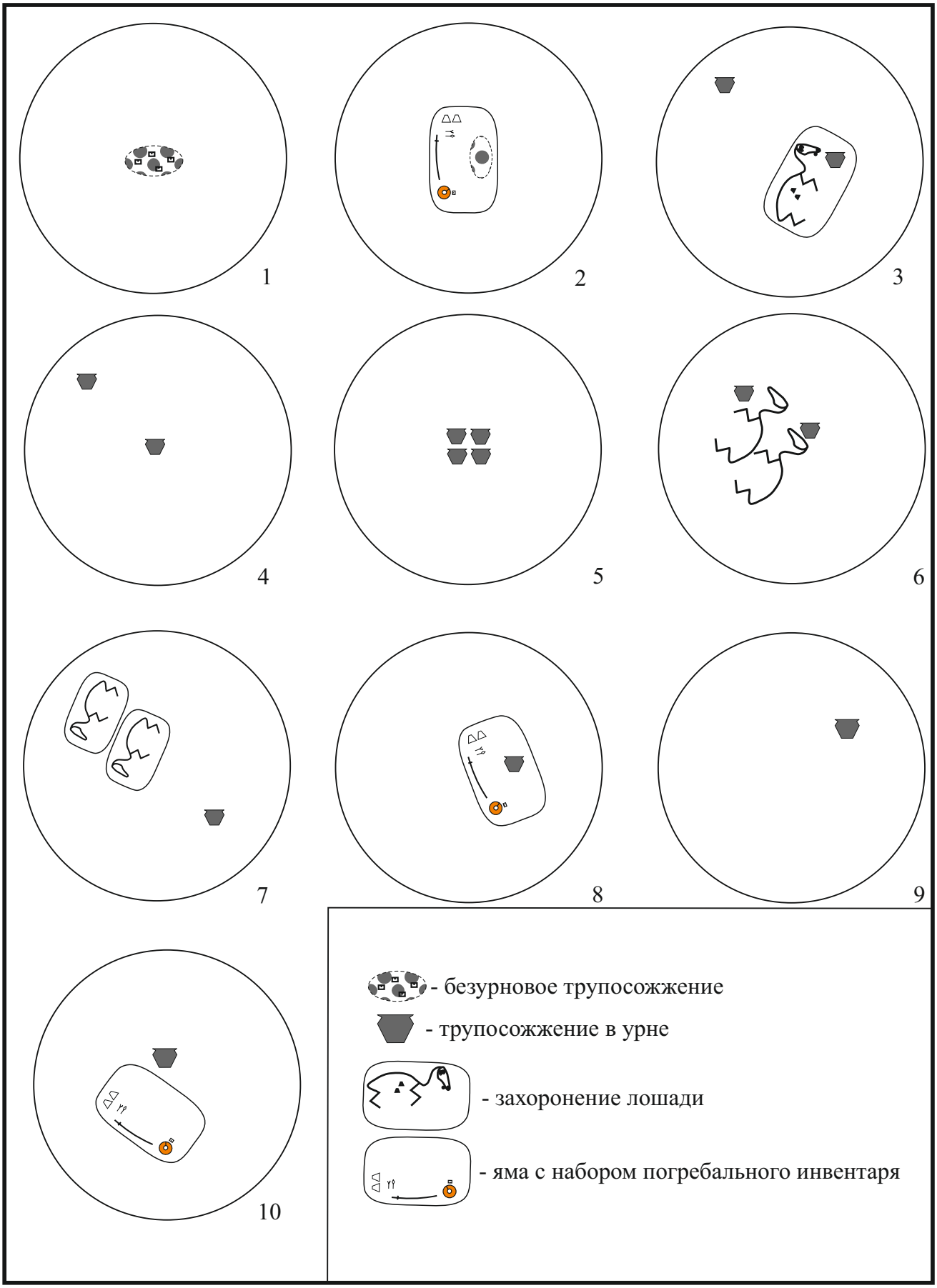


Рис. 83. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Варианты расположения погребений во внутрикурганном пространстве**.** 1 - Шизе IV, к. 142; 2 - Шебш 2, к. 17; 3 - Шизе IV, к. 188; 5 - Цемдолинский могильник, к. 8; 6 - Чайка, к. 1; 7 - Цемдолинский могильник, к. 4; 8 - Шебш 2, к. 120; 9 - Шебш 2, к. 1; Шебш 1, к. 2.

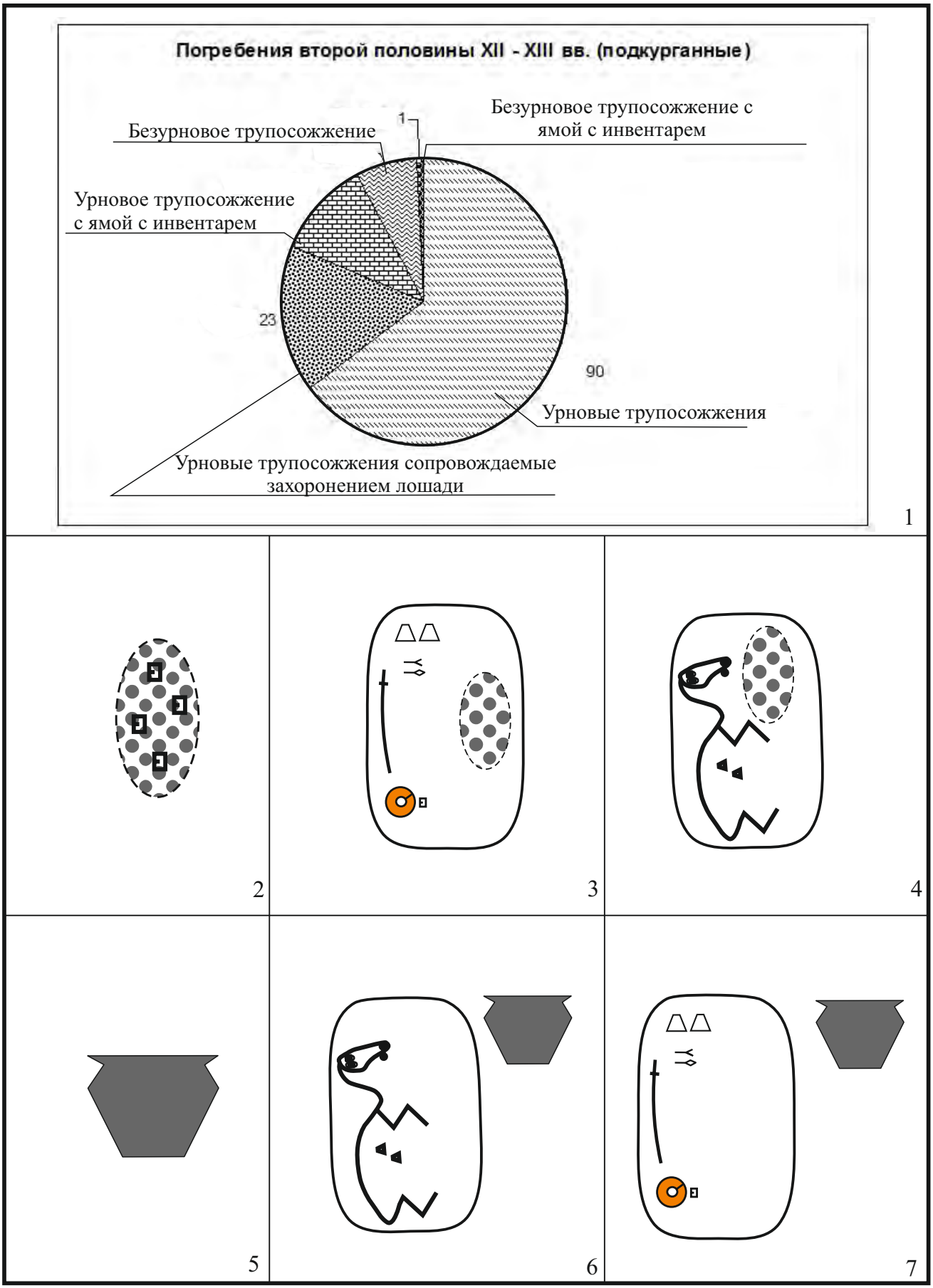


Рис. 84. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. 1 - диаграмма количественного распределения подкурганных трупосожжений по основным типам. 2-7 - схема основных типов подкурганных трупосожжений: 2 - безурновое трупосожжение; 3 - безурновое трупосожжение сопровождаемое ямой с инвентарем; 4 - безурновое трупосожжение, сопровождаемое погребением лошади; 5 - трупосожение в урне; 6 - трупосожжение в урне сопровождаемо захоронением лошади; 7 - трупосожжение в урне сопровождаемое ямой с набором погребального инвентраря

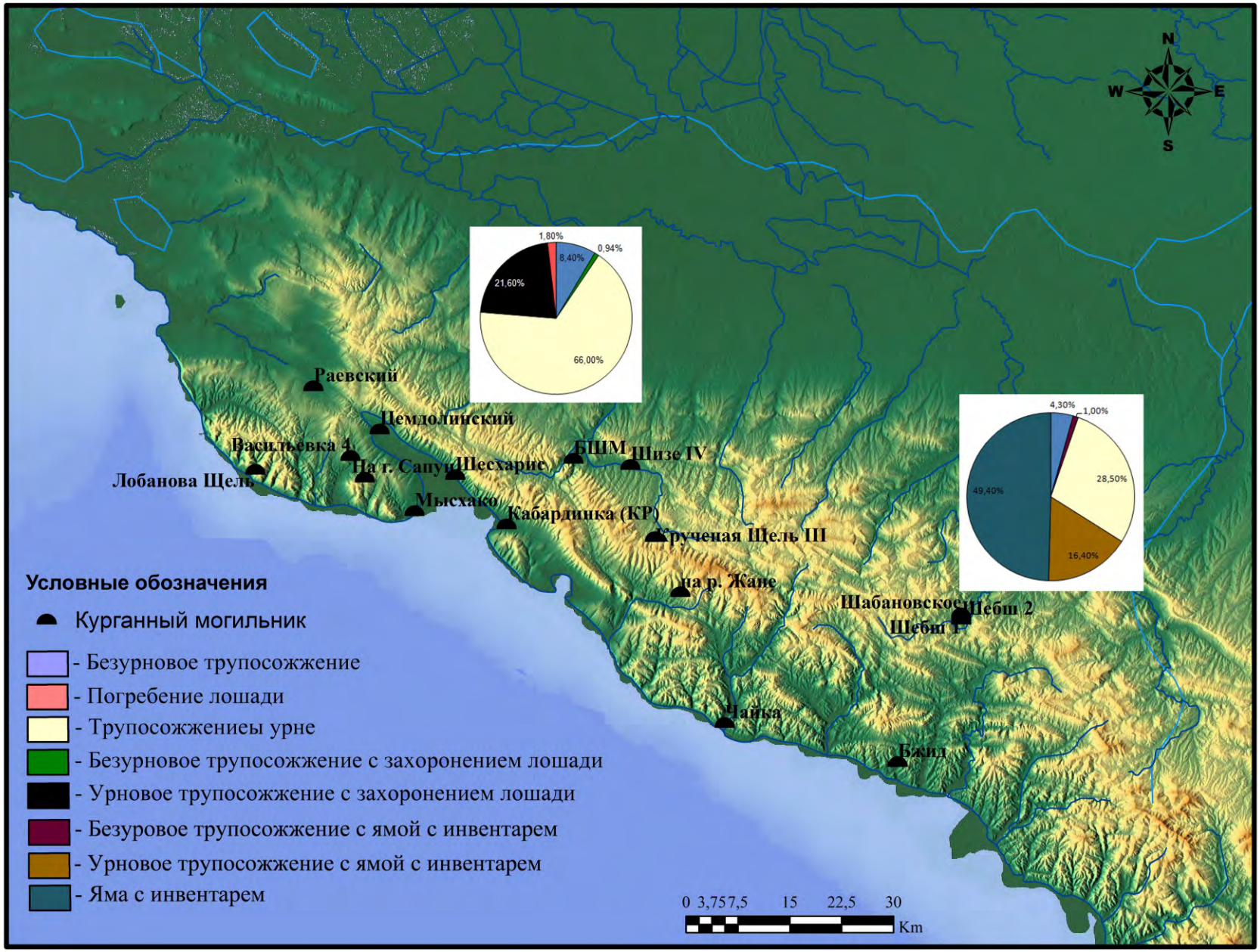


Рис. 85. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Карта распределения типов погребений в соответствии с выделенными территориальными группами могильников

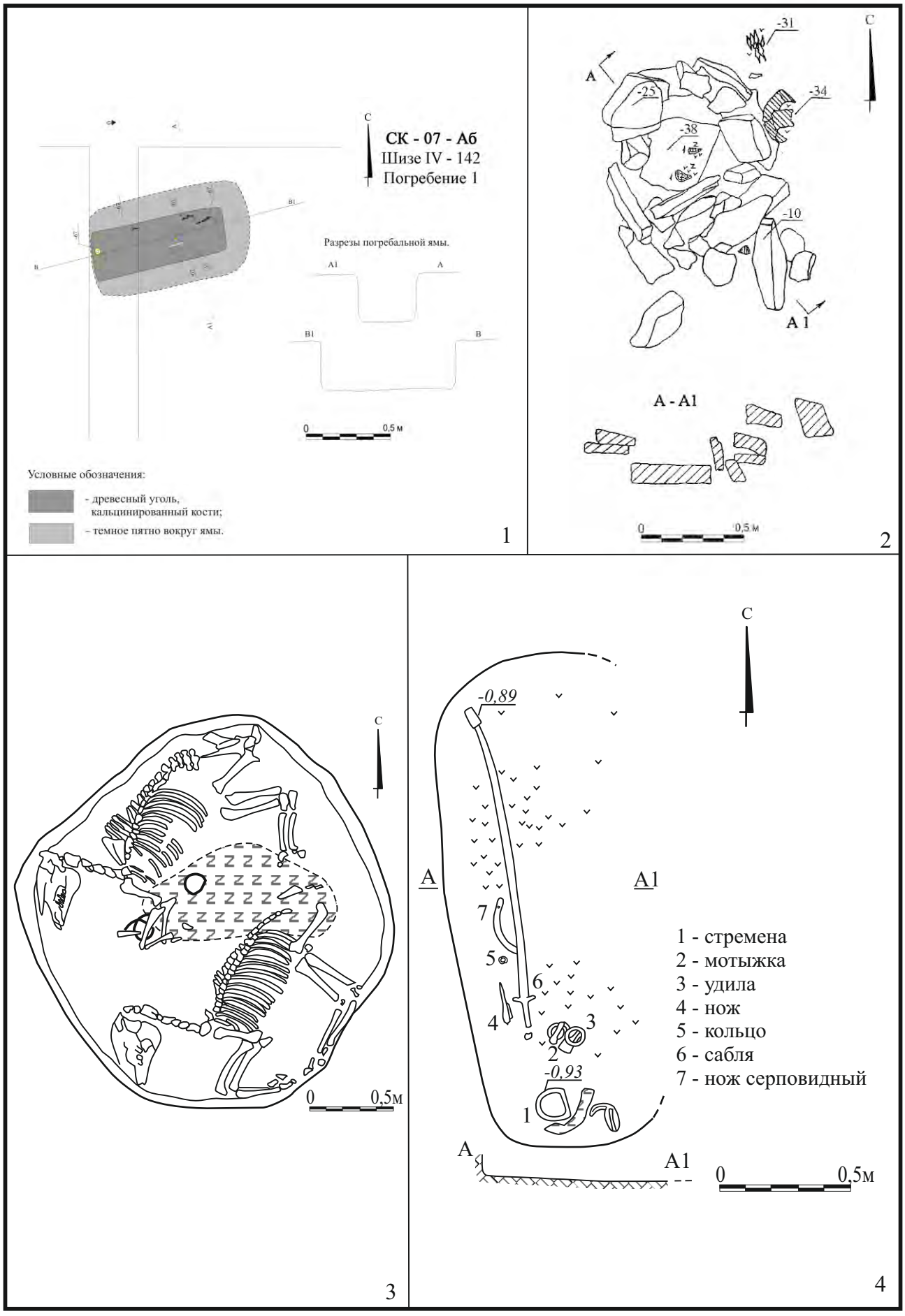


Рис. 86. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Безурновые трупосожжения. 1 - Шизе IV, к. 142, п. 1; 2 - Шебш 1, к. 3, п. 1; 3 - Цемдолинский могильник, п. 31; 4 - Шебш 2, к. 17, п. 1

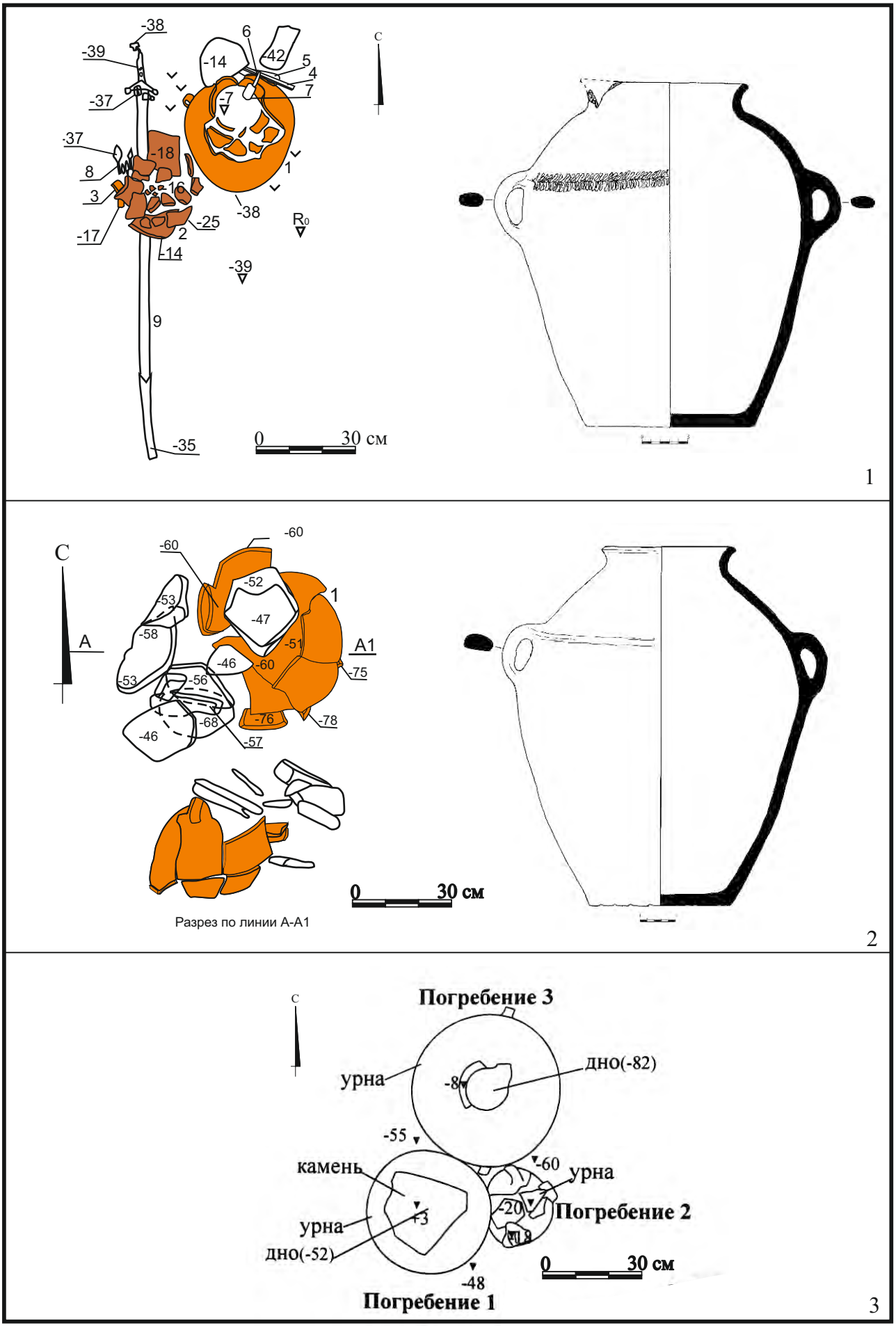


Рис. 87. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах. 1 - Шизе IV, к. 250, п. 1; 2 - Шизе IV, к. 79, п. 2; 3 - Кедровая роща, к. 5, п1-3.

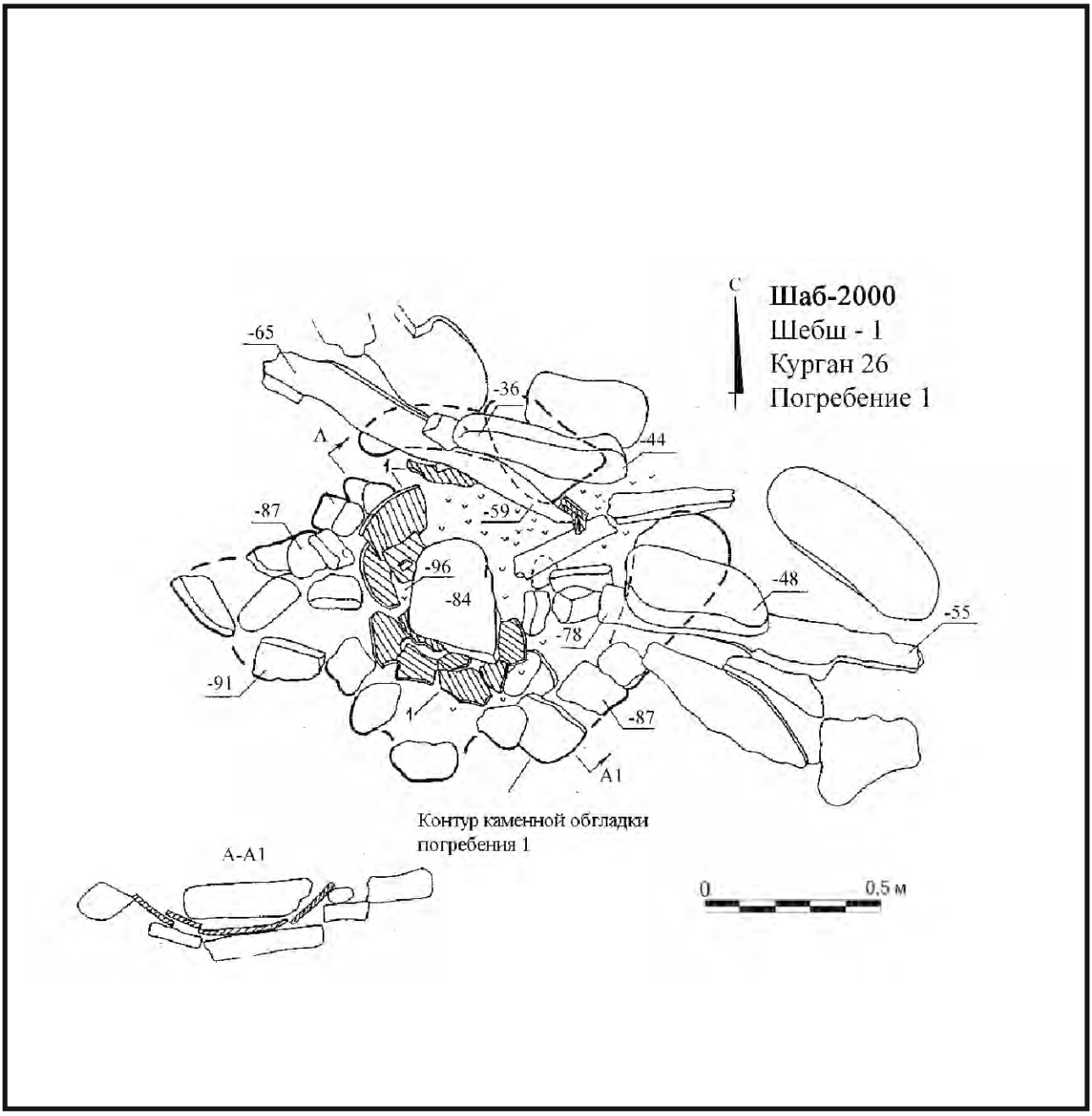
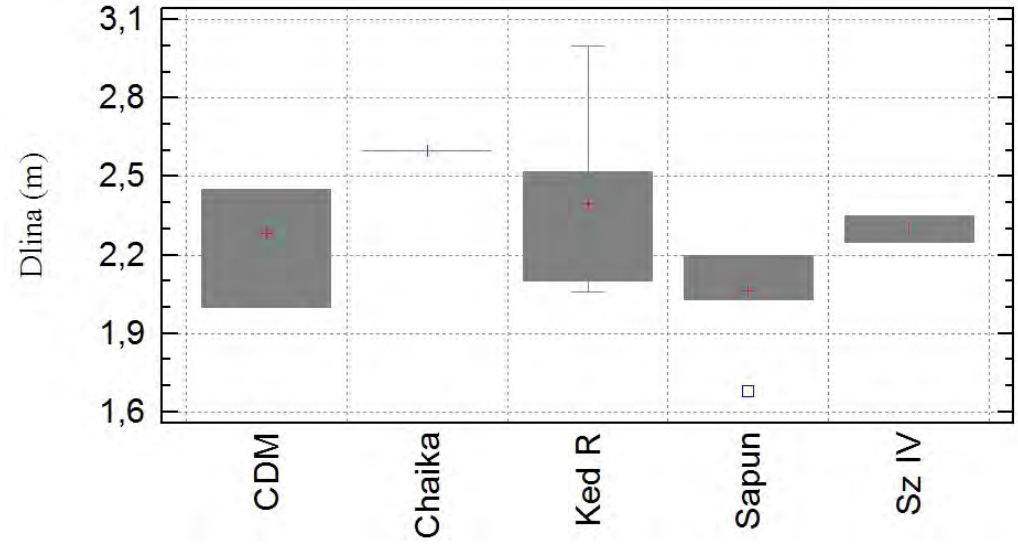
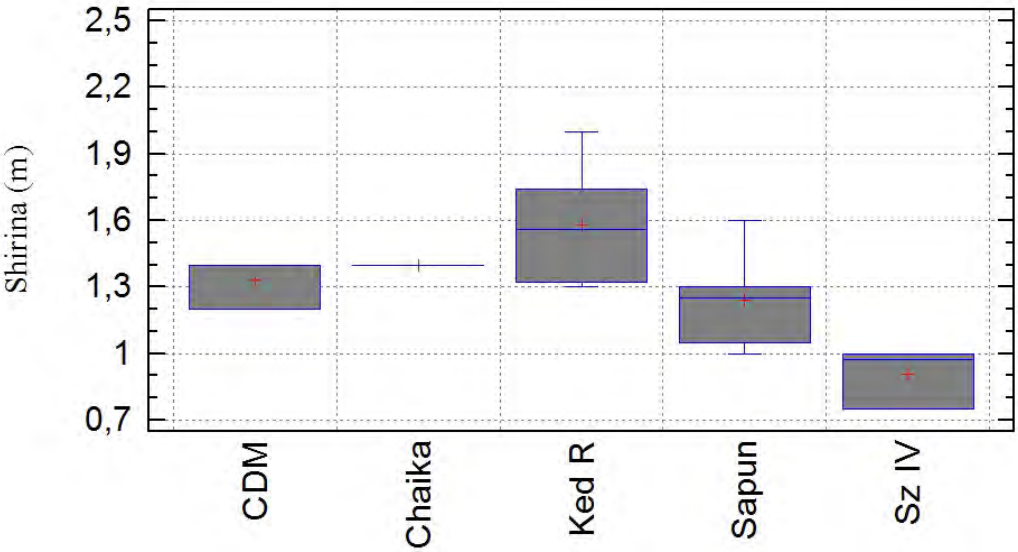


Рис. 88. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах. 1 - м-к Шебш 2, к. 26, п. 1

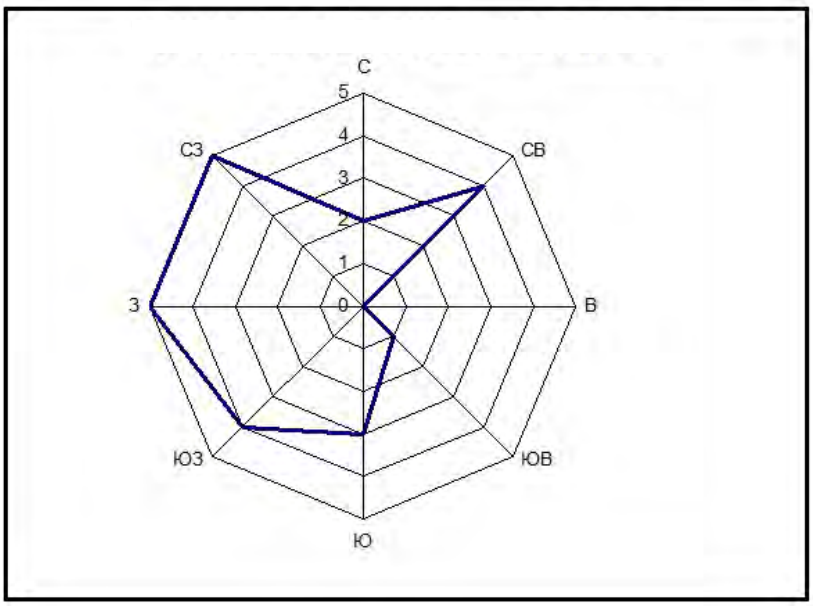


1



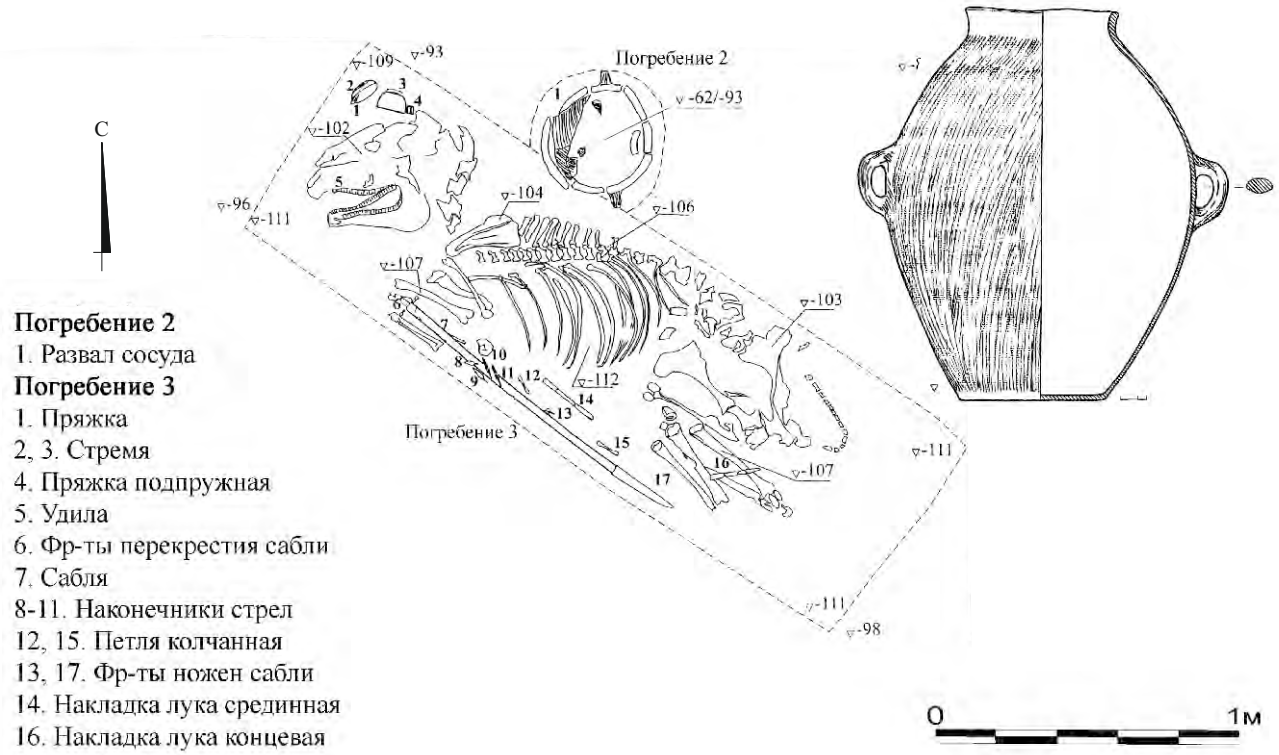
2

CDM - цемдолинский могильник;Chaika - могильник Чайка; Ked R - могильник Кедровая роща; Sapun - могильник на г. Сапун; Sz IV - Шизе IV



3

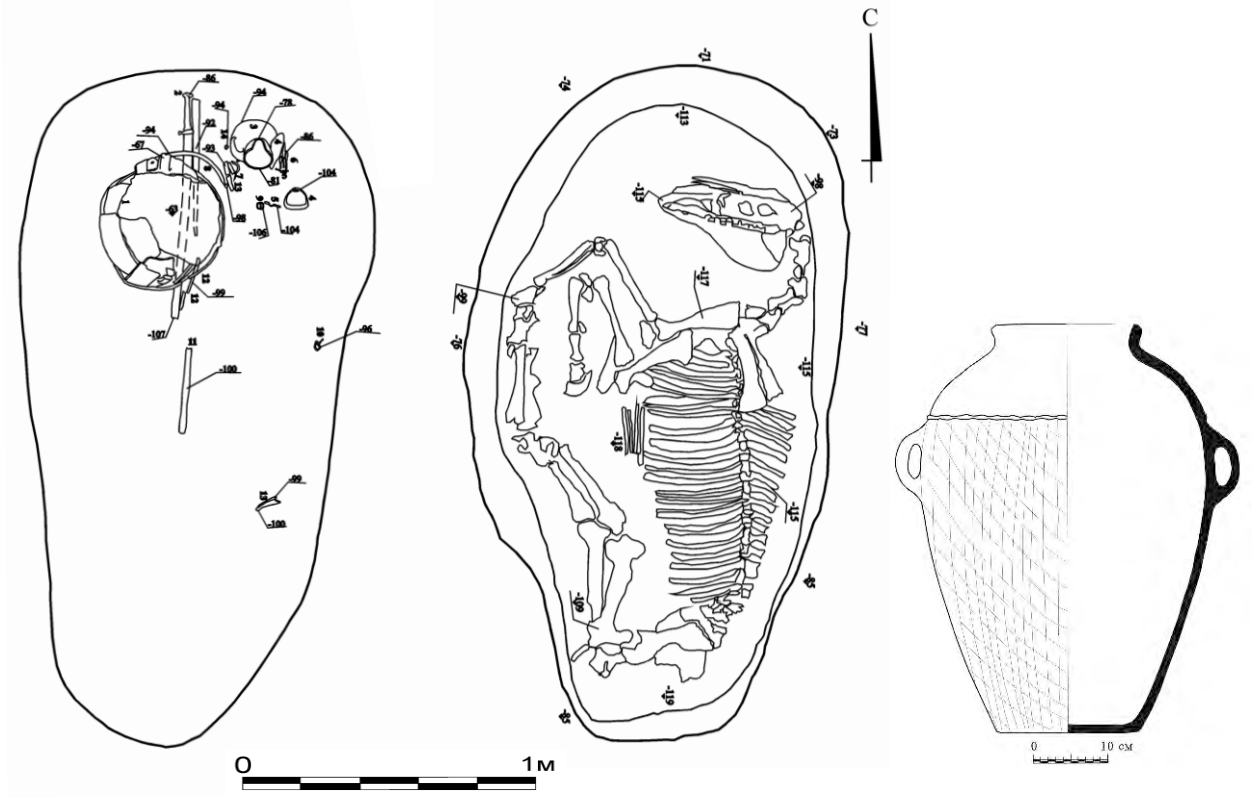
Рис. 89. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые захоронениями лошадей. 1, 2 - Сравнительный анализ курганных могильников по длине (1) и ширине (2) ямы с костяком лошади; 3 - Распределение ориентировок костяков лошадей .



Погребение 2
1. Развал сосуда

Погребение 3
1. Пряжка
2, 3. Стремя
4. Пряжка подпружная
5. Удила
6. Фр-ты перекрестия сабли
7. Сабля
8-11. Наконечники стрел
12, 15. Петля колчанная
13, 17. Фр-ты ножен сабли
14. Накладка лука срединная
16. Накладка лука концевая

1



1-урна;
2-сабля;
3-кувшин;
4-стремена;
5-колчанные петли;
6-наконечники стрел (3 экз.);
7-удила;
8-серп;
9-пряжка от колчана;
10-пряжка железная;
11-наконечник ножен сабли;
12-накладки костяные на лук;
13-костяные фрагменты футляра от серпа;
14-колечко бронзовое.

2

Рис. 90. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые захоронениями лошадей. 1 - Шизе IV, к. 1, п. 2, 3; 2 - Шизе IV, к. 188, п. 3.

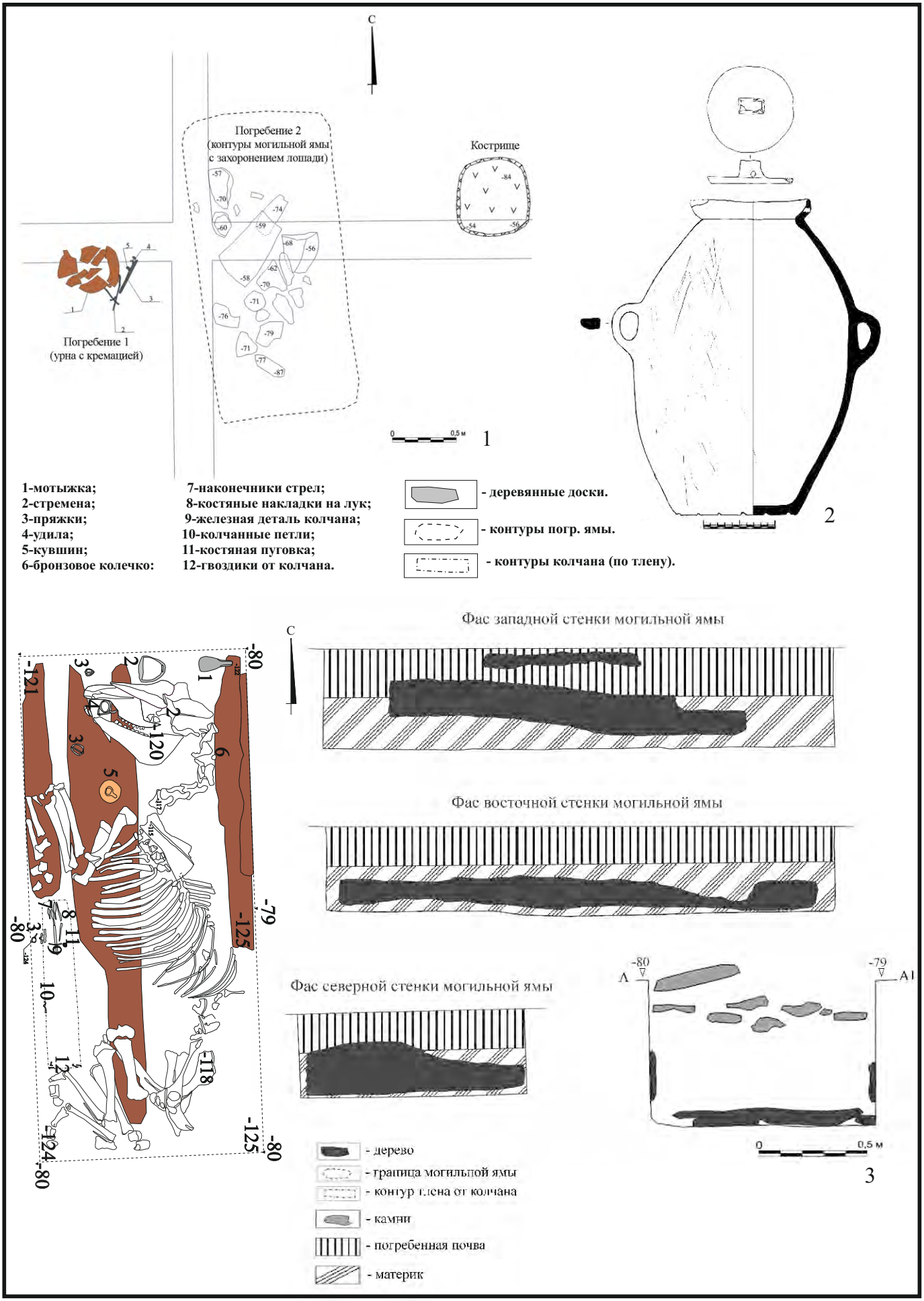


Рис. 91. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые захоронениями лошадей. Шизе IV, к. 206, п. 1, 2, 1 - план расположения урны с кремацией и погребения лошади в центральной части кургана; 2 - погребальная урна; 3 - план захоронения лошади с разрезом и фасами стен могильной ямы.

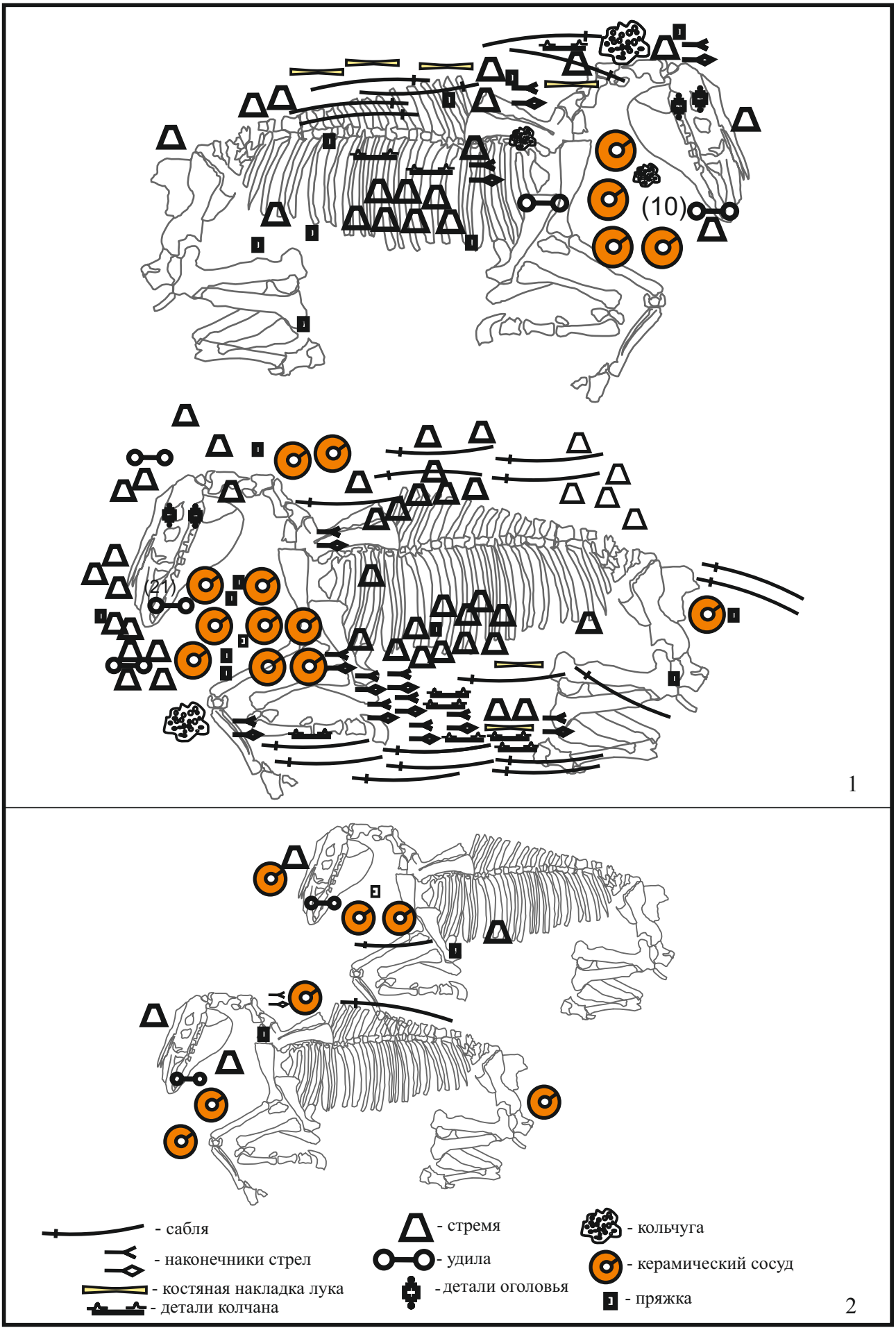


Рис. 92. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые захоронениями лошадей. Аккумулятивные схемы расположения погребального инвентаря относительно костяка лошади в одиночных (1) и парных (2) захоронениях.

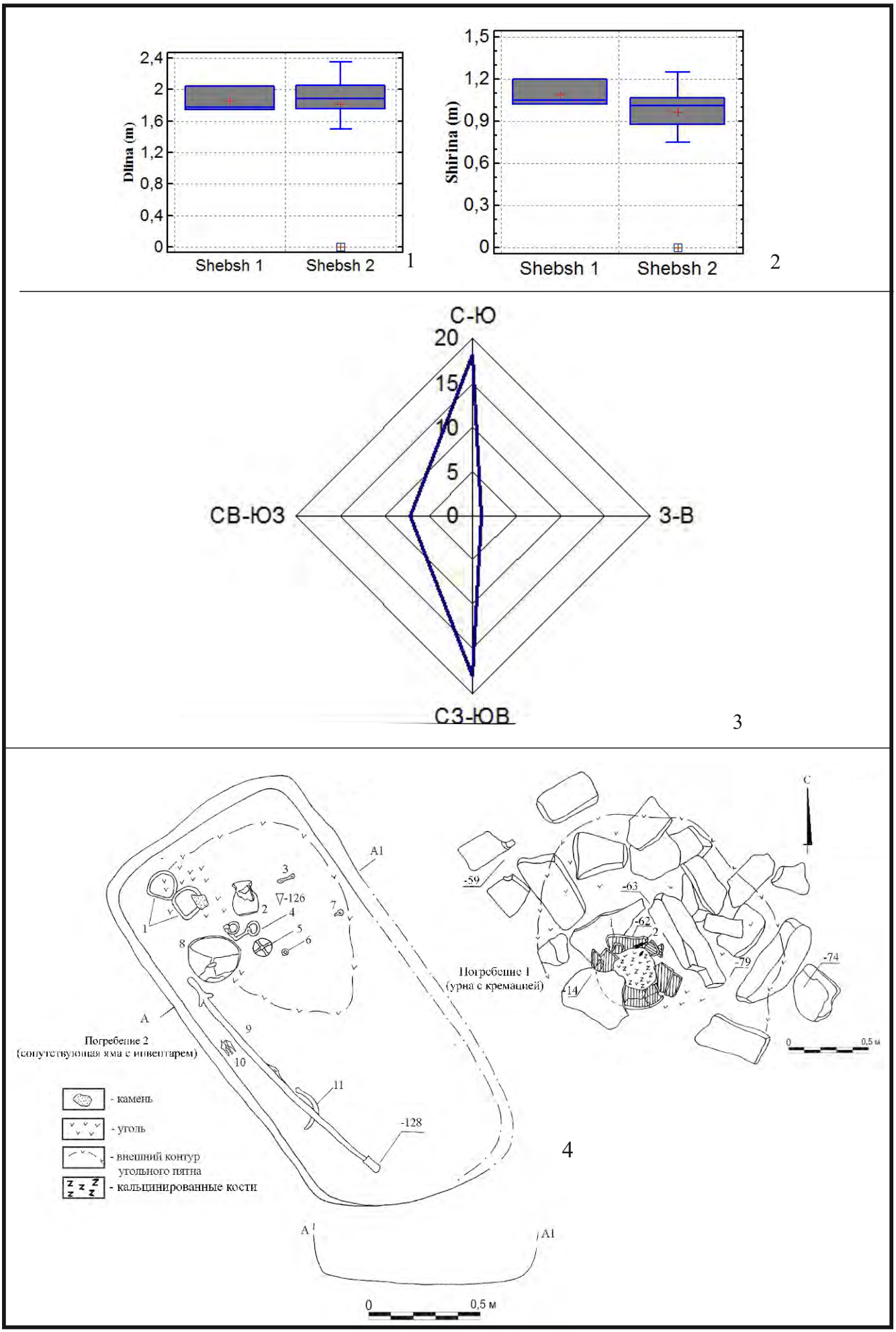


Рис. 93. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Трупосожжения в урнах сопровождаемые отдельной ямой с набором погребального инвентаря. 1, 2 - диаграмма распределения могильных ям по длине и ширине; 3 - распределение ориентировок ям по длинной линии; 4 - Шебш 1, к. 2, п 1, 2.

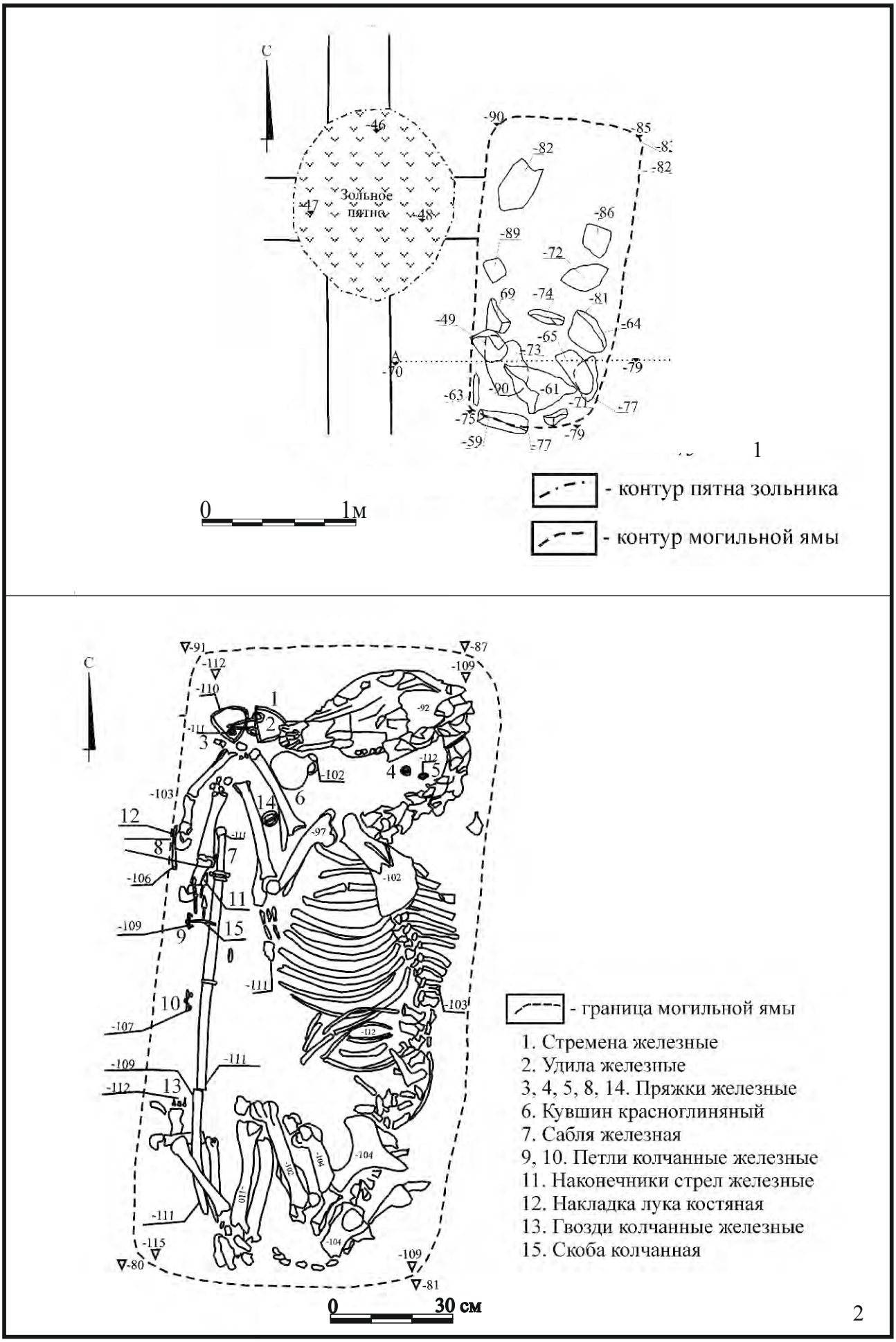


Рис. 94. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Ритуальные комплексы и кенотафы. 1 - план центральной части кургана № 190 из могильника Шизе IV; 2 - погребение лошади, м-к Шизе IV, к. 190

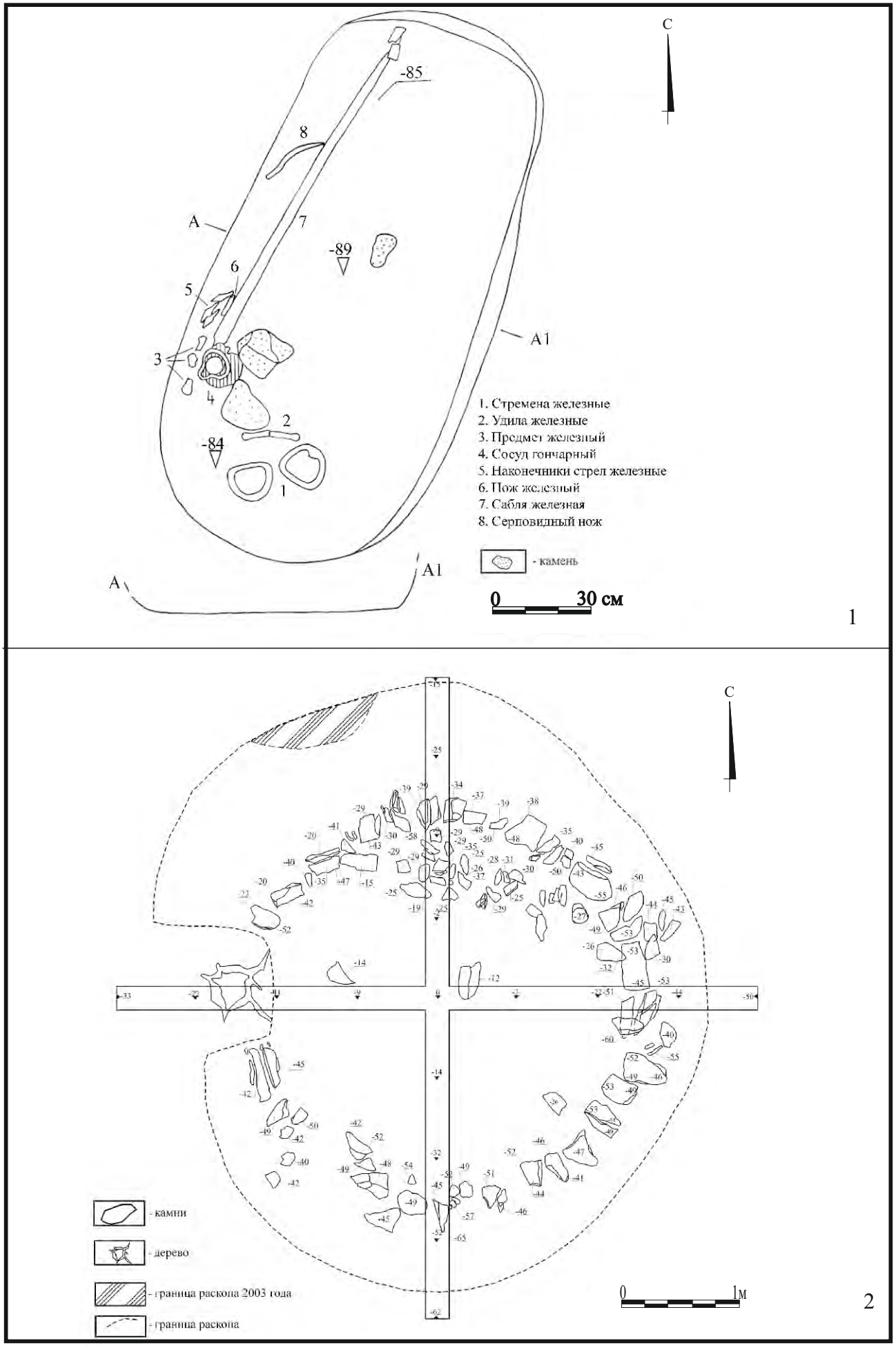


Рис. 95. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Ритуальные комплексы и кенотафы. 1- яма с набором инвентаря без погребения человека, к 41, м-к Шебш 2; 2 - Шизе IV, к. 182

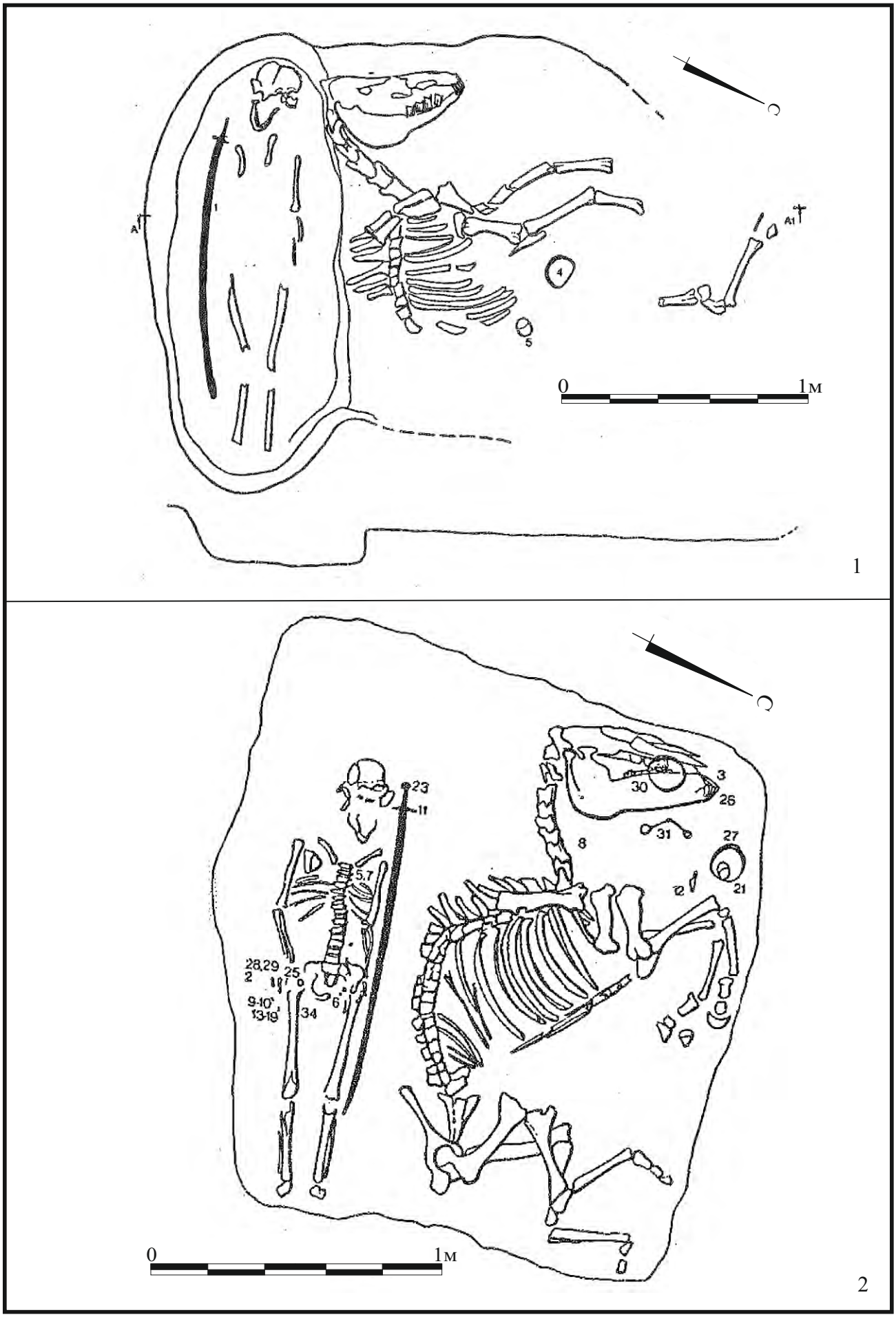


Рис. 96. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Ингумационные погребения в сопровождении лошадей из Цемдолинского могильника (по Армарчук, Малышев, 1997). 1 - погребение 5; 2 - погребение 16

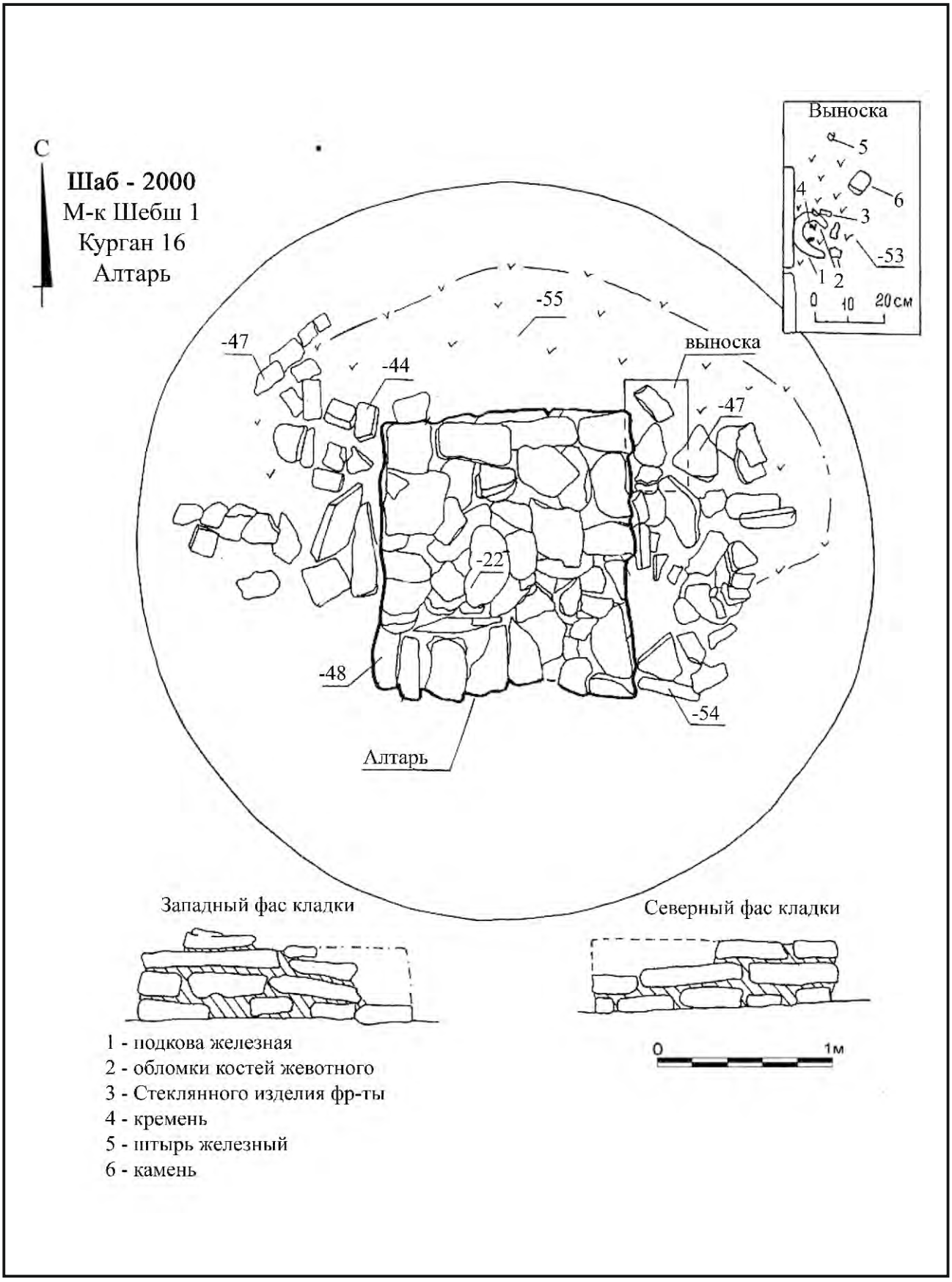


Рис. 97. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Ритуальные комплексы и кенотафы. 1 - план фундаментальной каменной конструкции (”алтарь”), м-к Шебш 1, к. 16

1

2

3

Рис. 98. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Антропология. 1 - пример скопления кремированных останков, Кедровая роща, к. 7, п. 1; График распределения массы кремированных останков для коллективных (2) и индивидуальных (3) погребений некрополя Кедровая роща

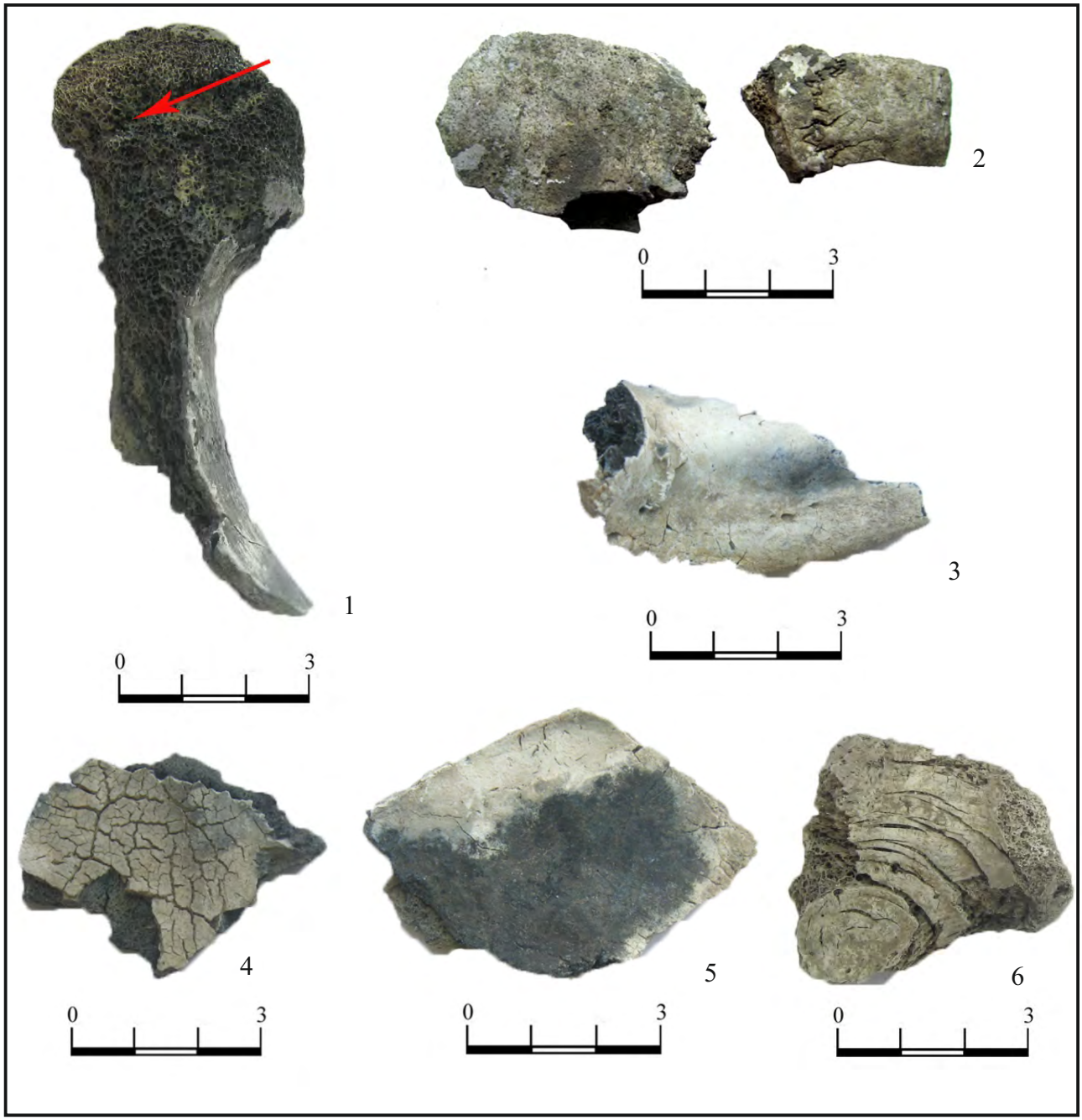


Рис. 99. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Антропология. Примеры костных фрагментов, необходимых для выполнения поло-фозрастных дефиниций (1-3), а также для реконструкции особенностей процесса кремации (4-6). 1 - фрагмент шейки и головки левой бедренной кости. Хорошо заметна линия недавнего прирастания эпифиза; 2 - фрагменты черепных костей с несросшимися швами; 3 - фрагмент середины тела нижней челюсти в области подбородочной ости (Spina mentalis); 4 - фрагмент свода черепа. Характер растрескивания не соответствует стандарту, определенному для деформационных трещин при кремации свежей костной ткани, цветность внешней костной пластинки резко отличается от цвета губчатого слоя; 5 - внутренняя поверхность фрагмента свода черепа. На фото хорошо видны четкие края темного пятна (темный лаковый налет); 6 - фрагмент свода черепа, с деформационными трещинами типичными для обычной кремации. 1, 3-6 - некрополь Кедровая роща; 2 - некрополь Шизе IV.

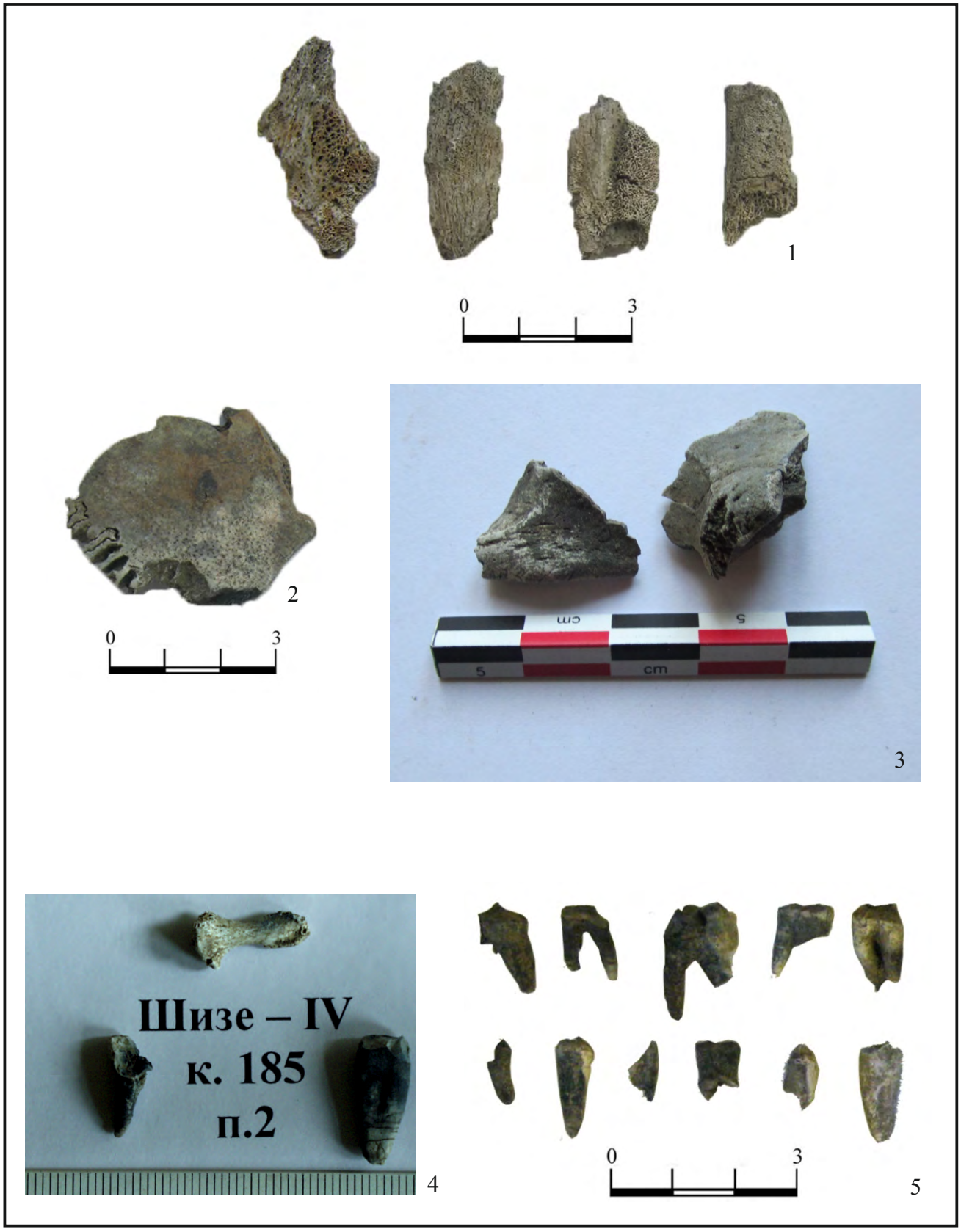
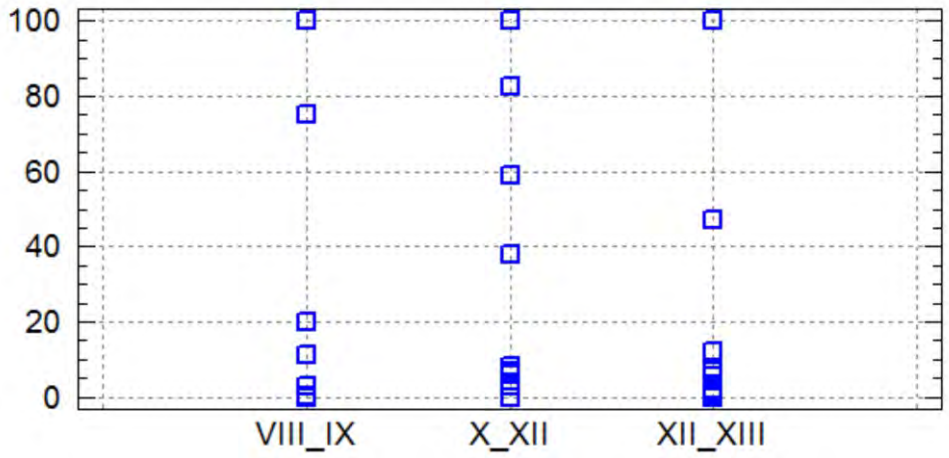


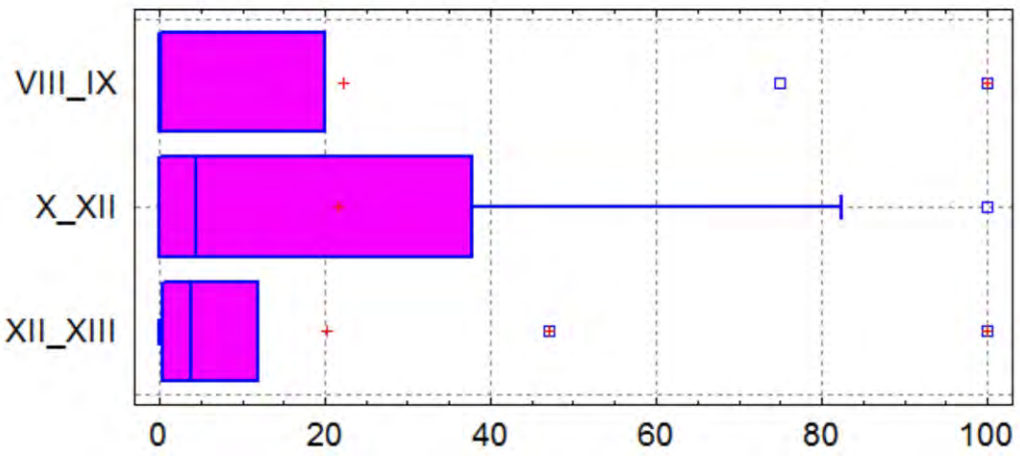
Рис. 100. Могильники и погребения конца XII-XIII вв. Антропология. Примеры костных фрагментов . 1 - фрагмент плоской кости и рёбер со следами хронического воспалительного процесса; 2 - фрагмент правой теменной кости в области ламбдовидного шва. Участок сложного шва, васкуллярная реакция на внешней поверхности теменной кости; 3 - Фрагменты двух правых фрагментов лобной кости: взрослый мужчина и взрослая женщина; 4 - сохранность зубов и концевой фаланги кисти; 5 - зубы. 1, 2, 5 - м-к Кедровая роща; 3, 4 - могильник Шизе IV

Признак	VIII-IX вв.	X-XII вв.	XII-XIII вв.
Грунтовая кремация	100%	59%	0%
Подкурганная кремация	0%	0%	100%
Погребение впущенное в курган более раннего времени	0%	37,8%	0%
Безурновое трупосожжение	75	6%	6,8%
Трупосожжение в каменном ящике	11,3%	0%	0%
Безурновое трупосожжение сопровождаемое захоронением лошади	0,29%	0%	0,5%
Безурновое трупосожжение с ямой с набором инвентаря	0%	0%	0,5%
Урновое трупосожжение	20%	82,5%	47%
Урновое трупосожжение сопровождаемое захоронением лошади	0,29%	8,3%	12%
Расположение сосуда-урны в одной яме с захоронением лошади	0,29%	6,8%	5,7%
Урновое трупосожжение с ямой с набором инвентаря	0%	0%	7,8%
Расположение сосуда-урны в одной яме с набором инвентаря	0%	0%	2%
Отдельное захоронение лошади	3,1%	3%	1%
Сожжение тела на стороне	100%	100%	100%

1

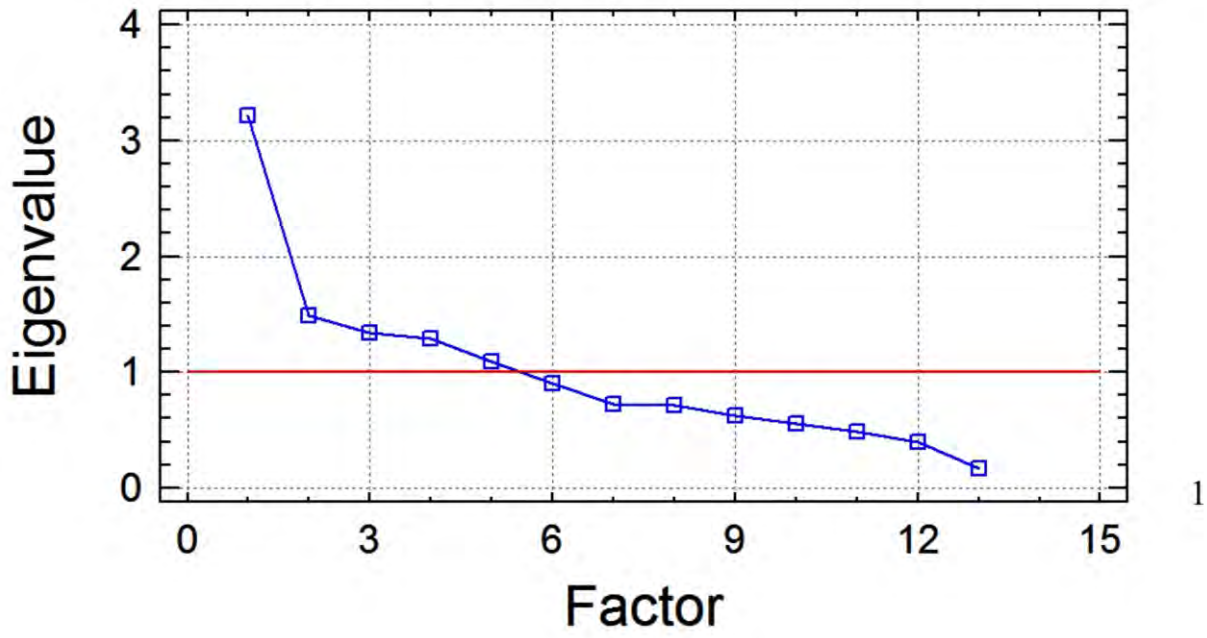


2



3

Рис. 101. Сравнение признаков погребального обряда кремационных погребений VIII-XIII вв. 1 - матрица анализируемых признаков; 2, 3 - результаты сравнения погребального обряда трех хронологических периодов (выполнены с помощью процедуры Compare).



1

Фактор / Признак	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
Nachelnic	0,0350495	0,115651	0,212464	0,0612388	**0,780983**
Saddle	0,0702432	-0,0657002	**0,826507**	0,0570176	0,114765
Stirrup	**0,902371**	0,112577	0,211052	0,101622	0,058039
Bit	**0,91629**	0,0728878	0,00810764	0,118719	0,136948
Arrow head	0,0480296	**0,646004**	0,311371	0,00295636	0,138075
Saber	0,253407	**0,821349**	-0,0831222	0,048041	0,0700269
Helmet	0,136198	0,0442426	-0,197265	0,0462632	**0,805717**
Ax	-0,0788591	**0,620557**	-0,0629004	0,356723	-0,0019317
Spear	0,400729	0,41506	**0,452734**	-0,0603961	-0,0463728
Knife	**0,0511046**	0,226043	-0,00363887	**0,691693**	-0,279229
Sickle	**0,0943307**	0,11912	0,634252	0,226951	-0,105982
Belt set	0,0686417	0,0721504	0,314058	**0,621408**	0,234733
Fibula	0,108906	-0,00134654	0,0784169	**0,724488**	0,157128

2

Рис. 102. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - результаты факторного анализа мужских погребений хазарского периода, данные в таблицы приведены после вращения методом varimax

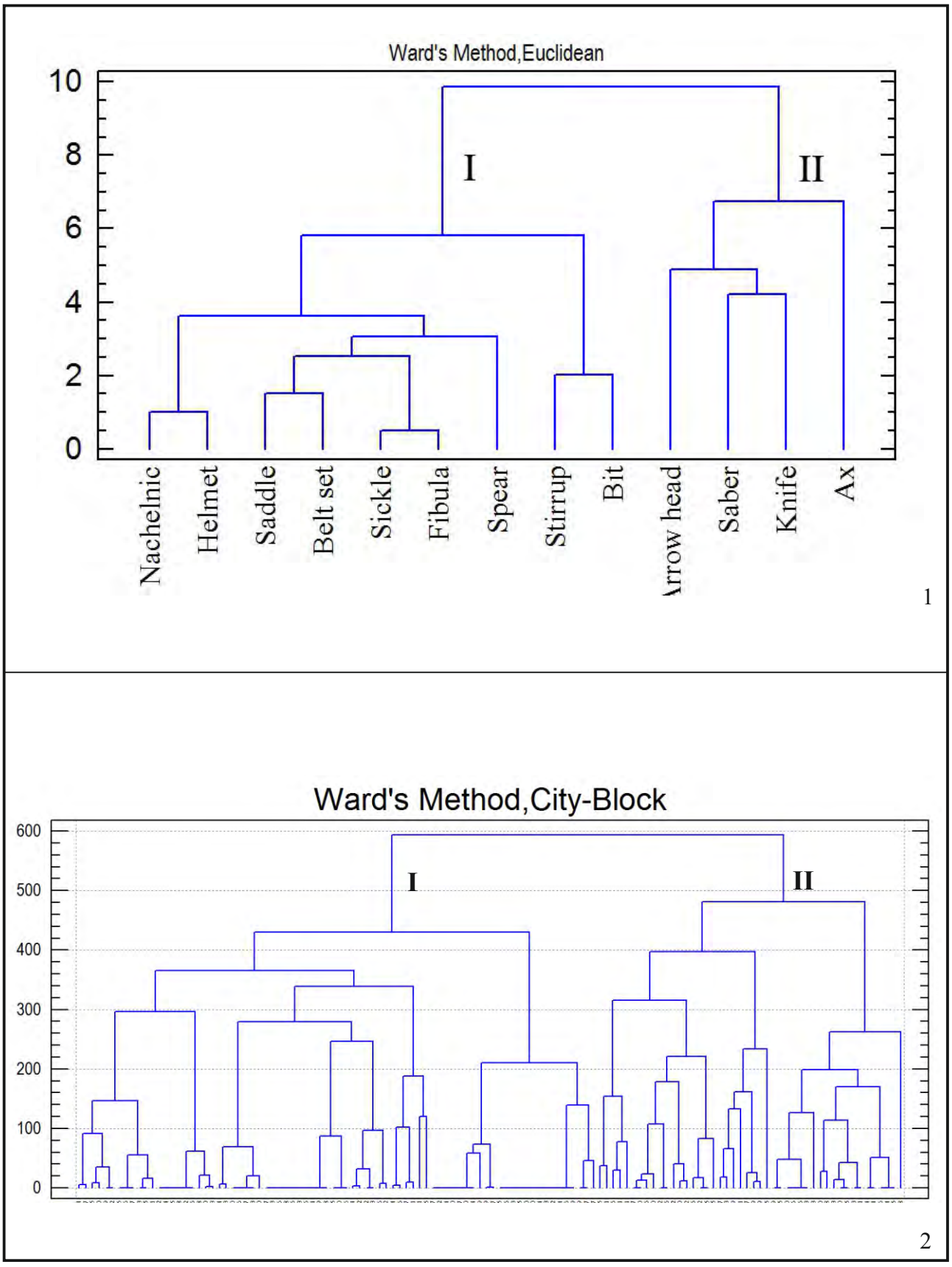
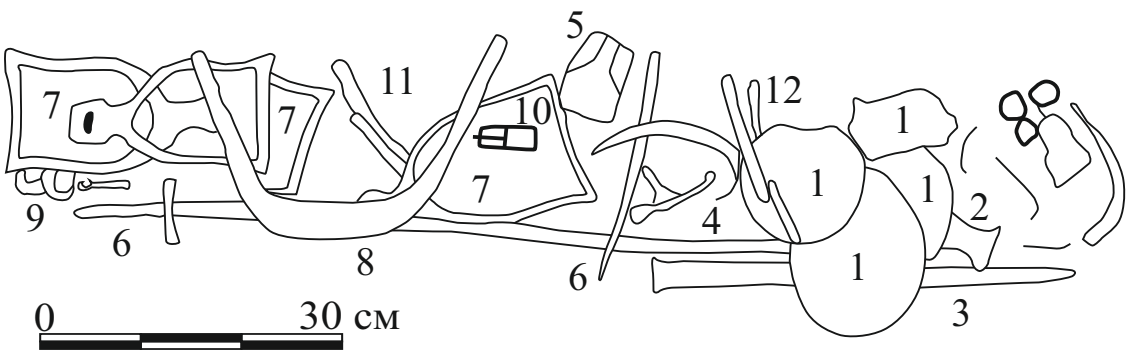
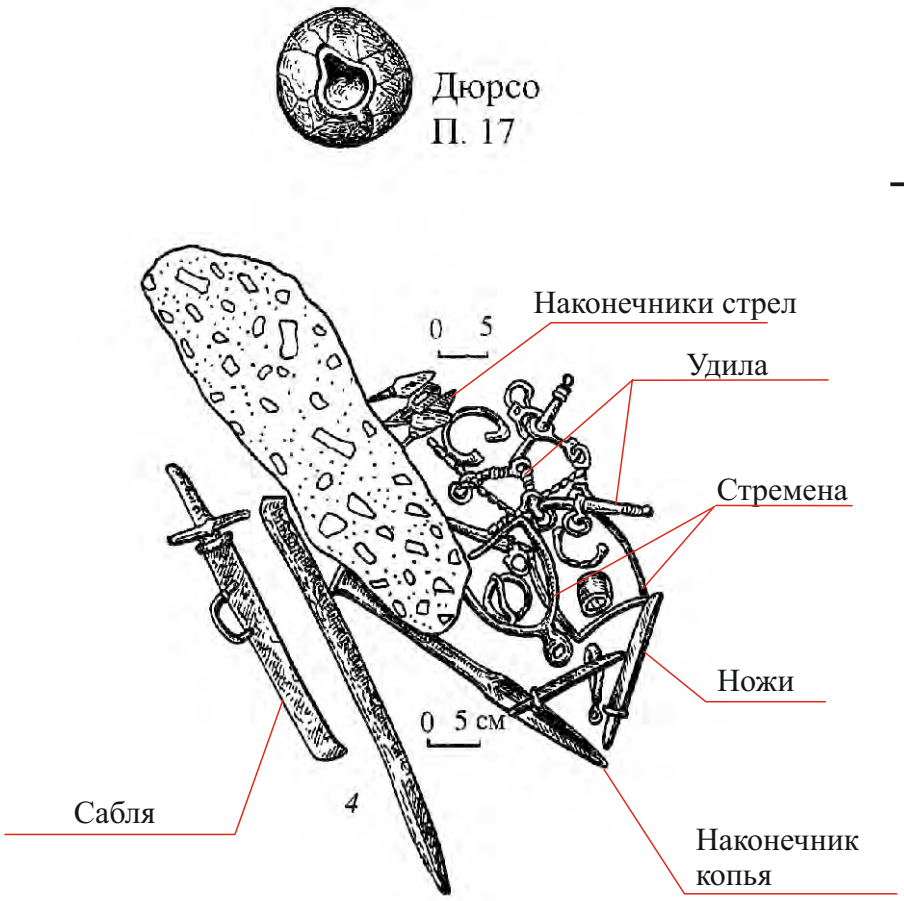


Рис. 103. Социальная стратификация погребений. 1,2 - группировка мужских кремационных погребений хазарского периода по 13 признакам;



1 - пластины бронзовые
2 - топор
3 - наконечник копья
4 - удила
5 - мотыжка
6 - сабля
7 - стремена
8 - оковка седла
9 - кольцо бронзовое
10 - пряжка железная
11 - оковка колчанная
12 - удила

1



2

Рис. 104. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 1 ранга. 1 - Молдовановский могильник, п. 25, 2 - могильник Дюрсо, п 17;

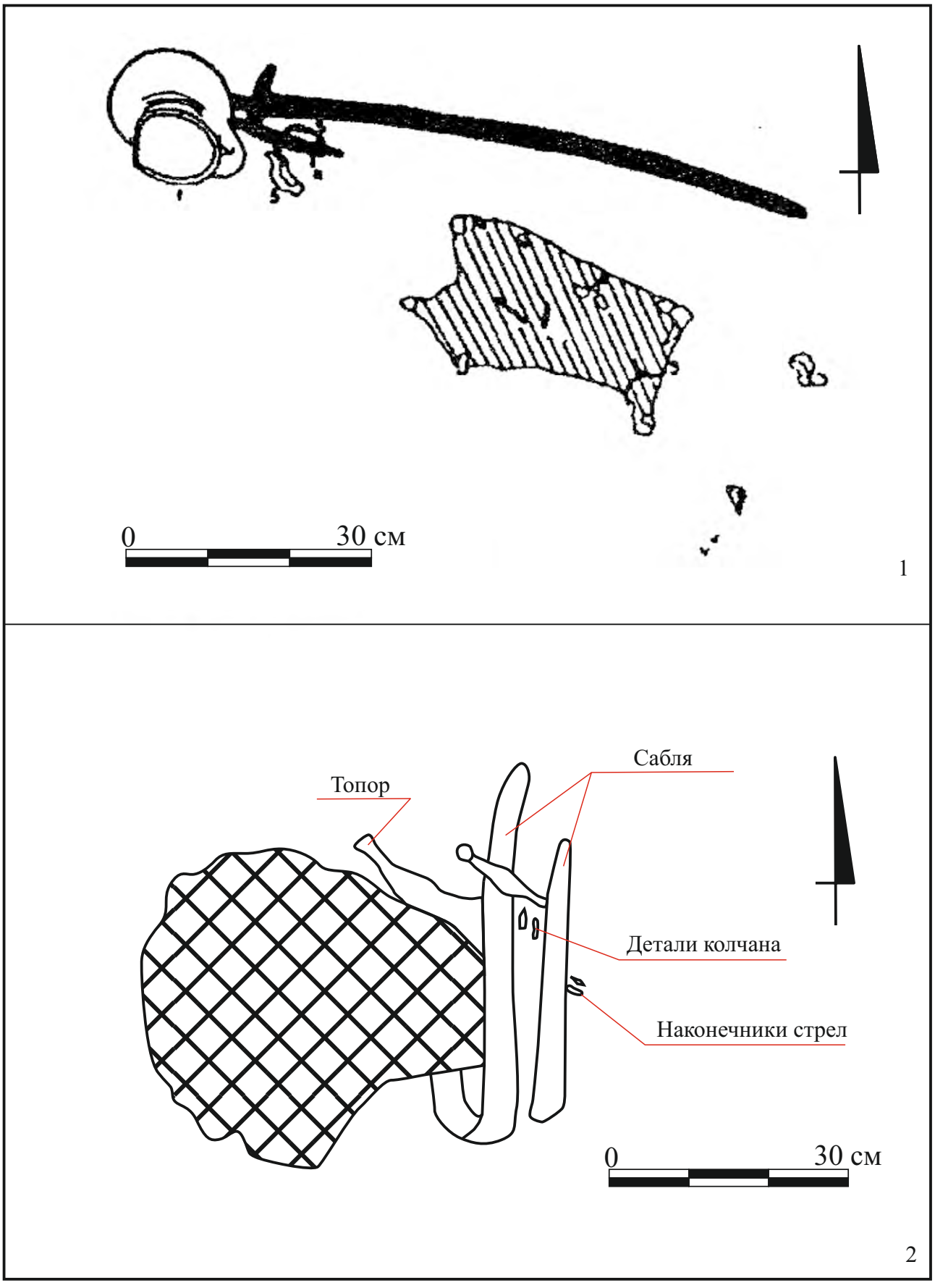


Рис. 105. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 2 ранга. 1 - Могильник Общественный II, п. 9, 2 - могильник Казазово, п. 45

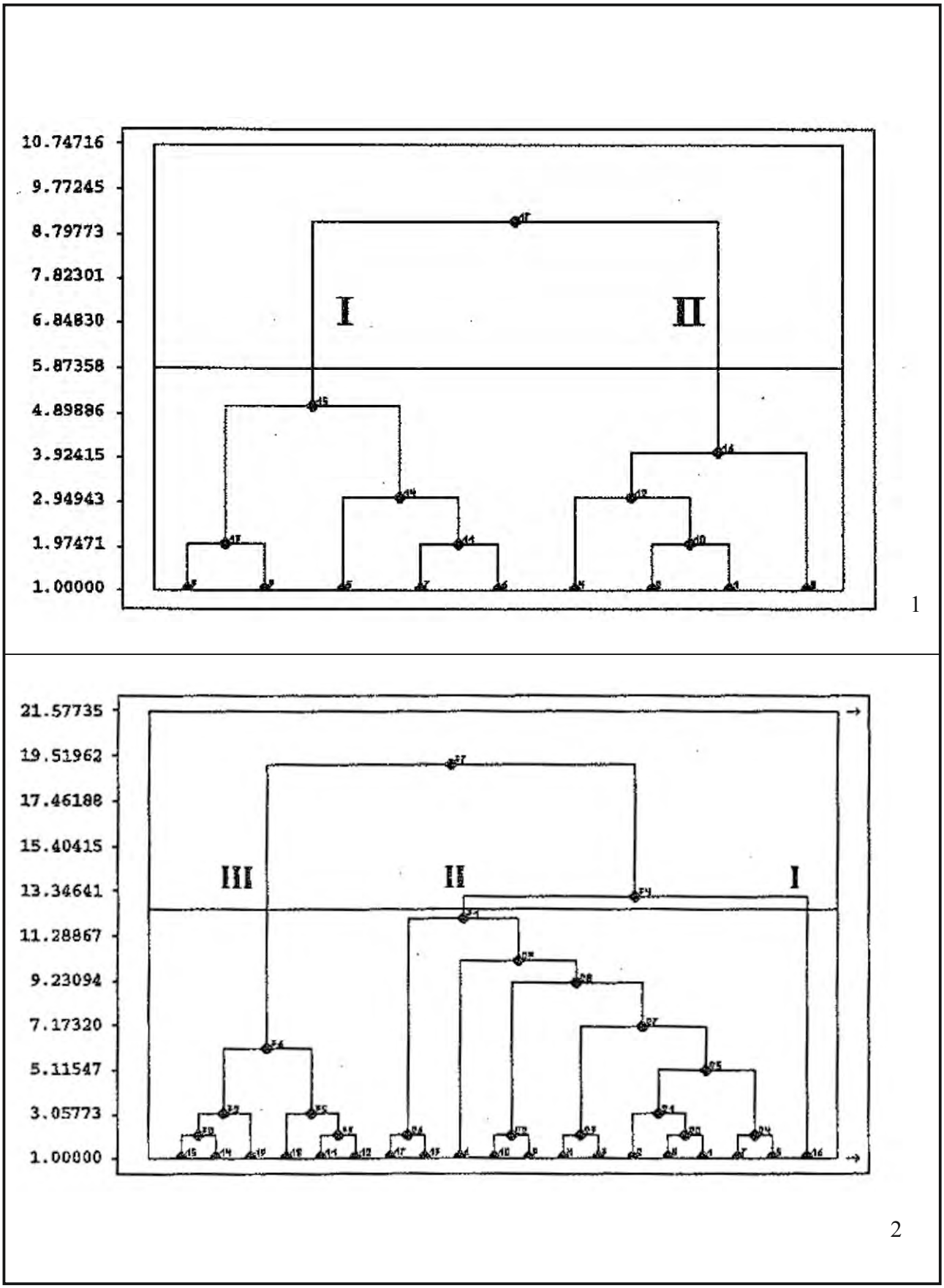


Рис. 106. Социальная стратификация погребений. 1 - группировка мужских погребений Кисловодской котловины четвертого хронологического этапа; 2 - группировка мужских погребений могильника Архон (2, 3 - по Коробов, 2003)

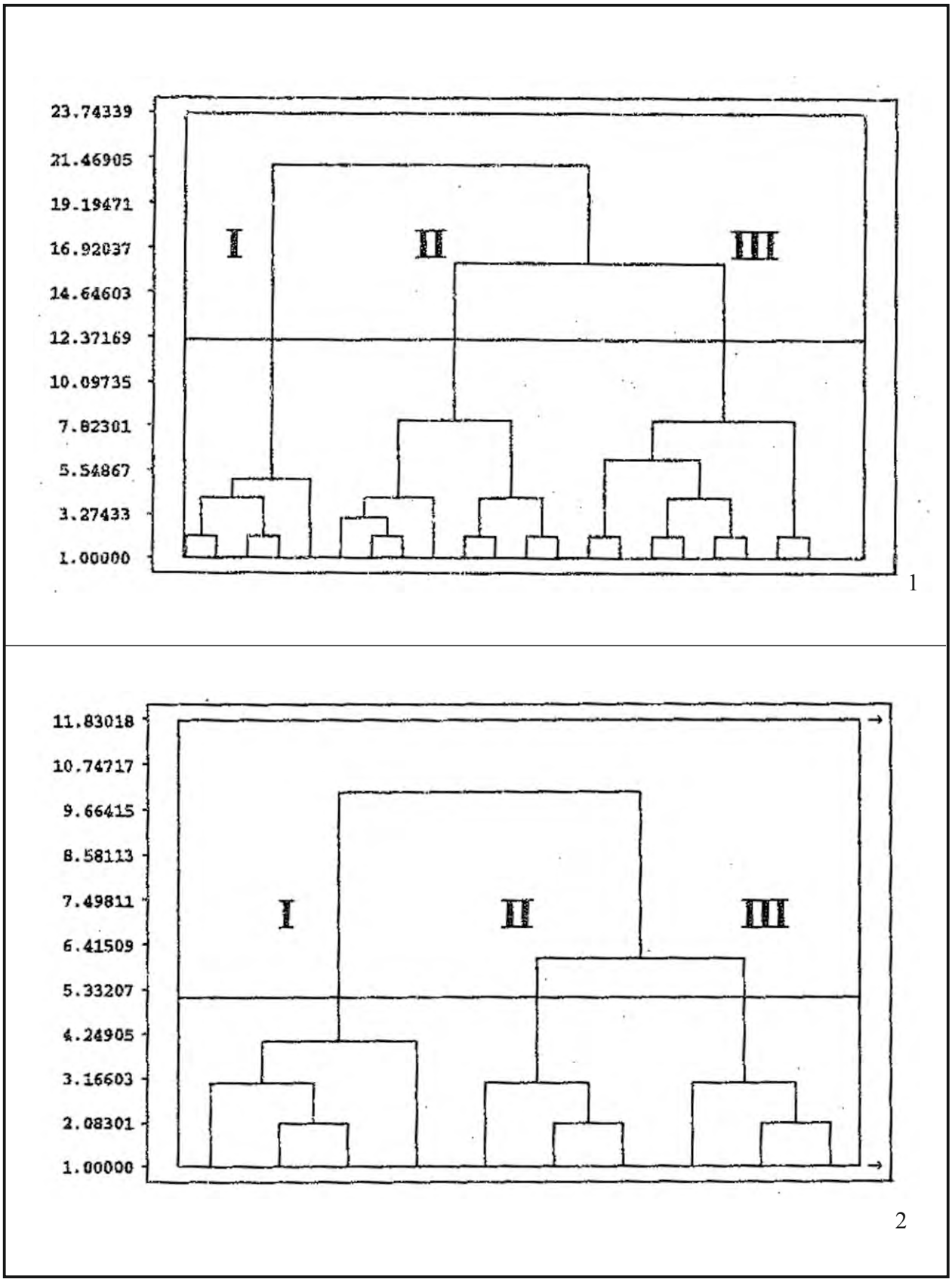
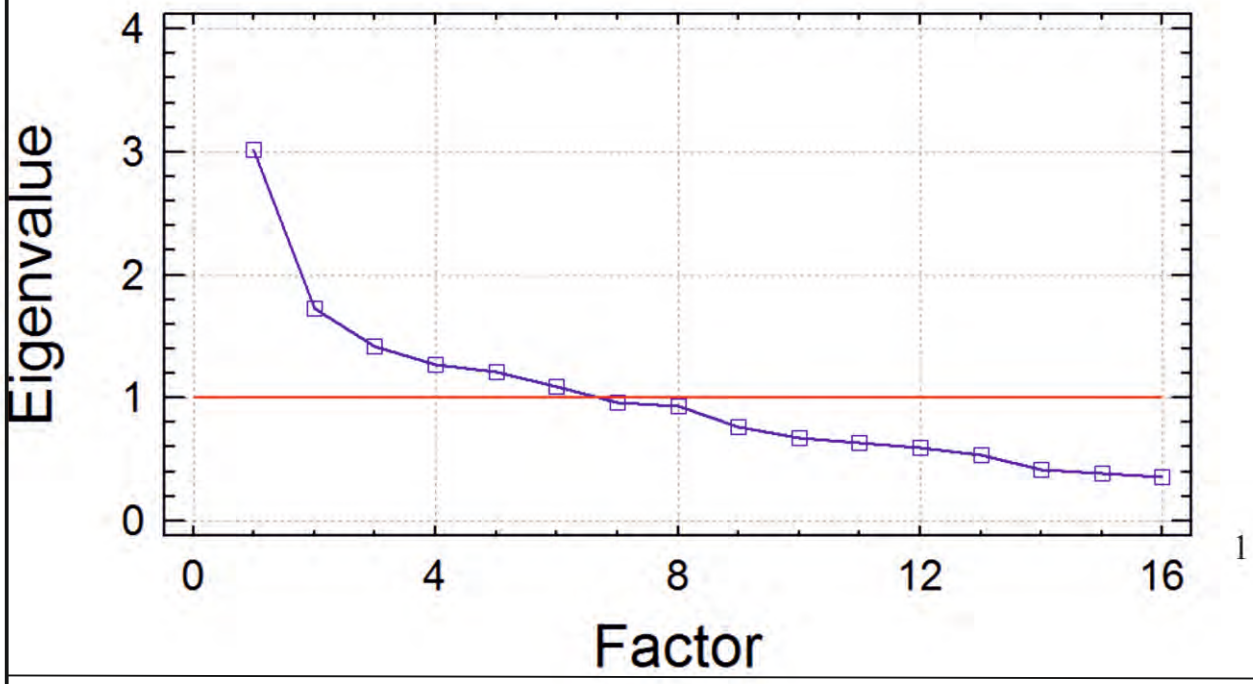


Рис. 107. Социальная стратификация погребений. 1 - группировка мужских погребений могильника Тарский; 2 - группировка мужских погребений могильника Песчанка (по Коробов, 2003)



1

Фактор / Признак	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6
Knife	-0,0685578	0,124163	0,21265	0,23811	**0,672756**	0,173108
Awl	-0,015428	-0,0782388	**0,78203**	-0,0678258	0,210555	-0,12763
Scissors	-0,0684897	0,0958058	**0,882398**	0,0141932	-0,0562868	0,0677797
Whorl	0,0668115	**0,684137**	-0,0586491	-0,127835	0,226816	-0,10113
Button	0,0110609	0,0702667	-0,106061	-0,145516	-0,00511283	**0,806535**
Bell	**0,72871**	0,0996514	-0,0617037	0,00693029	-0,118965	-0,015792
Chain	**0,715241**	0,138878	-0,103804	0,120384	0,149259	-0,041522
Pendant	0,538027	**0,550118**	-0,0201054	0,255516	-0,109419	-0,201771
Bead	-0,314137	-0,210194	0,146911	0,288831	-0,137346	**0,327885**
Finger ring	0,365843	**0,475697**	0,117741	0,333927	-0,0724777	0,447621
Bracelet	**0,626532**	-0,112021	0,205352	-0,0326034	0,341232	0,307869
Earring	0,105528	**0,668133**	0,156579	-0,0598261	-0,0688889	0,0889086
Fibula	0,194913	0,137945	-0,0183486	-0,113997	**0,676529**	-0,267574
Pincers	-0,0014413	**0,57006**	-0,16302	0,204998	0,297208	0,121512
Nogtechistka	-0,0266506	-0,0685011	-0,0458666	**0,734386**	0,245795	0,0389789
Kopouska	0,197923	0,107015	-0,0325634	**0,738428**	-0,126298	-0,153138

2

Рис. 108. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - результаты факторного анализа женских погребений хазарского периода

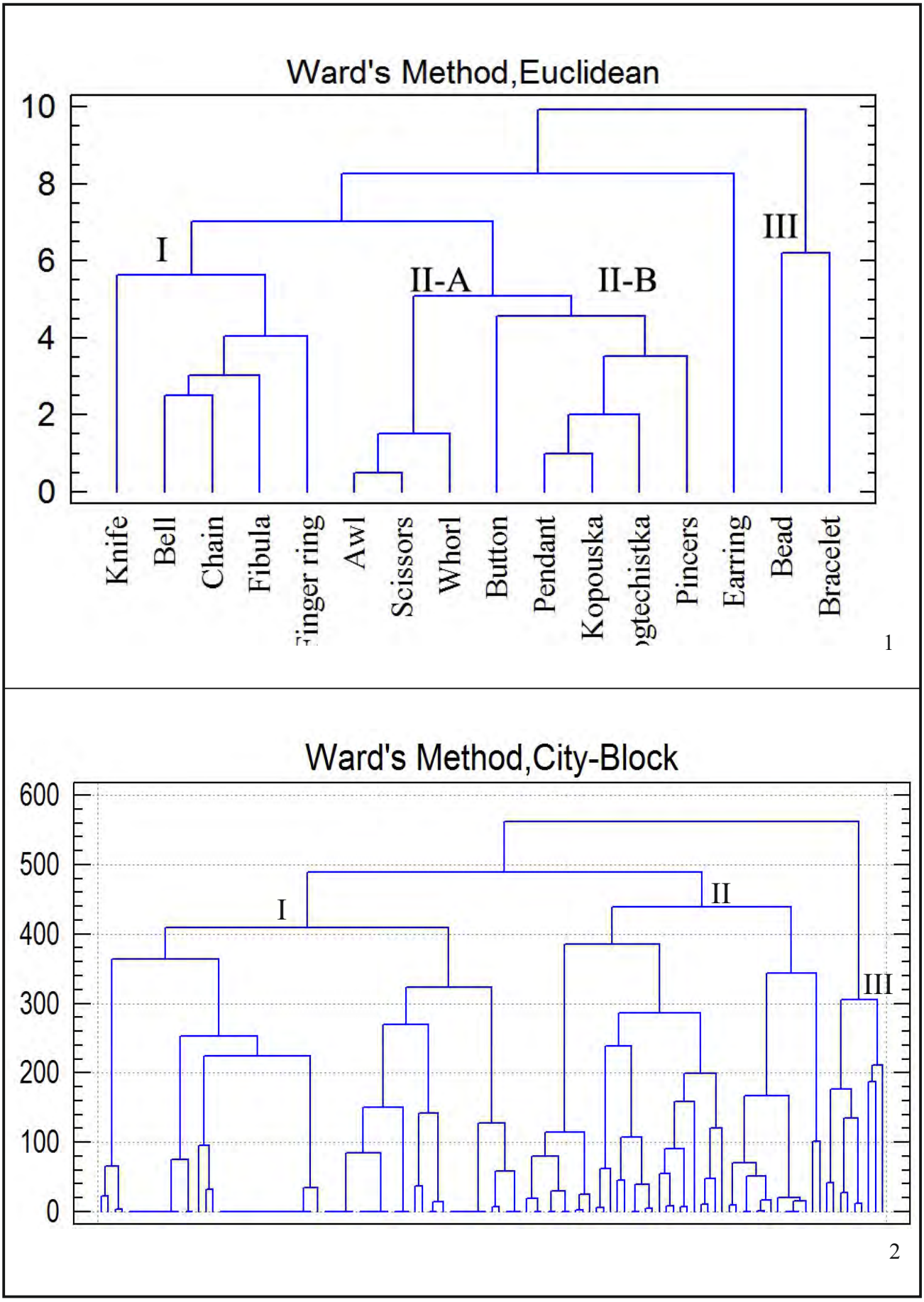


Рис. 109. Социальная стратификация погребений. 1 - группировка женских кремационных погребений хазарского периода по 16 признакам

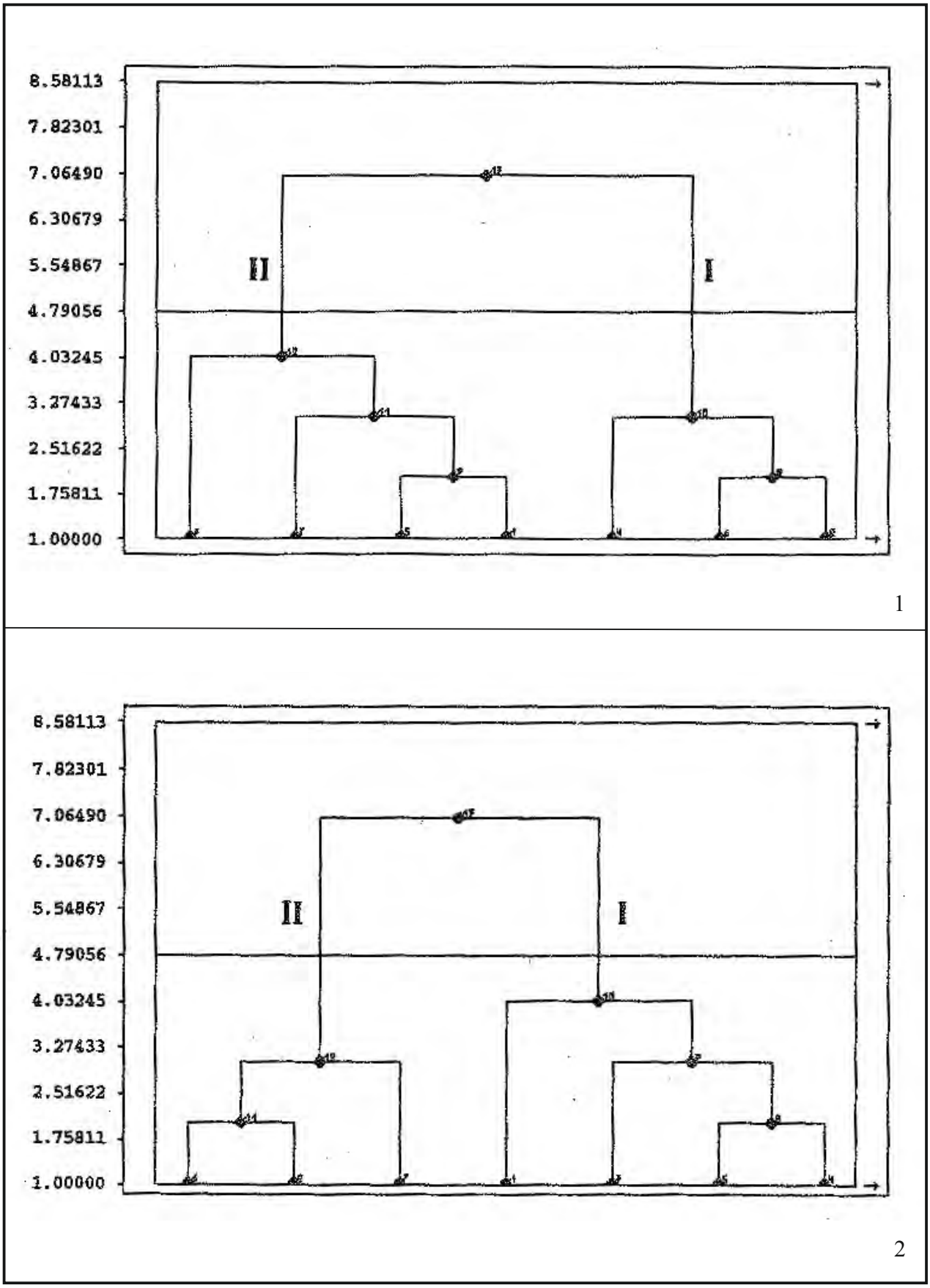
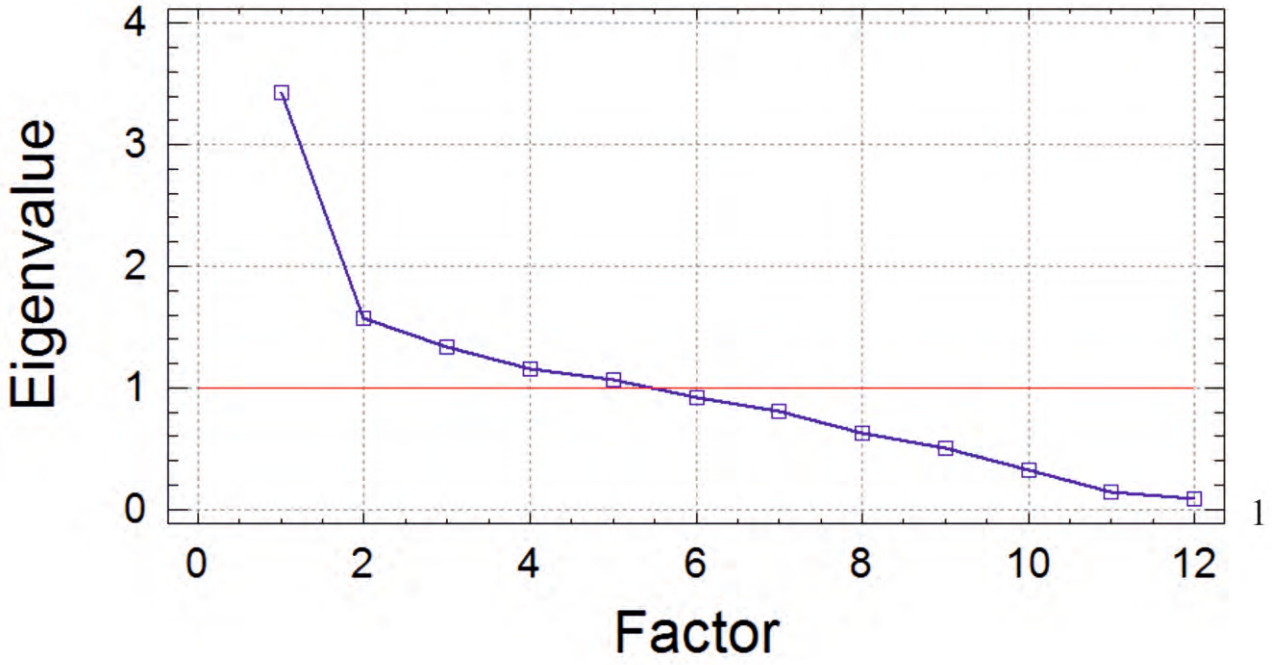


Рис. 110. Социальная стратификация погребений. 1 - группировка женских погребений могильника Архон; 2 - группировка женских погребений могильника МТФ № 3 (по Коробов, 2003)



1

Признак \ Фактор	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
horse interment	0,933475	-0,0147973	0,13698	-0,0404168	-0,039073
bridle	0,832511	0,12313	0,0723806	-0,0603334	-0,030789
stirrup	0,939379	-0,0471641	0,0185881	-0,00879989	-0,038345
bit	0,928279	-0,0682435	-0,0703656	0,0184516	-0,032825
arrowhead	0,0110302	0,150761	-0,699223	0,179536	0,185403
sabre	0,128163	0,578211	0,453238	-0,237775	0,10766
sabre garniture	-0,0969019	0,722323	0,00453056	0,0790089	-0,030781
scabbard	0,0497746	0,80028	-0,218738	-0,032372	-0,063295
spear	-0,114726	-0,0447508	0,141649	0,838496	-0,22892
knife	0,0517845	0,0231683	-0,277583	0,598597	0,388776
hone	-0,124025	-0,0593059	0,0287596	-0,0581228	0,89691
vessel attachment	0,120252	0,0307659	0,64084	0,298519	0,189686

2

Рис. 111. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - результаты факторного анализа мужских погребений из грунтовых могильников X-XII вв.

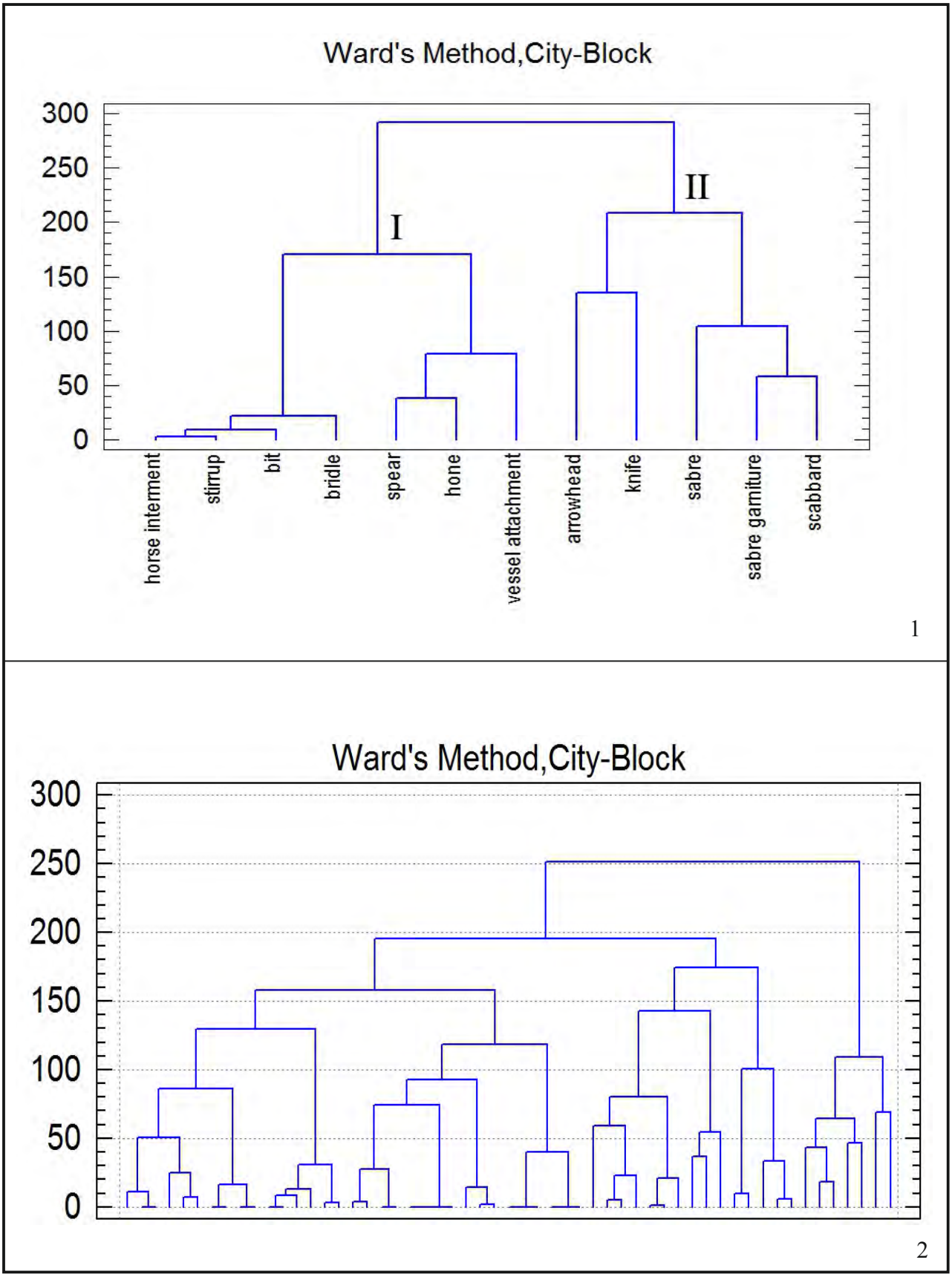


Рис. 112. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - группировка мужских погребений X-XII вв. по 12 признакам

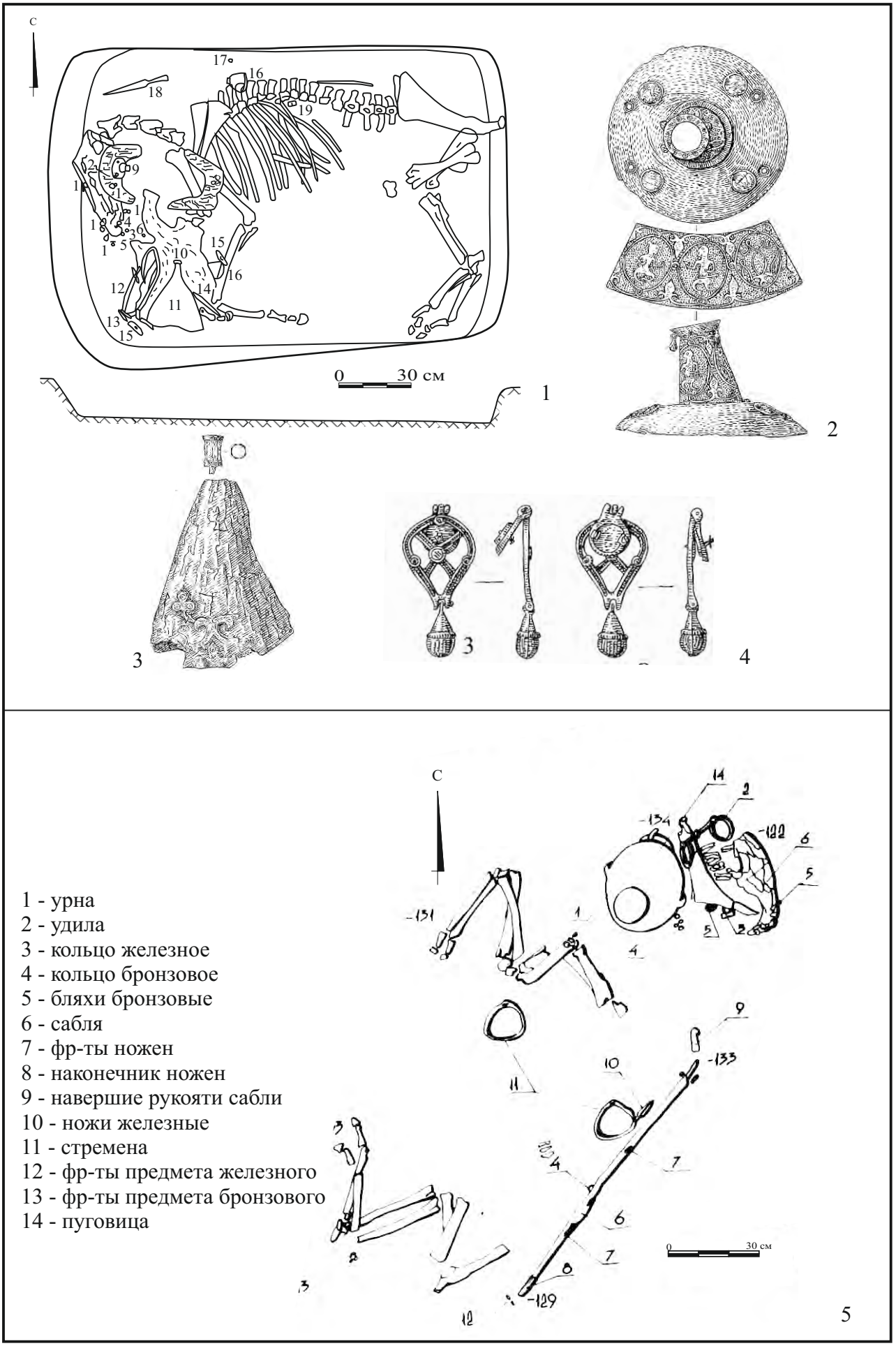


Рис. 113. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 1 ранга из грунтовых могильников X-XII вв.1 - могильник Андреевская щель, кенотаф, с маркерами высокого социального статуса. 2 - конский начельник; 3 - шлем железный, 4 - украшения конской сбруи; 5 - могильник Ленинохабль, п. 9

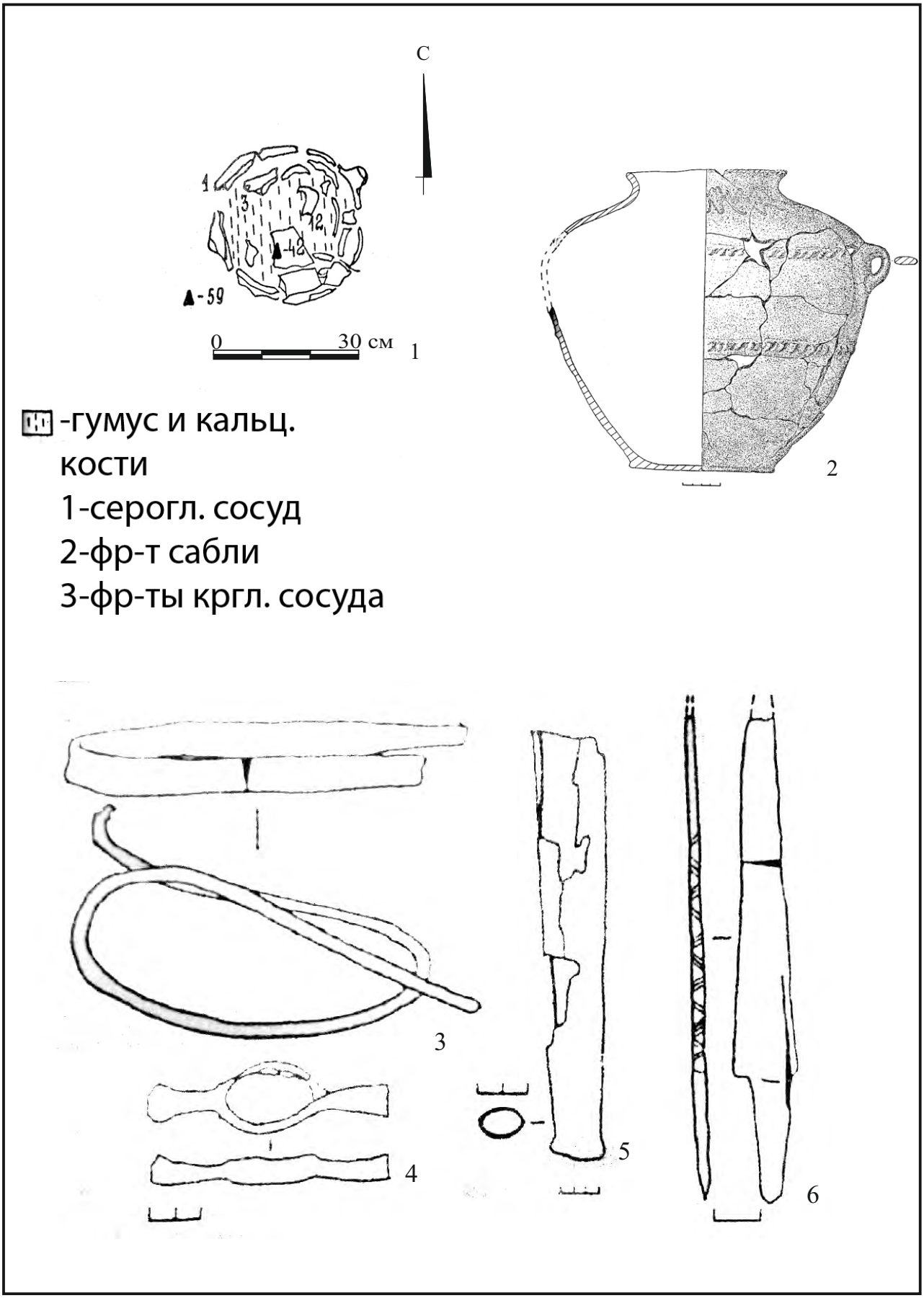
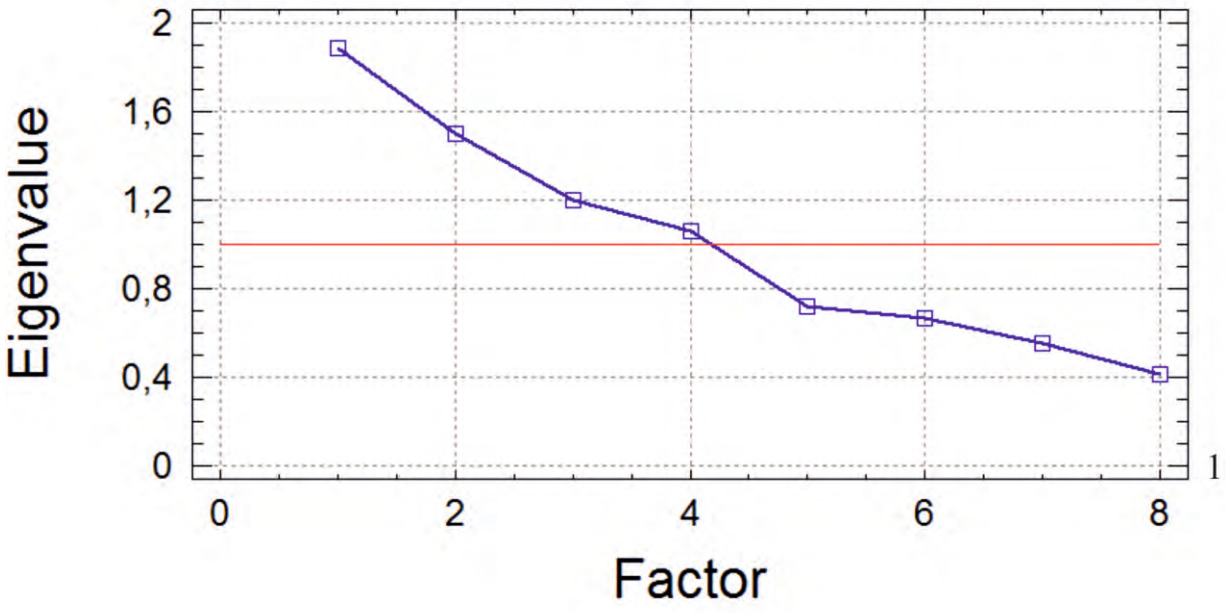


Рис. 114. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 2 ранга из грунтовых могильников X-XII вв.1 - план погребения 15 могильника Черноклен. 2 - погребальная урна; 3-5 - сабля с деталями гарнитуры и ножен; 6 - нож



1

Фактор / Признак	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
Awl	0,0366605	-0,0109251	**0,869488**	-0,206686
Bead	0,178197	-0,00762757	0,0112341	**0,81394**
Bell	0,268096	**0,740138**	-0,152004	-0,089425
Bracelet	**0,843996**	-0,0898403	-0,0853631	0,23787
Button	0,014662	-0,103602	**0,710419**	0,449308
Chain	-0,124846	**0,848096**	0,0171818	0,00264991
Earring	**0,578675**	0,413795	0,246099	-0,0455052
Knife	**0,578574**	0,128984	0,0580661	-0,584626

2

Рис. 115. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - результаты факторного анализа женских погребений из грунтовых могильников X-XII вв.

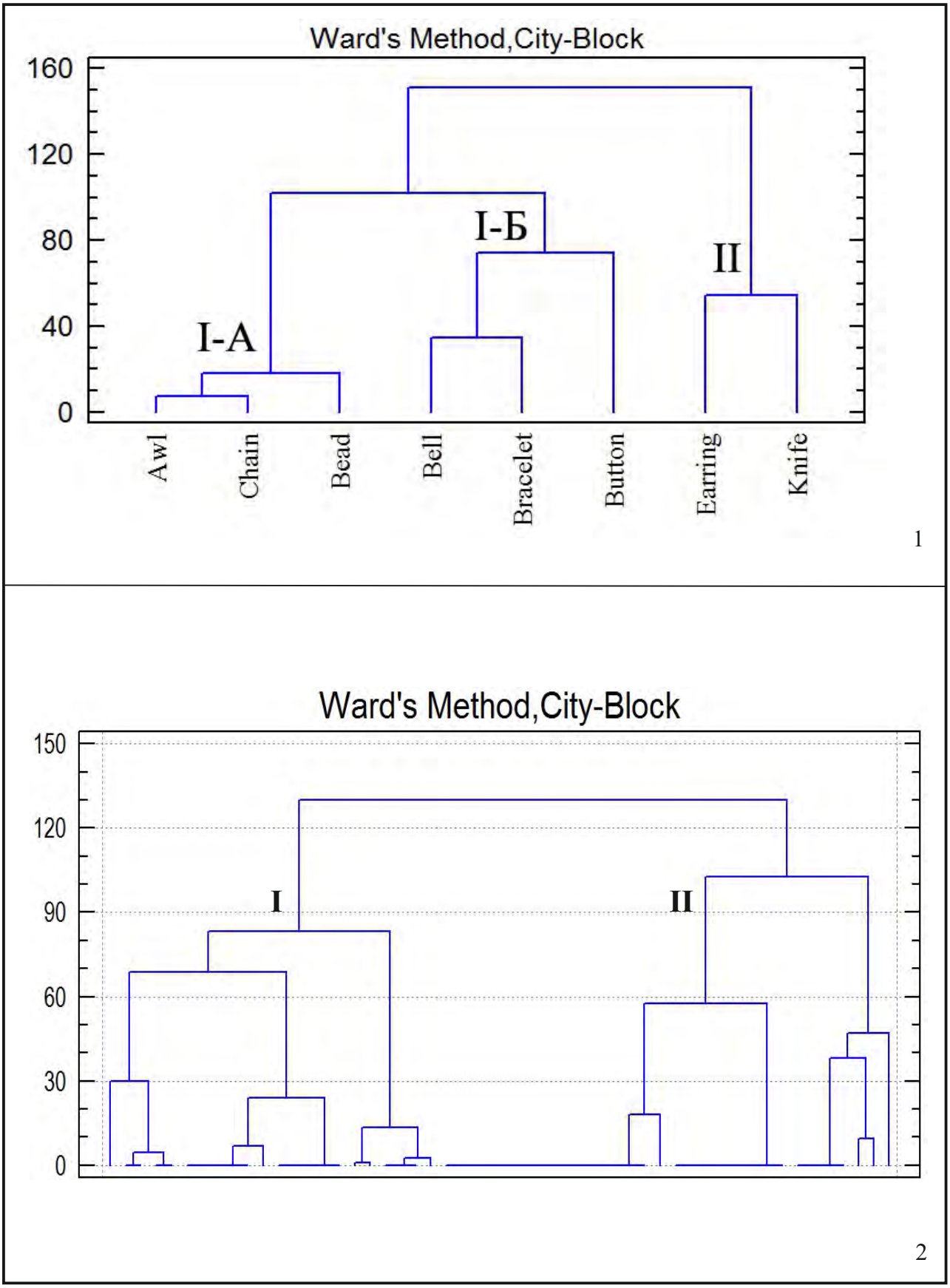


Рис. 116. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - группировка женских погребений по 8 признакам

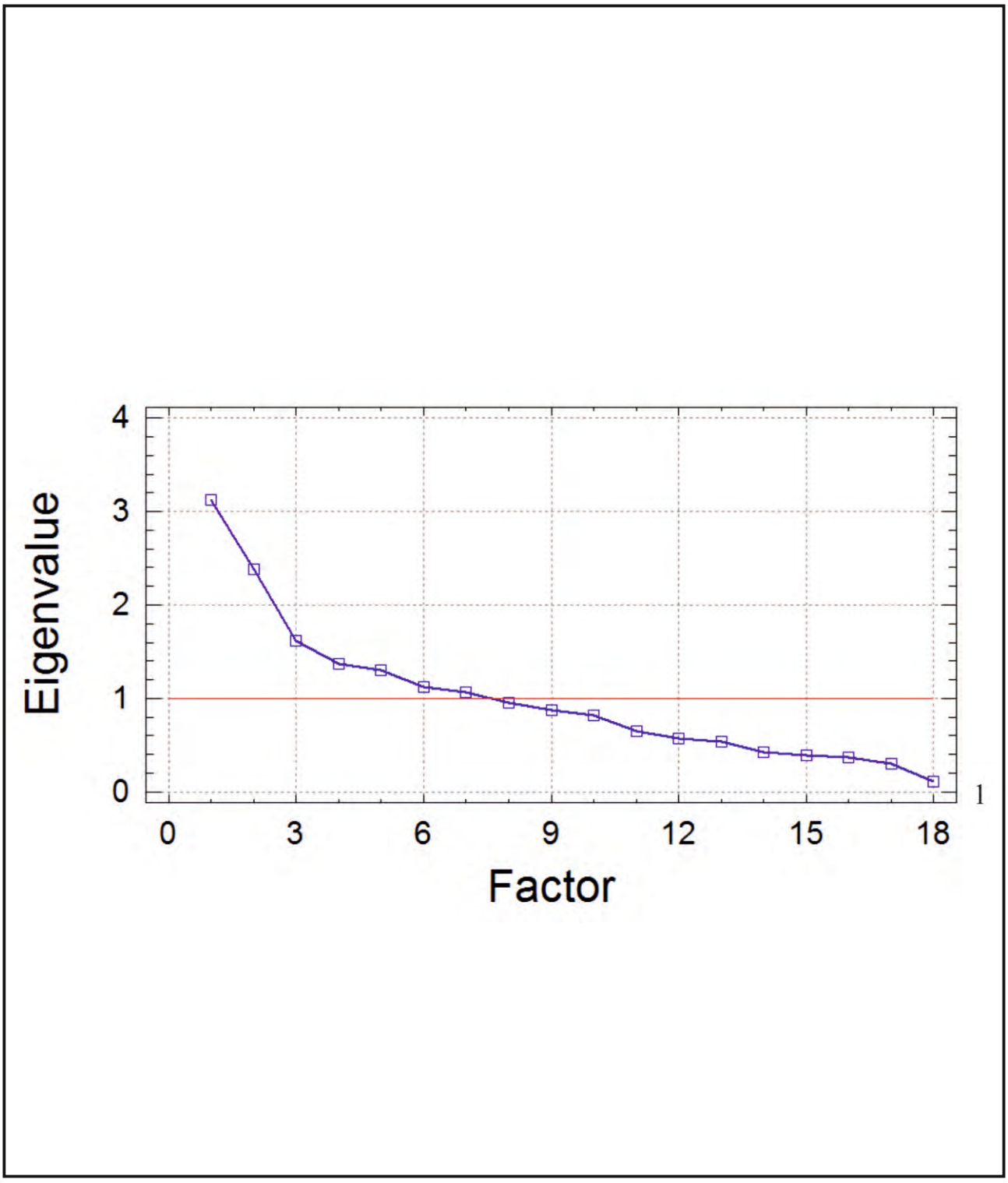


Рис. 117. Социальная стратификация погребений. 1 - графическое отображение результатов факторного анализа мужских погребений из курганных могильников конца XII-XIII вв.

Признак \ Фактор	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6	Factor 7
accompaining interment	0,0626809	0,776158	0,158111	0,0901339	0,0139638	0,153918	0,17222
nachelnic	0,0289592	0,0669231	-0,0852124	0,0322654	0,0670202	-0,0341689	0,824109
bridle	0,181872	-0,0981463	0,0997699	0,647544	-0,300438	0,00538062	0,457569
saddle	-0,0639346	0,148306	-0,00428608	0,829051	0,0994713	-0,0982182	-0,07359
stirrup	0,644007	0,521436	-0,0562977	0,0158549	-0,310202	-0,165232	0,139223
bit	0,548859	0,566367	-0,0538199	-0,23215	-0,323287	-0,09888	0,087183
bow	0,141203	0,449453	0,0805312	0,499962	0,0832937	0,446995	-0,12887
quiver	0,0188171	0,72915	-0,117989	0,136431	0,133951	0,0470424	-0,18395
arrowhead	0,660864	0,181858	-0,131524	0,155034	0,307378	0,122464	0,131127
sabre	0,448864	0,0893305	-0,108158	0,0811549	0,097995	-0,117151	-0,47908
helmet	-0,0711678	0,0578032	-0,207268	-0,0589708	0,0407712	0,615579	-0,03397
hauberk	0,132801	0,0772702	0,336329	0,0137257	-0,00978837	0,733395	0,107065
scabbard	-0,00160492	0,236169	0,150088	0,212706	0,572273	-0,00476799	-0,21087
knife	-0,385635	0,115033	0,540512	0,0679828	0,350136	0,182152	-0,13056
sickle	0,765165	-0,0789833	0,0727551	-0,03309	-0,0688465	0,11756	-0,14213
hone	0,0634954	-0,110327	0,860441	-0,0516105	-0,0970777	0,0395626	-0,03223
amphora	-0,158889	0,230606	0,565184	0,267564	0,174929	-0,36343	0,090196
glass vessel	-0,00681101	0,121728	0,0525275	0,134483	-0,809703	-0,0129062	-0,14669

Рис. 118. Социальная стратификация погребений. 1 - матрица результатов факторного анализа мужских погребений из курганных могильников конца XII-XIII вв.

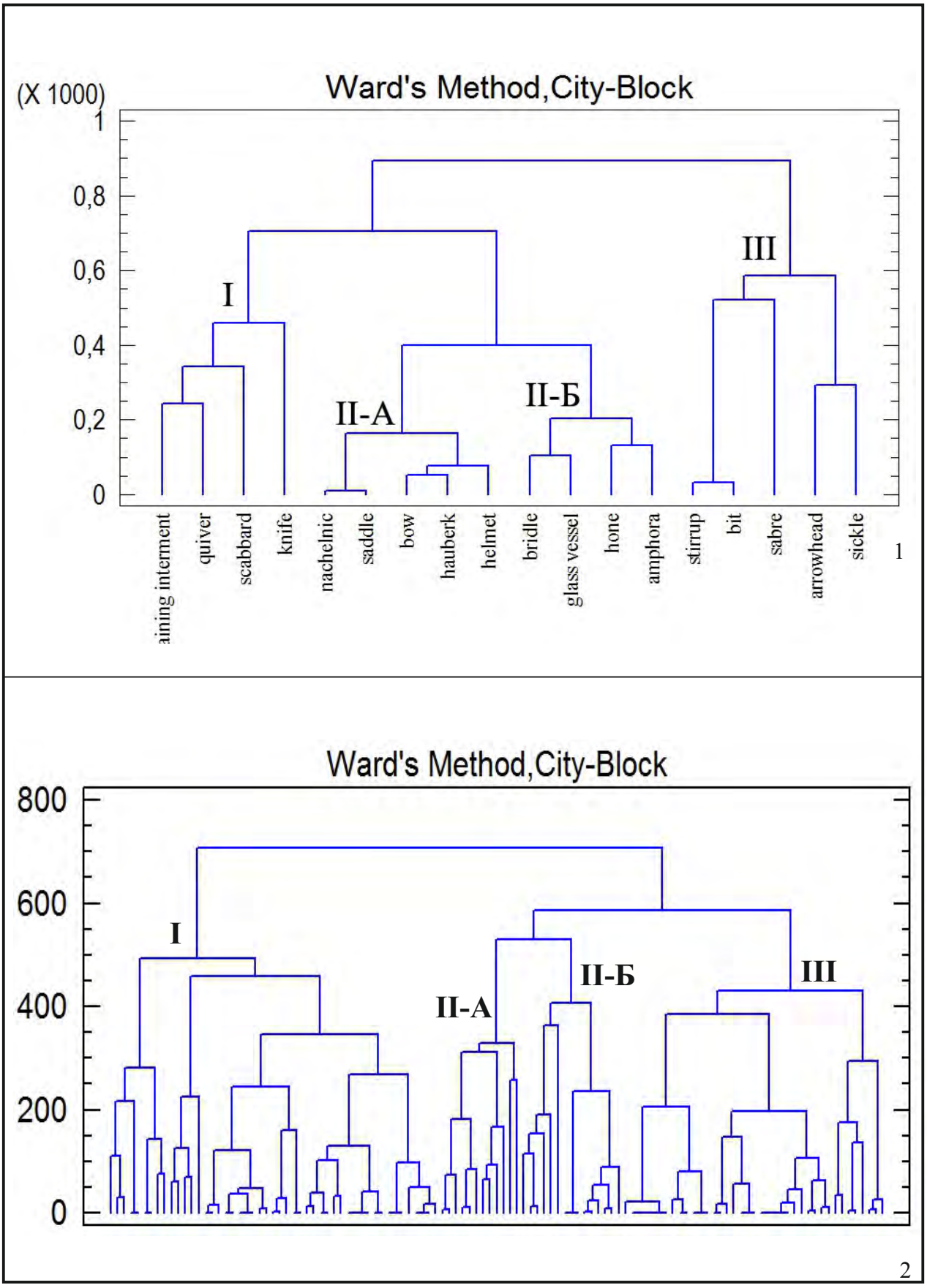


Рис. 119. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - группировка мужских подкурганных кремационных погребений по 18 признакам

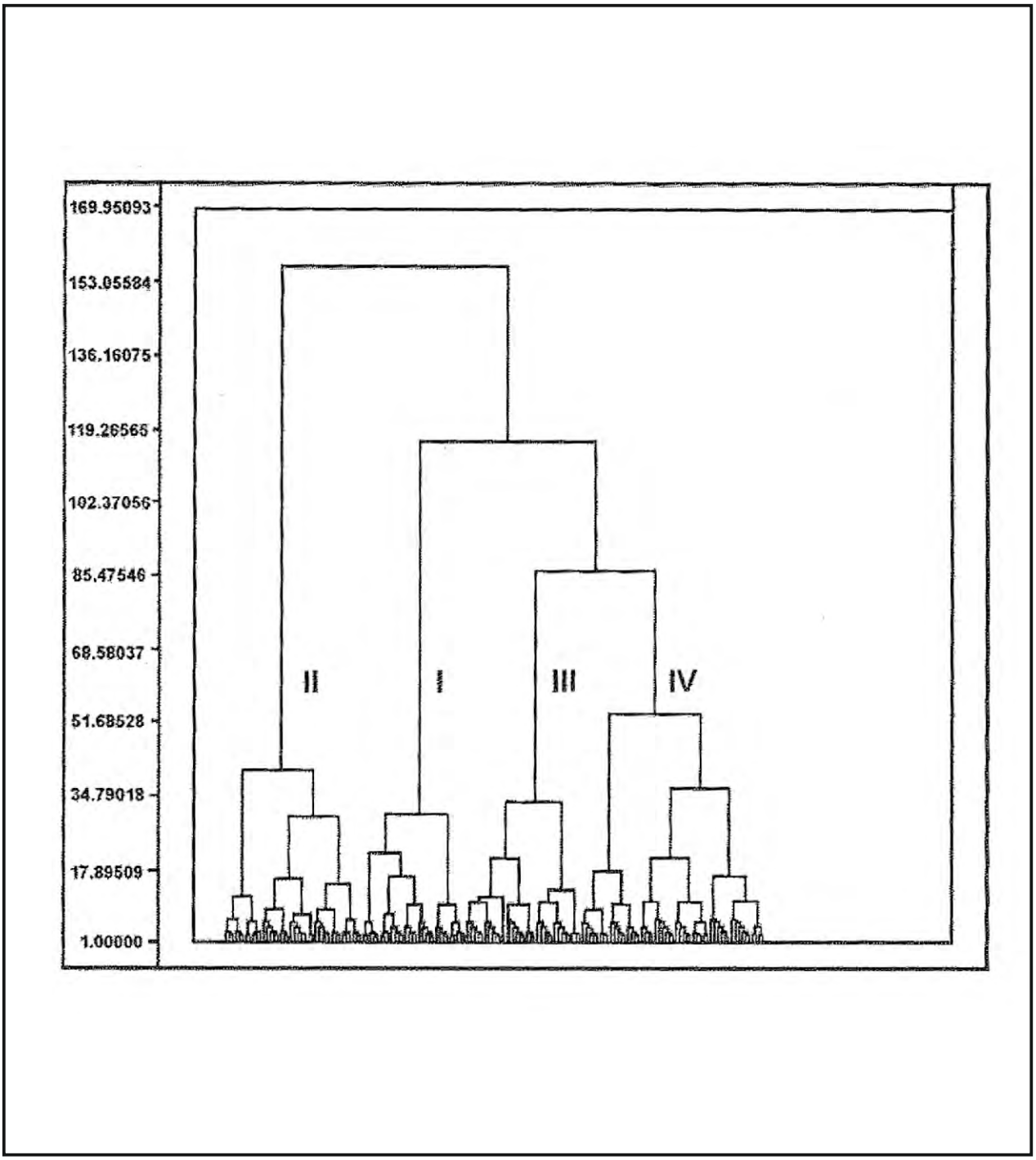


Рис. 120. Социальная стратификация погребений. 1 - группировка мужских половецких погребений (по Атавин, 2008)

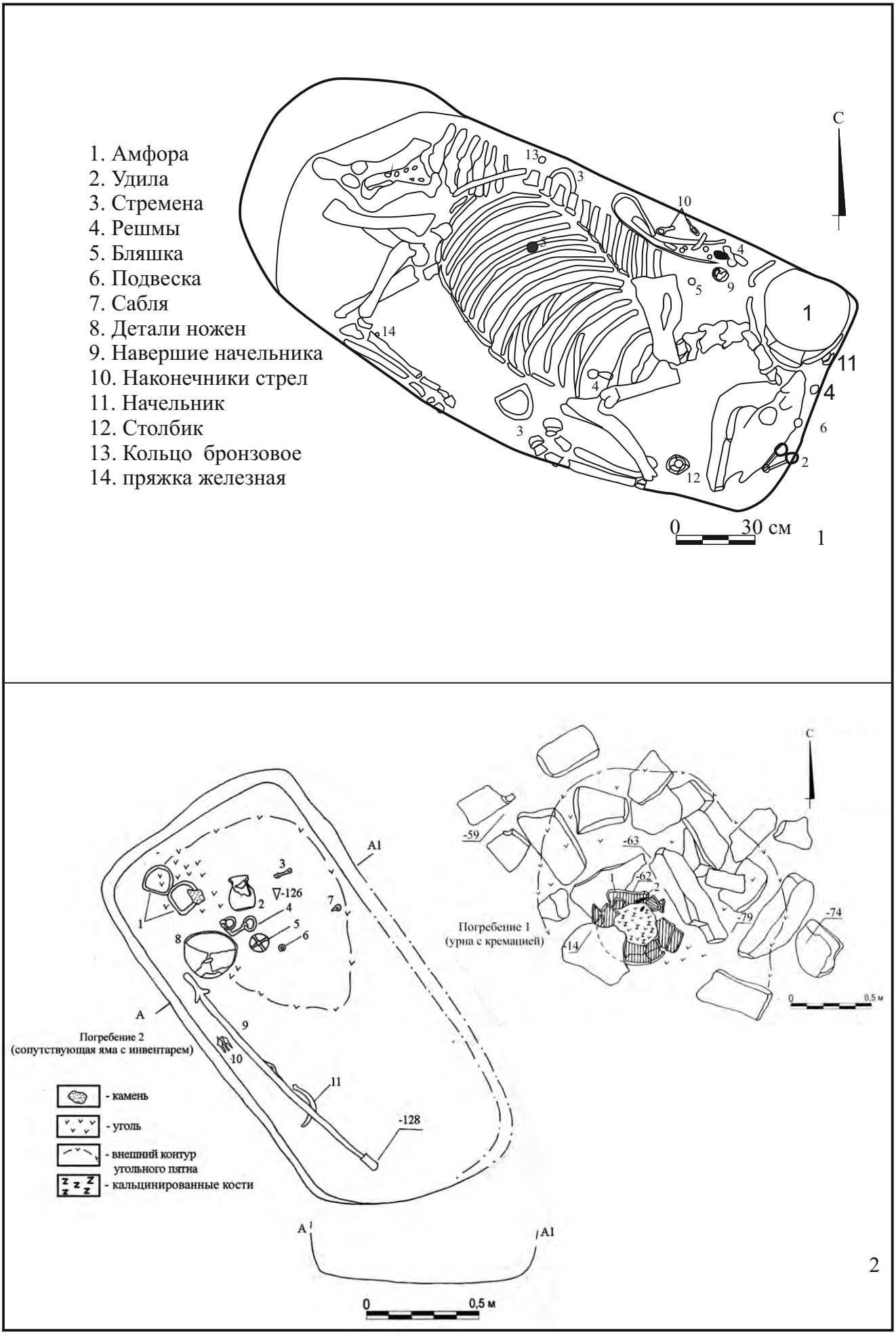
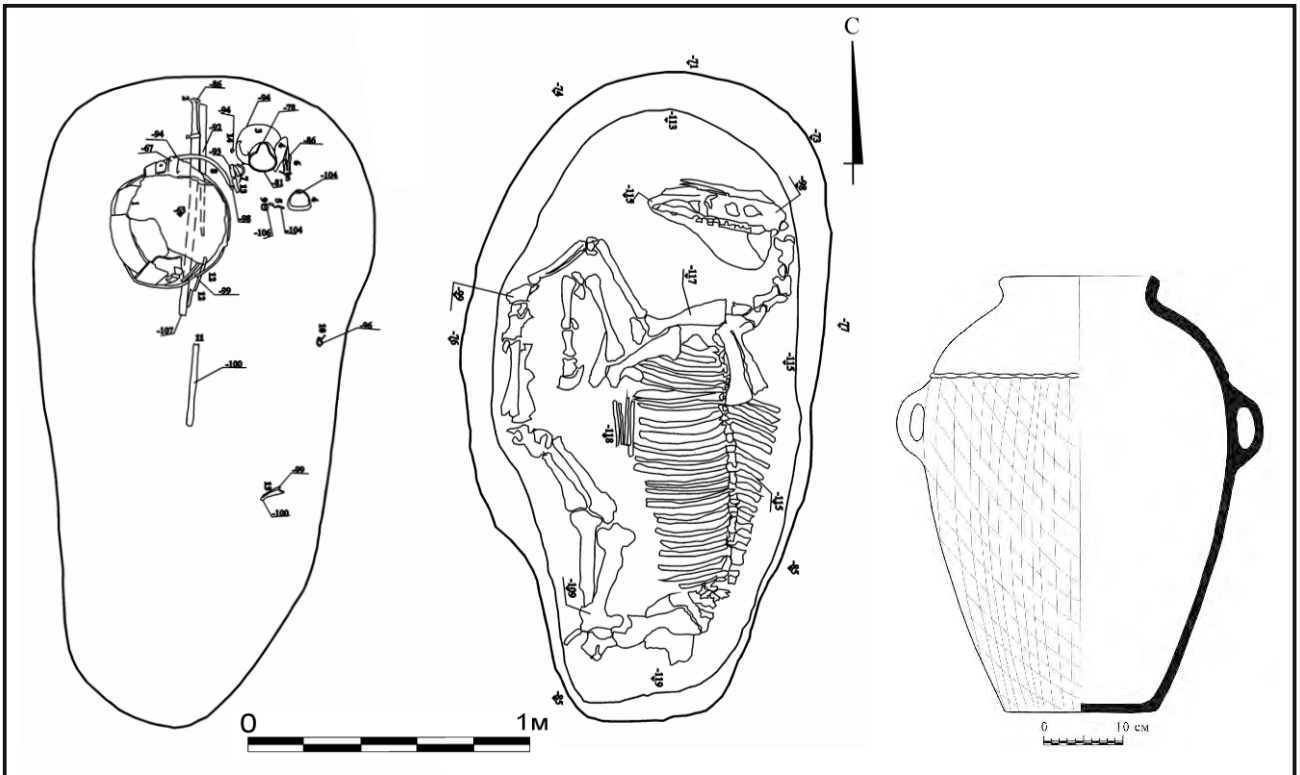
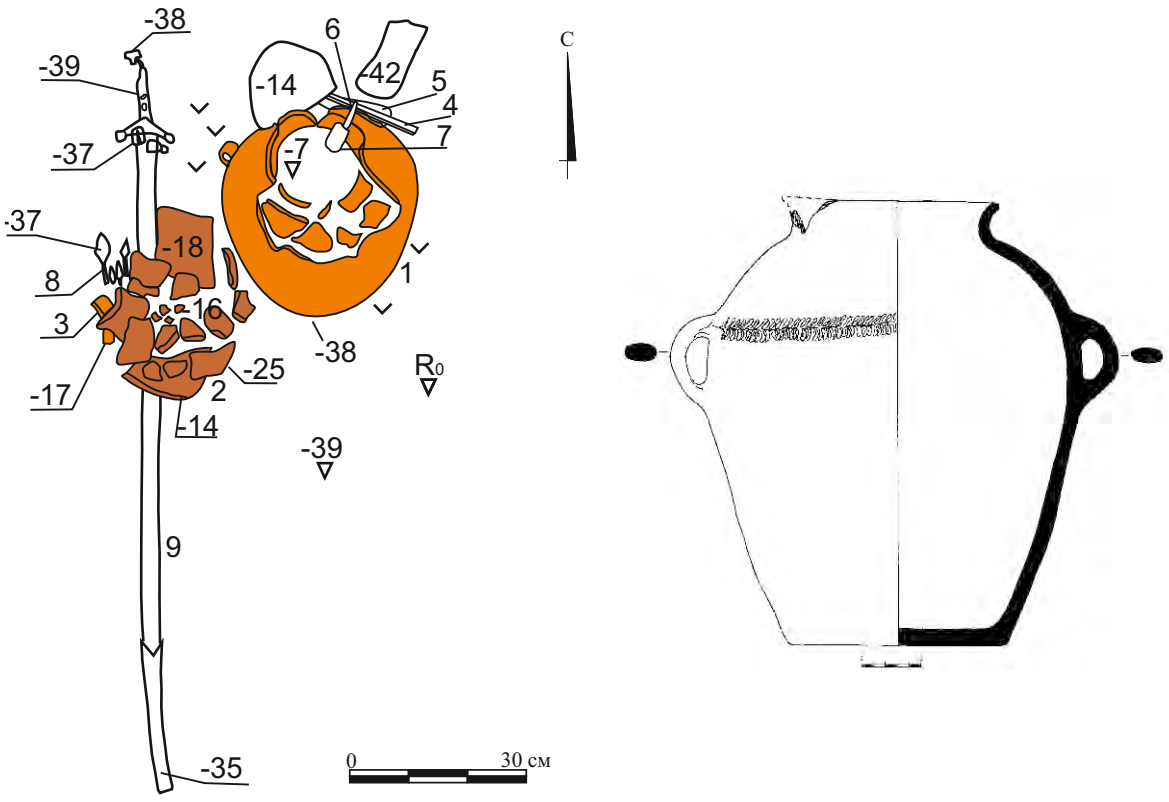


Рис. 121. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 1 ранга из подкурганных могильников конца XII-XIII вв.1 - план погребения из кургана 5 могильника Сапун. 2 - погребение 1 и 2, курган 2 могильник Шебш 1



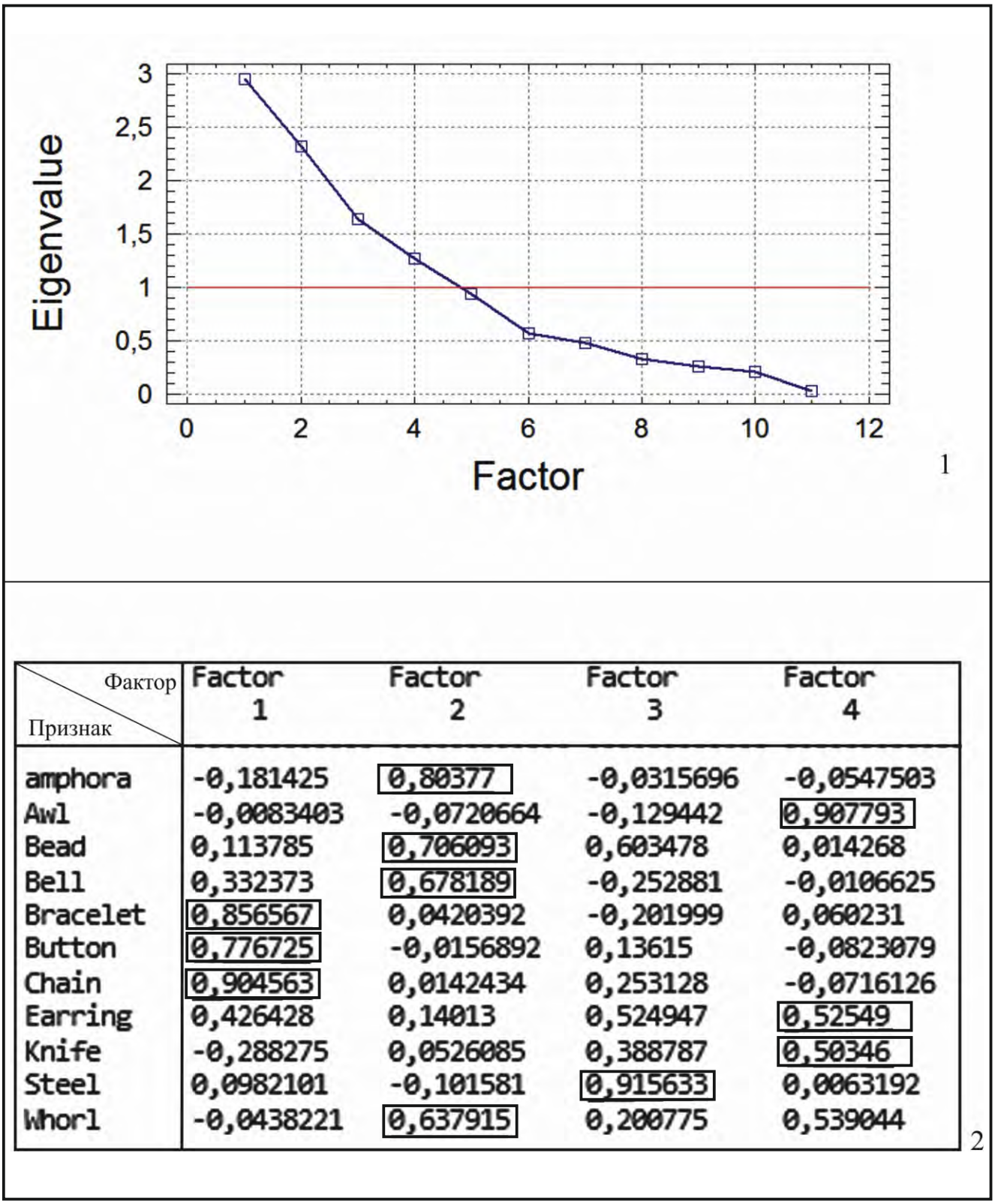
1-урна;
2-сабля;
3-кувшин;
4-стремена;
5-колчанные петли;
6-наконечники стрел (3 экз.);
7-удила;
8-серп;
9-пряжка от колчана;
10-пряжка железная;
11-наконечник ножен сабли;
12-накладки костяные на лук;
13-костяные фрагменты футляра от серпа;
14-колечко бронзовое.

1



2

Рис. 122. Социальная стратификация погребений. Мужские погребения 2 ранга (1) и 3 ранга (2)1 ранга из подкурганных могильников конца XII-XIII вв. 1 - могильник Шизе IV, к.188, п. 3; 2 - к 250, п. 1



1

Признак \ Фактор	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
amphora	-0,181425	**0,80377**	-0,0315696	-0,0547503
Awl	-0,0083403	-0,0720664	-0,129442	**0,907793**
Bead	0,113785	**0,706093**	0,603478	0,014268
Bell	0,332373	**0,678189**	-0,252881	-0,0106625
Bracelet	**0,856567**	0,0420392	-0,201999	0,060231
Button	**0,776725**	-0,0156892	0,13615	-0,0823079
Chain	**0,904563**	0,0142434	0,253128	-0,0716126
Earring	0,426428	0,14013	0,524947	**0,52549**
Knife	-0,288275	0,0526085	0,388787	**0,50346**
Steel	0,0982101	-0,101581	**0,915633**	0,0063192
Whorl	-0,0438221	**0,637915**	0,200775	0,539044

2

Рис. 123. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - результаты факторного анализа женских погребений из курганных могильников печенежско-половецкого этапа

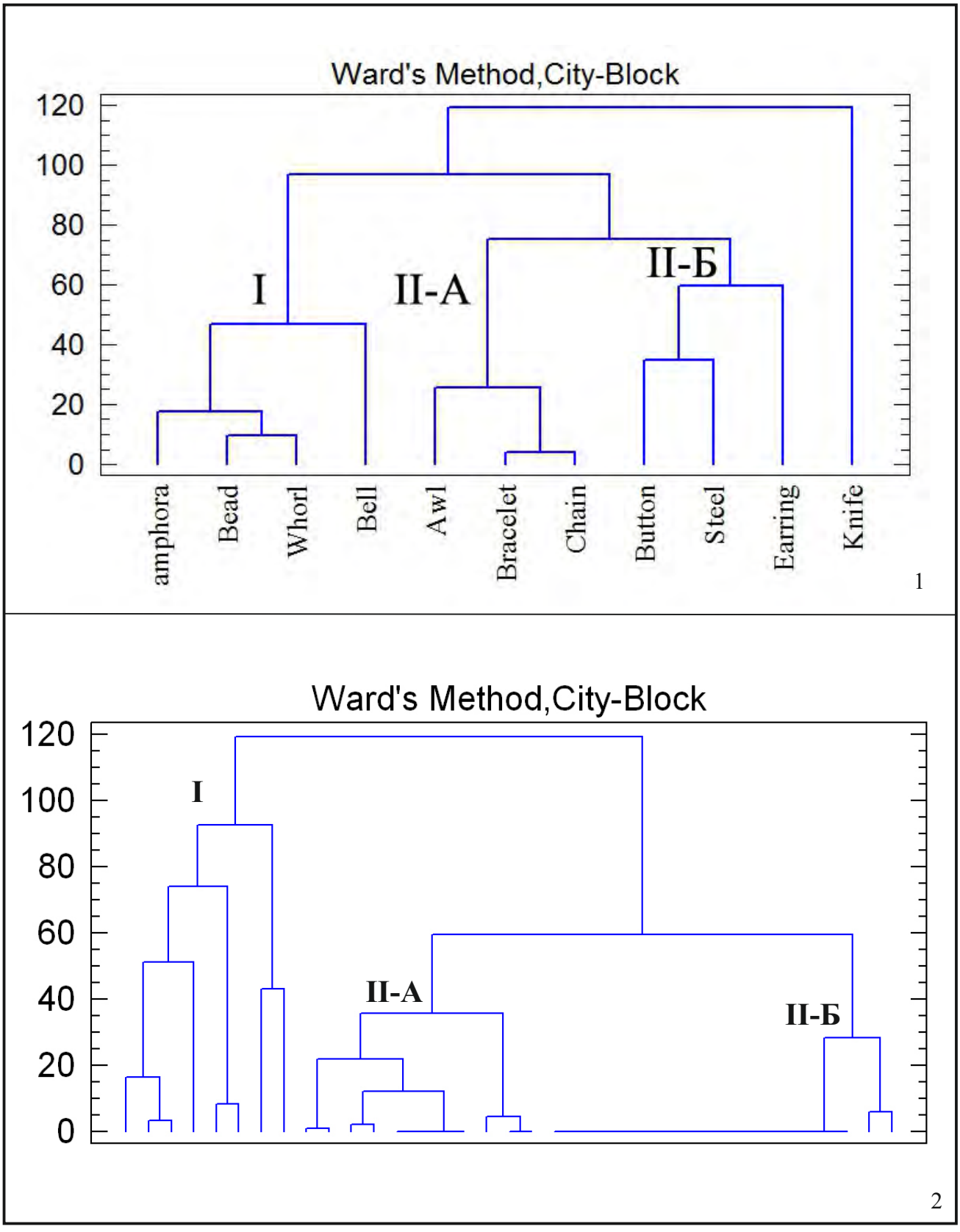


Рис. 124. Социальная стратификация погребений. 1, 2 - группировка женских подкурганных кремационных погребений по 11 признакам

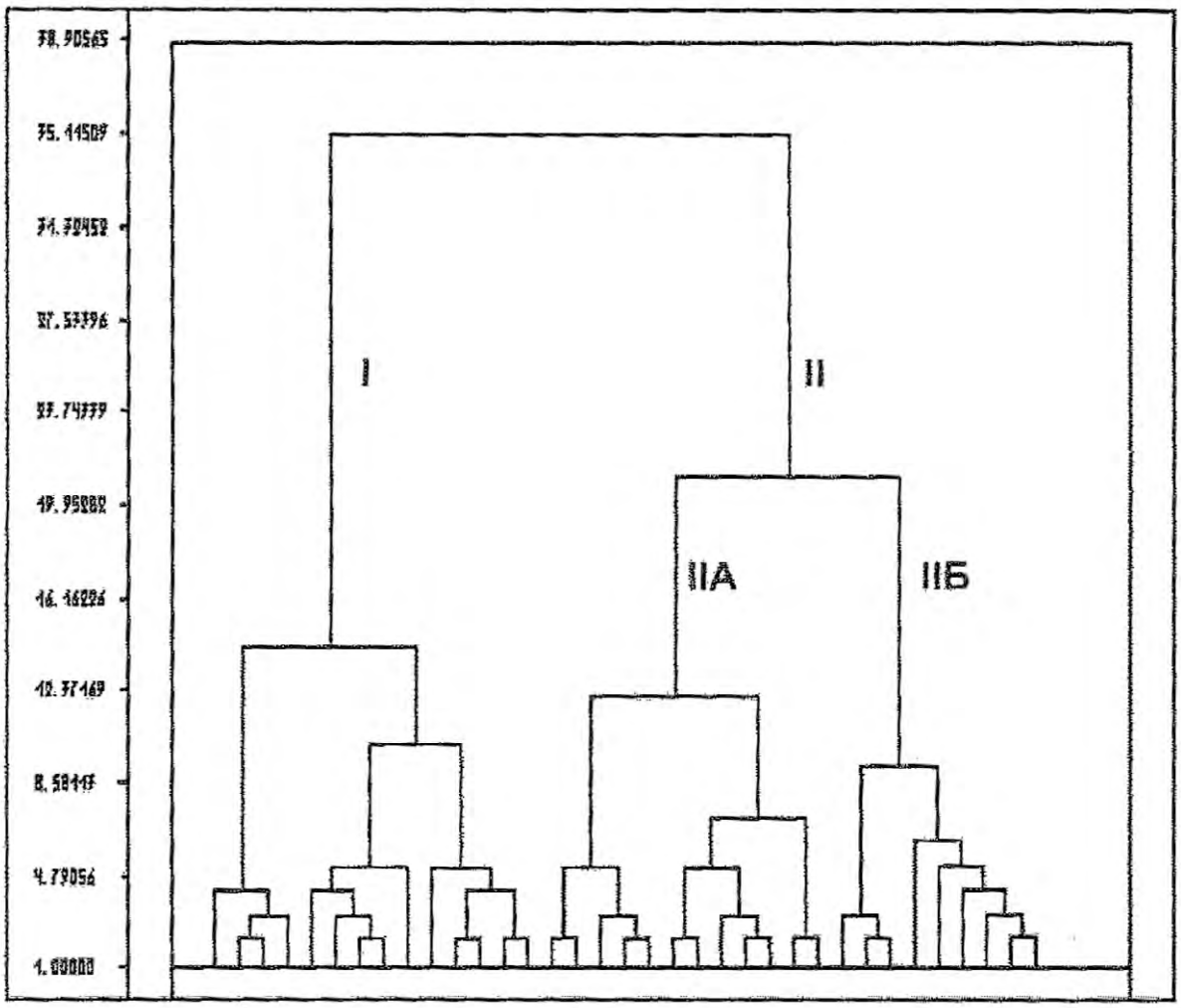


Рис. 125. Социальная стратификация погребений. 1- группировка женских половецких погребений (по Атавин, 2008)